

Аннотация

В 1991 году жанру детективного рассказа исполнилось 150 лет. Родоначальником его был Эдгар По, а стремительное развитие жанра в конце XIX - начале XX в. привело к появлению таких замечательных мастеров детектива, как А. Конан Дойл и Агата Кристи. В сборник «Загадка миссис Дикинсон» наряду с рассказами этих писателей вошли произведения Николаса Картера, Мориса Леблана, Олдоса Хаксли и других.

АРСЕН ЛЮПЕН – ДЖЕНТЛЬМЕН-ГРАБИТЕЛЬ

АРЕСТ АРСЕНА ЛЮПЕНА

Злосчастное плавание! Но как приятно оно началось! Признаться, никогда в жизни ни одно путешествие не сулило мне столько радости. «Прованс» – так назывался наш быстроходный, наш комфортабельный тихоокеанский лайнер. Командовал им милейший из людей. На борту собралось самое изысканное общество. Пассажиры завязывали новые знакомства, придумывали всякие развлечения. Нами овладело несказанно радостное ощущение оторванности от мира; казалось, это не корабль, а необитаемый остров, люди, оказавшись на нем в полной изоляции, неизбежно должны были сблизиться.

И мы сближались...

Думали ли вы когда-нибудь, каким необычным, непредсказуемым может оказаться подобное объединение людей: еще вчера они не знали друг друга, а теперь им предстояло прожить несколько дней в своем узком кругу, между бесконечным пространством неба и бескрайним морем, и вместе бросать вызов разгневанной океанской стихии, выдерживать ужасающий натиск волн и пугающее затишье дремлющих вод?

По сути это и есть жизнь, но как бы спрессованная в короткое трагическое действо, жизнь с ее необузданными страстями и величием, монотонностью и разнообразием; наверное, именно поэтому люди с такой лихорадочной

поспешностью стремятся насладиться коротким путешествием, особенно соблазнительным оттого, что конец его виден уже в начале.

Но в последние несколько лет происходит нечто такое, что придает какую-то странную окраску эмоциям, переживаемым во время рейса. Маленький плавучий остров сохраняет принадлежность тому миру, от которого, казалось, пассажиры освободились. Связь сохраняется, но в открытом океане она вдруг потихоньку ослабевает, а затем, также в открытом океане, понемногу крепнет. Беспроволочный телеграф, зов из другого мира! Ведь новости, поступающие оттуда, передаются таким загадочным способом! Воображение уже не в силах уцепиться за образ проводов, по которым скользит невидимое послание. И загадка кажется совсем неразрешимой, но вместе с тем очень поэтичной, так что для объяснения нового чуда приходится прибегать к сравнению его с крылатым ветром.

Таким образом, в первые часы мы чувствовали, как за нами следует, нас сопровождает, даже опережает далекий голос, время от времени нашептывающий кому-то из нас несколько слов из дальнего далека. Два друга поговорили со мной. Десять – двадцать других послали всем, сквозь разделяющее нас пространство, грустные или веселые прощальные весточки.

Но вот на второй день в пятистах милях от французских берегов, в грозовой послеобеденный час беспроводный телеграф передал телеграмму следующего содержания:

«На борту вашего судна находится Арсен Люпен, в первом классе, блондин, рана на правой руке, путешествует один, под именем Р...»

И в этот момент сильный удар грома потряс затянутое тучами небо. Произошло замыкание. Конец депеши до нас не дошел. Мы узнали только первую букву имени, под которым скрывался Арсен Люпен.

Если бы речь шла о любой другой новости, ничуть не сомневаюсь: телеграфисты, так же как вахтенный офицер и капитан корабля, скрыли бы эту тайну. Но бывают события, которых не утаишь даже при самой строгой конспирации. В тот же день, неизвестно каким образом, тайну разгласили, и все узнали, что знаменитый Арсен Люпен плывет на нашем корабле.

Арсен Люпен среди нас! Неуловимый грабитель, о подвигах которого все газеты шумят уже несколько месяцев! Загадочная личность, противник старины Ганимара, объявившего преступнику войну не на жизнь, а на смерть, войну, за ходом которой все следили с таким упоением!

Арсен Люпен, изобретательный грабитель и джентльмен, – он орудовал только в замках и салонах! – однажды ночью проник в особняк барона Шормана, но... ушел с пустыми руками, оставив, правда, визитную карточку, разукрашенную таким текстом: «Арсен Люпен, джентльмен-грабитель, вернется, когда мебель будет подлинной». Арсен Люпен – человек с тысячью масок: то он шофер, то тенор, то букмекер, а то... юноша из хорошей семьи, подросток, старик, коммивояжер из Марсея, русский врач, испанский тореадор!

Вы только представьте себе: Арсен Люпен разгуливает по палубам нашего теплохода, по довольно ограниченному пространству, – да что я говорю! – просто по пяточку, отведенному пассажирам первого класса, и в любую минуту

может появиться в столовой, в гостиной или курительной комнате! А вдруг вот тот господин и есть Арсен Люпен... или, к примеру, этот... мой сосед по столику или каюте...

– И это будет длиться еще пятеро суток! – воскликнула на следующий день мисс Нелли Андердаун. – Просто невыносимо! Я очень надеюсь, что его арестуют.

И, обратившись ко мне, спросила:

– Кстати, месье Андреси, вы ведь уже подружились с капитаном. Вам ничего не известно?

Как бы мне хотелось знать хоть немного, чтобы угодить мисс Нелли! Она была из тех чудных созданий, которые везде, где бы ни находились, сразу оказываются в центре внимания. Их красота в совокупности с богатством ослепляет. У них всегда есть свой двор, поклонники, воздыхатели.

Мисс Нелли выросла в Париже, у матери-француженки, а теперь ехала к отцу, богачу Андердауну из Чикаго. Сопровождала ее одна из подруг, леди Джерланд.

С самого начала я решил приударить за мисс Нелли. Но познакомившись поближе, что быстро происходит во время путешествия, был просто очарован; когда ее огромные черные глаза встречались с моими, я чувствовал такое сильное волнение, какого не бывает при обычном флирте.

Кстати, мои знаки внимания она принимала довольно благосклонно. Удостаивала улыбкой остроты и с интересом выслушивала анекдоты. Казалось, легкая симпатия была ответом на ревностное служение, которое я всячески демонстрировал ей.

Пожалуй, лишь один соперник мог внушать мне опа-

сения: это был довольно привлекательный, элегантный и сдержанный молодой человек, чью молчаливую сосредоточенность она, судя по всему, предпочитала своим парижским манерам, рассчитанным скорее на внешний эффект.

Когда мисс Нелли задала мне свой вопрос, молодой человек тоже находился среди окружавших ее воздыхателей. Мы сидели на палубе, удобно расположившись в креслах. Небо очистилось после вчерашней грозы. Погода была восхитительной.

– Ничего определенного я не знаю, мадемуазель, – ответил я, – но почему бы нам самим не провести расследование, как сделал бы это старина Ганимар, личный враг Арсена Люпена?

– О! Вы слишком самонадеянны!

– Отчего же? Разве это такое трудное дело?

– Очень трудное.

– Но вы забываете о сведениях, которыми мы располагаем для решения проблемы.

– Каких сведений?

– Во-первых, месье Люпен зовется месье Р.

– Довольно неопределенная деталь.

– Во-вторых, он путешествует один.

– Неужели это обстоятельство о чем-то говорит?

– В-третьих, он блондин.

– Ну и что?

– А то, что нам остается только просмотреть список пассажиров и вычеркнуть по очереди тех, кто вне подозрений.

Список этот лежал у меня в кармане. Я достал его и пробежал глазами.

– Прежде всего должен отметить, что на борту только тринадцать человек с инициалами, заслуживающими нашего внимания.

– Только тринадцать?

– В первом классе – да. Из этих тринадцати господ Р. девять, как вы можете убедиться, путешествуют в окружении женщин, детей и прислуги. Остается четверо одиноких пассажиров: маркиз де Равердан...

– Секретарь посольства, – перебила мисс Нелли, – я его знаю.

– Майор Роусон.

– Это мой дядя, – пояснил кто-то.

– Месье Ривольта...

– Здесь... – воскликнул один из присутствующих, итальянец, лицо которого утопало в бороде роскошнейшего черного цвета.

Мисс Нелли расхохоталась.

– Месье не совсем блондин.

– Тогда, – продолжил я, – мы вынуждены заключить, что виновный стоит последним в списке.

– То есть?

– Это месье Розен. Кто-нибудь знает, кто такой месье Розен?

Все молчали. Но мисс Нелли, обратившись к молчаливому молодому человеку, чье настойчивое внимание к ней задевало меня, спросила:

– Ну же, месье Розен, почему вы не отвечаете?

Взгляды присутствующих обратились к нему. Он был белокур.

Признаюсь честно, я почувствовал, как что-то оборва-

лось у меня внутри. Но смущенное молчание, нависшее над нами, подсказало мне, что и другие свидетели этой сцены испытывали то же ощущение подавленности. Между прочим, все это выглядело абсурдным, ибо в конце-то концов ничто в поведении этого господина не вызывало и тени подозрений.

– Почему я не отвечаю? – произнес он. – Но именно потому, что, сопоставив свое имя, положение одинокого путешественника и цвет волос, я уже провел аналогию и пришел к тому же выводу. Полагаю, меня следует арестовать.

Произнося эти слова, он странно изменился в лице. Его узкие губы, две несгибаемые линии, сузились еще больше и побледнели. Глаза прорезали красные прожилки.

Разумеется, он шутил. Однако его лицо, поза произвели на нас большое впечатление. Мисс Нелли простодушно спросила:

– Но у вас ведь нет раны?

– Действительно, – сказал он, – раны недостает.

Нервным жестом он завернул манжет и обнажил руку. И тут же меня осенило. Глаза мои встретились с глазами мисс Нелли; он показал левую руку.

Клянусь вам, я уже собирался совершенно определенно высказаться по этому поводу, как вдруг другое событие отвлекло наше внимание. Запыхавшись, прибежала леди Джерланд, подруга мисс Нелли.

Она выглядела потрясенной. Мы сбились в кучу вокруг нее, но только сделав над собой усилие, девушка пролепетала:

– Мои драгоценности, жемчуг!.. Все пропало!..

Нет, как мы узнали позже, взяли не все, и самое любопытное – брали с разбором!

Бриллиантовую звезду, кулон с рубиновым кабошоном; из разбитых коле и браслетов были извлечены камни, но не самые крупные, а самые изысканные, дорогие, то есть именно те, что при максимальной стоимости были минимальны по размеру. Оправы лежали тут же, на столе. Я увидел – все мы увидели – эти оправы, утратившие драгоценное содержание и ставшие похожими на цветы с оборванными красивыми лепестками, сверкавшими и переливавшимися прежде.

И чтобы проделать всю эту операцию в тот час, когда леди Джерланд пила чай, то есть среди бела дня, понадобилось всего-навсего взломать дверь каюты в людном коридоре, найти маленький мешочек, предусмотрительно спрятанный в шляпную коробку, развязать его и выбрать то, что надо!

Все мы ахнули в один голос. А когда о краже стало известно другим пассажирам, сложилось единое мнение: это Арсен Люпен. И действительно, то был его ухищренный, таинственный, немыслимый... и вместе с тем логичный почерк: если бы он взял драгоценности целиком, то получилась бы внушительная кучка, которую нетрудно обнаружить, но насколько легче было спрятать разрозненные крохотули: жемчуг, изумруды, сапфиры!

За обедом произошло следующее: справа и слева от Розена опустели два места. А вечером стало известно, что его вызвал капитан.

Арест молодого человека никого не удивил и принес подлинное облегчение. Наконец-то можно было вздохнуть.

В тот вечер мы развлекались понемногу. Танцевали. Мисс Нелли особенно бурно веселилась, и это убедило меня в том, что, хотя знаки внимания со стороны Розена были ей прежде приятны, теперь она о нем не вспоминала. Изящество девушки окончательно покорило меня. Около полуночи, при ясном свете луны, я клялся ей в своей преданности с волнением, которое, судя по всему, не было ей безразлично.

Но на следующий день, ко всеобщему изумлению, обнаружилось, что обвинения, выдвинутые против Розена, были несостоятельны и его освободили.

Розен, сын крупного коммерсанта из Бордо, представил документы, которые оказались в абсолютном порядке. Кроме того, на его руках не оказалось никаких следов раны.

– Документы! Свидетельства о рождении! – восклицали противники Розена. – У Арсена Люпена их сколько угодно! Что же касается раны, ее у него просто не было... или он сумел свести следы!

Им возражали: дескать, в момент кражи Розен – это было подтверждено – прогуливался по палубе. На что они отвечали:

– Когда человек породы Арсена Люпена совершает кражу, ему не обязательно присутствовать при этом...

Ведь если отбросить все остальные доказательства, существовал один пункт, который даже самые отпетые скептики не могли опровергнуть. Кто, кроме Розена, путешествовал в одиночку, был белокур и носил фамилию, начинавшуюся на букву Р? Так на кого же указывала телеграмма, если не на Розена?

И когда за несколько минут до завтрака Розен храбро устремился к нашей группе, мисс Нелли и леди Джерланд встали и ушли.

Они просто-напросто испугались.

Через час обслуживающий персонал, матросы, пассажиры всех классов уже читали и передавали друг другу рукописный документ: месье Луи Розен обещал десять тысяч франков тому, кто разоблачит Арсена Люпена или обнаружит похитителя драгоценностей.

«И если никто не придет мне на помощь и не выступит против этого бандита, – заявил Розен капитану, – я сам с ним разделаюсь».

Розен против Арсена Люпена, или, как сострил кто-то, Арсен Люпен против самого себя – такая схватка не лишена интереса!

Продлилась она два дня.

Все видели, как Розен мечется во все стороны, подходит к обслуживающему персоналу, спрашивает, рыщет. А ночью бродит по палубе, как черная тень.

Капитан тоже развернул бурную деятельность. «Прованс» осмотрели снизу доверху, обшарили все углы. Обыскали все без исключения каюты под вполне разумным предлогом, что ворованные вещи наверняка спрятаны где угодно, но не в каюте преступника.

– В конце концов что-нибудь да обнаружат, не так ли? – спрашивала меня мисс Нелли. – Каким бы колдуном ни был этот Люпен, ему не удастся сделать бриллианты и жемчуга невидимыми.

– Ну конечно, – отвечал я, – в таком случае нам бы следовало заглянуть за подкладки наших шляп, пиджаков, осмотреть все, что на нас надето.

И показав на мой «Кодак», которым я без конца фотографировал ее в разнообразнейших позах, добавил:

– Даже в аппарате величиной не больше этого хватило бы места для всех драгоценных камней леди Джерланд, вы согласны? Достаточно притвориться, что снимаешь, и дело в шляпе.

– Однако я слышала, что не бывает воров, не оставляющих никаких следов.

– Такой только один: Арсен Люпен.

– Как ему это удается?

– Как? Он всего-навсего продумывает не только предстоящую кражу, но и все обстоятельства, которые могут выдать его.

– Вначале вы больше верили в успех.

– Но ведь теперь я видел его в деле.

– И что же, по-вашему, будет?

– По-моему, мы зря тратим время.

И действительно, поиски не дали никаких результатов, а если и дали, то полученный итог – исчезли часы капитана – не имел отношения к всеобщим усилиям.

Разъяренный капитан удвоил рвение, еще пристальнее стал следить за Розеном и несколько раз вызывал его на беседы. На следующий день – ирония судьбы – часы были обнаружены среди пристяжных воротничков его старшего помощника.

История с часами была похожа на фокус и явно выдавала шуточные повадки Арсена Люпена, грабителя, конечно, но грабителя, действовавшего из любви к искусству. Бесспорно, воровал он по призванию, но бывало и ради развлечения. Создавалось впечатление, что этот господин

забавляется, присутствуя на представлении пьесы, которую сам поставил, и, стоя за кулисами, хохочет во все горло, наслаждаясь остротами и мизансценами, придуманными им самим.

Определенно он был в своем жанре артистом, и я, глядя на мрачного и непреклонного Розена, думая о той двойной роли, которую, без сомнения, играл этот удивительный человек, не мог говорить о нем без некоторого восхищения.

Однако позавчера ночью вахтенный офицер услышал, как кто-то стонет в самом темном углу палубы. Приблизился. Перед ним лежал человек; голова его была замотана толстым серым шарфом, запястья связаны тонкой веревкой.

Несчастливого освободили от пут. Подняли, оказали помощь.

И выяснилось, что это Розен.

Да, Розен, на которого напали во время одной из его ночных экспедиций, свалили с ног и обобрали. На визитной карточке, приколотой булавкой к его одежде, было написано:

«Арсен Люпен с благодарностью принимает десять тысяч франков от месье Розена».

На самом деле в украденном бумажнике лежали не десять, а двадцать купюр по тысяче франков.

Естественно, беднягу обвинили в том, что он разыграл это нападение, то есть напал сам на себя. Но помимо того, что самому так связать себя невозможно, примечательным было другое: почерк на карточке совершенно не похож на

почерк Розена, и более того, очень напоминает – просто не отличишь – почерк Арсена Люпена, воспроизведенный в найденной на борту старой газете.

Итак, Розен больше не был Арсеном Люпеном. Розен опять стал Розеном, сыном торговца из Бордо! А присутствие Арсена Люпена подтвердилось в очередной раз, да еще каким ужасным образом!

Началась паника. Пассажиры не решались теперь оставаться по одному в каюте и тем более не отваживались гулять в слишком уединенных местах. Потихоньку люди стали группироваться по принципу взаимного доверия. Но в то же время инстинктивная настороженность разделяла ближайших друзей. Потому что угроза уже исходила не от какой-то одной, оказавшейся под подозрением и, следовательно, не столь уж опасной личности. Теперь Арсеном Люпеном... стал каждый. Наше до предела взбудораженное воображение приписывало ему чудесное и безграничное могущество. Полагали, что он способен принимать самые неожиданные обличья, по очереди быть почтенным майором Роусоном или благородным маркизом Раверданом и даже – поскольку разоблачительная буква Р теперь уж никому не мешала думать по-своему – любым другим пассажиром, имеющим жену, детей и прислугу.

Первые беспроволочные депеши не добавили ничего нового. Во всяком случае капитан помалкивал, и это молчание далеко не способствовало нашему спокойствию.

Вследствие чего последний день показался нам бесконечным. Мы жили в тревожном ожидании несчастья. На сей раз это будет уже не кража и не просто нападение, а настоящее преступление – убийство. Никто не мог допу-

стить, что Арсен Люпен ограничится двумя ничтожными кражами. Безраздельно господствуя на судне, где деятельность властей сведена к нулю, он, стоило ему захотеть, мог все себе позволить, мог распорядиться богатством и жизнью пассажиров, как заблагорассудится.

Для меня, признаться, это было восхитительное время, так как в эти часы мисс Нелли начала мне доверять. Взмолвленная столькими событиями, она инстинктивно искала защиты, безопасности, и я счастлив был их ей предоставить.

В глубине души я благословлял Арсена Люпена. Разве не он сблизил нас? И разве не ему я обязан тем, что приобрел право витать высоко в облаках на крыльях красивой мечты? Мечты о любви и мечты более прозаической, зачем скрывать? Андреси – достойный пуатвинский род, но их герб поутратил позолоту, и мне кажется, нет ничего недостойного в том, что некий джентльмен желает вернуть этой фамилии утраченный блеск.

Я чувствовал: мои мечты ничуть не оскорбили бы мисс Нелли. Ее улыбающиеся глаза позволяли мне так думать. А мягкий голос внушал надежду.

До последней минуты мы стояли рядом, опершись на борт, а кромка американских берегов плыла нам навстречу.

Обыски были прекращены. Оставалось лишь ждать. Все пассажиры, и в первом классе, и на нижней палубе, кишасей эмигрантами, предвкушали минуту торжества, когда, наконец, объяснится неразрешимая загадка. Кто был Арсеном Люпеном? Под каким именем, под какой маской скрывается знаменитый грабитель?

И эта высочайшая минута наступила. Проживи я и до

ста лет, никогда не забуду ни одной ничтожной подробности этого момента.

— Как вы бледны, мисс Нелли, — сказал я своей спутнице, которая в полном изнеможении оперлась на мою руку.

— А вы! — ответила мне она. — Вы так переменялись в лице!

— Ничего удивительного! Я так счастлив, что переживу эти волнующие мгновения вблизи вас, мисс Нелли. Мне кажется, что и вы когда-нибудь вспомните...

Тяжело дыша от лихорадочного возбуждения, она не слушала меня. Мостик опустился. Но прежде чем нам разрешили свободно ступить на него, на борт поднялась группа людей: таможенники, люди в униформе, почтовые служащие.

— Если окажется, что Арсен Люпен сбежал во время плавания, я не удивлюсь, — прошептала мисс Нелли.

— Быть может, он предпочел смерть бесчестьем и потонул в атлантической пучине, чтобы не подвергаться аресту.

— Не смейтесь, — сердито сказала она.

Но вдруг я задрожал. Она спросила меня, что случилось, и я ответил:

— Посмотрите на того маленького старичка, что стоит в конце мостика...

— С зонтиком и в сюртуке оливкового цвета?

— Это Ганимар.

— Ганимар?

— Да, знаменитый сыщик, поклявшийся арестовать Арсена Люпена лично. О! Я понимаю, что до этого берега океана сведения еще не дошли, и Ганимар приехал раньше.

Он очень не любит, когда кто-нибудь вмешивается в его делишки.

– Значит, преступник наверняка будет пойман?

– Кто знает! Ганимар, кажется, никогда не видел Люпена без грима и переодетым. Если только ему не известно его вымышленное имя...

– О! – произнесла она с безжалостным женским любопытством, – как бы мне хотелось присутствовать при его аресте!

– Немного терпения. Конечно, Арсен Люпен уже заметил присутствие своего врага. Он постарается выйти одним из последних, когда глаз старика уже устанет.

Высадка началась. Опершись на свой зонтик, с виду абсолютно индифферентный Ганимар вроде бы не обращал внимания на толпу, суетившуюся между перилами. Я заметил, что вахтенный офицер, стоя сзади него, давал время от времени пояснения.

Маркиз де Равердан, майор Роусон, итальянец Ривольта продефилировали мимо меня, затем пошли другие, много других... и я увидел, что ко мне приближается Розен.

Бедный Розен! Он, кажется, так и не оправился от своих злоключений!

– Может быть, это все-таки он, – сказала мне мисс Нелли. – Как по-вашему?

– Я думаю, что было бы очень интересно запечатлеть на одной фотографии Ганимара и Розена. Возьмите мой аппарат, я слишком нагружен.

Я протянул ей мой «Кодак», но слишком поздно, она не успевала сделать снимок. Розен уже прошел. Офицер наклонился к уху Ганимара, тот слегка пожал плечами, и Розен проследовал дальше.

Бог ты мой, кто же тогда Арсен Люпен?

– Да, – громко сказала она, – кто же он?

Осталось не более двадцати человек. Она поочередно оглядела их, втайне опасаясь, что он окажется среди них.

– Дальше ждать мы не можем, – обратился я к ней.

Мисс Нелли пошла вперед. Я – за ней. Мы не сделали и десяти шагов, а Ганимар уже преградил нам дорогу.

– В чем дело? – воскликнул я.

– Минуточку, месье, вы ведь не торопитесь?

– Я сопровождаю мадемуазель.

– Минуточку, – повторил он более властным тоном.

Ганимар очень внимательно изучил мое лицо, затем, глядя мне прямо в глаза, спросил:

– Арсен Люпен, не так ли?

Я расхохотался:

– Нет, всего-навсего Бернар д'Андреzi.

– Бернар д'Андреzi умер три года назад в Македонии.

– Если бы Бернар д'Андреzi умер, меня бы тоже не было на этом свете. Однако я здесь. Вот мои документы.

– Да, это его документы. И я с удовольствием расскажу, как они к вам попали.

– Вы с ума сошли! Арсен Люпен плыл на теплоходе под фамилией, начинающейся с буквы Р.

– Да, еще одна ваша уловка, ложный след, по которому вы всех там пустили! О! Вы очень сильный противник, дружище. Но на этот раз удача изменила вам. Ну же, Люпен, докажите, что вы настоящий игрок.

Секунду я колебался. Резко повернувшись, Ганимар задел мою правую руку. Я вскрикнул от боли. Он разбедрил еще не зажившую рану, о которой говорилось в те-

леграмме. Что ж, надо было смириться. Я повернулся к мисс Нелли. Она слушала, прозрев наконец и еле держась на ногах.

Ее взгляд встретился с моим, затем опустился на «Кодак», который я ей передал. Она быстро отвернулась, и мне показалось, я был почти уверен, что она поняла. Да, все находилось там, между узкими мехами из черной кожи, внутри маленького аппарата, который я предусмотрительно вручил ей до того, как Ганимар арестовал меня, именно в нем были спрятаны двадцать тысяч франков Розена, а также жемчуга и бриллианты леди Джерланд.

О! Клянусь, в тот торжественный момент, когда Ганимар и двое его помощников обступили меня, все вокруг стало мне безразлично, за исключением одного: как поступит мисс Нелли с сокровищем, которое я ей доверил.

Я совсем не боялся того, что в ее руках очевидная и неопровержимая улика против меня, и думал лишь о том, решится ли мисс Нелли предъявить ее?

Неужели она предаст меня, станет орудием расправы надо мной? Неужели поведет себя как враг, который не умеет прощать, или же останется женщиной, и в память о том, что было между нами, смягчит свое презрение долей снисходительности и невольной симпатии?

Когда она проходила мимо, я очень низко склонился перед ней, не произнеся ни слова. Смешавшись с толпой других пассажиров, мисс Нелли направилась к мостику, держа мой «Кодак» в руке.

Конечно, думал я, она не решается отдать его на глазах у всех. А через час или через минуту сделает это.

Но дойдя до середины мостика, девушка, притворив-

шись, что споткнулась, уронила фотоаппарат в воду между гранитом набережной и бортом судна.

И я увидел, как она удаляется.

Красивый силуэт мисс Нелли затерялся в толпе, мелькнул еще раз и исчез. Все было кончено, кончено навсегда.

Опечаленный и растроганный, я с минуту стоял неподвижно, затем, к великому удивлению Ганимара, со вздохом сказал:

– Как же все-таки плохо быть нечестным человеком...

Вот так однажды зимним вечером Арсен Люпен изложил мне историю своего ареста. Благодаря случайным происшествиям, которые я когда-нибудь опишу, между нами установилась некая связь... могу ли я назвать ее дружбой? Да, смею думать, что Арсен Люпен испытывает ко мне дружеские чувства и именно как друг приходит ко мне без предупреждения; с его приходом в тишину моего рабочего кабинета врывается молодой задор, отголоски увлекательной жизни, хорошее настроение, как будто этому человеку судьба дарует лишь милости и улыбки.

Как он выглядел? Смогу ли я описать Арсена Люпена? Я видел его раз двадцать, и всякий раз передо мной появлялся другой человек... скорее тот же, но отразившийся в двадцати зеркалах, отбросивших столько же искаженных образов; у каждого – особые глаза, особая форма лица, своеобразные жесты, силуэт и характер.

– Я сам уже не совсем понимаю, кто я такой, – говорил он мне. – Не узнаю себя в зеркале.

Шутка, конечно, парадокс, но в то же время правда, если иметь в виду тех, кто с ним встречался, не зная его бесконечных возможностей, терпения, искусства грима,

поразительной способности изменять в своем облике все, вплоть до пропорций лица, и даже нарушать соотношение черт между собой.

«Почему, – спрашивал он иногда, – у меня должна быть какая-то определенная внешность? И зачем подвергать себя опасности, оставаясь всегда одинаковым? Меня трудно узнать и по моим поступкам».

А затем с некоторой гордостью уточнял:

– Пусть никто и никогда не сможет с полной уверенностью сказать: это Арсен Люпен. Главное, чтобы все безошибочно говорили: это сделал Арсен Люпен.

Я пытаюсь восстановить только отдельные его поступки и кое-какие из его приключений, основываясь на откровенных рассказах, которыми он любезно делился со мной зимними вечерами в тиши моего рабочего кабинета.

АРСЕН ЛЮПЕН В ТЮРЬМЕ

Всякий уважающий себя турист изучает берега Сены, и вряд ли, переходя от развалин Жюмьежа к руинам Сен-Вандрия, он не обратит внимания на небольшой и странный феодальный замок Малаки¹, гордо взметнувшийся над утесом посреди реки. Арка моста соединяет замок с дорогой. Фундамент темных башен вырастает в поддерживающую его огромную гранитную глыбу, оторвавшуюся, видно, от горы и скатившуюся сюда в результате какого-то мощного подземного толчка. А вокруг игриво журчат среди тростника спокойные воды великой

¹ Malaquis – название замка на слух воспринимается так же, как mal acquis – «труднодоступный».

реки и, рассевшись на мокрых каменных гребнях, трепещут трясогузки.

История замка Малаки сурова, как его название, изломана, как его силуэт. В ней – только битвы, осады, приступы, грабежи и боины. По вечерам жители Ко с ужасом вспоминают о преступлениях, в нем совершенных, рассказывают таинственные легенды. Например, о знаменитом подземном ходе, который когда-то соединял монастырь Жюмьеж с усадьбой Аньес Сорель, прекрасной возлюбленной Карла VII.

В этом древнем пристанище героев и разбойников живет барон Натан Каорн, барон-сатана, как называли его когда-то на бирже, где он слишком уж внезапно разбогател. Разорившиеся сеньоры Малаки вынуждены были продать ему «за кусок хлеба» поместье своих предков. Он разместил в замке свою великолепную коллекцию мебели, картин, фарфора и деревянной скульптуры. Новый хозяин живет здесь один с тремя старыми слугами. Никто и никогда не бывает в замке. И никто и никогда в этих древних залах не созерцал принадлежавших ему трех полотен Рубенса, двух Ватто, кафедру работы Жана Гужона и других чудесных творений, вырванных из рук богатейших завсегдатаев публичных распродаж с помощью банкнот.

Барон-сатана живет в страхе. Он боится не за себя, а за сокровища, собранные с такой неумемной страстью и прозорливостью любителя, – ведь даже наихитрейшие торговцы не могли похвастаться, что ввели его в заблуждение. Он любит их, свои безделушки. Неистово, как скупец, ревниво, как влюбленный.

Каждый день на закате солнца все четыре обитые же-

лезом двери, закрывающие проход с обеих сторон моста, и далее – внутрь главного двора, запирают на засов. От малейшего удара электрические звонки будут звенеть в тишине. Со стороны же Сены опасаться нечего: там отвесный обрыв скалы.

Но однажды в сентябре, в пятницу, как обычно, на валу у моста появился почтальон. И как всегда, тяжелую створку двери приоткрыл сам барон.

С предельной тщательностью, будто и не знал пришедшего несколько лет, барон всматривался в добрую веселую физиономию и лукавые крестьянские глаза почтальона, а тот со смехом обратился к нему:

– Это я, господин барон, опять я. Никто другой не напояливал на себя мою куртку и фуражку.

– Поди угадай! – пробормотал Каорн.

Почтальон вручил ему пачку газет. Затем добавил:

– А теперь, господин барон, есть кое-что новенькое...

– Новенькое?

– Письмо... заказное к тому же.

Живя в одиночестве, без друзей, барон, которым никто не интересовался, никогда не получал писем, и потому появление конверта представилось ему событием, не предвещающим ничего хорошего, событием, которого следует опасаться. Кто был этот таинственный корреспондент, потревоживший барона в его уединении?

– Нужно расписаться, господин барон.

Тот с ворчанием поставил подпись. Взяв письмо, барон подождал, пока почтальон не исчез за поворотом дороги, и, потоптавшись немного, облокотился на парапет моста, а затем вскрыл конверт. В нем лежал лист бумаги в клеточку;

вверху – написанная от руки пометка: «Тюрьма Санте, Париж». Барон взглянул на подпись: «Арсен Люпен». Удивившись, он стал читать:

«Господин барон,

В галерее, соединяющей две гостиные вашего замка, находится изумительная по манере письма картина Филиппа де Шампenea, которая нравится мне чрезвычайно. Ваши полотна Рубенса и самая маленькая работа Ватто также в моем вкусе.

Справа в гостиной меня привлекают сервант времен Людовика XIII, gobелены Бове, столик в стиле ампира работы Жакоба и ларь эпохи Ренессанса. А в левой гостиной – собрание драгоценностей и миниатюр, все целиком.

На сей раз я удовольствуюсь упомянутыми вещами, сбыт которых, полагаю, не составит труда. Поэтому прошу вас хорошенько упаковать их и переслать на мое имя (с оплатой доставки) на вокзал Батиньоль в течение этой недели, не позже... иначе я сам займусь их перевозкой в ночь со среды 27 на четверг 28 сентября. И тогда уж, справедливости ради, не ограничусь вышеназванными предметами.

Примите извинения за причиненное Вам небольшое беспокойство, а также уверения в почтительнейшем уважении.

Арсен Люпен.

P.S. Главное, не посылайте мне вашего большого Ватто. Хоть вы и заплатили за него в Торговом зале тридцать тысяч франков, эта картина всего лишь копия, оригинал был сожжен Баррасом во время какой-то ночной

оргии в эпоху Директории. Можете проверить этот факт по неизданным «Мемуарам» Гарата.

Я не настаиваю также на получении ожерелья эпохи Людовика XV, подлинность которого, на мой взгляд, сомнительна».

Письмо потрясло барона Каорна. Подобное послание, будь оно написано кем-то другим, само по себе сильно встревожило бы его, но подписанное Арсеном Люпенем!

Барон, завзятый читатель газет, был в курсе всех совершающихся вокруг краж и преступлений, мимо его внимания не прошел ни один «подвиг» адского грабителя. И разумеется, ему было известно, что Люпен, арестованный в Америке его врагом Ганимаром, действительно находился в тюрьме, что готовилось – но с каким трудом! – судебное разбирательство. Но, тем не менее, барон понимал, что от такого человека, как Люпен, можно ожидать чего угодно. Кстати, столь скрупулезное знание замка, расположения картин и мебели было наитревожнейшим знаком. Кто снабдил его информацией о вещах, которых никто не видел?

Барон поднял глаза, оглядел суровый силуэт Малаки, его обрывистые стены, огибающий их глубокий ров, наполненный водой, и пожал плечами. Нет, решительно никакой опасности нет. Никто в мире не смог бы проникнуть в неприступную цитадель, где хранятся его коллекции.

Никто в мире, положим это так, но Арсен Люпен? Разве его остановят двери, подъемные мосты, крепостные стены? К чему изощреннейшие преграды, самые тщательные меры

предосторожности, если Арсен Люпен решил достичь своей цели?

В тот же вечер барон написал прокурору Республики в Руан. Послал ему полное угроз письмо с требованием помощи и защиты.

Ответ пришел незамедлительно: поскольку упомянутый Арсен Люпен в настоящее время содержится в тюрьме Санте под строгим наблюдением и не имеет возможности писать, полученное бароном послание есть не что иное, как розыгрыш мистификатора. Логика, здравый смысл и очевидные факты – все свидетельствует об этом. Однако для пущей предосторожности письмо было подвергнуто экспертизе, и графолог заявил, что, несмотря на некоторое сходство, данный почерк не является почерком заключенного.

«Несмотря на некоторое сходство», – барон запомнил только эти три устрашающих слова, в которых усмотрел признаки сомнения; одного этого, считал он, было достаточно для вмешательства правосудия. Барон был доведен до отчаяния своими страхами. Он читал и перечитывал письмо. «Я сам займусь их перевозкой». Да еще эта точная дата: ночь со среды 27 на четверг 28 сентября!..

Подозрительный и замкнутый, барон не решался довериться слугам, преданность которых казалась ему неискренней. Однако впервые за много лет он испытывал потребность поделиться, посоветоваться. Брошенный на произвол судьбы правосудием страны, барон уже не надеялся защититься своими собственными средствами и был почти готов отправиться в Париж с мольбами о помощи к какому-нибудь старому полицейскому.

Прошло два дня. На третий, читая газеты, он задрожал от радости. «Ревей де Кодебек» опубликовала следующую заметку:

«Вот уже почти три недели мы имеем удовольствие принимать в нашем городе главного полицейского инспектора Ганимара, одного из ветеранов службы безопасности. Месье Ганимар, приобретший благодаря своему последнему подвигу, аресту Арсена Люпена, европейскую славу, отдыхает от долгих и тяжелых трудов, ловя пескарей и уклеек».

Ганимар! Именно такого помощника искал барон Каорн! Кто, помимо изворотливого и настойчивого Ганимара, сможет расстроить планы Люпена?

Барон больше не колебался. Шесть километров отделяют замок от небольшого городка Кодебек. Он преодолел их бодрым шагом, как подобает человеку, окрыленному надеждой на спасение.

Предприняв несколько безуспешных попыток узнать адрес главного инспектора, барон отправился в редакцию «Ревей», расположенную прямо на набережной. Он нашел там редактора заметки, который, подойдя к окну, воскликнул:

– Ганимар? Но вы наверняка встретили его на берегу реки, с удочкой в руках. Там мы и познакомились, я случайно прочел его имя, выгравированное на удочке. Видите того старикашку, вон там, под деревьями на аллее?

– В сюртуке и соломенной шляпе?

– Именно! О! Станный тип: неразговорчив и немного угрюм.

Через пять минут барон подошел к знаменитому Ганимару, представился и попытался завязать разговор. Не достигнув цели, он откровенно сказал, зачем явился, и изложил свое дело.

Тот, не шелохнувшись и не отводя глаз от поплавка в ожидании клева, выслушал барона, затем повернул голову, оглядел его с ног до головы и, всем своим видом выражая глубокое сочувствие, произнес:

— Месье, обычно людей не предупреждают о том, что хотят их ограбить. Арсен Люпен, в частности, не делает подобных глупостей.

— И тем не менее...

— Месье, если бы у меня возникла хоть тень сомнения, поверьте, удовольствие еще раз вмешаться в дела моего дорогого Люпена возобладало бы над всеми другими доводами. К несчастью, этот молодой человек — за решеткой.

— А если он сбежит?

— Из тюрьмы Санте никто никогда не сбежит.

— Но, он...

— Ни он и никто другой.

— Однако...

— Ну, если и сбежит, тем лучше — я снова схвачу его. А пока спите спокойно и не спугните мне опять уклейку.

Разговор был окончен. Барон вернулся домой. Спокойствие Ганимара немного приободрило его. Он проверил замки, проследил за слугами; так прошло еще сорок восемь часов, в течение которых барон уже почти убедил себя в том, что, в сущности, его страхи — просто бред. Ну конечно же, Ганимар прав, людей, которых собираются ограбить, не предупреждают об этом заранее.

Назначенный день приближался. Во вторник утром, накануне 27 числа, – ничего примечательного. Но в три часа дня позвонил какой-то парнишка. Он принес телеграмму.

«Никакой посылки на вокзале Батиньоль. Подготовьте все к завтрашнему вечеру.

Арсен».

И снова паника, да такая, что барон стал задумываться, не уступить ли требованиям Арсена Люпена.

Он помчался в Кодебек. Ганимар ловил рыбу на том же месте, сидя на складном стульчике. Не говоря ни слова, барон протянул ему телеграмму.

– Ну и что дальше? – спросил инспектор.

– Дальше? Но ведь это произойдет завтра!

– Что?

– Ограбление! Кража моих коллекций!

Ганимар положил удочку на землю, повернулся к барону и, скрестив руки на груди, воскликнул, теряя терпение:

– А! Вот оно что, вы воображаете, что я стану заниматься этой идиотской историей?

– Какое вознаграждение вы потребуете за то, что проведете в замке ночь с 27 на 28 сентября?

– Ни одного су, оставьте меня в покое.

– Назначьте вашу цену, я богат, чрезвычайно богат.

Натиск, с которым делалось предложение, ошеломил Ганимара, и он заговорил более спокойным тоном:

– Я нахожусь здесь в отпуске и не имею права вмешиваться...

– Никто об этом не узнает. Что бы ни случилось, я обязуюсь хранить молчание.

– О! Ничего и не случится.

– Ну так как же, три тысячи франков достаточно?

Инспектор глубоко затынулся, задумался и бросил:

– Будь по-вашему. Только я должен честно предупредить вас: эти деньги выброшены на ветер.

– Мне это безразлично.

– В таком случае... Впрочем, кто знает, что выкинет этот чертов Люпен! У него, наверное, целая банда орудует... Можете вы положиться на слуг?

– Честно говоря...

– Тогда не будем рассчитывать на них. Я предупрежу телеграммой двоих парней, моих друзей, они понадежнее защитят нас... А теперь уходите, вместе нас видеть не должны. До завтра, ждите меня к девяти часам.

На следующий, то есть тот самый день, что был назначен Арсеном Люпеном, барон Каорн снял со стены оружие, вооружился и стал прогуливаться вокруг Малаки. Ничего подозрительного он не заметил.

Вечером в половине девятого он отпустил слуг. Они жили во флигеле, обращенном к дороге, но чуть в глубине, у крайней стены замка. Оставшись один, он тихонечко отпер все четыре двери. И через минуту слышал приближающиеся шаги.

Ганимар представил своих двух помощников, высоких крепких парней с бычьими шеями и могучими руками, затем попросил дать кое-какие пояснения. Получив отчет о расположении помещений, он тщательно запер и забарри-

кадировал все входы и выходы, через которые можно было проникнуть в подвергаемые опасности залы. Осмотрел стены, приподняв гобелены, затем расставил наконец своих агентов в центральной галерее.

– И никаких глупостей, слышали? Вы здесь не для того, чтобы спать. При малейшей опасности распахивайте окна во двор и зовите меня. Следите внимательно, что происходит с той стороны, где вода. Бандитов такого калибра десять метров отвесной скалы не испугают.

Ганимар запер полицейских, забрал ключи с собой и сказал барону:

– А теперь – на наш пост.

Для ночного наблюдения он выбрал маленькую комнату, выдолбленную в толще крепостной стены между двумя главными входами, когда-то это помещение служило наблюдательным пунктом для часового. Одно потайное окошечко смотрело на мост, другое – во двор. В углу было видно нечто похожее на глубокий колодец.

– Вы ведь говорили мне, господин барон, что этот колодец – единственный вход в подземелье и что с незапамятных времен он завален?

– Да.

– Значит, если не существует другого входа, известного одному Арсену Люпену, – что маловероятно, не так ли? – мы можем быть спокойны.

Он составил вместе три стула, удобно расположился на них, зажег трубку и вздохнул:

– Воистину, господин барон, только огромное желание надстроить этаж домика, где я собираюсь провести остаток дней, вынудило меня заняться столь элементарным делом.

Я расскажу эту историю дражайшему Люпену, он помрет со смеху.

Барону, однако, было не до смеха. Навострив уши, он с нарастающим беспокойством ловил каждый звук. И время от времени наклонялся над колодцем, погружая в зияющую бездну свой встревоженный взгляд.

Пробило одиннадцать, двенадцать, час.

Вдруг он схватил Ганимара за руку, и тот мгновенно проснулся.

— Вы слышите?

— Да.

— Что это такое?

— Это мое сопение.

— Да нет, слушайте...

— А! Действительно, автомобильный гудок.

— И что?

— А то, что вряд ли Арсен Люпен станет использовать автомобиль в качестве тарана для разрушения вашего замка. Поэтому, господин барон, на вашем месте я бы поспал... и с вашего позволения, я этим снова займусь. Доброй ночи.

Это был единственный тревожный сигнал. Ганимар вернулся к прерванным сновидениям, и барон не услышал больше ничего, кроме его звучного размеренного храпа.

На рассвете они вышли из своей клетушки.

Глубокая безмятежная тишина, напоминающая утренний покой над прозрачным водоемом, окутывала замок. Сияющий от радости Каорн и по-прежнему невозмутимый Ганимар поднимались по лестнице. Ни звука. Ничего подозрительного.

– Что я вам говорил, господин барон? Честно говоря, я не должен был соглашаться... Мне неловко...

Он достал ключи и вошел на галерею.

На стульях, согнувшись и свесив руки, спали два агента.

– Тысяча чертей! – проворчал инспектор.

В ту же секунду раздался крик барона:

– Картины!.. Сервант!..

Он что-то бормотал, задыхался, указывая рукой на пустые места, оголенные стены с торчащими гвоздями и повисшими бесполезными веревками. Ватто исчез! Полотна Рубенса украдены! Гобелены сняты со стен! Витрины с драгоценностями опустошены!

– О, канделябры Людовика XVI!.. Подсвечник регента!.. И моя Мадонна двенадцатого века!

Потрясенный барон в отчаянии метался по галерее. Он вспоминал, сколько было заплачено за пропавшие вещи, подсчитывал размеры понесенных утрат, складывал как попало цифры и что-то бормотал, не договаривая фраз. Топал ногами, корчился, обезумев от злости и горя, как будто его совсем разорили и остается лишь пустить себе пулю в лоб.

Если хоть что-то и могло его утешить, так это ступор, поразивший Ганимара. В отличие от барона, инспектор застыл на месте, словно окаменел, и помутившимся взглядом изучал обстановку. Окна? Закрыты. Замки на дверях? Не тронуты. Щели в потолке нет. Как и дыры в полу. Идеальный порядок. Должно быть, все происходило по заранее рассчитанному, непреложному и логичному плану.

– Арсен Люпен... Арсен Люпен, – шептал он с удрученным видом.

И вдруг, будто встряхнувшись от гнева, инспектор бросился к своим агентам, сердито растолкал их и обругал. Но они так и не проснулись!

– Черт возьми, – сказал Ганимар, – неужели их...

Он наклонился и внимательно взгляделся в каждого по очереди: агенты спали, но сон этот не был естественным.

– Их усыпили, – сказал он барону.

– Но кто?

– О! Он, черт возьми!.. Или его банда, но по указке главаря. Трюк в его духе. Сразу виден почерк.

– В таком случае я погиб, ничего не поделаешь.

– Ничего.

– Но это мерзко, чудовищно.

– Заявите в полицию.

– Что толку?

– Черт возьми! Попробуйте все-таки... У правосудия есть средства...

– У правосудия! Но вы же сами видите... Поймите, ведь даже в тот момент, когда вы могли бы поискать какую-нибудь улику, что-то обнаружить, вы не шевелите пальцем.

– Что-то обнаружить после Арсена Люпена! Но, мой дорогой барон, Арсен Люпен после себя никогда ничего не оставляет. У него не бывает случайности! Я иногда задаю себе вопрос: уж не нарочно ли он позволил мне арестовать себя в Америке?

– Значит, я должен отказаться от моих картин и от всего остального! Но он похитил жемчужины моей коллекции! Я

бы отдал целое состояние, чтобы вернуть их. Если справиться с ним невозможно, пусть назовет свою цену.

Ганимар пристально посмотрел на него.

— Вот это разумная речь. Вы не откажетесь от своих слов?

— Нет, нет и нет. Но зачем вам это?

— У меня есть идея.

— Какая идея?

— Мы вернемся к ней, если расследование ни к чему не приведет... Только ни слова обо мне, если вы хотите, чтобы все удалось.

И добавил сквозь зубы:

— Мне ведь, по правде говоря, похвастаться нечем.

Агенты постепенно приходили в себя и ошалело оглядывались, как все люди, просыпающиеся после гипноза. Они удивленно смотрели по сторонам широко открытыми глазами, пытаясь что-то понять. Когда Ганимар стал расспрашивать их, они ничего не могли вспомнить.

— И, тем не менее, вы должны были хоть кого-то увидеть.

— Не видели.

— Попробуйте вспомнить!

— Нет, никого.

— И вы ничего не пили?

Агенты задумались, и один из них ответил:

— Я выпил немного воды.

— Из этого графина?

— Да.

— Я тоже, — заявил второй.

Ганимар понюхал и попробовал воду. Никакого привкуса или запаха он не обнаружил.

– Что ж, – сказал он, – мы зря теряем время. Загадки, которые задает Арсен Люпен, в пять минут не решаются. Но, тысяча чертей, клянусь, я его опять поймаю. Он выигрывает уже вторую партию. Но решающая игра за мной!

В тот же день барон Каорн подал на Арсена Люпена, содержащегося в тюрьме Санте, жалобу по поводу совершенного им ограбления.

Барон не раз пожалел о том, что подал жалобу, увидев, какому нашествию подвергся Малаки со стороны жандармов, прокурора, следователя, журналистов и просто любопытных, просачивающихся туда, где им не положено быть.

Дело уже взбудоражило общественное мнение. Ограбление произошло при таких странных обстоятельствах, имя Арсена Люпена так подстегивало воображение, что страницы газет запестрели самыми фантастическими историями, воспринятыми читателем с полным доверием.

А первое письмо Арсена Люпена, опубликованное в «Эко де Франс» (никто и никогда так и не дознался, от кого был получен этот текст), письмо, в котором барона Каорна дерзко предупреждали о том, что ему угрожает, вызвало настоящую бурю.

Тут же были выдвинуты самые невероятные версии. Вспомнили о существовании знаменитого подземелья. И уступая давлению извне, прокуратура стала вести поиски в этом направлении.

Замок обшарили снизу доверху. Осмотрели каждый камешек, деревянные панели и камины, зеркальные рамы и потолочные балки. При свете факелов обследовали

огромные подвалы, где сеньоры Малаки хранили когда-то боеприпасы и провизию. Ощупали внутренние пещеры в скале. Но даже намек на разрушенное подземелье не обнаружили. Потайного хода просто не существовало.

Пусть так, комментировали со всех сторон, но ведь мебель и картины не могут раствориться, как привидения. Их обычно выносят через двери или через окна, и люди, которые забирают их, также попадают внутрь через двери либо через окна. Так что же это за люди? Как они проникли сюда? И как отсюда вышли?

Прокуратура Руана, убедившись в своей беспомощности, обратилась за содействием к парижским сыщикам. Месье Дюдуи, начальник Управления национальной безопасности, направил в Руан лучших ищек из своего ударного отряда. Сам он тоже провел двое суток в Малаки. Но преуспел не больше других.

После чего он вызвал к себе старшего инспектора Ганимара, таланты которого имел возможность оценить столько раз.

Ганимар молча выслушал инструкции своего начальника, затем, покачив головой, произнес:

— Я думаю, что, продолжив розыск в замке, мы пойдем по ложному следу. Решение проблемы не там.

— Так где же?

— У Арсена Люпена.

— У Арсена Люпена? Такое предположение равнозначно признанию его участия в краже.

— Я это допускаю. Более того, абсолютно уверен, что так и было.

— Послушайте, Ганимар, это же чушь какая-то. Арсен Люпен сидит в тюрьме.

– Арсен Люпен в тюрьме, допустим. За ним следят, согласен с вами. Но будь у него кандалы на ногах, веревки на руках и кляп во рту, я и тогда не изменил бы своего мнения.

– Но почему вы так упорно стоите на своем?

– Потому что один только Арсен Люпен способен разработать операцию такого размаха и провести ее так, чтобы она удалась... и удалась настолько, насколько... удалась.

– Это только слова, Ганимар!

– Не слова, а реальность. Ну так вот, надо прекратить поиски подземелья, вращающихся на оси камней и всякой другой чепухи того же порядка. Наш герой не пользуется такими устаревшими приемами. Он человек современный или, скорее, человек будущего.

– И что же вы намерены предпринять?

– Я намерен испросить у вас разрешения провести с ним час.

– В его камере?

– На обратном пути из Америки у нас сложились прекрасные отношения, и осмелюсь доложить, преступник питает теперь некоторую симпатию к тому, кто сумел его арестовать. Если он сможет разъяснить мне что-то, не выдавая себя, он сделает это без колебаний, дабы избавить меня от бессмысленного путешествия.

Почти сразу после полудня Ганимара впустили в камеру к Арсену Люпену. Вытянувшийся на кровати узник приподнял голову и радостно воскликнул:

– О! Вот это настоящий сюрприз. Вы здесь, мой дорогой Ганимар!

– Он самый.

– Я многого желал в избранном мною уединении... но ничего так страстно не хотелось мне, как увидеть вас здесь.

– Вы слишком любезны.

– О нет, нет, я испытываю к вам глубочайшее уважение.

– Я этим горжусь.

– А я всегда говорил: Ганимар – наш лучший сыщик. Он почти не уступает, – заметьте, как я откровенен! – он почти не уступает Шерлоку Холмсу. О, я искренне сожалею, что не могу предложить вам ничего, кроме этой табуретки. И никакого напитка! Даже пива! Извините меня, ведь это мое временное пристанище.

Ганимар улыбнулся и присел, а заключенный, обрадованный тем, что может поговорить, продолжал:

– Бог ты мой, как же приятно обратить свой взор на лицо порядочного человека! Мне так надоели рожи этих агентов и фискалов, которые по десять раз в день обшаривают мои карманы и эту скромную камеру, дабы удостовериться, что я не собираюсь бежать. Черт возьми, как же дорожит мною правительство!..

– И оно право.

– Ну что вы! Я был бы так счастлив, если б мне позволили жить в моей тихой обители!

– За счет других.

– Вы полагаете? Но это было бы так просто. Однако я заболтался, говорю глупости, а вы, наверное, торопитесь. Перейдем к делу, Ганимар! Чему я обязан честью вашего посещения?

– Делу Каорна, – без обиняков выпалил Ганимар.

– Стоп! Секундочку... У меня ведь столько этих дел!

Прежде всего надо покопаться в памяти и найти досье по делу Каорна... А! Вот оно, нашел. Дело Каорна, замок Малаки, нижняя Сена... Два Рубенса, один Ватто и несколько незначущих вещей.

– Незначущих!

– О! Право же, особой ценности все это не представляет. Бывают вещи и получше! Но достаточно того, что это дело интересует вас... Итак, говорите, Ганимар!

– Надо ли рассказывать, как идет следствие?

– Незачем. Я прочел утренние газеты. И даже позволю себе заметить, что вы продвигаетесь довольно медленно.

– Именно по этой причине я и рассчитываю на вашу любезную помощь.

– Весь к вашим услугам.

– Прежде всего вопрос: вы действительно руководили операцией?

– От А до Я.

– Письменное уведомление? Телеграмма?

– От вашего покорного слуги. У меня даже где-то сохранились квитанции.

Арсен выдвинул ящик маленького столика из светлого дерева, вместе с кроватью и табуреткой составлявшего всю обстановку в камере, достал оттуда два клочка бумаги и протянул их Ганимару.

– Черт знает что, – воскликнул тот, – я полагал, что с вас не спускают глаз и чуть что – тщательно обыскивают. А вы читаете газеты, получаете почтовые квитанции...

– Ну и что! Эти люди так глупы! Они отпарывают подкладку моего пиджака, осматривают подошвы моих туфель, простукивают стены этой комнаты, но ни одному

из них не приходит в голову, что Арсен Люпен не так прост и не станет ничего прятать в столь незатейливые тайники. Именно на это я и рассчитывал.

Рассмеявшись, Ганимар воскликнул:

– Ну и забавный же вы человек! Просто поразительно. Ну хорошо, расскажите мне всю эту историю.

– О-о! Как вы стремительны! Приобщить вас ко всем моим тайнам... открыть вам все мои маленькие хитрости... Это очень серьезно.

– Так я напрасно рассчитывал на вашу любезность?

– Нет, Ганимар, и если вы настаиваете...

Арсен Люпен два-три раза прошелся по камере, затем остановился и спросил:

– Что вы думаете о моем письме к барону?

– Полагаю, вы хотели развлечься, слегка эпатировать публику.

– О! Какое там эпатировать публику! Честно говоря, Ганимар, вы мне казались более прозорливым. Стану я, Арсен Люпен, тратить время на такие детские шалости! Ну зачем мне было писать это письмо, если бы я мог обчистить барона без этого? Поймите же вы, и другие тоже, что это письмо – необходимая отправная точка, рычаг, пустивший в ход весь механизм. Давайте пойдем по порядку и подготовим вместе, если желаете, ограбление Малаки.

– Слушаю вас.

– Итак, предположим, существует накрепко запертый, забаррикадированный замок, подобный замку барона Карна. Мог ли я выйти из игры и отказаться от сокровищ, которых страстно желаю, по той причине, что замок, где они находятся, неприступен?

– Конечно, нет.

– Стал бы я, как в прежние времена, штурмовать его, возглавив отряд авантюристов?

– Ребячество!

– Пытался бы я хитростью проникнуть внутрь?

– Невозможно.

– Остается один-единственный, на мой взгляд, способ: устроить так, чтобы хозяин упомянутого замка сам пригласил меня к себе.

– Способ оригинальный.

– И какой простой! Предположим, что в один прекрасный день хозяин получает письмо, предупреждающее его о том, какую сеть плетет вокруг него некий Арсен Люпен, знаменитый грабитель. Как поступит хозяин?

– Напишет письмо прокурору...

– ...который посмеется над ним, потому что названный Люпен в настоящее время находится в тюрьме. Конечно, старикашка в панике, готов броситься за помощью к первому встречному, не так ли?

– Без сомнения.

– А если вдруг он прочтет в какой-нибудь захудалой газетенке, что знаменитый полицейский отдыхает от трудов где-то неподалеку...

– Он отправится к этому полицейскому.

– Ваша правда. Но с другой стороны, положим, что, предвидя этот неизбежный шаг, Арсен Люпен попросит одного из самых ловких своих друзей поселиться в Кодебеке, познакомиться с редактором «Ревей», газеты, которую выписывает барон, намекнет ему, что он такой-то, то есть знаменитый сыщик, как тогда будут развиваться события?

– Редактор сообщит через «Ревей» о том, что названный сыщик находится в Кодебеке.

– Прекрасно, далее из двух одно: либо рыбка – я хочу сказать, Каорн – не клюнет на крючок, и тогда ничего не произойдет; либо – и это наиболее вероятное предположение – он, весь дрожа, прибежит к сыщику. И вот уже Каорн умоляет одного из моих друзей спасти его от меня!

– Остроумнее некуда.

– Разумеется, псевдополицейский сначала отказывает в помощи. А тут – телеграмма Арсена Люпена. Барон в ужасе, он снова умоляет моего друга, предлагая ему большие деньги, лишь бы он позаботился о его спасении. Упомянутый друг соглашается, приводит двоих парней из нашей компании, и они ночью, пока за Каорном пристально следит его защитник, вытаскивают в окно ряд предметов и спускают их на веревках в маленькую лодочку, зафрахтованную на данный случай. Проще простого... как сам Люпен.

– И воистину великолепно, – воскликнул Ганимар, – дерзость самой идеи и изобретательность в деталях выше всяких похвал. Но я что-то не припомню достаточно знаменитого полицейского, чье имя было бы так притягательно и до такой степени воздействовало на барона.

– Есть такое имя, но только одно.

– Чье же?

– Имя знаменитейшего сыщика, личного врага Арсена Люпена, короче, это вы, инспектор Ганимар!

– Я?!

– Именно вы, Ганимар. И вся прелесть в том, что если вы отправитесь туда, а барон решится заговорить, то в

конце концов вы поймете: ваш долг — арестовать самого себя, как вы арестовали меня в Америке. Ну как? Забавный реванш: я вынуждаю Ганимара арестовать самого себя!

Арсен Люпен смеялся от души. Несколько раздосадованный инспектор кусал губы. С его точки зрения, шутка не стоила такого взрыва веселья.

Появление надзирателя позволило Ганимару перевести дух. Тюремщик принес обед, который Арсен Люпен с особого разрешения заказывал в соседнем ресторане. Поставив поднос на стол, вошедший удалился. Арсен устроился поудобнее, разломил кусок хлеба, проглотил два-три кусочка и снова заговорил:

— Но будьте спокойны, мой дорогой Ганимар, вы туда не поедете. Я сейчас сообщу вам нечто для вас неожиданное: дело Каорна вот-вот кроют.

— Что-что?

— Дело скоро кроют, уверяю вас.

— Не может быть, я только что был у начальника полицейского управления.

— Ну и что? Неужели господину Дюдуи известно больше, чем мне, о том, что меня касается? Вы узнаете, что Ганимар — извините, пожалуйста, — псевдо-Ганимар сохранил прекрасные отношения с бароном. Последний, — и это основная причина, по которой он ничего не рассказал, — возложил на сыщика очень деликатную миссию: провести со мной переговоры о сделке, и в данный момент вполне вероятно, что барон посредством определенной суммы вновь обрел свои дорогие безделушки. В обмен на это он заберет свою жалобу. Таким образом, кражи больше нет. Поэтому прокуратуре придется закрыть...

Ганимар с удивлением смотрел на заключенного.

— Но откуда вам это известно?

— Я только что получил телеграмму, которую ждал.

— Вы только что получили телеграмму?

— Только сейчас, дорогой друг. Из вежливости я не хотел читать ее в вашем присутствии. Но если вы позволите...

— Вы смеетесь надо мной, Люпен.

— Соболаговолите, мой добрый друг, тихонечко расколоть это яйцо в мешочек. Вы сами убедитесь, что я над вами не насмехаюсь.

Ганимар машинально исполнил просьбу и лезвием ножа разбил яйцо. У него вырвался удивленный возглас. В скорлупе пустого яйца оказался клочок голубой бумаги. По просьбе Арсена он развернул его. Это была телеграмма или, скорее, часть телеграммы, от которой оторвали почтовые штемпели.

«Договор заключен. Сто тысяч монет уплачено. Все хорошо», — прочел Ганимар.

— Сто тысяч монет? — спросил он.

— Да, сто тысяч франков! Мало, но впрочем, времена тяжелые... А у меня так много общих расходов! Если бы вы знали, каков мой бюджет... бюджет большого города!

Ганимар встал. Плохое настроение улетучилось. Он задумался на несколько секунд, окинул одним взглядом все дело, чтобы отыскать в нем слабое место. Затем тоном, в который он, не скрывая, вложил все свое профессиональное восхищение, произнес:

— К счастью, таких, как вы, и дюжины не наберется, иначе пришлось бы закрыть нашу лавочку.

Арсен Люпен изобразил самую простодушную мину и ответил:

– Ну что вы! Просто хотелось немного развлечься, чем-то заполнить свободное время... тем более что операцию можно было с успехом осуществить лишь при условии, что я буду находиться в тюрьме.

– Как! – воскликнул Ганимар. – Ваш процесс, защита, следствие – разве этого недостаточно для вашего развлечения?

– Нет, ибо я решил не присутствовать на моем процессе.

– О! О!

Арсен Люпен, не спеша, повторил:

– Я не буду присутствовать на моем процессе.

– В самом деле?

– Ну подумайте, мой дорогой, неужели вы допускаете, что я буду гнить на сырой соломе? Вы меня обижаете. Арсен Люпен проводит в тюрьме столько времени, сколько ему нравится, и ни минутой больше.

– Может быть, разумнее начинать с того, чтобы не попадать сюда, – с иронией возразил инспектор.

– А! Месье насмехается? Месье вспоминает, что он имел честь арестовать меня? Так знайте же, мой уважаемый друг, что никому, в том числе и вам, не удалось бы задержать меня, если бы в этот критический момент мое внимание не было поглощено чем-то более важным.

– Интересно.

– На меня, Ганимар, тогда смотрела женщина, а я любил ее. Понимаете ли вы глубокий смысл этого факта: на вас смотрит женщина, которую вы любите? Остальное для меня почти не имело значения, клянусь вам. Именно поэтому я и нахожусь здесь.

– И довольно давно, разрешите вам заметить.

– Сначала я хотел забыть. Не смейтесь: приключение было очаровательным, и я до сих пор храню о нем трогательное воспоминание... Кроме того, я немного неврастеник. В наши дни жизнь проходит в таком лихорадочном темпе! И в определенные моменты надо устраивать для себя то, что называется «изоляционной терапией». Тюрьма – превосходное место для такого рода лечения. Оздоровительный курс здесь проводится со всей строгостью.

– Вы издеваетесь надо мной, Арсен Люпен, – заметил полицейский.

– Ганимар, – отчеканил Люпен, – у нас сегодня пятница. В следующую среду я приду к вам выкурить сигару на улицу Перголези в четыре часа дня.

– Я жду вас, Арсен Люпен.

Как два добрых приятеля, отдающих друг другу дань заслуженного уважения, они обменялись рукопожатием, и старый полицейский направился к двери.

– Ганимар!

Сыщик обернулся.

– В чем дело?

– Ганимар, вы забыли свои часы.

– Часы?

– Да, они как-то попали в мой карман.

И он возвратил их с извинениями.

– Простите меня... дурная привычка... Ведь вовсе не обязательно лишать вас ваших часов только потому, что у меня отобрали мои. Тем более что здесь у меня оказался хронометр, на который я пожаловаться не могу, он вполне устраивает меня.

И Люпен достал из ящика стола большие золотые часы в тяжелом и удобном корпусе, украшенные увесистой цепочкой.

– А эти часы из какого кармана? – спросил Ганимар.

Арсен Люпен мельком взглянул на инициалы.

– Ж.Б.... Черт возьми, кто бы это мог быть? Ах да! Припоминаю: это Жюль Бувье, мой следователь, прелестный человек...

ПОБЕГ АРСЕНА ЛЮПЕНА

В тот момент, когда Арсен Люпен, закончив трапезу, доставал из кармана красивую сигару с золотым ободком и со снисходительной миной рассматривал ее, дверь камеры открылась. Он едва успел бросить сигару в ящик и отойти от стола. Вошел надзиратель: настал час прогулки.

– Я ждал вас, мой дорогой друг, – воскликнул Люпен, как обычно, веселым тоном.

Они вышли. И едва скрылись за поворотом коридора, как двое мужчин зашли в камеру и начали тщательно осматривать ее. Один из них был инспектор Дъези, другой – инспектор Фольанфаном.

Надо было положить этому конец. Вне всяких сомнений, Арсен Люпен поддерживал связь с внешним миром и своими сообщниками. Накануне газета «Гран журналъ» опять опубликовала следующие строки, адресованные ее сотруднику, отвечавшему за судебную хронику:

«Месье!

В статье, опубликованной на днях, вы позволили писать обо мне в таком тоне, который ничем не может быть оправдан. За несколько дней до открытия процесса я явлюсь к вам требовать отчета.

С глубоким уважением,

Арсен Люпен».

Почерк и впрямь принадлежал Арсену Люпену. Значит, письма посылал он. И получал их. Таким образом, не было сомнений, что узник готовится к побегу, о котором он сам объявил таким вызывающим способом.

Положение стало просто нетерпимым. В полном согласии со следователем, начальник Управления национальной безопасности Дюдуи самолично отправился в Санте, для того чтобы объяснить директору тюрьмы, какие меры предосторожности следует принять. И едва появившись там, послал двух своих людей в камеру заключенного.

Они приподняли каждую плитку пола, развинтили кровать, сделали все, что обычно делается в подобных случаях, но в итоге ничего не обнаружили. И уже собирались прекратить поиски, как вдруг прибежал запыхавшийся надзиратель:

– Ящик... посмотрите в ящике стола. Когда я входил, мне показалось, что он задвинул его.

Они осмотрели ящик, и Дъези воскликнул:

– Слава Богу, на этот раз клиент попался.

Фольанфан остановил его:

– Постой, малыш, пусть шеф проведет осмотр.

– Однако это шикарная сигара.

– Оставь ее, и пойдем сообщим об этом шефу.

Две минуты спустя месье Дюдуи осматривал ящик. Сначала он обнаружил в нем подборку статей, вырезанных из газет и посвященных Арсену Люпену, затем – кисет для табака, трубку, тонкую и прозрачную, как луковая шелуха, бумагу и, наконец, две книги.

Он прочел их названия. Это был «Культ героев» Карлейля в английском издании и прелестный эльзевир² в переплете того времени: «Беседы» Эпиктета, немецкий перевод, опубликованный в 1634 г. Перелистав их, Дюдуи отметил, что на всех страничках имелись пометки, записи, подчеркнутые строки. Были они условными знаками или просто указывали на усердие, с которым была прочитана книга?

– Мы подробно изучим это, – сказал месье Дюдуи.

Он осмотрел кисет, трубку. Затем схватил пресловутую сигару с золотым ободком.

– Черт возьми! Неплохо живет наш приятель, – воскликнул он. – Ну просто как Анри Кле!

Машинальным жестом курильщика Дюдуи поднес сигару к уху, надломил ее. И в ту же секунду вскрикнул от удивления. Сигара согнулась под нажимом пальцев. Дюдуи повнимательнее осмотрел ее и сразу же заметил что-то белое между табачными листьями. Осторожно, с помощью булавки полицейский вытащил рулончик из очень тонкой бумаги, величиной не более зубочистки. Это была записка.

² *Эльзевир* – название книг, напечатанных в знаменитых голландских типографиях XVI–XVII вв.

Дюдуй развернул ее и прочитал следующие слова, написанные мелким женским почерком.

«Ворон занял место другого. Восемь из десяти подготовлены. При нажатии на подножку с внешней стороны доска приподнимается по всей плоскости. От двенадцати до шестнадцати Л.С. будет ждать ежедневно. Но где? Немедленно ответьте. Будьте спокойны, ваша подруга оберегает вас».

Месье Дюдуй задумался на секунду и сказал:

– Это довольно ясно... ворон... восемь клетушек... От двенадцати до шестнадцати значит между полуднем и четырьмя часами...

– Но этот Л.С., который будет ждать?

– Л.С. в данном случае должно означать: автомобиль, лошадиная сила, не так ли в спортивном языке обозначают силу мотора? Двадцать четыре Л.С. – это автомобиль в двадцать четыре лошадиные силы.

Дюдуй встал и спросил:

– Заключенный заканчивал завтрак?

– Да.

– И наверное, еще не прочитал это послание, о чем свидетельствует внешний вид сигары; он, вероятно, только что получил ее.

– Но каким путем?

– В продуктах, хлебе или картофелине, кто знает?

– Невозможно. Мы разрешили ему заказывать еду только для того, чтобы поймать его в ловушку, но ничего не нашли.

– Сегодня вечером мы поищем ответ Люпена. А пока подержите его где-нибудь вне этой камеры. Я сейчас отнесу эту записку господину следователю. Если он согласится со мной, мы тут же сфотографируем письмо и через час вы сможете опять положить его в ящик вместе с другими предметами, точно такой же сигарой и подлинным посланием внутри. Заключение не должен ничего заподозрить.

Слегка заинтригованный, месье Дюдуи вновь пришел вечером в канцелярию тюрьмы в сопровождении инспектора Дъези.

В углу на плите стояли три тарелки.

– Он уже поел?

– Да, – ответил начальник тюрьмы.

– Дъези, потрудитесь разрезать на тончайшие кусочки эти остатки макарон и разломите хлебный шарик... Ничего?

– Ничего, шеф.

Месье Дюдуи осмотрел тарелки, вилку, ложку, наконец, нож с закругленным кончиком, как предписано уставом. Покрутил ручку влево, затем вправо. При повороте вправо ручка отошла и раскрутилась. Нож был полым внутри, и в нем, как в футлярчике, лежал листок бумаги.

– Эка невидаль! – заметил Дюдуи. – Не больно-то хитро для такого парня, как Арсен. Но не будем терять время. Дъези, отправляйтесь-ка на разведку в ресторан.

Затем он прочел:

«Я полагаюсь на вас, Л.С. должен следовать в отдалении каждый день. Я пойду навстречу. До скорого свидания, моя дорогая и чудесная».

– Наконец-то, – воскликнул месье Дюдуй, потирая руки, – кажется, дела идут хорошо. Маленький толчок с нашей стороны – и побег удастся... по крайней мере настолько, чтобы позволить нам схватить сообщников.

– А если Арсен Люпен проскользнет у вас между пальцев? – усомнился начальник тюрьмы.

– Мы подключим необходимое количество людей. И если все-таки он окажется слишком проворным... ей-богу, тем хуже для него! Что касается его шайки... коль скоро шеф отказывается говорить, заговорят другие.

И действительно, Арсен Люпен был не очень разговорчив. Несколько месяцев следователь Жюль Бувье напрасно мыкался с ним. Допросы превращались в бессмысленные словопрения со следователем и адвокатом, мэтром Данвалем, одним из корифеев адвокатского сословия, который, между прочим, знал об обвиняемом ничуть не больше первого встречного.

Время от времени из вежливости Арсен Люпен небрежно бросал:

– Да, конечно, господин следователь, я с вами согласен: ограбление Лионского банка, кража на Вавилонской улице, запуск фальшивых денежных знаков, дело о страховых полисах, ограбление замков Армений, Гуре, Эмблебен, Грозейе, Малаки – все это совершил ваш покорный слуга.

– Тогда не могли бы вы мне объяснить...

– Незачем, я признаюсь во всем сразу, во всем и даже в десять раз большем, чем вы предполагаете.

Потеряв терпение, следователь прекратил нудные допросы. Но ознакомившись с двумя найденными записками, возобновил их. И регулярно в полдень Арсена Люпена

вместе с группой заключенных привозили в тюремном фургоне из Санте в полицейский участок. И увозили назад в три-четыре часа дня.

Однажды днем это возвращение происходило при особых обстоятельствах. Поскольку других заключенных Санте еще не допросили, было решено сначала отправить назад Арсена Люпена. Таким образом, он один сел в фургон.

Тюремные фуры, в просторечии называемые «черными воронами», внутри разделены по длине центральным проходом, куда открываются дверцы десяти клетушек — пять справа и пять слева. Каждая клетушка устроена таким образом, что в ней можно только сидеть, и следовательно, пятерых заключенных усаживают одного за другим, а параллельные перегородки разделяют их. Охранник из муниципальной полиции, помещенный в конце прохода, наблюдает за всем происходящим внутри.

Арсена посадили в третью клетушку справа, и тяжелый фургон тронулся. Узник заметил, что фургон уже миновал набережную Орлож и подъезжает к Дворцу правосудия. Тогда посреди моста Сен-Мишель он правой ногой, как делал это всегда, нажал на железную плиту в полу его клетушки. Тут же что-то щелкнуло, и плита незаметно отошла. Он успел заметить, что она находится между колесами.

Люпен ждал, настороженно поглядывая в окошечко. Фургон медленно поехал по бульвару Сен-Мишель. Но на перекрестке у Сен-Жермен остановился. У кого-то из проезжавших пала лошадь. Движение приостановилось, и очень скоро образовалась пробка из фиакров и омнибусов.

Арсен Люпен высунул голову. Другой тюремный фургон остановился рядом. Люпен посильнее приподнял плиту, поставил ногу на обод большого колеса и спрыгнул на землю.

Его увидел какой-то возница, прыснул от смеха, затем решил позвать на помощь, но его голос утонул в грохоте снова тронувшихся повозок. Впрочем, Арсен Люпен был уже далеко.

Он пробежал немного, но, добравшись до тротуара по левую сторону улицы, обернулся и оглядел все вокруг, как человек, не знающий, куда идти, и проверяющий, откуда ветер дует. Затем с решительным видом сунул руки в брюки и небрежной походкой праздного гуляки пошел вверх по бульвару.

День выдался великолепный, приятный и мягкий осенний день. Кафе были полны. Арсен Люпен устроился на террасе одного из них.

Он заказал пиво и пачку сигарет. Маленькими глотками опустошив бокал, Люпен спокойно выкурил одну сигарету и закурил другую. Поднявшись наконец, он попросил официанта позвать метрдотеля.

Последний явился, и Арсен Люпен громко, так, чтобы слышали все, сказал ему:

– Очень сожалею, месье, но я забыл кошелек. Быть может, мое имя вам достаточно хорошо известно, и вы согласитесь предоставить мне кредит на несколько дней. Перед вами Арсен Люпен.

Метрдотель уставился на него, полагая, наверное, что это шутка. Но Арсен повторил:

– Люпен, узник Санте, в настоящее время – в бегах.

Смею надеяться, что это имя внушает вам полное доверие.

И он удалился под дружный хохот окружающих, а метрдотель и не подумал окликать его.

Люпен наискось пересек улицу Суффло и повернул на Сен-Жак. Спокойно прогуливаясь по этой улице, он останавливался у витрин, курил. На бульваре Пор-Рояль прикинул, куда идти, справился у прохожих и зашагал напрямиком в сторону Санта. Вскоре перед ним выросли высокие мрачные стены тюрьмы. Арсен пошел вперед вдоль этих стен и очутился около жандарма, несшего караул. Сняв шляпу, он спросил:

– Тюрьма Санта, это здесь?

– Да.

– Я хотел бы вернуться в свою камеру. Тюремный фургон не довез меня, я потерялся по дороге, но не хотел бы злоупотреблять...

Охранник рассердился:

– Послушайте-ка, идите своей дорогой, и поживее.

– Простите, пожалуйста, но моя дорога проходит через эту дверь. И если вы, друг мой, помешаете Арсену Люпену переступить сей порог, это может вам дорого обойтись.

– Арсен Люпен! Что вы тут плетете!

– Жаль, что я не захватил визитной карточки, – ответил Арсен, делая вид, что роется в карманах.

Ошарашенный часовой оглядел его с ног до головы. Затем, не говоря ни слова, нехотя потянул за шнурок звонка. Железная дверь приоткрылась.

Через несколько минут, размахивая руками и изображая сильный гнев, в канцелярию вбежал начальник тюрьмы. Арсен улыбнулся:

– Полноте, господни начальник, не хитрите со мной. Как! Меня предусмотрительно сажают одного в фургон, ловко организуют маленькую пробку, надеясь, что я дам тягу и побегу к своим друзьям. Но не забывайте о двадцати полицейских агентах, что следовали за нами пешком, в фиакре и на велосипеде. Они так отделали бы меня! Живьем от них я бы не вырвался. Кстати, господин начальник, может, именно на это и был расчет?

Пожав плечами, Арсен добавил:

– Я вас прошу, господин начальник, пусть обо мне никто не хлопочет. В тот день, когда я задумаю убежать, мне никто не понадобится.

На третий день газета «Эко де Франс», определенно превращавшаяся в официальный вестник, рассказывающий о подвигах Арсена Люпена, – поговаривали, что он был одним из основных ее вкладчиков, – описала в мельчайших подробностях историю неудавшегося бегства. Даже текст записок, которыми обменивались заключенный и его таинственная подруга, способы передачи этой корреспонденции, сообщничество полиции, прогулка по бульвару Сен-Мишель, случай в кафе на улице Суффло – все было рассказано. Стало известно, что опросы официантов заведения, проведенные инспектором Дъези, не дали никаких результатов. Более того, выяснилось поразительное обстоятельство, свидетельствующее о безграничном разнообразии средств, которыми располагал этот человек: тюремный фургон, в котором его перевозили, оказался чистой подделкой – банда Люпена подменила им один из шести обычных фургонов, обслуживающих тюрьмы.

Никто уже не сомневался, что побег Арсена Люпена

произойдет в ближайшем будущем. К тому же и сам он недвусмысленно высказывался по этому поводу, а его ответ месье Бувье на следующий день после происшествия только подтвердил это. Когда следователь стал подтрунивать над Люпенем и его неудачей, тот посмотрел на него и холодно сказал:

– Послушайте, что я скажу вам, месье, и поверьте на слово: эта неудачная попытка была частью моего плана бегства.

– Не понимаю, – усмехнулся следователь.

– Вам и незачем понимать.

И поскольку Бувье во время упомянутого допроса, полностью приведенного на страницах «Эко де Франс», вновь приступил к своему расследованию, заключенный со скучающей миной воскликнул:

– Господи, Боже ты мой! Зачем все это? Ведь ваши вопросы не имеют никакого значения!

– Как это «никакого значения»?

– Конечно, ведь я не собираюсь присутствовать на моем процессе.

– Вы не будете присутствовать...

– Не буду, это навязчивая идея, бесповоротное решение. Ничто не заставит меня отступить.

Подобная уверенность, необъяснимая утечка информации, происходившая ежедневно, раздражала и озадачивала правосудие. Речь шла о тайнах, которые были известны только Арсену Люпену, следовательно, только он один мог обнародовать эти данные. Но с какой целью открывал он свои секреты? И как это ему удавалось?

Арсена Люпена перевели в другую камеру. Однажды

вечером он переселился этажом ниже. Следовательно, в свою очередь, закончил дело и отослал его в следственную палату.

Наступило затишье. Оно длилось два месяца. Арсен все это время провалялся на постели, как правило, уткнувшись лицом в стену. Замена камеры, судя по всему, доконала его. Он отказался от встречи с адвокатом. С охранниками перебросился лишь несколькими словами.

За две недели до начала процесса узник как будто оживился. Стал жаловаться на нехватку воздуха. По утрам, очень рано, его стали выводить во двор в сопровождении двух тюремщиков.

Общественный интерес к его делу, однако, не угас. Каждый день все ждали известия о побеге. Этого почти желали, настолько личность заключенного, его остроумие, веселый нрав, непредсказуемость, гениальная изобретательность и таинственная жизнь нравились толпе. Арсен Люпен должен сбежать. Это было неизбежно, фатально. Люди удивлялись даже, почему все так затянулось. Каждое утро префект полиции спрашивал у секретаря:

— Ну что, он еще не сбежал?

— Нет, господин префект.

— Значит, сбежит завтра.

А накануне суда в редакции «Гран журналъ» появился некий господин, вызвал сотрудника, отвечавшего за судебную хронику, бросил ему в лицо свою карточку и быстро удалился. На карточке были написаны следующие слова: «Арсен Люпен всегда выполняет свои обещания».

В такой обстановке и началось слушание дела.

Зал был набит до отказа. Кому же не хотелось увидеть знаменитого Арсена Люпена и насладиться заведомо увлекательным зрелищем посрамления председателя суда! Адвокаты и судьи, хроникеры и щеголи, художники и светские дамы, весь цвет парижского общества теснился на скамейках для слушателей.

Шел дождь, день был пасмурный, и когда охранники ввели Арсена Люпена, разглядеть его было трудно. Вместе с тем грузная фигура, поведение – подсудимый плюхнулся на свое место и застыл с отсутствующим, безучастным видом – не располагали в его пользу. Адвокат – один из секретарей мэтра Данваля, считавшего уготованную ему роль недостойной себя, – несколько раз обратился к подсудимому. Тот качал головой и помалкивал.

Секретарь суда огласил обвинительный акт, затем председатель произнес:

– Обвиняемый, встаньте. Ваши фамилия, имя, возраст и профессия.

Не получив ответа, он повторил:

– Ваше имя! Я спрашиваю, как вас зовут?

Низким усталым голосом подсудимый произнес:

– Бодрю, Дезире.

По залу пробежал шепоток. Но председатель не сдавался:

– Бодрю, Дезире? О! Прекрасно, новое превращение! Но поскольку это примерно восьмое имя, которое вы выдаете за свое, и оно, без сомнения, такое же вымышленное, как и другие, мы, если позволите, остановимся на Арсене Люпене – под этим именем вас знают лучше.

Председатель заглянул в свои записи и продолжил:

– Ибо, несмотря на все поиски, невозможно установить вашу подлинную личность. Вы представляете собой довольно необычную в современном обществе разновидность человека, не имеющего прошлого. Мы не знаем, кто вы такой, откуда взялись, где прошло ваше детство, короче, не знаем ничего. Три года назад вы вдруг вынырнули неизвестно из какой среды и неожиданно явились перед нами в образе Арсена Люпена, представляющем собой странную смесь ума и порока, безнравственности и великодушия. Собранные нами сведения о вашей предыдущей жизни – скорее предположения. Возможно, некий Роста, выступавший восемь лет назад с фокусником Диксоном, был не кто иной, как Арсен Люпен. Не исключено, что русский студент, посещавший шесть лет назад лабораторию доктора Альтье в больнице Сен-Луи и частенько поражавший учителя изобретательностью своих гипотез в сфере бактериологии и смелостью опытов при изучении кожных заболеваний, был не кем иным, как Арсеном Люпеном. Арсен Люпен – это и тренер по японской борьбе, поселившийся в Париже задолго до того, как здесь заговорили о джиу-джитсу. Арсен Люпен, считаем мы, – это также гонщик-велосипедист, завоевавший Большой приз Выставки, получивший 10000 франков и более не объявившийся. Быть может, Арсен Люпен – это также тот человек, что спас столько людей через маленькое слуховое окно во время благотворительной распродажи... и ограбил их.

Помолчав немного, председатель закончил:

– Таков этот период, который, судя по всему, был не более чем тщательной подготовкой к развернутой вами борьбе против общества, методичной тренировкой, которая

позволила вам в высшей степени развить вашу силу, энергию и ловкость. Признаете ли вы, что упомянутые факты действительно точны?

Во время этой речи обвиняемый переминался с ноги на ногу, горбился, руки у него повисли, как плети.

При более ярком свете стали заметны его крайняя бледность, впалые щеки, странно выделяющиеся скулы, землистый цвет лица, испещренного маленькими красными пятнами и обрамленного клочкастой редкой бородашкой. Он сильно состарился и поблек в тюрьме. Ни элегантной фигуры, ни юного лица – газеты так часто публиковали его симпатичные фотографии – теперь было не узнать.

Можно было подумать, что он не слышит вопроса, который ему задали. Пришлось повторить его дважды. Тогда он поднял глаза, вроде бы задумался, затем, сделав отчаянное усилие, прошептал:

– Бодрю, Дезире.

Председатель засмеялся:

– Я все никак не пойму, что за систему защиты вы выбрали, Арсен Люпен. Если вы собираетесь притворяться дураком или невменяемым, дело ваше. Что же касается меня, то я пойду прямо к цели, не считаясь с вашими причудами.

И он перешел к подробному изложению обстоятельств, связанных с кражами, мошенничеством и подлогами, в которых обвинялся Люпен. Иногда он обращался к подсудимому с вопросом. Тот бурчал что-то или не отвечал вовсе.

Начался допрос свидетелей. Последовало несколько

незначащих, затем ряд серьезных показаний, отличающихся общей для всех особенностью: они противоречили друг другу. Непонятная неразбериха запутала дискуссию, но когда в зал пригласили главного инспектора Ганимара, к ней вновь проснулся интерес.

Однако вначале старый полицейский несколько разочаровал аудиторию. Он выглядел не столько смущенным – бывал ведь и не в таких переделках – сколько озабоченным, не в своей тарелке. Несколько раз Ганимар бросал взгляд в сторону обвиняемого и был явно чем-то обеспокоен. Однако, опершись обеими руками на барьер, он рассказывал о тех происшествиях, которыми ему приходилось заниматься, о поисках преступника по всей Европе, о поездке в Америку. Его слушали с такой жадностью, словно речь шла об увлекательнейших приключениях. Но в конце, намекая на свои беседы с Арсеном Люпенем, он дважды прерывался, казался рассеянным и нерешительным.

Было очевидно, что какая-то посторонняя мысль не давала ему покоя.

– Если вы больны, лучше прервем ваши показания, – сказал председатель.

– Нет-нет, только...

Он замолчал, долго пристально посмотрел на обвиняемого и наконец заявил:

– Я прошу разрешения рассмотреть обвиняемого поближе. Тут кроется какая-то тайна, которую я должен разгадать.

Он подошел к скамье подсудимых, сконцентрировав все свое внимание, глядел на обвиняемого, затем вернулся к барьеру для свидетелей и тут чуть ли не торжественным голосом произнес:

– Господин председатель, я утверждаю, что человек, который находится здесь, напротив меня, не Арсен Люпен. Эти слова были встречены глубоким молчанием.

Но опешивший было председатель тут же воскликнул:

– Э! Да что вы такое говорите! Вы с ума сошли!

Инспектор невозмутимо стоял на своем:

– На первый взгляд сходство действительно есть, я это признаю, и потому вполне можно обмануться, но стоит взглядеться... Нос, рот, волосы, цвет кожи... словом, это не Арсен Люпен. К тому же глаза! Разве у Люпена могут быть глаза пропойцы?

– Постойте, постойте, давайте разберемся. Что вы конкретно утверждаете, свидетель?

– Что я могу утверждать? Похоже, вместо себя он подсунил нам какого-то бедолагу, которого и осудят под именем Люпена. Если только перед нами не его сообщник.

В зале, взбудораженном столь неожиданным поворотом дела, раздались крики, хохот, возгласы. Председатель велел вызвать следователя, начальника тюрьмы, надзирателей и объявил перерыв.

Когда заседание возобновилось, месье Бувье и начальник тюрьмы, оказавшиеся лицом к лицу с обвиняемым, заявили, что черты Арсена Люпена и этого человека имеют лишь очень отдаленное сходство.

– Но тогда кто же этот человек? – вспыхнул председатель. – Откуда он взялся? Как попал в руки правосудия?

В зал пригласили двух надзирателей Санте. Поразительная неувязка: они узнали заключенного, которого по очереди охраняли! Председатель облегченно вздохнул:

– Да, да, я почти уверен, что это он.

– Как почти уверены?

– Черт возьми, я же видел его мельком. Преступника привели ко мне как-то вечером и два месяца напролет он пролежал на кровати лицом к стене.

– А до этих двух месяцев?

– О! Раньше-то он не сидел в 24-й камере.

Начальник тюрьмы дал уточнение по этому поводу:

– Мы перевели заключенного в другую камеру после его попытки к бегству.

– Ну а вы, господин начальник тюрьмы, выто видели его в эти два месяца?

– У меня не было повода встречаться с ним... он вел себя спокойно.

– И этот человек вовсе не тот заключенный, который был вверен вам?

– Нет.

– Тогда кто же он?

– Затрудняюсь сказать.

– Итак, подмена, совершенная два месяца назад, налицо. Как вы это объясните?

– Этого быть не могло.

– Неужели?

Видя, что тут ничего не добьешься, председатель повернулся к обвиняемому и доверительным тоном спросил:

– Послушайте, обвиняемый, не могли бы вы объяснить мне, каким образом и с каких пор вы оказались во власти правосудия?

По-видимому, такое доброжелательное обращение рассеяло недоверие подсудимого, и до него что-то дошло. Бодрю попытался ответить. С трудом, благодаря умело и

мягко проведенному допросу, он сумел составить вместе несколько фраз, из которых явствовало следующее. Два месяца назад его забрали в участок. Он провел там ночь и утро. Поскольку у арестованного не нашли ничего, кроме семидесяти пяти сантимов, его отпустили. Но в тот момент, когда он пересекал двор, двое охранников скрутили ему руки и посадили в тюремный фургон. С тех пор он находился в 24-й камере, где было не так уж и плохо... кормят хорошо... можно выспаться... Поэтому он не протестовал...

Все это было похоже на правду. Голос председателя, отложившего разбирательство до следующего заседания в связи с необходимостью дополнительного расследования, утонул в дружном хохоте взбудораженной до предела публики.

Расследование тут же подтвердило этот факт, занесенный в тюремную книгу: восемь недель назад некий Бодрю Дезире провел ночь в полицейском участке. Освобожденный на следующий день, он покинул свою камеру в два часа пополудни. Но именно в этот день, в два часа Арсен Люпен, которого допрашивали в последний раз, вышел из кабинета следователя, чтобы вернуться в Санте в тюремном фургоне.

Быть может, охранники совершили ошибку? Уж не сами ли они поменяли узника на этого человека, обманувшись сходством, или просто отвлеклись на минуту? Поистине это было бы такой халатностью, в которой трудно заподозрить охранников, учитывая их послужной список.

Была ли заранее подготовлена операция? Помимо того,

что само место действия превращало ее в почти невыполнимое предприятие, обязательным условием успеха должно было бы быть сообщничество Бодрю, устроившего свой арест с единственной целью: занять место Арсена Люпена. Но тогда каким чудом подобный план, построенный исключительно на ряде неправдоподобно удачных совпадений, случайных встреч и фантастических ошибок, смог осуществиться?

Дезире Бодрю проверили через антропометрическую службу: карточек, содержащих данные о нем, не оказалось. Впрочем, следы этого человека были обнаружены легко. В Курбевуа, Аньере, Леваллуа он был известен. Жил на подаение, а спал в одной из лачуг старьевщиков, каких полно у Тернской заставы. Год назад он, однако, исчез.

Быть может, Арсен Люпен нанял его? Никаких оснований для подобного предположения не было. А если бы такое и случилось, к истории бегства заключенного ничего нового это не добавляло. Загадка оставалась по-прежнему неразрешимой. Из двадцати гипотез, претендующих на ее объяснение, ни одна не подходила полностью. Бесспорным оставался только факт бегства, необъяснимый и впечатляющий; общественность, так же как правосудие, догадывалась, что это кульминация давно готовившегося действия, включающего целую серию чудесным образом перепутанных между собой событий, развязка которых призвана оправдать справедливость высокомерного предупреждения Арсена Люпена: «Я не собираюсь присутствовать на моем процессе».

Месяц спустя, несмотря на тщательное расследование, загадка оставалась все так же неразрешимой. И разумеется,

нельзя было бесконечно держать под стражей беднягу Бодрю. Судить его было бы смешно: какие обвинения можно было ему предъявить? Следователь подписал постановление о его освобождении. Но начальник тюрьмы решил установить за ним пристальное наблюдение.

Идея исходила от Ганимара. С его точки зрения, ни о сообщничестве, ни о случайности тут не могло быть и речи. Бодрю оказался игрушкой в руках Арсена Люпена, использовавшего беднягу с необыкновенной ловкостью. Бодрю освободили, но через него можно было добраться до Арсена Люпена или по меньшей мере до кого-нибудь из его банды.

В помощь Ганимару выделили двух полицейских – Фольанфана и Дъези. И вот туманным январским утром перед Бодрю Дезире распахнулись двери тюрьмы.

Вначале он как будто замешкался и пошел, не имея, видно, никакого представления, чем теперь заняться. Прошел улицу Санте, затем Сен-Жак. У лавки старьевщика он снял жилет, продал его за несколько су, надел куртку и удалился.

Бодрю перешел на другой берег Сены. Около Шатле его обогнал омнибус. Он хотел сесть в него. Но свободных мест не оказалось. Контролер посоветовал ему купить билет, и Бодрю вошел в зал ожидания.

В этот момент Ганимар подозвал своих помощников и, не отводя глаз от кассы, быстро сказал им:

– Остановите коляску... нет, две, так надежнее. Я поеду с одним из вас, мы проследим за ним.

Полицейские бросились выполнять приказ. Бодрю, однако, не показывался. Ганимар вошел в зал ожидания: никого.

– Какой же я идиот! – прошептал он. – Забыл о втором выходе.

И в самом деле, зал ожидания внутренним коридором соединялся с аналогичным помещением на улице Сен-Мартен. Ганимар кинулся туда. Добежал как раз вовремя, чтобы увидеть Бодрю на империале «Батиньоль – Ботанический сад», поворачивающем за угол улицы Риволи. Ганимар побежал и догнал омнибус. Но потерял своих агентов. Теперь придется одному продолжать слежку.

В гневе он чуть не схватил Бодрю за воротник без всяких церемоний. Разве не преднамеренно, посредством простой, но хитроумной уловки этот, с позволения сказать, кретин оторвал его от помощников?

Инспектор посмотрел на Бодрю. Тот похрапывал на лавке, и его голова раскачивалась справа налево. Рот чуть приоткрыт, на лице – немыслимо тупая гримаса. Нет, такому противнику уж никак не провести старого Ганимара. Просто ему помог случай, и все.

На перекрестке у Галери-Лафайет мужчина перескочил из омнибуса в трамвай, отправлявшийся к Ая-Мюэт. Проехали по бульвару Османа, проспекту Виктора Гюго. Бодрю вышел лишь у станции метро «Ля Мюэт». И разбитной походкой направился к Булонскому лесу.

Он переходил с одной аллеи на другую, возвращался назад, опять забегал далеко вперед.

Спустя час эти маневры, видимо, здорово утомили его. И увидев скамейку, он присел. Место это, расположенное неподалеку от Отей, на берегу маленького, затерянного среди деревьев озера, было совершенно безлюдным.

Прошло полчаса. Потеряв терпение, Ганимар решил начать разговор.

Он подошел к скамье и сел рядом с Бодрю. Зажег сигарету, концом трости нарисовал несколько кругов на песке и сказал:

– Что-то не жарко.

Молчание. И вдруг в тишине раздался взрыв хохота, но хохота веселого, довольного – так смеется помирающий со смеху ребенок, когда не в силах сдержаться. Ганимар совершенно отчетливо, физически ощутил, как волосы у него встают дыбом и оттягивают кожу головы. Этот безудержный демонический смех так хорошо ему знаком!..

Резким движением он схватил мужчину за отвороты пиджака и пристально, напряженно, внимательнее, чем в суде, рассмотрел его, но перед ним был не тот человек, которого он там видел. Точнее, это был он, но в то же время другой, настоящий.

Сконцентрировав всю свою волю, Ганимар постепенно узнавал искрящиеся жизнью глаза, заново лепил маску исхудавшего лица, пытался разглядеть подлинную кожу под поврежденной эпидермой, настоящий рот – за искажившей его усмешкой. То были глаза и рот другого человека, а главное – выражение лица: пронизательное, живое, насмешливое, умное, такое безмятежное и молодое!

– Арсен Люпен, Арсен Люпен, – пробормотал инспектор.

И вдруг в припадке злости он сдавил ему горло и попытался опрокинуть. Несмотря на свои пятьдесят лет, Ганимар обладал еще недюжинной силой, тогда как его противник казался довольно хлипким. Какая это будет победа, если удастся отвести Люпена назад!

Борьба длилась недолго. Арсен Люпен еле защищался, но Ганимар оторвался от него так же быстро, как набросился. Правая рука полицейского повисла, как плеть, и одеревенела.

— Если бы на набережной Орфевр вас обучали джиу-джитсу, — заявил Люпен, — вы бы знали, что этот прием по-японски называют уди-шаги.

И холодно добавил:

— Еще секунда, и рука была бы сломана, впрочем, вы получили бы по заслугам. Подумать только, старый друг, которого я так уважаю, кому я, не раздумывая, открываю свое инкогнито, злоупотребляет моим доверием! Плохо... Ну, говорите, что там у вас?

Ганимар молчал. Побег — он считал себя виновным в случившемся. Разве не он своим сенсационным свидетельством ввел правосудие в заблуждение? Да, этот побег ляжет позорным пятном на его карьеру. К седым усам скатилась слеза.

— Боже мой, Ганимар, не расстраивайтесь: не вы, так кто-нибудь другой сказал бы то же самое, я бы устроил это. Полноте, не мог же я допустить, чтобы приговорили Бодрю Дезире?

— Значит, — прошептал Ганимар, — там сидели вы? И здесь тоже вы!

— Я, всегда я и только я.

— Невероятно.

— О! Для этого вовсе не надо быть колдуном. Достаточно, как сказал наш славный председатель, потренироваться с десятков лет и будешь готов к любым неожиданностям.

– Ну а лицо, глаза?

– Вы же прекрасно понимаете: уж если я полтора года проработал в Сен-Луи с доктором Альтье, то вовсе не из любви к искусству. Я решил, что тот, кто однажды будет иметь честь называть себя Арсеном Люпенем, должен освободиться от диктата естественных законов, определяющих внешний вид и характер. Внешность? Ее ведь можно изменять по своему усмотрению. Одна подкожная парафиновая инъекция – и кожа вздуется у вас на том месте, где надо. Пирогалловая кислота превратит вас в мегиканина. Сок большого чистотела украсит вас лишаями и опухольями в лучшем виде. Один химический препарат воздействует на рост бороды и волос, другой – на тембр голоса. Прибавьте к этому два месяца диеты в камере № 24 и тысячу раз повторенные упражнения, чтобы рот открывался именно с такой вот ухмылкой, чтобы голова привыкла держаться немного набок, а спина сгибалась под нужным углом. Наконец, пять капель атропина в глаза, чтобы получился блуждающий, отстраненный взгляд, – и дело в шляпе.

– Я не понимаю, как надзиратели...

– Превращение происходило постепенно. Они не могли заметить ежедневных изменений.

– Ну а Бодрю Дезире?

– Бодрю существует. Бедняга здесь совсем ни при чем. Я познакомился с ним в прошлом году, и действительно в некотором сходстве со мной ему не откажешь. На случай ареста – а он всегда возможен – я устроил его в надежном месте и прежде всего занялся выявлением черт, отличающих нас друг от друга, с тем, чтобы сделать их, насколько

возможно, незаметными в моем внешнем облике. Мои друзья устроили так, чтобы он провел ночь в полицейском участке, и был выпущен примерно в тот же час, когда выходил я, дабы совпадение это легко было установить. Ибо, заметьте, надо было оставить след его пребывания в участке, иначе правосудие попыталось бы узнать, кто я такой. Тогда как, преподнеся им этого чудного Бодрю, оно неизбежно, слышите, неизбежно должно было ухватиться за него и, несмотря на непреодолимые трудности при подобной подмене, предпочло бы скорее поверить в нее, нежели расписаться в своем бессилии.

– Да, да, действительно так, – прошептал Ганимар.

– И потом, – воскликнул Арсен Люпен, – у меня в руках был потрясающий козырь, карта, подсунутая мною с самого начала: всеобщее ожидание моего бегства. Вот она, грубая ошибка, допущенная вами и остальными в затеянной мною захватывающей игре с правосудием, где ставкой была моя свобода: вы в очередной раз предположили, что я действую из фанфаронства и, как молокосос, опьянен своими успехами. Чтобы я, Арсен Люпен, был так мелок! И так же, как в деле Каорна, вы не сказали себе: «Коль скоро Арсен Люпен кричит на весь мир, что убежит, значит, у него есть причины, вынуждающие сделать это». Черт возьми, поймите же, что для того, чтобы бежать... не убегая, надо было заставить всех заранее поверить в это бегство, мой побег должен был стать догмой, абсолютной убежденностью, истиной, непреложной, как солнечный свет. Так все и произошло, в соответствии с моим планом. Арсен Люпен должен был убежать и, конечно, не мог присутствовать на своем процессе. А когда вы встали и

сказали: «Этот человек не Арсен Люпен», было бы противоестественным, если бы все тут же не поверили этому. Если бы хоть один человек усомнился, хотя бы один осмелился возразить: «А вдруг это все же Арсен Люпен», в ту же минуту я бы погиб. Достаточно было наклониться ко мне, но не с мыслью о том, что я не Арсен Люпен, как сделали вы и остальные, а просто предполагая, что я мог быть и Арсеном Люпенем, то, несмотря на все мои ухищрения, меня бы узнали. Но я был спокоен. Логически, психологически эта простая идея никому не могла прийти в голову.

Вдруг он схватил Ганимара за руку.

— Ну признайтесь, Ганимар, через неделю после нашего разговора в Санте вы ведь ждали меня в четыре часа у себя дома, как я вас просил?

— А ваш тюремный фургон? — сказал Ганимар, избегая ответа.

— Блеф! Мои друзья подлатали и подменили старый, вышедший из строя фургон, они хотели освободить меня с его помощью. Но я знал, что фургон совершенно негоден для этого, если не помогут особенно удачные обстоятельства. Однако решил, что будет полезно проиграть до конца мизансцену побега и придать этому делу как можно большую огласку. Дерзость первой попытки гарантировала успех второго побега, ибо все поверили, что он уже произошёл.

— То же самое с сигарой...

— С сигарой и ножом, набитыми мною самим.

— А записки?

— Их тоже написал я.

- А таинственная корреспондентка?
- Мы с ней одно целое. Ведь для меня изменить почерк – пара пустяков.

Ганимар секунду подумал и возразил:

– Но как же могло случиться, что в антропометрической службе, когда достали карточку Бодрю, никто не заметил ее сходства с карточкой Арсена Люпена?

– Карточки Арсена Люпена не существует.

– Ну и ну!

– Или в лучшем случае она фальшивая. Эту проблему я долго изучал. Система Бертийона включает прежде всего визуальные данные – вы сами видите, что этот метод не безупречен, – а затем измерения: головы, пальцев, ушей и т.д. Вот здесь уж ничего не поделаешь.

– Значит?

– Значит, пришлось заплатить. Еще до моего возвращения из Америки один из сотрудников этой службы согласился вписать ложные данные в мою карточку. Этого достаточно, чтобы вся система рухнула и чтобы карточка попала совсем в другой ящик, а не туда, куда должна была попасть. Следовательно, карточка Бодрю не могла совместиться с карточкой Арсена Люпена.

Опять воцарилось молчание, затем Ганимар спросил:

– А теперь что вы намерены делать?

– Теперь, – воскликнул Люпен, – я собираюсь отдохнуть, подлечиться обжорством и постепенно снова стать самим собой. Очень приятно побыть Бодрю или кем-то другим, сменить свою сущность, как рубашку, выбрав ту или иную внешность, голос, взгляд, почерк. Но порой после всего этого бывает трудно узнать самого себя, что до-

вольно грустно. Сейчас я испытываю нечто подобное тому, что чувствует человек, утративший свою тень. И пытаюсь найти себя... вновь обрести свое «я».

Он прошелся взад-вперед. Дневной свет сменился легкими сумерками. Люпен остановился перед Ганимаром.

– Нам, полагаю, больше нечего сказать друг другу?

– Да, – ответил инспектор, – я хотел бы знать, откроете ли вы правду о вашем бегстве... Ошибка, допущенная мною...

– О! Никто никогда не узнает, что вы отпустили Арсена Люпена. Я слишком заинтересован в том, чтобы с моим именем были связаны самые загадочные и непроницаемые тайны, и потому не хочу лишать это бегство его фантастического ореола. Ничего не бойтесь, мой добрый друг, и прощайте. Сегодня вечером я ужинаю в городе, а мне еще надо успеть переодеться.

– А я уж поверил, что вы горите желанием отдохнуть.

– Увы! Есть светские обязанности, которых невозможно избежать. Отдых начнется завтра.

– А где состоится ужин?

– В английском посольстве.

ТАИНСТВЕННЫЙ ПАССАЖИР

Накануне я распорядился, чтобы мой автомобиль перегнали в Руан по шоссе. А сам поехал на поезде, собираясь пересесть там за руль и отправиться к друзьям, которые живут на берегу Сены.

Однако в Париже, за несколько минут до отправления, в мое купе ввалилось семеро мужчин; пятеро из них курили.

И хотя в скором поезде ехать предстояло недолго, перспектива провести все это время в такой компании мне не улыбалась, тем более что наш вагон был старой конструкции и в нем не было коридора. Так что взял я пальто, газеты, свой путеводитель и сбежал в одно из соседних купе.

В нем сидела женщина. При моем появлении она так передернулась от досады, что я не мог этого не заметить, затем склонилась к мужчине, стоявшему на подножке, – наверное, мужу, провожавшему ее на вокзале. Этот господин оглядел меня, но осмотр, видимо, завершился в мою пользу, так как он с улыбкой, словно успокаивая напуганного ребенка, что-то тихо сказал жене. Вот и она улыбнулась, бросив мне дружеский взгляд, будто вдруг поняла, что я принадлежу к той породе галантных мужчин, с которыми женщина может провести два часа в запертой конурке – шесть шагов в длину, шесть в ширину – без всякой опаски.

Муж сказал ей:

– Не сердись, дорогая, но у меня неотложная встреча, я не могу больше ждать.

Он нежно поцеловал ее и ушел. Жена посылала ему вслед воздушные поцелуи и махала платком.

Но вот раздался свисток. Поезд тронулся.

Именно в этот момент, несмотря на сопротивление проводников, дверь открылась, и в нашем купе появился мужчина. Моя спутница, стоя раскладывая свои вещи в вагонной сетке, вскрикнула от страха и упала на сиденье.

Я не из трусливых, вовсе нет, но, признаться, такие вторжения в последнюю минуту всегда неприятны. Они

воспринимаются превратно, кажутся не очень естественными. Так и ждешь какого-нибудь подвоха, иначе зачем...

Однако внешность новоприбывшего и его манеры в какой-то мере сгладили неприятное ощущение, вызванное его действиями. Корректен, чуть ли не элегантен, галстук хорошего вкуса, чистые перчатки, энергичное лицо...

Черт возьми, где-то я видел его, но где? Не могло быть никаких сомнений, я его видел. Если говорить точнее, во мне как будто проснулось некое воспоминание, которое обычно оставляет многократное созерцание портрета, если оригинал увидеть так и не удалось. И в то же время я чувствовал, что рыться в памяти бесполезно, настолько это воспоминание было зыбким, расплывчатым.

Но переключив свое внимание на даму, я был поражен тем, как она побледнела и как исказились черты ее лица. Она смотрела на своего соседа – он сел рядом с ней – с откровенным ужасом, и я заметил, что дрожащая рука женщины потянулась к маленькому саквоюжу, лежавшему на сиденье в двадцати сантиметрах от ее колен. В конце концов она дотянулась до него и нервным движением прижала к себе.

Наши взгляды встретились, и я увидел в ее глазах такую боль и тревогу, что, не удержавшись, спросил:

– Вы плохо себя чувствуете, мадам? Не открыть ли окно?

Ничего не ответив, она испуганно указала мне на нашего спутника. Я улыбнулся так же, как ее муж, пожал плечами и знаками объяснил, что ей нечего бояться, что я нахожусь здесь, рядом и что этот господин, кажется, совсем не опасен.

В этот момент он обернулся к нам, оглядел меня и ее с ног до головы, затем сжался в своем углу и больше не шевелился.

Стало тихо, но дама, видимо, собрав всю свою энергию перед отчаянным шагом, прошептала мне еле слышным голосом:

– Знаете ли вы, кто находится в нашем купе?

– Кто?

– Это же он... он... я вас уверяю.

– Кто он?

– Арсен Люпен.

Она не спускала глаз с пассажира, и скорее в его, нежели в мою, сторону было брошено это страшное имя.

Пассажир надвинул шляпу на нос. Для того чтобы скрыть замешательство или просто-напросто собирался заснуть?

Я попытался возразить даме:

– Арсена Люпена вчера заочно приговорили к двадцати годам каторжных работ. И маловероятно, что уже сегодня он будет настолько опрометчив, чтобы показаться на людях. Кроме того, газеты, если не ошибаюсь, сообщили, что этой зимой, после нашумевшего побега из Санте, его видели в Турции.

– Он едет в нашем поезде, – повторила дама, стараясь говорить громче, явно для того, чтобы ее услышал наш спутник, – мой муж заместитель начальника управления исправительных учреждений, и сам комиссар вокзала сообщил нам, что ищут Арсена Люпена.

– Это еще не основание...

– Его видели в зале ожидания. Он взял билет до Руана, в первый класс.

– Но ведь его легко было арестовать.

– Он исчез. Контролер у входа в зал ожидания не заметил его, предполагают, что он прошел через пригородный перрон и поднялся в экспресс, который отходит на десять минут позже нашего поезда.

– В таком случае его, наверное, там и взяли.

– А если в последний момент он выпрыгнул из своего вагона и перебрался сюда, на наш поезд... что вполне возможно... и вполне вероятно?

– Значит, его схватят здесь. Так как служащие вокзала и полицейские агенты не могли не заметить этого скачка из одного поезда в другой, и когда мы прибудем в Руан, его непременно поймают.

– Его – никогда! Он опять найдет способ улизнуть.

– В таком случае я желаю ему счастливого пути!

– Но до тех пор он такого натворит!

– А именно?

– Откуда мне знать? Тут можно ожидать чего угодно!

Она была крайне взволнована; да и в самом деле, обстановка в купе в какой-то степени способствовала столь сильному нервному возбуждению.

– Действительно, бывают любопытные совпадения... – бросил я ей как бы невзначай. – Но успокойтесь. Если даже Арсен Люпен едет в одном из вагонов этого поезда, вести себя он будет очень смирно; и чтобы не навлечь на свою голову новых неприятностей, будет, наверное, думать только о том, как бы избежать угрожающей ему опасности.

Мои слова несколько не успокоили ее. Тем не менее она промолчала, не желая, видимо, показаться бестактной.

Я же стал перелистывать газеты и прочел отчеты о

процессе Арсена Люпена. Поскольку в них не содержалось ничего такого, что не было бы уже известно, они меня не слишком заинтересовали. Кроме того, я устал, не выспался и почувствовал, как веки мои тяжелеют, а голова клонится набок.

– О, месье, не надо спать!

Дама вырвала из моих рук газету и сердито посмотрела на меня.

– Конечно, – ответил я, – я и не собираюсь.

– Это было бы крайне неосторожно, – заметила она.

– Крайне неосторожно, – повторил я.

И после этого изо всех сил боролся со сном, цепляясь взглядом за пейзаж, за тучи, плывущие по небу.

Но вскоре все это растворилось в пространстве, образы возбужденной дамы и дремлющего господина вылетели из моей головы, и по всему телу разлилась бесконечная и глубокая сонная тишина.

Вскоре ее наполнили расплывчатые и легкие сны, и в них определенное место занимало существо, игравшее роль и носящее имя Арсена Люпена. Он уходил за горизонт, неся на спине драгоценные предметы, перелезал через стены и опустошал замки.

Но вот силуэт этого человека, который уже не был Арсеном Люпеном, обозначился яснее. Он шел мне навстречу, становясь все выше и выше, с невероятной ловкостью прыгнул в вагон и упал прямо мне на грудь.

Острая боль... душераздирающий крик. Я проснулся. Мужчина, пассажир, сжимал мне горло, придавив коленом грудь.

Я еле-еле разглядел эту картину, потому что глаза мои

были залиты кровью. Дама, забившись в угол, корчилась в нервном припадке. Я даже не пытался сопротивляться. Да и сил у меня не было: в висках стучало, не хватало воздуха... я хрипел. Еще минуту... и наступило бы удушье.

Мужчина, видно, почувствовал это и отпустил мое горло. Однако, не отодвинувшись ни на йоту, правой рукой он вытащил веревку с заранее заготовленной затяжной петлей и резким движением стянул мне запястья. В одну секунду я оказался связан, парализован, с кляпом во рту.

Все это он проделал самым естественным образом, с ловкостью, обнаружившей руку мастера, профессионального вора и преступника. Ни одного слова, ни одного лишорадочного движения. Хладнокровие и отвага. И вот я сижу на сиденье купе, связанный как мумия. Я! Арсен Люпен!

Смех да и только. Но хотя обстоятельства обернулись не очень приятной стороной, я не мог не оценить весь комизм и пикантность ситуации. Облапошить Арсена Люпена как приготовишку! Обобратить как первого встречного, ибо бандит, конечно же, не пренебрег моим кошельком и бумажником! Арсен Люпен – жертва, одурачен, побежден... Вот так история!

Дело было за дамой. На нее он просто не обращал внимания. Только поднял сумочку, валявшуюся на коврике, и вынул из нее драгоценности, кошелек, золотые безделушки и деньги. Дама приоткрыла один глаз, задрожала от страха, сама сняла кольца и протянула их мужчине, словно не желая слишком утруждать его. Он взял кольца и взглянул на женщину: она потеряла сознание.

После этого, по-прежнему молча и спокойно, не обра-

щая больше на нас внимания, он вернулся на свое место, закурил сигарету и приступил к тщательному осмотру обретенных сокровищ, который, судя по всему, удовлетворил его вполне.

Я же был удовлетворен значительно меньше. И дело тут не в двенадцати тысячах франков, которых меня столь бесцеремонно лишили: с этой потерей я смирился лишь ненадолго, не сомневаясь, что эти двенадцать тысяч вернутся ко мне в самое ближайшее время, как и те очень важные бумаги, что оказались в украденном бумажнике: планы, расчеты, адреса, списки корреспондентов, компрометирующие письма. В этот момент у меня был более серьезный, первоочередной повод для беспокойства.

Что произойдет дальше?

Как вы понимаете, суматоха, вызванная моим появлением на вокзале Сен-Лазар, не ускользнула от меня. Отправляясь в гости к друзьям, которые знали меня под именем Гийома Берла и добродушно подтрунивали над моим сходством с Арсеном Люпенем, загримироваться как следует я не мог, потому-то мое появление и было замечено. Более того, видели человека, перескочившего из экспресса в скорый поезд. Кто же это мог быть, как не Арсен Люпен? Следовательно, полицейский комиссар Руана, предупрежденный телеграммой, в сопровождении внушительного отряда агентов неизбежно, фатально окажется на перроне в ожидании поезда, будет расспрашивать всех подозрительных пассажиров и тщательно обследует все вагоны.

Все это я предвидел, но особенно не беспокоился, будучи уверенным в том, что полиция Руана не прозорливее

парижской и я сумею проскочить незамеченным – разве недостаточно было бы при выходе небрежно показать свое депутатское удостоверение, благодаря которому я уже внушил полное доверие контролеру на вокзале Сен-Лазар? Но обстоятельства так изменились! Теперь я не был свободен. И ни один из моих обычных трюков теперь неприемлем. В одном из вагонов комиссар обнаружит господина Арсена Люпена, посланного ему счастливым случаем, да еще со связанными руками и ногами, смиренного как овечка, упакованного, готовенького. Полицейскому останется только получить груз, как получают на вокзале адресованную вам почтовую посылку, корзину с дичью или овощами и фруктами.

Но как же мне, опутанному веревками, избежать столь неприятной развязки?

А скорый, оставив позади Вернон и Сен-Пьер, мчался в сторону Руана, последней и уже близкой станции.

Занимала меня и другая проблема, хотя прямого отношения ко мне она не имела, но пробуждала чисто профессиональное любопытство. Каковы были намерения нашего спутника?

Если бы я был один, в Руане он бы успел совершенно спокойно выйти из вагона. Но дама? Стоило дверце открыться, как она, такая послушная и тихая в данный момент, закричала бы, заметалась, стала бы звать на помощь!

Вот это меня и удивило! Почему он не лишил ее, так же, как меня, возможности действовать, что позволило бы ему спокойно исчезнуть до того, как обнаружится его двойное злодеяние?

Наш спутник по-прежнему курил, уставившись в окно,

которое несмелые капли дождя начинали разрисовывать длинными косыми линиями. Один раз он все же обернулся, схватил мою железнодорожную карту и что-то проверил по ней.

Дама старательно изображала обморок, чтобы обмануть врага. Но приступы кашля, вызванные дымом, выдавали ее.

Мне же было совсем не по себе, нещадно ныли суставы. А я все думал... прикидывал...

Пон-де-л'Арш, Уассель... Скорый весело мчался вперед, и, словно опьянев от скорости, стучали колеса.

Сент-Этьен... В этот момент мужчина встал и сделал два шага в нашу сторону, на что дама поспешила отреагировать новым криком и непритворным обмороком.

Но что же все-таки задумал наш попутчик? Вот он опустил окно с нашей стороны. Дождь лил теперь как из ведра, мужчина чуть отстранился, явно раздраженный тем, что у него нет ни зонтика, ни пальто. Бросил взгляд на сетку: в ней лежал дамский зонтик. Он взял его, затем мое пальто, оделся.

Поезд мчался над Сеной. Он завернул обшлага брюк, затем, перегнувшись, приподнял задвижку с внешней стороны.

Уж не собирается ли он выпрыгнуть на ходу? При такой скорости он неизбежно погибнет. Поезд ворвался в туннель, прорытый под холмом Сент-Катрин. Мужчина открыл дверцу, нащупал ногой первую ступеньку. Какое безумие! Тьма, дым, грохот – бредовость подобной попытки при таких условиях казалась очевидной. Но вдруг поезд замедлил ход, тормоза сдерживали стремительное

вращение колес. Через минуту состав уже двигался медленно, затем – еле-еле. Наверняка в этой части туннеля велись работы по укреплению свода, отсюда и необходимость замедлять ход поездов; вероятно, работы начались лишь несколько дней назад, и это было известно нашему попутчику.

Таким образом, ему оставалось поставить другую ногу на верхнюю ступеньку, спуститься на вторую и тихо-мирно удалиться, не забыв предварительно опустить щеколду и запереть дверцу.

Едва он исчез, как дымовая завеса, прорвавшись к дневному свету, превратилась в белое облако. Поезд выехал в долину. Еще один туннель, и мы уже в Руане.

Дама тут же пришла в себя и в первую очередь принялась оплакивать свои утраченные драгоценности. Я взглядом молил ее. Она поняла, что я задыхаюсь, и освободила меня от кляпа. Затем хотела развязать путы, но я воспротивился.

– Нет, нет, пусть полиция увидит все, как есть. Я хочу, чтобы они знали, что это за негодяй.

– А может быть, мне нажать на стоп-кран?

– Слишком поздно, об этом надо было подумать, когда он набросился на меня.

– Но он убил бы меня! О, месье! Не говорила ли я вам, что он едет в нашем поезде! Я его тут же узнала по портрету. А теперь он убежал, прихватив мои драгоценности.

– Его найдут, не бойтесь.

– Найти Арсена Люпена! Никогда.

– Это зависит от вас, мадам. Послушайте. Как только мы приедем, встаньте у дверцы и зовите на помощь, под-

нимите шум. Затем в нескольких словах расскажите обо всем, что вы видели: о нападении, жертвой которого я стал, и о бегстве Арсена Люпена, опишите его, упомянув о мягкой шляпе, зонтике – вашем зонтике – и сером приталенном пальто.

– Вашем пальто, – уточнила она.

– Как моем? Нет, его. У меня не было пальто.

– Мне показалось, что он, когда вошел, тоже был без пальто.

– Да, конечно... если только кто-нибудь не забыл свою одежду в сетке. Во всяком случае, когда он убегал, оно на нем было, и это главное... серое приталенное пальто, запомните... О! Забыл... прежде всего назовите свое имя. Положение вашего мужа подстегнет усердие этих господ.

Подъехали. Она уже высунулась из дверцы. Я опять заговорил довольно твердым, почти повелительным тоном, чтобы мои слова хорошенько запечатлелись у нее в памяти:

– Назовите и мое имя, Гийом Берла. Если надо, скажете, что я ваш знакомый... Это позволит нам выиграть время... Надо быстро покончить с предварительным расследованием... Главное – погоня за Арсеном Люпеном... ваши драгоценности... Вы не ошибетесь, не правда ли? Гийом Берла, друг вашего мужа.

– Договорились... Гийом Берла.

Размахивая руками, она уже звала на помощь. Едва поезд остановился, как какой-то господин в сопровождении нескольких человек поднялся в вагон. Критический миг приближался.

Задышавшись, дама воскликнула:

– Арсен Люпен... он набросился на нас... украл мои

драгоценности... Я мадам Рено... Мой муж – заместитель начальника управления тюрем... О! Посмотрите, вот как раз и мой брат, Жорж Ардель, директор Руанского банка... вы должны его знать...

Она облобызала только что подошедшего молодого человека, с которым поздоровался полицейский комиссар, и плачущим голосом продолжала:

– Да, Арсен Люпен... когда месье заснул, он бросился на него и схватил за горло... Месье Берла, друг моего мужа.

– Но где же Арсен Люпен? – спросил комиссар.

– Он выпрыгнул из поезда в туннеле, за Сеной.

– Вы уверены, что это был он?

– Уверена ли я! Я его прекрасно узнала. К тому же его видели на вокзале Сен-Лазар. На нем была мягкая шляпа.

– Да нет... шляпа из жесткого фетра, как вот эта, – поправил ее комиссар, показав на мою шляпу.

– Мягкая шляпа, я это утверждаю, – повторила мадам Рено, – и серое приталенное пальто.

– Действительно, – пробормотал комиссар, – в телеграмме упомянуто серое пальто, приталенное и с черным бархатным воротником.

– Верно, с черным бархатным воротником, – торжественно воскликнула мадам Рено.

Я облегченно вздохнул. О! Моя храбрая, моя великолепная спутница, как вы оказались кстати!

Тем временем полицейские освободили меня от моих пут. Я жестоко искусал себе губы, потекла кровь. Согнувшись вдвое, с платком у рта, как подобает человеку, долгое время просидевшему в неудобной позе и хранящему на лице кровавые следы от кляпа, ослабевшим голосом я сказал комиссару:

– Месье, это был Арсен Люпен, сомнений нет... Если не мешкать, его еще можно поймать... Надеюсь, смогу быть вам чем-то полезен...

Вагон, который должен был стать объектом расследования, был отцеплен. Поезд отправился в Гавр. Нас повели в кабинет начальника вокзала сквозь толпу любопытных, заполнивших перрон.

В этот момент я заколебался. Мне легко было удалиться под каким-нибудь предлогом, найти свой автомобиль и бежать. Дальнейшее ожидание было опасно. Достаточно было какого-нибудь инцидента или появления телеграммы из Парижа, и я пропал.

Да, но мой вор? Вынужденный рассчитывать только на собственные средства, оказавшись в незнакомом месте, я вряд ли мог найти его.

«Что ж! Рискнем, – подумал я, – и останемся. Партию выиграть трудно, но поиграть в нее очень забавно! Да и ставка того стоит».

И так как нас просили еще раз повторить показания, я воскликнул:

– Господин комиссар, сейчас Арсен Люпен опережает нас. Мой автомобиль стоит во дворе. Если вы доставите мне удовольствие и сядете в него, мы попытаемся...

Комиссар с хитрым видом улыбнулся:

– Идея неплоха... настолько неплоха, что уже осуществляется.

– О!

– Да, месье, некоторое время назад... два моих агента уже отправились на велосипедах...

– Но куда?

– К выходу из туннеля. Там они будут искать следы, соберут свидетельские показания и поедут по следу Арсена Люпена.

Я не удержался и пожал плечами.

– Ваши два агента ни следов не найдут, ни показаний не соберут.

– Неужели?

– Арсен Люпен позаботился о том, чтобы никто не увидел, как он выходит из туннеля. Он доберется до ближайшей дороги и оттуда...

– И оттуда – в Руан, где мы его и поймает.

– Он не пойдет в Руан.

– Значит, будет бродить в его окрестностях, где мы чувствуем себя еще увереннее.

– Он не останется в окрестностях.

– Да ну! И где же он будет прятаться?

Я достал часы.

– В настоящее время Арсен Люпен бродит неподалеку от вокзала Дарнеталь. В десять часов пятьдесят минут, то есть через двадцать две минуты, на Северном вокзале он сядет в поезд, следующий из Руана в Амьен.

– Вы полагаете? Но откуда вам это известно?

– О! Все очень просто. В купе Арсен Люпен смотрел мою карту. Зачем? Не было ли неподалеку от того места, где он исчез, другой линии железной дороги, вокзала на ней и поезда, останавливающегося на этом вокзале? Я тоже рассматривал свою карту. Вот откуда моя идея.

– Воистину, месье, – сказал комиссар, – великолепный расчет. Какая компетентность!

Но, увлекшись своей идеей, я допустил оплошность,

слишком открыто продемонстрировав свое мастерство. Полицейский смотрел на меня с удивлением, казалось, им овладело какое-то смутное подозрение. О, очень смутное, потому что фотографии, разосланные повсюду полицией, были слишком плохи, Арсен Люпен выглядел на них совсем не похожим на того человека, что стоял перед ним, и узнать его было невозможно. И все же полицейский был чем-то смущен, как-то странно озабочен.

На минуту все замолчали. Что-то двусмысленное и непонятное сдерживало разговор. Даже меня пробрала дрожь, стало как-то не по себе. Неужели удача отвернется от меня? Овладев собой, я засмеялся.

— Господи, неужели вы не понимаете, что я хочу получить назад свой украденный бумажник? И если бы вы согласились отдать в мое распоряжение двух своих агентов, мне кажется, вместе мы, может быть, смогли...

— О! Прошу вас, господин комиссар, — воскликнула мадам Рено, — послушайте же господина Берла.

Вмешательство моей замечательной попутчицы решило дело. Имя Берла в устах жены влиятельного человека действительно становилось моим и удостоверяло мою личность настолько, что никакие подозрения были недопустимы. Комиссар встал:

— Уверяю вас, месье Берла, я был бы чрезвычайно рад вашему успеху. Так же, как и вы, я заинтересован в аресте Арсена Люпена.

Он проводил меня до автомобиля. Два агента, которых он мне представил, Оноре Массоль и Гастон Деливе, заняли в нем свои места. Я же сел за руль. Механик завел мотор. Через несколько секунд мы покинули вокзальную площадь. Я был спасен.

О! Признаюсь, что, проезжая по бульварам, опоясывающим старый нормандский город, на огромной скорости, которую развил мой «моро-лептон», – тридцать пять лошадиных сил, – я не мог не испытывать чувство гордости. Мотор мелодично фырчал. Справа и слева мимо нас проносились деревья. И свободный, вне опасности, я был озабочен только тем, как уладить свои личные дела с помощью двух достойных представителей власти. Арсен Люпен ехал на поиски Арсена Люпена!

Скромные защитники общественного порядка, Деливе Гастон и Массоль Оноре, как бесценна для меня ваша помощь! Что бы я делал без вас? Не будь вас, я бы столько раз свернул не на ту дорогу! Без вас Арсен Люпен сбился бы с пути, а тот, другой, улизнул бы!

Но не все еще было кончено. Далеко нет. Во-первых, мне необходимо было догнать парня, а затем самому завладеть бумагами, которые он у меня похитил. Ни за что на свете нельзя было допустить, чтобы мои помощники сунули нос в эти документы, а тем более захватили их. Использовать агентов, но действовать без них – вот чего я хотел, хотя это было совсем не легко.

На вокзал Дарнеталь мы опоздали на три минуты, поезд уже ушел. Правда, я утешился, узнав, что какой-то человек в сером приталенном пальто с черным бархатным воротником поднялся в купе второго класса с билетом до Амьена. Мои первые шаги в качестве сыщика оказались многообещающими.

Деливе сказал мне:

– Этот поезд – экспресс, он остановится только в Монтеролье-Бюши через девятнадцать минут. Если мы не

прибудем туда раньше Арсена Люпена, он сможет добраться до Амьена или пересест в поезд на Клер, а оттуда направиться в Дьепп или Париж.

– Далеко ли до Монтеролье?

– Двадцать три километра.

– Двадцать три километра за девятнадцать минут... мы попадем туда раньше него.

Захватывающая гонка! Никогда еще мой верный «мо-ро-лептон» не отзывался на мое нетерпение с такой отдачей и четкостью. Казалось, ему передается моя воля напрямую, без посредничества ручек и рычагов. Автомобиль разделял мои желания. Одобрял мое упорство. Понимал мою злость на этого кретина Арсена Люпена. Лицемер! Предатель! Сумею ли я одержать верх над ним? Посмеется ли он еще раз над престижем того, в кого воплотился?

– Направо! – кричал Деливе. – Налево!.. Прямо!..

Мы летели над землей. Дорожные знаки казались маленькими пугливыми зверьками, падавшими в обморок при нашем приближении.

И вдруг на повороте какой-то дороги – облако дыма. Северный экспресс.

На протяжении километра шла борьба, бок о бок, борьба неравная, исход которой был неясен. К моменту прибытия мы обогнали его на двадцать корпусов.

В три секунды мы добежали до перрона, к вагону второго класса. Дверцы открылись. Вышло несколько человек. Но вора моего не оказалось. Мы осмотрели купе. Нет Арсена Люпена!

– Черт возьми! – воскликнул я. – Он, наверное, увидел меня в автомобиле, когда мы ехали рядом с поездом, узнал и спрыгнул.

Начальник поезда подтвердил это предположение. Он видел человека, скатившегося по насыпи в двухстах метрах от вокзала.

– Смотрите, вон там... он переходит железнодорожный переезд.

Я бросился вперед, за мной – оба моих помощника, или скорее один, так как второй, Массоль, оказался отличным бегуном, обладающим выносливостью и скоростью. За несколько секунд расстояние, отделявшее его от беглеца, удивительно сократилось. Мужчина заметил это, перескочил через изгородь и быстро припустился к откосу, взобрался на него. Мы увидели его уже далеко: он входил в небольшой лесок.

Когда мы добрались туда, Массоль нас уже ждал. Он решил, что не следует идти дальше, иначе он нас потеряет.

– Поздравляю вас, мой дорогой друг, – сказал я ему. – После такой гонки этот парень наверняка выдохся. Он у нас в руках.

Я осмотрел местность, изыскивая возможность арестовать беглеца без свидетелей, дабы самому провести изъятие вещей, чего наверняка не допустили бы стражи закона без предварительных неприятных расспросов. Затем вернулся к моим спутникам.

– Так вот, все очень просто. Вы, Массоль, стойте здесь, слева. А вы, Деливе, – справа. Наблюдайте отсюда за дальней опушкой, он не сможет выйти из рощи так, чтобы вы его не заметили, если только не пойдет по оврагу, где позицию займу я. Если он не выйдет, мне придется пойти за ним самому и погнать к одному из вас. Вам надо только его дожидаться. О! Забыл: сигнал тревоги – выстрел.

Массоль и Деливе пошли каждый на свое место. Как только они скрылись, я устремился в лес, стараясь идти крайне осторожно, так, чтобы меня было не видно и не слышно. Я шел по густым зарослям, сквозь которые для охоты были проложены очень узкие тропки; пройти по ним можно было лишь согнувшись, как по зеленому подземелью.

Одна из тропинок вела на поляну; на мокрой траве еще сохранялись чьи-то следы. Я пошел по ним, стараясь проскользнуть сквозь лесную поросль. Следы привели меня к небольшому холмику, над которым возвышалась полуразрушенная хибарка, выложенная из строительных отходов.

«Он, должно быть, там, – подумал я. – Хорошо выбрал наблюдательный пункт».

Я пробрался поближе к строению. Легкий шорох выдал его присутствие, и действительно, через дверной проем я увидел, что он сидит ко мне спиной.

В два скачка я набросился на него. Он попытался навести на меня пистолет, который держал в руках. Но выстрелить не успел, я повалил его на землю, скрутил ему руки за спину и коленом придавил грудь.

– Послушай, малый, – шепнул я ему на ухо, – я Арсен Люпен. Ты сейчас же и добровольно вернешь мне мой бумажник и сумочку дамы... за это я вытащу тебя из лап полиции и зачислю в компанию моих друзей. Одно только слово: да или нет.

– Да, – прошептал он.

– Тем лучше. Сегодня утром ты красиво обстригал это дело. Мы пойдем друг друга.

Я встал. Он порылся в кармане, достал оттуда большой нож и попытался ударить меня.

– Идиот! – воскликнул я.

И одной рукой я парировал удар, а другой со всей силы врезал по сонной артерии. Он упал как подкошенный.

Я нашел свой бумажник с документами и деньгами. Но мне было интересно порыться в его кошельке. На конверте, который я обнаружил, было написано: Пьеру Онфрэ.

Я вздрогнул. Пьер Онфрэ, убийца с улицы Лафонтена, в Отей! Пьер Онфрэ, человек, зарезавший мадам Дельбуа и двух ее дочерей. Я склонился над ним. Да, это было то самое лицо, которое в купе напомнило мне промелькнувшие когда-то черты.

Но время шло. Я сунул в конверт две купюры по сто франков, визитную карточку и записку:

«Арсен Люпен – своим коллегам Оноре Массоллю и Гастону Деливье, в знак признательности».

Затем положил конверт на виду посреди комнаты. Рядом – сумочку мадам Рено. Мог ли я не вернуть ее замечательной попутчице, которая помогла мне?

Каюсь, но я все же вынул оттуда все, что представляло какую-то ценность, оставив лишь черепаховую расческу и пустой кошелек. Какого черта! Дело есть дело. К тому же ремесло ее мужа слишком постыдно!..

Но что делать с этим человеком? Он зашевелился. Что же делать? У меня не было желания ни спасти его, ни выносить приговор.

Я отобрал у него револьвер и выстрелил в воздух.

«Эти двое сейчас явятся, – подумал я, – пусть сам выпутывается! Все будет так, как предначертано судьбой».

И побежал по тропинке, проложенной по дну оврага.

Через двадцать минут проселочная дорога, которую я заметил во время преследования, вывела меня к машине.

В четыре часа я телеграфировал моим друзьям в Руан, что непредвиденная случайность вынуждает меня отложить визит. Строго между нами, но я очень опасаюсь, что после того, как им стало многое известно, этот визит придется отложить на неопределенное время. Какое жестокое разочарование для них!

В шесть часов я возвращался в Париж через Иль-Адам, Энгьен и ворота Бино.

Из вечерних газет я узнал, что наконец удалось схватить Пьера Онфрэ.

На следующий день, — не будем пренебрегать полезными свойствами умной рекламы, — «Эко де Франс» опубликовала следующую сенсационную заметку:

«Вчера в окрестностях Бюши после многочисленных попыток Арсену Люпену удалось арестовать Пьера Онфрэ. Недавно убийца с улицы Лафонтена по пути из Парижа в Гавр ограбил мадам Рено, жену заместителя начальника управления тюрем. Арсен Люпен вернул мадам Рено сумочку, в которой лежали ее драгоценности, и щедро наградил двух полицейских агентов, оказавших ему помощь в осуществлении этого драматического ареста».

КОЛЬЕ КОРОЛЕВЫ

Два-три раза в год по случаю больших торжеств, таких как балы в австрийском посольстве или вечера у леди

Биллингстоун, графиня де Дре-Субиз украшала свои белые плечи знаменитым «Колье королевы».

Это было то самое легендарное кольцо, которое придворные ювелиры Бомер и Бассанж изготовили для графини дю Барри; в дальнейшем кардинал Роан-Субиз намеревался преподнести его королеве Франции Марии-Антуанетте, а авантюристка Жанна де Валуа, графиня де ля Мотт, вместе со своим мужем и их сообщником Рето де Вилеттом разъединила кольцо на части февральским вечером 1785 года.

По правде говоря, подлинной в колье оставалась только оправа. Рето де Вилетт сохранил ее, тогда как господин де ля Мотт и его жена – сущие варвары – промотали вынутые из оправы драгоценности, великолепные камни, так искусно подобранные Бомером. Позднее, в Италии, Рето де Вилетт продал оправу Гастону де Дре-Субизу, племяннику и наследнику кардинала, который спас дядю от разорения, вызванного скандальным банкротством дома «Роан-Гемене», и в память о своем высокопоставленном родственнике выкупил несколько бриллиантов, оказавшихся в коллекции английского ювелира Джеффриса, дополнил их другими, того же размера, но значительно меньшей ценности, и сумел воссоздать чудесное «колье, попавшее в рабство» в первозданном виде, то есть таким, каким оно выглядело в руках Бомера и Бассанжа.

Почти целый век род Дре-Субизов гордился этой драгоценной исторической реликвией. И несмотря на то что в силу ряда обстоятельств состояние семьи заметно уменьшалось, владельцы кольца не желали продавать королевское сокровище, предпочитая сокращать штат прислуги. По-

следний граф де Дре-Субиз дорожил им так, как дорожат именем предков. В целях предосторожности он хранил его в сейфе «Креди лионэ». Когда жена собиралась надеть кольцо, он после обеда отправлялся в банк, забирал его, а на следующий день возвращал обратно.

В тот вечер, на приеме в Кастильском дворце – события относятся к началу века – графиня произвела фурор; сам король Кристиан, в честь которого было устроено торжество, обратил внимание на ее необыкновенную красоту. На изящней шейке сияли драгоценные камни. В лучах света бриллианты сверкали и переливались тысячами граней. Казалось, ни одна другая женщина не сумела бы с таким изяществом и благородством носить на плечах столь драгоценную тяжесть.

Это был двойной триумф. Граф де Дре наслаждался им вполне, а когда супруги вернулись в свой старый особняк, расположенный в предместье Сен-Жермен, и вошли в спальню, граф откровенно торжествовал. Он гордился своей женой и, наверное, ничуть не меньше, драгоценным колье, приносящим славу уже четвертому поколению в его роду. Жена чуть сдержаннее выражала свою радость, что, конечно, свидетельствовало о ее гордом нраве.

Довольно неохотно она сняла кольцо со своих плеч и протянула мужу, который с восторгом осмотрел сокровище, будто раньше не видел его. Затем, уложив реликвию в красную кожаную шкатулку с гербом кардинала, граф прошел в соседний кабинет, точнее, маленький альков, полностью изолированный от спальни и имеющий только один вход, находившийся в изножии супружеской кровати. Как всегда, хозяин спрятал шкатулку на довольно высокой

полке среди шляпных коробок и стопок белья. После этого закрыл дверь и разделся.

Утром граф встал около девяти часов, чтобы до завтрака побывать в «Креди лионэ». Он оделся, выпил чашку кофе и спустился в конюшню. Здесь он отдал ряд распоряжений. Его беспокоила одна кобыла. Он велел провести ее и пустить рысью по двору. Затем вернулся к жене.

Графиня еще не покидала спальни, горничная помогала ей укладывать волосы.

– Вы уходите? – спросила она мужа.

– Да... по этому делу...

– О! Конечно... так надежнее...

Граф вошел в кабинет. Но через несколько секунд без особого, кстати, удивления, спросил:

– Вы взяли его, дорогая?

– Что? Нет-нет, я ничего не брала, – ответила жена.

– Вы его переложили.

– Вовсе нет... я даже дверь в кабинет не открывала.

Граф появился на пороге, на нем лица не было; еле слышным голосом он пробормотал:

– У вас его нет?... Это не вы?... Тогда...

Графиня подбежала к нему, и они стали лихорадочно искать пропажу, бросая коробки на пол и расшвыривая горы белья. Граф все время повторял:

– Бесполезно... все, что мы делаем, бесполезно. Я положил его вот сюда, на эту полку.

– Вы могли ошибиться.

– Нет, сюда, на эту полку, и ни на какую другую.

Они зажгли свечу, потому что в этой комнатке было довольно темно, вынесли белье и убрали все вещи, загро-

мождавшие помещение. Когда в кабинете ничего не осталось, они с отчаянием признали тот факт, что знаменитое кольцо, «Колье королевы, попавшее в рабство», исчезло.

Решительная по характеру графиня, не тратя времени на бесплодные сожаления, послала за комиссаром полиции господином Валорбом, проницательность и здравомыслие которого супруги уже имели возможность оценить. Его ввели в курс дела, подробно рассказав обо всем, и он тут же спросил:

– Уверены ли вы, господин граф, что никто не мог пройти ночью через вашу спальню?

– Абсолютно уверен. У меня очень чуткий сон. Более того, дверь спальни была заперта на задвижку. Сегодня утром, когда жена позвонила, вызывая горничную, мне пришлось отодвигать ее.

– А нельзя ли проникнуть в кабинет каким-нибудь другим путем?

– Невозможно.

– Окна нет?

– Есть, но оно загорожено.

– Я хотел бы это проверить...

Зажгли свечи, и месье Валорб тут же указал на то, что окно лишь до середины было загорожено буфетом, который к тому же был не очень плотно прижат к раме.

– Он стоит так близко у окна, что его невозможно сдвинуть без грохота, – возразил месье де Дре.

– А куда выходит это окно?

– Во внутренний дворик.

– А под вами есть еще этаж?

– Два этажа, но на уровне комнат для прислуги уста-

новлена решетка в мелкую сетку, отгораживающая их от двора. Вот почему у нас так мало света.

К тому же, когда отодвинули буфет, оказалось, что окно закрыто, а этого не могло быть, если бы кто-то пролез в комнату снаружи.

— Если только этот «кто-то» не вышел через нашу спальню, — заметил граф.

— Но в таком случае она не была бы заперта на задвижку.

Комиссар подумал с минуту, затем, обернувшись к графине, спросил:

— Мадам, было ли известно в вашем окружении, что вы собирались надеть это кольцо вчера вечером?

— Конечно, я этого не скрывала. Но никто не знал, что мы запираем его в этом кабинете.

— Никто?

— Никто... За исключением разве...

— Прошу вас, мадам, уточните. Эта деталь — одна из важнейших.

— Я подумала об Анриетте, — сказал графиня мужу.

— Анриетте? Она знает об этом не больше других.

— Ты в этом уверен?

— Кто эта дама? — спросил месье Валорб.

— Мы дружили в монастыре, она порвала со своей семьей, чтобы выйти замуж за простого человека, чуть ли не рабочего. После смерти ее мужа я взяла ее вместе с сыном к себе, обставила им квартирку в этом доме.

И добавила смущенно:

— Она оказывает мне кое-какие услуги. Руки у нее золотые.

– На каком этаже она живет?

– На нашем, недалеко отсюда... в конце коридора...
Кстати, кажется... окно ее кухни...

– Выходит на этот дворик, не так ли?

– Да, как раз напротив нашего окна.

После этого заявления наступила короткая пауза.

Затем месье Валорб попросил проводить его к Анриетте.

Они застали ее за шитьем, рядом с ней читал книгу малыш шести-семи лет. Увидев, как бедно обставлено ее жилище, состоявшее всего лишь из одной комнаты без камина и маленькой ниши, заменяющей кухню, комиссар немного удивился и стал задавать вопросы. Сообщение о совершившейся краже, по всей видимости, поразило ее. Накануне вечером она сама одевала графиню и застегивала колье у нее на шее.

– Великий Боже! – воскликнула она. – Кто бы мог подумать!

– А вам на ум ничего не приходит? Ни малейшего подозрения? Не исключено, что преступник пробрался в дом через вашу комнату.

Она от души рассмеялась, даже мысли не допуская, что на нее может пасть хоть тень подозрения.

– Но я не покидала своей комнаты, я ведь никуда не хожу. К тому же разве вы не видели?

Она открыла окно в нише.

– Посмотрите, до подоконника напротив тут не меньше трех метров.

– Кто вам сказал, что по нашей версии кража совершена там?

– Но... разве кольцо находилось не в кабинете?
– Откуда вам это известно?
– Боже мой! Я всегда знала, что на ночь кольцо кладут туда... Об этом говорили в моем присутствии.

На ее молодом, но поблекшем от горестей лице отразились глубочайшая кротость и смирение. Но вдруг при полном безмолвии выражение этого лица сменилось страхом, как будто она почувствовала угрожающую ей опасность. Анриетта притянула сына к себе. Ребенок взял ее руку и нежно поцеловал.

– Надеюсь, – сказал господин де Дре комиссару, когда они остались одни, – вы ее не подозреваете? Я ручаюсь за нее. Это сама порядочность.

– О! Полностью разделяю ваше мнение, – заверил ее месье Валорб. – Я лишь подумал о неосознанном сообщничестве. Но согласен, эту версию следует исключить, тем более что она никак не поможет решить загадку, с которой мы столкнулись.

Комиссар больше не принимал участия в расследовании, продолженном и расширенным следователем в последующие дни. Допросили слуг, проверили замок, провели эксперименты с окном в кабинете, обследовали дворик снизу доверху... Все было бесполезно. Задвижка оказалась в полном порядке. Снаружи окно невозможно было ни открыть, ни закрыть.

Особенно тщательно проверяли Анриетту, так как, несмотря ни на что, все замыкалось на ней. В ее жизни покопались самым беззастенчивым образом; было установлено, что за последние три года она выходила из дома не более четырех раз, и всегда за покупками, о которых

было известно. На самом деле она служила горничной и портнихой у мадам де Дре, которая обращалась с ней чрезвычайно сурово, о чем свидетельствовали тайные показания всей прислуги.

– Впрочем, – говорил следователь, пришедший через неделю к тому же заключению, что и комиссар, – если бы личность виновного и была установлена, чего не произошло, все равно не удалось бы узнать, каким способом была совершена эта кража. И справа, и слева перед нами две преграды: закрытые двери и окно. Двойная загадка! Как вор ухитрился проникнуть внутрь и как, что значительно труднее, сумел улизнуть, оставив за собой закрытую на задвижку дверь и запертое окно?

По истечении четырех месяцев следователь решил про себя так: месье и мадам де Дре, испытывая денежные затруднения, продали кольцо королевы. И закрыл дело.

Кража драгоценного украшения нанесла супругам Дре-Субиз удар, от которого они долго не могли оправиться. Своеобразный запас, каковым являлось эдакое сокровище, больше не обеспечивал им кредита, заимодавцы стали более требовательны и менее щедры. Им пришлось принять срочные меры, что-то продать, что-то заложить. Короче, их ожидало разорение, если бы не спасительное наследство, полученное от двух дальних родственников.

Дворянская гордость супругов также была уязвлена, будто в их родословной обнаружилось темное пятно. И странная вещь, графиня накинулась на свою прежнюю подругу по пансиону. Она испытывала к ней настоящую ненависть и открыто обвиняла Анриетту. Сначала ее пе-

ревели на этаж, где жили слуги, затем в один прекрасный день прогнали совсем.

Жизнь потекла без особых событий. Дре-Субизы много путешествовали.

Заслуживает упоминания только один факт, имевший место в этот период. Через несколько месяцев после ухода Анриетты от нее пришло письмо, чрезвычайно удивившее графиню:

«Мадам!

Не знаю, как благодарить Вас. Ведь это Вы, не правда ли, прислали мне это? Вы, и только Вы. Никто другой не знает о моем уединении в этой маленькой деревушке. Если же я ошибаюсь, извините меня и по крайней мере будьте уверены в моей признательности за Вашу доброту в прежние времена...»

Что она имела в виду? Настоящая или прежняя доброта графини по отношению к подруге сводилась к множеству несправедливых поступков. Что означали эти выражения благодарности?

Графиня потребовала объяснений, и Анриетта ответила, что получила по почте, обычным, не заказным и не ценным письмом, две купюры по тысяче франков. Конверт, приложенный к ее ответу, был с парижским штампом, на нем не было ничего, кроме адреса, написанного явно измененным почерком.

Откуда взялись эти две тысячи франков? Кто их послал? Правосудие попыталось выяснить. Но разве отыщешь след в этих потемках?

А через двенадцать месяцев произошло то же самое. Затем в третий, в четвертый раз. Так повторялось ежегодно в течение шести лет с той только разницей, что на пятый и шестой год сумма удвоилась, что позволило внезапно заболевшей Анриетте лечиться как следует.

И еще одна особенность: когда администрация почты под предлогом того, что ценность письма не заявлена, задержало его, два следующих были отосланы как положено, первое по времени – из Сен-Жермена, второе – из Сюрени. Отправитель сначала подписался фамилией Анкета, затем – Пешар. Обратные адреса, указанные на конверте, оказались ложными.

Спустя шесть лет Анриетта умерла. Загадка так и не была разгадана.

Все эти события широко известны. Такого рода ограбление не могло не взбудоражить общественное мнение; да, странная судьба у этого кольца, история которого потрясла Францию в конце XVIII века, а сто двадцать лет спустя снова возбудила столько эмоций. Однако то, что я сейчас расскажу, никому не известно, за исключением заинтересованных лиц и еще нескольких человек, которых граф попросил сохранять все в глубокой тайне. Рано или поздно они наверняка нарушат клятву, и потому я безо всяких угрызений совести приоткрываю завесу; таким образом, вам откроется и ключ к загадке, и тайна письма, опубликованного в газетах позавчера утром, необыкновенного письма, которое добавило, если такое возможно, еще немного путаницы и таинственности к загадочным обстоятельствам драмы.

Произошло это пять дней назад. Среди гостей, приглашенных на завтрак к господину Дре-Субизу, были его племянницы и кузина, а из мужчин – председатель суда Эссавиля депутат Боша, кавалер Флориани, с которым граф познакомился в Сицилии, и генерал, маркиз де Рузьер, старый друг дома.

После трапезы дамы подали кофе, и мужчинам было разрешено выкурить по сигарете при условии, что они не покинут гостиную. Завязался разговор. Одна из девушек в шутку взялась погадать на картах. Затем речь зашла о знаменитых преступлениях. И в связи с этим месье де Рузьер, никогда не упускавший случая подразнить графа, напомнил историю с колье – ненавистный для графа сюжет обсуждения.

И тут же каждый из присутствующих высказался по этому поводу. Каждый изложил свою версию. Разумеется, все они противоречили друг другу, все были одинаково несостоятельны.

– А вы, месье, что думаете о краже колье? – обратилась графиня к кавалеру Шлориани.

– О! Я ничего не думаю, мадам.

Гости запротестовали. Дело в том, что кавалер только что очень ярко описал несколько историй, которыми занимался вместе с отцом, палермским судьей, и его умение разбираться в подобных делах, интерес к ним, были очевидны.

– Честно говоря, – заявил он, – мне удавалось преуспеть там, где пасовали подлинные знатоки своего дела. Но из этого вовсе не следует, что я Шерлок Холмс... Кроме того, мне почти неизвестно, о чем идет речь.

Все повернулись к хозяину дома. И ему, скрепя сердце, пришлось изложить факты. Кавалер выслушал, подумал, задал несколько вопросов и прошептал:

– Странно... но на первый взгляд загадка кажется мне не такой уж неразрешимой.

Граф пожал плечами. А остальные сгрудились вокруг кавалера, который немного категорично продолжал:

– Обычно для того, чтобы добраться до виновника преступления, скажем кражи, нужно разобраться, как было совершено это преступление или кража. По-моему, в данном случае все происходило так просто, что дальше некуда, потому что перед нами не множество версий, а одна непреложная истина, единственная и неопровержимая; она заключена в следующем: человек этот мог проникнуть внутрь через дверь спальни или через окно кабинета. Однако запертую на задвижку дверь снаружи не откроешь. Значит, он пролез через окно.

– Оно было закрыто, и следствие в этом убедилось, – заявил месье де Дре.

– Для этого, – продолжал Флориани, не обращая внимание на то, что его перебили, – ему надо было лишь соорудить мостик, перекинуть доску или лестницу от кухонного балкона до подоконника, и когда шкатулку...

– Но я вам повторяю: окно было закрыто! – в нетерпении воскликнул граф.

На этот раз Флориани пришлось ответить. Что он и сделал с полнейшим спокойствием, как человек, которого ничуть не смущает столь незначущее возражение.

– Я допускаю, что он было закрыто, но разве там не было форточки?

– Откуда вы это знаете?

– Во-первых, почти во всех особняках такой постройки окна с форточками. И потом, так должно было быть, иначе кража просто необъяснима.

– Форточка действительно существует, но она закрыта, так же как окно. Никто на нее и внимания не обратил.

– Это ошибка. Если бы ее осмотрели, то обнаружили бы, что ее открывали.

– Но как?

– Я предполагаю, что эта форточка, как обычно, открывается при помощи плетеной металлической проволоки, на конце которой имеется кольцо, не так ли?

– Да.

– И это кольцо висело между оконной рамой и буфетом?

– Да, но я не понимаю...

– Вот. Через щель, проделанную в окне легко было просунуть железную палочку с крючком на конце, подцепить кольцо, нажать и открыть форточку.

Граф засмеялся:

– Великолепно! Браво! Вы так легко все разложили! Но вы забыли, дорогой друг, лишь об одном: в окне не было щели.

– Щель была.

– Полноте, мы бы увидели ее.

– Чтобы увидеть, надо приглядеться, но никто этого не сделал. Щель есть, практически исключено, что ее не было между стеклом и замазкой... по вертикали, разумеется.

Граф встал, взволновавшись до предела. Нервным шагом он два-три раза прошелся по гостиной и, подойдя к Флориани, сказал:

– С того дня там наверху ничего не изменилось... никто больше не входил в этот кабинет.

– В таком случае, месье, вы можете убедиться сами, что мое объяснение соответствует действительности.

– Оно не совпадает ни с одним фактом, установленным следствием. Вы ничего не видели, ничего не знаете и утверждаете противоположное всему тому, чему мы были свидетелями и что нам известно.

Флориани, будто не заметив раздражения графа, с улыбкой сказал:

– Боже мой, месье, я просто стараюсь увидеть все, как есть, не больше. Если я ошибаюсь, докажите это.

– Докажу, и безотлагательно... Признаюсь, ваша самоуверенность в конце концов...

Месье де Дре пробормотал еще несколько слов, затем вдруг направился к двери и вышел.

После чего не прозвучало ни слова. Все застыли в напряженном ожидании, как будто в самом деле вот-вот должна была открыться частица истины. И тишина нависла всей своей тяжестью.

Наконец в проеме двери появился граф. Он был бледен и странно возбужден. Дрожащим голосом господин де Дре сказал своим друзьям:

– Прошу прощения... открытия, сделанные господином Флориани столь неожиданны... никогда бы не подумал...

Жена, сгорая от нетерпения, перебила его:

– Говори... умоляю тебя... что там?

– Щель существует... – пробормотал он, – точно в указанном месте... вдоль стекла.

Вдруг он схватил кавалера за руку и сказал ему повелительным тоном:

– А теперь, месье, продолжайте... я признаю, что до сих пор вы были правы; но теперь, не все еще кончено... отвечайте... как по-вашему все произошло?

Флориани тихонько высвободился и через секунду произнес:

– Так вот, по-моему, произошло следующее: человек, зная, что мадам де Дре отправится на бал и наденет колье, перебросил мостик во время вашего отсутствия. Наблюдая за вами через окно, он увидел, как вы прячете драгоценность. Едва вы ушли, он вынул стекло и потянул за кольцо.

– Допустим, но расстояние слишком велико для того, чтобы он смог через форточку дотянуться до ручки окна.

– Если он не смог открыть окно, значит, он пролез через форточку.

– Невозможно: не бывает мужчин такой худобы, чтобы пролезть через эту форточку.

– Значит, это не мужчина.

– Как!

– Конечно. Если отверстие слишком узко для мужчины, значит, это был ребенок.

– Ребенок!

– А не говорили ли вы, что у вашей подруги Анриетты был сын?

– Действительно... сын, которого звали Рауль.

– Вполне вероятно, что Рауль и совершил кражу.

– Как вы это докажете?

– Как докажу?... Доказательств хватает... Вот, например...

Он умолк и задумался на несколько секунд. Затем продолжил:

– Вот, например, этот мостик... трудно поверить, что ребенок мог принести его откуда-то и унести так, чтобы никто этого не заметил. Он, должно быть, использовал то, что было под рукой. В нише, где Анриетта готовила пищу, наверняка висели доски, на которые складывали кастрюли.

– Две доски, если не ошибаюсь.

– Нужно проверить, действительно ли эти доски прикреплены к деревянным опорам, которые их поддерживают. В противном случае нам будет позволено предположить, что ребенок открепил их, затем связал одну с другой. А поскольку в комнате была плита, мы, быть может, найдем и кочергу, которой он, судя по всему, воспользовался, открывая форточку.

Не сказав ни слова, граф вышел, но, в отличие от предыдущего раза, присутствующие не ощутили ни малейшего волнения перед неизвестностью. Они знали, знали абсолютно точно, что предположения Флориани справедливы. От него исходила такая непоколебимая уверенность, что, казалось, он, переходя от одного факта к другому, не версию выстраивает, а излагает подлинные события, которые со временем нетрудно будет проверить.

И никто не удивился, когда граф, в свою очередь, объявил:

– Это и вправду ребенок, все подтверждается.

– Вы видели доски... кочергу?

– Видел... доски откреплены... кочерга еще там.

Мадам де Дре-Субиз воскликнула:

– Это он... Вы, наверное, хотите сказать, что это его мать. Анриетта и есть единственная виновница. Она заставила своего сына...

– Нет, – возразил кавалер, – мать здесь ни при чем.

– Полноте! Они жили в одной комнате, ребенок не мог ничего сделать втайне от Анриетты.

– Они жили в одной комнате, но все произошло в соседнем помещении, ночью, когда мать спала.

– А колье? – спросил граф. – Его могли найти в вещах мальчишки.

– Простите! Он выходил из дома. В то самое утро, когда вы застали его за рабочим столом, он уже вернулся из школы, и, может быть, правосудию, вместо того чтобы тратить энергию на допросы невинной матери, стоило бы направить свои таланты на поиски колье там, в детском столе, среди школьных учебников.

– Пусть так, но разве две тысячи франков, которые Анриетта получала каждый год, не лучшее доказательство ее сообщничества?

– Если бы она была сообщницей, зачем было ей благодарить вас за эти деньги? И кроме того, за ней ведь следили, не так ли? Тогда как ребенок был свободен и совершенно спокойно мог добраться до ближайшего городка, сговориться там с каким-нибудь перекупщиком и уступить ему за ничтожную цену один, иногда два бриллианта... при одном условии: деньги должны быть посланы из Парижа, тогда на следующий год все повторится.

Необъяснимое ощущение неловкости сковало Дре-Субизов и их гостей. И в самом деле, в тоне и позе Флориани было нечто другое, не имеющее отношения к той самоуверенности, которая с самого начала так раздражала графа. В них была ирония, и ирония скорее враждебная, нежели дружеская, каковой она должна была бы быть.

Граф нарочито рассмеялся:

– Я в восторге от того, как вы ловко все это проделали! Мои поздравления! Какое богатое воображение!

– О нет, нет, – возразил Флориани более серьезно, – я ничего не воображал, я излагал события, которые наверняка происходили так, как я говорю.

– Что вы о них знаете?

– То, что вы сами рассказали. Я представляю себе жизнь матери и ребенка там, в далекой провинции; мать заболевает, ребенок придумывает всякие хитрости, изворачивается, чтобы продать камешки, чтобы спасти мать или по крайней мере скрасить последние мгновения ее жизни. Болезнь уносит ее. Она умирает. Проходят годы. Ребенок вырастает, становится мужчиной. И тогда... но на этот раз я готов признать, что даю волю воображению... предположим, что этот человек испытывает потребность вернуться в те места, где жил в детстве, увидеть их снова, поглядеть на тех, кто подозревал, обвиняя его мать... представляете себе, какой жгучий интерес могла пробудить в нем подобная встреча в старом доме, где разворачивались перипетии этой драмы?

Его слова несколько секунд звучали в напряженной тишине, а на лицах месье и мадам Дре-Субиз было написано отчаянное желание понять и вместе с тем страх, тревога оттого, что поймут.

– Кто же вы все-таки, месье? – прошептал граф.

– Я? Кавалер Флориани, с которым вы познакомились в Палермо и были настолько добры, что уже неоднократно приглашали к себе.

– Тогда что означает эта история?

– О! Ровным счетом ничего! С моей стороны это просто игра. Я пытаюсь представить себе, с какой радостью сын Анриетты, если он все же существует, сказал бы вам, что он один был виновен и совершил кражу только потому, что его мать была несчастна, боялась потерять место... прислуги, которое давало ей средства к существованию, и еще потому, что ребенок страдал, видя несчастной свою мать.

Он говорил со сдержанным волнением, привстав и наклонившись к графине. Никакого сомнения быть не могло. Кавалер Флориани был не кто иной, как сын Анриетты. Все в его поведении, словах кричало об этом. Впрочем, быть узанным – не в этом ли состояло его очевидное намерение, даже прихоть?

Граф смутился. Как вести себя с этим смелым человеком? Позвонить? Устроить скандал? Разоблачить того, кто когда-то ограбил его? Но это было так давно! И кто же поверит в эту нелепую историю о ребенке-грабителе? Нет, лучше уж оставить все как есть, притворившись, что не понял настоящего смысла сказанного. И граф, подойдя к Флориани, весело сказал:

– Ваша интереснейшая история очень позабавила меня. Уверяю вас, она меня просто захватила. Но как по-вашему, что стало с этим милым юношей, этим примерным сыном? Надеюсь, он не остановился на столь славном пути.

– О! Конечно, нет.

– Еще бы! После такого дебюта! В шесть лет украсть кольцо королевы, знаменитое кольцо, о котором мечтала Мария-Антуанетта!

– И украсть его, – заметил Флориани, – вступив в единоборство с графом, украсть, не причинив себе никаких

неприятностей, так, что никому и в голову не пришло осмотреть стекла или догадаться, что подоконник слишком чист, поскольку он вытер его, чтобы не осталось следов на слое пыли... Согласитесь, что у ребенка его возраста голова могла пойти кругом. Так ли уж это просто? Неужели надо было лишь захотеть протянуть руку?.. Да, он захотел...

— И протянул руку.

— Обе руки, — добавил кавалер со смехом.

Граф вздрогнул. Какую тайну скрывал так называемый Флориани? Какой необыкновенной была, наверное, жизнь этого авантюриста, в шесть лет гениального вора, который сегодня в поисках утонченного наслаждения или, больше того, для удовлетворения чувства злобы явился в дом своей жертвы, чтобы бросить ей вызов, поступив смело, безумно и тем не менее сохранив корректность галантного визитера!

Флориани встал и подошел проститься к графине. Она чуть не отпрянула. Он улыбнулся:

— О! Мадам, вы боитесь! Неужели я настолько переиграл в этой маленькой комедии, изображая салонного колдуна?

Она взяла себя в руки и ответила с такой же слегка насмешливой непринужденностью:

— Нисколько, месье. Напротив, легенда о добром сыне меня очень заинтересовала, и я счастлива, что мое кольцо положило начало столь блестящей карьеры. Но не считаете ли вы, что сын этой... женщины, Анриетты, в сущности, следовал своему призванию?

Он вздрогнул, почувствовав себя задетым, и ответил:

– Я в этом убежден и даже считаю, что не будь его призвание серьезным, он потерял бы к нему охоту.

– Почему же?

– Видите ли, камни в основном оказались поддельными. Настоящими были только бриллианты, купленные у английского ювелира, остальные же владельцы продавали их по одному, когда этого требовали суровые жизненные обстоятельства.

– И все же это было кольцо королевы, месье, – высокомерно ответила графиня, – а этого, как мне кажется, не мог понять сын Анриетты.

– Он, должно быть, понял, мадам, что, поддельное или настоящее, это кольцо служило для того, чтобы выставить его напоказ, было своего рода вывеской.

Месье де Дре вспыхнул, но жена опередила его.

– Месье, – сказала она, – если у человека, на которого вы намекаете, есть хоть капля совести...

Она замолчала, спокойный взгляд Флориани смутил ее.

– Если у этого человека есть хоть капля совести...

Она почувствовала, что ничего не добьется, высказываясь подобным образом, и, сделав над собой усилие, смирив свой гнев и возмущение, но все еще дрожа от унижения, почти вежливо продолжила:

– Месье, легенда гласит, что, заполучив кольцо королевы, Рето де Вилетт вынул из него все бриллианты, но не осмелился тронуть оправу. Он понял, что алмазы всего лишь украшение, аксессуар, а главное в изделии – его оправа, подлинно художественное творение, и де Вилетт сберег ее. Вы думаете, человек, о котором мы говорим, тоже это понял?

– Не сомневаюсь, что оправа сохранилась. Ребенок не продал ее.

– Так вот, месье, если вам случится встретиться с ним, скажите ему, что он не вправе хранить одну из тех реликвий, что является собственностью и составляют славу некоторых семей, и хотя ему удалось вырвать камни из колье королевы, оно не перестало принадлежать роду Дре-Субизов. Это достояние нашей семьи, такое же, как фамилия и честь.

Кавалер ответил просто:

– Я скажу ему это, мадам.

Затем поклонился ей, простился с графом, с остальными и вышел.

Четыре дня спустя мадам де Дре обнаружила на столе в спальне красную шкатулку с гербом кардинала. Открыла ее. Это было «Колье королевы, попавшее в рабство».

Но поскольку в жизни человека, живущего по законам единства и логики, все должно служить одной и той же цели, а небольшая реклама никогда не повредит, на следующий день в «Эко де Франс» было опубликовано следующее сенсационное сообщение:

«Колье королевы, знаменитая драгоценная реликвия, украденная когда-то у семьи де Дре-Субизов, было найдено Арсеном Люпенем. Арсен Люпен поспешил вернуть его законным владельцам. Нельзя не восхититься столь деликатным и рыцарским поступком».

СЕМЕРКА ЧЕРВЕЙ

Мне часто задают естественно возникающий вопрос: как я познакомился с Арсеном Люпенем?

Никто не сомневается, что мы знакомы. Известные мне подробности о жизни этого загадочного человека, приводимые мною достоверные сведения, интерпретация некоторых его поступков, о которых судили лишь по внешним проявлениям, не вникая в их скрытые причины и тайный механизм, — все это доказывает, что мы с ним если не близкие друзья, что при той жизни, которую вел Арсен Люпен, было бы невозможно, то во всяком случае давние знакомцы, доверяющие друг другу.

Но как я познакомился с ним? Почему мне было оказано доверие и я стал его биографом? Я, а не кто-то другой?

Ответ прост: только случай определил этот выбор, и моей заслуги тут нет. Случай поставил меня у него на пути. По чистой случайности я оказался причастен к одному из самых странных и загадочных его приключений и так же случайно стал актером в драме, поставленной этим замечательным режиссером, таинственной и запутанной драме, богатой столькими перипетиями, что теперь, когда я собираюсь рассказать о них, чувствую себя немного растерянным.

Первый акт разыгрывался в ту пресловутую ночь с 22 на 23 июня, ночь, ставшую притчей во языцех. Что касается меня, то я считаю необходимым сразу же сделать оговорку: не совсем нормальное свое поведение в тех обстоятельствах я могу приписать лишь совершенно необычному умонастроению, в котором пребывал, вернувшись домой.

Мы с друзьями обедали в ресторане «Каскад» и весь вечер, покуривая, слушая цыганский оркестр, который играл меланхолические вальсы, говорили только о преступлениях и грабежах, жутких и темных историях.

А они, как известно, не располагают к хорошему сну.

Сен-Мартены уехали на автомобиле. Ночь была теплой и темной, и мы с Жаном Даспри, – милый, беззаботный Даспри, через шесть месяцев ему было суждено погибнуть в Марокко при трагических обстоятельствах – словом, мы с Даспри возвращались домой пешком. Когда мы подошли к небольшому особняку на бульваре Майо, где я жил уже год с момента приезда в Нейи, он спросил:

– А вам никогда не бывает здесь страшно?

– Что за странная идея!

– Господи, да ведь этот особнячок так изолирован! Соседей нет... пустыри... Скажу вам честно, хоть я не из трусливых, однако...

– Вот именно, вы не трус, а весельчак!

– О! Я сказал об этом просто так, между прочим. Сен-Мартены подействовали на меня своими рассказами о грабителях.

Пожав мне руку, Даспри удалился. А я достал ключ и открыл дверь.

– Вот те на! Антуан забыл оставить горящую свечу, – прошептал я.

И сразу же вспомнил: Антуана в доме нет, я отпустил его.

В ту же секунду темнота и тишина стали мне неприятны. На цыпочках, как можно быстрее я поднялся в спальню и, против обыкновения, повернул ключ в замке, затем запер дверь на задвижку и зажег свечу.

Огонь помог мне вновь обрести хладнокровие. Однако я предусмотрительно вынул из кобуры большой дальнобойный револьвер и положил его рядом с кроватью. Эта предосторожность окончательно успокоила меня. Я лег и, как обычно, чтобы заснуть, взял с ночного столика книгу, ожидавшую меня каждый вечер.

Каково же было мое удивление, когда на месте разрезного ножа, которым накануне заложил страницу, я обнаружил конверт, запечатанный пятью красными сургучными печатями. Я схватил его, горя нетерпением. На конверте вместо адреса были проставлены мое имя и фамилия, да еще пометка: «Срочное».

Письмо! Письмо на мое имя! Кто мог положить его сюда? Немного разволновавшись, я вскрыл конверт и прочел:

– «С того момента, как вы распечатали это письмо, что бы ни случилось, что бы вы ни слышали, не шевелитесь, не делайте никаких движений, не кричите. Иначе вы пропали».

Я тоже не из трусливых и, так же как любой другой, умею вести себя достойно перед лицом настоящей опасности, смеяться над призрачными страхами, которые поражают наше воображение.

Но, повторяю, в голове моей была сумятица, нервы на пределе, отсюда – обостренная чувствительность. Ну а разве не было во всем этом чего-то тревожного и необъяснимого, того, что может потрясти и более смелых людей?

Пальцы мои лихорадочно сжимали лист бумаги, а глаза снова и снова пробегали по угрожающим фразам: «...Не делайте никаких движений... не кричите... иначе вы пропали...»

«Ну и ну! – думал я. – Это какая-то шутка, дурацкий розыгрыш».

Я чуть не рассмеялся, хотел даже громко расхохотаться. Кто же помешал мне в этом? Какой смутный страх сдавил мне горло?

По крайней мере надо задуть свечу. Нет, я не смог ее погасить. «Никаких движений или вы пропали», – сказано в записке.

К тому же, как я мог бороться с предчувствиями, которые зачастую влияют на нас сильнее самых точных фактов? Оставалось лишь закрыть глаза. Так я и сделал.

В ту же секунду в тишине послышался легкий шум, затем скрип. Звуки, как мне показалось, доносились из соседнего большого зала, где я разместил свой кабинет, отделенный от спальни лишь прихожей.

Приближение настоящей опасности чрезвычайно взбудоражило меня, казалось, я вот-вот встану, схвачу револьвер и брошусь в зал. Но я не поднимался: напротив, у левого окна зашевелилась занавеска.

Никаких сомнений: она зашевелилась. Вот опять шевелится! И я увидел – о! ясно увидел – между занавесками и окном очертания человеческой фигуры, которая, видно, не умещалась в столь узком пространстве, отчего ткань заметно топорщилась.

Этот человек тоже видел меня, определенно видел сквозь очень крупную сетку ткани. Тогда я понял все. В то время как другие уносили добычу, задача этого человека заключалась в том, чтобы держать меня на расстоянии. Встать? Схватить револьвер? Невозможно... Он был здесь! Стоит пошевелиться, вскрикнуть, и я пропал.

Дом содрогнулся от сильного толчка, затем послышались удары послабее, по два-три сразу, как будто молоток стучит по гвоздю и отскакивает. Или все так представлялось в моем разгоряченном мозгу? К ударам молотка примешивались другие звуки, стоял настоящий грохот, указывающий на то, что в доме орудовали без всякого стеснения и в полной безопасности.

Они были правы: я не двигался. Из трусости? Нет, скорее из-за того, что пал духом, совершенно не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. И конечно, свою роль сыграло здравомыслие, ибо, в конце-то концов, к чему тут бороться? С этим человеком десятков других, и они прибегут на его зов. Стоит ли рисковать жизнью ради того, чтобы спасти несколько ковров и безделушек?

Пытка длилась всю ночь. Невыносимая мука, жуткий страх! Шум прекратился, а я все ждал и ждал, когда он возобновится. А тот мужчина! Человек, следивший за мной, с оружием наготове! Я все время смотрел на него испуганными глазами. А сердце колотилось, пот градом катил по лбу и всему телу!

И вдруг, непонятно почему, мне стало удивительно хорошо: по бульвару проехала повозка молочника, я узнал ее по скрипу колес и одновременно почувствовал, что утренний свет пробивается сквозь закрытые ставни, за окном лучи солнца разгоняют тьму.

День уже пробрался в комнату. Проехали другие повозки. Растаяли ночные призраки.

Тогда я медленно, осторожно протянул руку к столику. Напротив ничто не шелохнулось. Я впился глазами в складку занавески, точно в то место, куда надо было

смотреть, хладнокровно рассчитал движения и, быстро схватив револьвер, выстрелил.

Вскочив с кровати с возгласом облегчения, я бросился к занавеске. Ткань была прострелена, стекло тоже. Что же касается человека, в него я попасть не смог... по той простой причине, что там никого не было.

Никого! Значит, складка занавески, как гипноз, парализовала меня на всю ночь! А в это время преступники... В яростном порыве, сдержать который было невозможно, я отпер дверь, пересек прихожую, открыл другую дверь и ворвался в зал.

Но, переступив порог, оцепенел, оторопел, чуть не задохнулся от того, что поразило меня больше, чем отсутствие человека за занавеской: ничего не пропало. Все вещи, которые я считал украденными: мебель, картины, старинный бархат и шелк – все осталось на месте!

Непонятный спектакль! Я не верил своим глазам. Однако что же означал тот шум и грохот передвигаемой мебели? Я обошел всю комнату, осмотрел стены, проверил наличие так хорошо знакомых мне предметов. Ничего не пропало! И больше всего озадачивало меня то, что никаких свидетельств присутствия злоумышленников не осталось, никаких признаков, ни одного сдвинутого стула, ни одного следа ноги.

– Ну, полно, полно! – уговаривал я себя, обхватив голову руками. – Я же не сумасшедший! Я ведь в самом деле слышал все это!..

Самым тщательным образом, употребив самые скрупулезные методы обследования, я осмотрел зал. Оказалось, напрасно. Или точнее... но стоило ли считать это наход-

кой? Под маленьким персидским ковриком, валявшимся на полу, я обнаружил карту, игральную карту. Это была семерка червей, похожая на все семерки той же масти из любой французской колоды, но она привлекла мое внимание одной довольно странной особенностью. На острие каждого из семи знаков в форме сердца была пробита дырочка, круглая и ровная дырочка, которую могли проткнуть шилом.

Вот и все. Карта и письмо, обнаруженное в книге. Больше ничего. Можно ли только на этом основании утверждать, что я стал игрушкой сонного бреда?

Весь день я обшаривал гостиную. Это была непропорционально большая для такого скромного особнячка комната, убранство которой говорило о странности вкусов того, кто ее строил. Паркет представлял собой мозаику из маленьких разноцветных кусочков, образующих большие симметричные рисунки. Той же мозаикой были выложены стены, но в виде панно: аллегорические сцены в стиле фресок Помпеи, византийских композиций, средневековой росписи. Вакх вскочил на бочку. Седобородый император в золотой короне держит меч в правой руке.

Прямо над головой, почти так же, как в мастерских художников, было встроено большое окно. По ночам оно всегда было открыто; вероятно, злоумышленники проникли внутрь через него, воспользовавшись лестницей. Но и этого нельзя было утверждать с полной уверенностью. От лестницы должны были остаться следы на вытоптанном грунте во дворе: их не оказалось. Траву на пустыре, окружавшем дом, тоже должны были примять: трава оказалась нетронутой.

Признаться, мне и в голову не пришло обратиться в полицию, настолько факты, которые мне пришлось бы излагать, выглядели неосновательными и абсурдными. Меня бы высмеяли. Но через день настала моя очередь писать хроникальную заметку в «Жиль Блаз», где я тогда работал. Поглощенный мыслью о моем приключении, я его полностью в ней изложил.

Статья не прошла незамеченной, но я ясно понял, что ее не приняли всерьез, решили, что это какая-то выдумка, а не подлинный случай. Сен-Мартены посмеялись надо мной. А Даспри, который знал немного толк в подобных делах, пришел ко мне, попросил рассказать о случившемся, попробовал разобраться... но, увы, безрезультатно.

Однако как-то утром у калитки зазвенел колокольчик, и Антуан пришел уведомить меня, что какой-то господин желает поговорить с хозяином. Имени своего он не назвал. Я попросил его подняться.

Это был мужчина лет сорока, жгучий брюнет с волевым лицом, его чистая, но поношенная одежда свидетельствовала о претензии на элегантность, которая не вязалась с довольно грубыми манерами.

Без лишних слов, хриплым голосом и с интонациями, выдававшими его социальную принадлежность, посетитель сказал мне:

– Месье, я здесь проездом, в кафе мне попался на глаза номер газеты «Жиль Блаз». Я прочел вашу статью. Она заинтересовала меня... очень заинтересовала.

– Благодарю вас.

– И я пришел к вам.

– О!

– Да, чтобы поговорить. Все ли приведенные вами факты точны?

– Абсолютно точны.

– Ни одна подробность не выдумана вами?

– Ни одна.

– В таком случае я, наверное, смогу сообщить вам кое-какие сведения.

– Слушаю вас.

– Нет.

– Что значит – нет?

– Прежде чем я заговорю, мне необходимо проверить, точны ли мои данные.

– А как вы проверите их?

– Мне нужно побыть одному в этой комнате.

Я с удивлением посмотрел на него.

– Я не совсем понимаю...

– Эта мысль пришла мне в голову, когда я читал вашу статью. Некоторые детали удивительно совпадают с другим происшествием, о котором я узнал случайно. Если это ошибка, мне лучше хранить молчание. И единственный способ проверить мое предположение – оставить меня одного...

Что скрывалось за этим предложением? Позднее я припомнил, что, излагая свою просьбу, посетитель волновался, лицо его было встревоженным. Но в тот момент, хотя меня это и удивило, я не нашел ничего сверхнеобычного в таком предложении. К тому же меня просто распирало от любопытства.

– Хорошо, – ответил я. – Сколько времени вам понадобится?

– О! Минуты три, не больше. Через три минуты я вернусь к вам.

Я вышел из комнаты. Внизу достал часы. Прошла минута. Две минуты... Но что же гнетет меня так? Почему эти мгновения кажутся мне такими торжественными?

Две минуты с половиной... Две минуты три четверти... И вдруг раздался выстрел.

Перескакивая через ступеньки, я в несколько прыжков взбежал наверх и вошел. Крик ужаса вырвался у меня из груди.

Посреди зала неподвижно, на левом боку лежал человек. Из его головы лилась кровь, смешанная с кусочками мозга. Около ладони лежал еще дымившийся револьвер.

Тело передернулось в конвульсии, и все было кончено.

Но еще сильнее, чем эта ужасная картина, меня поразило другое, то, из-за чего я не стал тут же звать на помощь, не упал на колени, чтобы проверить, дышит ли этот человек. В двух шагах от него на полу лежала семерка червей!

Я поднял карту. Семь острых концов у семи красных знаков были с дырочками...

Полчаса спустя прибыл комиссар полиции Нейи, затем судебно-медицинский эксперт, а вслед за ними – начальник полицейского управления господин Дюдуи. Я, разумеется, постарался не дотрагиваться до трупа. Ничто не могло помешать должному обследованию.

Осмотр длился недолго, тем более что вначале ничего не нашли, или почти ничего. В карманах мертвеца – никаких документов, на одежде – никакого имени, на белье – никаких инициалов. Короче говоря, ни одного показателя,

по которому можно было бы установить его личность. И в зале все оставалось в прежнем порядке. Мебель не сдвинута, все предметы на обычных местах. Однако не пришел же сюда этот человек с единственной целью убить себя, сочтя мой дом более подходящим для самоубийства, чем любой другой! Наверняка какая-то причина толкнула его на этот отчаянный шаг, и этой причиной стал некий новый факт, обнаруженный им за те три минуты, что он оставался один.

Какой факт? Что он увидел? Чем был потрясен? Что за ужасная тайна открылась ему? Угадать было невозможно.

Но в последний момент произошло то, что показалось нам чрезвычайно важным. Когда двое полицейских нагнулись для того, чтобы поднять труп и положить его на носилки, они заметили, что левая ладонь, до тех пор скрытая от глаз и сжатая в кулак, разжалась и из нее выпала сильно помятая визитная карточка.

На ней было написано: Жорж Андерматт, 37, улица де Берри.

Что бы это значило? Жорж Андерматт был известным парижским банкиром, основателем и президентом Металлургического банка, придавшего заметный импульс развитию металлообрабатывающей промышленности Франции. Он жил на широкую ногу, имел почтовый вагон, автомобиль, скаковых лошадей. Приемы в его доме пользовались большой популярностью, а мадам Андерматт славила изяществом и красотой.

– Может быть, так звали умершего? – прошептал я.

Начальник полиции наклонился к нему.

– Это не он. У месье Андерматта бледная кожа и проседь.

- Но тогда при чем здесь эта карточка?
- В доме есть телефон, месье?
- Да, в передней. Пойдемте, я провожу вас.

Полицейский полистал справочник и попросил соединить его с номером 415-21.

– Господин Андерматт дома? Будьте любезны, передайте ему, что господин Дюдуи просит его как можно скорее прибыть по адресу: бульвар Майо, 102. Срочно.

Через двадцать минут месье Андерматт выходил из своего автомобиля. Ему изложили причины, потребовавшие его присутствия, затем подвели к труп.

Лицо его на секунду искажилось от волнения, затем тихим голосом, как будто нехотя, он произнес:

- Этьен Варен.
- Вы были с ним знакомы?
- Нет... точнее я его знал... но только в лицо. Его брат...
- У него есть брат?
- Да, Альфред Варен... Он приходил ко мне когда-то просить... я уже не помню о чем...
- Где он живет?
- Братья жили вместе... на улице Прованс, кажется.
- И вы не догадываетесь о причине, толкнувшей его на самоубийство?
- Никоим образом.
- Но почему ваша карточка оказалась у него в руке?.. Карточка с вашим адресом.
- Тут я ничего не понимаю. Очевидно, это случайность, которую объяснит следствие.

Любопытная случайность, ничего не скажешь, подумал

я и почувствовал, что у всех присутствующих сложилось то же мнение.

На следующий день эта мысль промелькнула в газетах, ее же высказывали и те из моих друзей, с которыми я обсуждал происшествие. Среди загадок, усложнивших дело, — после того как были найдены две так поразившие всех семерки червей с семью проколами, а в моем доме произошли два одинаково таинственных события, — эта визитная карточка казалась открытием, обещающим пролить хоть немного света на случившееся. Через нее можно было докопаться до истины.

Но вопреки ожиданиям месье Андерматт никаких разъяснений не дал.

— Я рассказал все, что мне известно, — повторял он. — Чего же еще? Я больше других удивлен, что здесь нашли эту карточку, и так же, как все остальные, жду, когда прояснится данное обстоятельство.

Но этого не произошло. Следствие установило, что братья Варен, швейцарцы по происхождению, под разными именами вели довольно бурную жизнь, посещали притоны, поддерживали контакты с целой бандой иностранцев, состоявших под полицейским надзором и исчезнувших после серии ограблений, — их причастность к этим преступлениям была установлена позднее. В доме № 24 по улице Прованс, где братья Варен действительно жили шесть лет назад, об их дальнейшей судьбе ничего не было известно.

Признаться, дело казалось мне таким запутанным, что я абсолютно не верил в успех расследования и старался совсем не думать о нем. Но Жан Даспри, с которым я тогда часто встречался, напротив, с каждым днем увлекался все больше.

И именно он показал мне в одной иностранной газете заметку, которую перепечатывала и комментировала вся пресса:

«В скором времени в присутствии Императора состоятся первые испытания подводной лодки, которая произведет революцию в характере ведения будущих морских боев. Место испытаний будет храниться в тайне до последней минуты. Утечка информации позволила нам установить название лодки: “Семерка червей”».

Семерка червей? Случайно ли такое совпадение? Нет ли какой связи между названием подводной лодки и упомянутыми событиями? Но какого рода связи? То, что случилось здесь, не могло иметь никакого отношения к происходящему там.

– Откуда вам знать? – возражал мне Даспри. – Самые несопоставимые факты часто объясняются одной и той же причиной.

Через день до нас дошел другой отклик:

«Предполагают, что конструкция подводной лодки „Семерка червей“, испытания которой пройдут в ближайшее время, разработана французскими инженерами. Эти инженеры, понапрасну искавшие поддержки у своих соотечественников, вероятно, обратились затем, – но также безуспешно, – к английскому адмиралтейству. Мы сообщаем эти новости, не ручаясь за их достоверность».

Я не считаю возможным долго останавливаться на

фактах чрезвычайно деликатного свойства, вызвавших, помнится, большое волнение. Однако теперь, когда всякая опасность усложнить ситуацию устранена, мне все же необходимо рассказать о статье в «Эко де Франс», надевавшей в свое время много шума и внесшей в дело о Семерке червей, как его называли, некоторую ясность... и новую путаницу.

Привожу статью за подписью Сальватора в том виде, в каком она появилась:

«Дело о Семерке червей.

Завеса тайны чуть приоткрылась.

Мы будем кратки. Десять лет назад горный инженер Луи Лакомб, желая посвятить свое время и состояние исследованиям, которыми занимался, ушел в отставку и снял на бульваре Майо, № 102, небольшой особняк, незадолго до этого построенный и отделанный одним итальянским графом. Благодаря посредничеству двух людей, братьев Варен из Лозанны, один из которых ассистировал ему при проведении опытов, подготавливая их, а другой искал для него кредиторов, Луи Лакомб познакомился с господином Жоржем Андерматтом, только что основавшим Металлургический банк.

После нескольких встреч ему удалось заинтересовать последнего проектом подводной лодки, над которым он работал, и было решено, что, как только изобретение будет полностью отработано, господин Андерматт употребит свое влияние и попытается добиться от Министерства морского флота разрешения на серию испытаний.

В течение двух лет Луи Лакомб регулярно посещал особняк Андерматта, представляя на суд банкира усовершенствования, которые вносил в конструкцию; так продолжалось до того дня, когда, удовлетворенный собственной работой, ибо наконец-то был найден искомый вариант, инженер попросил месье Андерматта предпринять обещанные шаги.

В тот день Луи Лакомб обедал в доме Андерматта. Вечером, примерно в половине двенадцатого, он ушел. С тех пор его больше не видели.

Если перелистать газеты того времени, то можно встретить сообщение о том, что семья молодого инженера обратилась за помощью к правосудию и что прокуратура проявила озабоченность. Но ни к чему определенному это не привело, и в итоге сошлись на том, что Луи Лакомб, слывший оригиналом и фантазером, никого не предупредив, отправился в путешествие.

Примем на веру это предположение... хоть оно и неправдоподобно. Но возникает вопрос, имеющий первостепенное значение для нашей страны: что стало с чертежами подводной лодки? Не увез ли их Луи Лакомб с собой? Не уничтожены ли они?

Очень серьезное расследование, предпринятое нами, показало, что эти чертежи существуют. И они оказались у братьев Варен. Почему? Установить это окончательно нам пока не удалось, точно так же нам неизвестно, почему они не пытались поскорее сбыть их с рук. Боялись, что возникнет вопрос: как они к ним попали? Во всяком случае такое опасение удерживало их недолго, и мы с полной уверенностью можем утверждать следующее:

чертежи Луи Лакомба стали собственностью иностранной державы, и мы имеем возможность опубликовать переписку, которой обменивались по этому поводу братья Варен и представитель упомянутой державы. В настоящее время «Семерка червей», изобретенная Луи Лакомбом, построена нашими соседями.

Удовлетворит ли действительность оптимистические ожидания тех, кто был причастен к этому предательству? У нас есть основания надеяться на обратное, и хотелось бы верить, что предстоящее событие не разочарует нас».

К этому тексту был подверстан постскриптум:

«Последнее сообщение. Мы справедливо надеялись. Наши особые информаторы разрешают сообщить, что испытания „Семерки червей“ оказались неудовлетворительными. Вполне возможно, что в чертежах, переданных братьями Варен, не хватало последнего материала, принесенного Луи Лакомбом господину Андерматту в тот вечер, когда он исчез, материала, необходимого для понимания проекта в целом, своего рода резюме, в котором содержатся окончательные выводы, расчеты и измерения, заложенные в других бумагах. Без этого документа чертежи как бы полужаконочены; так же как без чертежей сам этот документ бесполезен.

Таким образом, еще есть время действовать и вернуть то, что нам принадлежит. В этом довольно щекотливом деле мы очень полагаемся на помощь господина Андерматта. Он наверняка посчитает своим долгом объяснить

необъяснимое поведение, которого он придерживался с самого начала. Он не только расскажет, почему скрыл то, что ему было известно, в момент самоубийства Этьена Варена, но и не станет замалчивать причину, побудившую его никогда никому не рассказывать об исчезновении бу-маг, хотя он знал об этом. Он разъяснит, почему в течение шести лет нанятые им агенты следили за братьями Ва-рен.

Мы ждем от него не слов, а дела. Иначе...»

Угроза была грубой. Но в чем она состояла? Какое средство для устрашения Андерматта имелось в распоряжении Сальватора, автора статьи... с вымышленной фамилией?

Туча репортеров набросилась на банкира, но в ответ на ультиматум в десяти интервью было выражено полное презрение к угрозе. На что корреспондент «Эко де Франс» отреагировал такими тремя строчками:

«Хочет того господин Андерматт или нет, но с настоящего момента он является нашим помощником в затеянном нами предприятии».

В тот день, когда появилась эта реплика, мы с Даспри обедали вместе. Вечером, разложив газеты на столе, обсуждали дело, анализировали его со всех сторон и были раздражены до предела, словно путники, которые бредут неизвестно куда в темноте и все время натыкаются на одни и те же препятствия.

И вдруг, хотя слуга не докладывал и звонок не звонил, дверь открылась и вошла укрытая густой вуалью дама.

Я тут же встал и подошел к ней.

— Это ваш дом, месье? — спросила она.

— Да, мадам, но признаться...

— Калитка, что выходит на бульвар, оказалась незапертой, — объяснила она.

— А дверь в передней?

Она не ответила, и я подумал, что ей пришлось обойти дом и подняться по черной лестнице. Значит, она знала, как пройти?

Воцарилось неловкое молчание. Она посмотрела на Даспри. По инерции, как сделал бы это в любой гостиной, я представил его. Затем попросил даму сесть и изложить цель ее визита.

Незнакомка сняла вуаль, и я увидел, что она брюнетка с правильными чертами лица, быть может, не красавица, но во всяком случае бесконечно очаровательная женщина, что исходило в основном от ее глаз, серьезных и печальных.

— Я мадам Андерматт, — сказала она просто.

— Мадам Андерматт! — повторил я, не переставая удивляться.

И снова — молчание, но вот она заговорила тихим голосом, все больше обретая спокойствие:

— Я пришла по поводу известного вам дела. Подумала, что, может быть, смогу получить от вас какие-нибудь сведения...

— Боже мой, мадам, я знаю обо всем этом не больше того, что пишут в газетах. Будьте любезны, скажите точнее, чем я могу быть вам полезен.

— Я не знаю... Не знаю...

Только тогда я заметил, что ее спокойствие было

наигранным, а самообладание – только видимость, за которой скрывается огромная растерянность. И мы замолчали, почувствовав себя одинаково неловко.

Но Даспри, все это время наблюдавший за гостьей, подошел к ней и сказал:

– Вы позволите, мадам, задать вам несколько вопросов?

– О да! – воскликнула она. – Так я смогу все рассказать.

– Вы будете говорить... какие бы вопросы вам ни задавали?

– Да, какие угодно.

Он подумал и произнес:

– Вы знали Луи Лакомба?

– Да, через мужа.

– Когда вы видели его в последний раз?

– Когда он ужинал с нами.

– В тот вечер ничто не могло навести вас на мысль, что вы его больше не увидите?

– Нет. Он действительно упомянул о путешествии в Россию, но просто так, мимоходом!

– Значит, вы полагали, что увидите его снова?

– Через день за обедом.

– И как вы объясняете исчезновение Лакомба?

– Я никак не могу его объяснить.

– А месье Андерматт?

– Не знаю.

– Однако...

– Не спрашивайте меня об этом.

– Статья в «Эко де Франс», кажется, намекает...

– Она намекает на то, что братья Варен имеют какое-то отношение к этому исчезновению.

– Вы тоже так думаете?

– Да.

– На чем основано ваше убеждение?

– Когда Луи Лакомб уходил от нас, в руках он держал портфель со всеми бумагами, относящимися к его проекту. Через два дня мой муж встречался с одним из братьев Варен, с тем, что жив, и во время этой встречи муж получил доказательство того, что бумаги находятся в руках братьев.

– И он их не выдал полиции?

– Нет.

– Почему?

– Потому что в портфеле, помимо бумаг Луи Лакомба, находилось кое-что другое.

– Что?

Она смутилась, собралась было ответить, но в конце концов предпочла молчать. Даспри продолжал.

– Вот, значит, какова причина, заставившая вашего мужа не обращаться в полицию и установить слежку за братьями. Он надеялся вернуть бумаги и вместе с ними то, другое... нечто компрометирующее, чем воспользовались братья, чтобы воздействовать на него, шантажировать...

– Его... и меня.

– О! Вас тоже?

– В основном меня.

Она произнесла эти слова сдавленным голосом. Даспри посмотрел на мадам Андерматт, прошелся по комнате и опять вернулся к ней:

– Вы писали Луи Лакомбу?

– Конечно... мой муж был связан...

– Вы не писали Луи Лакомбу... других писем, помимо

официальных? Простите мою назойливость, но мне необходимо знать всю правду. Писали вы другие письма?

Заливаясь краской, она прошептала:

– Да.

– И эти письма попали к братьям Варен?

– Да.

– Значит, месье Андерматт знает об этом?

– Писем он не видел, но Альфред Варен сообщил ему об их существовании, пригрозив, что опубликует, если муж предпримет что-либо против него или его брата. Мой муж испугался... отступил, не желая скандала.

– Однако пустил в ход все средства, чтобы вырвать у них эти письма.

– Все средства пущены в ход... по крайней мере я так думаю, ибо с той последней встречи с Альфредом Вареном после нескольких очень грубых слов, в которых он изложил суть их разговора, между мужем и мной больше не существует никакой близости, никакого доверия. Мы живем как чужие.

– В таком случае, если вам нечего терять, чего вы боитесь?

– Какой бы безразличной я не стала для него, я все же та, которую он любил и мог бы еще любить. О, в этом я уверена, – прошептала она с жаром, – он и любил бы меня до сих пор, не подвернись ему эти проклятые письма...

– Как! Ему удалось... Но ведь братья были очень осторожны!

– Да, хвастались даже, что у них есть надежный тайник.

– И что из этого?..

– У меня есть все основания думать, что мой муж нашел этот тайник!

– Надо же! Но где он находится?

– Здесь.

Я подскочил.

– Здесь?

– Да, я это всегда подозревала. Луи Лакомб, человек очень изобретательный, обожал механику и в свободное время для развлечения мастерил потайные ящики с замками. Братья Варен, видимо, заметили это, и впоследствии использовали один из его тайников для хранения писем... и, конечно, других вещей тоже.

– Но они же не жили здесь, – воскликнул я.

– Вы приехали четыре месяца назад, а до этого павильон пустовал. Вполне возможно, они приходили сюда и, наверное, решили, что ваше присутствие не помешает им в тот день, когда понадобится забрать бумаги. Но они не приняли в расчет моего мужа, который в ночь с 22 на 23 июня взломал тайник, взял... то, что искал, и оставил свою карточку, хотел показать братьям, что ему больше незачем их бояться и что роли поменялись. Через два дня, предупрежденный статьей в «Жиль Блаз», Этьен Варен спешно явился в ваш дом, остался один в этой гостиной, обнаружил, что тайник пуст, и покончил с собой.

Через секунду Даспри спросил:

– Это просто предположение, не так ли? Месье Андерматт ведь ничего вам не сказал?

– Нет.

– Его поведение по отношению к вам не изменилось? Не показался ли он вам помрачневшим, более озабоченным?

– Нет.

– И вы полагаете, что он мог бы вести себя так, если бы нашел письма! Я же думаю, что у него их нет. Мне кажется, сюда приходил не он.

– Но тогда кто же?

– Таинственный человек, который управляет этим делом, держит все нити в руках и преследует цель, которую мы только начинаем угадывать сквозь тьму непроницаемых загадок; непонятная личность, чье очевидное могущество и влияние на происходящее ощущается с самого начала. Это он и его друзья вошли в этот дом 22 июня, это он обнаружил тайник, это он оставил карточку месье Андерматта, и у него находятся письма и улики, подтверждающие предательство братьев Варен.

– Кто он? – перебил я, не сдержавшись.

– Корреспондент «Эко де Франс», черт возьми, этот Сальватор! Когда все так очевидно, разве мы не становимся слепы? Ведь он упоминает в своей статье детали, которые могут быть известны только тому, кто проник в тайны братьев.

– В таком случае, – пробормотала мадам Андерматт с ужасом, – мои письма тоже у него, и теперь его очередь угрожать моему мужу! Что делать, Боже мой!

– Написать ему, – решительно заявил Даспри, – довериться ему безоговорочно, рассказать все, что вы знаете и что можете узнать.

– Что вы говорите?

– Ваши интересы совпадают. Вне всякого сомнения, его действия направлены против брата, оставшегося в живых. Он ищет оружие, но не для борьбы с месье Андерматтом, а для того, чтобы уничтожить им Альфреда Варена. Помогите же ему.

– Как?

– У вашего мужа есть документ, который дополняет и позволяет использовать чертежи Луи Лакомба?

– Да.

– Сообщите об этом Сальватору. Если надо, постарайтесь раздобыть для него документ. Короче, вступите с ним в переписку. Чем вы рискуете?

Совет был дерзкий и на первый взгляд даже опасный, но у мадам Андерматт не было иного выхода. К тому же, как говорил Даспри, чем она рисковала? Если неизвестный был врагом, такой шаг не усугублял ситуации. Если же это был человек посторонний, преследовавший какую-то особую цель, он не должен был придавать этим письмам большого значения.

Как бы то ни было, появилась хоть какая-то надежда, и мадам Андерматт, не представлявшая себе, что делать, с большой радостью ухватила за нее. Она горячо поблагодарила нас, пообещав держать в курсе событий.

И в самом деле, через день она прислала записку, полученную в ответ на ее послание:

«Писем там не было. Но я их достану, будьте уверены. Я за всем слежу. С».

Я взял бумагу в руки. Это был тот же почерк, что и в записке, подложенной мне в настольную книгу вечером 22 июня.

Значит, Даспри был прав, именно Сальватор оказался главным организатором этого дела.

Наконец-то забрезжили слабые лучи света в окружавших нас потемках, а отдельные детали предстали в неожиданном ракурсе. Но сколько еще оставалось темных пятен, таких, например, как находка двух семерок червей! Что до меня, то эти две карты не выходили у меня из головы, быть может, я был заинтригован ими даже больше, чем надо, так как семь дырочек в семи маленьких знаках бросились мне в глаза при таких волнующих обстоятельствах! Какую роль играли они в этой драме? Какое значение следует им придавать? Какой вывод надо сделать из того факта, что подводная лодка, построенная по чертежам Луи Лакомба, была названа «Семеркой червей»?

Даспри же мало занимали эти две карты, он целиком погрузился в изучение другой загадки, решение которой ему казалось более неотложным делом: мой приятель без усталости разыскивал пресловутый тайник.

— И кто знает, — говорил он, — не найду ли я в нем письма, которые не обнаружил там Сальватор!.. скорее всего по недосмотру. Очень уж не верится, что братья Варен убрали из недоступного, как они полагали, тайника бесценное оружие, значение которого понимали.

И он искал. Вскоре в большом зале для него не осталось никаких секретов, и поиски переместились в другие комнаты особняка: он обследовал их снаружи и изнутри, осмотрел каменную и кирпичную кладку стен, приподнял шифер на крыше.

Однажды Даспри явился с киркой и лопатой; вручив мне лопату, оставил себе кирку и сказал, указав на пустырь: — Туда.

Я пошел за ним без особого восторга. Он разделил

площадку на несколько участков и один за другим осмотрел их. Но в одном месте, у угла, образованного стенами двух соседних домов, его внимание привлекла куча бутовых камней и булыжников, прикрытая кустарником и травой. Даспри стал разгребать ее.

Мне пришлось помогать. Битый час под палящим солнцем мы потели над этой кучей – безрезультатно. Но когда, раскидав камни, мы добрались до земли и начали выворачивать ее, кирка Даспри обнажила кости, останки человека, на которых еще болтались лохмотья одежды.

И вдруг я почувствовал, что бледнею. Я заметил вдавленную в землю маленькую железную пластину, вырезанную по форме прямоугольника и, как мне показалось, на ней были различимы пятна крови. Я нагнулся. Так оно и оказалось: пластина была по размеру с игральную карту, а красных, местами проржавевших пятен цвета сурика было семь и расположены они были, как семь знаков в семерке червей, протыканных так же на кончиках.

– Послушайте, Даспри, мне надоели все эти истории. Если вам так интересно, оставайтесь. А я ухожу.

Может быть, от волнения или оттого, что устал, поработав на палящем солнце, но, как бы то ни было, на обратном пути меня зашатало, пришлось лечь в постель, где я провалялся двое суток в горячке и бреде, отбиваясь от скелетов, танцевавших вокруг меня и бросавших друг другу в головы свои окровавленные сердца.

Даспри вел себя как преданный друг. Каждый день он посвящал мне три-четыре часа, которые, правда, проводил в большом зале: обшаривал все углы, простукивал стены, словом, барабанил всюду.

– Письма здесь, в этой комнате, – сообщал он мне время от времени, – они здесь. Руку даю на отсечение.

– Оставьте меня в покое, – отвечал я, доведенный до белого каления.

На третий день утром я встал, и хотя был еще довольно слаб, чувствовал себя здоровым. Плотный завтрак подкрепил меня. Но небольшое послание, полученное мною около пяти часов, больше всего другого способствовало моему полному выздоровлению, поскольку мое любопытство, несмотря ни на что, опять разыгралось.

Телеграмма была следующего содержания:

«Месье!

Драма, первый акт которой разыгрался в ночь с 22 на 23 июня, близится к развязке.

Обстоятельства сложились так, что мне необходимо устроить встречу двух основных ее героев, и это свидание должно произойти в вашем доме, поэтому я был бы вам бесконечно признателен, если бы на сегодняшний вечер вы предоставили мне ваше жилище. Было бы неплохо, если бы ваш слуга отсутствовал с девяти до одиннадцати, желательно также, чтобы вы оказали мне огромную любезность и согласились предоставить противникам свободу действий. В ночь с 22 на 23 июня вы смогли убедиться, что я с чрезвычайной щепетильностью оберегаю все, что вам принадлежит. Со своей стороны, я счел бы оскорбительным для вас малейшее подозрение в том, что вы можете обмануть доверие нижеподписавшегося, преданного вам Сальватора».

Послание было написано в таком учтиво-ироничном тоне, а изложенная просьба показалась мне настолько забавной и фантастичной, что я пришел в восторг.

Какая прелестная бесцеремонность! Кажется, мой корреспондент даже не сомневается в моем согласии! Но ни за что на свете я не хотел бы разочаровать его или ответить неблагодарностью на доверие.

В восемь часов, едва ушел мой слуга, которому я подарил билет в театр, появился Даспри. Я показал ему телеграмму.

— И что? — спросил он.

— Как что? Я оставлю ворота в сад открытыми, чтобы можно было войти.

— А сами уйдете?

— Ни за что на свете.

— Но ведь вас просят...

— Меня просят хранить тайну. Я ее сохраню. Но мне безумно хочется увидеть, что произойдет.

Даспри рассмеялся:

— Честно говоря, вы правы, я тоже остаюсь. Мне кажется, скучать не придется.

Его прервал звонок.

— Они уже здесь? — пробормотал он. — На двадцать минут раньше! Не может быть.

Из передней я потянул за веревочку, открывавшую калитку. Женская фигура пересекла сад: мадам Андерматт.

Она, видимо, была чем-то потрясена и, задыхаясь, пролепетала:

— Мой муж... он идет... у него встреча... ему должны отдать письма...

– Как вы об этом узнали? – спросил я.

– Случайно. Из послания, которое мой муж получил во время ужина.

– Телеграмма?

– Телефонограмма. Слуга передал ее мне по ошибке. Муж тут же отобрал ее у меня, но было уже поздно... я прочитала.

– Вы прочитали...

– Примерно следующее: «Сегодня вечером, в девять часов будьте на бульваре Майо с документами, касающимися дела. В обмен – письма». После ужина я поднялась к себе, затем вышла из дома.

– Ничего не сказав месье Андерматту?

– Да.

Даспри взглянул на меня.

– Что вы об этом думаете?

– Думаю то же, что и вы. Месье Андерматт – один из вызванных противников.

– Кем вызванных? И с какой целью?

– А вот это мы скоро узнаем.

Я проводил их в большой зал.

В крайнем случае все трое могли разместиться под навесом у камина и спрятаться за бархатной драпировкой. Устроились. Мадам Андерматт села между нами. Сквозь просветы в драпировке видна была вся комната.

Пробило девять часов. Через несколько минут скрипнули петли садовой калитки.

Не скрою, я не мог отделаться от нарастающей тревоги и лихорадочного возбуждения, вдруг охватившего меня. Еще немного – и мне откроется тайна! Загадочная аван-

тюра с удивительными поворотами, которую я наблюдал уже несколько недель, предстанет наконец в истинном свете, а решающая битва произойдет сейчас на моих глазах.

Даспри взял мадам Андерматт за руку и прошептал:

– Главное, ни одного движения! Что бы вы ни услышали, ни увидели, держитесь невозмутимо.

Кто-то вошел. И по необыкновенному сходству с Этьеном Вареном я сразу понял, что это его брат Альфред. Та же тяжелая походка, тот же землистый цвет лица, заросшего бородой.

Он вошел, озираясь с такой тревогой, будто привык опасаться ловушек, повсюду расставленных на его пути, ловушек, которые он нюхом чует и избегает. Затем Варен взглядом окинул комнату, и мне показалось, что камин, загороженный бархатной портьерой, явно не понравился ему. Он сделал три шага в нашу сторону, но какая-то мысль, без сомнения, поважнее этого намерения, отвлекла его, он повернул к стене, остановился перед мозаичным портретом старого седобородого короля со сверкающим мечом и, встав на стул, долго рассматривал его, проводя пальцем по контуру плеч, лица и прощупывая все изображение.

Вдруг он спрыгнул со стула и отскочил от стены. Понеслись шаги. На пороге появился господин Андерматт.

Банкир вскрикнул от удивления:

– Вы! Вы! Это вы меня вызвали?

– Я? Вовсе нет, – запротестовал Варен скрипучим голосом, напомнившим мне голос его брата, – меня заставило прийти сюда ваше письмо.

– Мое письмо!

– Подписанное вами письмо, в котором вы предлагаете мне...

– Я не писал вам.

– Не писали?!

Варен инстинктивно насторожился, опасаясь, по-видимому, не банкира, а неизвестного противника, заманившего его в эту ловушку. Во второй раз взгляд Варена обратился в нашу сторону, и он метнулся к двери. Господин Андерматт преградил ему дорогу.

– Куда это вы направились, Варен?

– Мне не нравятся темные делишки, которыми здесь пахло. Я ухожу. Прощайте.

– Подождите минуту!

– Послушайте, месье Андерматт, не настаивайте, нам нечего сказать друг другу!

– Напротив, многое, и случай уж очень удобный...

– Позвольте пройти.

– Нет, нет и нет, вы так не уйдете.

Вид у банкира был настолько решительный, что Варен, спасовав, отступил и промямлил:

– Хорошо, давайте поговорим, но быстро, и дело с концом!

Меня удивляло только одно обстоятельство, и наверняка два сидящих рядом со мной человека испытывали то же разочарование, что и я. Как могло случиться, что здесь не оказалось Сальватора? Значит, сам он и не думал вмешиваться? Хотел столкнуть банкира с Вареном, только и всего? Мне почему-то стало очень досадно. Самим фактом отсутствия Сальватора эта подстроенная и осуществленная по его воле дуэль обретала трагическую окраску, свой-

ственную событиям, вызванным и подчиненным суровому закону рока, и сила, столкнувшая этих двух людей, казалась особенно впечатляющей оттого, что действовала откуда-то извне.

Минуту спустя господин Андерматт подошел к Варену вплотную, они стояли лицом к лицу, глядя друг другу прямо в глаза.

— Теперь, когда прошли годы и вам уже нечего бояться, ответьте мне честно, Варен: что вы сделали с Луи Лакомбом?

— Ну и вопрос! Откуда мне знать, что с ним стало!

— Вам это известно! Известно! Вы с братом ходили за ним по пятам, чуть ли не жили в его доме, том самом доме, где мы сейчас находимся. Вы были в курсе всех его работ, всех проектов. И в последний вечер, Варен, когда я провожал Луи Лакомба до двери, я заметил две фигуры, прятавшиеся в тени. Готов в этом поклясться.

— И что потом? Кому нужна ваша клятва?

— Это были вы с братом, Варен.

— Докажите.

— Но ведь лучшее доказательство в том, что через два дня вы сами показывали мне бумаги и чертежи, которые извлекли из портфеля Лакомба, и предлагали мне купить их. Как эти бумаги попали в ваши руки?

— Я вам уже говорил, месье Андерматт, мы нашли их на столе самого Луи Лакомба на следующее утро после его исчезновения.

— Неправда.

— Докажите это.

— Правосудие могло бы доказать.

– Почему же вы не обратились к правосудию?

– Почему? О! Почему...

Он замолчал, потемнев лицом. А тот заговорил снова:

– Видите ли, месье Андерматт, будь вы хоть на грош уверены в том, что говорите, вам бы, наверное, не помешала ничтожная угроза с нашей стороны...

– Какая угроза? Письма? Уж не воображаете ли вы, что я хоть на секунду мог поверить...

– Если вы не поверили в эти письма, зачем предлагали мне сотни и тысячи за то, чтобы я их отдал вам? И почему с тех пор на нас с братом, как на зверей, натравливали ищеек?

– Хотел вернуть чертежи, которые были мне нужны.

– Да ну! Нет, вы это делали из-за писем. Попади они к вам, вы бы выдали нас. В ту же секунду, стоило лишь уступить!

И он расхохотался, но вдруг резко оборвал смех.

– Ну, хватит. Сколько бы мы ни повторяли одно и то же, к согласию не придем. Следовательно, остановимся на этом.

– Нет, не остановимся, – сказал банкир, – и поскольку заговорили о письмах, вы не выйдете отсюда, пока не отдадите их мне.

– Выйду.

– Нет, нет.

– Послушайте, месье Андерматт, советую вам...

– Вы не выйдете.

– А вот это посмотрим, – произнес Варен с такой яростью, что мадам Андерматт поневоле тихонько вскрикнула.

Варен, видно, услышал ее и попытался силой проложить себе дорогу. Господин Андерматт резко оттолкнул его. Тогда я заметил, как Варен опустил руку в карман пиджака.

– В последний раз!

– Сначала письма.

Варен вскинул револьвер и, целясь в месье Андерматта, сказал:

– Да или нет?

Банкир резко нагнулся.

Раздался выстрел. Револьвер упал.

Я был поражен. Пуля просвистела мимо меня! И это Даспри, выстрелив из пистолета, выбил оружие из руки Альфреда Варена!

Неожиданно встав между противниками, лицом к Варену, Даспри посмеивался:

– Вам повезло, мой друг, невероятно повезло. Я целился в руку, а попал в револьвер.

Растерявшиеся банкир и Варен остолбенело смотрели на Даспри.

– Прошу прощения, месье, за то, что вмешиваюсь в дела, меня не касающиеся. Но по правде говоря, вы слишком неловко играете свою партию. Позвольте мне сдать карты.

И повернувшись к другому, сказал:

– Играем мы вдвоем, приятель. И прошу – в открытую. Козырь – черви, я ставлю на семерку.

Никогда еще мне не приходилось видеть такого потрясения. Побледнев, вытаращив глаза, с перекошенным от страха лицом Варен, казалось, был загипнотизирован представшей перед ним фигурой.

– Кто вы? – пробормотал он.

– Я уже сказал: господин, занимающийся делами, которые его не касаются... но он занимается ими вплотную.

– Что вам надо?

– То, что ты принес.

– Я ничего не приносил.

– Нет, без этого ты бы не пришел. Сегодня утром ты получил письмо с приглашением прийти сюда к девяти часам, и тебе было велено захватить с собой все имеющиеся у тебя бумаги. Итак, ты здесь. Где же бумаги?

В голосе Даспри, его поведении появилась властность, повергшая меня в недоумение, этот обычно беспечный и мягкий человек держался теперь совсем иначе.

Абсолютно укрощенный Варен показал на один из своих карманов.

– Бумаги здесь.

– Все?

– Да.

– Все бумаги, что ты нашел в портфеле Луи Лакомба и продал майору фон Лебену.

– Да.

– Копии или оригиналы?

– Оригиналы.

– Сколько хочешь за них?

– Сто тысяч.

Даспри расхохотался:

– С ума сошел. Майор дал тебе за них всего двадцать. И выбросил их на ветер, потому что испытания не удались.

– Чертежами не сумели воспользоваться.

– Это не все чертежи.

– Тогда зачем вы требуете их у меня?

– Мне они нужны. Предлагаю тебе пять тысяч франков.

Ни на су больше.

– Десять тысяч. Ни на су меньше.

– Договорились.

Даспри подошел к господину Андерматту.

– Соболаговолите выписать чек, месье.

– Но... у меня нет...

– Вашей чековой книжки? Вот она.

Ошарашенный господин Андерматт ощупал книжку, которую протянул ему Даспри.

– Действительно, моя... Как это получилось?

– Не тратьте время на пустые разговоры, прошу вас, дорогой мой месье Андерматт, поставьте подпись и все.

Банкир достал авторучку и подписал. Варен протянул руку.

– Руки прочь, – заявил Даспри, – не все еще кончено.

И обратился к банкиру:

– Речь шла также о письмах, которые вы требуете?

– Да, о связке писем.

– Где они, Варен?

– У меня их нет.

– Где они, Варен?

– Не знаю. Ими занимался мой брат.

– Они спрятаны здесь, в этой комнате.

– В таком случае вы сами знаете, где они находятся.

– Откуда мне знать?

– Черт возьми, разве не вы добрались до тайника? Вы, кажется, осведомлены не хуже, чем... Сальватор.

– В тайнике писем нет.

- Они там.
- Открой его.

Варен посмотрел на Даспри с вызовом. И в самом деле, Даспри и Сальватор – не одно ли это лицо, как легко было предположить, исходя из всего, что происходило? Если да, он ничем не рисковал, показывая уже известный тайник. Если же нет... то было бесполезно...

- Открой его, – повторил Даспри.
- У меня нет семерки червей.
- Вот она, – сказал Даспри, протягивая железную пластину.

Варен в ужасе отшатнулся.

- Нет... нет... я не хочу...
- А! Была не была.

Даспри направился к изображению старого седобородого монарха, встал на стул и приложил семерку червей к основанию меча у рукоятки, так, что края пластины совместились с его краями. Затем шилом, которое поочередно вставил в каждую из семи дырочек, проделанных в углах червонных знаков, Даспри нажал на семь маленьких камешков мозаики. На седьмом из них что-то щелкнуло, и фигура короля стала поворачиваться, открывая большое отверстие в виде сейфа с железной обшивкой и двумя блестящими стальными полками.

- Сам видишь, Варен, сейф пуст.
 - Действительно... Наверное, мой брат вынул письма.
- Даспри опять приблизился к Варену и сказал:
- Не хитри со мной. Есть и другой тайник. Где он?
 - Другого нет.
 - Быть может, ты хочешь денег? Сколько?

– Десять тысяч.

– Месье Андерматт, десять тысяч за эти письма – нормальная для вас цена?

– Да, – громким голосом ответил банкир.

Варен закрыл сейф, с откровенной брезгливостью взял семерку червей и приложил ее к мечу у рукоятки, точно в том же месте. Затем последовательно вонзил шило в кончик каждого из семи сердечек. Опять раздался щелчок, но на этот раз – неожиданная вещь – повернулась только часть сейфа, и в толщине дверцы, закрывавшей большой сейф, открылся другой маленький ящичек.

Пачка писем, перевязанная бечевкой и запечатанная, лежала там. Варен передал ее Даспри. Тот спросил:

– Чек готов, месье Андерматт?

– Да.

– И у вас есть также последний документ, доставшийся вам от Луи Лакомба и дополняющий чертежи подводной лодки?

– Да.

Обмен состоялся. Даспри положил документ в карман и отдал связку писем господину Андерматту.

– Вот то, чего вы хотели, месье.

Банкир с секунду колебался, словно боялся дотронуться до этих проклятых листков, которых он так упорно добивался. Затем нервным движением схватил их.

Рядом со мной послышался стон. Я взял мадам Андерматт за руку: она была ледяной.

Даспри сказал банкиру:

– Я думаю, месье, наш разговор окончен. О! Не надо благодарности, умоляю вас. Только случай помог мне оказать вам услугу.

Господин Андерматт удалился. Он уносил с собой письма жены к Луи Лакомбу.

– Замечательно, – с восторгом воскликнул Даспри, – все устраивается великолепно. Остается лишь завершить дело, приятель. Бумаги с тобой?

– Вот они все.

Даспри проверил их, внимательно осмотрел и положил в карман.

– Прекрасно, ты сдержал слово.

– Но...

– Что «но»?

– А два чека?.. Деньги?..

– Ну и наглец же ты, дружище. Подумать только, он еще чего-то требует!

– Я требую то, что мне положено.

– Неужели тебе что-то должны за бумаги, которые ты украл?

Но Варен, видно, уже не отвечал за себя. Он дрожал от злости, глаза его налились кровью.

– Деньги... двадцать тысяч... – пробормотал он.

– Ни за что... я сам знаю, куда их употребить.

– Деньги!

– Ну хватит, будь благоразумным и оставь-ка свой нож в покое!

Даспри схватил его за руку с такой силой, что Варен взвыл от боли.

– Иди прочь, приятель, – продолжил Даспри, – свежий воздух сейчас полезен тебе. А может, тебя проводить? Мы пойдем через пустырь, и я покажу тебе грудку камней, под которой...

– Это ложь! Ложь!

– Нет, это правда. Ведь маленькая железная пластина с семью красными дырочками именно оттуда. Луи Лакомб с ней никогда не расставался, как ты помнишь. Вы с братом закопали ее вместе с трупом... и другими предметами, которые наверняка чрезвычайно заинтересуют полицию.

Варен закрыл лицо яростно сжатыми кулаками. Затем сказал:

– Что ж, меня здорово облапошили... Оставим это. Только скажите... одно слово, я хочу знать...

– Была ли в тайнике... в том, что побольше, шкатулка?

– Была.

– Когда вы пришли сюда ночью с 22 на 23 июня, она еще находилась там?

– Да.

– И в ней лежало?..

– Все, что спрятали туда братья Варен, – очень симпатичная коллекция драгоценностей, бриллиантов и жемчуга, которые упомянутые братья ухитрились стянуть отовсюду, где можно.

– И вы их забрали!

– Конечно! Поставь себя на мое место.

– Значит... мой брат покончил с собой, обнаружив, что шкатулка пропала?

– Возможно. Исчезновения вашей переписки с майором Лебеном было бы недостаточно. Но пропажа шкатулки... Больше ничего не хочешь у меня узнать?

– Еще одно: ваше имя.

– Ты произнес это так, будто намерен взять реванш.

– Еще бы! Счастье изменчиво. Сегодня вы победили. Завтра...

– Ты?

– Я очень рассчитываю на это. Ваше имя!

– Арсен Люпен.

– Арсен Люпен!

Варена будто обухом огрели, и он зашатался. Судя по всему, эти два слова лишали его всякой надежды.

Даспри расхохотался:

– Вот те на! Неужели ты допускаешь, что такое красивое дельце мог обстряпать какой-нибудь Дюран или Дюпон? Брось, пожалуйста, для этого нужен по меньшей мере Арсен Люпен. А теперь, когда ты все знаешь, малыш, иди, готовься к реваншу. Арсен Люпен ждет тебя.

И он без дальнейших разговоров вытолкнул его на улицу.

– Даспри, Даспри! – позвал я, невольно произнеся то имя, к которому привык, и отодвинул бархатную портьеру.

Он бросился ко мне.

– Что? Что случилось?

– Мадам Андерматт плохо.

Он засуетился, дал ей понюхать соль и, хлопоча вокруг нее, расспрашивал меня:

– Ну что же все-таки произошло?

– Письма, – ответил я, – письма Луи Лакомба, переданные вами ее мужу!

Он стукнул себя по лбу.

– Она подумала, что я это сделал... Ну конечно, она и в самом деле могла так подумать. Какой же я дурак!

Мадам Андерматт, уже пришедшая в себя, жадно слушала его слова. Он достал из бумажника маленькую связку, абсолютно не отличавшуюся от той, что унес господин Андерматт.

– Вот ваши письма, мадам, настоящие.

– А те... другие?

– Те почти такие же, как эти. Но сегодня ночью я все переписал и тщательно подправил. Ваш муж будет необыкновенно счастлив, прочитав их, он не догадается о подмене, ведь все, кажется, происходило у него на глазах...

– Почерк...

– Не существует почерков, которые невозможно скопировать.

Она поблагодарила его в той форме, какая принята среди людей ее круга, и я понял, что мадам Андерматт, наверное, не слышала последних фраз, которыми обменялись Варен и Арсен Люпен.

Мне же было немного неловко смотреть на него, я не знал, что сказать старому приятелю, представшему передо мной в столь неожиданном свете. Люпен! Это был Люпен! Мой друг, человек из нашей компании оказался не кем иным, как Арсеном Люпеном! Я не мог прийти в себя. А он, ничуть не смущаясь, заговорил так:

– Вы можете попрощаться с Жаном Даспри.

– О!

– Да, Жан Даспри отправляется в путешествие. Я посылаю его в Марокко. Вполне возможно, что он найдет там достойный его конец. Не скрою даже, что таково его намерение.

– Но Арсен Люпен остается с нами?

– О! Непременно. Карьера Арсена Люпена только начинается, и он рассчитывает...

Любопытство мое разыгралось не на шутку, я невольно рванул к нему и отвел на некоторое расстояние от мадам Андерматт.

– Значит, вы все-таки нашли второй тайник, в котором лежали письма?

– Пришлось немало потрудиться! Это произошло только вчера, после обеда, пока вы спали. Хотя, Бог свидетель, все было так просто! Но о самых простых вещах всегда думают в последнюю очередь.

И он показал мне семерку червей:

– Я правильно угадал, что открыть сейф можно нажатием карты на меч мозаичного старца...

– Как вы догадались?

– Легко. С помощью моих особых каналов информации. Когда я пришел сюда ночью двадцать второго июня, я уже знал...

– После того как попрощались со мной...

– Приведя вас посредством намеренно избранной темы разговора в определенное состояние, чтобы такой нервный и впечатлительный человек, как вы, позволил мне действовать по моему усмотрению и не покидал кровати.

– Расчет был верным.

– Итак, явившись сюда, я знал, что в сейфе с секретным замком спрятана шкатулка и что ключ, отмычка сейфа – это семерка червей. Надо было только наложить эту семерку на то место, которое было ей предназначено. Мне было достаточно часа осмотра.

– Часа!

– Посмотрите на мозаичного деда.

– Старого императора?

– Этот старый император – точная копия червового короля из любой колоды – Карл Великий.

– Действительно... Но почему семерка червей откры-

ваает то большой сейф, то маленький? И почему сначала вы открыли только большой сейф?

– Почему? Да потому, что я упорно накладывал свою семерку в одном и том же положении. И только вчера заметил: если перевернуть ее, то есть если положить седьмое сердечко, то, что в середине, вверх, а не вниз, расположение семи знаков изменится.

– Ну и ну!

– То-то и оно, но надо было догадаться.

– Еще один вопрос: вы ничего не знали о письмах, до того как мадам Андерматт...

– Заговорила о них при мне? Не знал. Помимо шка-тулки, я нашел в сейфе лишь переписку братьев, из которой узнал об их предательстве.

– Короче говоря, то, что вам пришлось заинтересо-ваться историей братьев, а затем разыскивать чертежи и документы, касающиеся подводной лодки, – это чистая случайность?

– Случайность.

– Но с какой целью вы занялись этими поисками?..

Даспри со смехом перебил меня:

– Боже мой! Как же заинтересовало вас это дело!

– Оно захватило меня.

– Хорошо, прямо сегодня, после того как провожу ма-дам Андерматт и пошлю в «Эко де Франс» заметку, кото-рую собираюсь написать, я вернусь, и мы все обсудим в деталях.

Он сел и написал одну из тех мелких заметок, где так блестяще отразилась фантазия ее автора. Кто не помнит шумихи, прокатившейся по всему миру после ее появле-ния?

«Арсен Люпен решил загадку, которую поставил перед ним недавно Сальватор. Располагая оригинальными чертежами инженера Луи Лакомба, он передал их в руки министра военно-морских сил. В связи с этим он открывает подписку, цель которой – передать государству подводную лодку, построенную по этим чертежам. Сам он подписывается первым на сумму в двадцать тысяч франков».

– Двадцать тысяч франков, полученных по чекам месье Андерматта? – спросил я, когда он дал мне прочесть бумагу.

– Точно так. Будет справедливо, если Варен хоть частично компенсирует свое предательство.

Вот так я и познакомился с Арсеном Люпенем. Так узнал, что Жан Даспри, мой приятель по клубу, светский знакомый, был не кто иной, как Арсен Люпен, джентльмен-грабитель. Так завязались нити очень приятной дружбы с нашим выдающимся героем, и так постепенно благодаря доверию, которого он меня удостаивает, я стал очень скромным, верным и очень признательным его биографом.

СЕЙФ МАДАМ ЭМБЕР

В три часа утра перед маленькими домами художников, выстроившимися по одной линии вдоль бульвара Бертье, еще стояло с полдюжины экипажей. Дверь одного из домов открылась. Вышла группа гостей – мужчины и женщины.

Четыре коляски разъехали в разные стороны, и на улице не осталось никого, кроме двух господ, которые расстались на углу улицы Курсель, где жил один из них. Другой решил пройти пешком до заставы Майо.

Итак, он пересек улицу Вилье и пошел дальше по тротуару, параллельному земляному валу. В такую прекрасную зимнюю ночь, когда воздух холоден и свеж, ходьба доставляла удовольствие. Было легко дышать. Каблуки весело отстукивали каждый шаг.

Но через несколько минут возникло неприятное ощущение, будто сзади кто-то идет. И действительно, обернувшись, молодой человек заметил человеческую тень, мелькнувшую меж деревьев. Он был не из пугливых, но тем не менее ускорил шаг, чтобы как можно скорее добраться до Тернской заставы. Но тот человек побежал за ним. Встревожившись не на шутку, молодой человек решил, что лучше дать отпор преследователю, и вытащил револьвер.

Но не успел он сделать это, как мужчина стремительно набросился на него, и тут же на пустынном бульваре завязалась драка, бой врукопашную. Тот, на кого напали, сразу почувствовал, что сила не на его стороне, стал звать на помощь, отбиваться, но был опрокинут на груды камней. Противник сжал ему горло и заткнул рот платком. Глаза у побежденного закрылись, в ушах зашумело, и он чуть было не потерял сознание, но вдруг тиски разжались, и человек, раздавивший его своей тяжестью, вскочил, чтобы, в свою очередь, защититься от неожиданного нападения.

Удар тростью по руке, удар сапогом по лодыжке... Мужчина дважды взвыл от боли и, хромая и ругаясь, убежал прочь.

Не собираясь преследовать его, победитель наклонился и спросил:

– Вы не ранены, месье?

Он был не ранен, а сильно оглушен, не мог держаться на ногах. К счастью, на крики прибежал один из служащих заставы. Нашли экипаж. И наш господин сел в него вместе со своим спасителем; их повезли на проспект Гранд Арме, где жил потерпевший.

У двери дома, совершенно придя в себя, хозяин осыпал своего спутника выражениями благодарности.

– Я жизнью вам обязан, месье, смею вас уверить, что никогда этого не забуду. В данный момент я не хочу пугать жену, но настаиваю на том, чтобы она сама, уже сегодня, могла выразить вам нашу признательность.

Он пригласил его на завтрак и назвал свое имя: Людовик Эмбер, затем добавил:

– Могу ли я спросить, с кем имею честь...

– Ну конечно, – ответил тот. И представился: – Арсен Люпен.

В то время Арсен Люпен не обладал еще той известностью, что принесли ему дело Каорна, его побег из Санте и многие другие нашумевшие подвиги. Он даже не был пока Арсеном Люпенем. Это имя, столь прославившееся в дальнейшем, было специально выдуманно для спасителя месье Эмбера, и можно сказать, что именно в этом деле оно получило боевое крещение. Готовый к борьбе, полностью вооруженный, но, по правде говоря, не имеющий ни средств, ни авторитета, которые дают успех, Арсен Люпен был не более чем пригостишкой в профессии, которой в

скором времени овладеет как настоящий мастер.

Именно поэтому, проснувшись, он просто задрожал от радости, когда вспомнил о ночном приглашении! Наконец-то он приблизился к цели! Наконец совершит поступок, достойный его умения и таланта! Миллионы Эмберов! Великолепная добыча, под стать его аппетитам!

Он приоделся соответствующим образом: потертый сюртук, поношенные брюки, шляпа из порывевшего шелка, обтрепанные манжеты и пристежные воротнички – все очень чистое, но отдающее бедностью. Вместо галстука – черный бант, приколотый булавкой с фальшивым бриллиантовым глазком. Вырядившись таким образом, он спустился по лестнице дома на Монмартре, где недавно поселился. На четвертом этаже, не остановившись, постучал набалдашником трости по створке какой-то закрытой двери. Выйдя на улицу, пошел по боковой аллее бульвара. Как раз подоспел трамвай. Он поднялся в салон, и некто, шедший за ним, а именно жилец с четвертого этажа, сел рядом.

Через секунду этот человек обратился к нему:

– Ну что, шеф?

– Порядок, дело сделано.

– Как это?

– Я у них завтракаю.

– Вы там завтракаете?

– Надеюсь, ты не хочешь, чтобы мое драгоценное время было потрачено понапрасну. Я вырвал месье Людовика Эмбера из лап смерти, которую ты ему уготовил. А месье Людовик Эмбер – человек признательный. Он пригласил меня на завтрак.

Молчание. Затем сосед осмелился спросить:

– Значит, вы не отказались от этого?

– Малыш, – ответил Арсен, – уж коли я сегодня ночью организовал это смехотворное нападение, если взял на себя труд в три часа утра неподалеку от земляного вала наградить тебя ударом трости по руке и пинком по берцовой кости, рискуя тем самым покалечить моего единственного друга, то делал это, конечно же, не для того, чтобы теперь отказаться от барыша за столь искусно организованное спасение.

– Но ходят нехорошие слухи по поводу их состояния...

– Пусть себе ходят. Вот уже шесть месяцев я занимаюсь этим делом, шесть месяцев собираю сведения, изучаю, расставляю сети, расспрашиваю прислугу, заимодавцев и подставных лиц, шесть месяцев живу в тени мужа и жены. Следовательно, я знаю, что надо делать. Досталось ли это состояние от старика Брофорда, как они утверждают, или появилось из другого источника – неважно. Я убежден, что оно существует. И поскольку оно существует, оно – мое!

– Черт, сто миллионов!

– Положим, десять или даже пять, эка важность! В сейфе – большие пачки ценных бумаг. Черт меня побери, если в один прекрасный день я не добуду ключа.

Трамвай остановился на площади Звезды. Мужчина прошептал:

– Итак, что делать сейчас?

– Сейчас? Ничего. Я предупрежу тебя. У нас еще есть время.

Пять минут спустя Арсен Люпен поднимался по парадной лестнице особняка Эмберов, и Людовик представил

его жене. Жервеза была добродушной дамочкой, очень толстенькой и очень болтливой. Она приняла Люпена чрезвычайно любезно.

– Я настояла на том, чтобы на торжестве в честь нашего спасителя не было никого из посторонних, – сказала она.

И с самого начала со «спасителем» обращались как со старым другом. К десерту установилось полное доверие, и в откровенных признаниях недостатка не было. Арсен рассказывал о своей жизни, жизни отца – неподкупного судьи, о печалях детства, трудностях настоящего момента. Жервеза, со своей стороны, вспоминала о молодости, замужестве, добрых деяниях старика Брофорда, ста унаследованных ею миллионах, препятствиях, оттягивающих немедленное предоставление пользования, займах, которые она вынуждена была сделать под немыслимые проценты, бесконечных распрях с племянниками Брофорда. А конфликты! А секвестры! И тому подобное.

– Подумать только, месье Люпен, бумаги здесь, рядом, в столе моего мужа, но если мы возьмем оттуда хотя бы один купон, мы потеряем все! Они здесь, в нашем сейфе, но мы не можем даже коснуться их.

Гость слегка содрогнулся при мысли о таком соседстве. И совершенно четко понял, что душе Арсена Люпена никогда не подняться до высот щепетильности, свойственных этой достойной даме.

– О! Они здесь, – прошептал Арсен; во рту у него пересохло.

– Да, они здесь.

Отношения, начавшиеся в подобных обстоятельствах, неизбежно должны были завязаться в более крепкий узел.

Во время деликатного допроса Арсен Люпен признался, что беден и находится в отчаянном положении. И тут же несчастный юноша был назначен личным секретарем обоих супругов с жалованием в сто пятьдесят франков в месяц от каждого. Жить он будет на прежней квартире, но ежедневно должен приходить, чтобы получать распоряжения, а для большего удобства ему под рабочий кабинет будет выделена одна из комнат третьего этажа.

Комнату он выбрал сам. По какой-то счастливой случайности она оказалась над кабинетом Людовика.

Арсен очень скоро убедился, что его секретарская должность очень сильно напоминает синекуру. За два месяца ему пришлось переписать всего лишь четыре незначащих письма, и только раз патрон вызвал его к себе в кабинет, что позволило ему рассмотреть сейф. Кроме того, он заметил, что обладателю этой синекуры, видимо, не положено фигурировать рядом с депутатом Анкети или старшиной сословия адвокатов Грувелем, ибо Люпена забывали приглашать на знаменитые светские рауты.

Он на это ничуть не жаловался, явно предпочитая оставаться на своем скромном месте в тени, и, счастливый и свободный, держался в стороне. К тому же времени Арсен не терял. Прежде всего он несколько раз тайно посетил кабинет Людовика и засвидетельствовал свое почтение сейфу, который, увы, так и остался наглухо закрытым. Это было угрюмое с виду огромное сооружение из чугуна и стали; к нему не подступиться было ни с напильником, ни со сверлом, ни с фомкой.

Арсен Люпен умел мыслить широко.

«Там, где сила не поможет, надо брать хитростью, – сказал он себе. – Главное – навести глаза и уши».

Поэтому он принял необходимые меры, и, проведя трудоемкое и тщательное обследование паркета в своей комнате, просунул свинцовую трубку в отверстие между двумя лепными украшениями в потолке кабинета хозяина. Через это приспособление, своего рода слуховую и подозрную трубу, он собирался подглядывать и подслушивать.

С этого момента Арсен жил, приклеившись к полу животом. И, естественно, часто наблюдал, как Эмберы обсуждали что-то, стоя около сейфа, проверяя книги записей и листая бумаги в папках. Когда они последовательно поворачивали четыре ручки, приводящие в действие замок, он, чтобы узнать шифр, старался угадать число перемещающихся засечек. Следил за каждым их жестом, прислушивался к каждому слову. Куда они девали ключ? Спрятали его?

Однажды Арсен увидел, что они вышли из комнаты, не закрыв сейфа, и быстро спустился вниз. Решил войти. Но они уже вернулись.

– О! Извините меня, я ошибся дверью.

Но Жервеза бросилась к нему и пригласила в кабинет:

– Входите же, месье, входите, будьте как дома! Вы дадите нам совет. Какие ценные бумаги лучше продать? Зарубежные или ренту?

– Но как же с запретом? – очень удивившись, возразил Люпен.

– О! Он касается не всех денег.

Она приоткрыла створку. На полках лежали перевязанные ремешками папки. Она взяла одну из них. Но муж запротестовал:

– Нет, нет, Жервеза, безумие продавать зарубежные ценные бумаги. Их курс подскочит... Тогда как цены на ренту уже достигли предела. А как считаете вы, дорогой друг?

Дорогой друг никак не считал, но тем не менее посоветовал пожертвовать рентой. Тогда она взяла другую связку и вытащила из нее одну бумагу наугад. Это была трехпроцентная акция в 1374 франка. Людовик положил ее в карман. После полудня вместе с секретарем они продали эту бумагу через биржевого маклера и получили 46000 франков.

Что бы там ни говорила Жервеза, у Арсена Люпена не было ощущения, что он живет здесь как у себя дома. Как раз напротив, положение, которое он занимал в доме Эмберов, не переставало его удивлять. Неоднократно он убеждался, что прислуга не знает его имени. Они называли его просто «месье». Людовик говорил о нем так: «Предупредите месье... Месье уже пришел?» Зачем понадобилась эта загадочность в обращении?

К тому же, когда поутихли первоначальные восторги, Эмберы почти не разговаривали с ним, были учтивы настолько, насколько требует отношение к человеку, оказавшему им большую услугу. Но в сущности, вовсе не обращали на него внимания. Делали вид, что считают его оригиналом, который не любит, когда ему надоедают: они, конечно, чтут его уединение, но только потому, что он сам навязал им такое условие, хоть это и блажь с его стороны. Однажды, проходя через переднюю, Арсен услышал, как Жервеза говорила каким-то двум господам:

– Он такой дикарь.

Пусть так, подумал он, мы – из дикарей. И не собираясь разбираться в странном поведении этих людей, он продолжал осуществлять свой план. Арсен Люпен убедился, что не приходится рассчитывать на рассеянность Жервезы, которая никогда не расставалась с ключом от сейфа и, более того, никогда не уносила этот ключ, прежде чем не переставит буквы в замке. Итак, ему надо было действовать.

Одно событие – усиленная кампания, развернутая некоторыми газетами против Эмберов, – ускорило развязку. Их обвиняли в мошенничестве. Арсен Люпен наблюдал за перипетиями драмы, поведением супружеской четы и понял, что, промедлив еще немного, все упустит.

Пять дней подряд, вместо того чтобы, как обычно, уходить в шесть часов, он запирался в своей комнате. Хозяева думали, что его уже нет. А он, растянувшись на полу, следил за тем, что происходит в кабинете Людовика.

Пять вечеров подряд благоприятного случая так и не представилось, и он среди ночи уходил через калитку во дворе. У него был ключ от нее.

Но на шестой день Арсен узнал, что Эмберы в ответ на злобные инсинуации своих врагов предложили открыть сейф с тем, чтобы составить опись его содержимого.

«Это произойдет сегодня вечером», – подумал Люпен.

И действительно, после ужина Людовик расположился в своем кабинете. Жервеза тоже пришла туда. Они занялись разборкой бумаг, находившихся в сейфе.

Прошел час, затем другой. Люпен услышал, что слуги отправились спать. И вот уже никого не осталось на втором этаже. Эмберы продолжали заниматься своим делом.

– Пора, – прошептал Люпен.

И открыл окно. Оно выходило во двор. На небе – ни звезд, ни луны, и за окном – непроглядная тьма. Он достал из шкафа веревку с узлами, привязал ее к перилам балкона, перелез через них и медленно, опираясь на водосточный желоб, пополз вниз к окну, расположенному этажом ниже. Это было окно кабинета; плотные шерстяные шторы скрывали все происходящее внутри. С минуту он неподвижно стоял на балконе, насторожив уши и вглядываясь в темноту.

Все было тихо; успокоившись, он слегка толкнул створки окна. Если никто не удосужился проверить, заперты ли они, окно должно было открыться, потому что после обеда он повернул шпингалет так, чтобы язычок не вошел в паз.

Окно приоткрылось. Тогда чрезвычайно осторожно он пошире растворил его. Просунул голову и тут же замер. Сквозь щель между полотнищами неплотно задвинутых штор пробивалась полоска света: он увидел Жервезу и Людовика, сидевших около сейфа.

Они изредка и очень тихо перебрасывались короткими фразами, не отрываясь от своего занятия. Арсен Люпен прикинул расстояние, отделявшее его от них, точно рассчитал движения, которые надо было сделать, чтобы нейтрализовать одного за другим, не дать времени позвать на помощь, и уже собирался ринуться вперед, как вдруг услышал слова Жервезы:

– Как холодно стало в комнате и всего за какую-то минуту! Пойду, пожалуй, лягу. А ты?

– Мне хотелось бы закончить.

– Закончить! Тут и до утра не разобраться.

– Да нет, работы на час, не больше.

Она удалилась. Прошло двадцать, тридцать минут. Арсен чуть пошире приоткрыл окно. Захлопали шторы. Он сильнее толкнул створки. Людовик обернулся и, увидев раздувшиеся от ветра занавески, поднялся, чтобы закрыть окно...

Все обошлось без единого крика и без борьбы. Арсен Люпен несколькими точными движениями, не причинив особой боли, оглушил Людовика, закутал ему голову шторой и связал, так что тот даже не успел разглядеть лица нападавшего.

Затем Арсен бросился к сейфу, схватил две папки, сунул их под мышку, вышел из кабинета, спустился по лестнице, пересек двор и открыл калитку. На улице стоял экипаж.

– Возьми вот это сначала, – сказал он кучеру, – и следуй за мной.

Он опять пошел в кабинет. В два приема сейф был опустошен. Затем Арсен поднялся в свою комнату, отвязал веревку и уничтожил следы своего пребывания. Все было кончено.

Через несколько часов Арсен Люпен вместе с сообщником приступил к разборке содержимого папок. Обнаружив, что состояние Эмберов далеко не так велико, как все полагали, Арсен, предвидевший это, вовсе не был разочарован. Ни сотен, ни даже десятков миллионов здесь не оказалось. Но в общем и целом состояние Эмберов исчислялось очень внушительной цифрой и было вложено в

исключительно доходные отрасли: это были акции железнодорожных компаний, парижские и государственные ценные бумаги, акции Суэца, северных шахт и т.д.

Люпен был удовлетворен.

— Конечно, — сказал он, — убытки будут значительные, когда придет время торговаться. Мы столкнемся с препятствиями, и придется не раз, и не два отдавать бумаги за бесценок. Не беда, благодаря этому первичному капиталоложению я надеюсь начать жить, как хочу... и реализовать кое-какие проекты, которые меня очень волнуют.

— А остальное?

— Можешь все сжечь, малыш. Эти груды выглядели внушительно в сейфе. Нам они не нужны. Что же касается ценных бумаг, мы их спокойненько запрем в шкаф и будем ждать подходящего момента.

На следующий день Арсен подумал, что ничто не мешает ему вернуться в особняк Эмберов. Но, читая газеты, он узнал нечто совершенно неожиданное: Людовик и Жервеза исчезли.

Вскрытие сейфа происходило в чрезвычайно торжественной обстановке. Судейские обнаружили в нем то, что оставил Арсен Люпен... то есть почти ничего.

Таковы факты, точнее, некоторые из них в интерпретации Арсена Люпена. Я излагаю события, придерживаясь версии, услышанной из его собственных уст в тот день, когда на Арсена нашел стих откровенности.

Он ходил взад-вперед по моему рабочему кабинету, и в глазах его бегали чертики, которых я не замечал раньше.

— Короче говоря, — заметил я, — это одно из самых удачных ваших предприятий?

Не ответив мне напрямую, он продолжал:

– В этом деле есть какие-то неразрешимые загадки. И даже после того, как я вам все объяснил, осталось столько непонятного! Зачем понадобилось бежать? Почему они не воспользовались помощью, которую я невольно оказал им. Ведь так просто было заявить: «Сто миллионов лежали в сейфе, а теперь их здесь нет, потому что они украдены!»

– Эмберы потеряли голову.

– Да, действительно, потеряли голову... Но с другой стороны, ведь правда, что...

– Что – правда?

– Так, ничего.

Что скрывалось за его недомолвкой? Он ведь что-то недоговорил, это было очевидно, и не хотел говорить. Я был заинтригован. Должно быть, речь шла о чем-то очень серьезном, если у такого человека возникли сомнения.

И я наугад стал задавать ему разные вопросы.

– Вы с ними больше не встречались?

– Нет.

– А не испытываете ли вы временами что-то вроде жалости к этой злополучной чете?

– Я?! – воскликнул он, подскочив.

Его возмущение удивило меня. Может, я попал в точку?

– Разумеется, – упорствовал я. – Не будь вас, они, может быть, могли бы противостоять опасности... или по крайней мере уехать с полными карманами.

– Угрызения совести, именно этого вы от меня хотите, не правда ли?

– Конечно!

Он сильно ударил по моему столу.

– Итак, по-вашему, у меня должны быть угрызения совести?

– Называйте это угрызениями или сожалениями. Но хоть какие-то чувства...

– Испытывать какие-то чувства по отношению к людям...

– К людям, у которых вы отняли состояние.

– Какое состояние?

– Ну как же... эти две или три пачки ценных бумаг!

– Две-три пачки бумаг! Я у них украл ценные бумаги, не так ли, часть их наследства, и в этом моя вина, мое преступление? А вам не пришло в голову, черт побери, что они были фальшивыми, эти ценные бумаги?.. Слышите?

ОНИ БЫЛИ ФАЛЬШИВЫМИ!

Я оторопело уставился на него.

– Четыре или пять миллионов – фальшивые?

– Именно, – в ярости воскликнул он, – архифальшивые! Фальшивые облигации, ценные государственные бумаги, парижские акции – все оказалось макулатурой и ничем иным! И ни одного су! В этой массе бумаг я не нашел и су! А вы требуете от меня каких-то угрызений совести. Но их должны испытывать они, а не я! Эта парочка облапошила меня как обыкновенного раззяву! И обобрала как последнего тупого кретина!

Люпен был зол не на шутку, досада и уязвленное самолюбие, видимо, не давали ему покоя.

– Но, как ни крути, я был в проигрыше с самого начала! Угадайте, какую роль я играл в этом деле, точнее, они заставили меня играть? Роль Андре Брофорда. Да, дорогой друг, а я ничего не понял! Только позднее, по газетам и

сопоставленным фактам я догадался об этом. В то время как я строил из себя благодетеля, такого господина, рисковавшего своей жизнью и вырвавшего Эмбера из лап бандита, они выдавали меня за одного из Брофордов!

Великолепно, не так ли? Оригинал, расположившийся в комнате на третьем этаже, дикарь, которого показывали издали, был Брофордом, и эту роль играл я! Только благодаря мне и тому доверию, которое я внушал под именем Брофорда, банкиры давали ссуды, а нотариусы убеждали своих клиентов в том, что они могут открыть кредит! Да, полезный урок для начинающего! Уверяю вас, он не прошел даром.

Арсен вдруг замолчал, схватил меня за руку, а затем с яростью, в которой все же нетрудно было уловить нотки иронии и восхищения, произнес немыслимую фразу:

– В данный момент, дружище, Жервеза Эмбер должна мне тысячу пятьсот франков!

На этот раз я не смог удержаться от смеха. Воистину это была остроумнейшая шутка. Люпен и сам рассмеялся от души.

– Да, дорогой, тысячу пятьсот франков! Мало того, что я не получил ни одного су за свою работу, хозяйка ухитрилась вытянуть из меня полторы тысячи франков! Все, что было мною накоплено в юности! И знаете для чего? Ни за что не угадаете... Для ее бедняков! Именно так, для так называемых обездоленных людей, которым она помогала тайком от Людовика!

И я попался на этом! Ну разве не смешно, а? У Арсена Люпена выудили полторы тысячи франков, и сделала это милая дама, у которой он украл на четыре миллиона

фальшивых бумаг! К каким только комбинациям и гениальным хитростям я не прибегал, чтобы добиться столь блестящего результата!

Вот так, единственный раз в жизни меня провели. Черт возьми! Обвели вокруг пальца по-настоящему, вчистую и по высшему разряду!..

ЧЕРНАЯ ЖЕМЧУЖИНА

Сильный звон колокольчика разбудил консьержку дома № 9 по улице Ош. Она с ворчанием дернула за веревочку и заметила:

– Мне казалось, все вернулись. Ведь уже три часа, не меньше!

– Может быть, пришли за доктором, – пробрюзжал ее муж.

И действительно, послышался чей-то голос:

– Доктор Арель... на каком этаже?

– На четвертом, слева. Но по ночам его не велено тревожить.

– Придется все-таки побеспокоить господина доктора.

Неизвестный вошел в вестибюль, поднялся на второй, затем на третий этаж, и даже не задержавшись на лестничной клетке у двери месье Ареля, дошел до шестого этажа. Здесь он опробовал два ключа. Первым открыл замок, вторым – предохранительную задвижку.

– Замечательно, – прошептал он, – дело значительно упрощается. Но перед тем как приступить к нему, нужно обеспечить отступление. Так... по логике вещей, какое-то время потребовалось мне, чтобы позвонить к доктору, ко-

торый должен был прогнать меня. Это время еще не прошло... немного терпения.

Десять минут спустя он спустился вниз и постучал в окошечко швейцарской, ругаясь на доктора. Незнакомцу открыли, и он, выходя, хлопнул дверью. Однако дверь не закрылась – этот господин ловко вставил железяку в личинку замка, чтобы язычок не вошел внутрь.

Затем он бесшумно вошел снова, но уже не замеченный консьержами. На случай тревоги отступление было обеспечено.

И вот незнакомец опять на шестом этаже. В прихожей при свете электрического фонарика он снял пальто, шляпу и положил их на стул, сел на другой и надел на ботинки толстые войлочные тапочки.

– Уф! Готово... И как легко прошло! Интересно все-таки, почему основная масса людей пренебрегает столь приятным ремеслом грабителя? При наличии хотя бы грана смелости и расчета нет ничего лучше. Очень спокойное ремесло... достойное любого главы семейства... Пожалуй, даже слишком легкое... так что со временем это даже надоедает.

Он развернул подробный план квартиры.

– Сначала надо сориентироваться. Вот здесь я вижу прямоугольник – это прихожая, где я нахожусь. Со стороны улицы – гостиная, будуар и столовая. Здесь – пустая трата времени, вкус у графини, кажется, скверный... ни одной стоящей вещицы!.. Значит, идем прямо к цели... А! Вот план коридора, который ведет в комнаты. Через три метра я должен обнаружить дверь стенового одежного шкафа, пристроенного к спальне графини.

Он свернул свой план, погасил фонарь и пошел по коридору, отсчитывая расстояние:

– Один метр... два... три метра... Вот и дверь... Как все удачно складывается, Бог ты мой! Простая задвижка, маленькая защелка отделяет меня от спальни, да к тому же мне известно, что эта задвижка на высоте в один метр сорок три сантиметра от пола... Достаточно немного подрезать вокруг, и мы от нее избавимся...

Он достал из кармана нужные инструменты и... застыл.

– А вдруг задвижку случайно не закрыли. Надо проверить... Хуже не будет!

Он повернул ручку. Дверь открылась.

– Молодчина Люпен, тебе решительно везет. Что еще нужно? Тебе известно расположение помещений, в которые ты собираешься попасть, ты знаешь, в каком месте графиня прячет черную жемчужину... Следовательно, для того чтобы жемчужина стала твоей, надо просто-напросто быть тише самой тишины и раствориться в ночной темноте.

Арсен Люпен провозился не менее получаса, открывая вторую дверь, выходящую в спальню. Но он делал это так осторожно, что графиню, даже если б она не спала, не потревожил бы никакой непривычный звук.

Следуя обозначенному в плане маршруту, ему оставалось лишь обогнуть шезлонг. Затем подобраться к креслу и далее – к ночному столику рядом с кроватью. На столе – коробочка для почтовой бумаги, а в этой коробочке как ни в чем не бывало лежит черная жемчужина.

Он лег на ковер и пополз, огибая шезлонг. Но вдруг замер, пытаясь сдержать сердцебиение. Никакого страха он

не испытывал, но никак не мог справиться с нервным возбуждением, вызванным мертвой тишиной. Арсена это удивило, ведь, что ни говори, а ему приходилось переживать и не такие волнующие моменты, причем без всяких эмоций. Никакая опасность ему не угрожала. Так почему же сердце билось, как взбесившийся колокол? Может, на него подействовала эта спящая женщина, эта жизнь, бьющаяся рядом с его жизнью?

Люпен прислушался и, казалось, различил ритм дыхания. Это успокоило его, как присутствие друга.

Он нащупал кресло, затем незаметными короткими ползками подошел к столику, вытянутой рукой шаря в темноте. Наконец он нащупал ножку стола. Великолепно! Осталось лишь приподняться, взять жемчужину и уйти. Слава Богу! А то ведь сердце, как испуганный зверь, снова забилось в груди, да с такой силой, что, пожалуй, могло разбудить графиню.

Невероятным усилием воли он сдержал сердцебиение, но в тот момент, когда собрался привстать, его левая рука задела лежащий на ковре предмет, и он сразу понял, что это подсвечник, опрокинутый кем-то; рядом лежала еще одна вещь — маленькие дорожные часы в кожаном чехле.

Что это? Что произошло? Он не мог понять. Подсвечник... часы... Почему они оказались не на своем обычном месте? О! Что же случилось в этой крошечной тьме?

И вдруг от неожиданности у него вырвался крик. Он дотронулся... о! дотронулся до странной, просто немыслимой вещи! Ну нет, нет, от ужаса у него помутилось в голове. Прошло двадцать, тридцать секунд, он не шевелился, его сковал страх, пот стекал по вискам. А ощущение,

вызванное прикосновением, сохранялось в кончиках пальцев.

Собрав все свои силы, он снова протянул руку. Пальцы опять прикоснулись к тому странному, немыслимому, что он потрогал раньше. Арсен ощупал это нечто. Заставил руку ощупывать и понял. То были волосы, лицо... и лицо холодное, почти ледяное.

В каком бы ужасающем виде ни предстала реальность, такой человек, как Арсен Люпен, способен овладеть ситуацией, едва осознав ее. Он мгновенно включил фонарь. Перед ним в луже крови лежала женщина. Ее шея и плечи были изуродованы страшными ранами. Люпен наклонился и осмотрел тело. Женщина была мертва.

– Мертва, мертва, – повторял он с ужасом, разглядывая лицо с застывшими глазами и искаженным ртом, посиневшее тело, утопающее в крови, залившей ковер и уже застывшей на нем густым черным пятном.

Поднявшись, он повернул выключатель, комната наполнилась светом, и только тогда стали видны следы отчаянной борьбы. Кровать была разворочена, одеяла и простыни сорваны. На полу валялись подсвечник и часы – стрелки показывали одиннадцать часов двадцать минут – затем, чуть подальше лежал опрокинутый стул и повсюду – кровь, лужи крови.

– А черная жемчужина? – прошептал Арсен.

Коробочка для почтовой бумаги оставалась на своем месте. Он быстро раскрыл ее. В ней лежал футлярчик. Он был пуст.

– Черт побери, – выругался Люпен, – ты слишком рано праздновал победу, дружище Арсен... Графиня убита,

черная жемчужина исчезла... ситуация – хуже некуда! Пора бежать, иначе не миновать больших осложнений.

Однако он не тронулся с места.

– Бежать? Любой другой наверняка сделал бы именно так. А Арсен Люпен? Может быть, он придумает нечто получше? Что ж, начнем все по порядку. В конце концов, совесть твоя чиста... Предположим, что ты комиссар полиции и должен провести расследование... Да, но для этого в голове должна быть полная ясность. А у меня мозги набекрень!

И он упал в кресло, сжав кулаками пылающий лоб.

Ни одно из происшествий, случившихся за последнее время, не вызывало такого жгучего интереса, как убийство на улице Ош, и я, разумеется, не стал бы рассказывать эту историю, не предстань она в совсем ином свете из-за вмешательства Арсена Люпена. О его причастности к делу мало кто подозревал. Во всяком случае никто не знал ничего до конца об этой необычной истории.

Ну кто же не помнит, кто не встречал в Булонском лесу бывшую певицу Леонтину Зальти, супругу, а затем вдову графа д'Андийо, двадцать лет назад ослеплявшую Париж своей роскошью, Зальти, графиню д'Андийо, славившуюся по всей Европе своими бриллиантами и жемчугами? Говорили, что у нее на шее – капитал нескольких банковских компаний и австралийских золотодобывающих фирм. Знаменитые ювелиры выполняли заказы Зальти, как когда-то – заказы королей и королев.

И кто не помнит о катастрофе, во время которой погибли все эти богатства? Банки и золотые прииски – все кануло в лету. От чудесной коллекции, распроданной на

аукционе, не осталось ничего, кроме знаменитой черной жемчужины. Черная жемчужина! Целое состояние, если бы графиня захотела расстаться с ней.

Она не захотела. Предпочла урезать свои расходы, жить в скромной квартире с компаньонкой, кухаркой и слугой, но не продала бесценное сокровище. На то была особая причина, и графиня не скрывала этого: черная жемчужина – подарок императора! И почти совсем разорившись, владелица сокровища, обреченная на самое жалкое существование, осталась преданной своей спутнице лучших времен.

– Пока жива, – говорила она, – я с ней не расстанусь.

Весь день, с утра до вечера, она носила жемчужину на шее. На ночь убирала ее в укромное местечко, о котором никто не знал.

Все эти факты, изложенные в газетах, только разжигали любопытство, и странная, но вполне понятная для тех, кто знает разгадку, вещь: арест предполагаемого убийцы еще сильнее запутал дело и подогрел страсти. Через день газеты так изложили эту новость:

«Стало известно об аресте Виктора Данэгра, слуги графини д'Андийо. Собранные против него улики – уничтожающи. На люстриновом рукаве его ливреи, найденной шефом полиции господином Дюдун в мансарде Данэгра между пружинной сеткой и матрацем, обнаружены пятна крови. Кроме того, на жилете не хватало обтянутой тканью пуговицы. Но как только начался обыск, эту пуговицу достали из-под кровати жертвы.

Возможно, после ужина Данэгр, вместо того чтобы

подняться в мансарду, проскользнул в гардеробную и сквозь застекленную дверь увидел, как графиня прячет черную жемчужину.

Следует оговориться, что пока еще не обнаружено никакого доказательства, подтверждающего данное предположение. Как бы то ни было, остается неясным еще одно обстоятельство. В семь часов утра Данэгр заходил в табачный киоск на бульваре Курсель: консьержка, а затем и продащица засвидетельствовали это. С другой стороны, кухарка графини и ее компаньонка, спальни которых находятся в конце коридора, утверждают, что в восемь часов утра, когда они встали, дверь прихожей и дверь кухни были заперты на два оборота. Обе женщины, прослужившие у графини два десятка лет, – вне всяких подозрений. Возникает вопрос: каким путем Данэгр вышел из квартиры? Быть может, он сделал для себя другой ключ? Расследование должно разъяснить эти противоречивые факты.

Но оно абсолютно ничего не разъяснило, даже наоборот. Обнаружилось, что Виктор Данэгр был опасным рецидивистом, алкоголиком и развратником, для которого удар ножом был делом привычным. Но по мере расследования, в самом деле появлялось все больше темных пятен и необъяснимых противоречий.

Прежде всего некая мадемуазель де Сенклев, кузина и единственная наследница жертвы, сообщила, что за месяц до смерти в одном из писем графиня сообщила ей, куда прячет черную жемчужину. На следующий день после того как письмо было получено, мадемуазель де Сенклев обнаружила, что оно исчезло. Кто украл его?

В свою очередь, консьержи рассказали, что открывали дверь какому-то человеку, поднявшемуся к доктору Арелю. Расспросили доктора. К нему никто не звонил. Так кто же это был? Сообщник?»

Версия, включающая сообщника, была принята прес-сой и общественностью. Старина Ганимар, главный инспектор, отстаивал именно ее, и не без оснований.

– Здесь замешан Люпен, – говорил он следователю.

– О! – возражал тот. – Вам везде мерещится этот Люпен.

– Он мне мерещится везде потому, что присутствует везде.

– Признайтесь лучше, что он всплывает перед вашим взором всякий раз, когда вам что-то не совсем ясно. Ну, а в данном случае обратите внимание: преступление было совершено в одиннадцать двадцать вечера, как подтверждают часы, а ночной визит, упомянутый консьержами, был нанесен лишь в три часа утра.

Служители правосудия часто пасуют перед лицом убедительных фактов, которые вынуждают их подгонять события под первоначальную версию. Удручающее прошлое Виктора Данэгра, рецидивиста, пьяницы и распутника, повлияло на следователя, и хотя не обнаружилось ни одного нового доказательства, подтверждающего две-три улики, обнаруженные вначале, он остался непоколебим. И закрыл следствие. Через несколько недель началось судебное разбирательство.

Оно было путаным и занудным. Председатель вел его бесстрастно. Прокурор выступил слабо. В таких условиях у адвоката Данэгра появилось преимущество. Он указал на

недоработки и бездоказательность обвинения. Ни одного вещественного доказательства не существовало. Кто сделал ключ, тот необходимый ключ, без которого Данэгр, уходя, не смог бы запереть на два оборота дверь в квартиру? Кто видел этот ключ, и куда он подевался? Кто видел нож убийцы, что с ним стало?

— Во всяком случае, — закончил свою речь адвокат, — надо доказать, что убил графиню именно мой подзащитный. Докажите, что вор и убийца не тот таинственный посетитель, что проник в дом около трех утра. На часах было одиннадцать, скажете вы? Ну и что? Разве нельзя перевести стрелки часов на тот час, какой нужен?

Виктора Данэгра оправдали.

Похудевший и подавленный полугодовым пребыванием в камере, он вышел из тюрьмы в пятницу, на закате дня. Следствие, одиночное заключение, судебное разбирательство, выступления присяжных — все это внушило ему болезненный страх. По ночам его мучили ужасные кошмары, снился эшафот. Он дрожал от лихорадки и ужаса.

Назвавшись Анатолем Дюфуром, он снял маленькую комнату на одном из холмов Монмартра, жил случайными заработками, подвизаясь то тут, то там.

Жалкое существование! Три раза его нанимали разные хозяева, трижды узнавали и прогоняли немедленно.

Зачастую Данэгр замечал — или это только казалось, — что за ним следят какие-то люди, наверное полицейские, и не сомневался, что они хотят подстроить ему ловушку. И он заранее чувствовал тяжесть грубой руки, схватившей его за ворот.

Однажды вечером, когда Данэгр ужинал в трактирчике неподалеку от дома, кто-то сел напротив него. Это был мужчина лет сорока, одетый в черный сюртук сомнительной чистоты. Он заказал суп, овощи и литр вина.

Доев свой суп, мужчина перевел взгляд на Данэгра и долго смотрел на него.

Данэгр побледнел. Этот человек наверняка из тех, кто следил за ним в последние недели. Что ему от него надо? Данэгр попробовал встать, но не смог. Ноги у него подкашивались.

Мужчина налил себе стакан вина и наполнил стакан Данэгра.

– Чокнемся, приятель?

– Да, да, – забормотал Виктор, – ваше здоровье, приятель.

– Ваше здоровье, Виктор Данэгр.

Тот подскочил:

– Я!.. Я!.. Да нет... клянусь вам...

– В чем вы клянетесь? Что вы – это не вы? Вы не слуга графини?

– Какой слуга? Меня зовут Дюфур. Спросите хозяина.

– Дюфур Анатолий – да, для хозяина, но Данэгр – для правосудия. Виктор Данэгр!

– Неправда! Нет! Вас обманули.

Незнакомец достал из кармана визитку и протянул ее ему. Виктор прочел:

*«Гримодан, бывший инспектор полиции.
Тайный сыск».*

Виктор задрожал.

– Вы из полиции?

– Теперь нет, но мне нравилось мое ремесло, и я продолжаю им заниматься... на более прибыльной основе. Время от времени выискиваю «золотоносные» дела... такие, как ваше.

– Мое?

– Да, ваше, это дело исключительно прибыльное, если, конечно, вы согласитесь быть хоть немного сговорчивым.

– А если не соглашусь?

– Придется. Вы оказались в ситуации, при которой ни в чем не сможете мне отказать.

Страх незаметно подкрадывался к Виктору.

– В чем же дело? Говорите, – попросил он.

– Хорошо, – ответил его собеседник, – покончим с этим.

В двух словах скажу следующее: меня прислала мадемуазель де Сенклев.

– Сенклев?

– Наследница графини д'Андийо.

– И что же?

– А то, что мадемуазель де Сенклев поручила мне потребовать у вас черную жемчужину.

– Черную жемчужину?

– Ту, что вы украли.

– Но у меня ее нет!

– Есть.

– Если бы она была у меня, это означало бы, что я убийца.

– Вы и есть убийца.

Данэгр натужно хихикнул.

– К счастью, дражайший месье, суд присяжных был иного мнения. Все заседатели, вы слышите, признали меня невиновным. А когда совесть чиста и двенадцать добропорядочных людей относятся с уважением...

Бывший инспектор взял его за руку:

– Не разглагольствуйте, приятель. Слушайте меня очень внимательно и взвесьте мои слова, они того стоят. Данэгр, за три недели до преступления вы украли на кухне ключ от двери черного хода и заказали такой же у слесаря Утара на улице Оберкан, 244.

– Неправда, нет, – пробурчал Виктор, – никто не видел этого ключа... его не существует.

– Вот он.

Помолчав, Гримодан продолжал:

– Вы убили графиню ножом с окольцованной металлом ручкой, его вы купили на рынке у площади Республики в тот же день, когда заказывали ключ. Лезвие ножа на конце треугольное и в нем прорезан желобок.

– Вранье все это, вы говорите так, на всякий случай. Никто не видел ножа.

– Вот он.

Виктор Данэгр отшатнулся. Бывший инспектор продолжал:

– Внутри есть пятна ржавчины. Надо ли вам объяснять их происхождение?

– Ну и что из этого?.. У вас есть ключ и нож. Кто докажет, что они мои?

– Прежде всего слесарь, а затем служащий, у которого вы купили нож. Я уже освежил их память, и они непременно узнают вас, когда увидят.

Он говорил сухо и жестко, с ужасающей четкостью. Данэгра трясло от страха. Ни следователь, ни председатель суда, ни помощник прокурора не подловили его так ловко, не разобрались так основательно в вещах, которые и сам он теперь не очень четко себе представлял.

Тем не менее он опять попытался притвориться спокойным.

– Ну, если это все ваши доказательства...

– У меня осталось еще одно. Совершив преступление, вы уходили тем же путем. Но посреди гардеробной вы, в припадке страха, вынуждены были опереться рукой о стену, чтобы не упасть.

– Откуда вы это знаете? – заикаясь, пробормотал Виктор. – Никому это не известно.

– Правосудию – нет, никому из судейских не могло и в голову прийти, что надо зажечь свечу и осмотреть стены. А если бы они сделали это, то на белой штукатурке увидели бы еле заметное красное пятнышко, хотя и достаточно четкое, чтобы обнаружить на нем отпечаток подушечки вашего большого пальца, запачканного кровью, – пальца, которым вы прикоснулись к стене. А вам, наверное, известно, что в антропометрии это одно из основных средств идентификации.

Виктор Данэгр побледнел. Капли пота стекали у него со лба. Обезумевшими глазами он смотрел на странного человека, рассказывавшего о его преступлении так, будто он был тому невидимым свидетелем.

Сраженный, Данэгр, обессилив, опустил голову. Несколько месяцев он боролся против всех. Против этого человека тоже, а теперь ему казалось, что ничего уж не поделаешь.

– Если я верну вам жемчужину, – пробормотал он, – сколько вы мне за нее дадите?

– Нисколько.

– Как! Вы смеетесь! Я отдам вам вещь, которая стоит тысячи, сотни тысяч, а взамен ничего?

– Кое-что дам – жизнь.

Несчастный задрожал. Чуть ли не ласковым голосом Гримодан добавил:

– Послушайте, Данэгр, эта жемчужина не имеет для вас никакой ценности. Вы не сможете ее продать. Зачем же хранить ее?

– Есть перекупщики... и в один прекрасный день, за любую цену...

– В один прекрасный день будет поздно.

– Почему?

– Почему? Да потому, что правосудие займется вами, и на этот раз – вооружившись доказательствами, которые я ему предоставлю: нож, ключ, отпечаток вашего пальца... вы пропали, дружище.

Виктор обхватил руками голову и задумался. Он чувствовал, что пропал, пропал окончательно, и в то же время на него накатила огромная усталость, невероятная потребность в отдыхе и покое.

– Когда вы хотите получить ее? – прошептал он.

– Сегодня вечером, до часу ночи.

– А если нет?

– Если нет, я отношу на почту письмо, в котором мадемуазель де Сенклев обвиняет вас, обращаясь к прокурору республики.

Данэгр наполнил два стакана вином и выпил их один за другим, затем, поднимаясь, сказал:

– Оплатите счет и пойдем... мне надоело это проклятое дело.

Наступила ночь. Двое мужчин спустились по улице Лепик и пошли вдоль кольца бульваров к площади Звезды. Шли молча, Виктор выглядел очень усталым, даже сгорбился.

У парка Монсо он сказал:

– Это рядом с домом...

– Черт возьми! Перед арестом ты побывал лишь в табачной лавке.

– Мы пришли, – ответил Данэгр глухим голосом.

Они прошли вдоль садовой решетки и пересекли улицу, на углу которой находилась табачная лавка. Данэгр остановился в нескольких шагах за ней. Ноги у него подкашивались. Он упал на скамью.

– Ну? – спросил его спутник.

– Это здесь.

– Здесь! Что вы мне плетете?

– Да, здесь, перед вами.

– Передо мной! Знаете что, Данэгр, не надо...

– Повторяю вам: она здесь.

– Где?

– Между двумя булыжниками.

– Какими?

– Ищите.

– Какими? – повторил вопрос Гримодан.

Виктор не ответил.

– А! Прекрасно, ты решил поманежить меня, приятель.

– Нет... но... я ведь умру в нищете.

– И поэтому ты сомневаешься? Хорошо, я буду великодушен. Сколько тебе надо?

– На билет в Америку в каюте второго класса.

– Договорились.

– И купюру в сто франков на первые расходы.

– Получишь две. Говори.

– Посчитайте булыжники справа от стока. Она там, между двенадцатым и тринадцатым камнем.

– В канаве?

– Да, где кончается тротуар.

Гримодан огляделся. Мимо проезжали трамваи, шли люди. Ну надо же! Кто бы мог подумать?..

Он раскрыл свой перочинный нож и вонзил его в щель между двенадцатым и тринадцатым булыжником.

– А вдруг ее там нет?

– Если никто не заметил, как я наклонился и засунул ее туда, она лежит там до сих пор.

Может ли быть такое? Черная жемчужина брошена в грязную канаву. И ею мог завладеть первый встречный! Черная жемчужина... состояние!

– На какой глубине?

– Примерно десять сантиметров.

Гримодан перекопал мокрый песок. Кончик лезвия за что-то задел. Инспектор пальцами разгреб ямку.

Он увидел черную жемчужину.

– На, возьми свои двести франков. Билет в Америку я тебе пришлю.

На следующий день «Эко де Франс» опубликовала заметку, которую перепечатали все газеты мира:

«Со вчерашнего дня знаменитая черная жемчужина находится у Арсена Люпена, который изъял ее у убийцы графини д'Андийо. В ближайшее время копии этого драгоценного сокровища будут выставлены в Лондоне, Санкт-Петербурге, Калькутте, Буэнос-Айресе и Нью-Йорке.

Арсен Люпен ждет предложений, которые соблаговолят сделать ему его корреспонденты».

– Так было доказано, что преступление всегда карается, а добродетель торжествует, – заметил Арсен Люпен после того, как изложил мне всю подоплеку дела.

– А также то, что под именем Гримодана, бывшего инспектора полиции, вы были избраны провидением для того, чтобы помешать преступнику воспользоваться плодами его злодеяния.

– Именно так. Признаюсь, это одно из тех приключений, которыми я особенно горжусь. Сорок минут, что я провел в комнате графини, после того как убедился, что она мертва, пожалуй, самые удивительные и волнующие в моей жизни. За сорок минут я, попавший в крайне запутанную ситуацию, заметил кое-какие детали, восстановил обстоятельства преступления и пришел к убеждению, что преступник не кто иной, как слуга графини. Далее я понял, что завладеть жемчужиной можно только при условии, что слугу арестуют, – и я оставил на месте пуговицу от ливреи; но нельзя было допустить, чтобы правосудие обнаружило неопровержимые доказательства его виновности, – и я поднял нож, забытый на ковре, забрал ключ, оставленный в двери, предварительно заперев дверь на два оборота и

стерев отпечатки пальцев на штукатурке гардеробной. На мой взгляд, это было прозрением...

– ...гения, – перебил я его.

– Гения, если хотите, во всяком случае такое не пришло бы в голову первому встречному. В секунду предугадать два решения проблемы – арест и оправдание, использовать грандиозный аппарат правосудия для того, чтобы запутать этого парня, одурачить его, короче, довести его до такого состояния, что, освободившись, он неизбежно, должен был попасться в довольно нехитрую ловушку, которую я для него приготовил.

– Довольно нехитрую? Скажите лучше, совсем неза-тейливую, ведь ему не угрожала никакая опасность.

– О! Ни малейшая, поскольку любой оправдательный приговор выносится окончательно.

– Бедняга...

– Ничего себе бедняга... Виктор Данэгр! А вы не забыли, что он убийца? И крайне безнравственно было бы оставлять ему черную жемчужину. Он ведь жив, подумайте только, Данэгр жив!

– А черная жемчужина – ваша!

Люпен достал ее из потайного кармашка своего бумажника. Осмотрел ее, погладил пальцами и взглядом и вздохнул:

– Какому же князьку, какому тупоумному и тщеславному радже будет принадлежать это сокровище? Какому американскому миллиардеру предназначено миниатюрное чудо красоты и роскоши, украшавшее белоснежные плечи Леонтины Зальти, графини д'Андийо?..

ХЕРЛОК ШОЛМС ПРИЕЗЖАЕТ СЛИШКОМ ПОЗДНО

– Удивительно, как вы похожи на Арсена Люпена, Вельмон!

– А вы его знаете?

– О! Как все, по фотографиям, каждая из которых не похожа на другую, но тем не менее остается впечатление, что это одно и то же лицо... вроде вашего.

Вельмон, видимо, был задет за живое.

– Неужели, мой дорогой Деван? И вы не первый говорите мне об этом, уверяю вас.

– Настолько похожи, – продолжал Деван, – что, если бы вас не рекомендовал мой кузен д'Эстеван и вы не были бы известным художником, чьи прекрасные морские пейзажи приводят меня в восторг, не исключено, что я сообщил бы в полицию о вашем пребывании в Дьеппе.

Шутка была встречена всеобщим хохотом. Здесь, в большой столовой замка Тибермениль, помимо Вельмона находились: аббат Жели, деревенский кюре, и дюжина офицеров из полков, проводивших маневры в окрестностях и принявших приглашение банкира Жоржа Девана и его матери. Один из них воскликнул:

– Но разве не Арсена Люпена видели на побережье после того знаменитого происшествия в скором поезде Париж – Гавр?

– Совершенно верно, с тех пор прошло три месяца, а через неделю после этого я познакомился в казино с нашим великолепным Вельмоном, и с того момента он удостоил меня несколькими посещениями, приятно предварив тем самым более основательный визит в мой дом, которым он

порадует меня в ближайшие дни... точнее, в одну из ближайших ночей!

Все опять посмеялись и перешли в старинное каральное помещение – просторную комнату с очень высоким потолком, занимавшую всю внутреннюю часть башни Гийома, где Жорж Деван разместил невероятные богатства, накопленные в течение многих веков вельможами Тибермениля. Лари и серванты, таганы и канделябры составляли ее убранство. Великолепные гобелены украшали каменные стены. В глубоких амбразурах четырех окон стояли скамьи, окна заканчивались стрельчатой формы витражами со свинцовыми перегородками. Между дверью и левым окном возвышался монументальный книжный шкаф в стиле Ренессанс, на фронтонном украшении которого можно было прочесть слово, написанное золотыми буквами: «Тибермениль», а пониже – гордый семейный девиз: «Делай что хочешь».

Пока закуривали сигары, Деван снова пошутил:

– Только не упустите момент, Вельмон, в вашем распорядке только одна ночь.

– Но почему? – поинтересовался художник, явно подыгрывая хозяину.

Деван хотел было ответить, но мать сделала ему знак. Однако возбуждение, царившее за ужином, желание заинтриговать гостей одержали верх.

– Ничего! – прошептал он, – теперь я могу говорить. Теперь уж никто не проболтается.

Гостей рапирало от любопытства, они расселись вокруг хозяина, а он с довольным видом, словно сообщая важную новость, объявил:

– Завтра в четыре часа дня знаменитый английский сыщик, для которого не существует тайн, самый необыкновенный, невиданный мастер разгадывать загадки, феноменальная личность, будто сошедшая со страниц целиком и полностью выдуманного романа... словом, Херлок Шолмс будет моим гостем.

Присутствующие зашумели. Херлок Шолмс в Тибермениле? Значит, это серьезно? Арсен Люпен действительно находится в этих местах?

– Арсен Люпен и его банда – неподалеку. Не говоря уж о деле барона Каорна, кому как не ему следует приписать ограбления Монтиньи, Грюше, Красвиля? Сегодня – моя очередь.

– И вас предупредили так же, как барона Каорна?

– Один и тот же трюк дважды не срабатывает.

– Тогда в чем же дело?

– В чем?... А вот в чем.

Он встал и, показав пальцем на одну из полок книжного шкафа, где между двумя рукописными книгами видно было маленькое пустое пространство, сказал:

– Здесь стояла книга XVI века под названием «Хроника Тибермениля» – это история замка с того времени, как герцог Роллон заложил его на месте феодальной крепости. В книге было три гравюры. На одной из них запечатлена панорама местности, принадлежащей владельцу замка, на другой – общий план построек, а на третьей – обратите на это внимание – план подземных ходов, один из которых выходит за первую линию укреплений с одной стороны, а с другой – сюда, да, именно в этот зал, где мы находимся. Так вот, эта книга пропала в прошлом месяце.

– Черт возьми, – заметил Вельмон, – плохой знак. Только это еще недостаточное основание для вмешательства Херлока Шолмса.

– Конечно, этого было бы недостаточно, если бы не произошло другое событие, придавшее тому, что я только что рассказал, особое значение. В Национальной библиотеке хранился второй экземпляр «Хроники», отличавшийся от первого некоторыми деталями, касающимися плана подземелья, в частности, его общего вида и масштаба; план был снабжен различными пояснениями, не отпечатанными типографским способом, а написанными от руки и немного расплывшимися. Я знал об этих различиях и понимал, что подлинный план может быть вычерчен лишь после скрупулезного сопоставления обеих карт. Однако на следующий день после того, как пропал мой экземпляр, какой-то читатель затребовал в Национальной библиотеке вторую книгу и унес ее с собой; установить, каким образом была совершена эта кража, оказалось невозможно.

Его слова были встречены возгласами удивления.

– Теперь дело выглядит куда серьезнее.

– Конечно, на этот раз, – продолжал Деван, – полиция всполошилась, было проведено двойное расследование, но, увы, безрезультатно.

– Как и все другие поиски, объектом которых был Арсен Люпен.

– Совершенно верно. Именно тогда мне и пришла в голову мысль обратиться за помощью к Херлоку Шолмсу, и он ответил мне, что горит желанием встретиться с Арсеном Люпеном.

– Какая честь для Арсена Люпена! – воскликнул

Вельмон. – Ну а если наш национальный вор, как вы его называете, не строит никаких планов относительно Тибермениля, Херлоку Шолмсу придется бить баклуши?

– Есть еще одна вещь, которая его живо интересует: поиски подземного хода.

– Как! Вы же сказали нам, что с одной стороны он ведет в поле, а с другой – сюда, в это помещение.

– Но куда точно? В какое место этого зала? Линия, обозначающая подземный ход на картах, действительно ведет с одной стороны к маленькому кружочку, обозначенному двумя заглавными буквами: «Б.Г.», что, конечно, означает «Башня Гийома». Но башня круглая, и кто может определить, от какого места в этом круглом зале начинается нарисованная в плане линия?

Деван закурил вторую сигару и налил бенедиктина в свой бокал. Его осаждали вопросами. Он улыбался, радуясь, что пробудил такой интерес. И в конце концов произнес:

– Секрет утрачен. Никому в мире он не известен. Мощественные сеньоры, гласит легенда, передавали его на смертном одре от отца к сыну до тех пор, пока 7 термидора, год II, Жоффруа, последний в роду, на девятнадцатом году жизни не сложил голову на эшафоте.

– Но на протяжении века, наверное, велись поиски?

– Искали, но напрасно. Я сам, купив замок у потомка внучатого племянника члена Конвента Лерибура, проводил раскопки. Какой прок? Подумайте только, эта башня, окруженная водой, соединена с замком лишь в одной точке, и следовательно, подземный ход должен быть проложен где-то под древними рвами. На плане книги из Нацио-

нальной библиотеки обозначен, кстати, спуск из четырех лестниц, в каждой из которых – сорок восемь ступеней, а это позволяет предположить, что глубина в этом месте – более десяти метров. Но масштаб, помеченный на другом плане, указывает, что она доходит до двухсот метров. По сути, решение проблемы – здесь, между этим полом, потолком и стенами. Но, честно говоря, я не решаюсь разрушить их.

– И нет никаких других сведений?

– Никаких.

– Месье Деван, – возразил аббат Жели, – может быть, пора привести две цитаты.

– О! – со смехом воскликнул Деван, – господин кюре любит исследовать архивы, читать мемуары и увлеченно изучает все, что касается Тибермениля. Но объяснение, которое он имеет в виду, только все запутывает.

– Ну и что?

– Вы настаиваете?

– Было бы чрезвычайно интересно.

– Итак, вы узнаете, что из прочитанных им материалов следует, будто двум королям Франции была известна разгадка упомянутой тайны.

– Двум королям Франции!

– Генриху IV и Людовику XVI.

– Люди не случайные. А как установил это господин аббат?..

– О! Довольно просто, – продолжал Деван. – За день до битвы под Арком король Генрих IV приехал в этот замок, где его ожидали ужин и ночлег. В одиннадцать вечера Луиза де Танкарвиль, самая красивая дама Нормандии,

была приведена к нему по подземному ходу, чему содействовал герцог Эдгар, который по этому случаю раскрыл королю семейную тайну. Позднее Генрих IV выдал ее своему министру Сюлли, который в своих мемуарах «Государственная экономика в королевстве» рассказывает эту историю без всяких комментариев, за исключением одной загадочной фразы:

«Топор поворачивается, воздух дрожит, но крыло раскрывается, и начинается подъем к Богу».

Воцарилось молчание.

– Да уж, цитата – яснее некуда, – усмехнулся Вельмон.

– Вот именно. Господин кюре считает, что Сюлли в этой фразе зашифровал разгадку, чтобы не выдать тайну писцам, которым диктовал мемуары.

– Хитроумная гипотеза.

– Согласен, но что означает этот поворачивающийся топор и взлетающая птица?

– И кто поднимается к Богу?

– Загадка!

– А наш славный Людовик XVI тоже приказал открыть подземный ход, чтобы встретиться с дамой? – спросил Вельмон.

– Не знаю. Известно только одно: Людовик XVI побывал в Тибермениле в 1784 году, а в знаменитом железном шкафу, найденном в Лувре по доносу Гамена, находилась бумага, на которой рукой короля были написаны следующие слова: «Тибермениль: 2-6-12».

Орас Вельмон расхохотался:

– Победа! Тьма все больше рассеивается. Ведь дважды шесть – двенадцать.

– Смейтесь сколько угодно, месье, – заметил аббат, – однако в этих двух записях содержится разгадка; придет день, и кто-нибудь сумеет расшифровать эти слова.

– Прежде всего Херлок Шолмс... Если только его не опередит Арсен Люпен. Как, по-вашему, Вельмон?

Вельмон встал, положил руку на плечо Девана и сказал:

– Я думаю, что в сведениях, полученных из вашей книги и из фолианта, хранившегося в Национальной библиотеке, недоставало чрезвычайно важной детали, и вы любезно сообщили мне ее. Благодарю вас.

– А это означает?..

– Это означает, что теперь, когда повернется топор, взлетит птица, а дважды шесть составят двенадцать, мне останется лишь приняться за дело.

– Не теряя ни минуты.

– Даже секунды! Ну почему бы мне этой же ночью, то есть до приезда Херлока Шолмса, не ограбить ваш замок?

– Действительно, вам остается только воспользоваться моментом. Разрешите мне подвезти вас.

– До Дьеппа?

– До Дьеппа. Я воспользуюсь случаем и сам встречу месье и мадам д'Андроль и какую-то девушку, их приятельницу. Поезд приходит в полночь.

И, обратившись к офицерам, Деван добавил:

– Впрочем, мы все встретимся здесь завтра утром за столом, не так ли, господа? Я очень рассчитываю на вас, ровно в одиннадцать ваши полки должны окружить и взять замок приступом.

Приглашение было принято, все разошлись, и через минуту «золотая звезда 20-30» мчала по дороге на Дьепп, увозя Девана и Вельмона. Деван посадил художника у казино и поехал на вокзал.

В полночь его друзья сошли с поезда. В половине первого автомобиль въезжал в ворота Тибермениля. В час, после легкого ужина, поданного в гостиной, все разошлось по своим комнатам. Постепенно светильники погасли. Мертвая ночная тишина окутала замок.

Но луна раздвинула окутывавшие ее тучи, и в окна гостиной хлынул белый свет. Это длилось лишь мгновение. Очень скоро луна скрылась за сплошным занавесом холмов. Вновь стало темно.

И в этой непроглядной ночи тишина казалась особенно жуткой. Лишь время от времени слегка поскрипывала мебель и тихонько шумел тростник во рву с зеленой водой, плещущейся о древние стены. Часы отсчитывали бесконечную вереницу секунд. Пробило два часа. Затем снова торопливо и монотонно побежали секунды, тревожа тяжелый покой ночи. Пробило три часа.

Но вдруг что-то хлопнуло – так бывает во время прохода поезда, когда диск семафора открывается и сразу опускается. И тонкий луч пересек гостиную, словно стрела, оставившая за собой сверкающую дорожку. Луч вырвался из центральной каннелюры одного пилястра, подпиравшего справа верхнюю часть книжного шкафа. Сначала светящийся круг задержался на панно, украшавшем стену напротив, потом словно беспокойный взгляд, пронизывающий темноту, скользнул по всему помещению и растаял, чтобы опять вспыхнуть в то время, как целый отсек

книжного шкафа поворачивался на своей оси, открывая огромное сводчатое отверстие.

Появился человек с электрическим фонарем в руке. Затем – второй, третий, со связкой веревок и различными инструментами. Первый из вошедших осмотрел комнату, прислушался и сказал:

– Позовите приятелей.

Этих парней, вынырнувших из подземелья, оказалось восемь, все – здоровяки с энергичными лицами. Они стали перетаскивать мебель.

Действовали быстро. Арсен Люпен подходил то к одной вещи, то к другой, осматривал ее и, в зависимости от ее размеров и художественной ценности, щадил или приговаривал:

– Уносите!

И вещь уносили, ее поглощала зияющая пасть туннеля, засасывало чрево земли.

Таким образом уволокли шесть кресел и шесть стульев времен Людовика XVI, гобелены Обюссона, канделябры работы Гутьера, два полотна Фрагонара и одну картину Наттье, бюст работы Гудона и статуэтки. Не раз Люпен останавливался перед великолепным ларем или замечательной картиной и вздыхал:

– Слишком тяжелая вещь... очень уж велика... жаль!

И опять приступал к экспертизе.

За сорок минут гостиная была «расчищена», как выразился Арсен. И все это совершилось в восхитительном порядке, без всякого шума, словно все предметы, которые переносили эти люди, были укутаны толстым слоем ваты.

Наконец Люпен сказал последнему из них, уносившему стенные часы работы Буля:

– Можете не возвращаться. Мы договорились, не так ли: как только перетащите вещи в автофургон, гоните к гумну Рокфора.

– А вы, патрон?

– Оставьте мне мотоцикл.

Человек ушел, и Люпен, плотно задвинув подвижной отсек книжного шкафа, убрав все свидетельства кражи, стерев следы шагов, приподнял портьеру и прошел в галерею, соединяющую башню с замком. Посреди нее стояла стеклянная витрина – именно из-за нее Арсен Люпен продолжил свои поиски.

В витрине были выставлены чудесные вещи: уникальная коллекция часов, табакерки, кольца, ожерелья, миниатюры изумительной работы. Пинцетом Люпен вскрыл замок и испытал невыразимую радость от того, что может завладеть этими золотыми и серебряными сокровищами, маленькими и изящными шедеврами искусства. Он повесил себе на шею большой холщовый мешок, специально подготовленный для этой цели. Наполнил его. Затем рассовал остальные драгоценности по карманам пиджака, брюк и жилета. И уже положил левую руку на горстку жемчужных украшений для волос, так ценившихся нашими предками, а теперь ставших предметом вожделения нынешних модниц... как вдруг легкий звук достиг его ушей.

Люпен прислушался: он не ошибся, звук слышался все отчетливее.

И вдруг вспомнил: в конце галереи внутренняя лестница вела в еще недавно незанятую комнату, но сегодня вечером в ней разместили ту девушку, которую Деван встречал в Дьеппе, приятельницу д'Андролей.

Арсен быстро нажал пальцем на кнопку фонаря и погасил его. Едва он добежал до амбразуры окна, как наверху у лестницы приоткрылась дверь и слабый свет осветил галерею.

Ему показалось – скрытый до пояса занавеской он ничего видеть не мог – что кто-то осторожно спустился на несколько ступенек. Люпен надеялся, что человек не пойдет дальше. Однако этот некто спустился, сделал несколько шагов по галерее и... вскрикнул – конечно же, увидев разбитую и на три четверти опустошенную витрину.

По запаху духов Люпен определил, что на галерее находится женщина. Ее одежда почти задевала скрывавшую Арсена занавеску, и ему казалось, что он слышит, как бьется сердце этой женщины, что она тоже догадалась о присутствии другого существа у себя за спиной, в темноте, на расстоянии вытянутой руки. «Она боится, – подумал он, – и уйдет... не может быть, чтобы не ушла». Но она осталась. Свеча, дрожавшая в ее руке, застыла. Она обернулась, секунду помешкала, как бы прислушиваясь к устрашающей тишине, затем резко отдернула занавеску.

Они увидели друг друга.

Потрясенный Арсен пробормотал:

– Вы... вы... мадемуазель!

Это была мисс Нелли.

Мисс Нелли! Пассажирка океанского лайнера, та, чьи мечты переплелись с мечтами молодого человека во время того незабываемого плавания, та девушка, что присутствовала при его аресте и вместо того, чтобы выдать Люпена, сделала красивый жест – бросила в море «Кодак», в котором он спрятал драгоценности и деньги... Мисс

Нелли! Милое улыбающееся создание, чей образ так часто заставлял его грустить и радоваться в долгие часы тюремного заключения!

Случай, столкнувший их глубокой ночью в этом замке, был так удивителен, что они просто ошеломились и не могли произнести ни слова, пораженные, чуть ли не загипнотизированные фантастическим открытием, оказавшимся столь неожиданным для обоих. Глубоко потрясенная, мисс Нелли вынуждена была присесть.

Он стоя застыл перед ней. И постепенно, в течение нескольких бесконечно затянувшихся секунд осознал, какое впечатление должен был произвести на нее пригоршнями драгоценностей, которые оставались у него в руках, своими переполненными карманами и набитым до отказа мешком. Он готов был провалиться сквозь землю от стыда и покраснел, невыносимо страдая оттого, что оказался здесь, на ее глазах, в постыдном положении вора, застигнутого врасплох. Впредь, что бы ни случилось, он останется для нее грабителем, человеком, залезающим в чужие карманы, открывающим двери отмычкой, чтобы украдкой проникать в чужие жилища.

Какие-то часы покатались по ковру, затем другие. Вещи одна за другой сыпались из его рук, и удержать их у него не было сил. Тогда решительным жестом он бросил на кресло часть предметов, опустошил карманы и снял мешок.

Теперь ему стало легче в присутствии Нелли, он сделал шаг по направлению к ней, собираясь заговорить. Но мисс Нелли отпрянула от него, затем, словно испугавшись чего-то, резко вскочила и бросилась в гостиную. Она исчезла за портьерой, он пошел за ней. Девушка стояла и, дрожа,

недоумевая, с ужасом оглядывала огромный опустошенный зал.

Люпен тут же сказал ей:

– Завтра в три часа дня все будет возвращено на прежнее место... Мебель привезут назад...

Она не ответила, а он повторил:

– Завтра, в три часа, даю слово... И ничто в мире не сможет помешать мне сдержать обещание... Завтра, в три часа...

Затянувшееся молчание было тягостно для обоих. Он не осмеливался нарушить его и искренне страдал, видя, как потрясена мисс Нелли. Тихонько, не говоря ни слова, он отошел от нее.

«Пусть она уйдет!.. – думал он. – Пусть поймет, что ничто не мешает ей уйти!.. Только бы она не боялась меня!»

Но вдруг она вздрогнула и прошептала:

– Послушайте... шаги... я слышу, кто-то идет...

Он с удивлением взглянул на нее. Девушка казалась встревоженной, словно испугалась надвигающейся опасности.

– Я ничего не слышу, – ответил он, – но все же...

– Как! Надо бежать... бегите же, скорее...

– Бежать... Почему?..

– Так надо... надо... О! Не стойте тут...

Она метнулась к галерее и прислушалась. Нет, никого. Может быть, звук доносился извне?.. Мисс Нелли подождала секунду, затем, успокоившись, обернулась.

Арсен Люпен уже исчез.

Обнаружив, что замок ограблен, Деван тут же сказал себе: «Это сделал Вельмон, значит, Вельмон не кто иной, как Люпен».

Таким образом все объяснялось, ничего другого предположить он не мог. Однако эта мысль лишь промелькнула у него в голове, настолько казалось невероятным, что Вельмон в действительности не Вельмон, не тот известный художник, которого представил ему кузен д'Эстеван как своего приятеля. И когда появился капрал из местной жандармерии, которого тотчас же вызвали, Деван и не подумал сообщать ему об этом абсурдном предположении.

Все утро в Тибермениле царила неопиcуемая суматоха. Жандармы, сельский полицейский, комиссар полиции из Дьеппа, деревенские жители – все эти люди сновали по коридорам, ходили по парку и вокруг замка. Маневры воинских частей, проходившие неподалеку, оружейная стрельба придавали особую красочность сложившейся обстановке.

Первоначальный осмотр ничего не прояснил. Ни разбитых окон, ни взломанных дверей не оказалось – без сомнения, вещи вынесли через какой-то тайный ход. Однако на ковре никаких следов, на стенах ни одной подозрительной царапины.

И только одна неожиданная вещь подтверждала со всей очевидностью, что здесь «позабавился» Арсен Люпен: известная «Хроника» XVI века заняла свое прежнее место, а рядом стояла точно такая же книга, а именно экземпляр «Хроники», украденный из Национальной библиотеки.

В одиннадцать часов пришли офицеры. Деван принял их весело; хотя утрата художественных ценностей и была

неприятна, состояние, которым он владел, вполне позволяло ему перенести этот удар, не впадая в дурное расположение духа. Друзья хозяина, д'Андролли и мисс Нелли, тоже спустились вниз.

Гостей представили друг другу, и только тогда заметили, что не хватает одного из приглашенных – Ораса Вельмона. Может быть, он и не появится?

Его отсутствие могло вновь пробудить подозрения у Жоржа Девана. Но точно в полдень тот вошел.

– Отлично! Вот и вы! – воскликнул Деван.

– Разве я опоздал?

– Нет, но вы могли не появиться... после такой бурной ночи! Ведь вам уже известна новость?

– Какая новость?

– Вы ограбили замок.

– Помилуйте!

– Именно так. Но сначала предложите руку мисс Андердаун и пойдемте к столу... Мадемуазель, позвольте мне...

Он запнулся, поразившись тому, как смутилась девушка, и вдруг вспомнил:

– Ах да, во время путешествия вы ведь когда-то столкнулись с Арсеном Люпенем... до его ареста... Вас удивило сходство, не так ли?

Она ничего не ответила. Перед ней, улыбаясь, стоял Вельмон. Он поклонился и предложил ей руку. Подвел к ее месту за столом и сел напротив.

Во время завтрака говорили только об Арсене Люпене, украденной мебели, подземелье и Херлоке Шолмсе. Только в конце трапезы, когда перешли на другие темы, Вельмон

вмешался в разговор. Он был и весел, и серьезен, красноречив и остроумен. Но казалось, говорил только для того, чтобы заинтересовать девушку. Погруженная в свои размышления, она как будто не слышала его.

Кофе подали на террасу, нависавшую над парадным двором и французским садом, разбитым вдоль главного фасада. Заиграл военный оркестр, расположившийся на лужайке, а толпа крестьян и солдат разбрелась по аллеям парка.

Нелли, однако, помнила об обещании Арсена Люпена: «В три часа все будет здесь, даю слово».

В три часа! А стрелки больших часов, украшавших левое крыло замка, показывали два часа сорок минут. Она невольно поглядывала на них каждую секунду. И вместе с тем наблюдала за Вельмоном, который безмятежно покачивался в удобном кресле-качалке.

Два часа пятьдесят... два часа пятьдесят пять минут... Какое-то нетерпение, смешанное со страхом, охватило девушку. Возможно ли, что чудо свершится, свершится в указанную минуту, ведь в замке, во дворе и в поле полно народу, а прокурор республики и следователь именно в этот момент заняты расследованием? Но, несмотря на это... ведь Арсен Люпен так торжественно давал обещание!

Все будет так, как он сказал, подумала она, ибо не могла избавиться от того впечатления, которое произвели на нее его энергия и уверенность в своей власти. И обещанное казалось ей уже не чудом, а обыкновенным событием, которое произойдет само собой.

В какую-то секунду их взгляды встретились. Она покраснела и отвернулась.

Три часа... Пробило раз, два, три... Орас Вельмон достал свои часы, сверил их с часами, отбивавшими время, затем положил обратно в карман. Прошло несколько секунд. И вот около лужайки толпа расступилась, пропуская только что въехавшие в ворота парка две повозки с упряжками по две лошади. Это были фургоны, обычно сопровождающие полки. В них перевозят походную кухню и солдатские вещмешки. Повозки остановились у крыльца. С одного из сидений соскочил сержант и спросил месье Девана.

Деван быстро спустился по ступенькам. Под брезентом он разглядел аккуратно расставленную и упакованную мебель, картины и предметы искусства из замка. Отвечая на заданные вопросы, сержант сослался на приказ, который он получил от дежурного, вычитавшего его утром в рапорте. В соответствии с этим приказом, вторая рота четвертого батальона должна была проследить за тем, чтобы движимое имущество, оставленное на перекрестке Алле, в Аркском лесу, к трем часам дня было доставлено господину Жоржу Девану, хозяину замка Тибермениль. Подпись: полковник Бовель.

— На перекрестке, — добавил сержант, — все было готово, расставлено по газону и охранялось... прохожими. Это показалось мне странным, но что делать, приказ есть приказ.

Один из офицеров взглянул на подпись: она оказалась прекрасно симитированной, но поддельной.

Оркестр отложил инструменты, разгрузили фургоны и внесли мебель.

Посреди этой суматохи Нелли стояла одна у края тер-

расы. Девушка выглядела задумчивой и озабоченной, в голове у нее все смешалось, и она даже не пыталась обратиться с мыслями. Вдруг Нелли заметила, что к ней приближается Вельмон. Она хотела избежать встречи, но оказалась зажатой с одной стороны углом балюстрады, поддерживающей террасу, с другой – сплошной линией больших ящиков с растениями: апельсиновые деревья, олеандры и бамбук не оставляли ей никакой иной дороги, кроме той, по которой шел молодой человек. Она не двинулась с места. Солнечный луч дрожал в золоте ее волос, задевавших хрупкие листочки бамбука. Кто-то очень тихо произнес:

– Я сдержал обещание, данное сегодня ночью.

Арсен Люпен стоял около нее, а вокруг никого не было. Не зная, как вести себя дальше, он робко повторил:

– Я сдержал обещание, данное сегодня ночью.

Арсен ждал хотя бы слова благодарности или жеста, подтверждающего, что ей не безразличен его поступок. Она молчала.

Ее презрение рассердило Арсена Люпена, и в то же время он ощутил, какая пропасть отделяет его от Нелли теперь, когда она все знает. Ему хотелось оправдаться, найти какие-то доводы, доказать, что в его жизни есть и смелость, и величие. Но слова эти наперед были обидны для него, он понимал абсурдность и непристойность всякого объяснения. Тогда, взволнованный нахлынувшими воспоминаниями, он грустно прошептал:

– Как далеко теперь прошлое! Помните ли вы те долгие часы, что мы проводили на палубе «Прованса»? О! Тогда, так же, как сегодня, вы держали розу в руках, бледную

розу, такую же, как эта... Я попросил ее у вас... но вы как будто не слышали... Однако после вашего ухода я нашел розу... забытую, разумеется... Я ее сохранил...

Она по-прежнему ничего не отвечала, как будто мысленно была очень далеко от него. Он продолжал:

— В память о тех часах не думайте о том, что теперь вам известно. Пусть прошлое сольется с настоящим! Пусть я буду не тем, кого вы видели этой ночью, а тем, кого вы знали когда-то, и пусть ваши глаза обратятся ко мне хотя бы на секунду и посмотрят так, как смотрели тогда... Прошу вас... Ну разве я не тот, что прежде?

Она подняла глаза, как он просил, и посмотрела на него. Затем молча дотронулась пальцем до кольца на его указательном пальце. Кольцо было повернуто камнем вниз и великолепного рубина не было видно.

Арсен Люпен покраснел. Это было кольцо Жоржа Девана.

Он горестно улыбнулся:

— Вы правы. То, что было, будет всегда. Арсен Люпен есть Арсен Люпен, он им останется навсегда, и вас не может связывать с ним даже воспоминание... Простите меня... я должен был понять, что само мое присутствие здесь, рядом, оскорбительно для вас...

Арсен отстранился, прижавшись к балюстраде и продолжая держать шляпу в руке. Нелли прошла мимо. Ему хотелось удержать ее, умолить остаться. Но не хватило смелости, и он проводил ее глазами так же, как в тот далекий день, когда она спускалась по мостику на нью-йоркскую набережную. Нелли поднялась по ступенькам, ведущим к двери. Еще на секунду среди мрамора

прихожей мелькнула ее изящная фигурка. И больше он не видел ее.

Солнце скрылось за черной тучей. Арсен Люпен, не двигаясь с места, рассматривал следы маленьких ножек, оставшиеся на песке. Вдруг он вздрогнул: на ящике с бамбуковым деревом, к которому прислонялась Нелли, лежала роза, бледная роза, которую он не решился попросить у нее... Конечно, она забыла ее... Опять забыла?.. Но намеренно или просто в шутку?

Люпен порывисто схватил цветок. Лепестки сразу опали. Он собрал их по одному, как реликвии...

– Что ж, – сказал он себе, – мне теперь здесь нечего делать. Тем более что после вмешательства Херлока Шолмса, все может плохо обернуться.

Парк опустел. Однако около беседки, у ворот, собралась группа жандармов. Он скрылся в зарослях, перескочив через крепостную стену и, чтобы добраться до ближайшего вокзала, пошел по тропинке, змеившейся среди полей. Люпен не прошагал и десяти минут, как тропинка вывела его к расщелине между двумя откосами; он углубился в проем, и в этот момент с другой стороны появился какой-то человек, шедший в противоположном направлении.

Это был мужчина лет, наверное, пятидесяти, довольно крепкого сложения, чисто выбритый и, судя по костюму, иностранец. В руке у него была тяжелая трость, на плече висела дорожная сумка.

Они подошли близко друг к другу. Иностранец с еле заметным английским акцентом спросил:

– Извините меня, месье... эта дорога приведет меня к замку?

– Держитесь по прямой, месье, и как только подойдете к крепостной стене, поверните налево. Вас ждут с нетерпением.

– О!

– Да, мой друг Дефан сообщил нам о вашем приезде еще вчера вечером.

– Если месье Дефан сказал слишком много, тем хуже для него.

– А я счастлив первым приветствовать вас. У Херлока Шолмса нет более ревностного поклонника.

В его голосе прозвучала еле заметная ирония, о чем он тут же пожалел, так как Херлок Шолмс окинул его с ног до головы таким взглядом, что Арсен Люпен отчетливо ощутил, как его уже схватили, заключили в тюрьму... Да, этот взгляд запечатлел его с такой точностью и достоверностью, которая не под силу ни одному фотоаппарату.

«Снимок готов, – подумал он. – Бессмысленно притворяться перед этим человеком. Только... узнал ли он меня?»

Они раскланялись. Но послышалось цоканье копыт и бряцание лошадиной сбруи. Это были жандармы. Обоим путникам пришлось прижаться к откосу, утонуть в высокой траве, чтобы их не сбили всадники. Жандармы проезжали мимо, и поскольку они выстроились один за другим на некотором расстоянии, это продолжалось довольно долго. Между тем Люпен думал так: «Все зависит от того, узнал ли он меня. Если да, существует большая вероятность, что он воспользуется ситуацией. Этот вопрос тревожит меня».

Когда последний всадник проехал мимо, Херлок Шолмс встал и, ничего не говоря, стал чистить запачкан-

ную пылью одежду. Ремень его сумки запутался в колючем кустарнике. Арсен Люпен бросился помогать. Еще секунду они изучали друг друга. И если бы кто-нибудь мог увидеть их в этот момент, перед его глазами предстало бы волнующее зрелище: первая встреча двух людей, владеющих – каждый – мощным оружием, людей по-настоящему незаурядных, но фатально обреченных особым характером своих способностей сталкиваться в равном бою, ибо порядок вещей, установленный в мире, поставил их друг против друга.

Затем англичанин сказал:

– Благодарю вас, месье.

– Весь к вашим услугам, – ответил Люпен.

И они разошлись. Люпен направился к станции, Херлок Шолмс – к замку.

Следователь и прокурор после безуспешных поисков уехали, и все ждали Херлока Шолмса с любопытством, вполне оправданным огромной известностью этого человека. Его внешность обычного буржуа, так сильно отличавшаяся от предполагаемого образа сыщика, вызвала небольшое разочарование. В нем не было ничего от героя романа, загадочного и демонического персонажа, с которым мы обычно связываем имя Херлока Шолмса. Однако Деван в сильном возбуждении воскликнул:

– Наконец-то, мэтр, вы здесь! Какая честь! Я так давно мечтал... Я почти счастлив, что все так произошло, ведь удовольствием видеть вас у себя я обязан случившемуся. А кстати, как вы до нас добрались?

– Поездом.

– Какая жалость! Но я ведь выслал за вами автомобиль к платформе.

– Для официальной встречи, не так ли? С барабанами и музыкой. Прекрасный способ облегчить мою задачу, – проворчал англичанин.

Деван был обескуражен довольно неодобрительным тоном гостя, но, стремясь обратить все в шутку, продолжал:

– Задача, к счастью, оказалась легче, чем я описал вам в письме.

– И почему же?

– Потому что ограбление уже произошло сегодня ночью.

– Если бы вы не оповестили всех о моем визите, месье, возможно, этого бы не случилось нынче ночью.

– Но когда же?

– Завтра или в другой день.

– И в этом случае?

– Люпен попался бы в ловушку.

– А моя мебель?

– Ее бы не вывезли.

– Но моя мебель здесь.

– Здесь?

– Ее привезли обратно в три часа дня.

– Кто привез? Люпен?

– Нет, два военных фургона.

Херлок Шолмс яростно нахлобучил свою шляпу на голову и закинул на плечо дорожную сумку, но Деван воскликнул:

– Что вы делаете?

– Ухожу.

– Но почему?

– Ваша мебель на месте, Арсен Люпен далеко. Моя роль окончена.

– Но мне абсолютно необходима ваша помощь, уважаемый господин Шолмс. То, что произошло вчера, может повториться завтра, поскольку мы не знаем самого главного: как Арсен Люпен проник сюда, как вышел и почему через несколько часов все вернул.

– А! Вы не знаете...

Мысль о нераскрытой тайне смягчила Херлока Шолмса.

– Хорошо, давайте поищем. Но быстро, договорились? И, если возможно, одни.

Последняя фраза явно метила в присутствующих. Деван понял и провел англичанина в зал. Сухим тоном, короткими фразами, которые, казалось, были подготовлены заранее, – да еще с какой тщательностью! – Шолмс задавал ему вопросы о вчерашнем вечере, о гостях, находившихся в комнате, о завсегдатаях подобных вечеров. Затем он осмотрел оба тома «Хроники», сопоставил планы подземелья, заставил процитировать фразы, найденные аббатом Жели, и спросил:

– Значит, вчера вы впервые упомянули об этих двух цитатах?

– Вчера.

– Вы никогда не рассказывали об этом Орасу Вельмону?

– Никогда.

– Хорошо. Вызовите машину. Я уезжаю через час.

– Через час!

– У Арсена Люпена ушло не больше времени на решение ребуса, который вы ему загадали.

– Я?... Я загадал ему...

– Да! Арсен Люпен и Вельмон – одно лицо.

– Я это подозревал... Ах, мерзавец!

– Вчера вечером, в десять часов, вы открыли Люпену необходимые сведения для решения загадки, именно их ему недоставало, он ломал над ними голову несколько недель. И в течение ночи успел все понять, собрать свою банду и ограбить вас; я намерен проявить не меньшую расторопность.

Он прошелся по комнате, размышляя о чем-то, затем сел, скрестил свои длинные ноги и закрыл глаза.

Деван, чувствуя себя немного неловко, ждал. «Спит он или думает?»

На всякий случай вышел, чтобы отдать распоряжения. Когда Деван вернулся, он увидел Шолмса у подножия лестницы, выходящей на галерею. Тот на коленях обследовал ковер.

– Что там такое?

– Посмотрите... вот здесь... воск от свечи.

– Действительно... совсем свежие пятна...

– Вы можете увидеть такие же наверху лестницы, а больше всего их вокруг витрины, которую Люпен взломал, вытащил драгоценности... видимо, для того, чтобы переложить их в это кресло.

– И к какому же выводу вы пришли?

– Ни к какому. Все эти данные, без сомнения, могли бы объяснить, почему он решил вернуть награбленное. Но у меня нет времени заниматься этим аспектом проблемы. Главное – план подземелья.

– Вы все еще надеетесь...

– Я не надеюсь, я убежден. Ведь в двухстах – трехстах метрах от замка есть часовня, не так ли?

– Да, разрушенная часовня, где находится могила герцога Роллана.

– Скажите вашему шоферу, чтобы он ждал нас у этой часовни.

– Мой шофер еще не вернулся... Мне скажут, когда он появится... Но, судя по всему, вы полагаете, что подземный ход ведет в часовню? Что навело вас...?

Херлок Шолмс перебил его:

– Я попрошу вас, месье, доставить мне лестницу и фонарь.

– А! Вам нужны фонарь и лестница?

– Разумеется, если я прошу вас об этом.

Пристыженный Деван позвонил. Фонарь и лестницу принесли. После этого посыпались строгие и точные, как военная команда, распоряжения.

– Приставьте лестницу к книжному шкафу, с левой стороны от надписи «Тибермениль...».

Деван стал подставлять лестницу. А англичанин продолжал распоряжаться:

– Левее, еще немного... теперь чуть вправо... Стоп! Поднимайтесь... Отлично... Все буквы этого слова – рельефные, не так ли?

– Да.

– Займемся буквой «Н³». Поворачивается она в какую-нибудь сторону?

³ «Тибермениль» во французском написании выглядит так: Thibermesnil. Логика дальнейших рассуждений Шолмса связана с написанием этого слова.

Деван ухватился за букву «Н» и воскликнул:

– Да, поворачивается! Направо и на четверть круга! Кто же вам подсказал?..

Не ответив ему, Херлок Шолмс продолжал:

– Можете ли вы с того места, где находитесь, дотянуться до буквы «R»? Да... Подвигайте ее несколько раз, как вы бы сделали с задвижкой, которую открываете и закрываете.

Деван подвигал букву «R». К его величайшему удивлению, внутри что-то щелкнуло.

– Прекрасно, – сказал Херлок Шолмс. – Нам остается только передвинуть вашу лестницу на другой конец, имеется в виду конец слова «Thibermesnil»... Ну вот... А теперь, если я не ошибся, если все происходит так, как должно быть, буква «L» откроется как окошечко.

Чуть ли не торжественным движением руки Деван взялся за букву «L». Буква открылась, но Деван покатился с лестницы, так как вся вертикаль книжного шкафа, что помещалась между первой и последней буквой слова, повернулась на своей оси, и открылся ход в подземелье.

Херлок Шолмс невозмутимо спросил:

– Вы не поранились?

– Нет, нет, – ответил Деван, вставая на ноги, – я не ранен, но, признаться, ошарашен... эти передвижные буквы... зияющая дыра подземелья...

– Что тут особенного? Разве это не совпадает точь-в-точь с цитатой из Сюлли?

– В чем же, мой Бог?

– Ну как же! «Н» поворачивается, «R» дрожит, а «L»⁴ раскрывается... Именно это и дало возможность Генриху IV принять у себя мадемуазель де Танкарвиль в неурочный час.

– А Людовик XVI? – спросил сбитый с толку Деван.

– Людовик XVI был великолепным кузнецом и искусным слесарем. Я прочел «Трактат о замках с секретом», который ему приписывают. Хозяину Тибермениля хотелось продемонстрировать свои верноподданнические чувства, а знакомство с шедевром механики было для этого великолепным предлогом. На всякий случай король записал цифрами: 2-6-12, то есть Н., вторая, шестая и двенадцатая буквы в слове.

– О! Великолепно, я уже почти все понял. Но если я могу объяснить, как выйти из этого зала, то никак не могу взять в толк, как Люпен ухитрился оказаться там. Он ведь, заметьте хорошенько, пришел извне.

Херлок Шолмс зажег фонарь и прошел несколько шагов по подземному ходу.

– Видите ли, весь механизм можно разглядеть отсюда, как пружины часов, только буквы повернуты обратной стороной. Люпену достаточно было воспользоваться ими с этой стороны перегородки.

– А как вы это докажете?

– Как докажу? Видите вот эту масляную лужицу. Люпен предусмотрел даже то, что винты необходимо смазать, – ответил Херлок Шолмс не без восхищения.

⁴ Буква «R» и слово «air» – воздух, а также «L» и «aile» – крыло – во французском языке звучат одинаково.

– Но тогда ему был известен и другой выход?
– Так же, как и мне. Следуйте за мной.
– В подземелье?
– Вы боитесь?
– Нет, но вы уверены, что сумеете ориентироваться там?

– С закрытыми глазами.

Сначала они спустились на двенадцать ступенек, затем еще на двенадцать и еще два раза по двенадцать. Затем пошли по длинному коридору, на кирпичных стенах которого сохранились следы ремонтных работ разного времени, из стены местами сочилась вода. Земля была мокрой.

– Над нами пруд, – заметил Деван, совсем не будучи уверен в этом.

Коридор привел к лестнице в двенадцать ступенек, а за ней было еще три такие же лестницы, которые они с трудом преодолели и вышли к маленькому углублению, выбитому прямо в скале. Здесь дорога обрывалась.

– Черт возьми, – прошептал Херлок Шолмс, – только голые стены, это начинает надоедать.

– Давайте вернемся, – прошептал Деван, – не вижу никакой необходимости узнавать еще что-то. С меня вполне достаточно.

Но, подняв голову, англичанин вздохнул с облегчением: вверху над ними оказался точно такой же механизм, как у входа. Им надо было всего-навсего повернуть три буквы. Гранитная глыба развернулась. С обратной стороны она оказалась надгробной плитой герцога Роллона, на которой было выбито рельефными буквами слово «Тибермениль». И они оказались в разрушенной часовне, которую упоминал англичанин.

– Здесь начинается подъем к Богу, то есть к часовне, – сказал он, приведя конец цитаты.

– Возможно ли, – воскликнул Деван, ошеломленный пронизательностью и живостью ума Херлока Шолмса, – возможно ли, чтобы этой простой строки вам оказалось достаточно для решения загадки?

– Ну что вы! – ответил англичанин. – Она была даже не нужна. В экземпляре «Хроники» из Национальной библиотеки линия подземного хода, как вам известно, с левой стороны заканчивается кружком. А с правой, – этого вы не знаете, – маленьким крестиком, но он настолько стерся, что его можно разглядеть только в лупу. Этот крестик означает, конечно, нашу часовню.

Бедняга Деван не верил своим ушам.

– Это неслыханно, великолепно и тем не менее по-детски просто! И почему никто не мог проникнуть в эту тайну?

– Потому что никто никогда не соединял вместе три или четыре необходимых элемента, то есть две книги и цитаты... Никто, за исключением Арсена Люпена и меня.

– А также меня, – возразил Деван, – и аббата Жели... Мы оба знали обо всем этом столько же, сколько вы, и однако...

Шолмс улыбнулся:

– Не все люди умеют разгадывать загадки, месье Деван.

– Но я уже десять лет ломаю голову. А вы за десять минут...

– Привычка...

Они вышли из часовни, и англичанин воскликнул:

– Посмотрите, нас ждет автомобиль!

– Но это же моя машина!

– Ваша? А я думал, что шофер еще не вернулся.

– В самом деле... интересно...

Они подошли к машине, и Деван спросил шофера:

– Эдуард, кто велел вам приехать сюда?

– Месье Вельмон, – ответил тот.

– Месье Вельмон? Значит, вы его встретили?

– Недалеко от вокзала. И он велел мне ехать к часовне.

– Ехать к часовне! Но зачем?

– Чтобы подождать вас, месье... и вашего гостя...

Деван и Херлок Шолмс посмотрели друг на друга.

– Он понял, что эта загадка для вас детская забава, – сказал Деван. – И выразил свое почтение в столь деликатной форме.

Узкие губы сыщика сморщились в довольной улыбке. Почтение нравилось ему. Покачав головой, он произнес:

– Это настоящий человек. Стоило увидеть его, как все стало понятно.

– Значит, вы его видели?

– Мы совсем недавно столкнулись на дороге.

– И вы знали, что это был Орас Вельмон, я хочу сказать, Арсен Люпен?

– Нет, но я очень быстро догадался... по некоторой иронии с его стороны.

– И вы выпустили его из рук?

– Конечно, выпустил... хотя на моей стороне была сила... мимо проезжали пять жандармов.

– Но черт побери! Это же была уникальная возможность, которой надо было воспользоваться...

– Вот именно, месье, – высокомерно заявил англича-

нин, — когда речь идет о таких противниках, как Арсен Люпен, Херлок Шолмс не пользуется случаем... Он его создает...

Но время поджимало, и, поскольку Арсен Люпен проявил столь трогательное внимание и прислал автомобиль, пришлось немедленно воспользоваться им. Деван и Херлок Шолмс уселись на заднем сиденье комфортабельного лимузина. Эдуард крутанул руль, и они тронулись. За окном мелькали поля и рощи. Отлогие холмы Ко постепенно сменились равниной. Вдруг взгляд Девана привлек маленький пакетик, лежавший в одном из кармашков на дверце.

— Посмотрите, что это? Какой-то пакетик. Кому же он предназначен? О, это вам.

— Мне?

— Читайте: «Господину Херлоку Шолмсу от Арсена Люпена».

Англичанин схватил пакетик. Развязал его и развернул два листочка бумаги, в которую было что-то завернуто. Это были его часы.

— О! — произнес он, с досадой махнув рукой.

— Часы, — сказал Деван, — вы случайно не...?

Англичанин молчал.

— Ну и ну! Ваши часы! Арсен Люпен возвращает вам ваши часы! Но если он их возвращает, значит, до этого украл... Он украл ваши часы! О! Вот это да! Арсен Люпен украл часики у самого Херлока Шолмса. Боже, как смешно! Нет, вправду... простите, пожалуйста... но это сильнее меня.

А когда насмеялся от души, сказал с полной убежденностью:

– Да! Он действительно настоящий человек.

Англичанин не моргнул глазом. Не произнес ни слова до самого Дьеппа, глаза его были прикованы к плывущему горизонту. Его молчание было ужасным, непостижимым, более странным, чем самая неистовая ярость. На платформе Шолмс просто и на этот раз без гнева, правда, тоном, в который вложил всю свою волю и энергию, сказал:

– Да, это настоящий человек, и я бы с удовольствием положил ему на плечо руку, которую протягиваю вам, месье Дефан. Но знаете, мне кажется, что Арсен Люпен и Херлок Шолмс когда-нибудь снова померяются силами... Ведь мир настолько мал, что им трудно не встретиться... но в тот день...

РАССКАЗЫ

Эрнест Брама

ПРИВИДЕНИЕ В ДОХОДНОМ ДОМЕ

Однажды, сидя в гостях у своего слепого друга Макса Каррадоса, владелец сыскного частного бюро мистер Карлайл спросил:

– Макс, ты веришь в привидения?

– Только как в привидения, – решительно ответил Каррадос.

– Как и я, – из вежливости согласился детектив и осторожно переспросил: – А в каких случаях ты в них не веришь?

– Когда они начинают досаждать людям. Публично или с глазу на глаз – неважно, – пояснил ему друг. – До тех пор, пока они удовлетворены своей обычной потусторонней жизнью, я всегда готов защищать их право на существование. Если же они начинают вмешиваться в нашу жизнь, впутываются в чьи-нибудь дела, сбивают цену на недвижимость, гремят цепями, хлопают дверьми, звонят дверными колокольчиками, предсказывают победителей на скачках или издают журналы – то есть стараются привлечь к себе внимание вместо того, чтобы оставаться в тени, я тут же перестаю в них верить. Я отношусь к этому примерно так: спишь себе ночью, потом вдруг просыпаешься и видишь у кровати призрак, который стоит и смотрит на тебя. Проходит минута, другая, третья, тревожно ждешь от него какой-нибудь ужасной вести, а он стоит и молчит. «Ну и

стой себе, – в конце концов говоришь ему, – если тебе делать нечего, а я спать хочу», – поворачиваешься на другой бок и засыпаешь.

– Меня попросили расследовать дело о привидении, – начал было Карлайл.

– Тогда я в него не верю, – заявил Каррадос.

– Почему?

– Потому что это нахальное, жаждущее славы привидение, иначе до расследования бы не дошло. Оно, наверное, хочет, чтобы о нем написали в «Дейли мейл». Да и твои клиенты, кто бы они ни были, вряд ли верят в привидение, иначе бы они не обратились к тебе, Льюис. Они скорее пошли бы за объяснениями к сэру Оливеру Лоджу или другому известному оккультисту или одолжили емкость со святой водой в ближайшей церкви.

– Признаться, и я сначала постараюсь разобраться в силах, действующих в нашем мире, а уж потом займусь другими, – согласился Льюис Карлайл. – И я не сомневаюсь, – добавил он с обычным легким самодовольством, – что через два-три дня сумею выудить какого-нибудь парня, который решил либо просто пошалить, либо отплатить кому-нибудь за прошлые неприятности. А теперь, раз уж я рассказал тебе все это, Макс, может, ты сходишь туда со мной и послушаешь, что произошло.

Каррадос добродушно согласился. Практика Карлайла заметно возросла за время их знакомства, и его друг редко приходил без рассказа о каком-нибудь новом деле. Они обсуждали обстоятельства дела с обоюдным интересом, и обычно этим все и кончалось, по крайней мере, для Макса Каррадоса, который узнавал затем о результатах расследования либо из газет, либо от самого Карлайла.

Нельзя сказать, что Карлайл шел к своему другу с каждым порученным ему делом. На один такой случай приходились десятки других дел, с которыми сыщик превосходно справлялся сам. Несмотря на все свои маленькие грешки и самоуверенность, свойственную людям его профессии, Льюис Карлайл был проницательным и способным сыщиком и за его чиновными манерами скрывалось обычное желание зарабатывать. Он постоянно мучился, считая, что мог бы получить с клиента больше, чем запросил.

Доходный дом Массингем Меншенз оказался большим зданием, окна которого выходили в небольшой сквер. Позже друзья обнаружили, что он примыкал к другому подобному дому, несколько больших размеров, на соседней улице и принадлежавшему тому же владельцу. За чистотой и порядком в доме следил швейцар, который жил в полуподвальном помещении. Контора хозяина размещалась в одной из квартир. В то утро контора производила обычное впечатление ухоженного, довольно процветающего предприятия, немного скучного, немного угрюмого. Казалось, в ней чего-то не хватает; она напоминала конторы роскошных доходных домов на окраинах быстро растущих морских курортов. В тот день на улице не переставая лил дождь.

— Сейчас пока трудно судить, — заметил Карлайл, останавливая машину и вглядываясь в медную табличку на двери, — но, честное слово, Макс, мне кажется, что привидение вполне могло бы выбрать более подходящую квартиру.

Швейцар провел их в контору, где они застали заме-

стителя управляющего и двух его молодцеватых помощников. Имя мистера Карлайла вызвало вполне объяснимое волнение.

– Управляющего сейчас нет, но я в курсе дела, – уверенно, с сознанием важности своего положения сказал заместитель. Он мог бы быть доволен произведенным впечатлением, но все испортил сдавленный смешок одного из молодцов, по-видимому, в меньшей степени ошеломленного появлением известного детектива. – Будьте любезны, пройдите, пожалуйста, в кабинет, – продолжил заместитель. Впустив своих гостей, он обернулся, бросил леденящий взгляд на нарушителя приличий и сказал: – Биннз, вы должны скопировать эти письма до ленча. – Он произнес это достаточно громким голосом и тут же закрыл за собой дверь, не оставив Биннзу времени для ответа.

Теперь, когда пришла пора объяснить, причину обращения к детективу, клерк замешкался, не зная, с чего качать.

– Это странный случай, – проговорил он, пытаясь выйти из затруднительного положения.

– Возможно, – согласился мистер Карлайл, – но нас это не смущает. Через мои руки прошло много такого, что можно было бы назвать «странными случаями».

– Через ваши – наверное, – ответил молодой человек, – но не через наши. Это случилось в квартире номер одиннадцать дома Массингем. Несколько дней тому назад, ночью, впрочем, с тех пор прошло, пожалуй, уже больше недели, Уиллетт, швейцар дома Нортенгер, относил багаж новым жильцам в семьдесят пятую квартиру и заметил, что в одиннадцатом номере Массингема в одной из комнат

горит свет. Задние стены Нортенгера и Массингема обращены друг к другу, их разделяет что-то около двадцати или тридцати ярдов. Свет его удивил, потому что он знал: одиннадцатая квартира Массингема пуста и заперта. Разумеется, сначала он подумал, что швейцар Массингема или кто-нибудь из конторы поднялся туда. Однако это показалось ему странным — была поздняя ночь. В конце концов его долг — разобраться, в чем дело. По пути в Массингем он проходил мимо конторы — вы знаете, где находится Массингем? В конторе было темно — все разошлись несколько часов назад, — но у Уиллетта были свои ключи. Он вошел и только тогда заподозрил неладное, потому что на стене висели оба ключа от одиннадцатой квартиры Массингема. Других ключей от этой квартиры не было. Он положил ключи в карман и пошел в Массингем. Грин, швейцар этого дома, сказал ему, что не заходил в одиннадцатую квартиру уже больше недели. Более того, по крайней мере, полчаса в дом никто не входил. Входная дверь открывается с громким треском, а он не слышал никакого шума. Швейцары вдвоем поднялись наверх. Дверь одиннадцатого номера была заперта, и внутри все было так, как и должно было быть; света в комнате не было. Осмотрев квартиру с фонарями, они убедились, что в ней никого нет.

— Вы говорите, с фонарями, — прервал его мистер Карлайл. — Они, наверное, зажгли газ или какое-либо другое освещение, не так ли?

— У нас проведен газ, но они не могли зажечь его, газ был выключен на счетчике. Мы всегда выключаем газ, когда квартира освобождается.

– Тогда какой же свет видел Уиллетт?

– Это был газ, мистер Карлайл. Он увидел горящий газовый светильник из окошка комнаты семьдесят пятого номера Нортенгера.

– Так, значит, газ снова включили?

– Счетчик заперт в особом помещении в подвале здания. Ключи от него есть только у служащих конторы и швейцаров. Они попробовали зажечь светильник, но газа не было. В подвале они проверили счетчик – газ был выключен.

– Хорошо, – сказал мистер Карлайл, записывая услышанное в блокнот. – А что было дальше?

– А дальше, – продолжил служащий, – дальше было вот что. По дороге вниз Грин подтрунивал потихоньку над Уиллеттом по поводу этого света в комнате, а потом вдруг остановился и замолчал. Он кое-что вспомнил. За день до этого прислуга из двенадцатого номера Массингема спрашивала его, кто пользуется ванной в одиннадцатой квартире, – разумеется, она знала, что квартира пуста. Он сказал ей, что ванной никто не пользуется. «Но, – сказала она, – мы каждый вечер слышим, как в ванну бежит вода и кто-то плещется. Это очень странно, если в квартире при этом никого нет». Он ничего не заподозрил тогда и объяснил прислуге, что она, наверное, слышала шум воды из квартиры этажом ниже. Разумеется, он тут же рассказал обо всем Уиллетту. Они вернулись и осмотрели ванную комнату более внимательно. Водой там действительно кто-то пользовался, поскольку края ванны были еще влажными. Они открыли краны, но из них не вылилось ни капли. Когда квартира пуста, мы выключаем и газ и воду.

– Вода отключается там же, в подвале? – поинтересовался Карлайл.

– Нет, у бака под крышей. К баку ведет люк в потолке над верхней площадкой. Добраться до люка можно только с помощью довольно длинной переносной лестницы. На следующее утро Уиллетт доложил обо всем управляющему, и тот приказал мне разобраться. Нас это не очень беспокоило. Вечером я провожал друзей до станции. Я живу неподалеку, поэтому я решил заглянуть сюда на обратном пути. Я знал, что, если в комнате горит свет, я увижу это с заднего двора, хотя самого рожка через окно не видно. И точно, в одной из комнат одиннадцатого номера ярко горел свет. Должен признаться, мне стало не по себе, но я все-таки решил подняться наверх.

– Молодец, – одобрительно пробормотал мистер Карлайл.

– Не спешите с выводами, – посоветовал служащий со смущенной усмешкой. – Это так просто сказать: «Решил подняться». Время приближалось к полуночи, и вокруг не было ни души. Я зашел в контору за ключами, и тут мне посчастливилось вспомнить о старом револьвере, который валяется в ящике письменного стола вот уже несколько лет. В нем нет патронов, но с ним я чувствовал себя немного увереннее. Я сунул револьвер в карман и пошел в Массингем, заглянув по дороге еще раз во двор, чтобы проверить, горит ли свет. Потом я как можно тише поднялся по лестнице и вошел в одиннадцатую квартиру.

– Вы не взяли с собой Уиллетта или Грина?

Служащий бросил на мистера Карлайла понимающий взгляд, как один опытный человек смотрит на другого опытного человека.

– Уиллетт очень надежный парень, – ответил он, – и мы полностью доверяем ему. Как и Грину, хотя тот работает у нас не так уж и давно. Но я решил, что в этот раз мне лучше сделать это самому, вы понимаете меня, мистер Карлайл. Вы не заглядывали в Массингем по дороге сюда? Если да, то, наверное, заметили, что там в квартирах над каждой дверью есть окошко. Над входной дверью стекло матовое, на остальных дверях – обычное. Эти окна сделаны специально для освещения прихожей и коридора. В каждой квартире есть маленькая квадратная прихожая и довольно длинный коридор, который ведет в глубь квартиры. Как только я открыл дверь одиннадцатого номера, я сразу же понял, что в одной из комнат в глубине коридора горит свет, хотя от входной двери я не мог разглядеть, в какой именно. Тогда я тихонько прокрался через прихожую в коридор. Из комнаты в самом конце коридора лился яркий свет. Я знал, что это самая маленькая комната в квартире, – обычно эти комнаты использовались как спальни для прислуги или кладовые. Мне было не по себе, но, признайтесь, это вполне естественно после того, что я слышал от швейцаров. Да и обстановка – полночь, свет в конце коридора.

– Так, так, – согласился сыщик. – Но вы пошли дальше?

– Да, я тихонько пошел дальше, подошел к двери, вынул револьвер, потянулся к ручке двери и тут...

– Так, так, – подбодрил мистер Карлайл служащего, который, как опытный рассказчик, сделал паузу в самом интересном месте, – что было дальше?

– А дальше свет погас. Не успел я прикоснуться к ручке, как свет погас – секунда в секунду, как будто кто-то

наблюдал за мной. Свет погас мгновенно, без какого-либо предупреждения, без какого-либо звука из этой ужасной комнаты за дверь. И сразу же в коридоре стало темно, как в аду, и мне показалось, что вот-вот что-то должно случиться.

— И что вы сделали?

— Я дал дёру, — откровенно признался служащий. — Я побил все рекорды, когда мчался по этому коридору, честное слово. Вам, конечно, смешно, может, вы бы и с места не сдвинулись в такой ситуации, но вы не можете себе представить, что со мной происходило. Я изо всех сил старался держать себя в руках, готовясь к любой неожиданности там, в освещенной комнате, — и вдруг свет гаснет! В крошечной тьме мне почудилось, что через секунду дверь откроется и только Бог ведает, что будет дальше.

— Наверное, я бы тоже дал дёру, — вежливо признался мистер Карлайл. — А ты, Макс?

— Видите ли, я всегда уютно чувствую себя в темноте, — извиняющимся тоном произнес слепой. — Во всяком случае, вы спаслись, мистер?

— Меня зовут Эллиот, — ответил служащий. — Да, это вы точно сказали — спасся. Открылась ли дверь и вышло оттуда что-нибудь или кто-нибудь, я не знаю. Я не оглядывался. Мне действительно показалось, что я слышал шум воды в ванной, когда рванул на себя входную дверь, выбегая из квартиры, но я не остановился и не прислушался, и, даже если что-то и было, все заглушил грохот захлопнувшейся двери и мой топот по лестнице, когда я летел вниз, перескакивая через шесть ступенек сразу. Потом, благополучно выбравшись наружу, я отправился в задний

дворик посмотреть на окно – этот чертов свет опять сиял вовсю.

– В самом деле? – заметил мистер Карлайл, – это, наверное, очень смелый парень.

– Парень? Ах, управляющий тоже так считает. Но он ни разу не приходил туда, в темное время суток.

– Это все, что вам удалось узнать?

– Это все, что мы смогли узнать. Проклятая штука продолжается как ни в чем не бывало. На следующий же день мы опечатали краны газового счетчика и воды. Ей-Богу, это ничегошеньки не изменило. Почти каждую ночь в комнате загорается свет и в ванне появляется вода. Мы смазали чернилами ручки дверей в квартире, краны газового счетчика и бака с водой и сами же в них испачкались, так что теперь во всей нашей конторе нет ни одного человека, которого нельзя было бы заподозрить.

– Никто не пытался наблюдать за комнатой?

– Уиллетт и Грин пытались наблюдать за квартирой одной ночью. Они заперлись в соседней комнате, просидели там с десяти до двенадцати часов и ничего не слышали. Я наблюдал за окном комнаты в театральный бинокль из пустой квартиры Нортенгера. После двенадцати они оставили свой пост, и раньше, чем они могли бы спуститься вниз, в комнате зажегся свет. Я видел горящий газовый рожок так же отчетливо, как вот эту чернильницу. Я побежал вниз и натолкнулся на них. Они поднимались ко мне рассказать, что ничего не слышали. Когда мы втроем снова примчались наверх, свет уже погас и в квартире было пусто, как на кладбище. Что вы об этом думаете?

– В этом действительно нужно разобраться, – дипломатично ответил мистер Карлайл.

– Разобраться! Ну, вы сможете разбираться и днем и ночью сколько влезет, мистер Карлайл. Подумать только, ведь у нас не какое-нибудь старинное имение какого-нибудь барона с раздвигающимися стенными панелями и тайными проходами. Над входной дверью висит дата постройки дома – 1882. Вообразите, этот дом построен в 1882 году, и в нем уже поселились привидения! А ведь его построили для сдачи внаем квартир. И от самого конька крыши до фундамента в нем нет ни одного квадратного дюйма неучтенной площади.

– Свет в комнате и шум воды... А больше вы ничего не заметили? – спросил мистер Карлайл.

– Сами мы видели только это. Однако я должен кое-что добавить. Когда началась эта история, я начал потихоньку расспрашивать жильцов. Среди прочих я говорил также с мистером Белтингом, который занимает номер девятый, расположенный прямо под квартирой номер одиннадцать. Мне показалось бессмысленным выдумывать сказку, и я прямо спросил его, не мешают ли ему какие-либо странные звуки из квартиры наверху.

– Если вы имеете в виду это ваше дурацкое привидение, меня лично оно не слишком беспокоит, – сразу же заявил он, – но что касается миссис Белтинг, то я вам не советую попадаться ей на глаза, по крайней мере до тех пор, пока она не найдет новую служанку. – Потом он рассказал мне о том, что девушка, их служанка, которая спала в комнате, расположенной под маленькой комнатой номера одиннадцать, уже довольно давно жаловалась на доносящийся сверху шум – сначала чьи-то шаги, потом как будто топот, потом тяжелый удар, будто что-то уронили на пол. В один

прекрасный день она заявила, что с нее хватит, и сбежала от них. Это произошло как раз за день до того, как Уиллетт в первый раз увидел в окне свет.

– Так среди жильцов ходят разговоры об этом?

– Еще бы! – ядовито подтвердил мистер Эллиот. – Вот это-то управляющего и раздражает. Ему было бы наплевать на всю эту историю, только бы никто ничего не знал. Но теперь неизвестно, чем все кончится. Жильцам Нортенгера это тоже не по нраву. Ребятишки перепуганы до смерти, и коридорные мальчики ни за что не соглашаются выполнять поручения после наступления темноты. Если не прекратить все это как можно быстрее – по крайней мере на ближайшие три года дурная слава нашему дому обеспечена.

– Это будет прекращено, – внушительно заявил мистер Карлайл. – Разумеется, у нас есть свои способы решения подобных проблем, но, чтобы действовать наверняка, нужно застать нарушителя спокойствия на месте преступления. Скажите вашему э-э... вашему начальнику, чтобы он больше не беспокоился. Один из моих людей зайдет к вам сегодня, ему, может быть, потребуется кое-что уточнить. А пока оставьте все как есть. До свидания, мистер Эллиот, до свидания...

– По-моему, все довольно просто, Макс, – заметил мистер Карлайл, когда друзья садились в машину, – хотя обстоятельства дела довольно своеобразны и мотив мне пока не ясен. Любопытно, сколько человек здесь замешано?

– Дай мне знать, когда найдешь их, – сказал Каррадос, и мистер Карлайл пообещал ему это.

Прошло уже около недели, а вестей о раскрытии преступления все еще не было. Затем неожиданно Каррадос получил следующее письмо:

«ДОРОГОЙ МАКС, интересно, удалось ли тебе прийти к каким-нибудь выводам о происшествии в доходном доме Массингем на основе того изящного рассказа, который мы слышали от мистера Эллиота?

Я начинаю подозревать, что Триггет, которому я поручил наблюдение, круглый дурак, хотя с его помощью обнаружилось одно обстоятельство, которое могло бы решить все, поставив на этом деле печать необъяснимого, если бы мне нужно было отчитываться перед клиентом.

Ты знаешь, как я ценю твои замечания. Если ты случайно окажешься поблизости, я повторяю, Макс, если ты случайно окажешься поблизости, зайди ко мне, я буду рад видеть тебя и поговорить с тобой о том, о сем.

Искренне твой,

Льюис Карлайл».

Каррадос принял прозрачный намек с улыбкой. За это время он не раз думал о привидении в доходном доме, главным образом потому, что его удивили некоторые детали проявления потусторонних сил. Они не соответствовали обычным способам подделок подобного рода, и именно эти детали, по-видимому, ускользнули от внимания его друга. Его интерес был достаточно силен, поэтому не прошло и дня, как он «случайно» оказался поблизости от Бамптон-стрит.

— Макс, — воскликнул мистер Карлайл, грозя другу пальцем, — ты специально пришел ко мне.

— Даже если это так, — ответил гость, — ты можешь вознаградить меня чашечкой того великолепного напитка, который появился здесь в прошлый раз по мановению

твоей руки. А впрочем, ты прав. Я действительно пришел к тебе по этому делу.

Мистер Карлайл заказал по телефону кофе и затем попросил своего друга внимательно выслушать его.

– Это привидение в доходном доме Массингем...

– Я по-прежнему не верю в это привидение, Льюис, – задумчиво проговорил Каррадос.

– Разумеется, я тоже не верил, – ответил Карлайл, – но даю слово, Макс, мне очень скоро придется поверить в него из элементарного чувства предосторожности. Триггет ничего не смог сделать, а теперь, ко всему прочему, он устроил что-то вроде забастовки.

– Так он бросил... А что, собственно, сыщику нужно бросить, чтобы устроить забастовку? Блокноты? Выходит, Триггета тоже дрожь с перепугу пробирает, как и нашего честного друга Эллиота?

– Начал он хорошо. Сказал, что не прочь провести ночь или даже целую неделю в квартире с привидением, и, надо отдать ему должное, мне кажется, сперва он действительно ничего не боялся. А потом услышал одну очень любопытную полузабытую историю, которая произошла в этом доме. И знаешь, Макс, поразительные совпадения...

– А мне было интересно, – сказал Каррадос, – когда же он, наконец, услышит эту историю, Льюис.

– Так ты ее знаешь? – удивленно воскликнул сыщик.

– Вовсе нет. Я догадывался, что она должна существовать. Перед нами – два явления, я имею в виду газ и воду в ванной. Сами по себе они не содержат ничего необычного или пугающего. Нужна какая-то связь, которая могла бы соединить их, придать им смысл. Таковую связь и дает эта история.

– Да, – согласился друг, – история дает такую связь, и, честное слово, совпадение – ладно, послушай. Я узнал ее частично из старых газет, но только частично, потому что в то время обстоятельства дела в значительной степени удалось скрыть и мне пришлось покопаться в воспоминаниях старых сплетниц, чтобы узнать детали. Да, это была скандальная история, Макс, и без сомнения она стала бы настоящей сенсацией, если бы в то время существовали теперешние иллюстрированные издания. Это случилось вскоре после постройки доходного дома Массингем. Тогда он назывался Эндерби-хаус, и, кстати, его название пришлось сменить именно из-за этого случая. В квартире номер одиннадцать поселилась обеспеченная пара средних лет. У них была служанка, тихая и привлекательная молоденькая девушка, если верить слухам. Они стали первыми съемщиками этой квартиры.

– С первыми жильцами дом обретает душу, – серьезно заметил слепой, – вот потому-то пустые дома так отличаются друг от друга.

– Я никогда в этом не сомневался, – резко согласился мистер Карлайл, – но ни в одном показании по нашему делу об этом ничего не сказано. Там сказано, однако, что глава семьи занимал высокий и ответственный пост, для которого требуются высокие личные качества и строгая мораль. Кроме того, в местных влиятельных кругах, среди людей серьезных и положительных он также пользовался уважением. Короче говоря, это был человек, известный своей респектабельностью.

Первая глава нашей трагедии открывается ужасной смертью хорошенькой служанки – она покончила с собой,

бедняжка. Однажды утром она не вышла из своей комнаты, а в квартире запахло газом. Хозяин быстро и решительно распахнул все окна и вызвал швейцара. Они взломали дверь в маленькой спальне в конце коридора, и то, что они увидели, любое жюри присяжных признало бы типичным самоубийством. Дверь была заперта изнутри, и газ в погасшем рожке был повернут на максимум. Комната была маленькая, камина в ней не было, плотно закрывающаяся дверь и окно почти исключали обмен воздуха. Позже было доказано, что девушка умерла за несколько часов до того, как они взломали дверь, и доктор, проводивший вскрытие, в предельно деликатных выражениях сообщил об одном убедительном обстоятельстве, которое могло стать причиной, заставившей девушку уйти из жизни. Суд присяжных, как и следовало ожидать, признал случай самоубийством.

История человечества сохранила множество нераскрытых преступлений, Макс, но далеко не каждому гениальному плану удастся остаться нераскрытым. После судебного разбирательства, на котором наш джентльмен, без сомнения, выглядел весьма достойно и благородно, появился один маленький ядовитый слухок. Невозможно догадаться, как подобные слухи зарождаются, но всем известно: если такой слух появился, он быстро начинает обрастать деталями, как снежный ком. Кто-то из квартиры снизу слышал, что очень поздно, той самой ночью, в спальне хозяев тихо распахнулось окно. Другие слышали шум и движение, которые не соответствовали рассказу о том, что хозяева-де спали и ничего не слышали. Недоверчивым сплетники с готовностью показывали на практике,

как можно погасить газ в комнате, дунув в соседней комнате в газовую трубу. Это тут же увязывали с жалобами хозяйки квартиры на легкомысленные привычки служанки, которая частенько читала на ночь и засыпала, не погасив свет. Они громогласно вопрошали: почему во время судебного разбирательства никто не обратил внимания на тот факт, что в момент взлома двери и проникновения в комнату на одеяле покойной лежала раскрытая книжка? К этому добавляли сотни мелких обстоятельств: от различных планов на будущее, которые девушка строила до последнего вечера в своей жизни, до вполне теперь понятных намеков, которые она делала своим знакомым, таких, как, например, ее взгляды на самоубийство и лучший, по ее мнению, способ совершения одного, что, пожалуй, является излюбленной темой для разговоров среди людей ее типа. Кроме того, у нее было довольно много сравнительно дорогих безделушек, что довольно странно при зарплате несколько шиллингов в неделю. И вот, наконец, власти, по-видимому, получили в свое распоряжение показания более точные и существенные, чем те, о которых я уже упоминал, поэтому в один прекрасный день был выдан ордер на арест. Каким-то образом слух о выдаче ордера опередил арест. Наш чрезвычайно респектабельный джентльмен, к которому этот ордер относился, не стал дожидаться своего ареста и судебного разбирательства. Он заперся в ванной, и, когда полиция прибыла на место, оказалось, что вместо ареста обвиняемого им придется начинать новое дело.

— Очень убедительный рассказ, — подтвердил Каррадос в ответ на вопросительный взгляд друга. — И вот теперь ее

дух коротает долгие зимние вечера, зажигая и выключая газ, а его дух развлекается, открывая и закрывая воду в ванной или наоборот. Льюис, воистину никогда не знаешь, что делается в соседней комнате!

– Никакие твои дешевые шуточки не смогут заставить Триггета провести еще хоть одну ночь в этой квартире, Макс, – парировал мистер Карлайл, – да и мне они тоже вряд ли помогут закончить это дело.

– Ну, тогда я дам тебе подсказку, которая поможет, – сказал Каррадос. – Попробуй воспользоваться тем же способом устранения трудностей, что и твой respectable джентльмен.

– Что ты имеешь в виду? – поинтересовался его друг.

– Продуй трубы, Льюис.

– Продуть трубы? – переспросил Карлайл.

– Во всяком случае, попытайся. Я думаю, мистер Триггет вряд ли это пробовал.

– Но что это даст, Макс?

– Возможно, это покажет, куда выходит второй конец трубы.

– Но другой конец трубы выходит к счетчику.

– Я думаю, не туда или, во всяком случае, не только туда. Я уже встречался с твоим мистером Триггетом, Льюис. Это прекрасный и надежный человек, но до определенного предела. Самое лучшее, что он может делать, – это стоять у дверей гостиницы и ждать прихода соответчика по делу о разводе. А для этого дела у него не хватает воображения. Он не может себе представить, что включить газ и открывать воду можно не так, как это делает он. Может быть, я и несправедлив к нему, но я думаю, он

провел большую часть времени, пытаясь поймать человека, который залезает в квартиру, чтобы включить газ или открыть краны в ванной. Когда же мистер Триггет убедился в том, что проникнуть в квартиру и выбраться из нее физически невозможно, а потом еще и услышал об этой романтической трагедии, — а трагедия действительно может служить прекрасным психологическим объяснением существования призрака, поскольку она же стала основой истории с привидением, — у него тут же мозги начали давать сбои и мурашки по коже забегали. А на мой взгляд, в квартиру никто не входит, так как можно очень просто, гениально, но просто сделать то же самое, находясь снаружи.

— Это все очень любопытно и заманчиво, — сказал мистер Карлайл, — мне тоже показалось... но давай пригласим Триггета и спросим его об этом? По-моему, он уже должен быть в конторе, если только в пивной не задержался.

Каррадос согласился, и через несколько минут мистер Триггет появился в дверях кабинета. Это был человек небольшого роста, задумчивый, средних лет. По одному его виду можно было сразу догадаться, где он служит, и любая попытка копнуть поглубже его характер ничего бы не дала, кроме скрытого пессимизма, основанного на удручающей мысли о том, что в другом месте он уже никогда служить не будет.

— Проходите, Триггет, — обратился к нему мистер Карлайл, когда его подчиненный робко остановился у двери, — мистер Каррадос хотел бы узнать от вас кое-какие детали о деле доходного дома Массингем.

– Я уже не в первый раз имею возможность воспользоваться результатами вашего расследования, мистер Триггет, – кивнул слепой вошедшему, – добрый день.

– Добрый день, сэр, – с угрюмой почтительностью ответил Триггет. – Благодарю вас за вашу доброту, сэр, но, мистер Каррадос, сэр, это дело совсем не то, что дело Тарпорли-Темплтон, если позволите, сэр. То дело было простое, как яйцо, сэр.

– Да, мистер Триггет, но только после того, как мы увидели это яйцо, – с улыбкой признал Каррадос. – А разве это дело неразрешимо? Ну, ладно, когда я был мальчиком, я обожал рассказы о привидениях, но, помнится, когда я читал их, меня всегда охватывало подозрение, что в конце истории все объяснит какой-нибудь подлог, что-нибудь вроде гениальной системы проволочек, построенной хитроумным Магглзом, или оптической иллюзии, образованной с помощью скрытых зеркал, которые и формировали появляющееся привидение. В таких случаях я всегда чувствовал себя обманутым. Надеюсь, там не было никаких скрытых проволочек или зеркал, мистер Триггет?

Лицо мистера Триггета приняло выражение мудреца, которому задали неразрешимую загадку. К несчастью, наклонности натуры и требования профессии в нем полностью расходились, поэтому он часто выглядел одновременно и бодрым и усталым.

– Проволочки, сэр... – начал он со слабым удивлением в голосе.

– Не только проволочки, но любого другого предмета, который мог бы пролить свет на происходящее, – вставил мистер Карлайл. – Мистер Каррадос хочет сказать сле-

дующее: вы доложили, что в квартиру никто не может ни проникнуть, ни спрятаться в ней...

– Я проверил каждый дюйм во всех комнатах, мистер Каррадос, сэр, – возразил обиженно Триггет. – Я проверил каждую доску и даже, можно сказать, каждый гвоздь в полу, в плинтусах, в оконных рамах, по существу, везде, где только может быть доска или гвоздь. Там нет ни одного тайного входа или выхода. Кроме того, я самым тщательным образом пометил двери и окна на тот случай, если кто-нибудь тайком ими воспользуется. Но ими никто не пользовался, сэр. За последнюю неделю только я входил и выходил из этой квартиры, мистер Каррадос. И все же, ночь за ночью, каждую ночь, газ, который отключен у счетчика, зажигается и гаснет, и вода, которая тоже отключена у бака, плещется в ванной до той самой секунды, пока я не открою дверь. Стоит мне войти, и в комнате становится тихо, как в могиле, и все стоит на своих местах, как будто я никуда не выходил. В этом есть что-то нечеловеческое, мистер Каррадос, сэр. Плоть и кровь не могут вынести этого – то есть я хочу сказать, по крайней мере среди ночи не могу этого вынести.

– Вы больше ничего не заметили, мистер Триггет?

– Нет, ничего, мистер Каррадос. Я бы посоветовал вообще убрать газ из той комнаты. В кладовой газовый рожок ни к чему.

– А ванную?

– А ванную можно переделать в маленькую спальню и убрать все трубы. Тогда для того, чтобы в квартире все-таки была ванная...

– Так, так, – нетерпеливо прервал его мистер Карлайл, –

но нас наняли не спланировать перестройку квартиры, Триггет, а обнаружить, кто производит беспорядок в комнате, и найти способы, которыми он это делает. Вы же потратили целую неделю на это дело и не смогли ни на дюйм приблизиться к его окончанию. И вот теперь приходит мистер Каррадос и предлагает мне, – мистер Карлайл обычно не тратил сил на изощренные шутки, но совет друга был настолько невероятен, что он решил слегка понизить голос, прежде чем ясно и четко выразить свою мысль, – итак, мистер Каррадос предлагает тебе не мерить дымоходы и простукивать стены, а просто-напросто продуть газовые трубы...

Каррадосу стало смешно, но, по его мнению, со стороны Льюиса это было слишком жестоко.

– Я выразил это несколько иначе, мистер Триггет, – вмешался он.

– Продуть газовую трубу, сэр? – изумленно переспросил сыщик. – Зачем?

– Чтобы проверить, куда выходит второй конец, – ответил Карлайл.

– Да, это, конечно, важное обстоятельство, сэр, но скажите, пожалуйста, как это можно сделать? Водопроводную трубу можно перехватить между ванной и баком-накопителем. Разумеется, я подумал об этом. Водопроводная труба не перехвачена. Она проходит в ванну прямо от бака-накопителя на чердаке, который находится всего в нескольких футах. Я проверил это. Что же касается газовой трубы, то она действительно проходит через множество квартир и проверить ее, не взломав полы в этих квартирах, практически невозможно. Но чем это может нам

помочь, мистер Каррадос? Газовый кран нужно повернуть, нужно зажечь газ, а этого с помощью проволочек не сделаешь. Я еще ни разу не слышал, чтобы газ можно было зажечь с помощью оптического обмана. Если это человек, то он должен входить и выходить из этой квартиры – если только это человек. Я провел неделю, очень тяжелую неделю, сэр, пытаюсь установить, как это может быть сделано. Ни холод, ни сырость, ни одиночество не помешали мне выполнить свой долг. Я применил всю свою наблюдательность, весь свой ум – какими бы они ни были – для того, чтобы...

– Не весь, Триггет, – решительно вставил его наниматель.

– Вы глубоко оскорбили меня, мистер Карлайл, – возразил Триггет, который, обдумав все как следует, решил, что его здесь не ценят. – Вы оскорбили меня так, как только можно оскорбить человека. Ваше предположение очень меня огорчило. Я не ожидал от вас такого, мистер Карлайл, сэр, никак не ожидал. Целую неделю я делал все возможное, все, что подсказывал мне мой долгий опыт, а теперь, как я понимаю, сэр, вы жалуетесь, что я не продул газовую трубу, сэр. Это очень жестоко с вашей стороны, сэр, очень жестоко.

– Ну ладно, ладно, ради Бога, только не нужно слез, Триггет, – воскликнул мистер Карлайл. – Вечно вы начинаете рыдать у меня в кабинете то по одному поводу, то по другому. Мы уверены, что вы сделали все возможное... Господи! – пробормотал он в сторону.

– Это правда, мистер Карлайл, в самом деле, сэр. Я благодарен вам за то, как высоко вы цените мою службу.

Мне очень дорога ваша оценка, в самом деле очень дорога, сэр. – Легкая дрожь в голосе и страстная речь свидетельствовали о том, что мистер Триггет сегодня питался не всухомятку. Он уже забыл о своей обиде и с таинственным видом подошел к мистеру Каррадосу.

– А что вы хотели узнать, продув трубу, сэр? – доверительно прошептал он. – Как всякий старый служака я всегда готов поучиться чему-нибудь новому.

– Макс, – коротко сказал мистер. Карлайл, – у нас есть еще необходимость задерживать Триггета?

– Еще один вопрос, – ответил Каррадос, немного подумав. – Газовый рожок. Триггет, на газовом рожке есть абажур?

– Нет, мистер Каррадос, нет, – доверительно сообщил старый служака с таким видом, как будто сообщал очень важную информацию. – Там нет абажура, да, ну, конечно же, там нет никакого абажура, в самом деле никакого абажура.

Мистер Карлайл с любопытством посмотрел на своего друга. Судя по всему, у того что-то не сошлось. После небольшой встряски Триггет расслабился, и в теплой комнате его развезло. Это очень плохо повлияло на уровень его мышления и речи.

– Может быть, там есть стеклянный шар? – предположил Каррадос.

– Шар? Нет, сэр, там даже шара нет, вообще-то говоря, то есть я хочу сказать, мистер Каррадос, там нет шара, ну в смысле ничего похожего на шар.

– Так что же там есть? – спросил слепой, терпеливо ожидая ответа. – Может быть, там есть еще что-нибудь.

– Нет, – решительно сказал мистер Триггет, – ничего там нет, совсем ничего. Только самый обыкновенный дешёвый газовый рожок, а над ним вот такая вот штуковина висит.

– Абажур, нет, накопитель газа, а, ну тогда все ясно, – воскликнул Каррадос, – точно, так оно и есть.

– Такая жестяная штуковина, – с достоинством продолжал мистер Триггет, – называйте ее как хотите, всякому понятно, зачем она нужна. Она работает как рассекаТЕЛЬ или как там его...

– Льюис, – радостно воскликнул Каррадос, – как ты смотришь на то, чтобы окончить это дело сегодня ночью?

– Разумеется, дружище, с удовольствием, если у тебя есть время.

– Хорошо, давненько я не имел дела с привидениями. А как насчет... – он показал на их собеседника. – Он будет в состоянии нам помочь?

– Может быть, вечером.

– Когда же?

– Скажем, в одиннадцать тридцать.

– Триггет, – резко произнес хозяин сыскного бюро, – в одиннадцать тридцать ровно вы должны встретить нас на углу Мидлвуд и Эндерби Роудз. Если вы не сможете прийти туда, Триггет, ваши услуги мне больше не понадобятся.

– Разумеется, сэр, я буду пунктуален, – ответил Триггет уже без всякой дрожи в голосе. Услышав такое предупреждение, он мгновенно протрезвел, и его речь и манеры сразу вошли в норму. – Я сочту большой честью, мистер Каррадос, работать с вами вместе, сэр.

– А сейчас, – заметил Каррадос, – если вы не можете на время выкинуть это дело из головы, посмотрите в энциклопедии, что такое «катализатор». Может быть, это как раз то, что вам нужно.

– Конечно, сэр, но не могли бы вы мне подсказать, что такое «катализатор»?

– Это химическое вещество, которое обладает одним замечательным свойством: при контакте с ним водород или светильный газ воспламеняются, – пояснил Каррадос. – Подумайте только, как хорошо иметь его под рукой, если нет спичек.

Чтобы отметить встречу, мистер Карлайл решил сводить своего друга на известную музыкальную комедию. Каррадосу нужно было захватить кое-что с собой для ночной работы, но приготовления заняли не более часа. Они успели пообедать в ресторане Палм-Три, посетить театр и вовремя прибыть на место встречи. Когда они вышли из машины, мистер Триггет уже был там в самом безупречном состоянии. К их компании присоединился Паркинсон, который нес чемодан с необходимыми принадлежностями.

– Что нового, Триггет? – спросил мистер Карлайл

– Я обошел вокруг дома, сэр. В окне горел свет, – услышал он в ответ. – Я не стал подниматься наверх, чтобы вы увидели все как есть. Это было минут десять тому назад. Вы сходите во двор посмотреть еще раз? У меня есть ключи.

– Пойдем, Макс? – поинтересовался мистер Карлайл.

– Пусть сходит мистер Триггет, нам всем ходить ни к чему. Он может догнать нас у двери.

Триггет догнал их раньше, чем они успели дойти до входной двери.

– Свет еще горит, сэр, – доложил он.

– Нам нужно соблюдать какие-нибудь особые предосторожности, Макс? – спросил Карлайл.

– О, нет. Давайте вести себя так, как будто мы друзья привидения и пришли к нему в гости.

Триггет с ключами шел впереди до самой двери одиннадцатой квартиры. Там, остановившись, он некоторое время изучал свои пометки на двери в свете электрического фонарика, а потом показал всем присутствующим, что до них никто не дотрагивался. Они вошли в темную прихожую, и в тот же миг по пустой квартире эхом прокатился долгий холодящий душу вопль, который закончился чем-то вроде всхлипывания и затих, как будто душа, исторгшая этот звук, рассталась с телом. Триггет только что выключил фонарик. В темноте послышался испуганный возглас мистера Карлайла.

– Все в порядке, сэр, – сказал его помощник, скрывая тайное удовлетворение, – страшновато, не правда ли? Особенно в первый раз, в пустой квартире. Это остатки воды выбежали из ванны через сливное отверстие.

Они прошли через прихожую, и он повел компанию к комнате в конце коридора. Из прихожей они увидели в конце коридора слабое сияние, которое погасло раньше, чем они успели определить, откуда оно исходит.

– Вот так всегда, – пробормотал Триггет.

Не тратя времени на осмотр двери в спальню, он распахнул ее, и все толпой ввалились в маленькую комнату. Блуждающие лучи электрических фонариков ярко осве-

тили ее. Все обратили взгляды на главный объект их исследования – полированный газовый рожок простейшей конструкции. Потолок в комнате был низкий, а над рожком опускался еще ниже, так как в этом месте упирался в скос крыши. Над рожком, всего в нескольких дюймах от него, висел металлический кружок, о котором говорил Триггет. Со свойственным ему чувством места, на которое его спутники уже не обращали внимания, Каррадос прошел прямо к газовому рожку и дотронулся до него.

– Рожок еще теплый, – заметил он. – Мы приближаемся к разгадке. Так что привидение, Льюис, вполне материально.

– Разве вы не видите, мистер Каррадос, сэр, он же выключен, – радостно добавил Триггет. – И никто из комнаты не выходил.

– Включен и выключен, – пояснил слепой.

– Что ты хочешь сказать, Макс?

– Паркинсон, дайте маленькую отвертку, – потребовал Каррадос.

– Ну и ну, – выразительно произнес мистер Карлайл, потому что не успел он произнести эти три слова, как Каррадос отвернул винт и выбил кран. Он протянул им кран, и они увидели, что вентиль был пропилен так, чтобы газ свободно проходил через кран, даже если тот был закрыт.

– Как ты узнал об этом?

– Потому что любым другим способом сделать это было бы физически невозможно. Теперь, Паркинсон, аккуратно снимите верхушку. Аккуратно.

Предупреждение было, пожалуй, не лишним, по-

сколько Паркинсону пришлось встать на цыпочки, чтобы выполнить его просьбу. Через мгновение Каррадос взял в руки грязный металлический конус и легонько ощупал его внутреннюю поверхность.

— Так, вот здесь, в вершине, — заметил он, — здесь должен собираться газ. А вот здесь, Льюис, вы и найдете вечную зажигающую и в то же время действительно «безопасную» спичку. По крайней мере для газовых светильников. Эта штука стоит около шиллинга.

Мистер Карлайл с интересом осмотрел крошечное устройство. Оно было такое крошечное, что вполне сошло бы за высохшую мушку в паутине, а состояло оно всего-навсего из одной черненькой горошины, висящей на дюйме тоненькой проволоки.

— Гм, я и не слышал о такой. Она действительно может зажечь газ?

— И так часто, как ты захочешь, в этом вся и штука.

Мистер Карлайл строго посмотрел на своего помощника, ко Триггет не чувствовал себя виноватым и спокойно встретил взгляд.

— Я тоже ничего не слышал об этом, сэр, — просто заметил он. — Господи, чего только не выдумают, а, мистер Карлайл?!

— Теперь займемся таинственной водой. — Каррадос отправился в ванную, и все последовали вслед за ним по коридору через маленькую прихожую. — Здесь, похоже, все устроено гораздо хитроумнее, чем с газом. Мистер Триггет доказал нам, что вода в ванну попадает не из бака-распределителя. Краны, как вы видите, абсолютно сухи.

— Так вода поступает снизу? — предположил мистер Карлайл, кивая в сторону сливного отверстия.

– Очевидно. Сейчас мы посмотрим, так ли это. – Слепой встал на колени и ощупал трубы, уходившие в пол из ванны.

– Так, на два градуса холоднее, но это еще не доказательство, так как вода ушла по этой трубе. Мистер Триггет, вам все здесь известно, не могли бы вы подняться к баку-распределителю и включить воду.

– Мне понадобится лестница, сэр.

– Паркинсон.

– У нас есть складная лестница, – сказал Паркинсон, взяв мистера Триггета за руку.

– Минутку, – вмешался Каррадос, поднимаясь на ноги, – здесь нужна осторожность, вы должны сделать это по возможности бесшумно и не зажигая света, если это возможно. Паркинсон поможет вам. Подождите, не начинайте, пока мы не отвлечем внимание в другом конце квартиры. Пошли, Льюис.

Чтобы отвлечь внимание, они качали простукивать стены и плинтуса в другой комнате с привидениями. Когда Триггет вернулся и доложил, что вода включена, Каррадос тихо показал ему, чтобы он продолжал стучать вместе с мистером Карлайлом, а сам потихоньку проскользнул в ванную.

– Насос, Паркинсон, – сказал он быстрым шепотом.

Механизм напоминал мощный автомобильный насос с небольшой приставкой. Выходную трубку насоса они закрепили на сливном отверстии ванны, входную положили на дно. Теперь в ванну можно было налить воду. Еще немного, и все было готово. Каррадос открыл кран. Надетая на него резиновая трубка заглушила шум падающей

воды. Когда воды набралось несколько дюймов, он проскользнул в соседнюю комнату, попросил своих озадаченных товарищей шуметь посильнее и снова вернулся в ванную.

— Начали, Паркинсон, — опять скомандовал он и выключил кран. В ванне было около фута воды. Паркинсон встал к насосу и попытался нажать ручку. Она не поддавалась.

— Сильнее, — потребовал Каррадос, прислушиваясь к каждому звуку.

Паркинсон сжал зубы и нажал снова. Но ручка словно упиралась в стену.

— Попробуй еще раз, — проговорил его хозяин, подбадривая слугу. — Ну-ка, дай-ка я помогу тебе... — Он тоже навалился на рукоятку насоса, и на какое-то мгновение они повисли вдвоем, как бы приготовившись к прыжку, затем что-то где-то поддалось, и поршень насоса пошел вниз.

— Теперь качай как можно быстрее, пока ванна не опустеет. Потом можешь сказать остальным, чтобы больше не стучали. — Паркинсон оглянулся и увидел, что остался один, потому что Каррадос уже бесшумно прошел по коридору и, тщательно прислушиваясь, выходил на широкую лестничную площадку.

Минуты через три какой-то возбужденный джентльмен в том состоянии одежды, которое встречается у людей во время пожара, наводнения или какого-нибудь другого ночного бедствия, выскочил из дверей квартиры номер семь и помчался вверх по лестнице к квартире номер девять, где начал изо всех сил колотить в дверь. Поскольку дверь не открылась тут же, он продолжал стучать, время от

времени громко крича: «Послушайте!» в отверстие для почты.

Окошко над дверью в квартиру светилось. Джентльмен продолжал барабанить в дверь, крича в единственное доступное отверстие и требуя ответа. Он был настолько охвачен горем, что не заметил, как сзади к нему кто-то подошел. Вдруг дверь открылась, и поток света из прихожей осветил довольно крупного, важного господина, который стоял на коленях у порога. Выбегая из своей квартиры, он успел надеть шелковую шляпу, но забыл натянуть подтяжки, и теперь они болтались у него сзади.

— Мистер Тапуорти из седьмой квартиры, не так ли? — быстро произнес появившийся в дверях человек. — Но почему вы на коленях? Позвольте, я помогу вам встать, сэр.

— Черт побери, — возмущенно фыркнул мистер Тапуорти, — вы залили всю мою квартиру. Вода струей льется с потолка ванной, скоро штукатурка начнет отваливаться, когда это прекратится? У вас что, трубу прорвало, что ли?

— Что-то вроде этого, — с безмятежным спокойствием ответил человек из квартиры номер девять, — но сейчас, кажется, все прекратилось.

— Надеюсь, действительно прекратилось, — гневно ответил первый джентльмен. — И так все хуже некуда, я пойду в контору к домовладельцу и пожалуюсь на вас. Вот что я вам скажу, мистер Белтинг, эти доходные дома превращаются в настоящий ад, да, сэр, в настоящий ад.

— Прекрасная идея, мы пойдем и все объясним: вдвоем у нас это лучше получится, — предложил мистер Белтинг, — но только не сегодня ночью, мистер Тапуорти, сейчас там уже никого нет, контора закрыта, давайте завтра...

– Я еще не настолько глуп, чтобы идти туда ночью! Да я просто не в состоянии идти туда. Если я немедленно не согрею ноги, меня свалит простуда. Без всякого сомнения, сэр, вы даже не заметили, что я промок до костей.

Мистер Белтинг мудро покачал головой:

– Никогда не следует пытаться остановить воду, когда она льется с потолка, – заметил он, – она все равно будет литься, пока не установится на одном уровне, и так далее – вы помните физику.

– Я и не пытался остановить ее, по крайней мере, не хотел делать этого. Мне пришлось временно спать не на своем обычном месте, и я должен сказать вам с глазу на глаз, строго между нами – я спал в ванной.

Сообщение о такой значительной катастрофе, казалось, в самом деле потрясло мистера Белтинга. Его глаза, похоже, даже наполнились слезами, ему пришлось отвернуться, чтобы смахнуть слезу, прежде чем он смог продолжить разговор.

– Как, вы спали прямо под моей ванной? – прошептал он.

– Конечно же, – ответил мистер Тапуорти, – все полилось прямо на меня. Струя попала мне прямо в ухо. Если вы говорите, что все это прекратилось, я пока прерву нашу беседу.

– Доброй ночи, – ответил все еще взволнованный мистер Белтинг, – доброй ночи, точнее, доброго утра, – и он подождал с открытой дверью, чтобы свет из прихожей освещал дорогу мистеру Тапуорти. Но прежде чем дверь закрылась, в луч света вступила еще одна фигура.

– Мистер Белтинг, если не ошибаюсь? – спросил не-

знакомец. – Меня зовут Каррадос. Я наблюдал за квартирой, расположенной над вами. Вы не могли бы уделить мне несколько минут?

– Как, как? Мистер Макс Каррадос?

– Он самый, – улыбнулся обладатель этого имени.

– Входите, мистер Каррадос, – воскликнул Белтинг, не только не смущенный, но явно обрадованный появлением посетителя, – входите, разумеется, входите, я так много слышал о вас. Счастлив познакомиться с вами. Идите сюда, я все знаю, я все знаю.

Он положил руку на плечо гостя и проводил его к креслу у камина.

– Какая великолепная ночь. Хотите что-нибудь выпить?

Каррадос сделал вид, что не заметил предложения, и начал разговор.

– Боюсь, что я пришел сюда не как ваш друг, – намекнул он.

– Что бы там ни было, – ответил хозяин – я не могу относиться к вам по-другому. Вы слышали Тапуорти, но вы не видели его, мистер Каррадос, я знаю, я слышал, но никакое воображение не способно восстановить внешность этого Тапуорти, этого никчемного аристократишку со всем его свинским самодовольством и чудовищным сознанием собственной важности. И он спал прямо под моей ванной! О боги, какая ночь! Но почему, почему вы перестали качать воду?

– Так вы считаете, что это я устроил потоп?

– А как же! Мой дорогой мистер Каррадос, я должен отдать вам должное. Такой удачной и забавной сцены, которую вы застали у моей двери, я не видел еще ни в одной

бытовой комедии. Действительно, в юридическом и финансовом смысле ответственность за все происшедшее, я считаю, ложится на вас.

— О, — воскликнул Каррадос, тихо рассмеявшись, и продолжил, — мне кажется, я все-таки выкручусь из этого неприятного дела. Я направлю вас к мистеру Карлайлу, частному детективу, он же, в свою очередь, направит вас к домовладельцу, по чьему поручению он действует, и тот, в свою очередь, перенесет на вас всю ответственность за беспокойство, причиненное всему дому. Я думаю, вы догадались о результатах моего расследования событий, происходивших в квартире наверху?

— Догадался ли я, мистер Каррадос? Мне не нужно было догадываться: я все знаю. Неужели вы думаете, что я мог бы хотя бы на мгновение предположить, будто такие простые уловки, как перехват двух водопроводных труб и автоматический зажигатель газа, могут обмануть человека вашего ума? Я придумал их только для того, чтобы озадачить и напугать доверчивых клерков и швейцаров.

— Так вы во всем признаетесь?

— Признаюсь ли я! Милостивый Боже, конечно же, я признаюсь во всем, мистер Каррадос, что толку отрицать это?

— Я согласен с вами и рад, что вы это понимаете. И все-таки, мне кажется, что все это не было просто шуткой. Ваше доверие ко мне позволит вам объяснить мне ваши цели?

— Ну что вы, — ответил мистер Белтинг, — я ничего не имею против этого, но только если все это останется между нами. И все же я хотел бы предложить вам... ну хоть ча-

шечку кофе. По-моему, миссис Белтинг еще не спит. Она будет в восторге... Нет? Ну, как хотите. Итак, мои цели? Поймите, мистер Каррадос, при моем положении я не испытываю недостатка в средствах и свободном времени. Но я не бездельник, наоборот, я все время чем-либо занят, я не одобряю тех, кто бесцельно тратит время, у меня множество интересов в жизни или хобби, называйте это, как хотите. Вам это будет интересно. Ведь вы же частный эксперт по криминалистике. А я, помимо всего прочего, о чем мы сейчас говорить не будем, частный эксперт по воздаянию за грехи. Повсюду люди становятся все более беспечными и неряшливыми. Наступает эпоха безответственности. Никто не старается сдержать слово, добросовестно выполнить свою работу. И вот я понемногу пытаюсь исправить положение, показывая всем логические результаты их поведения. Я стал заклятым врагом надвигающейся неряшливости. Вам смешно?

– Забавная точка зрения, – ответил Каррадос, – мне просто стало любопытно, как бы мистер Тапуорти воспринял ваше признание.

Мистер Белтинг зашелся от смеха.

– Прошу вас, не напоминайте мне о Тапуорти, или я просто не смогу продолжать разговор, – проговорил он. – В основе моего метода лежит система воспитания детей Герберта Спенсера. Вы наверняка знакомы с его работой по воспитанию? Если мальчик, не обращая внимания на предупреждения, продолжает рвать и пачкать свою одежду, не ругайте его за это. В конце концов это всего лишь чрезмерное проявление его природных инстинктов. Само собой, и себя не нужно наказывать, покупая ему новую

одежду. Когда придет время вести детей в цирк или в театр, маленький Томми не сможет пойти вместе с ними, так как ему будет стыдно идти в театр в лохмотьях. Так мальчик начинает осознавать силу логики вещественного мира. Хорошо, теперь поговорим о торговле. Если торговец обещает, и обещает письменно, доставить товар в определенное место и в определенное время, а потом не доставляет его к нужному сроку, то он обнаруживает, что его товар никому не нужен. А я, кстати, плачу только после доставки. Если со мной пытаются обойтись так же, как со всеми другими, – это не проходит. Я очень дотошен, мистер Каррадос, и с самого начала я однозначно заявляю, что, в каком виде и в какое время я хочу получить. А когда дело приближается к концу, я отбрасываю в сторону доброжелательность и твердо стою на своем. Я привел только самые простые и самые часто встречающиеся примеры. Их количество можно увеличить до бесконечности. Разумеется, это часто причиняет мне неудобства, но в конце концов надо держать марку.

– А вы опасный человек, мистер Белтинг, – заметил Каррадос, – если бы большинство жителей нашей страны были такими же, как и вы, это подорвало бы характер нации. Людям просто пришлось бы вести себя, как полагается.

– Если бы большинство людей были похожи на меня, на земле было бы невероятно трудно жить, – серьезно ответил Белтинг. – Если бы это случилось, немедленно поднялось бы движение за неряшливость и я снова оказался бы во главе этого движения. Я всегда становлюсь на сторону меньшинства.

– А как быть с нашим делом?

– Причиной всего случившегося стала растрескавшаяся кухонная раковина. Она протекает. Вам может показаться, что ради такой мелочи не стоило все это затевать, но вы, наверное, помните старую историю: два человека поспорили, кто из них первым должен воспользоваться источником, и из-за этого пол-Европы оказалось ввергнутой в тяжелейшую войну. А король Лир? Завязкой всей трагедии стала придирка к одному-единственному слову. Когда мы вселялись в эту квартиру, я не обратил внимания на раковину, а позже домовладелец, твердо поклялся, что он все исправит. Как вы считаете, можно ли заменить старую, растрескавшуюся раковину новой? Конечно, можно. Но вы же знаете этих домовладельцев, может быть, у вас есть доходный дом. Они обещают вам все на свете до тех пор, пока не подпишете контракт о найме квартиры, а потом посылают вас к черту. Теперь он нам говорит, что мы скорее всего сами разбили раковину и теперь должны менять ее за свой счет. У нас была прекрасная служанка, но она промочила ноги на кухне и простудилась, а после этого ушла. Что же мне теперь, самому покупать новую раковину? Ну, ладно, подумал я, если разумная жалоба одного из жильцов до вас не доходит, вам придется иметь дело с совершенно дикими требованиями пятидесяти остальных. Но дело не только в этом. Когда миссис Белтинг впервые услышала эту старую историю о трагедии в квартире номер одиннадцать, она была очень расстроена и поклялась мне, что ни за что не останется в этом доме ночью одна.

– Дорогая моя, – сказал я ей, – пусть призраки тебя не беспокоят, я могу вызвать такое привидение, какого никто

еще никогда и не видывал. Ты сама убедишься, как легко все в него поверят, и, если тебе снова расскажут какую-нибудь страшную историю, ты просто вспомнишь об этом и поймешь, что наверняка где-то рядом, за стенкой, сидит человек и дергает за веревочки. Теперь я абсолютно уверен, что она больше никогда не будет бояться привидений.

– Спасибо, – сказал Каррадос, поднимаясь с кресла, – я провел с вами очень занимательный вечер, мистер Белтинг. Надеюсь, в следующий раз ваш метод расплаты не доставит вам таких серьезных неприятностей.

– А почему у меня должны быть неприятности в этот раз? – быстро поинтересовался Белтинг.

– Вы знаете, жалобы жильцов, повреждение недвижимости. Домовладелец сочтет, что имеет полное право потребовать с вас возмещения убытков.

– А разве я не могу пользоваться ванной или газом в собственной квартире тогда, когда захочу, и так, как захочу?

Улыбающееся лицо мистера Белтинга приняло странное выражение. В его голосе тоже появилась любопытная нотка. Каррадос услышал это, почуял неладное и догадался, в чем дело.

– Вы великолепны, – сказал он, подняв руку, – я сдаюсь. Расскажите, как вам это удалось?

– Я знал бывшего жильца из квартиры номер одиннадцать. Срок найма истекал у него в марте, но он получил новое назначение и ему пришлось уехать. Он не хотел возиться с досрочным расторжением контракта, и я уговорил его сдать мне эту квартиру на вполне законных основаниях

с одной небольшой оговоркой: никому об этом не говорить.

– Но он же сдал ключи?

– Нет, он не сдавал ключей, он оставил их в двери, и швейцар забрал их. Никто его об этом не просил. Я имею полное право держать ключи, где захочу, не правда ли? Правда, у меня были другие... Мистер Каррадос, неужели вы в самом деле могли вообразить, что я, не имея на то никаких прав, могу проникнуть в чужую квартиру, чтобы поиграть там с газом и водой, устраивать беспорядок, топтать...

– Я ухожу, – сказал Каррадос, – мне нужно срочно вывести из квартиры своих друзей. Доброй ночи.

– Доброй ночи, мистер Каррадос, я был очень рад познакомиться с вами. Как жаль, что я так и не смог убедить вас посидеть со мной...

Артур Конан Дойл

ШЕСТЬ НАПОЛЕОНОВ

Мистер Лестрейд, сыщик из Скотланд-Ярда, нередко навещал нас по вечерам. Шерлок Холмс охотно принимал его. Лестрейд приносил всевозможные полицейские новости, а Холмс в благодарность за это выслушивал подробные рассказы о тех делах, которые были поручены сыщику, и как бы невзначай давал ему советы, черпая их из сокровищницы своего опыта и обширных познаний.

Но в этот вечер Лестрейд говорил только о погоде и о газетных известиях. Потом он вдруг умолк и стал задум-

чиво сдуть пепел с сигареты. Холмс пристально посмотрел на него.

– У вас есть для меня какое-то интересное дело?

– О нет, мистер Холмс, ничего интересного!

– В таком случае, расскажите.

Лестрейд рассмеялся:

– От вас ничего не скроешь, мистер Холмс. У меня действительно есть на примете один случай, но такой пустяковый, что я не хотел утруждать вас. Впрочем, пустяк-то пустяк, однако довольно странный пустяк, а я знаю, что вас особенно тянет ко всему необычному. Хотя, по правде сказать, это дело, скорее всего, должно бы занимать доктора Уотсона, а не нас с вами.

– Болезнь? – спросил я.

– Сумасшествие. И притом довольно странное сумасшествие. Трудно представить себе человека, который, живя в наше время, до такой степени ненавидит Наполеона Первого, что истребляет каждое его изображение, какое попадется на глаза.

Холмс откинулся на спинку кресла:

– Это дело не по моей части.

– Вот-вот, я так и говорил. Впрочем, если человек этот совершает кражу со взломом и если те изображения Наполеона, которые он истребляет, принадлежат не ему, а другим, он из рук доктора попадает опять-таки к нам.

Холмс выпрямился снова:

– Кража со взломом! Это куда любопытнее. Расскажите же мне все до малейшей подробность.

Лестрейд вытащил служебную записную книжку и перелистал ее, чтобы освежить свою память.

– О первом случае нам сообщили четыре дня назад, – сказал он. – Случай этот произошел в лавке Морза Хэдсона, который торгует картинами и статуями на Кеннингтон-роуд. Приказчик на минуту вышел из магазина и вдруг услышал какой-то треск. Он поспешил назад и увидел, что гипсовый бюст Наполеона, стоявший на прилавке вместе с другими произведениями искусства, лежит на полу, разбитый вдребезги. Приказчик выскочил на улицу, но хотя многие прохожие утверждали, что видели человека, убежавшего из лавки, приказчику не удалось догнать его. Казалось, это один из тех случаев бессмысленного хулиганства, которые совершаются время от времени... Так об этом и доложили подошедшему констеблю. Гипсовый бюст стоил всего несколько шиллингов, и все дело представлялось таким мелким, что не стоило заводить следствие.

Новый случай, однако, оказался более серьезным и притом не менее странным. Он произошел сегодня ночью. На Кеннингтон-роуд, всего в нескольких сотнях шагов от лавки Морза Хэдсона, живет хорошо известный врач, доктор Барникот, у которого обширнейшая практика на южном берегу Темзы. Доктор Барникот горячий поклонник Наполеона. Весь его дом битком набит книгами, картинами и реликвиями, принадлежавшими французскому императору. Недавно он приобрел у Морза Хэдсона две одинаковые гипсовые копии знаменитой головы Наполеона, вылепленной французским скульптором Девином. Одну из этих копий он поместил у себя в квартире на Кеннингтон-роуд, а вторую поставил на камин в хирургической на Лауэр-Брикстон-роуд. Вернувшись сегодня утром домой,

доктор Барникот обнаружил, что ночью его дом подвергся ограблению, но при этом ничего не похищено, кроме гипсового бюста, стоявшего в прихожей. Грабитель вынес бюст из дома и разбил о садовую решетку. Поутру возле решетки была найдена груда осколков.

Холмс потер руки.

– Случай действительно необыкновенный! – сказал он.

– Я был уверен, что вам этот случай понравится. Но я еще не кончил. К двенадцати часам доктор Барникот приехал к себе в хирургическую, и представьте себе его удивление, когда он обнаружил, что окно хирургической открыто и по всему полу разбросаны осколки второго бюста. Бюст был разбит на самые мелкие части. Мы исследовали оба случая, но нам не удалось выяснить, кто он, этот преступник... или этот безумец, занимающийся такими хищениями. Вот, мистер Холмс, все факты.

– Они оригинальны и даже причудливы, – сказал Холмс. – Мне хотелось бы знать, являлись ли бюсты, разбитые в комнатах доктора Барникота, точными копиями того бюста, который был разбит в лавке Морза Хэдсона?

– Их отливали в одной и той же форме.

– Значит, нельзя утверждать, что человек, разбивший бюсты, действовал под влиянием ненависти к Наполеону. Если принять во внимание, что в Лондоне находится несколько тысяч бюстов, изображающих великого императора, трудно предположить, что неизвестный фанатик совершенно случайно начал свою деятельность с уничтожения трех копий одного и того же бюста.

– Это и мне приходило в голову, – сказал Лестрейд. – Что вы об этом думаете, доктор Уотсон?

– Помешательства на одном каком-нибудь пункте безгранично разнообразны, – ответил я. – Существует явление, которое современные психологи называют «навязчивая идея». Идея эта может быть совершенно пустячной, и человек, одержимый ею, может быть здоров во всех других отношениях. Предположим, что этот маньяк слишком много читал о Наполеоне или, скажем, узнал о какой-нибудь обиде, нанесенной его предкам во время наполеоновских войн. У него сложилась «навязчивая идея», и под ее влиянием он оказался способным на самые фантастические выходы.

– Ваша теория нам не подходит, мой милый Уотсон, – сказал Холмс, покачав головой, – ибо никакая «навязчивая идея» не могла бы подсказать вашему занимательному маньяку, где находятся эти бюсты.

– А вы как это объясните?

– Я и не пытаюсь объяснить. Я только вижу, что в эксцентрических поступках этого джентльмена есть какая-то система.

Дальнейшие события произошли быстрее и оказались гораздо трагичнее, чем мы предполагали. На следующее утро, когда я одевался в своей спальне, Холмс постучал ко мне в дверь и вошел, держа в руке телеграмму. Он прочел ее вслух: «Приезжайте немедленно в Кенсингтон, Питт-стрит, 131. Лестрейд»

– Что это значит? – спросил я.

– Не знаю. Это может значить все что угодно. Но, мне кажется, это продолжение истории с бюстами. Если я не ошибаюсь, из этого следует, что наш друг маньяк перенес свою деятельность в другую часть Лондона... Кофе на столе, Уотсон, и кэб у дверей.

Через полчаса мы были уже на Питт-стрит – в узеньком переулочке, тянувшемся параллельно одной из самых оживленных лондонских магистралей. Дом № 131 оказался почтенным плоскогрудым строением, в котором не было ничего романтического. Когда мы подъехали, перед его садовой решеткой стояла толпа зевак. Холмс даже при-сви-стнул.

– Черт побери, да ведь тут по крайней мере убийство!

Лестрейд вышел нам навстречу с очень угрюмым лицом и провел нас в гостиную, по которой взад и вперед бегал необыкновенно растрепанный пожилой человек во фланелевом халате. Его нам представили. Он оказался хозяином дома, мистером Хорэсом Харкером, газетным работником Центрального синдиката печати.

– История с Наполеонами продолжается, – сказал Лестрейд.

– Вчера вечером она заинтересовала вас, мистер Холмс, и я подумал, что вам будет приятно принять участие в ее расследовании, особенно теперь, когда она привела к такому мрачному событию.

– К какому событию?

– К убийству... Мистер Харкер, расскажите, пожалуйста, этим джентльменам все, что произошло.

Человек в халате повернул к нам свое расстроенное лицо.

– Странная вещь, – сказал он. – Всю жизнь я описывал в газетах события, случавшиеся с другими людьми, а вот когда наконец у меня самого произошло такое большое событие, я до того растерялся, что двух слов не могу написать. Впрочем, ваше имя мне знакомо, мистер Шерлок

Холмс, и, если вам удастся разъяснить нам это загадочное дело, я буду вознагражден за досадную необходимость снова излагать все происшествие.

Холмс сел и принялся слушать.

– Это убийство связано с бюстом Наполеона, который я купил месяца четыре назад. Он достался мне по дешевке в магазине братьев Хардинг возле Хай-стритского вокзала. Обычно свои статьи я пишу по ночам и часто засиживаюсь за работой до утра. Так было и сегодня. Я сидел в своей норе в самом конце верхнего этажа, как вдруг около трех часов снизу до меня донесся какой-то шум. Я прислушался, но шум не повторился, и я решил, что шумели на улице. Но минут через пять я внезапно услышал ужасающий вопль – никогда еще, мистер Холмс, не приходилось мне слышать таких страшных звуков. Этот вопль будет звучать у меня в ушах до самой смерти. Минуту или две я просидел неподвижно, оцепенев от страха, потом взял кочергу и пошел вниз. Войдя в эту комнату, я увидел, что окно распахнуто и бюст, стоявший на камине, исчез. Я никак не могу понять, отчего грабитель прельстился этим бюстом. Обыкновеннейший гипсовый слепок, и цена ему грош. Как вы сами видите, человек, который вздумает прыгнуть из этого окна, попадет на ступеньки парадного хода. Так как грабитель, безусловно, удрал именно этим путем, я прошел через прихожую и открыл наружную дверь. Шагнув в темноту, я споткнулся и чуть не упал на лежавшего там мертвеца. Я пошел и принес лампу. У несчастного на горле зияла рана. Все верхние ступени были залиты кровью. Он лежал на спине, подняв колени и раскрыв рот. Это было ужасно. Он будет мне сниться каждую ночь. Я засвистел в свисток и

тотчас же потерял сознание. Больше ничего я не помню. Я очнулся в прихожей. Рядом стоял полисмен.

– Кто был убитый? – спросил Холмс.

– Этого определить не удалось. – сказал Лестрейд. – Можете сами осмотреть его в мертвецкой. Мы его уже осматривали, но ничего не узнали. Рослый, загорелый, очень сильный мужчина, еще не достигший тридцати лет. Одет бедно, но на рабочего не похож. Рядом с ним в луже крови валялся складной нож с роговой рукоятью. Не знаю, принадлежал ли он убитому или убийце. На одежде убитого не было меток, по которым можно было бы догадаться, как его зовут. В кармане нашли яблоко, веревочку, карту Лондона и фотографию. Вот она.

Это был моментальный снимок, сделанный маленьким аппаратом. На нем был изображен молодой человек с резкими чертами лица, с густыми бровями, с сильно развитыми челюстями, выступающими вперед, как у павиана. Вообще в нем было что-то обезьянье.

– А что стало с бюстом? – спросил Холмс, внимательно изучив фотографический снимок.

– Бюст удалось обнаружить только перед самым вашим приходом. Он был найден в садике перед пустым домом на Кэмпеден-Хауз-роуд. Он разбит на мелкие куски. Я как раз направляюсь туда, чтобы осмотреть его. Хотите пойти со мной?

Место, где были найдены осколки бюста, находилось всего в нескольких ярдах от дома. Впервые нам удалось увидеть это изображение великого императора, вызвавшее столь бешеную и разрушительную ненависть в сердце какого-то незнакомца. Бюст лежал в траве, разбитый на

мелкие куски. Холмс поднял несколько осколков и внимательно их исследовал. Я догадался по его напряженному лицу, что он напал на след.

– Ну что? – спросил Лестрейд.

Холмс пожал плечами.

– Нам еще много придется повозиться с этим делом, – сказал он. – И все-таки... все-таки... все-таки у нас уже есть кое-что для начала. Этот грошовый бюст в глазах того странного преступника стоил дороже человеческой жизни. Вот первый факт, установленный нами. Есть и второй факт, не менее странный. Если единственная цель преступника заключалась в том, чтобы разбить бюст, отчего он не разбил его в доме или возле дома?

– Он был ошеломлен встречей с тем человеком, которого ему пришлось убить. Он сам не понимал, что делает.

– Что ж, это правдоподобно. Однако я хочу обратить ваше внимание на дом, стоящий в саду, где был разбит бюст.

Лестрейд посмотрел вокруг.

– Дом этот пустой, – сказал он, – и преступник знал, что тут его никто не потревожит.

– Да, – возразил Холмс, – но на этой улице есть и другой пустой дом, и ему нужно было пройти мимо него, чтобы дойти до этого дома. Почему он не разбил бюст возле первого пустого дома? Ведь он понимал, что каждый лишний шаг увеличивает опасность встречи с кем-нибудь.

– Я не обратил на это внимания, – сказал Лестрейд.

Холмс ткнул в уличный фонарь, горевший у нас над головой.

– Здесь этот человек мог видеть то, что он делает, а там не мог. Вот что привело его сюда.

– Вы правы, черт побери! – сказал сыщик. – Теперь я вспоминаю, что бьюст, принадлежавший доктору Барникоту, был разбит неподалеку от его красной лампы. Но что нам делать с этим фактом, мистер Холмс?

– Запомните его. Впоследствии мы можем наткнуться на обстоятельства, которые заставят вас вернуться к нему. Какие шаги вы теперь собираетесь предпринять, Лестрейд?

– По-моему, сейчас полезнее всего заняться выяснением личности убитого. Это дело не слишком трудное. Когда мы будем знать, кто он таков и кто его товарищи, нам удастся выяснить, что он делал ночью на Питт-стрит, кого он здесь встретил и кто убил его на лестнице мистера Хорэса Харкера. Вы не согласны с этим?

– Согласен. Но я подошел бы к разрешению этой загадки совсем с другого конца.

– С какого?

– О, я не хочу влиять на вас. Вы поступайте по-своему, а я буду поступать по-своему. Впоследствии мы сравним результаты наших розысков и тем самым поможем друг другу.

– Отлично, – сказал Лестрейд.

– Вы сейчас возвращаетесь на Питт-стрит и, конечно, увидите мистера Хорэса Харкера. Так передайте ему, пожалуйста, от моего имени, что, по моему мнению, прошлой ночью его дом посетил кровожадный безумец, одержимый манией наполеононенавистничества. Это пригодится ему для статьи.

Лестрейд изумленно взглянул на Холмса:

– Неужели вы действительно так думаете?

Холмс улыбнулся:

– Так ли я думаю? Может быть, и не так. Но такая версия покажется очень любопытной мистеру Хорэсу Харкеру и подписчикам Центрального синдиката печати... Ну, Уотсон, нам сегодня предстоит хлопотливый день. Я буду счастлив, Лестрейд, если вы вечером, часов в шесть, зайдете к нам на Бейкер-стрит. А до тех пор я оставляю фотографию у себя.

Мы с Шерлоком Холмсом отправились пешком на Хай-стрит и зашли в лавку братьев Хардинг, где бюст был куплен. Молодой приказчик сообщил нам, что мистер Хардинг явится в лавку только к концу дня, а он сам не может дать нам никаких сведений, потому что служит здесь очень недавно. На лице Холмса появилось выражение разочарования и недовольства.

– Что же делать, Уотсон, невозможно рассчитывать на постоянную удачу, – сказал он наконец. – Придется зайти сюда к концу дня, раз до тех пор мистера Хардинга здесь не будет. Я, как вы, конечно, догадались, собираюсь проследить историю этих бюстов с самого начала, чтобы выяснить, не было ли при их возникновении каких-нибудь странных обстоятельств, заранее предопределивших их удивительную судьбу. Отправимся пока к мистеру Морзу Хэдсону на Кеннингтон-роуд и посмотрим, не прольет ли он хоть немного света на эту загадку.

Целый час ехали мы до лавки торговца картинами. Он оказался маленьким толстым человеком с красным лицом и язвительным характером.

– Да, сэр. Разбил на моем прилавке, сэр, – сказал он. – Чего ради мы платим налоги, если любой негодяй может ворваться к нам и перепортить товар! Да, сэр, это я продал

доктору Барникоту оба бюста. Стыд и позор, сэр! Анархистский заговор, вот что это такое, по-моему мнению. Только анархист способен разбить статую. Откуда я достал эти бюсты? Не понимаю, какое это может иметь отношение к делу. Ну что ж, если вам действительно нужно знать, я скажу. Я приобрел их у Хелдера и компании, на Черч-стрит, в Степни. Это хорошо известная фирма, существующая уже двадцать лет. Сколько я их купил? Три. Два да один равняются трем. Два я продал доктору Барникоту, а один был разбит среди белого дня на моем собственном прилавке. Знаю ли я человека, изображенного на этой фотографии? Нет, не знаю. Впрочем, знаю. Это Беппо, итальянец-ремесленник. Иногда исполняет у меня в лавке кое-какую работу. Может резать по дереву, золотить рамы, всего понемножку. Он ушел от меня неделю назад, и с тех пор я ничего о нем не слыхал. Нет, я не знаю, откуда он взялся. Где он сейчас, тоже не знаю. Я ничего против него не имею. Работал он неплохо. Он ушел за два дня до того, как у меня разбили бюст...

— Что ж, Морз Хэдсон дал нам больше сведений, чем мы могли ожидать, — сказал Холмс, когда мы вышли из лавки. — Итак, этот Беппо принимал участие и в тех событиях, которые произошли в Кенсингтоне. Ради такого факта не жаль проехать десять миль. А теперь, Уотсон, едем в Степни, к Хелдеру и компании, на родину бюстов. Не сомневаюсь, что там мы узнаем много любопытного.

Мы поспешно проехали через фешенебельный Лондон, через Лондон гостиниц, через театральный Лондон, через литературный Лондон, через коммерческий Лондон, через Лондон морской и, наконец, въехали в прибрежный район,

застроенный доходными домами. Здесь кишмя кишела беднота, выброшенная сюда со всех концов Европы. Здесь, на широкой улице, мы нашли ту скульптурную мастерскую, которую разыскивали. Мастерская находилась в обширном дворе, наполненном могильными памятниками. Она представляла собой большую комнату, в которой помещалось человек пятьдесят рабочих, занятых резьбой и формовкой. Рослый белокурый хозяин принял нас вежливо и дал ясные ответы на все вопросы Холмса. Записи в его книгах свидетельствовали, что с мраморной головы Наполеона работы Девина было отформовано множество копий, но те три бюста, которые около года назад он послал Морзу Хэдсону, составляли половину отдельной партии из шести штук. Другие три бюста из этой партии были проданы братьям Хардинг в Кенсингтоне. Нет, бюсты этой шестерки ничем не отличались от всех остальных. Нет, он не знает, по какой причине кому-нибудь может прийти в голову уничтожать эти бюсты, подобная мысль кажется ему просто смешной. Оптовая цена этих бюстов – шесть шиллингов, но в розничной продаже можно за них взять двенадцать и даже больше. Бюсты эти изготавливаются так: отливают два гипсовых слепка с двух половинок лица и потом склеивают оба профиля вместе. Всю эту работу обычно выполняют итальянцы вот в этой самой комнате. Когда бюст готов, его ставят на стол в коридоре, чтобы он высох, а потом отправляют на склад. Больше ему нечего нам рассказать.

Но тут Холмс показал хозяину фотографический снимок, и этот снимок произвел на хозяина потрясающее впечатление. Лицо его вспыхнуло от гнева, брови нависли над голубыми тевтонскими глазами.

– А, негодяй! – закричал он. – Да, я хорошо его знаю. Моя мастерская пользуется всеобщим уважением, за все время ее существования в ней только один раз была полиция... по вине вот этого субъекта! Случилось это больше года назад. Он полоснул на улице ножом другого итальянца и, удирая от полиции, вбежал ко мне в мастерскую. Здесь он и был арестован. Его звали Беппо. Фамилии его я не знаю. Я был справедливо наказан за то, что взял на работу человека, у которого такое лицо. Впрочем, он был хороший работник, один из лучших.

– К чему его присудили?

– Тот, кого он ранил, остался в живых, и поэтому его присудили только к году тюремного заключения. Не сомневаюсь, что он уже на свободе, но сюда он не посмеет и носа показать. У меня работает его двоюродный брат. Пожалуй, он может сообщить вам, где Беппо.

– Нет, нет, – вскричал Холмс, – не говорите его брату ни слова... умоляю вас, ни одного слова! Дело это очень серьезное. Чем больше я в него углубляюсь, тем серьезнее оно кажется мне. В вашей торговой книге помечено, что вы продали эти бюсты третьего июня прошлого года. А не можете ли вы мне сообщить, какого числа был арестован Беппо?

– Я могу установить это приблизительно по платежной ведомости, – ответил хозяин. – Да, – продолжал он, порывшись в своих бумагах, – последнее жалованье было ему выплачено двадцатого мая.

– Благодарю вас, – сказал Холмс. – Не буду больше отнимать у вас время и злоупотреблять вашим терпением.

Попросив его на прощание никому не рассказывать о

разговоре с нами, мы вышли из мастерской и вернулись на запад.

Полдень давно миновал, когда нам наконец удалось наспех позавтракать в одном ресторане. У входа в ресторан продавались газеты, и на особом листке, сообщающем о последних известиях, было напечатано крупными буквами: «Преступление в Кенсингтоне. Сумасшедший убийца». Заглянув в газету, мы убедились, что мистеру Хорэсу Харкеру удалось-таки напечатать свою статью. Два столбца были заполнены сенсационным и пышным описанием событий, происшедших у него в доме. Холмс разложил газету на столике и читал, не отрываясь от еды. Раз два он фыркнул.

– Все в порядке, Уотсон, – сказал он. – Послушайте: «Приятно сознавать, что не может быть разных точек зрения на это событие, ибо мистер Лестрейд, один из самых опытных полицейских агентов, и мистер Шерлок Холмс, широко известный консультант и эксперт, сошлись на том, что цепь причудливых происшествий, окончившихся так трагически, свидетельствует о безумии, а не о преступлении. Рассказанные нами факты не могут быть объяснены ничем, кроме помешательства». Печать, Уотсон, – настоящее сокровище, если уметь ею пользоваться. А теперь, если вы уже поели, мы вернемся в Кенсингтон и послушаем, что нам расскажет владделец «Братьев Хардинг».

Основатель этого большого торгового дома оказался проворным, вертлявым человеком, очень подвижным и быстрым, сообразительным и болтливым.

– Да, сэр, я уже все знаю из вечерних газет. Мистер Хорэс Харкер – наш постоянный покупатель. Мы продали

ему этот бюст несколько месяцев назад. Три таких бюста мы получили у Гельдера и компании в Степни. Они уже проданы. Кому? Я загляну в свою торговую книгу и отвечу вам. Да, вот тут все записано. Один бюст – мистеру Харкеру, другой – мистеру Джосае Брауну, живущему в Чизике, на Лабурнумвэли, в Лабурнумлодж, а третий-мистеру Сэндфорду, живущему в Рединге, на Лауэр-Гровроуд.

Пока мистер Хардинг говорил, Холмс что-то записывал. Вид у него был чрезвычайно довольный. Однако он ничего не объяснил мне и только сказал, что нам нужно торопиться, потому что нас ждет Лестрейд. Действительно, когда мы приехали на Бейкер-стрит, сыщик уже ждал нас, нетерпеливо шагая по комнате. По его важному виду нетрудно было догадаться, что день прошел для него не бесплодно.

– Как дела, мистер Холмс? – спросил он.

– Нам пришлось как следует поработать, и поработали мы недаром, – сказал мой друг. – Мы посетили обоих лавочников и хозяина мастерской. Я проследил судьбу каждого бюста с самого начала.

– Судьбу каждого бюста! – воскликнул Лестрейд. – Ладно, ладно, мистер Холмс, у всякого свои методы, и я не собираюсь спорить с вами, но мне кажется, что я за день достиг большего, чем вы. Я установил личность убитого.

– Да что вы говорите!

– И определил причину преступления.

– Превосходно!

– У нас есть инспектор, специалист по части итальянских кварталов. А на шее убитого оказался католический

крестик. Кроме того, смуглый оттенок его кожи невольно наводит на мысль, что он уроженец юга. Инспектор Хилл узнал его с первого взгляда. Его зовут Пьетро Венуччи, он родом из Неаполя, один из самых страшных головорезов Лондона. Как видите, все начинает проясняться. Его убийца тоже, вероятно, итальянец. Пьетро выслеживал его. Он носил в кармане его фотографию, чтобы по ошибке не зарезать кого-нибудь другого. Он выследил своего врага, видел, как тот вошел в дом, дождался, когда тот вышел, напал на него и в схватке получил смертельную рану... Что вы об этом думаете, мистер Шерлок Холмс?

Холмс с жаром пожал ему руки.

– Превосходно, Лестрейд, превосходно! – воскликнул он.

– Но я не вполне понимаю, как вы объясните уничтожение бюстов.

– Опять бюсты! Вы никак не можете выкинуть эти бюсты из головы. В конце концов, история с этими бюстами – пустяки. Мелкая кража, за которую можно присудить самое большее к шести месяцам тюрьмы. Вот убийство – стоящее дело, и, как видите, я уже держу в своих руках все нити.

– Как же вы собираетесь поступить дальше?

– Очень просто. Я отправлюсь вместе с Хиллом в итальянский квартал, мы разыщем человека, изображенного на той фотографии, и я арестую его по обвинению в убийстве. Хотите пойти с нами?

– Едва ли. Пожалуй, нет. Мне кажется, мы добьемся успеха гораздо проще. Не могу ручаться, потому что это зависит... Словом, это зависит от одного обстоятельства,

которое не в нашей власти. Два шанса за успех и один против. Итак, я надеюсь, что, если вы пойдете со мною сегодня ночью, мы арестуем его.

– В итальянском квартале?

– Нет. По-моему, гораздо вернее искать его в Чизике. Если вы, Лестрейд, сегодня ночью поедете со мной в Чизик, я обещаю вам завтра отправиться с вами в итальянский квартал. От этой отсрочки никакого вреда не будет. А теперь нужно немного поспать, потому что выходить раньше одиннадцати часов нет смысла, а вернуться нам удастся, вероятно, только утром. Пообедайте с нами, Лестрейд, и ложитесь на этот диван. А вы, Уотсон, позвоните и вызовите рассыльного. Мне необходимо немедленно отправить письмо.

Холмс провел вечер, роясь в кипах старых газет, которыми был завален один из наших чуланов. Когда он наконец вышел из чулана, в глазах его сияло торжество, но он ничего не сказал нам о результатах своих поисков. Я уже так изучил методы моего друга, что, даже не понимая его замысла целиком, догадывался, каким образом он рассчитывает захватить преступника. Этот странный преступник теперь попытается уничтожить два оставшихся бюста, один из которых находится, как я запомнил, в Чизике. Несомненно, цель нашего ночного похода – захватить его на месте преступления. Я не мог не восхищаться хитростью моего друга, который нарочно сообщил вечерней газете совершенно ложные догадки, чтобы убедить преступника, что тот может действовать без всякого риска. И я не удивился, когда Холмс посоветовал мне захватить с собой револьвер. Он сам взял с собой свое лю-

бимое оружие – охотничий хлыст, в рукоять которого налит свинец.

В одиннадцать часов у наших дверей остановился экипаж. По Хаммерсмитскому мосту мы переехали на противоположный берег Темзы. Здесь кучер получил приказание подождать. Мы пошли пешком и вскоре вышли на пустынную дорогу, окруженную изящными домиками. Вокруг каждого домика был маленький сад. При свете уличного фонаря на воротах одного из них мы прочли надпись: «Вилла Лабурнум». Обитатели дома, вероятно, уже спали, так как весь дом был погружен во тьму, и только круглое оконце над входной дверью тускло сияло, бросая пятно света на садовую тропинку. Мы вошли в ворота и притаились в густой тени деревянного забора, отделяющего садик от дороги.

Впрочем, ожидание наше оказалось недолгим и окончилось самым неожиданным и странным образом. Внезапно, без всякого предупреждения, садовая калитка запахнулась, и гибкая темная фигурка, быстрая и подвижная, как обезьяна, помчалась по садовой тропинке. Мы видели, как она мелькнула в луче света, падавшем из окна, и исчезла в черной тени. Наступила долгая тишина, во время которой мы стояли затаив дыхание. Наконец слабый треск коснулся нашего слуха – это запахнулось окно. Потом снова наступила тишина. Преступник бродил по дому. Мы внезапно увидели, как вспыхнул в комнате свет его потайного фонаря. Того, что он искал, там, вероятно, не оказалось, потому что через минуту свет переместился в другую комнату.

– Идемте к открытому окну. Мы схватим его, когда он выпрыгнет, – прошептал Лестрейд.

Но преступник выпрыгнул из окна раньше, чем мы успели двинуться с места. Он остановился в луче света, держа под мышкой что-то белое, потом воровато оглянулся. Тишина пустынной улицы успокоила его. Повернувшись к нам спиной, он опустил свою ношу на землю, и через мгновение мы услышали сначала стук сильного удара, а затем постукивание и потрескивание. Он так погрузился в свое занятие, что не расслышал наших крадущихся шагов. Холмс, как тигр, прыгнул ему на спину, а мы с Лестрейдом схватили его за руки и надели на него наручники. Когда он обернулся, я увидел безобразное бледное лицо, искаженное злобой, и убедился, что это действительно тот человек, которого я видел на фотографии.

Но не на пленника устремил Холмс все свое внимание. Он самым тщательным образом исследовал то, что наш пленник вынес из дома. Это был разбитый вдребезги бюст Наполеона, совершенно такой же, как тот, что мы видели сегодня поутру. Холмс поочередно подносил к свету каждый осколок, не пропустив ни одного, но все они несколько не отличались от любых других обломков гипса. Едва он успел закончить свое исследование, как дверь отворилась и перед нами предстал хозяин дома – добродушный полный мужчина в рубашке и брюках.

– Мистер Джосайя Браун, если не ошибаюсь? – сказал Холмс.

– Да, сэр. А вы, без сомнения, мистер Шерлок Холмс? Посыльный принес мне вашу записку, и я поступил так, как вы мне посоветовали. Мы закрыли все двери и ждали, что произойдет. Рад видеть, что негодяй не ушел от вас. Пожалуйста, джентльмены, в дом, выпейте на дорогу.

Но Лестрейду хотелось поскорее доставить пленника в надежное убежище, и через несколько минут наш кэб уже вез нас четверых в Лондон. Пленник не произнес ни слова; он злобно глядел на нас из-под шапки курчавых волос.

В полицейском участке его тщательно обыскали, но не нашли ничего, кроме нескольких шиллингов и длинного кинжала, на рукояти которого были обнаружены следы крови.

– Все в порядке, – сказал Лестрейд, прощаясь с нами. – Хилл знает этих людей и без труда установит его личность. Увидите, моя версия подтвердится полностью. Однако я очень благодарен вам, мистер Холмс, за то, что вы с таким мастерством устроили преступнику ловушку. Я до сих пор не совсем понимаю, как вам пришло это в голову.

– Боюсь, в такой поздний час не стоит заниматься разъяснениями, – сказал Холмс. – Кроме того, некоторые подробности еще не вполне установлены, а это дело – одно из тех, которые необходимо доводить до конца. Если вы заглянете ко мне завтра в шесть, я докажу вам, что даже сейчас мы еще не вполне понимаем подлинное значение этого своеобразного дела.

Посетив нас на следующий вечер, Лестрейд сообщил нам все, что удалось установить о личности арестованного. Фамилия его неизвестна, а зовут его Беппо. Это самый отчаянный головорез во всем итальянском квартале. Когда-то он был искусным скульптором, но потом сбился с пути и дважды побывал в тюрьме: один раз – за мелкое воровство, другой раз – за нанесение раны своему земляку. По-английски говорит он превосходно. До сих пор не выяснено, ради чего он разбивал бюсты, и он упорно отка-

зывается отвечать на вопросы об этом. Но полиции удалось установить, что он сам умеет изготавливать бюсты и что он изготавливал их, работая в мастерской Гельдера и компании.

Все эти сведения, большая часть которых была нам уже известна. Холмс выслушал с вежливым вниманием, но я, знающий его хорошо, заметил, что мысли его заняты чем-то другим, и сквозь маску, которую он надел на себя, ясно увидел, что он чего-то ждет и о чем-то тревожится. Наконец он вскочил со стула, глаза у него заблестели. Раздался звонок. Через минуту мы слышали шаги, и в комнату вошел пожилой краснолицый человек с седыми бакенбардами. В правой руке он держал старомодный чемоданчик. Войдя, он поставил его на стол.

– Можно видеть мистера Шерлока Холмса?

Мой друг поклонился, и на лице его показалась улыбка.

– Мистер Сэндфорд из Рединга, если не ошибаюсь? – сказал он.

– Да, сэр. Я, кажется, немного запоздал, но расписание поездов составлено так неудобно... Вы писали мне об имеющемся у меня бюсте.

– Совершенно верно.

– Я захватил с собой ваше письмо. Вы пишете: «Желая приобрести слепок с бюста Наполеона работы Девина, я готов заплатить десять фунтов за тот слепок, который принадлежит вам». Так ли это?

– Именно так.

– Ваше письмо меня очень удивило, потому что я не мог догадаться, каким образом вы узнали, что у меня есть этот бюст.

– А между тем все это объясняется очень просто. Ми-

стер Хардинг, владелец торгового дома «Братья Хардинг», сказал мне, что продал вам последнюю копию этого бюста, и сообщил мне ваш адрес.

— Понимаю. А он сказал вам, сколько я заплатил ему за этот бюст?

— Нет, не говорил.

— Я человек честный, хотя и не слишком богатый. Я заплатил за этот бюст только пятнадцать шиллингов, и я хочу поставить вас об этом в известность, прежде чем получу от вас десять фунтов.

— Такая щепетильность делает вам честь, мистер Сэндфорд. Но я сам назвал эту цену и не намерен от нее отказываться.

— Это очень благородно с вашей стороны, мистер Холмс. Я, согласно вашей просьбе, захватил бюст с собой. Вот он.

Он раскрыл чемодан, и наконец мы увидели у себя на столе в совершенно исправном состоянии тот бюст, который до сих пор нам удавалось видеть только в осколках.

Холмс вынул из кармана листок бумаги и положил на стол десятифунтовый кредитный билет.

— Будьте любезны, мистер Сэндфорд, подпишите эту бумагу в присутствии вот этих свидетелей. Здесь сказано, что вы уступаете мне все права, вытекающие из владения этим бюстом. Я, как видите, человек предусмотрительный. Никогда нельзя знать заранее, как впоследствии обернутся обстоятельства... Благодарю вас, мистер Сэндфорд. Вот ваши деньги. Желаю вам всего хорошего.

Когда наш посетитель удалился, Шерлок Холмс снова удивил нас. Он начал с того, что достал из комода чистую

белую скатерть и накрыл ею стол. Потом он поставил только что купленный бюст на самую середину скатерти. Затем он поднял свой охотничий хлыст и тяжелой его рукоятью стукнул Наполеона по макушке. Бюст разлетелся на куски, и Холмс самым тщательным образом оглядел каждый кусок. Наконец с победным криком он протянул нам осколок, в котором находилось что-то круглое, темное, похожее на изюминку, запеченную в пудинге.

– Джентльмены! – воскликнул он. – Разрешите представить вам знаменитую черную жемчужину Борджиев⁵! Мы с Лестрейдом молчали; затем, охваченные внезапным порывом, начали аплодировать, как аплодируют в театре удачной развязке драмы. Бледные щеки Холмса порозовели, и он поклонился нам, как кланяется драматург, вызванными на сцену рукоплесканиями зрителей. – Да, джентльмены, – сказал он, – это самая знаменитая жемчужина во всем мире, и, к счастью, мне путем размышлений удалось проследить ее судьбу от спальни князя Колонны в гостинице «Дакр», где она пропала, до внутренних помещений последнего из шести бюстов Наполеона, изготовленных в мастерской Хелдера и компании, в Степни.

Вы, конечно, помните, Лестрейд, сенсационное исчезновение этого драгоценного камня и безуспешные попытки лондонской полиции найти его. Полиция обращалась за помощью даже ко мне, но и я был бессилен помочь. Подозрения пали на горничную княгини, родом итальянку. Всем было известно, что у этой горничной есть в Лондоне

⁵ Борджиа – богатый и знатный род, игравший видную роль в истории Италии XV века.

брат, но никаких связей между ними установить не удалось. Горничную звали Лукреция Венуччи, и я не сомневаюсь, что Пьетро, которого убили двое суток назад, был ее братом. Я просмотрел старые газеты и обнаружил, что исчезновение жемчужины произошло за два дня до ареста Беппо. А Беппо был арестован в мастерской Хелдера и компании как раз в то время, когда там изготавливались эти бюсты.

Теперь вам ясна последовательность событий. Жемчужина была у Беппо. Возможно, он украл ее у Пьетро; возможно, он был сам соучастником Пьетро; возможно, он был посредником между Пьетро и его сестрой. В сущности, для нас не важно, которое из этих предположений правильное. Для нас важно, что жемчужина у него была как раз в то время, когда за ним погналась полиция.

Он вбежал в мастерскую, где работал. Он знал, что у него есть всего несколько минут для того, чтобы спрятать необычайной ценности добычу, которую непременно найдут, если станут его обыскивать. Шесть гипсовых бюстов Наполеона сохли в коридоре. Один из них был еще совсем мягкий. Беппо, искусный работник, мгновенно проделал отверстие во влажном гипсе, сунул туда жемчужину и несколькими мазками придал бюсту прежний вид. Это было превосходное хранилище, найти там жемчужину невозможно. Но Беппо приговорили к году тюремного заключения, а тем временем все шесть бюстов были проданы в разные концы Лондона. Он не мог знать, в котором из них находится его сокровище. Только разбив все бюсты, он мог найти жемчужину.

Однако Беппо не отчаивался. Он принялся за поиски

вдохновенно и последовательно. С помощью двоюродного брата, работавшего у Хелдера, он узнал, каким фирмам были проданы эти бюсты. Ему посчастливилось получить работу у Морза Хэдсона, и он выследил три бюста. В этих трех жемчужины не оказалось. С помощью своих сородичей он разведal, кому были проданы остальные три бюста. Первый из них находился у Харкера. Тут Беппо был выслежен своим сообщником, который считал его виновником пропажи жемчужины, и между ними произошла схватка.

– Если Пьетро был его сообщником, для чего он таскал с собой его фотографию? – спросил я.

– Чтобы можно было расспрашивать о нем у посторонних, это наиболее вероятное предположение. Словом, я пришел к убеждению, что после убийства Беппо не только не отложит, а, напротив, ускорит свои поиски. Он постарается опередить полицию, боясь, как бы она не разнюхала его тайну. Конечно, я не мог утверждать, что он не нашел жемчужины в бюсте, принадлежавшем Харкеру. Я даже не знал наверняка, что это именно жемчужина, но для меня было ясно, что он что-то ищет, так как он разбивал похищенные бюсты только в тех местах, где был свет. Бюст у Харкера был один из трех, и, следовательно, шансы были распределены именно так, как я говорил вам: один шанс «против» и два – «за». Оставались два бюста, и было ясно, что он начнет с того, который находится в Лондоне. Я предупредил обитателей дома, чтобы избежать второй трагедии, и мы достигли блестящих результатов. К этому времени я уже твердо знал, что мы охотимся за жемчужинной Борджиев. Имя убитого связало все факты воедино.

Оставался всего один бюст – тот, который находился в Рединге, – и жемчужина могла быть только в нем. Я купил этот бюст в вашем присутствии. И вот жемчужина.

Мы несколько мгновений молчали.

– Да, – сказал Лестрейд, – много раз убеждался я в ваших необычайных способностях, мистер Холмс, но такого мастерства мне еще встречать не приходилось.

– Спасибо! – сказал Холмс. – Спасибо!

ВТОРОЕ ПЯТНО

Я думал, что больше мне не придется писать о славных подвигах моего друга Шерлока Холмса. Не то чтобы у меня не было материалов. Напротив, я храню записи о сотнях случаев, никогда еще не упоминавшихся мною. Точно так же нельзя сказать, чтобы у читателей пропал интерес к своеобразной личности и необычным приемам работы этого замечательного человека. Настоящая причина заключалась лишь в том, что Шерлок Холмс ни за что не хотел, чтобы в печати продолжали появляться рассказы о его приключениях. Пока он не отошел от дел, отчеты о его успехах представляли для него практический интерес; когда же он окончательно покинул Лондон и посвятил себя изучению и разведению пчел на холмах Суссекса, известность стала ему ненавистна, и он настоятельно потребовал, чтобы его оставили в покое. Только после того, как я напомнил ему, что я дал обещание напечатать в свое время этот рассказ, «Второе пятно», и убедил его, что было бы очень уместно завершить весь цикл рассказов столь важным эпизодом из области международной политики – од-

ним из самых ответственных, какими Холмсу приходилось когда-либо заниматься, — я получил от него согласие на опубликование этого дела, так строго хранимого в тайне. Если некоторые детали моего рассказа и покажутся туманными, читатели легко поймут, что для моей сдержанности есть достаточно веская причина.

Однажды осенью, во вторник утром (год и даже десятилетие не могут быть указаны), в нашей скромной квартире на Бейкер-стрит появились два человека, пользующиеся европейской известностью. Один из них, строгий, надменный, с орлиным профилем и властным взглядом, был не кто иной, как знаменитый лорд Беллинджер, дважды занимавший пост премьер-министра Великобритании. Второй, элегантный брюнет с правильными чертами лица, еще не достигший среднего возраста и одаренный не только красотой, но и тонким умом, был Трелони Хоуп, пэр Англии и министр по европейским делам, самый многообещающий государственный деятель нашей страны.

Посетители сели рядом на заваленный бумагами диван. По взволнованным и утомленным лицам легко было догадаться, что их привело сюда спешное и чрезвычайно важное дело. Худые, с просвечивающими венами руки премьера судорожно сжимали костяную ручку зонтика. Он мрачно и настороженно смотрел то на Холмса, то на меня.

Министр по европейским делам нервно теребил усы и перебирал брелоки на цепочке часов.

— Как только я обнаружил пропажу, мистер Холмс, — а это произошло сегодня в семь часов утра, — я немедленно известил премьер-министра, и он предложил, чтобы мы оба пришли к вам, — сказал он.

– Вы известили полицию?

– Нет, сэр! – сказал премьер-министр со свойственными ему быстротой и решительностью. – Не известили и никогда не стали бы извещать. Известить полицию – значит предать дело гласности. А этого-то мы прежде всего и хотим избежать.

– Но почему же, сэр?

– Документ, о котором идет речь, настолько важен, что оглашение его может легко привести, и, пожалуй, в настоящий момент непременно приведет, к международному конфликту. Могу без преувеличения сказать, что вопросы мира и войны зависят от этого документа. Если розыски его не могут проходить в совершенной тайне, лучше совсем отказаться от них, так как этот документ похитили именно для того, чтобы предать его широкой огласке.

– Понимаю. А теперь, мистер Трелони Хоуп, я буду вам весьма признателен, если вы расскажете мне подробно, при каких обстоятельствах исчез этот документ.

– Я вам изложу все в нескольких словах, мистер Холмс... Этот документ – письмо от одного иностранного монарха – был получен шесть дней назад. Письмо имеет такое большое значение, что я не решался оставлять его в сейфе министерства и каждый вечер уносил с собой домой, на Уайтхолл-террас, где хранил его в спальне, в закрытой на ключ шкатулке для официальных бумаг. Оно находилось там и вчера вечером, я уверен в этом. Когда я одевался к обеду, я еще раз открыл шкатулку и убедился, что документ на месте. А сегодня утром письмо исчезло. Шкатулка стояла около зеркала на моем туалетном столе всю ночь.

Сплю я чутко, моя жена тоже. Мы оба готовы поклясться, что никто ночью не входил в комнату.

— В котором часу вы обедали?

— В половине восьмого.

— Когда вы легли спать?

— Моя жена была в театре. Я ждал ее. Мы ушли в спальню около половины двенадцатого.

— Значит, в течение четырех часов шкатулка никем не охранялась?

— В спальню входить не позволено никому, кроме горничной — по утрам и моего камердинера или камеристки моей жены — в течение остальной части дня. Но эти двое — верные слуги и давно живут у нас в доме. Кроме того, ни один из них не мог знать, что в шкатулке хранится нечто более ценное, чем простые служебные бумаги.

— Кто знал о существовании этого письма?

— В моем доме — никто.

— Но ваша жена, конечно, знала?

— Нет, сэр. Я ничего не говорил моей жене до сегодняшнего утра, пока не обнаружил пропажу письма.

Премьер одобрительно кивнул головой.

— Я всегда знал, как велико ваше чувство долга, сэр, — сказал он. — Не сомневаюсь, что в столь важном и секретном деле оно оказалось бы сильнее даже самых тесных семейных уз.

Министр по европейским делам поклонился.

— Совершенно справедливо, сэр. До сегодняшнего утра я ни одним словом не обмолвился жене об этом письме.

— Могла ли она догадаться сама?

— Нет, мистер Холмс, она не могла догадаться, да и никто не мог бы.

– А прежде у вас пропадали документы?

– Нет, сэр.

– Кто здесь в Англии знал о существовании этого письма?

– Вчера о письме были извещены все члены кабинета. Но требование хранить тайну, которое сопровождает каждое заседание кабинета, на этот раз было подкреплено торжественным предупреждением со стороны премьер-министра. Боже мой, и подумать только, что через несколько часов я сам потерял его!

Отчаяние исказило красивое лицо Трелони Хоупа. Он схватился за голову. На мгновение перед нами открылись подлинные чувства человека порывистого, горячего и остро впечатлительного.

Но тут же маска высокомерия снова появилась на его лице, и уже спокойным голосом он продолжал:

– Кроме членов кабинета, о существовании письма знают еще два, возможно, три чиновника департамента, и больше никто во всей Англии, уверяю вас, мистер Холмс.

– А за границей?

– За границей, я уверен, не видел этого письма никто, кроме того, кто его написал. Я твердо убежден, что даже его министры... то есть я хотел сказать, что при отправлении оно миновало обычные официальные каналы.

Холмс на некоторое время задумался, затем сказал:

– А теперь, сэр, я должен получить более точное представление, что это за документ и почему его исчезновение повлечет за собой столь серьезные последствия.

Два государственных деятеля обменялись быстрым взглядом, и премьер нахмурил густые брови:

– Мистер Холмс, письмо было в длинном, узком голубом конверте. На красной сургучной печати изображен приготовившийся к нападению лев. Адрес написан крупным твердым почерком...

– Эти подробности, – прервал его Холмс, – конечно, очень интересны и существенны, но мне надо знать содержание письма. О чем говорилось в нем?

– Это строжайшая государственная тайна, и боюсь, что я не могу ответить вам, тем более что не вижу в этом необходимости. Если с помощью ваших необычайных, как говорят, способностей вам удастся найти соответствующий моему описанию конверт вместе с его содержимым, вы заслужите благодарность своей страны и получите любое вознаграждение, которое будет в наших возможностях.

Шерлок Холмс, улыбаясь, встал.

– Я понимаю, конечно, что вы принадлежите к числу самых занятых людей Англии, – сказал он, – но и моя скромная профессия отнимает у меня много времени. Очень сожалею, что не могу быть вам полезным в этом деле, и считаю дальнейшее продолжение нашего разговора бесполезной тратой времени.

Премьер-министр вскочил. В его глубоко сидящих глазах сверкнул тот недобрый огонь, который нередко заставлял съеживаться от страха сердца членов кабинета.

– Я не привык, сэр... – начал он, но овладел собой и снова занял свое место.

Минуту или более мы сидели молча. Затем старый государственный деятель пожал плечами:

– Мы вынуждены принять ваши условия, мистер Холмс. Вы безусловно правы, и с нашей стороны нера-

зумно ожидать от вас помощи, пока мы не доверимся вам полностью.

– Я согласен с вами, сэр, – сказал молодой дипломат.

– Хорошо, я расскажу вам все, но полагаюсь целиком на вашу скромность и на скромность вашего коллеги, доктора Уотсона. Я взываю к вашему патриотизму, джентльмены, ибо не могу представить себе большего несчастья для нашей страны, чем разглашение этой тайны.

– Вы можете вполне довериться нам.

– Так вот, это письмо одного иностранного монарха; он обеспокоен недавним расширением колоний нашей страны. Оно было написано в минуту раздражения и лежит целиком на его личной ответственности. Наведение справок показало, что его министры ничего не знают об этом письме. К тому же тон письма довольно резкий, и некоторые фразы носят столь вызывающий характер, что его опубликование несомненно взволновало бы общественное мнение Англии. И даже более, сэр: могу сказать не колеблясь, что через неделю после опубликования письма наша страна будет вовлечена в большую войну.

Холмс написал имя на листке бумаги и показал его премьер-министру.

– Совершенно верно, это он. И именно это письмо, которое, возможно, повлечет за собой миллионные расходы и гибель сотен тысяч людей, исчезло таким загадочным образом.

– Вы известили автора письма?

– Да, сэр, была отправлена зашифрованная телеграмма.

– Но, может быть, он и рассчитывал на опубликование письма?

– Нет, сэр! У нас есть все основания полагать, что он уже понял неосторожность и опрометчивость своего поступка. Опубликование письма было бы для него и для его страны еще большим ударом, чем для нас.

– Если так, то в чьих же интересах раскрыть содержание этого письма? Для чего кому-то понадобилось украсть его?

– Тут, мистер Холмс, вы заставляете меня коснуться области высокой международной политики. Если вы примете во внимание ситуацию в Европе, вам будет нетрудно понять мотив преступления. Европа представляет собой вооруженный лагерь. Существуют два союза, имеющие равную военную силу. Великобритания держит нейтралитет. Если бы мы были вовлечены в войну с одним союзом, это обеспечило бы превосходство другого, даже независимо от того, участвовал бы он в ней или нет. Вы понимаете?

– Все совершенно ясно. Итак, в краже и разглашении письма заинтересованы враги этого монарха, стремящиеся посеять раздор между его страной и нами?

– Да, сэр.

– А кому могли переслать этот документ, если бы он попал в руки врага?

– Любому из европейских правительств. Весьма возможно, что в настоящий момент оно несется по назначению с такой скоростью, какую только способен развить пароход.

Министр Трелони Хоуп опустил голову на грудь в тяжело вздохнул. Премьер ласково положил руку ему на плечо:

– С вами случилось несчастье, мой дорогой друг. Никто не решится обвинить вас – вы приняли все меры предосторожности... Теперь, мистер Холмс, вам известно все. Что вы посоветуете предпринять?

Холмс печально покачал головой:

– Вы полагаете, сэр, что война неизбежна, если этот документ не будет возвращен?

– Думаю, что она вполне возможна.

– Тогда, сэр, готовьтесь к войне.

– Это жестокие слова, мистер Холмс!

– Примите во внимание факты, сэр. Я не допускаю, что письмо было похищено после половины двенадцатого ночи, так как с этого часа и до момента, когда обнаружена пропажа, мистер Хоуп и его жена находились в спальне. Значит, оно было похищено вчера вечером, между половиной восьмого и половиной двенадцатого – вероятно, ближе к половине восьмого, потому что вор знал, где оно лежит, и, конечно, постарался завладеть им как можно раньше. А теперь, сэр, если такой важный документ похищен еще вчера, то где он может быть сейчас? У вора нет никаких причин хранить его. Скорее всего, его уже передали заинтересованному лицу. Какие же у нас теперь шансы перехватить его или даже напасть на его след? Оно для нас недостижимо.

Премьер-министр поднялся с дивана:

– Вы рассуждаете совершенно логично, мистер Холмс. Я вижу, что тут действительно ничего нельзя сделать.

– Допустим, например, что документ был похищен горничной или лакеем...

– Они оба – старые и верные слуги.

— Насколько я понял, спальня находится на втором этаже и не имеет отдельного хода с улицы, а из передней в нее нельзя подняться незамеченным. Значит, письмо похитил кто-то из домашних. Кому вор мог передать его? Одному из международных шпионов и секретных агентов, имена которых мне хорошо известны. Есть три человека, которые, можно сказать, возглавляют эту компанию. Я начну с того, что узнаю, чем занят сейчас каждый из них. Если кто-нибудь из них уехал, в особенности же если он уехал вчера вечером, мы будем знать, куда делся этот документ.

— А зачем ему уезжать? — спросил министр по европейским делам. — Он мог бы с таким же успехом отнести письмо в посольство здесь же в Лондоне.

— Не думаю. Эти агенты работают совершенно самостоятельно и часто находятся в довольно натянутых отношениях с посольствами.

Премьер-министр кивком головы подтвердил это:

— Полагаю, что вы правы, мистер Холмс. Он собственноручно доставит такой ценный подарок к месту назначения. Ваш план действий мне кажется абсолютно верным. Однако, Хоуп, нам не следует из-за этого несчастия забывать о прочих наших обязанностях. Если в течение дня произойдут новые события, мы сообщим вам, мистер Холмс, и вы, разумеется, информируете нас о результатах ваших собственных расследований.

Министры поклонились и с видом, полным достоинства, вышли из комнаты.

Когда наши высокопоставленные гости ушли, Холмс молча закурил трубку и на некоторое время погрузился в

глубокую задумчивость. Я развернул утреннюю газету и начал читать о сенсационном преступлении, которое было совершено в Лондоне накануне вечером, как вдруг мой приятель громко вскрикнул, вскочил на ноги и положил трубку на камин.

— Да, — сказал он, — лучшего пути нет. Положение отчаянное, но не безнадежное. Сейчас, необходимо хотя бы узнать, кто этот похититель, — ведь, возможно, письмо еще не ушло из его рук. В конце концов, этих людей интересуют только деньги, а к моим услугам — казначейство Британии. Если письмо продается, я куплю его... даже если правительству придется увеличить на пенни подоходный налог. Возможно, этот человек все еще держит его при себе: надо же ему узнать, какую цену предложат здесь, прежде чем попытаться свое счастье за границей! Есть только три человека, способные на такую смелую игру: это Оберштейн, Ля Ротьер и Эдуард Лукас. Я повидаюсь со всеми.

Я заглянул в утреннюю газету:

— Эдуард Лукас с Годолфин-стрит?

— Да.

— Вы не можете повидаться с ним.

— Почему?

— Вчера вечером он был убит в своем доме.

Мой друг так часто удивлял меня во время наших приключений, что я испытал чувство торжества, увидев, как поразило его мое сообщение. Он в изумлении уставился на меня, затем выхватил из моих рук газету. Вот та заметка, которую я читал в ту минуту, когда Холмс встал со своего кресла:

УБИЙСТВО В ВЕСТМИНСТЕРЕ.

Вчера вечером в доме № 16 на Годолфин-стрит совершено таинственное преступление. Годолфин-стрит – одна из тех старинных тихих улиц, которые тянутся между рекою и Вестминстерским аббатством, почти под сенью большой башни здания парламента. Большинство ее домов построено еще в XVIII веке. В одном из этих домов, в маленьком, но изысканном особняке, несколько лет подряд проживал мистер Эдуард Лукас, хорошо известный в обществе как обаятельный человек, один из лучших теноров-любителей Англии. Мистер Лукас был холост: ему было тридцать четыре года; его прислуга состояла из пожилой экономки миссис Прингл и лакея Миттона. Экономка обычно по вечерам не работала; она рано поднималась к себе в комнату, расположенную в верхнем этаже дома. Лакей в этот вечер отправился навестить приятеля в Хам Мерсмите. С десяти часов мистер Лукас оставался в квартире один. Пока еще не выяснено, что произошло за это время, но без четверти двенадцать констебль Бэррет, проходя по Годолфин-стрит, заметил, что дверь дома № 16 приоткрыта. Он постучал, но не получил ответа. Увидев в первой комнате свет, он вошел в коридор и снова постучал, но и на этот раз ему не ответили. Тогда он отворил, дверь и вошел.

В комнате царил страшный беспорядок: вся мебель была сдвинута в сторону, посередине валялся опрокинутый стул. Около этого стула, все еще сжимаемая рукой его ножку, лежал несчастный владелец дома. Он был убит ударом ножа прямо в сердце, причем смерть, вероятно, наступила мгновенно. Нож, которым было совершено

убийство, оказался кривым индийским кинжалом, взятым из коллекции восточного оружия, украшавшего одну из стен комнаты. Убийство, по-видимому, было совершено не с целью грабежа, ибо ценные вещи, находившиеся в комнате, остались нетронутыми.

Мистер Эдуард Лукас был настолько известен и любим всеми, что сообщение о его насильственной и загадочной смерти встречено искренней скорбью его многочисленных друзей.

– Ну, Уотсон, что вы думаете об этом? – спросил Холмс после долгого молчания.

– Удивительное совпадение!

– Совпадение? Один из трех людей, которых мы считали возможными участниками этой драмы, умирает насильственной смертью в тот самый час, когда разыгрывается драма. Какое же это совпадение! Нет, нет, мой дорогой Уотсон, эти два события связаны между собой, несомненно, связаны. И наша задача – отыскать эту связь.

– Но теперь полиция все узнает.

– Вовсе, нет. Они знают только то, что видят на Годолфин-стрит. Они не знают и ничего не узнают об Уайтхолл-террас. Только нам известны оба случая, и только мы можем сопоставить их. Есть одно явное обстоятельство, которое в любом случае возбудило бы мои подозрения против Лукаса. Годолфин-стрит в Вестминстере находится в нескольких шагах ходьбы от Уайтхолл-террас. Другие тайные агенты, о которых я говорил, живут в дальнем конце Вест-Энда. Поэтому, естественно, Лукасу было гораздо проще, чем остальным, установить связь и получить

сведения из дома министра по европейским делам. Это незначительное обстоятельство, но если учесть, что события разворачивались с такой быстротой, оно может оказаться существенным. Ага! Есть какие-то новости!

Появилась миссис Хадсон, неся на подносе дамскую визитную карточку. Холмс взглянул на нее, поднял брови и передал мне.

– Попросите леди Хильду Трелони Хоуп пожаловать сюда, – сказал он.

Спустя мгновение нашей скромной квартире была вторично оказана честь, на этот раз посещением самой очаровательной женщины в Лондоне. Я часто слышал о красоте младшей дочери герцога Белминстера, но ни одно описание ее, ни одна фотография не могли передать удивительное, мягкое обаяние и прелестные краски ее тонкого лица. Однако в то осеннее утро не красота ее бросилась нам в глаза при первом взгляде. Лицо ее было прекрасно, но бледно от волнения; глаза блестели, но блеск их казался лихорадочным; выразительный рот был крепко сжат – она пыталась овладеть собой. Страх, а не красота – вот что поразило нас, когда наша очаровательная гостья появилась в раскрытых дверях.

– Был у вас мой муж, мистер Холмс?

– Да, миледи, был.

– Мистер Холмс, умоляю вас, не говорите ему, что я приходила сюда!

Холмс холодно поклонился и предложил даме сесть.

– Ваша светлость ставит меня в весьма щекотливое положение. Прошу вас сесть и рассказать, что вам угодно. Но, к сожалению, никаких безусловных обещаний заранее дать я не могу.

Она прошла через всю комнату и села спиной к окну. Это была настоящая королева – высокая, грациозная и очень женственная.

– Мистер Холмс, – начала она, и, пока она говорила, ее руки в белых перчатках беспрестанно сжимались и разжимались, – я буду с вами откровенна и надеюсь, что это заставит вас быть откровенным со мною. Между моим мужем и мною нет тайн ни в чем, кроме одного: это политика. Здесь он молчит, он не рассказывает мне ничего. Однако я узнала, что вчера вечером у нас в доме случилось нечто весьма неприятное. Мне известно, что пропал какой-то документ. Но поскольку здесь затронута политика, мой муж отказывается посвятить меня в это дело. А ведь очень важно... поверьте, очень важно... чтобы я знала об этом все. Кроме членов правительства, вы – единственный человек, кто знает правду. Умоляю вас, мистер Холмс, объясните мне, что произошло и каковы могут быть последствия! Расскажите мне все, мистер Холмс. Пусть интересы вашего клиента не заставят вас молчать. Уверяю вас, я действую в его интересах, и если бы он только понимал это, то, вероятно, полностью доверился бы мне. Что это была за бумага, которую похитили?

– Миледи, вы требуете от меня невозможного.

Она глубоко вздохнула и закрыла лицо руками.

– Вы должны меня понять, миледи. Если ваш муж находит, что вам лучше оставаться в неведении относительно данного дела, как могу я, с которого взяли слово хранить эту тайну, открыть вам то, что он желал бы скрыть? Вы даже не имеете права спрашивать меня – вы должны спросить мужа.

– Я спрашивала его. Я пришла к вам, пытаюсь использовать последнюю возможность. Но если даже вы не хотите сказать ничего определенного, вы крайне обяжете меня, ответив на один вопрос.

– Какой, миледи?

– Может ли из-за этого случая пострадать политическая карьера моего мужа?

– Видите ли, миледи, если дело не будет улажено, оно может, конечно, иметь весьма прискорбные последствия.

– О!

Она глубоко вздохнула, как человек, сомнения которого разрешились.

– Еще один вопрос, мистер Холмс. Из слов моего мужа, оброненных им тотчас же после случившегося несчастья, я поняла, что пропажа письма может привести к тяжелым последствиям для всей страны.

– Если он так сказал, я, конечно, не стану отрицать этого.

– Но каковы могут быть эти последствия?

– Ах, миледи, вы снова задаете мне вопрос, на который я не вправе ответить!

– Если так, я больше не буду отнимать у вас время. Не могу упрекать вас, мистер Холмс, за то, что вы отказались быть откровенным со мной, и, надеюсь, вы не подумаете обо мне дурно, потому что я искренне желаю разделить заботы моего мужа даже против его воли. Еще раз прошу вас: ничего не говорите ему о моем посещении.

На пороге она оглянулась, и я опять увидел красивое, взволнованное лицо, испуганные глаза и крепко сжатый рот. Затем она исчезла.

– Ну, Уотсон, прекрасный пол – это уж по вашей части, – улыбаясь, сказал Холмс, когда парадная дверь захлопнулась и больше не было слышно шуршания юбок. – Какую игру ведет эта красивая дама? Что ей на самом деле нужно?

– Но ведь она все очень ясно объяснила, а беспокойство ее вполне естественно...

– Хм! Вспомните ее выражение лица, едва сдерживаемую тревогу, ее беспокойство, настойчивость, с которой она задавала вопросы. Не забудьте, что она принадлежит к касте, которая умеет скрывать свои чувства.

– Да, она была очень взволнована.

– Вспомните также, как горячо она старалась убедить нас, что действует только в интересах своего мужа и для этого должна знать все. Что она хотела этим сказать? И вы, наверно, заметили, Уотсон, что она постаралась сесть спиной к свету. Она не хотела, чтобы мы видели ее лицо.

– Да, она выбрала именно это место.

– Женщин вообще трудно понять. Вы помните одну, в Маргейте, которую я заподозрил на том же основании. А потом оказалось, что причиной ее волнения было лишь отсутствие пудры на носу. Как можно строить предположения на таком неверном материале? За самым обычным поведением женщины может крыться очень многое, а ее замешательство иногда зависит от шпильки или щипцов для завивки волос... До свидания, Уотсон.

– Вы уходите?

– Да, я проведу утро на Годолфин-стрит с нашими друзьями из полиции. Решение нашей проблемы – в убийстве Эдуарда Лукаса, хотя, признаюсь, не могу даже представить, какую форму оно примет. Создавать же вер-

сию, не имея фактов, большая ошибка. Будьте на страже, мой дорогой Уотсон, и принимайте вместо меня посетителей. А я вернусь к завтраку, если удастся.

Ведь этот день и два следующих Холмс был упорно молчалив, как сказали бы его друзья, и мрачен, как сказали бы все остальные. Он то приходил, то уходил, беспрерывно курил, играл на скрипке обрывки каких-то мелодий, часто задумывался, питался одними бутербродами в неурочное время и неохотно отвечал на вопросы, которые я время от времени задавал ему. Я понимал, что поиски его пока не дали никаких результатов. Он ничего не рассказывал мне об этом деле, и только из газет я узнал о ходе следствия, об аресте и быстром освобождении Джона Миттона, лакея покойного.

Следствие установило факт «предумышленного убийства», но убийца не был найден. Не удалось истолковать и мотивы преступления. В комнате находилось много ценных вещей, но ничто не было взято. Бумаги покойного остались нетронутыми. Их тщательно рассмотрели и установили, что покойный ревностно изучал международную политику, неутомимо собирал всякие слухи и сплетни, был выдающимся лингвистом и вел огромную переписку. Он был близко знаком с видными политическими деятелями нескольких стран. Но среди документов, заполнявших ящики его стола, не нашли ничего сенсационного. Что касается его отношений с женщинами, то они, по-видимому, носили беспорядочный и поверхностный характер. Среди женщин у него было много знакомых, но мало друзей, и ни в одну из них он не был влюблен. У него были неизменные привычки, и он вел спокойный образ

жизни. Его смерть явилась неразрешимой загадкой, которую так и не удавалось разгадать.

Что касается лакея Джона Миттона, то полиция арестовала его с отчаяния, чтобы прикрыть свою полнейшую беспомощность. Против него не могли выдвинуть никакого обвинения. В тот вечер он был в гостях у своих приятелей в Хаммерсмите. Алиби было налицо. Правда, он ушел домой рано и мог возвратиться в Вестминстер еще до того, как было обнаружено преступление, но он объяснил, что прошел часть пути пешком, и этому можно было верить, если вспомнить, что вечер был чудесный. Он пришел в двенадцать часов и, по-видимому, был потрясен неожиданной трагедией. Миттон всегда был в хороших отношениях с хозяином. Некоторые из вещей, принадлежавших покойному, – например, футляр с бритвами – были найдены в чемоданах лакея, но он заявил, что это подарки его бывшего хозяина, и экономка подтвердила это.

Миттон находился в услужении у Лукаса три года. Примечательно, что Лукас никогда не брал Миттона с собой на континент. Иногда он жил в Париже по три месяца подряд, но Миттона оставлял присматривать за домом на Годолфин-стрит. Что же касается экономки, то в тот вечер, когда было совершено преступление, она не слышала ничего. Если и был у ее хозяина посетитель, очевидно, хозяин сам впустил его.

Итак, судя по газетам, тайна уже три дня оставалась неразгаданной. А Холмс, если и знал больше газет, ничего не рассказывал мне, только заметил мимоходом, что инспектор Лестрейд ввел его в курс дела, и поэтому я понимал, что он прекрасно осведомлен обо всех новостях. На

четвертый день появилась длинная телеграмма из Парижа, которая, казалось, решала весь вопрос.

– «Парижская полиция, – писала газета «Дейли телеграф», – сделала открытие, приподнимающее завесу над трагической гибелью мистера Эдуарда Лукаса, умершего насильственной смертью вечером в прошлый понедельник на Годолфин-стрит, в Вестминстере. Наши читатели помнят, что покойный джентльмен был найден в своей комнате с ножом в груди и что подозрение пало на его лакея, которому удалось доказать свое алиби. Вчера слуги мадам Анри Фурнэ, проживающей в Париже на улице Аустерлиц, заявили полиции, что их хозяйка сошла с ума. Медицинское освидетельствование показало, что она действительно страдает опасным и хроническим умопомешательством. При расследовании полиция установила, что мадам Анри Фурнэ в прошлый вторник возвратилась из поездки в Лондон, и есть основания думать, что эта поездка имеет какую-то связь с преступлением в Вестминстере. Сличение фотографий дало возможность установить, что муж мадам Анри Фурнэ и мистер Эдуард Лукас – одно лицо и что покойный по какой-то причине жил двойной жизнью – в Лондоне и Париже. Мадам Фурнэ, креолка по происхождению, отличается крайне вспыльчивым характером, и у нее бывали припадки ревности, которые делали ее совершенно невменяемой. Именно во время одного из таких припадков, как предполагают, она и совершила это страшное преступление, взволновавшее весь Лондон. До сих пор не выяснено, что она делала в понедельник вечером, однако известно, что похожая на нее женщина привлекла внимание людей, находившихся на вокзале Че-

ринг-кросс во вторник утром, своим безумным видом и странными жестами. Поэтому возможно, что преступление или было совершено ею в припадке безумия, или оно так повлияло на несчастную женщину, что свело ее с ума. В настоящее время она не в состоянии рассказать о происшедшем, и врачи не выражают надежды на восстановление ее умственных способностей. Есть сведения, что вечером в понедельник какая-то женщина, возможно мадам Фурнэ, в течение нескольких часов стояла около дома на Годолфин-стрит»... Что вы думаете об этом, Холмс?

Я читал ему заметку вслух, пока он заканчивал свой завтрак.

— Мой дорогой Уотсон, — сказал он, встав из-за стола и расхаживая по комнате, — у вас ангельское терпение, но эти три дня я ничего не рассказывал вам просто потому, что и рассказывать-то было нечего. Даже сейчас эти сведения из Парижа мало чем помогают нам.

— Но дело о смерти этого человека теперь окончательно выяснено.

— Смерть этого человека — простой эпизод, мелкий случай по сравнению с нашей действительной задачей, которая заключается в том, чтобы отыскать письмо и спасти Европу от катастрофы. За минувшие три дня произошло только одно значительное событие: то, что ничего не произошло. Почти ежечасно я получаю сведения от правительства и знаю, что нигде по всей Европе еще нет никаких признаков беспокойства. Если письмо затерялось... нет, оно не могло затеряться... Но если оно не затерялось, то где же оно? У кого? Почему его скрывают? Вот вопрос, который молотом стучит в моем мозгу. И является ли

простым совпадением, что Лукас был убит как раз в тот вечер, когда исчезло письмо? Было ли оно вообще у него? Если было, то почему его не нашли среди бумаг? Не унесла ли его с собой обезумевшая жена Лукаса? Если унесла, не находится ли оно у нее дома, в Париже? И как я могу искать его там, не возбудив подозрений французской полиции? Это тот случай, дорогой Уотсон, где законность столь же страшна для нас, как и нарушение ее. Все против нас, но интересы, поставленные на карту, колоссальны. Если мне удастся успешно завершить это дело, оно, конечно, достойно увенчает мою карьеру... А, вот и последние новости с передовых позиций! – Он быстро взглянул на записку, поданную ему. – Ага! Лестрейд, кажется, нашел что-то интересное. Надевайте шляпу, Уотсон, и мы вместе отправимся в Вестминстер.

Впервые я увидел место, где было совершено преступление: высокий неприглядный, с узким фасадом дом, своей чопорностью, официальностью и массивностью напоминавший то столетие, когда он был построен. Бульдожье лицо Лестрейда выглянуло из окна, и когда огромный констебль открыл нам дверь, Лестрейд дружески приветствовал нас.

Комната, в которую мы вошли, оказалась той самой, где было совершено преступление, но следов его уже нигде не осталось, кроме безобразного расплывшегося пятна на ковре. Ковер, маленький квадрат толстого сукна, прикрывал только середину комнаты и был окружен широким пространством натертых до блеска квадратных плиток красивого старинного паркета. Над камином висела замечательная коллекция оружия; из нее-то и был взят кинжал в

тот трагический вечер. Около окна стоял роскошный письменный стол, и каждый предмет в комнате: картины, ковры, портьеры – все свидетельствовало об утонченном, даже изнеженном вкусе хозяина.

– Вы слышали новости из Парижа? – спросил Лестрейд. Холмс утвердительно кивнул.

– На этот раз наши французские друзья попали в самую точку. Убийство, несомненно, произошло именно так, как утверждают они. Она постучала в дверь – неожиданный визит, я думаю, потому что у него никто не бывал. Он впустил ее – нельзя же было держать ее на улице! Она рассказала ему, как выследила его, осыпала его упреками. А затем, благо кинжал был под рукой, скоро наступил конец. Все это произошло, конечно, не сразу, потому что все стулья были свалены в кучу, а один был даже у него в руках, как будто он пытался им обороняться. Мы представляем себе все это так ясно, как будто сами были свидетелями.

Холмс поднял брови:

– И все же вы прислали за мной?

– Ах, да, это другое дело – маленький пустяк, но именно один из тех, какими вы интересуетесь: подозрительный, знаете ли, и, как вы, пожалуй, назовете, странный. На первый взгляд он не имеет ничего общего со всем этим делом.

– Что же это?

– Вам известно, что, после того как преступление обнаружено, мы тщательно следим, чтобы все вещи оставались на прежних местах. Тут ничего не трогали. День и ночь в квартире дежурил полицейский. Сегодня утром,

после того как убитого похоронили и обследование этой комнаты было закончено, мы решили немного привести ее в порядок. И вот ковер... Видите ли, он не прикреплен к полу, его просто положили на пол. Случайно мы подняли его и обнаружили...

— Да? Обнаружили... — Лицо Холмса выражало величайший интерес.

— О-о, я уверен, что вам и за сто лет не отгадать, что мы обнаружили! Вы видите это пятно на ковре? Ведь через этот ковер должно было просочиться порядочное количество крови, не так ли?

— Разумеется.

— И представьте себе, что на светлом паркете в этом месте нет пятна.

— Нет пятна? Но оно должно быть!

— Да, вы так думаете. И все же его там нет.

Он приподнял край ковра, и мы убедились, что так оно и есть.

— Но ведь нижняя сторона ковра тоже запятнана, как и верхняя. Она-то должна была оставить пятно на полу!

Видя изумление прославленного специалиста, Лестрейд захихикал от восторга.

— Ну, а теперь я объясню вам, в чем дело. Второе пятно тоже существует, но оно не совпадает с первым. Взгляните сами.

С этими словами он приподнял другой конец ковра, и действительно, на светлых квадратах паркета, ближе к старинной двери, мы увидели большое темно-красное пятно.

— Что вы скажете об этом, мистер Холмс?

– Здесь все очень просто. Два пятна совпадают друг с другом, но ковер был перевернут. Так как он квадратный и не прикреплен к полу, это было легко сделать.

– Мистер Холмс, полиция не нуждается в том, чтобы вы объясняли ей, что ковер был перевернут. Это совершенно ясно: если положить ковер вот так, пятна приходятся друг над другом. А я вас спрашиваю: кто поднимал ковер и зачем?

По неподвижному лицу Холмса я видел, что он с трудом сдерживает охватившее его волнение.

– Послушайте, Лестрейд, – сказал он, – тот полицейский в коридоре все время дежурит здесь?

– Да.

– Ну, так вот вам мой совет: допросите его хорошенько. Но только не при нас, мы подождем здесь. Отведите его в другую комнату. Наедине с вами он скорее признается. Спросите его, как он посмел впустить человека и оставить его одного в этой комнате. Не спрашивайте, сделал ли он это. Считайте, что это не требует доказательства. Скажите ему, что вам известно, что здесь кто-то был. Пригрозите ему. Скажите, что только чистосердечное признание может искупить его вину. Сделайте все, как я говорю.

– Клянусь, я выжму из него все, если он хоть что-нибудь знает! – воскликнул Лестрейд.

Он выбежал в переднюю, и через минуту мы услышали, как он кричит в соседней комнате.

– Скорее, Уотсон, скорее! – воскликнул Холмс, дрожа от нетерпения.

Вся сверхъестественная сила этого человека, скрываемая под маской апатии, вспыхнула порывом энергии. Он

откинул ковер и, быстро опустившись на колени, начал ощупывать каждый квадрат паркета под ним. Один из них, когда он дотронулся до его края, отскочил в сторону. Это была крышка ящичка; под ней находилось маленькое темное углубление. Холмс нетерпеливо засунул туда руку, но, вытащив ее, застонал от досады и горького разочарования. Ящичек был пуст.

– Живее, Уотсон, живее! Кладите его на место!

Едва мы успели закрыть тайник и положить ковер на место, как в коридоре послышался голос Лестрейда. Когда он вошел, Холмс стоял, небрежно прислонившись к камину, с унылым и страдальческим видом, едва сдерживая безудержную зевоту.

– Простите, что задержал вас, мистер Холмс. Вижу, вам до смерти надоело все это дело. Наконец-то он сознался! Войдите, Макферсон. Пусть джентельмены тоже узнают о вашем непростительном поведении.

В комнату боком вошел красный и смущенный констебль огромного роста.

– Уверяю вас, сэр, у меня и в мыслях ничего худого не было. Вчера вечером сюда зашла молодая женщина; она сказала, что ошиблась домом. Мы поговорили. Скучно ведь стоять здесь одному целый день...

– Ну, и что же случилось?

– Она захотела посмотреть, где произошло убийство, сказала, что читала об этом в газетах. Очень порядочная молодая женщина, сэр, и так складно говорила. Я подумал: ничего худого не выйдет, если я пушу ее поглядеть. Но, увидав пятно на ковре, она упала на пол и лежала как мертвая. Я бросился на кухню, принес воды, но не мог

привести ее в чувство. Тогда я побежал за угол, в трактир «Ветка плюща», за коньяком, однако, пока я ходил, молодая женщина пришла в себя и ушла... Ей, наверно, было стыдно встретиться со мной.

– А ковра никто не трогал?

– Видите ли, сэр, когда я вернулся, он был, пожалуй, немного сдвинут. Ведь она упала на него, а он ничем не прикреплен к полу. Я его потом расправил.

– Это вам урок, констебль Макферсон, чтобы вы не обманывали меня, – важно проговорил Лестрейд. – Вы, конечно, решили, что это нарушение порядка не откроется, а мне достаточно было бросить только один взгляд на ковер, и я сразу понял, что кто-то заходил в эту комнату. Ваше счастье, приятель, что ничего не пропало, а то вам пришлось бы худо. Мне жаль, мистер Холмс, что я вызвал вас сюда из-за такого пустяка, но я думал, что это второе пятно, не совпадающее с первым, заинтересует вас.

– Разумеется, это очень интересно... Констебль, эта женщина только один раз заходила сюда?

– Да, сэр, только один раз.

– А как ее зовут?

– Не знаю, сэр. Она сказала, что ищет работу по переписке на машинке, но ошиблась номером дома, очень приятная, приличная молодая женщина, сэр.

– Высокая? Красивая?

– Да, сэр, довольно высокая молодая женщина. Можно сказать, что она красивая. Пожалуй, даже очень красивая. «О, офицер, разрешите мне только взглянуть!» – сказала она. У нее были такие приятные, прямо ласковые манеры, и я подумал, что не будет большой беды, если разрешу ей заглянуть в дверь.

– Как она была одета?

– Очень просто, сэр: в длинной накидке до самого пола.

– В котором часу это было?

– Как раз начинало темнеть. Зажгли фонаря, когда я возвращался из трактира.

– Очень хорошо, – сказал Холмс. – Пойдемте, Уотсон, нас ждет важное дело в другом месте.

Когда мы выходили из дома, Лестрейд остался в комнате, а полный раскаяния констебль бросился отворять нам дверь. Холмс на пороге повернулся и протянул что-то Макферсону. Констебль всмотрелся.

– Боже мой, сэр! – изумленно воскликнул он.

Холмс приложил палец к губам, сунул этот предмет обратно во внутренний карман и, когда вышли на улицу, расхохотался.

– Прекрасно! – сказал он. – Пойдемте, дорогой Уотсон. Занавес поднят, начинается последний акт. Можете быть спокойны: войны не будет, блестящая карьера высокочтимого лорда Трелони Хоупа не, пострадает, неосторожный монарх не будет наказан за свою поспешность и премьер-министру не придется распутывать сложное положение в Европе. От нас требуется только некоторая тактичность и находчивость, и тогда вся эта история, грозившая очень неприятными последствиями, не будет стоить и ломаного гроша.

Я проникся восхищением к этому удивительному человеку.

– Вы решили задачу? – воскликнул я.

– Пока нет, Уотсон. Есть еще некоторые обстоятельства, которые так же непонятны, как и раньше. Но нам уже

известно так много, что просто будет обидно не узнать всего. Мы отправимся прямо на Уайтхолл-террас и доведем дело до конца.

Когда мы пришли в дом министра по европейским делам, Шерлок Холмс заявил, что желает видеть леди Хильду Трелони Хоуп. Нас провели в приемную.

— Мистер Холмс! — сказала леди, и лицо ее порозовело от негодования. — Это просто нечестно и неблагородно с вашей стороны. Ведь я уже сказала, что хотела сохранить мой визит к вам в тайне, иначе муж подумает, что я вмешиваюсь в его дела. А вы компрометируете меня своим приходом. Ведь это доказывает, что между нами существуют деловые отношения.

— К сожалению, миледи, у меня не было иного выбора. Мне поручили найти этот исключительно важный документ, поэтому я вынужден просить вас, миледи, передать его мне.

Леди вскочила на ноги; румянец мгновенно схлынул с прекрасного лица. Ее глаза потускнели, она зашаталась. Мне показалось, что она упадет в обморок, но огромным усилием воли она овладела собой, и лицо ее вспыхнуло от изумления и гнева:

— Вы... Вы оскорбляете меня, мистер Холмс!

— Послушайте, миледи, это бесполезно. Отдайте письмо.

Она метнулась к звонку:

— Дворецкий проводит вас.

— Не звоните, леди Хильда. Если вы это сделаете, все мои искренние попытки избежать скандала окажутся напрасными. Верните мне письмо, и все уладится. Если вы

будете слушаться меня, я помогу вам. Если вы не захотите довериться мне, я вынужден буду выдать вас.

Она стояла перед ним гордая и величественная. Глаза ее встретили взгляд Холмса, как будто желали понять, что у него на уме. Она не снимала руки со звонка, но и не звонила.

– Вы пытаетесь запугать меня. Не очень благородно, мистер Холмс, прийти сюда угрожать женщине! Вы говорите, что вам кое-что известно. Что вы знаете?

– Прошу вас, миледи, сядьте. Вы ушибетесь, если упадете. Я не буду говорить, пока вы не сядете... Благодарю вас.

– Даю вам пять минут, мистер Холмс.

– Достаточно и одной, леди Хильда. Я знаю о том, что вы были у Эдуарда Лукаса, отдали ему этот документ, знаю, как вы вчера вечером хитроумно проникли в его комнату вторично и взяли письмо из тайника под ковром.

Лицо леди Хильды стало смертельно бледным. Она не сводила глаз с Холмса; у нее перехватило дыхание, она не могла произнести ни слова.

– Вы сошли с ума, мистер Холмс... Вы сошли с ума! – наконец воскликнула она.

Из кармана он вытащил маленький кусочек картона. Это была фотография женщины.

– Я захватил ее, потому что считал, что она может пригодиться, – сказал он. – Полицейский узнал вас.

Она с трудом глотнула воздух, и ее голова упала на спинку кресла.

– Послушайте, леди Хильда... Письмо у вас, но дело все же можно уладить. У меня нет никакого желания причи-

нять вам неприятности. Мои обязанности кончатся, когда я возвращу пропавшее письмо вашему мужу. Послушайтесь моего совета и будьте откровенны со мной – здесь все ваше спасение.

Ее мужество было восхитительно. Даже в этот момент она не признавала себя побежденной.

– Я снова повторяю вам, мистер Холмс: вы находитесь во власти какой-то нелепой фантазии.

Холмс встал со стула:

– Мне жаль вас, леди Хильда. Я сделал для вас все, что мог, теперь я вижу – это было напрасно.

Он нажал кнопку звонка. Вошел дворецкий.

– Мистер Трелони Хоуп дома?

– Он будет дома, сэр, через пятнадцать минут.

Холмс взглянул на часы.

– Еще пятнадцать минут, – сказал он. – Очень хорошо, я подожду.

Едва дворецкий закрыл за собой дверь, как леди Хильда, простирая руки, бросилась к ногам Холмса; ее прекрасное лицо было залито слезами.

– О, пощадите меня, мистер Холмс! Пощадите меня! – умоляла она в порыве отчаяния. – Ради бога, не говорите ему! Я так люблю его! Мне больно причинить ему малейшую неприятность, а эта, я знаю, разобьет его благородное сердце.

Холмс поднял ее.

– Благодарю вас, миледи, что вы хоть в последний момент опомнились. Нельзя терять ни минуты. Где письмо?

Она бросилась к письменному столу, отперла его и вынула длинный голубой конверт.

– Вот оно, мистер Холмс... Лучше бы я никогда не видела его!

– Как нам теперь его вернуть? – раздумывал Холмс. – Скорее, скорее, надо найти какой-нибудь выход!.. Где шкатулка с документами?

– Все еще в спальне.

– Как удачно! Скорее, миледи, принесите ее сюда.

Через минуту она появилась, держа в руках красную плоскую шкатулку.

– Чем вы открывали ее прежде? У вас есть второй ключ? Конечно, есть. Откройте!

Из-за корсажа леди Хильда вытащила маленький ключ. Шкатулку открыли; она была полна бумаг. Холмс засунул голубой конверт в самую середину, между листками какого-то другого документа. Шкатулку заперли и отнесли обратно в спальню.

– Теперь мы готовы встретить его, – оказал Холмс. – У нас еще есть десять минут. Я беру на себя очень много, чтобы выгородить вас, леди Хильда! За это вы должны в оставшееся время честно рассказать мне всю эту странную историю.

– Я расскажу вам все, мистер Холмс! – воскликнула леди.

– О, мистер Холмс, мне легче отрубить себе правую руку, чем доставить ему хоть минуту горя! Во всем Лондоне нет женщины, которая так любила бы своего мужа, как я, и все же, если бы он узнал, что я сделала, что была вынуждена сделать, он никогда не простил бы меня. Он так высоко ставит свою собственную честь, что не в состоянии забыть или простить бесчестный поступок другого. По-

можете мне, мистер Холмс! Мое счастье, его счастье, наши жизни поставлены на карту!

– Скорее, миледи, время истекает!

– Еще до замужества, мистер Холмс, я написала неосторожное, глупое письмо, письмо впечатлительной влюбленной девушки. В нем не было ничего плохого, но все же мой муж считал бы его непростительным. Если бы он прочел это письмо, он перестал бы верить мне. Прошли годы с тех пор, как я написала это письмо. Я подумала, что все забыто. Но вдруг этот человек, Лукас, известил меня о том, что оно попало к нему в руки и что он намерен показать его моему мужу. Я умоляла его пощадить меня. Он сказал, что возвратит мне мое письмо, если я принесу ему один документ, который, по его словам, хранится у мужа в шкатулке для депеш. У него был какой-то шпион в министерстве, который сообщил ему о существовании этого документа. Лукас уверял меня, что это ничуть не повредит моему мужу. Поставьте себя на мое место, мистер Холмс! Что я должна была делать?

– Рассказать обо всем мужу.

– Я не могла, мистер Холмс, не могла! С одной стороны, мне грозила неминуемая гибель; с другой, хоть мне и казалось ужасным взять документ, принадлежащий мужу, но все же я не вполне представляла себе, какие это будет иметь последствия в области международной политики, что же касается нашей любви и взаимного доверия, мне все казалось совершенно ясным. И я совершила кражу, мистер Холмс. Я сняла слепок с ключа, а этот человек, Лукас, сделал второй: ключ. Я открыла шкатулку, взяла документ и отнесла его на Годолфин-стрит.

– И что произошло там, миледи?

– Я постучала в дверь, как было условленно. Лукас открыл. Я прошла за ним в его комнату, оставив за собой дверь полуоткрытой, потому что боялась остаться одна с этим человеком. Я помню, что когда я входила в дом, на улице стояла какая-то женщина. Наши переговоры быстро закончились. Мое письмо лежало у него на письменном столе. Я отдала ему документ, он возвратил мне письмо. В это мгновение у двери послышался шум, в коридоре раздались шаги. Лукас быстро откинул ковер, сунул документ в какой-то тайник и снова положил ковер на место.

То, что произошло потом, было похоже на какой-то кошмар. Я видела смуглое безумное лицо, слышала голос женщины, которая кричала по-французски: «Я ждала не напрасно! Наконец-то я застала тебя с ней!» Произошла дикая сцена. Я видела, как он схватил стул, а в ее руке блеснул кинжал. Я бросилась бежать от этого ужаса, выскочила из дома и только на следующее утро из газет узнала о страшном убийстве. В тот вечер я была счастлива, потому что мое собственное письмо находилось в моих руках и я еще не сознавала, что готовит мне будущее.

Но на следующее утро я поняла, что, избавившись от одной беды, попала в другую. Отчаяние мужа, обнаружившего пропажу документа, потрясло меня. Я едва удержалась от того, чтобы не упасть к его ногам и не рассказать, что я наделала. Но ведь мне пришлось бы признаться и в том, что было раньше. В то утро я пришла к вам, и только тогда мне стала ясна вся тяжесть моего поступка. С той минуты я все время думала, как вернуть мужу этот документ. Документ должен был находиться там, куда

положил его Лукас, потому что он спрятал его до прихода этой ужасной женщины. Если бы не ее появление, я никогда не узнала бы, где находится тайник. Как проникнуть в его комнату? В течение двух дней я следила за этим домом, но ни разу дверь не оставалась открытой. Вчера вечером я сделала последнюю попытку. Вы уже знаете, как мне удалось достать письмо. Я принесла его домой и решила уничтожить, так как не знала, каким образом возвратить его мужу, не рассказав ему обо всем... Боже мой, я слышу его шаги на лестнице!

Министр по европейским делам в сильном волнении вбежал в комнату.

— Что нового, мистер Холмс, что нового? — закричал он.

— У меня есть некоторая надежда.

— Слава богу. — Его лицо просияло. — Премьер-министр завтракает со мной, могу я порадовать его? У него стальные нервы, но я знаю, что он почти не спит с тех пор, как произошло это ужасное событие... Джейкобс, попросите премьер-министра подняться сюда. Что касается вас, дорогая, едва ли вам будут интересны эти разговоры о политике. Через несколько минут мы присоединимся к вам в столовой.

Премьер-министр хорошо владел собой, но по блеску его глаз и по судорожным движениям его сухих рук я видел, что он разделяет волнение своего молодого коллеги:

— Насколько я понимаю, мистер Холмс, вы хотите нам что-то сообщить?

— Пока только отрицательное, — ответил мой друг. — Я навел справки везде, где только мог, и убедился, что оснований для волнений нет никаких.

– Но этого недостаточно, мистер Холмс. Мы не можем вечно жить на вулкане, нам нужно знать определенно.

– Я надеюсь найти письмо, поэтому я и пришел сюда. Чем больше я думаю об этом деле, тем больше я убеждаюсь, что письмо никогда не покидало пределы этого дома.

– Мистер Холмс!

– Если бы оно было похищено, его, конечно, давным-давно опубликовали бы.

– Но какой же смысл взять его, чтобы спрятать в этом же доме?

– А я не уверен, что его вообще взяли.

– Как же тогда оно исчезло из шкатулки?

– Я и не уверен, что оно исчезло из шкатулки.

– Мистер Холмс, сейчас неподходящее время для шуток! Я вас уверяю, что там его нет.

– Вы заглядывали туда со вторника?

– Нет. Да это совершенно бесцельно!

– Вы могли и не заметить его.

– Послушайте, это невозможно.

– Кто знает! Такие вещи бывали. Ведь там, наверно, есть еще документы. Оно могло затеряться среди них.

– Письмо лежало сверху.

– Кто-нибудь мог тряхнуть шкатулку, и оно переместилось.

– Нет, нет, я вынимал все.

– Но это же легко проверить, Хоуп! – сказал премьер. – Прикажите принести шкатулку сюда.

Министр по европейским делам нажал звонок:

– Джейкобс, принесите мою шкатулку для бумаг... Мы совершенно напрасно теряем время, но если это удовле-

творит вас, что ж, проверим... Спасибо, Джейкобс, поставьте ее сюда... Ключ у меня всегда на цепочке от часов. Вот все бумаги, вы видите. Письмо от лорда Мерроу, доклад сэра Чарльза Харди, меморандум из Белграда, сведения о русско-германских хлебных пошлинах, письмо из Мадрида, донесение от лорда Флауэрсса... Боже мой! Что это? Лорд Беллинджер! Лорд Беллинджер!

Премьер выхватил голубой конверт у него из рук:

– Да, это оно. И письмо цело... Поздравляю вас Хоуп!

– Благодарю вас! Благодарю вас! Какая тяжесть свалилась с моих плеч!.. Но это непостижимо... невозможно... Мистер Холмс, вы волшебник, вы чародей... Откуда вы узнали, что оно здесь?

– Потому что я знал, что больше ему быть негде.

– Не могу поверить своим глазам! – Он стремительно выбежал из комнаты. – Где моя жена? Я должен оказать ей, что все уладилось. Хильда! Хильда! – слышали мы его голос на лестнице.

Премьер, прищурившись, посмотрел на Холмса.

– Послушайте, сэр, – сказал он, – здесь что-то кроется. Как могло письмо снова очутиться в шкатулке?

Холмс, улыбаясь, отвернулся, чтобы избежать испытующего взгляда этих проницательных глаз.

– У нас тоже есть свои дипломатические тайны, – сказал он и, взяв шляпу, направился к двери.

«МЕДНЫЕ БУКИ»

– Человек, который любит искусство ради искусства, – заговорил Шерлок Холмс, отбрасывая в сторону страницу с

объявлениями из «Дейли телеграф», – самое большое удовольствие зачастую черпает из наименее значительных и ярких его проявлений. Отрадно заметить, что вы, Уотсон, хорошо усвоили эту истину при изложении наших скромных подвигов, которые по доброте своей вы решились увековечить, и, вынужден констатировать, порой пытаетесь приукрашивать, уделяете внимание не столько громким делам и сенсационным процессам, в коих я имел честь принимать участие, сколько случаям самим по себе незначительным, но зато предоставляющим большие возможности для дедуктивных методов мышления и логического синтеза, что особенно меня интересует.

– Тем не менее, – улыбнулся я, – не смею утверждать, что в моих записках вовсе отсутствует стремление к сенсационности.

– Возможно, вы и ошибаетесь, – продолжал он, подхватив щипцами тлеющий уголек и раскуривая длинную трубку вишневого дерева, которая заменяла глиняную в те дни, когда он был настроен скорее спорить, нежели размышлять, – возможно, вы и ошибаетесь, стараясь приукрасить и оживить ваши записки вместо того, чтобы ограничиться сухим анализом причин и следствий, который единственно может вызывать интерес в том или ином деле.

– Мне кажется, в своих записках я отдаю вам должное, – несколько холодно возразил я, ибо меня раздражало самомнение моего друга, которое, как я неоднократно убеждался, было весьма приметной чертой в его своеобразном характере.

– Нет, это не эгоизм и не тщеславие, – сказал он, отве-

чая по привычке скорее моим мыслям, чем моим словам. — Если я прошу отдать должное моему искусству, то это не имеет никакого отношения ко мне лично, оно — вне меня. Преступление — вещь повседневная. Логика — редкая. Именно на логике, а не преступлении вам и следовало бы сосредоточиться. А у вас курс серьезных лекций превратился в сборник занимательных рассказов.

Было холодное утро начала весны; покончив с завтраком, мы сидели возле ярко пылавшего камина в нашей квартире на Бейкер-стрит. Густой туман повис между рядами сумрачных домов, и лишь окна напротив тусклыми, расплывшимися пятнами маячили в темно-желтой мгле. У нас горел свет, и блики его играли на белой скатерти и на посуде — со стола еще не убирали. Все утро Шерлок Холмс молчал, сосредоточенно просматривая газетные объявления, пока, наконец, по-видимому, отказавшись от поисков и пребывая не в лучшем из настроений, не принялся читать мне нравоучения по поводу моих литературных занятий.

— В то же время, — после паузы продолжал он, попы- хивая своей длинной трубкой и задумчиво глядя в огонь, — вас вряд ли можно обвинить в стремлении к сенсационно- сти, ибо большинство тех случаев, к которым вы столь любезно проявили интерес, вовсе не представляет собой преступления. Незначительное происшествие с королем Богемии, когда я пытался оказать ему помощь, странный случай с Мэри Сазерлэнд, история человека с рассеченной губой и случай со знатными холостяком — все это не может стать предметом судебного разбирательства. Боюсь, од- нако, что, избегая сенсационности, вы оказались в плену тривиальности.

– Может, в конце концов так и случилось, – ответил я, – но методы, о которых я рассказываю, своеобразны и не лишены новизны.

– Мой дорогой, какое дело публике, великой, но лишенной наблюдательности публике, едва ли способной по зубам узнать ткача или по большому пальцу левой руки – наборщика, до тончайших оттенков анализа и дедукции? И тем не менее, даже если вы банальны, я вас не виню, ибо дни великих дел сочтены. Человек, или по крайней мере преступник, утратил предприимчивость и самобытность. Что же касается моей скромной практики, то я, похоже, превращаюсь в агента по розыску утерянных карандашей и наставника молодых леди из пансиона для благородных девиц. Наконец-то я разобрался, на что гожусь. А полученное мною утром письмо означает, что мне пора приступить к новой деятельности. Прочтите его. – И он протянул мне помятый листок.

Письмо было отправлено из Монтегю-плейс накануне вечером.

«Дорогой мистер Холмс!

Мне очень хочется посоветоваться с вами по поводу предложения занять место гувернантки. Если разрешите, я зайду к вам завтра в половине одиннадцатого.

С уважением Вайолет Хантер».

– Вы знаете эту молодую леди? – спросил я.

– Нет.

– Сейчас половина одиннадцатого.

– Да, а вот, не сомневаюсь, она звонит.

– Это дело может оказаться более интересным, нежели

вы предполагаете. Вспомните случай с голубым карбуном, который сначала вы сочли просто недоразумением, а потом он потребовал серьезного расследования. Так может получиться и на этот раз.

— Что ж, будем надеяться! Наши сомнения очень скоро рассеются, ибо вот и особа, о которой идет речь.

Дверь отворилась, и в комнату вошла молодая женщина. Она была просто, но аккуратно одета, лицо у нее было смышленное, живое, все в веснушках, как яичко ржанки, а энергичность, которая чувствовалась в ее движениях, свидетельствовала о том, что ей самой приходится пробивать себе дорогу в жизни.

— Ради Бога извините за беспокойство, — сказала она, когда мой друг поднялся ей навстречу, — но со мной произошло нечто настолько необычное, что я решила просить у вас совета. У меня нет ни родителей, ни родственников, к которым я могла бы обратиться.

— Прошу садиться, мисс Хантер. Буду счастлив помочь вам, чем могу.

Я понял, что речь и манеры клиентки произвели на Холмса благоприятное впечатление: Он испытующе оглядел ее с ног до головы, а затем, прикрыв глаза и сложив вместе кончики пальцев, приготовился слушать.

— В течение пяти лет я была гувернанткой в семье полковника Спенса Манроу, но два месяца назад полковник получил назначение в Канаду и забрал с собой в Галифакс и детей. Я осталась без работы. Я давала объявления, сама ходила по объявлениям, но все безуспешно. Наконец та небольшая сумма денег, что мне удалось скопить, начала иссякать, и я просто ума не приложу, что делать.

В Вест-Энде есть агентство по найму «Вестэуэй» – его все знают, – и я взяла за правило заходить туда раз в неделю в поисках чего-либо подходящего. Вестэуэй – фамилия владельца этого агентства, в действительности же все дела вершит некая мисс Стопер. Она сидит у себя в кабинете, женщины, которые ищут работу, ожидают в приемной; их поочередно вызывают в кабинет, и она, заглядывая в свой грессбук, предлагает им те или иные вакансии.

По обыкновению и меня пригласили в кабинет, когда я зашла туда на прошлой неделе, но на этот раз мисс Стопер была не одна. Рядом с ней сидел толстый, претолстый человек с улыбочивым лицом и большим подбородком, тяжелыми складками спускавшимся на грудь, и сквозь очки внимательно разглядывал просительниц. Стоило лишь мне войти, как он подскочил на месте и обернулся к мисс Стопер.

– Подходит, – воскликнул он. – Лучшего и желать нельзя. Грандиозно! Грандиозно!

Он, по-видимому, был в восторге и от удовольствия потирал руки. На него приятно было смотреть: таким добродушным он казался.

– Ищете место, мисс? – спросил он.

– Да, сэр.

– Гувернантки?

– Да, сэр.

– А сколько вы хотите получать?

– Полковник Спенс Манроу, у которого я служила, платил мне четыре фунта в месяц.

– Вот это да! Самая что ни на есть настоящая эксплуатация! – вскричал он, яростно размахивая пухлыми кула-

ками. — Разве можно предлагать столь ничтожную сумму леди, наделенной такой внешностью и такими достоинствами?

— Мои достоинства, сэр, могут оказаться менее привлекательными, нежели вы полагаете, — сказала я. — Немного французский, немного немецкий, музыка и рисование...

— Вот это да! — снова вскричал он. — Значит и говорить не о чем. Кратко, в двух словах, вопрос вот в чем: обладаете ли вы манерами настоящей леди? Если нет, то вы нам не подходите, ибо речь идет о воспитании ребенка, который в один прекрасный день может сыграть значительную роль в истории Англии. Если да, то разве имеет джентльмен право предложить вам сумму, выраженную менее, чем трехзначной цифрой? У меня, сударыня, вы будете получать для начала сто фунтов в год.

Вы, конечно, представляете, мистер Холмс, что подобное предложение показалось мне просто невероятным — я ведь осталась совсем без средств. Однако джентльмен, прочитав недоверие на моем лице, вынул бумажник и достал оттуда деньги.

— В моих обычаях также ссужать юным леди половину жалованья вперед, — сказал он, улыбаясь на самый приятный манер, так что глаза его превратились в две сияющие щелочки среди белых складок лица, — дабы они могли оплатить мелкие расходы во время путешествия и приобрести нужный гардероб.

«Никогда еще я не встречала более очаровательного и внимательного человека», — подумалось мне. Ведь у меня уже появились кое-какие долги, аванс был очень кстати, и

все-таки было что-то странное в этом деле, и, прежде чем дать согласие, я попыталась разузнать об этом человеке побольше.

– А где вы живете, сэр? – спросила я.

– В Гемпшире. Чудная сельская местность. «Медные буки», в пяти милях от Винчестера. Место прекрасное, моя дорогая юная леди, и дом восхитительный – старинный загородный дом.

– А мои обязанности, сэр? Хотелось бы знать, в чем они состоят.

– Один ребенок, очаровательный маленький проказник, ему только что исполнилось шесть лет. Если бы вы видели, как он бьет комнатной туфлей тараканов! Шлеп! Шлеп! Шлеп! Не успеешь и глазом моргнуть, а трех как не бывало.

Расхохотавшись, он откинулся на спинку стула, и глаза его снова превратились в щелочки.

Меня несколько удивил характер детских забав, но отец смеялся – я решила, что он шутит.

– Значит, мои обязанности – присматривать за ребенком? – спросила я.

– Нет-нет, не только присматривать, не только, моя дорогая юная леди! – вскричал он. – Вам придется также – я уверен, вы и протестовать не будете, – выполнять кое-какие поручения моей жены при условии, разумеется, если эти поручения не будут унижать вашего достоинства. Немного, не правда ли?

– Буду рада оказаться вам полезной.

– Вот именно. Ну, например, речь пойдет о платье. Мы, знаете ли, люди чудаковатые, но сердце у нас доброе. Если мы попросим вас надеть платье, которое мы дадим, вы ведь

не будете возражать против нашей маленькой прихоти, а?

– Нет, – ответила я в крайнем удивлении.

– Или сесть там, где нам захочется? Это ведь не покажется вам обидным?

– Да нет...

– Или остричь волосы перед приездом к нам?

Я едва поверила своим ушам. Вы видите, мистер Холмс, у меня густые волосы с особым каштановым отливом. Их считают красивыми. Зачем мне ни с того ни с сего жертвовать ими?

– Нет, это невозможно, – ответила я.

Он жадно глядел на меня своими глазками, и я заметила, что лицо у него помрачнело.

– Но это – обязательное условие, – сказал он. – Маленькая прихоть моей жены, а дамским капризам, как вам известно, сударыня, следует потакать. Значит, вам не угодно остричь волосы?

– Нет, сэръ, не могу, – твердо ответила я.

– Что ж... Значит вопрос решен. Жаль, жаль, во всех остальных отношениях вы нам вполне подходите. Мисс Стопер, в таком случае мне придется познакомиться с другими юными леди.

Заведующая агентством все это время сидела, просматривая свои бумаги и не проронив ни слова, но теперь она глянула на меня с таким раздражением, что я поняла: из-за меня она потеряла немалое комиссионное вознаграждение.

– Вы хотите остаться в наши списках? – спросила она.

– Если можно, мисс Стопер.

– Мне это представляется бесполезным, поскольку вы

отказались от очень интересного предложения, – резко заметила она. – Не будем же мы из кожи лезть вон, чтобы подобрать для вас такое место. Всего хорошего, мисс Хантер.

Она позвонила в колокольчик, и мальчик проводил меня обратно в приемную.

Вернувшись домой – в буфете у меня было пусто, а на столе – лишь новые счета, – я спросила себя, не поступила ли я неосмотрительно. Что из того, что у этих людей есть какие-то причуды и они хотят, чтобы исполнялись самые неожиданные их капризы? Они ведь готовы платить за это. Много ли в Англии гувернанток, получающих сотню в год? Кроме того, какой прок от моих волос? Некоторым даже идет короткая стрижка, может, пойдет и мне? На следующий день я подумала, что совершила ошибку, а еще через день перестала в этом сомневаться. Я уже собиралась, подавив чувство гордости, пойти снова в агентство, чтобы узнать, не занято ли еще это место, как вдруг получаю письмо от этого самого джентльмена. Вот оно, мистер Холмс, я прочту его.

*«Медные буки», близ Винчестера.
Дорогая мисс Хантер!*

Мисс Стопер любезно согласилась дать мне ваш адрес, и я пишу вам из дома, желая осведомиться, не переменили ли вы свое решение. Моя жена очень хочет, чтобы вы приехали к нам, – я описал ей вас, и вы ей страшно понравились. Мы готовы платить вам десять фунтов в месяц, то есть сто двадцать в год в качестве компенсации за те неудобства, которые могут причинить наши требования. Да они не так уж и суровы. Моя жена очень любит цвет

электрик, и ей хотелось бы, чтобы вы надевали платье такого цвета по утрам. Вам совершенно незачем тратиться на подобную вещь, поскольку у нас есть платье моей дорогой дочери Алисы (ныне пребывающей в Филадельфии), думаю, оно будет вам впору. Полагаю, что и просьбу занять определенное место в комнате или выполнить какое-либо иное поручение вы не сочтете чересчур обременительной. Что же касается ваших волос, то их действительно очень жаль: даже во время нашей краткой беседы я успел заметить, как они хороши, но тем не менее я вынужден настаивать на этом условии. Надеюсь, что прибавка к жалованью вознаградит вас за эту жертву. Обязанности в отношении ребенка весьма несложны. Пожалуйста, приезжайте, я встречу вас в Винчестере. Сообщите, каким поездом вы прибудете.

Искренне ваш Джеффо Рукасл».

Вот какое письмо я получила, мистер Холмс, и твердо решила принять предложение. Однако, прежде чем сделать окончательный шаг, мне хотелось бы услышать ваше мнение.

— Что ж, мисс Хантер, коли вы решились, значит, дело сделано, — улыбнулся Холмс.

— А вы не советуете?

— Признаюсь, место это не из тех, что я пожелал бы для своей сестры.

— А что все-таки под этим кроется, мистер Холмс?

— Не знаю. Может, у вас есть какие-либо соображения?

— Я думаю, что мистер Рукасл — добрый, мягкосердечный человек. А его жена, наверное, немного сумасшедшая. Вот он и старается держать это в тайне, опасаясь,

как бы ее не забрали в дом для умалишенных, и потворствует ее причудам, чтобы с ней не случился припадок.

– Может быть, может быть. На сегодняшний день это самое вероятное предположение. Тем не менее, место это вовсе не для молодой леди.

– Но деньги, мистер Холмс, деньги!

– Да, конечно, жалование хорошее, даже слишком хорошее. Вот это меня и тревожит. Почему они дают сто двадцать фунтов, когда легко найти человека и за сорок? Значит, есть какая-то веская причина.

– Вот я и подумала, что, если расскажу вам все обстоятельства дела, вы позволите мне в случае необходимости обратиться к вам за помощью. Я буду чувствовать себя гораздо спокойнее, зная, что у меня есть заступник.

– Можете вполне на меня рассчитывать. Уверяю вас, ваша маленькая проблема обещает оказаться наиболее интересной за последние месяцы. В деталях определенно есть нечто оригинальное. Если у вас появятся какие-либо подозрения или возникнет опасность...

– Опасность? Какая опасность?

– Если бы опасность можно было предвидеть, то ее не нужно было бы страшиться, – с самым серьезным видом пояснил Холмс.

– Во всяком случае, в любое время дня и ночи шлите телеграмму, и я приду вам на помощь.

– Тогда все в порядке. – Выражение озабоченности исчезло с ее лица, она проворно поднялась. – Сейчас же напишу мистеру Рукаслу, вечером остригу мои бедные волосы и завтра отправлюсь в Винчестер.

Скупно поблагодарив Холмса и попрощавшись, она поспешно ушла.

– Во всяком случае, – сказал я, прислушиваясь к ее быстрым, твердым шагам на лестнице, – она производит впечатление человека, умеющего за себя постоять.

– Ей придется это сделать, – мрачно заметил Холмс. – Не сомневаюсь, через несколько дней мы получим от нее известие.

Предсказание моего друга, как всегда, сбылось. Прошла неделя, в течение которой я неоднократно возвращался мыслями к нашей посетительнице, задумываясь над тем, в какие дебри человеческих отношений может завести жизнь эту одинокую женщину. Большое жалованье, странные условия, легкие обязанности – во всем этом было что-то неестественное, хотя я абсолютно был не в состоянии решить, причуда это или какой-то замысел, филантроп этот человек или негодяй. Что касается Холмса, то он подолгу сидел, нахмутив лоб и рассеянно глядя вдаль, но когда я принимался его расспрашивать, он лишь махал в ответ рукой.

– Ничего не знаю, ничего! – раздраженно восклицал он. – Когда под рукой нет глины, из чего лепить кирпичи?

Телеграмма, которую мы получили, прибыла поздно вечером, когда я уже собирался лечь спать, а Холмс приступил к опытам, за которыми частенько проводил ночи напролет. Когда я уходил к себе, он стоял, наклонившись над ретортой и пробирками; утром, спустившись к завтраку, я застал его в том же положении. Он открыл желтый конверт и, пробежав взглядом листок, передал его мне.

– Посмотрите расписание поездов, – сказал он и повернулся к своим колбам.

Текст телеграммы был кратким и настойчивым:

«Прошу быть гостинице „Черный лебедь“ Винчестере завтра полдень. Приезжайте! Не знаю, что делать.

Хантер».

– Поедете со мной? – спросил Холмс, на секунду отрываясь от своих колб.

– С удовольствием.

– Тогда посмотрите расписание.

– Есть поезд в половине десятого, – сказал я, изучая справочник. – Он прибывает в Винчестер в одиннадцать тридцать.

– Прекрасно. Тогда, пожалуй, я отложу анализ ацетона, завтра утром нам может понадобится максимум энергии.

В одиннадцать утра на следующий день мы уже были на пути к древней столице Англии. Холмс всю дорогу не отрывался от газет, но после того как мы переехали границу Гемпшира, он отбросил их принялся смотреть в окно. Стоял прекрасный весенний день, бледно-голубое небо было испещрено маленькими кудрявыми облаками, которые плыли с запада на восток. Солнце светило ярко, и в воздухе царило веселье и бодрость. На протяжении всего пути, вплоть до холмов Олдершота, среди яркой весенней листвы проглядывали красные и серые крыши ферм.

– До чего приятно на них смотреть! – воскликнул я с энтузиазмом человека, вырвавшегося из туманов Бейкер-стрит.

Но Холмс мрачно покачал головой.

– Знаете, Уотсон, – сказал он, – беда такого мышления, как у меня, в том, что я воспринимаю окружающее очень субъективно. Вот вы смотрите на эти рассеянные вдоль

дороги дома и восхищаетесь их красотой. А я, когда вижу их, думаю только о том, как они уединенны и как безнаказанно здесь можно совершить преступление.

— О Господи! — воскликнул я. — Кому бы в голову пришло связывать эти милые сердцу старые домики с преступлением?

— Они внушают мне страх. Я уверен, Уотсон, — и уверенность эта проистекает из опыта, — что в самых отвратительных трущобах Лондона не совершается столько страшных грехов, сколько в этой восхитительной и веселой сельской местности.

— Вас прямо страшно слушать.

— И причина этому совершенно очевидна. То, чего не в состоянии совершить закон, в городе делает общественное мнение. В самой жалкой трущобе крик ребенка, которого бьют, или драка, которую затеял пьяница, тотчас же вызовет участие или гнев соседей, и правосудие близко, так что единое слово жалобы приводит его механизм в движение. Значит, от преступления до скамьи подсудимых — всего один шаг, А теперь взгляните на эти уединенные дома — каждый из них отстоит от соседнего на добрую милю, они населены в большинстве своем невежественным бедняками, которые мало что смыслят в законодательстве. Представьте, какие дьявольски жестокие помыслы и безнравственность тайком процветают здесь из года в год. Если бы эта дама, что обратилась к нам за помощью, поселилась в Винчестере, я не боялся бы за нее. Расстояние в пять миль от города — вот где опасность! И все-таки ясно, что опасность угрожает не ей лично.

— Понятно. Если она может приехать в Винчестер встретить нас, значит, она в состоянии вообще уехать.

– Совершенно справедливо. Ее свобода передвижения не ограничена.

– В чем же тогда дело? Вы нашли какое-нибудь объяснение?

– Я придумал семь разных версий, и каждая из них опирается на известные нам факты. Но какая из них правильная, покажут новые сведения, которые, не сомневаюсь, нас ждут. А вот и купол собора, скоро мы узнаем, что же хочет сообщить нам мисс Хантер.

«Черный лебедь» оказался уважаемой в городе гостиницей на Гайд-стрит, совсем близко от станции, там мы и нашли молодую женщину. Она сидела в гостиной, на столе нас ждал завтрак.

– Я рада, что вы приехали, – серьезно сказала она. – Большое спасибо. Я в самом деле не знаю, что делать. Мне страшно нужен ваш совет.

– Расскажите же, что случилось.

– Сейчас расскажу, я должна спешить, потому что обещала мистеру Рукаслу вернуться к трем. Он разрешил мне съездить в город нынче утром, хотя ему, конечно, неизвестно зачем.

– Изложите все по порядку. – Холмс вытянул свои длинные ноги в сторону камина и приготовился слушать.

Прежде всего должна сказать, что, в общем, мистер и миссис Рукасл встретили меня довольно приветливо. Ради справедливости об этом следует упомянуть. Но понять их я не могу, и это не дает мне покоя.

– Что именно?

– Их поведение. Однако все по порядку. Когда я приехала, мистер Рукасл встретил меня на станции и повез в

своим экипажем в «Медные буки». Поместье, как он и говорил, чудесно расположено, но вовсе не отличается красотой: большой квадратный дом, побеленный известкой, весь в пятнах и подтеках от дождя и сырости. С трех сторон его окружает лес, а с фасада – луг, который опускается к дороге на Саутгемптон, что проходит примерно ярдах в ста от парадного крыльца. Участок перед домом принадлежит мистеру Рукаслу, а леса вокруг – собственность лорда Саутертона. Прямо перед домом растет несколько медных буков, отсюда и название усадьбы.

Мой хозяин, сама любезность, встретил меня на станции и в тот же вечер познакомил со своей женой и сыном. Наша с вами догадка, мистер Холмс, оказалась неверной: миссис Рукасл не сумасшедшая. Молчаливая бледная женщина, она намного моложе своего мужа, на вид ей не больше тридцати, в то время как ему дашь все сорок пять. Из разговоров я поняла, что они женаты лет семь, что он остался вдовцом и что от первой жены у него одна дочь – та самая, которая в Филадельфии. Мистер Рукасл по секрету сообщил мне, что уехала она из-за того, что испытывала какую-то непонятную антипатию к мачехе. Поскольку дочери никак не менее двадцати лет, то я вполне представляю, как неловко она чувствовала себя рядом с молодой женой отца.

Миссис Рукасл показалась мне внутренне столь же бесцветным существом, сколь и внешне. Она не произвела на меня никакого впечатления. Пустое место. И сразу заметна ее страстная преданность мужу и сыну. Светло-серые глаза постоянно блуждают от одного к другому, подмечая их малейшее желание и по возможности преду-

преждая его. Мистер Рукасл тоже в присущей ему грубовато-добродушной манере неплохо к ней относится, и в целом они производят впечатление благополучной пары. Но у женщины есть какая-то тайна. Она часто погружается в глубокую задумчивость, и лицо ее становится печальным. Не раз я заставляла ее в слезах. Порой мне кажется, что причиной этому – ребенок, ибо мне еще ни разу не доводилось видеть такое испорченное и злобное маленькое существо. Для своего возраста он мал, зато у него несомерно большая голова. Он то подвержен припадкам дикой ярости, то пребывает в состоянии мрачной угрюмости. Причинять боль любому слабому созданию – вот единственное его развлечение, и он выказывает недюжинный талант в ловле мышей, птиц и насекомых. Но о нем незачем распространяться, мистер Холмс, он не имеет отношения к нашей истории.

– Мне нужны все подробности, – сказал Холмс, – представляются они вам относящимися к делу или нет.

– Постараюсь ничего не пропустить. Что мне сразу не понравилось в этом доме, так это внешность и поведение слуг. Их всего двое, муж и жена. Толлер, так зовут слугу, – грубый, неотесанный человек с серой гривой и седыми бакенбардами, от него постоянно несет спиртным. Я дважды видела его совершенно пьяным, но мистер Рукасл, по-моему, не обращает на это внимания. Жена Толлера – высокая сильная женщина с сердитым лицом, она так же молчалива, как миссис Рукасл, но гораздо менее любезна. Удивительно неприятная пара! К счастью, большую часть времени я провожу в детской и в моей собственной комнате, они расположены рядом.

В первые дни после моего приезда в «Медные буки» все шло спокойно. На третий день сразу после завтрака миссис Рукасл что-то шепнула своему мужу.

– Мы очень обязаны вам, мисс Хантер, – поворачиваясь ко мне, сказал он, – за снисходительность к нашим капризам, вы ведь даже остригли волосы. Право же, это ничуть не испортило вашу внешность. А теперь посмотрим, как вам идет цвет электрик. У себя на кровати вы найдете платье, и мы будем очень благодарны, если вы согласитесь его надеть.

Платье, которое лежало у меня в комнате, весьма своеобразного оттенка синего цвета, сшито было из хорошей шерсти, но, сразу заметно, уже ношенное. Сидело оно безукоризненно, как будто его шили специально для меня. Когда я вошла, мистер и миссис Рукасл выразили восхищение, но мне их восторг показался несколько наигранным. Мы находились в гостиной, которая тянется по всему фасаду дома, с тремя огромными окнами, доходящими до самого пола. Возле среднего окна спинкой к нему стоял стул. Меня усадили на этот стул, а мистер Рукасл принялся ходить взад и вперед по комнате и рассказывать смешные истории. Вы представить себе не можете, как комично он рассказывал, и я хохотала до изнеможения. Миссис Рукасл чувство юмора, очевидно, чуждо, она сидела, сложив на коленях руки, с грустным и озабоченным выражением на лице, так ни разу и не улыбнувшись. Примерно через час мистер Рукасл вдруг объявил, что пора приступать к повседневным обязанностям и что я могу переодеться и пойти в детскую к маленькому Эдуарду.

Два дня спустя при совершенно таких же обстоятель-

ствах вся эта сцена повторилась. Снова я должна была переодеться, сесть у окна и хохотать над теми забавными историями, неисчислимым запасом которых обладал мой хозяин. И рассказчиком он был неподражаемым. Затем он дал мне какой-то роман в желтой обложке и, подвинув мой стул так, чтобы моя тень не падала на страницу, попросил почитать ему вслух. Я читала минут десять, начав где-то в середине главы, а потом он вдруг перебил меня, не дав закончить фразы, и велел пойти переодеться.

Вы, конечно, понимаете, мистер Холмс, как меня удивил этот спектакль. Я заметила, что они настойчиво усаживали меня, чтобы я оказалась спиной к окну, поэтому я решила во что бы то ни стало узнать, что происходит на улице. Сначала это не представлялось возможным, но потом мне пришла в голову счастливая мысль: у меня был осколок ручного зеркала, и я спрятала его в носовой платок. В следующий раз, в самый разгар веселья, я приложила носовой платок к глазам и, чуть-чуть приспособившись, сумела рассмотреть все, что находилось позади. Признаться, я была разочарована. Там не было ничего.

По крайней мере так было на первый взгляд. Но, присмотревшись, я заметила на Саутгемптонской дороге невысокого бородатого человека в сером костюме. Он смотрел в нашу сторону. Дорога эта очень оживленная, на ней всегда полно народу. Но этот человек стоял, опершись на ограду, и пристально вглядывался в дом. Я опустила платок и увидела, что миссис Рукасл испытующе смотрит на меня. Она ничего не сказала, но, я уверена, поняла, что у меня зеркало и я видела, кто стоит перед домом. Она тотчас же поднялась.

– Джефри, – сказал она, – на дороге стоит какой-то мужчина и самым непозволительным образом разглядывает мисс Хантер.

– Может быть, ваш знакомый, мисс Хантер? – спросил он.

– Нет. Я никого здесь не знаю.

– Подумайте, какая наглость! Пожалуйста, повернитесь и помахите ему, чтобы он ушел.

– А не лучше ли просто не обращать внимания?

– Нет, нет, не то он все время будет здесь слоняться. Пожалуйста, повернитесь и помахите ему.

Я сделала, как меня просили, и в ту же секунду миссис Рукасл опустила занавеску. Это произошло неделю назад, с тех пор я не сидела у окна, не надевала синего платья и человека на дороге тоже не видела.

– Прошу вас, продолжайте, – сказал Холмс. – Все это очень интересно.

– Боюсь, мой рассказ довольно бессвязен. Не знаю, много ли общего между всеми этими событиями. Так вот, в первый же день моего приезда в «Медные буки» мистер Рукасл подвел меня к маленькому флигелю позади дома. Когда мы приблизились, я услышала звяканье цепи: внутри находилось какое-то большое животное.

– Загляните-ка сюда, – сказал мистер Рукасл, указывая на щель между досками. – Ну, разве это не красавец?

Я заглянула и увидела два горящих во тьме глаза и смутное очертание какого-то животного. Я вздрогнула.

– Не бойтесь, – засмеялся мой хозяин. – Это мой дог Карло. Я называю его моим, но в действительности только старик Толлер осмеливается подойти к нему, чтобы опу-

стить с цепи на ночь, и да поможет Бог тому, в кого он вонзит свои клыки. Ни под каким видом не переступайте порога дома ночью, ибо тогда вам суждено распроститься с жизнью.

Предупредил он меня не зря. На третью ночь я случайно выглянула из окна спальни примерно часа в два. Стояла прекрасная лунная ночь, и лужайка перед домом вся сверкала серебром. Я стояла, захваченная мирной красотой пейзажа, как вдруг заметила, что в тени буков кто-то движется. Таинственное существо вышло на лужайку, и я увидела огромного, величиной с теленка, дога рыжеватого-коричневой масти, с отвислым подгрудком, черной мордой и могучими мослами. Он медленно пересек лужайку и исчез в темноте на противоположной стороне. При виде этого страшного немого стража сердце у меня замерло так, как никогда не случалось при появлении грабителя.

А вот еще одно происшествие, о котором мне тоже хочется вам рассказать. Вы знаете, что я остригла волосы еще до отъезда из Лондона и отрезанную косу спрятала на дно чемодана. Однажды вечером, уложив мальчика спать, я принялась раскладывать свои вещи. В комнате стоит старый комод, два верхних ящика его открыты, и там ничего не было, но нижний заперт. Я положила свое белье в верхние ящики, места не хватило, и я, естественно, была недовольна тем, что нижний ящик заперт. Я решила, что его заперли по недоразумению, поэтому, достав ключи, я попыталась его открыть. Подошел первый же ключ, ящик открылся. Там лежала только одна вещь. И как вы думаете, что именно? Моя коса!

Я взяла ее и как следует рассмотрела. Такой же особый

цвет, как у меня, такие же густые волосы. Но затем я сообразила, что это не мои волосы. Как они могли очутиться в запертом ящике комода? Дрожащими руками я раскрыла свой чемодан, выбросила из него вещи и на дне его увидела свою косу. Я положила две косы рядом, уверяю вас, они были совершенно одинаковыми. Ну, разве это не удивительно? Я была в полнейшем недоумении. Я положила чужую косу обратно в ящик и ничего не сказала об этом Рукаслам: я поступила дурно, чувствовала я, открыв запертый ящик.

Вы, мистер Холмс, наверное, заметили, что я наблюдательна, поэтому мне не составило труда освоиться с расположением комнат и коридоров в доме. Одно крыло его, по-видимому, было нежилым. Дверь, которая вела туда, находилась напротив комнат Толлеров, но была заперта. Однажды, поднимаясь по лестнице, я увидела, как оттуда с ключами в руках выходил мистер Рукасл. Лицо его в этот момент было совсем не таким, как всегда. Щеки его горели, лоб морщился от гнева, а на висках набухли вены. Не взглянув на меня и не сказав ни слова, он запер дверь и поспешил вниз.

Это событие пробудило мое любопытство. Отправившись на прогулку с ребенком, я пошла туда, откуда хорошо видны окна той части дома. Окон было четыре, все они выходили на одну сторону, три просто грязные, а четвертое еще и загорожено ставнями. Там, по-видимому, никто не жил. Пока я ходила взад и вперед по саду, ко мне вышел снова веселый и жизнерадостный мистер Рукасл.

— Не считите за грубость, моя дорогая юная леди, — обратился ко мне он, — что я прошел мимо вас, не сказав ни слова привета. Я был очень озабочен своими делами.

Я уверила его, что ничуть не обиделась.

— Между прочим, — сказала я, — у вас наверху, по-видимому, никто не живет, потому что одно окно даже загорожено ставнями.

— Я увлекаюсь фотографией, — ответил он, — и устроил там темную комнату. Но до чего вы наблюдательны, моя дорогая юная леди! Кто бы мог подумать!

Так вот, мистер Холмс, как только я поняла, что от меня что-то скрывают, я загорелась желанием проникнуть в эти комнаты. Это было не просто любопытство, хоть и оно мне не чуждо. Это было чувство долга и уверенности, что если я туда проникну, я совершу добрый поступок. Говорят, что у женщин есть какое-то особое чутье. Быть может, именно оно поддерживало эту уверенность. Во всяком случае, я настойчиво искала возможность проникнуть за запретную дверь.

Возможность эта представилась только вчера. Должна сказать вам, что кроме мистера Рукасла в пустые комнаты зачем-то входили Толлер и его жена, а один раз я даже видела, как Толлер вынес оттуда большой черный мешок. Последние дни он много пьет и вчера вечером был совсем пьян. Поднявшись наверх, я заметила, что ключ от двери торчит в замке. Мистер и миссис Рукасл находились внизу, ребенок был с ними, поэтому я решила воспользоваться представившейся мне возможностью. Тихо повернув ключ, я отворила дверь и проскользнула внутрь.

Передо мной был небольшой коридор с голыми стенами и пол, не застланный ковром. В конце коридор сворачивал налево. За углом шли подряд три двери, первая и третья отворены и вели в пустые комнаты, запыленные и

мрачные. В первой комнате было два окна, а во второй – одно, такое грязное, что сквозь него еле-еле проникал вечерний свет. Средняя дверь была закрыта и заложена снаружи широкой перекладной от железной кровати; один конец перекладки был продет во вделанное в стену кольцо, а другой привязан толстой веревкой. Ключа в двери не оказалось. Эта забаррикадированная дверь вполне соответствовала закрытому ставнями окну, но по свету, что пробивался из-под нее, я поняла, что в комнате не совсем темно. По-видимому, свет проникал туда из люка, ведущего на чердак. Я стояла в коридоре, глядя на страшную дверь и раздумывая, что может таиться за нею, как вдруг услышала внутри шаги и увидела, как на узкую полосу тусклого света, проникающего из-под двери, то надвигалась какая-то тень, то удалялась от нее. Безумный страх охватил меня, мистер Холмс. Напряженные нервы не выдержали, я повернулась и бросилась бежать – так, будто сзади меня хватала какая-то страшная рука. Я промчалась по коридору, выбежала на площадку и очутилась прямо в объятиях мистера Рукасла.

– Значит, – улыбаясь, сказал он, – это были вы. Я так и подумал, когда увидел, что дверь открыта.

– Ох, как я перепугалась! – пролепетала я.

– Моя дорогая юная леди! Что же так напугало вас, моя дорогая юная леди?

Вы и представить себе не можете, как ласково и успокаивающе он это говорил.

Но голос его был чересчур добрым. Он переигрывал. Я снова была начеку.

– По глупости я забрела в нежилое крыло, – объяснила я.

– Но там так пусто и такой мрак, что я испугалась и убежала. Ох, как там страшно!

– И это все? – спросил он, зорко вглядываясь в меня.

– Что же еще? – воскликнула я.

– Как вы думаете, почему я запер эту дверь?

– Откуда же мне знать?

– Чтобы посторонние не совали туда свой нос. Понятно?

Он продолжал улыбаться самой любезной улыбкой.

– Уверяю вас, если бы я знала...

– Что ж, теперь знайте. И если вы хоть раз снова переступите этот порог... – при этих словах улыбка его превратилась в гневную гримасу, словно дьявол глянул на меня своим свирепым оком, – я отдам вас на растерзание моему псу.

Я была так напугана, что не помню, как поступила в ту минуту. Наверное, я метнулась мимо него в свою комнату. Очнулась я, дрожа всем телом, уже у себя на постели. И тогда я подумала про вас, мистер Холмс. Я больше не могла там находиться, мне нужно было посоветоваться с вами. Этот дом, этот человек, его жена, его слуги, даже ребенок – все внушало мне страх. Если бы только вызвать вас сюда, тогда все было бы в порядке. Конечно, я могла бы бежать оттуда, но меня терзало любопытство, не менее сильное, чем страх. И я решила послать вам телеграмму. Я надела пальто и шляпу, сходила на почту, что в полумиле от нас, и затем, испытывая некоторое облегчение, пошла назад. У самого дома мне пришла в голову мысль, не спустили ли они собаку, но тут же я вспомнила, что Толлер напился до бесчувствия, а без него никто не сумеет спустить с цепи эту

злую тварь. Я благополучно проскользнула внутрь и полночи не спала, радуясь, что увижу вас. Сегодня утром я без труда получила разрешение съездить в Винчестер. Правда, мне нужно вернуться к трем часам, так как мистер и миссис Рукасл едут к кому-то в гости, поэтому я весь вечер должна быть с ребенком. Теперь вам известны, мистер Холмс, все мои приключения, и я была бы очень рада, если бы вы объяснили мне, что все это значит, и прежде всего научили, как я должна поступить.

Холмс и я, затаив дыхание, слушали этот удивительный рассказ. Мой друг встал и, засунув руки в карманы, принялся ходить взад и вперед по комнате. Лицо его было чрезвычайно серьезным.

— Толлер все еще пьян? — спросил он.

— Да. Его жена утром говорила миссис Рукасл, что ничего не может с ним сделать.

— Хорошо. Так вы говорите, что Рукаслов нынче весь вечер не будет дома?

— Да.

— В доме есть какой-нибудь погреб, который закрывается на хороший, крепкий замок?

— Да, винный погреб.

— Мисс Хантер, вы вели себя очень отважно и разумно. Сумеете ли вы совершить еще один смелый поступок? Я бы не обратился с подобной просьбой, если бы не считал вас женщиной незаурядной.

— Попробую. А что я должна сделать?

— Мы, мой друг и я, приедем в «Медные буки» в семь часов. К этому времени Рукаслы уедут, а Толлер, надеюсь, не проспится. Остается мисс Толлер. Если вы сумеете под

каким-нибудь предлогом послать ее в погреб, а потом запереть там, вы облегчите нашу задачу.

– Я это сделаю.

– Прекрасно! Тогда нам удастся поподробнее расследовать эту историю, у которой только одно объяснение. Вас пригласили туда сыграть роль некоей молодой особы, которую они заточили в комнате наверху. Тут нет никаких сомнений. Кто она? Я уверен, что дочь мистера Рукасла, Алиса, которая, если я не запамятовал, уехала в Америку. Выбор пал на вас, вы похожи на нее ростом, фигурой и цветом волос. Во время болезни ей, наверное, остригли волосы, поэтому пришлось принести в жертву и ваши. Вы случайно нашли ее косу. Человек на дороге – это ее друг или жених, а так как вы похожи на нее – на вас было ее платье, – то видя, что вы смеетесь и даже машете, чтобы он ушел, он решил, что мисс Рукасл счастлива и более в нем не нуждается. Собаку спускали по ночам для того, чтобы помешать его попыткам увидеться с Алисой. Все это совершенно ясно. Самое существенное в этом деле – это ребенок.

– Он-то какое отношение имеет ко всей этой истории? – воскликнул я.

– Мой дорогой Уотсон, вы врач и должны знать, что поступки ребенка можно понять, изучив нрав его родителей. И наоборот. Я часто определял характер родителей, изучив нрав их детей. Этот ребенок аномален в своей жестокости, он наслаждается ею, и унаследовал ли он ее от своего улыбчивого отца или от матери, эта черта одинаково опасна для той девушки, что находится в их власти.

– Вы совершенно правы, мистер Холмс! – вскричала

наша клиентка. – Мне приходят на память тысячи мелочей, которые свидетельствуют о том, как вы правы. О, давайте не будем терять ни минуты, поможем этой бедняжке.

– Надо быть осторожными, потому что мы имеем дело с очень хитрым человеком. До вечера мы ничего не можем предпринять. В семь мы будем у вас и сумеем разгадать эту тайну.

Мы сдержали слово и ровно в семь, оставив нашу двуколку у придорожного трактира, явились в «Медные буки». Даже если бы мисс Хантер с улыбкой на лице и не ждала нас на пороге, мы все равно узнали бы дом, увидев деревья с темными листьями, сверкающими, как начищенная медь, в лучах заходящего солнца.

– Удалось? – только и спросил Холмс.

Откуда-то снизу доносился глухой стук.

– Это миссис Толлер в погребке, – объяснила мисс Хантер.

– А ее муж храпит в кухне на полу. Вот ключи, кажется такие же, как у мистера Рукасла.

– Умница! – восхищенно вскричал Холмс. – А теперь ведите нас, через несколько минут преступление будет раскрыто.

Мы поднялись по лестнице, отперли дверь, прошли по коридору и очутились перед дверью, о которой рассказывала нам мисс Хантер. Холмс перерезал веревку и снял перекладину. Затем он хотел отпереть дверь, но ни один ключ не подходил к замку. Изнутри не доносилось ни звука, и Холмс нахмурился.

– Надеюсь, мы не опоздали, – сказал он. – Мне кажется, мисс Хантер, нам лучше войти туда без вас. Ну-ка, Уотсон,

нажмите на дверь плечом, не удастся ли нам открыть ее силой.

Старая, обшарпанная дверь тотчас же уступила нашим объединенным усилиям, и мы ворвались в комнату. Она была пуста. В ней не было ничего, кроме маленькой жесткой постели, стола и корзины с бельем. Люк на чердак был распахнут, пленница бежала.

– Здесь что-то произошло, – сказал Холмс. – Этот красавчик, очевидно, догадался о намерениях мисс Хантер и уволок свою жертву.

– Но каким образом?

– Через люк. Сейчас посмотрим, как он это сделал. – Он влез на стол. – Правильно, вот и обрывок веревочной лестницы, привязанной к карнизу. Вот как он это сделал.

– Но это невозможно, – возразила мисс Хантер. – Когда Рукаслы уезжали, никакой лестницы не было.

– Он вернулся и проделал все, что надо. Говорю вам, это умный и опасный человек. Я не удивлюсь, если услышу на лестнице его шаги. Уотсон, вам лучше приготовить свой пистолет.

Едва он произнес эти слова, как на пороге появился очень полный, крупный мужчина с толстой палкой в руках. Мисс Хантер вскрикнула и прижалась к стене, но Шерлок Холмс решительно встал между ними.

– Негодяй! – сказал он. – Куда вы дели свою дочь?

Толстяк обежал глазами комнату и затем бросил взгляд на люк.

– Это я у вас должен спросить! – закричал он. – Воры! Шпионы и воры! Я поймал вас! Вы в моей власти! Я вам покажу! – Он повернулся и бросился вниз по лестнице.

– Он пошел за собакой! – воскликнула мисс Хантер.

– У меня есть пистолет, – сказал я.

– Надо закрыть парадную дверь, – распорядился Холмс, и мы втроем побежали вниз.

Едва мы спустились, как раздался собачий лай, а затем ужасный вопль, сопровождаемый жутким рычанием. Из соседней двери, спотыкаясь, выскочил пожилой мужчина с красным лицом и дрожащими руками.

– Боже мой! – вскричал он. – Кто-то спустил собаку. Ее не кормили целых два дня. Быстрее, не то будет поздно!

Мы с Холмсом выбежали из дома и вслед за Толлером завернули за угол. Огромный зверь с черной мордой терзал горло Рукасла, а тот корчился на земле и кричал. Подбежав к собаке, я выстрелил; она упала, но белые ее клыки так и остались в жирных складках шеи. С большим трудом мы оторвали собаку от Рукасла и понесли его, еще живого, но жестоко искалеченного, в дом. Мы положили его на диван в гостиной, послали протрезвевшего Толлера за его женой, а я попытался по мере сил и возможностей облегчить положение раненого. Мы все стояли вокруг него, когда дверь отворилась и в комнату вошла высокая худая женщина.

– Миссис Толлер! – воскликнула мисс Хантер.

– Да, мисс, это я. Мистер Рукасл отпер погреб, когда вернулся, а потом уж пошел вверх к вам. Как жаль, мисс, что вы не рассказали мне о своих намерениях. Я бы убедила вас, что вы стараетесь напрасно.

– Так! – воскликнул Холмс, пристально глядя на нее. – Значит, мисс Толлер известно об этом деле больше, чем кому-либо другому.

– Да, сэр, и я готова рассказать, что знаю.

– Тогда, пожалуйста, садитесь, и мы слушаем, некоторые детали, признаюсь, я еще не совсем уяснил.

– Постараюсь прояснить их, – сказала она. – Я бы сделала это и раньше, если бы сумела выбраться из погреба. Коли вмешается полиция, прошу вас помнить, что я была на вашей стороне и помогла мисс Алисе.

У мисс Алисы не было счастья с тех пор, как ее отец женился вторично. На нее не обращали внимания, с ней не считались. Но совсем плохо стало, когда у своей подруги она познакомилась с молодым мистером Фаулером. Насколько мне известно, у мисс Алисы по завещанию были собственные деньги, но уж такой робкой и терпеливой она была, что и словом не заикнулась про них, а просто передала все в руки мистера Рукасла. Он знал, что в отношении денег ему беспокоиться не о чем. Однако перспектива замужества, когда супруг может потребовать все, что принадлежит ему по закону, заставила его призадуматься и решить, что пора действовать. Он хотел, чтобы она подписала бумагу о том, что он имеет право распоряжаться деньгами, независимо от того, выйдет она замуж или нет. Она отказалась это сделать, но он не отставал до тех пор, пока у нее не сделалось воспаление мозга, и шесть недель она находилась между жизнью и смертью. Потом она поправилась, но стала как тень, а ее прекрасные волосы пришлось остричь. Правда, молодого человека это ничуть не смутило – он по-прежнему оставался ей предан, как и полагается порядочному человеку.

– Ваш рассказ значительно прояснил дело, – заметил Холмс. – Остальное я, пожалуй, в состоянии домыслить сам. Значит, мистер Рукасл применил систему насильственной изоляции?

– Да, сэр.

– И привез миссис Хантер из Лондона, чтобы избавиться от настойчивости мистера Фаулера?

– Именно так, сэр.

– Но мистер Фаулер, будучи человеком упрямым, как и подобает настоящему моряку, осадил дом, а встретившись с вами, сумел звоном монет и другими способами убедить вас, что у вас с ним общие интересы.

– Мистер Фаулер умеет уговаривать, человек он щедрый, – безмятежно отозвалась миссис Толлер..

– Ему удалось сделать так, что ваш почтенный супруг не испытывал недостатка в спиртном и чтобы на тот случай, когда ваш хозяин уедет из дома, лестница была наготове.

– Именно так, сэр, все и произошло.

– Премного вам обязан, миссис Толлер, за то, что вы разъяснили нам кое-какие непонятные вещи, – сказал Холмс. – А вот и здешний доктор и с ним миссис Рукасл! Мне думается, Уотсон, нам пора взять мисс Хантер с собой в Винчестер, так как наш *locus standi*⁶ представляется сейчас довольно сомнительным. Так была раскрыта тайна страшного дома с медными буками у парадного крыльца. Мистер Рукасл остался жив, но превратился в полного инвалида, и существование его теперь целиком зависит от забот преданной жены. Они по-прежнему живут вместе со старыми слугами, которым, наверное, так много известно из прошлой жизни мистера Рукасла, что у него нет сил с ними расстаться. Мистер Фаулер и мисс Рукасл обвенча-

⁶ Положение (лат.)

лись в Саутгемптоне на следующий же день после побега, и сейчас он правительственный чиновник на острове святого Маврикия. Что же касается мисс Вайолет Хантер, то мой друг Холмс, к крайнему моему неудовольствию, больше не проявлял к ней никакого интереса, поскольку она перестала быть центром занимающей его проблемы, и сейчас она трудится на посту директора частной школы в Уолсоле, делая это, не сомневаюсь, весьма успешно.

УБИЙСТВО В ЭББИ-ГРЕЙНДЖ

В холодное, морозное утро зимы 1897 года я проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Это был Холмс. Свеча в его руке озаряла взволнованное лицо моего друга, и я сразу же понял: случилось что-то неладное.

– Вставайте, Уотсон, вставайте! – говорил он. – Игра началась. Ни слова. Одевайтесь, и едем!

Через десять минут мы оба сидели в кэбе и мчались с грохотом по тихим улицам к вокзалу Черинг-кросс. Едва забрезжил робкий зимний рассвет, и в молочном лондонском тумане смутно виднелись редкие фигуры спешивших на работу мастеровых. Холмс, укутавшись в свое теплое пальто, молчал, и я последовал его примеру, потому что было очень холодно, а мы оба выехали натошак. И только выпив на вокзале горячего чаю и усевшись в кентский поезд, мы настолько оттаяли, что он мог говорить, а я слушать. Холмс вынул из кармана записку и прочитал ее вслух:

«Эбби-Грейндж, Маршем, Кент, 3.30 утра.

Мой дорогой м-р Холмс!

Буду очень рад, если Вы немедленно окажете мне содействие в деле, которое обещает быть весьма замечательным. Это нечто в Вашем вкусе. Леди придется выпустить, все остальное постараюсь сохранить в первоначальном виде. Но, прошу вас, не теряйте ни минуты, потому что трудно будет оставить здесь сэра Юстаса.

Преданный вам Стэнли Хопкинс».

– Хопкинс вызывал меня семь раз, и во всех случаях его приглашение оправдывалось, – сказал Холмс. – Если не ошибаюсь, все эти дела вошли в вашу коллекцию, а я должен признать, Уотсон, что у вас есть умение отбирать самое интересное. Это в значительной степени искупает то, что мне так не нравится в ваших сочинениях. Ваша несчастная привычка подходить ко всему с точки зрения писателя, а не ученого, погубила многое, что могло стать классическим образцом научного расследования. Вы только слегка касаетесь самой тонкой и деликатной части моей работы, останавливаясь на сенсационных деталях, которые могут увлечь читателя, но ничему не научат.

– А почему бы вам самому не писать эти рассказы? – сказал я с некоторой запальчивостью.

– И буду писать, мой дорогой Уотсон, непременно буду. Сейчас, как видите, я очень занят, а на склоне лет я собираюсь написать руководство, в котором сосредоточится все искусство раскрытия преступлений. Хопкинс, по-моему, нас вызвал сегодня по поводу убийства.

– Вы думаете, стало быть, что этот сэр Юстас мертв?

– Да. По записке видно, что Хопкинс сильно взволнован, а он не тот человек, которого легко взволновать. Да, я думаю, что это убийство и тело оставлено, чтобы мы могли его осмотреть. Из-за обыкновенного самоубийства Хопкинс не послал бы за мной. Слова «леди придется выпустить» означают, вероятно, что, пока разыгрывалась трагедия, она была где-то заперта. Мы переносимся в высший свет, Уотсон. Дорогая, хрустящая бумага, монограмма «Ю. Б.», герб, пышный титул. Полагаю, что наш друг Хопкинс оправдывает свою репутацию и сегодня утром мы не будем скучать. Преступление было совершено до полуночи.

– Из чего вы это могли заключить?

– Из расписания поездов и из подсчета времени. Надо было вызвать местную полицию, она снеслась со Скотланд-Ярдом. Хопкинс должен был туда приехать и, в свою очередь, послать за мной. Этого хватает как раз на целую ночь. Впрочем, вот уже и Чизилхерст, и скоро все наши сомнения разъяснятся.

Проехав несколько миль по узким деревенским дорогам, мы добрались до ворот парка, которые распахнул перед нами старый привратник; его мрачное лицо говорило о недавно пережитом большом потрясении. Через великолепный парк между двумя рядами старых вязов шла аллея, заканчиваясь у невысокого, вытянутого в длину дома с колоннами в стиле Палладио по фасаду. Центральная часть здания была, несомненно, очень древней постройки и вся увита плющом; но большие широкие окна говорили о том, что ее коснулись современные усовершенствования, а одно крыло было по всем признакам совсем новое. У входа в открытых дверях мы увидели стройную молодую фигуру

инспектора Стэнли Хопкинса и его возбужденное, встревоженное лицо.

– Я очень рад, что вы приехали, мистер Холмс. И вы тоже, доктор Уотсон. Но, право, если бы я мог начать все сначала, я бы не стал беспокоить вас. Как только леди пришла в себя, она дала такие ясные показания, что теперь уже дело за немногим. Помните луишемскую банду взломщиков?

– Троих Рэндалов?

– Именно. Отец и два сына. Это их работа. У меня нет сомнений на этот счет. Две недели назад они поработали в Сайденхэме, их там видели, и у нас теперь есть описание их наружности. Какая дерзость? Двух недель не прошло – и вот вам новое преступление. И в одном районе. Но это они, никакого сомнения, они. На этот раз от виселицы им не уйти.

– Сэр Юстас, значит, мертв?

– Да. Они проломили ему голову кочергой от его же собственного камина.

– Сэр Юстас Брэкенстолл, как сообщил нам кучер?

– Да, он. Один из самых богатых людей в Кенте. Леди Брэкенстолл сейчас в гостиной. Бедная, что ей пришлось пережить! Она была почти мертва, когда я впервые увидел ее. Вам лучше всего, я думаю, пойти к ней и послушать рассказ обо всем этом из ее собственных уст. Потом мы вместе осмотрим столовую.

Леди Брэкенстолл оказалась женщиной необыкновенной. Редко приходилось мне видеть такую изящную фигуру, такие женственные манеры и такое прекрасное лицо. Она была блондинка с золотистыми волосами, голубыми

глазами и, должно быть, восхитительным цветом лица, которое от недавних переживаний было сейчас очень бледным и измученным. На ее долю выпали не только моральные страдания, но и физические: над одним глазом у нее набух большой багровый кровоподтек, который ее горничная – высокая строгая женщина – усердно смачивала водой с уксусом. Леди лежала на кушетке в полном изнеможении, но ее быстрый, внимательный взгляд и настояренное выражение прекрасного лица показали, что страшное испытание не повлияло ни на ее разум, ни на ее самообладание. На ней был свободный, голубой с серебром халат, но здесь же, на кушетке, позади нее, лежало черное, отделанное блестками нарядное платье.

– Я уже рассказала вам все, что произошло, мистер Хопкинс, – сказала она устало. – Не могли бы вы повторить мой рассказ? Впрочем, если вы считаете, что это необходимо, я расскажу сама. Они уже были в столовой?

– Я считал, что сначала им надо выслушать ваш рассказ.

– Я вздохну свободно только тогда, когда с этим ужасом будет покончено. Мне страшно подумать, что он все еще лежит там.

Она вздрогнула и на секунду закрыла лицо руками. Широкие рукава ее халата упали, обнажив руки до локтя.

– У вас есть еще ушибы, мадам? Что это? – воскликнул Холмс.

Два ярко-красных пятна проступали на белой гладкой коже руки. Она поспешила прикрыть их.

– Это ничего. Это не имеет отношения к страшным событиям минувшей ночи. Если вы и ваш друг присядете, я расскажу вам все, что знаю. Я жена сэра Юстаса Брэкен-

столла. Мы поженились около года тому назад. Думаю, ни к чему скрывать, что наш брак был не из счастливых. Так скажут вам, надо думать, вей соседи, даже если бы я и попыталась это отрицать. Возможно, что вина отчасти моя. Я выросла в более свободной, не скованной такими условностями обстановке Южной Австралии, и эта английская жизнь с ее строгими приличиями и чопорностью мне не по душе. Но главное в том – и это знают все, – что сэр Юстас сильно пил. Нелегко было даже час провести с таким человеком. Вообразите, что значит для чуткой и пылкой молодой женщины быть с ним вместе и днем и ночью! Это святотатство, это преступление, это подлость – считать, что такой брак нерушим. Я убеждена, что эти ваши чудовищные законы навлекут проклятие на вашу страну. Небо не позволит, чтобы несправедливость торжествовала вечно.

Она на минуту привсталала, щеки у нее вспыхнули, глаза заблестели. Багровый кровоподтек показался мне еще страшнее. Сильная и нежная рука ее суровой горничной опустила ее голову на подушку, и неистовая вспышка гнева разрешилась бурными рыданиями.

Наконец она заговорила опять:

– Я расскажу вам теперь о минувшей ночи. Вы уже, возможно, заметили, что все наши слуги спят в новом крыле. В центральной части дома жилые комнаты, за ними кухня и наши спальни наверху. Горничная моя, Тереза, спит над моей комнатой. Больше здесь нет никого, и ни один звук не доносится до тех, кто живет в пристройке. Судя по тому, как вели себя грабители, это им было известно.

Сэр Юстас удалился к себе около половины одиннадцатого. Слуги уже легли спать. Не легла только моя горничная, она ждала у себя наверху, когда я позову ее. Я сидела в этой комнате и читала. В двенадцатом часу, перед тем как подняться наверх, я пошла посмотреть, все ли в порядке. Это моя обязанность, как я уже объяснила вам, на сэра Юстаса не всегда можно было положиться. Я зашла в кухню, в буфетную к дворецкому, в оружейную, в бильярдную, в гостиную и, наконец, в столовую. Когда я подошла к дверям, задернутым плотными портьерами, я вдруг почувствовала сквозняк и поняли, что дверь открыта настежь. Я отдернула портьеру и оказалась лицом к лицу с пожилым широкоплечим мужчиной, который только что вошел в комнату. Дверь, большая, стеклянная, так называемое французское окно, выходит на лужайку перед домом. У меня в руке была зажженная свеча, и я увидела за этим мужчиной еще двоих, которые как раз входили в дом. Я отступила, но мужчина набросился на меня, схватил сперва за руку, потом за горло. Я хотела крикнуть, но он кулаком нанес мне страшный удар по голове и свалил наземь. Вероятно, я потеряла сознание, потому что, когда через несколько минут я пришла в себя, оказалось, что они оторвали от звонка веревку и крепко привязали меня к дубовому креслу, которое стоит во главе обеденного стола. Я не могла ни крикнуть, ни шевельнуться — так крепко я была привязана, и рот у меня был завязан платком. В эту минуту в комнату вошел мой несчастный супруг. Он, должно быть, услышал какой-то подозрительный шум и ожидал увидеть нечто подобное тому, что представилось его глазам. Он был в ночной сорочке и брюках, но в руке

держал свою любимую дубинку. Он бросился к одному из грабителей, но тот, которого я увидели первым, схватил из-за каминной решетки кочергу и ударил его со страшной силой по голове. Мой муж упал, даже не вскрикнув. Он был мертв. Сознание опять покинуло меня, но через несколько минут я очнулась. Открыв глаза, я увидела, что воры взяли из буфета все серебро и достали оттуда же бутылку с вином. У каждого в руке был бокал. Я уже говорила вам, что один из них был постарше, с бородой, два других – молодые парни. Возможно, это были отец и сыновья. Поговорив шепотом о чем-то, они ко мне подошли, чтобы проверить, крепко ли я привязана. Потом они ушли, затворив за собой дверь. Мне удалось освободить рот только через четверть часа. Я закричала, крики услышала горничная и сбежала вниз. Проснулись и другие слуги, и мы послали за полицией. Полиция немедленно связалась с Лондоном. Вот все, что я могу сказать вам, джентльмены, и надеюсь, что мне не придется еще раз повторять «ту столь горестную для меня историю».

– Вы хотели бы что-то спросить, мистер Холмс? – сказал Хопкинс.

– Нет, я не хочу больше испытывать терпение леди Брэкенстолл и злоупотреблять ее временем, – сказал Холмс. – Но прежде чем пойти осматривать столовую, я был бы рад послушать ваш рассказ, – обратился он к горничной.

– Я видела этих людей еще до того, как они вошли в дом, – сказала она. – Я сидела у окна своей комнаты и вдруг увидела у сторожки привратника трех мужчин. Ночь-то была лунная. Но ничего плохого я тогда не подумала. А

через час я услышала стоны моей хозяйки, бросилась вниз и нашла ее, голубушку, привязанной в этом кресле, точь-в-точь как она вам рассказывала. Хозяин лежал на полу, а комната была забрызгана мозгами и кровью. И даже у нее на платье была кровь. От этого кто угодно в обморок упадет. Но она всегда была мужественной, мисс Мэри Фрейзер из Аделаиды. И она ни капельки не изменилась, став леди Брэкенстолл из Эбби-Грейндж. Вы очень долго расспрашивали ее, джентльмены. Видите, как она устала. Старая верная Тереза отведет ее в спальню. Ей надо отдохнуть.

Эта худая, суровая женщина с материнской нежностью обняла за талию свою хозяйку и увела ее из комнаты.

— Она прожила с ней всю жизнь, — сказал Хопкинс. — Нянчила ее, когда та была маленькой. Полтора года назад они покинули Австралию и вместе приехали в Англию. Ее зовут Тереза Райт, и таких слуг вы теперь не найдете. Вот так, мистер Холмс!

Выразительное лицо Холмса стало безучастным. Я знал, для него вместе с тайной исчезает и вся привлекательность дела. Правда, оставалось еще найти и арестовать преступников. Но дело было такое заурядное, что Холмсу не стоило тратить время. Он чувствовал примерно то же, что чувствует крупный специалист, светило в медицинском мире, когда его приглашают к постели ребенка лечить корь. Но, войдя в столовую и воочию увидев картину преступления, Холмс оживился и снова почувствовал интерес к этому делу.

Столовая была большой высокой комнатой с потолком из резного дуба, с дубовыми панелями и отличным со-

бранием оленьих рогов и старого оружия на стенах. Напротив входа в дальнем конце комнаты находилась та самая стеклянная дверь, о которой говорила леди Брэкен-столл. Справа три окна, наполнявшие комнату холодным светом зимнего солнца. По левую сторону зияла пасть большого, глубокого камина под массивной дубовой полкой. У камина стояло тяжелое дубовое кресло с подлокотниками и резьбой внизу спинки. Сквозь отверстия резьбы был продет красный шнур, концы которого были привязаны к нижней перекладине. Когда леди освободили от пут, шнур соскочил, но узлы так и остались не развязаны.

Эти детали мы заметили позже, потому что теперь все наше внимание было приковано к телу, распростертому на тигровой шкуре перед камином.

Это был высокий, хорошо сложенный мужчина лет сорока. Он лежал на спине, с запрокинутым лицом и торчащей вверх короткой черной бородкой, скаля в усмешке белые зубы. Над головой были занесены стиснутые кулаки, а поверх рук лежала накрест его тяжелая дубинка. Его красивое, смуглое, орлиное лицо исказила гримаса мстительной ненависти и неистовой злобы. Он, видимо, был уже в постели, когда поднялась тревога, потому что на нем была щегольская, вышитая ночная сорочка, а из брюк торчали босые ноги. Голова была размозжена, и все в комнате говорило о дикой жестокости, с которой был нанесен удар. Рядом с ним валялась тяжелая кочерга, согнувшаяся от удара в дугу. Холмс внимательно осмотрел кочергу и нанесенную ею рану на голове.

— Видимо, этот старший Рэндол — могучий мужчина, — заметил он.

– Да, – сказал Хопкинс. – У меня есть о нем кое-какие данные. Опасный преступник.

– Вам будет нетрудно его взять.

– Конечно. Мы давно за ним следим. Ходили слухи, что он подался в Америку. А он, оказывается, здесь. Ну, теперь ему от нас не уйти. Мы уже сообщили его приметы во все морские порты, и еще до вечера будет объявлена денежная премия за поимку. Я одного не могу понять: как они решились на такое отчаянное дело, зная, что леди опишет их нам, а мы по описанию непременно их опознаем.

– В самом деле, почему им было не прикончить и леди Брэкенстолл?

– Наверное, думали, – высказал я предположение, – что она не скоро придет в себя.

– Возможно. Они видели, что она без сознания, вот и пощадили ее. А что вы можете рассказать, Хопкинс, об этом несчастном? Я как будто слышал о нем что-то не очень лестное.

– Трезвым он был неплохой человек. Но когда напивался, становился настоящим чудовищем. Точно сам дьявол вселялся в него. В такие минуты он бывал способен на все. Несмотря на титул и на богатство, он уже дважды чуть не попал к нам. Как-то облил керосином собаку и поджег ее, а собака принадлежала самой леди. Скандал едва замяли. В другой раз он бросил в горничную графин. В эту самую Терезу Райт. И с этим делом сколько было хлопот! Вообще говоря, только это между нами, без него в доме станет легче дышать... Что вы делаете. Холмс?

Холмс опустил на колени и с величайшим вниманием рассматривал узлы на красном шнуре, которым леди при-

вязали к креслу. Затем он так же тщательно осмотрел оборванный конец шнура, который был сильно обтрепан.

– Когда за этот шнур дернули, то в кухне, надо думать, громко зазвонил звонок, – заметил он.

– Да, но услышать его никто не мог. Кухня – направо, в противоположной стороне здания.

– Откуда грабитель мог знать, что звонка не услышат? Как он решился столь неосмотрительно дернуть шнур?

– Верно, мистер Холмс, верно. Вы задаете тот же вопрос, который и я много раз задавал себе. Нет сомнения, что грабители должны были хорошо знать и самый дом и его порядки. Прежде всего они должны были знать, что все слуги в этот сравнительно ранний час уже в постели и что ни один из них не услышит звонка. Стало быть, кто-то из слуг был их союзником. Но в доме восемь слуг, и у всех отличные рекомендации.

– При прочих равных условиях, – сказал Холмс, – можно было бы заподозрить служанку, в которую хозяин бросил графин. Но это означало бы предательство по отношению к хозяйке, а Тереза Райт безгранично предана ей. Но это – второстепенное обстоятельство. Арестовав Рэндола, вы без особого труда установите и его сообщников. Рассказ леди полностью подтверждается – если требуются подтверждения – всем тем, что мы здесь видим.

Он подошел к стеклянной двери и отворил ее.

– Никаких следов, да их и не может быть: земля твердая, как железо. Между прочим, свечи на камине горели ночью!

– Да. Именно эти свечи и свеча в спальне леди послужили грабителям ориентиром.

– Что грабители унесли?

– Совсем немного. Только полдюжины серебряных приборов из буфета. Леди Брэкенстолл думает, что, убив сэра Юстаса, они испугались и не стали дочиста грабить дом, как это было наверняка задумано.

– Пожалуй, что так. Странно только, что у них хватило духу задержаться и выпить вина.

– Нервы, видно, хотели успокоить.

– Пожалуй. К этим бокалам никто не притрагивался сегодня?

– Никто, и бутылка как стояла, так и стоит на буфете.

– Сейчас посмотрим. А это что такое? Три бокала стояли в ряд, все со следами вина. В одном на дне темнел осадок, какой дает старое, выдержанное вино. Тут же стояла бутылка, наполненная на две трети, а рядом лежала длинная, вся пропитанная вином пробка. Эта пробка и пыль на бутылке говорили о том, что убийцы лакомились не простым вином.

Холмс вдруг на глазах переменялся. Куда девалась его апатия! Взгляд стал живым и внимательным. Он взял в руки пробку и стал ее рассматривать.

– Как они вытащили ее? – спросил он.

Хопкинс кивнул на выдвинутый наполовину ящик буфета. В нем лежало несколько столовых скатертей и большой пробочник.

– Леди Брэкенстолл упоминала этот пробочник?

– Нет. Но ведь она была без сознания, когда они открывали бутылку.

– Да, действительно. Между прочим, бутылку открывали штопором из складного ножа с набором инструмен-

тов. Он был длиной не более полутора дюймов. Если присмотреться к головке пробки, то видно, что штопор ввинчивался трижды, прежде чем пробка была извлечена. И штопор ни разу не прошел насквозь. Этот длинный пробочник насквозь бы пробуравил пробку и вытащил ее с первого раза. Когда вы поймаете субъекта, непременно поищите у него складной перочинный нож с многочисленными инструментами.

– Великолепно! – воскликнул Хопкинс.

– Но эти бокалы, признаюсь, ставят меня в тупик. Леди Брэкенстолл в самом деле видела, как все трое пили вино?

– Да, видела.

– Ну, тогда не о чем говорить! А все-таки вы должны признать, Хопкинс, что эти бокалы весьма примечательны. Что? Вы ничего не замечаете? Ну хорошо, пусть. Возможно, что, когда человек развил в себе некоторые способности, вроде моих, и углубленно занимался наукой дедукции, он склонен искать сложные объяснения там, где обычно запрашиваются более простые. Эти бокалы, вероятно, ничего не значат. Всего хорошего, Хопкинс. Не вижу, чем я могу быть полезен вам. Дело как будто ясное. Сообщите мне, когда Рэндол будет арестован, и вообще о всех дальнейших событиях. Надеюсь, что скоро смогу поздравить вас с успешным завершением дела. Идемте, Уотсон. Думаю, что дома мы с большей пользой проведем время.

На обратном пути я по лицу Холмса видел, что ему не дает покоя какая-то мысль. Усилием воли он старался избавиться от ощущения какой-то несообразности и старался вести разговор так, будто все для него ясно. Но сомнения снова и снова одолевали его. Нахмуренные брови, неви-

дящие глаза говорили о том, что его мысли опять устремились к той большой столовой в Эбби-Грейндж, где разыгралась эта полночная трагедия. И в конце концов на какой-то пригородной станции, когда поезд уже тронулся. Холмс, побежденный сомнениями, выскочил на платформу и потянул меня за собой.

– Извините меня, дорогой друг, – сказал он, когда задние вагоны нашего поезда скрылись за поворотом, – мне совестно делать вас жертвой своей прихоти, как это может показаться. Но, клянусь жизнью, я просто не могу оставить дело в таком положении. Мой опыт, моя интуиция встают против этого. Все неправильно, готов поклясться, что все неправильно. А между тем рассказ леди точен и ясен, в показаниях горничной нет никаких противоречий, все подробности сходятся. Что я могу противопоставить этому? Три пустых бокала, вот и все. Но если бы я подошел к делу без предвзятого мнения, если бы стал расследовать его с той тщательностью, которой требует дело *de novo*, если бы не было готовой версии, которая сразу увела нас в сторону, – неужели я не нашел бы ничего более определенного, чем эти бокалы? Конечно, нашел бы. Садитесь на эту скамью, Уотсон, подождем чизилхерстский поезд. А пока послушайте мои рассуждения. Только прошу вас – это очень важно, – пусть показания хозяйки и горничной не будут для вас непреложной истиной. Личное обаяние леди Брэкенстолл не должно мешать нашим выводам.

В ее рассказе, если к нему отнестись беспристрастно, несомненно, есть подозрительные детали. Эти взломщики совершили дерзкий налет в Сайденхэме всего две недели назад. В газетах сообщались о них кое-какие сведения,

давались их приметы. И если бы кто-нибудь решил сочинить версию об ограблении, он мог бы воспользоваться этим. Подумайте, разве взломщики, только что совершившие удачный налет, пойдут на новое опасное дело, вместо того чтобы мирно радоваться удаче где-нибудь в недостижимом месте? Далее, разве принято у грабителей действовать в столь ранний час или бить женщину, чтобы она молчала, хотя это самый верный способ заставить ее закричать? Не будут они и убивать человека, если их достаточно, чтобы справиться с ним без кровопролития. Не упустят они добычи и не ограничатся пустяками, если добыча сама идет в руки. Оставить бутылку вина недопитой тоже не в правилах этих людей. Не удивляют ли вас все эти несообразности, Уотсон?

– Все вместе они производят впечатление, хотя каждая в отдельности не такая уж невозможная вещь. Самое странное в этом деле, мне кажется, то, что леди привязали к креслу.

– Мне это не кажется странным, Уотсон. Они должны были или убить ее, или сделать так, чтобы она не подняла тревоги сразу же после их ухода. Но все равно, Уотсон, разве я не убедил вас, что в рассказе леди Брэкенстолл не все заслуживает доверия? А хуже всего эти бокалы.

– Почему?

– Вы можете представить себе их?

– Могу.

– Леди Брэкенстолл говорит, что из них пили трое. Не вызывает это у вас сомнения?

– Нет. Ведь вино осталось в каждом бокале.

– Но почему-то в одном есть осадок, а в других нет... Вы, наверное, это заметили? Как вы можете объяснить это?

– Бокал, в котором осадок, был, наверное, налит последним?

– Ничего подобного. Бутылка была полная, осадок в ней на дне, так что в третьем бокале вино должно быть точно такое, как и в первых двух. Возможны только два объяснения. Первое: после того, как наполнили второй бокал, бутылку сильно взболтали, так что весь осадок оказался в третьем бокале. Но это маловероятно. Да, да, я уверен, что я прав.

– Как же вы объясняете этот осадок?

– Я думаю, что пили только из двух бокалов, а в третий слили остатки, поэтому в одном бокале есть осадок, а в двух других нет. Да, именно так и было. Но тогда ночью в столовой было два человека, а не три, и дело сразу из весьма заурядного превращается в нечто в высшей степени интересное. Выходит, что леди Брэкенстолл и ее горничная сознательно нам лгали, что нельзя верить ни одному, их слову и что, видимо, у них были очень веские причины скрыть настоящего преступника. Так что нам придется восстановить обстоятельства дела самим, не рассчитывая на их помощь. Вот что нам предстоит сделать, Уотсон. А вот и чизилхерстский поезд.

Наше возвращение очень удивило всех обитателей Эбби-Грейндж. Узнав, что Стэнли Хопкинс уехал докладывать своему начальству, Шерлок Холмс завладел столовой, запер изнутри двери и два часа занимался самым подробным и тщательным изучением места преступления, чтобы на собранных фактах возвести блестящее здание неопровержимых выводов. Усевшись в углу, я, как прилежный студент на демонстрации опыта у профессора, не

отрываясь следил, как подвигается это замечательное исследование. Окно, портьеры, ковер, кресло, веревка – все было внимательно изучено и о каждом предмете сделано заключение. Тело несчастного баронета уже убрали, а все остальное оставалось на своих местах. К моему удивлению. Холмс влез на дубовую каминную полку. Высоко над его головой висел обрывок красного шнура, все еще привязанный к звонку. Холмс долго смотрел вверх, потом, чтобы приблизиться к шнуру, оперся коленом на карниз стены и протянул руку. До шнура оставалось всего несколько дюймов. Но тут его внимание привлек карниз. Осмотрев его, он, очень довольный, спрыгнул на пол.

– Все в порядке, Уотсон. Дело раскрыто. Это будет одно из самых замечательных дел в вашей коллекции. Однако, мой дорогой, до чего я был недогадлив – ведь я чуть было не совершил самой большой ошибки в моей жизни! Теперь остается восстановить только несколько недостающих звеньев. И вся цепь событий будет ясна.

– Вы уже знаете, кто эти люди?

– Это один человек, Уотсон, один! Один, но поистине грозная фигура. Силен, как лев, – вспомните удар, который лопнул кочергу. Рост – шесть футов. Проворен, как белка. Очень ловкие пальцы. Умен и изобретателен. Ведь все это представление придумано им. Да, Уотсон, мы столкнулись с замечательной личностью. Но все-таки и он оставил следы. Этот шнур от звонка – ключ к решению всего дела.

– Не понимаю.

– Послушайте, Уотсон: если бы вам понадобился этот шнур и вы бы его с силой дернули, как по-вашему, где бы он оборвался? Конечно, там, где он привязан к проволоке. Почему же он оборвался гораздо ниже?

– Потому что он в этом месте протерся.

– Вот именно. И оборванный конец действительно потерт. У этого человека хватило ума подделать потертость ножом. Но другой конец наверху целый. Отсюда не видно. Но если встать на каминную полку, в этом легко убедиться. Он очень чисто срезан, и никаких потертостей там нет. Теперь уже можно восстановить ход событий. Незвестный не стал обрывать шнур, боясь поднять тревогу. Чтобы обрезать его, он влез на каминную полку, но этого ему показалось мало. Тогда он оперся коленом на карниз, оставив на его пыльной поверхности след, протянул руку и обрезал шнур ножом. Я не дотянулся: еще оставалось три дюйма до шнура. Из этого я заключаю, что он по крайней мере на три дюйма выше меня. А теперь взгляните на сиденье кресла. Что это?

– Кровь.

– Кровь, вне всякого сомнения. Это одно доказывает, что рассказ леди Брэкенстолл – вымысел от начала до конца. Если она сидела в этом кресле, когда совершалось преступление, откуда взялись на нем пятна крови? Нет, нет, ее посадили в кресло после того, как супруг ее был убит. Бьюсь об заклад, что и на черном платье леди есть такое же пятно. Это еще не Ватерлоо, Уотсон, но это уже Маренго. Начали с поражения, кончаем победой. А сейчас я хотел бы поговорить с этой няней Терезой. Но чтобы получить необходимые сведения, надо проявить большой такт.

Эта суровая австралийская няня оказалась очень интересной особой. Молчаливая, подозрительная, нелюбезная, она не скоро смягчилась, побежденная обходительностью Холмса и его добродушной готовностью выслушать все,

что она скажет. Тереза и не пыталась скрыть свою ненависть к покойному хозяину.

– Да, сэр, это правда, что он бросил в меня графин. Он при мне выругал госпожу гадким словом, и я сказала ему, что, будь здесь ее брат, он не посмел бы так говорить. Тогда он и швырнул в меня графин. Да пусть бы он каждый день бросался графинами, лишь бы не обижал мою славную птичку. Как он терзал ее! А она была очень горда и никогда не жаловалась. Она и мне рассказывала не все. Вы видели на ее руках ссадины? Она не говорила мне, откуда они. Но я-то знаю, что это он проткнул ей руку длинной шпилькой от шляпы. Сущий дьявол он был, а не человек, – да простит меня бог, что я так говорю о покойнике. Когда мы встретили его в первый раз полтора года назад, он прикинулся таким ласковым, ну чисто мед! А теперь нам эти полтора года кажутся вечностью. Она, моя голубушка, только что приехала в Лондон. Первый раз оторвалась от дома. Он вскружил ей голову титулом, деньгами, обманчивым лондонским блеском. Если она и совершила ошибку, то заплатила за нее слишком дорогой ценой. В каком месяце мы с ним познакомились? Вскоре после того, как приехали. Приехали мы в июне, познакомились в июле. А поженились они в январе, в прошлом году. Да, она сейчас в своей гостиной. Конечно, она поговорит с вами. Но не мучайте ее расспросами – ведь ей столько пришлось натерпеться...

Леди Брэкенстолл полулежала на той же кушетке, но вид у нее был теперь гораздо лучше. Горничная вошла вместе с нами и сразу же стала менять примочку на лбу.

– Надеюсь, – сказала леди Брэкенстолл, – вы пришли не за тем, чтобы опять меня допрашивать.

– Нет, – сказал Холмс очень мягко. – Я не причиню вам лишнего беспокойства. У меня есть одно желание – помочь вам, ибо я знаю, сколько вам пришлось выстрадать. Отнеситесь ко мне, как к другу, доверьтесь мне, и вы не раскаетесь.

– Что я должна сделать?

– Сказать мне всю правду.

– Мистер Холмс?!

– Нет, нет, леди Брэкенстолл, это бесполезно. Вы, возможно, слышали когда-нибудь мое имя. Так вот, ставлю на карту свое имя и свою репутацию, что ваш рассказ – от первого слова до последнего – вымысел.

– Какая наглость! – воскликнула Тереза. – Вы хотите сказать, что моя госпожа солгала?

Холмс встал со стула.

– Итак, вам нечего мне сказать?

– Я все сказала.

– Подумайте еще раз, леди Брэкенстолл. Не лучше ли искренне рассказать все?

Сомнение изобразилось на ее прекрасном лице. И в ту же секунду оно снова стало непроницаемо, как маска. Видно, леди Брэкенстолл приняла какое-то решение.

– Я больше ничего не знаю.

– Очень жаль. – Холмс пожал плечами и взял шляпу.

Не сказав больше ни слова, мы оба вышли из комнаты и покинули дом.

В парке был пруд. Мой друг направился к нему. Пруд весь замерз. Но в нем была полынья, оставленная для зимовавшего здесь одинокого лебедя.

Холмс взглянул на полынья, и мы пошли к сторожке

привратника. Там Холмс написал короткую записку для Стэнли Хопкинса и оставил ее у привратника.

– Попали мы в цель или промахнулись, но Хопкинс должен это знать. Иначе что он подумает о нашем повторном визите? – сказал Холмс. – Но во все подробности его еще рано посвящать. Теперь нашим местом действия будет пароходная контора линии Аделаида – Саутгемптон, которая находится, если память не изменяет мне, в конце Пэлл-Мэлл. Есть еще и вторая линия, связывающая Южную Австралию с Англией, но начнем сперва с более крупной.

Визитная карточка Холмса, посланная управляющему конторой, оказала магическое действие. Очень скоро Холмс имел все интересующие его сведения.

В июне 1895 года только одно судно этой фирмы, «Рок оф Гибралтар», прибыло в отечественный порт. Это было самое большое и лучшее их судно. В списке пассажиров значилось имя мисс Фрейзер из Аделаиды и ее горничной. Сейчас этот пароход был на пути в Австралию, где-то к югу от Суэцкого канала. Команда та же, что и в 1895 году, за одним исключением. Старший помощник, мистер Джек Кроукер, назначен капитаном на судно «Бас Рок», которое выходит из Саутгемптона через два дня. Кроукер живет в Сайденхэме, но сегодня утром должен прийти за инструкциями. Его можно подождать.

Нет, мистер Холмс не хочет его видеть, но был бы рад взглянуть на его послужной список и узнать, что он за человек. Это была поистине блестящая карьера. Во всем флоте не было офицера, которого можно было бы сравнить с капитаном Кроукером. Что до его личных качеств, то на

работе он исполнительен и точен, но вне службы иногда проявляется его необузданная, горячая натура. Человек вспыльчивый, даже безрассудный, но при всем том очень добр, честен и верен долгу.

Вот что узнал Холмс в паровой конторе линии Аделаида – Саутгемптон.

Оттуда мы отправились в Скотланд-Ярд. Но, подъехав к полицейскому управлению, Холмс не вышел из кэба, а продолжал сидеть, нахмутив брови и глубоко задумавшись. Очнувшись от размышлений, он приказал ехать на телеграф в Черинг-кросс; там отправил какую-то телеграмму. И только тогда мы вернулись на Бейкер-стрит.

– Нет, я не мог этого сделать, Уотсон, – сказал мне Холмс. – Если будет выписан ордер на арест, ничто на свете уже не сможет спасти его. В первый или во второй раз за всю мою карьеру я чувствую, что, раскрыв преступника, я причиню больший вред, чем преступник своим преступлением. Я научился быть осторожным, и уж лучше я согрешу против законов Англии, чем против моей совести. Прежде чем начать действовать, нам надо разузнать еще кое-что.

Под вечер к нам пришел инспектор Стэнли Хопкинс. Дела у него шли не очень хорошо.

– Вы ясновидящий, мистер Холмс. Право, я иногда думаю, что вы наделены сверхъестественными способностями. В самом деле, каким чудом вы могли узнать, что украденное столовое серебро на дне пруда?

– А я этого не знал.

– Но вы посоветовали мне осмотреть пруд.

– И вы нашли серебро?

– Нашел.

– Очень рад, что помог вам.

– Но вы не помогли мне! Вы только осложнили дело. Что это за взломщики, которые крадут серебро, а затем бросают его в ближайший пруд?

– Что и говорить, довольно странные взломщики. Я исходил из той мысли, что если серебро похитили люди, которые взяли его для отвода глаз, то они, конечно, постараются как можно скорее избавиться от него.

– Но как вам могла прийти в голову эта мысль?

– Я просто допустил такую возможность. Когда грабители вышли из дома, у них перед носом оказался пруд с этой соблазнительной прорубью во льду. Можно ли придумать лучшее место, чтобы спрятать серебро?

– Именно спрятать! В этом все дело! – воскликнул Хопкинс. – Да, да, теперь мне все ясно! В полночь на дорогах ещелюдно. Преступники побоялись, что их увидят с серебром, и бросили добычу в пруд, чтобы вернуться за ней, когда их никто не увидит. Блестяще, мистер Холмс! Это лучше, чем ваша идея похищения серебра для отвода глаз.

– Пожалуй, вы правы. Отличная версия. Мои рассуждения, конечно, абсурдны. Но вы должны признать, что именно они помогли обнаружить похищенное серебро.

– Да, сэр, да. Это ваша заслуга. Но это еще не все. Меня постигло горькое разочарование.

– Разочарование?

– Да, мистер Холмс. Сегодня утром в Нью-Йорке арестована банда Рэндола.

– Это ужасно, Хопкинс. Ваша версия лопнула. Если их

арестовали в Нью-Йорке, они не могли минувшей ночью совершить убийство в Кенте.

– Для меня это страшный удар, мистер Холмс. Правда, есть еще банды из трех человек. А может, тут действовала шайка, неизвестная полиции?

– Да, конечно, вполне возможно. Что же вы теперь собираетесь делать?

– Буду продолжать поиски, мистер Холмс. Может, вы подскажете мне что-нибудь?

– Я вам уже подсказал.

– Что именно?

– Помните, для отвода глаз?

– Но мотивы, мистер Холмс, мотивы?

– Да, это, конечно, самое главное. Я вам дал идею, подумайте над ней. Возможно, она и приведет к чему-нибудь. Не останетесь ли отобедать с нами? Нет? До свидания, Хопкинс. Держите нас в курсе дела.

Только после обеда, когда со стола было убрано, Холмс снова заговорил об убийстве в Эбби-Грейндж. Он закурил трубку и протянул ноги в домашних туфлях поближе к веселому огоньку камина. Потом вдруг взглянул на часы.

– Жду событий, Уотсон.

– Когда?

– Сейчас, в ближайшие минуты. Держу пари, вы считаете, что я нехорошо поступил со Стэнли Хопкинсом.

– Я верю вашему здравому смыслу. Холмс.

– Очень любезно с вашей стороны, Уотсон. Вы вот как должны смотреть на это: я лицо неофициальное; Хопкинс – лицо официальное. Я имею право действовать по личному усмотрению, он – нет. Он должен давать ход всему, что

знает, иначе он изменит служебному долгу. В сомнительном случае я не могу ставить его в такое трудное положение. Поэтому подождем, пока дело прояснится.

– А когда оно прояснится?

– Очень скоро. Сейчас вы увидите последнее действие этой маленькой, но поистине замечательной драмы.

На лестнице послышались быстрые шаги, дверь нашей комнаты распахнулась, и мы увидели перед собой молодого моряка, поразившего нас своей мужественной красотой.

Вошедший был очень высокий молодой человек, голубоглазый, с усами золотистого цвета, с кожей, опаленной тропическим солнцем; его легкая, пружинящая походка говорила о том, что он так же быстр, как и силен.

Он закрыл за собой дверь и остановился, стиснув кулаки и тяжело дыша от волнения.

– Садитесь, капитан Кроукер. Вы получили мою телеграмму?

Наш гость сел в кресло и вопросительно посмотрел сначала на Холмса, потом на меня.

– Я получил вашу телеграмму и пришел точно в назначенный час. Я знаю, вы были у нас в конторе. И я вижу – мне деваться некуда, я готов услышать самое худшее. Что вы собираетесь предпринять? Арестовать меня? Говорите, сударь! Нечего играть со мной в кошки-мышки!

– Предложите капитану сигару, Уотсон, – сказал Холмс. – Закуривайте, капитан Кроукер, и не нервничайте. Можете не сомневаться, мы бы не сидели здесь с вами и не курили бы сигары, если бы я считал вас обыкновенным преступником. Будете со мной откровенны, я, возможно,

помогу вам. Нет – пеняйте на себя.

– Что вы хотите от меня узнать?

– Расскажите нам, ничего не утаивая, что произошло этой ночью в Эбби-Грейндж. Ничего не утаивая, заметьте, и ничего не скрывая. Я знаю уже так много, что если вы хоть на дюйм уклонитесь от истины, я свистну из моего окна в этот полицейский свисток, и дело из моих рук уйдет в руки полиции.

Моряк на минуту задумался. Потом хлопнул себя по колену своей большой загорелой рукой.

– Рискну! – воскликнул он. – Не сомневаюсь, что вы человек слова и джентльмен, и я расскажу вам все. Но сперва два слова о самом важном. Что касается меня, то я ни о чем не жалею и ничего не боюсь. Доведись мне начать сначала, я бы сделал то же и гордился этим. Будь он проклят, этот зверь! Имей он десять жизней, он всеми десятью заплатил бы за свои бесчинства! Но Мэри, Мэри Фрейзер – я не могу назвать ее тем дьявольским именем... Когда я думаю, что навлек на нее беду – а ведь я готов жизнь отдать за одну ее улыбку, – душа моя начинает дрожать от страха. Но что мне оставалось делать? Вы сейчас все узнаете и тогда скажете, можно ли было поступить на моем месте иначе.

Мне придется вернуться немного назад. Вы, как видно, знаете все. И вы знаете, конечно, что мы познакомились с Мэри на пароходе «Рок оф Гибралтар», где я был старшим помощником во время ее путешествия в Англию. С первого взгляда она стала для меня единственной женщиной на свете. С каждым днем я любил ее все сильнее и сильнее. Сколько раз во время ночной вахты я опускался на колени

и в темноте целовал палубу корабля, потому что по ней ступали ее милые ножки. Она не обещала мне стать моей женой, не обманывала меня. Я ни на что не могу пожаловаться. Я любил ее, а она питала ко мне только дружеские чувства. Когда мы рассталось, она была свободной женщиной. Я же потерял свою свободу навсегда.

Когда я вернулся из плавания в следующий раз, я узнал, что она вышла замуж. В самом деле, почему ей было не выйти замуж, если она встретила человека, который понравился ей? Титул и деньги – кому они подойдут больше, чем ей? Она рождена для всего изящного и прекрасного. Меня не обидело это замужество. Я не эгоист. Я даже радовался ее счастью. Я говорил себе: хорошо, что она не связала своей судьбы с нищим моряком. Как я любил Мэри Фрейзер! Я уже не думал, что увижу ее еще раз. В последнее плавание я получил повышение, но мое новое судно еще не было спущено на воду, и мне пришлось ждать месяца два. Жил я у своих в Сайденхэме. Однажды, гуляя по проселку, я встретил Терезу Райт, ее старую горничную. Она рассказала мне о ней, о нем, об их жизни. Услыхав рассказ Терезы, я чуть рассудка не лишился. Как он смел, пьяное чудовище, поднять на нее руку! Да он недостоин лизать ей подошвы! Я встретился с Терезой еще раз. А потом мы встретились с Мэри. Мы виделись с ней два раза. Больше она не захотела меня видеть. На днях я узнал, что через неделю выхожу в море. И я решил во что бы то ни стало повидать Мэри еще раз. Тереза всегда была мне другом, потому что любила Мэри и ненавидела этого негодяя почти так же, как я. От нее я и узнал привычки обитателей этого дома. Мэри обычно засиживалась с ка-

кой-нибудь книжкой в своей маленькой: гостиной на первом этаже. Я пробрался ночью к ее окну и стал осторожно царапать стекло. Она не хотела мне открывать, но я знал, что она полюбила меня и не захочет, чтобы я мерз под окном. Она шепнула мне, чтобы я подошел к двери в столовую. Дверь была открыта, и я вошел в дом. Я опять услышал из ее уст такие вещи, от которых во мне закипела кровь. Этот дикий зверь безжалостно мучил и терзал женщину, которую я любил больше жизни. Мы стояли с ней в столовой у самой двери и – небо свидетель – вели самый невинный разговор, когда он, как безумный, ворвался в комнату, гнусно обругал ее и ударил по лицу палкой. Тогда я схватил из камина кочергу. Бой был честный. Видите, у меня на руке след его первого удара. Мой удар был вторым. Я расплющил его голову, как гнилую тыкву. Вы думаете, джентльмены, что я жалею об этом? Ничуть. На карту были поставлены две жизни: его и моя, вернее, его и ее. Потому что, останься он в живых, он бы убил ее. Разве я не прав? А что бы сделали вы на моем месте?

Когда он ударил ее, она закричала. На крик прибежала Тереза. Но с ним все уже было кончено. На буфете стояла бутылка вина, я откупорил ее и влил несколько капель в рот Мэри, потому что она была в беспамятстве. Я тоже выпил немного. Одна Тереза сохраняла ледяное спокойствие. Весь дальнейший план действий принадлежал в равной мере ей и мне. Мы решили инсценировать нападение грабителей. Пока я лазил отрезать шнур от звонка, Тереза несколько раз повторила Мэри наш план. Затем я привязал ее крепко-накрепко к креслу, потер ножом конец шнура,

чтобы выглядело естественно и никто не удивлялся, как это вор мог залезть так высоко. Оставалось только взять несколько серебряных приборов, чтобы не было сомнений, что здесь были грабители. Перед уходом я наказал им поднять тревогу не раньше чем через четверть часа. Бросив в пруд серебро, я вернулся в Сайденхэм, первый раз в жизни чувствуя себя настоящим преступником. Все, что я рассказал вам, мистер Холмс, – истинная правда, хотя бы мне пришлось поплатиться за нее головой...

Некоторое время Холмс молча курил. Затем он встал, прошелся по комнате из угла в угол, так же молча пожал нашему гостю руку.

– Вот что, – сказал он затем. – Я знаю, что каждое ваше слово – правда. Вы не рассказали мне почти ничего нового. Только акробат или моряк мог дотянуться с карниза до шнура, и только моряк мог завязать такие узлы, какими Мэри Фрейзер была привязана к креслу. Но она только один раз в своей жизни сталкивалась с моряками, когда ехала в Англию. Кроме того, этот моряк принадлежал, бесспорно, к ее кругу, раз она так стойко защищала его. Из этого следует, между прочим, что она полюбила этого моряка. Так что мне не трудно было найти вас.

– Я думал, что полиция никогда не разгадает нашу хитрость.

– Хопкинс и не разгадал ее. И не разгадает, сколько бы ни бился. Теперь вот что, капитан Кроукер, дело это очень серьезное, хотя я охотно признаю, что вы действовали под давлением исключительных обстоятельств. Я не могу сказать, превысили вы меру необходимой обороны или нет. Это решит английский суд присяжных. Но если вы сумеете

исчезнуть в ближайшие двадцать четыре часа, обещаю вам, вы сделаете это беспрепятственно.

– А потом вы поставите в известность полицию?

– Конечно.

Лицо моряка вспыхнуло от гнева.

– Как вы могли предложить мне это? Я знаю законы и понимаю, что Мэри будет признана сообщницей. И вы думаете, я позволю, чтобы она одна прошла через этот ад? Ну нет, сэр! Пусть мне грозит самое худшее, я никуда не уеду. Прошу вас об одном, подумайте, как спасти Мэри от суда.

Холмс еще раз протянул моряку руку.

– Не волнуйтесь, это я проверял вас. Ни одной фальшивой ноты! Я беру на себя большую ответственность. Но я дал Хопкинсу нить, и, если он не сумеет за нее ухватиться, не моя вина. Знаете, что мы сейчас сделаем? Мы будем судить вас, как того требует закон. Вы, капитан Кроукер, – подсудимый. Вы, Уотсон, – английский суд присяжных, – я не знаю человека, который был бы более достоин этой роли. Я судья. Итак, джентльмены, вы слышали показания? Признаете ли вы подсудимого виновным?

– Невиновен, господин судья! – сказал я.

– *Vox populi – vox dei*⁷. Вы оправданы, капитан Кроукер. И пока правосудие не найдет другого виновника, вы свободны. Возвращайтесь через год к своей избраннице, и пусть ваша жизнь докажет справедливость вынесенного сегодня приговора.

⁷ Глас народа – глас божий (лат.)

ТРИ СТУДЕНТА

В 1895 году ряд обстоятельств – я не буду здесь на них останавливаться – привел мистера Шерлока Холмса и меня в один из наших знаменитых университетских городов; мы пробыли там несколько недель и за это время столкнулись с одним происшествием, о котором я собираюсь рассказать, не слишком запутанным, но весьма поучительным. Разумеется, любые подробности, позволяющие читателю определить, в каком колледже происходило дело или кто был преступник, неуместны и даже оскорбительны. Столь позорную историю можно было бы предать забвению безо всякого ущерба. Однако с должным тактом ее стоит изложить, ибо в ней проявились удивительные способности моего друга. В своем рассказе я постараюсь избегать всего, что позволит угадать, где именно это случилось или о ком идет речь.

Мы остановились тогда в меблированных комнатах неподалеку от библиотеки, где Шерлок Холмс изучал древние английские хартии, – его труды привели к результатам столь поразительным, что они смогут послужить предметом одного из моих будущих рассказов. И как-то вечером нас посетил один знакомый, мистер Хилтон Сомс, – преподаватель колледжа Святого Луки. Мистер Сомс был высок и худощав и всегда производил впечатление человека нервного и вспыльчивого. Но на сей раз он просто не владел собой, и по всему было видно, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

– Мистер Холмс, не сможете ли вы уделить мне несколько часов вашего драгоценного времени? У нас в

колледже случилась пренеприятная история, и, поверьте, если бы не счастливое обстоятельство, что вы сейчас в нашем городе, я бы и не знал, как мне поступить.

– Я очень занят, и мне не хотелось бы отвлекаться от своих занятий, – отвечал мой друг. – Советую вам обратиться в полицию.

– Нет, нет, уважаемый сэръ, это невозможно. Если делу дать законный ход, его уже не остановишь, а это как раз такой случай, когда следует любым путем избежать огласки, чтобы не бросить тень на колледж. Вы известны своим тактом не менее, чем талантом расследовать самые сложные дела, и я бы ни к кому не обратился, кроме вас. Умоляю вас, мистер Холмс, помогите мне.

Вдали от милой его сердцу Бейкер-стрит нрав моего друга отнюдь не становился мягче. Без своего альбома газетных вырезок, без химических препаратов и привычного беспорядка Холмс чувствовал себя неуютно. Он раздраженно пожал плечами в знак согласия, и наш визитер, волнуясь и размахивая руками, стал торопливо излагать суть дела.

– Видите ли, мистер Холмс, завтра первый экзамен на соискание стипендии Фортескью, и я один из экзаменаторов. Я преподаю греческий язык, и первый экзамен как раз по греческому. Кандидату на стипендию дается для перевода большой отрывок незнакомого текста. Этот отрывок печатается в типографии, и, конечно, если бы кандидат мог приготовить его заранее, у него было бы огромное преимущество перед другими экзаменующимися. Вот почему необходимо, чтобы экзаменационный материал оставался в тайне.

Сегодня около трех часов гранки текста прибыли из типографии. Задание – полглавы из Фукидида. Я обязан тщательно его выверить – в тексте не должно быть ни единой ошибки. К половине пятого работа еще не была закончена, а я обещал приятелю быть у него к чаю. Уходя, я оставил гранки на столе. Отсутствовал я более часа.

Вы, наверное, знаете, мистер Холмс, какие двери у нас в колледже – массивные, дубовые, изнутри обиты зеленым сукном. По возвращении я с удивлением заметил в двери ключ. Я было подумал, что это я сам забыл его в замке, но, пошарив в карманах, нашел его там. Второй, насколько мне известно, у моего слуги, Бэннистера, он служит у меня вот уже десять лет, и честность его вне подозрений. Как выяснилось, это действительно был его ключ – он заходил узнать, не пора ли подавать чай, и, уходя, по оплошности забыл ключ в дверях. Бэннистер, видимо, заходил через несколько минут после моего ухода. В другой раз я не обратил бы внимания на его забывчивость, но в тот день она обернулась весьма для меня плачевно.

Едва я взглянул на письменный стол, как понял, что кто-то рылся в моих бумагах. Гранки были на трех длинных полосах. Когда я уходил, они лежали на столе. А теперь я нашел одну на полу, другую – на столике у окна, третью – там, где оставил...

Холмс в первый раз перебил собеседника:

– На полу лежала первая страница, возле окна – вторая, а третья – там, где вы ее оставили?

– Совершенно верно, мистер Холмс. Удивительно! Как вы могли догадаться?

– Продолжайте ваш рассказ, все это очень интересно.

– На минуту мне пришло в голову, что Бэннистер решил себе недопустимую вольность – заглянул в мои бумаги. Но он это категорически отрицает, и я ему верю. Возможно и другое – кто-то проходил мимо, заметил в дверях ключ и, зная, что меня нет, решил взглянуть на экзаменационный текст. Речь идет о большой сумме денег – стипендия очень высокая, и человек, неразборчивый в средствах, охотно пойдет на риск, чтобы обеспечить себе преимущество.

Бэннистер был очень расстроен. Он чуть не потерял сознание, когда стало ясно, что гранки побывали в чужих руках. Я дал ему глотнуть бренди, и он сидел в кресле в изнеможении, пока я осматривал комнату. Помимо разбросанных бумаг, я скоро заметил и другие следы незваного гостя. На столике у окна лежали карандашные стружки. Там же я нашел кончик грифеля. Очевидно, этот негодяй списывал текст в величайшей спешке, сломал карандаш и вынужден был его очинить.

– Прекрасно, – откликнулся Холмс. Рассказ занимал его все больше, и к нему явно возвращалось хорошее настроение. – Вам повезло.

– Это не все. Письменный стол у меня новый, он покрыт отличной красной кожей. И мы с Бэннистером готовы поклясться – кожа на нем была гладкая, без единого пятнышка. А теперь на поверхности стола я увидел порез длиной около трех дюймов – не царапину, а именно порез. И не только это: я нашел на столе комоч темной замазки или глины, в нем видны какие-то мелкие крошки, похожие на опилки. Я убежден: эти следы оставил человек, рывшийся в бумагах. Следов на полу или каких-нибудь других

улик, указывающих на злоумышленника, не осталось. Я бы совсем потерял голову, не вспомни я, по счастью, что вы сейчас у нас в городе. И я решил обратиться к вам. Умоляю вас, мистер Холмс, помогите мне! Надо во что бы то ни стало найти этого человека, иначе придется отложить экзамен, пока не будет подготовлен новый материал, но это потребует объяснений, и тогда не миновать скандала, который бросит тень не только на колледж, но и на весь университет. У меня одно желание – не допустить огласки.

– Буду рад заняться этим делом и помочь вам, – сказал Холмс, поднимаясь и надевая пальто. – Случай любопытный. Кто-нибудь заходил к вам после того, как вы получили гранки?

– Даулат Рас, студент-индус; он живет на этой же лестнице и приходил справиться о чем-то, связанном с экзаменами.

– Он тоже будет экзаменоваться?

– Да.

– Гранки лежали на столе?

– Насколько я помню, они были свернуты трубочкой.

– Но видно было, что это гранки?

– Пожалуй.

– Больше у вас в комнате никто не был?

– Никто.

– Кто-нибудь знал, что гранки пришлют вам?

– Только наборщик.

– А ваш слуга, Бэннистер?

– Конечно, нет. Никто не знал.

– Где сейчас Бэннистер?

– Он так и остался в кресле у меня в кабинете. Я очень

спешил к вам. А ему было так плохо, что он не мог двигаться с места.

– Вы не закрыли дверь на замок?

– Я запер бумаги в ящик.

– Значит, мистер Сомс, если допустить, что индус не догадался, то человек, у которого гранки побывали в руках, нашел их случайно, не зная заранее, что они у вас?

– По-моему, да.

Холмс загадочно улыбнулся.

– Ну, – сказал он, – идемте. Случай не в вашем вкусе, Уотсон, – тут нужно не действовать, а думать. Ладно, идемте, если хотите. Мистер Сомс, я к вашим услугам.

Низкое окно гостиной нашего друга, длинное, с частым свинцовым переплетом, выходило в поросший лишайником старинный дворик колледжа. За готической дверью начиналась каменная лестница с истертыми ступенями. На первом этаже помещались комнаты преподавателя. На верхних этажах жили три студента; их комнаты находились одна над другой. Когда мы подошли, уже смеркалось. Холмс остановился и внимательно посмотрел на окно. Затем приблизился к нему вплотную, встал на цыпочки и, вытянув шею, заглянул в комнату.

– Очевидно, он вошел в дверь. Окно не открывается, только маленькая форточка, – сообщил наш ученый гид.

– Вот как! – отозвался Холмс и, непонятно улыбнувшись, взглянул на нашего спутника. – Что же, если здесь ничего не узнаешь, пойдемте в дом.

Хозяин отпер дверь и провел нас в комнату. Мы остановились на пороге, а Холмс принялся внимательно осматривать ковер.

– К сожалению, никаких следов, – сказал он. – Да в сухую погоду их и не может быть. Слуга ваш, наверно, уже пришел в себя. Вы думаете, он так и остался в кресле, когда вы уходили? А в каком именно?

– Вон там, у окна.

– Понятно. Возле того столика. Теперь входите и вы. Я окончил осматривать ковер. Примемся теперь за столик. Нетрудно догадаться, что здесь произошло. Кто-то вошел в комнату и стал лист за листом переносить гранки с письменного стола на маленький столик к окну – оттуда он мог следить за двором, на случай, если вы появитесь, и таким образом в нужную минуту скрыться.

– Меня он увидеть не мог, – вставил Сомс, – я пришел через калитку.

– Ага, превосходно! Но как бы то ни было, он устроился с гранками возле окна с этой целью. Покажите мне все три полосы. Отпечатков пальцев нет, ни одного! Так, сначала он перенес сюда первую и переписал ее. Сколько на это нужно времени, если сокращать слова? Четверть часа, не меньше. Потом он бросил эту полосу и схватил следующую. Дошел до середины, но тут вернулись вы, и ему пришлось немедленно убираться прочь; он так торопился, что не успел даже положить на место бумаги и уничтожить следы. Когда вы входили с лестницы, вы, случайно, не слышали поспешно удаляющихся шагов?

– Как будто нет.

– Итак, неизвестный лихорадочно переписывал у окна гранки, сломал карандаш и вынужден был, как видите, чинить его заново. Это весьма интересно, Уотсон. Карандаш был не совсем обычный. Очень толстый, с мягким

грифелем, темно-синего цвета снаружи, фамилия фабриканта вытиснена на нем серебряными буквами, и оставшаяся часть не длиннее полутора дюймов. Найдите такой точно карандаш, мистер Сомс, и преступник в ваших руках. Если я добавлю, что у него большой и тупой перочинный нож, то у вас появится еще одна улика.

Мистера Сомса несколько ошеломил этот поток сведений.

— Я понимаю ход ваших мыслей, — сказал он, — но как вы догадались о длине карандаша?..

Холмс протянул ему маленький кусочек дерева с буквами «НН», над которыми облупилась краска.

— Теперь ясно?

— Нет, боюсь, и теперь не совсем...

— Вижу, что я всегда был несправедлив к вам, Уотсон. Оказывается, вы не единственный в своем роде. Что означают эти буквы «НН»? Как известно, чаще всего встречаются карандаши Иоганна Фабера. Значит, «НН» — это окончание имени фабриканта.

Он наклонил столик так, чтобы на него падал электрический свет.

— Если писать на тонкой бумаге, на полированном дереве останутся следы. Нет, ничего не видно. Теперь письменный стол. Этот комок, очевидно, и есть та темная глина, о которой вы говорили. Формой напоминает полукупиру; в глине, как вы и сказали, заметны опилки. Так, так, очень интересно! Теперь порез на столе — кожа, попросту говоря, вспорота. Ясно. Начинается с тонкой царапины и кончается дырой с рваными краями. Весьма вам признателен за этот интересный случай, мистер Сомс. Куда ведет эта дверь?

– Ко мне в спальню.

– Вы заходили туда после того, как обнаружили посягательство на экзаменационный текст?

– Нет, я сразу бросился к вам.

– Позвольте мне заглянуть в спальню... Какая милая старомодная комната. Будьте любезны, подождите немного: я осматрю пол. Нет, ничего интересного. А что это за портьера? Так, за ней висит одежда. Случись кому-нибудь прятаться в этой комнате, он забрался бы сюда: кровать слишком низкая, а гардероб – узкий. Здесь, конечно, никого нет?

Холмс взялся за портьеру, и по его слегка напряженной и даже настороженной позе было видно, что он готов к любой неожиданности. Он отдернул портьеру, но там мы не увидели ничего, кроме нескольких костюмов. Холмс обернулся и внезапно наклонился над полом.

– Ну-ка, а это что? – воскликнул он. На полу лежала точно такая же пирамидка из темной вязкой массы, как и на письменном столе. Холмс на ладони поднес ее к лампе.

– Ваш гость, как видите, оставил следы не только в гостиной, но и в спальне, мистер Сомс.

– Что ему было здесь нужно?

– По-моему, это вполне очевидно. Вы пришли не с той стороны, откуда он вас ждал, и он услышал ваши шаги, когда вы уже были у самой двери. Что ему оставалось? Он схватил свои вещи и бросился к вам в спальню.

– Господи боже мой, мистер Холмс, значит, все время, пока я разговаривал с Бэннистером, негодяй сидел в спальне, как в ловушке, а мы об этом и не подозревали?

– Похоже, что так.

– Но, возможно, все было иначе, мистер Холмс. Не знаю, обратили ли вы внимание на окно в спальне.

– Мелкие стекла, свинцовый переплет, три рамы, одна на петлях и достаточно велика, чтобы пропустить человека.

– Совершенно верно. И выходит это окно в угол двора, так что со двора одна его часть не видна совсем. Преступник мог залезть в спальню, оставить за шторой следы, пройти оттуда в гостиную и, наконец обнаружив, что дверь не заперта, бежать через нее.

Холмс нетерпеливо покачал головой.

– Давайте рассуждать здраво, – сказал он. – Как я понял из ваших слов, этой лестницей пользуются три студента, и они обычно проходят мимо вашей двери.

– Да, их трое.

– И все они будут держать этот экзамен?

– Да.

– У вас есть причины подозревать кого-то одного больше других?

Сомс ответил не сразу.

– Вопрос весьма щекотливый, – проговорил он. – Не хочется высказывать подозрения, когда нет доказательств.

– И все-таки у вас есть подозрения. Расскажите их нам, а о доказательствах позабочусь я.

– Тогда я расскажу вам в нескольких словах о всех троих. Сразу надо мной живет Гилкрест, способный студент, отличный спортсмен, играет за колледж в регби и крикет и завоевал первые места в барьерном беге и прыжках в длину. Вполне достойный молодой человек. Его отец – печальной известности сэр Джеймс Гилкрест – разорился на скачках. Сыну не осталось ни гроша, но это трудолюбивый и прилежный юноша. Он многого добьется.

На третьем этаже живет Даулат Рас, индус. Спокойный, замкнутый, как большинство индусов. Он успешно занимается, хотя греческий – его слабое место. Работает упорно и методично.

На самом верху комната Майлса Макларена. Когда он возьмется за дело, то добивается исключительных успехов. Это один из самых одаренных наших студентов, но он своенравен, беспутен и лишен всяких принципов. На первом курсе его чуть не исключили за какую-то темную историю с картами. Весь семестр он бездельничал и, должно быть, очень боится этого экзамена.

– Значит, вы подозреваете его?

– Не берусь утверждать. Но из всех троих за него, пожалуй, я поручусь меньше всего.

– Понимаю. А теперь, мистер Сомс, познакомьте нас с Бэннистером.

Слуга был невысокий человек лет пятидесяти, с сильной проседью, бледный, гладко выбритый. Он не совсем еще оправился от неожиданного потрясения, нарушившего мирный ход его жизни. Пухлое лицо его подергивала нервная судорога, руки дрожали.

– Мы пытаемся разобраться в этой неприятной истории, Бэннистер, – обратился к нему хозяин.

– Понимаю, сэр.

– Если не ошибаюсь, вы оставили в двери ключ? – сказал Холмс.

– Да, сэр.

– Как странно, что его случилось с вами в тот самый день, когда в комнате были столь важные бумаги.

– Да, сэр, очень неприятно. Но я забывал ключ и раньше.

- Когда вы вошли в комнату?
- Около половины пятого. В это время я обычно подаю мистеру Сомсу чай.
- Сколько вы здесь пробыли?
- Я увидел, что его нет, и сейчас же вышел.
- Вы заглядывали в бумаги на столе?
- Нет, сэр, как, можно!
- Почему вы оставили ключ в двери?
- У меня в руках был поднос. Я хотел потом вернуться за ключом. И забыл.
- В двери есть пружинный замок?
- Нет, сэр.
- Значит, она стояла открытой все время?
- Да, сэр.
- И выйти из комнаты было просто?
- Да, сэр.
- Вы очень разволновались, когда мистер Сомс вернулся и позвал вас?
- Да, сэр. Такого не случалось ни разу за все годы моей службы. Я чуть сознания не лишился, сэр.
- Это легко понять, А где вы были, когда вам стало плохо?
- Где, сэр? Да вот тут, около дверей.
- Странно, ведь вы сели на кресло там, в углу. Почему вы выбрали дальнее кресло?
- Не знаю, сэр, мне было все равно, куда сесть.
- По-моему, он не совсем ясно помнит, что происходило, мистер Холмс. Вид у него бил ужасный – побледнел как смерть.
- Сколько, вы здесь пробыли по уходе хозяина?

– С минуту, не больше. Потом я запер дверь и пошел к себе.

– Кого вы подозреваете?

– Сэр, я не берусь сказать. Не думаю, что во всем университете найдется хоть один джентльмен, способный ради выгоды на такой поступок. Нет, сэр, в это я поверить не могу.

– Благодарю вас, это все, – заключил Холмс. – Да, еще один вопрос. Кому-нибудь из трех джентльменов, у которых, вы служите, вы упоминали об этой неприятности?

– Нет, сэр, никому.

– А видели кого-нибудь из них?

– Нет, сэр, никого.

– Прекрасно. Теперь, мистер Сомс, с вашего позволения осмотрим двор.

Три желтых квадрата светились над нами в сгущавшихся сумерках.

– Все три пташки у себя в гнездышках, – сказал Холмс, взглянув вверх. – Эге, а это что такое? Один из них, кажется, не находит себе места.

Он говорил об индусе, чей темный силуэт вдруг появился на фоне спущенной шторы. Студент быстро шагал взад и вперед по комнате.

– Мне бы хотелось на них взглянуть, – сказал Холмс. – Это можно устроить?

– Нет ничего проще, – ответил Сомс. – Наши комнаты – самые старинные в колледже, и неудивительно, что здесь бывает много посетителей, желающих на них посмотреть. Пойдемте, я сам вас проведу.

– Пожалуйста, не называйте ничьих фамилий! – попросил Холмс, когда мы стучались к Гилкристу.

Нам открыл высокий и стройный светловолосый юноша и, услышав о цели нашего посещения, пригласил войти.

Комната действительно представляла собой любопытный образец средневекового интерьера. Холмса так пленила одна деталь, что он решил тут же зарисовать ее в блокнот, сломал карандаш и был вынужден попросить другой у хозяина, а кончил тем, что попросил у него еще и перочинный нож. Такая же любопытная история приключилась и в комнатах у индуса – молчаливого, низкорослого человека с крючковатым носом. Он поглядывал на нас с подозрением и явно обрадовался, когда архитектурные исследования Холмса пришли к концу. Незаметно было, чтобы во время этих визитов Холмс нашел улику, которую искал. У третьего студента нас ждала неудача. Когда мы постучали, он не пожелал нам открыть и вдобавок разразился потоком брани.

– А мне плевать, кто вы! Убирайтесь ко всем чертям! – донесся из-за двери сердитый голос. – Завтра экзамен, и я не позволю, чтоб меня отрывали от дела.

Наш гид покраснел от негодования.

– Грубиян! – возмущался он, когда мы спускались по лестнице. – Конечно, он не мог знать, что это стучу я. Но все-таки его поведение в высшей степени невежливо, а в данных обстоятельствах и подозрительно.

Реакция Холмса была довольно необычной.

– Вы не можете мне точно сказать, какого он роста? – спросил Холмс.

– По правде говоря, мистер Холмс, не берусь. Он выше индуса, но не такой высокий, как Гилкрист. Что-нибудь около пяти футов и шести дюймов.

– Это очень важно, – сказал Холмс. – А теперь, мистер Сомс, разрешите пожелать вам спокойной ночи.

Наш гид вскричал в смятении и испуге:

– Боже праведный, мистер Холмс, неужели вы оставите меня в такую минуту! Вы, кажется, не совсем понимаете, как обстоит дело. Завтра экзамен. Я обязан принять самые решительные меры сегодня же вечером. Я не могу допустить, чтобы экзамен состоялся, если кому-то известен материал. Надо выходить из этого положения.

– Оставьте все, как есть. Я загляну завтра поутру, и мы все обсудим. Кто знает, быть может, к тому времени у меня появятся какие-то дельные предложения. А пока ничего не предпринимайте, решительно ничего.

– Хорошо, мистер Холмс.

– И будьте совершенно спокойны. Мы непременно что-нибудь придумаем. Я возьму с собой этот комочек черной глины, а также карандашные стружки. До свидания.

Когда мы вышли в темноту двора, то снова взглянули на окна. Индус все шагал по комнате. Других не было видно.

– Ну, Уотсон, что вы об этом думаете? – спросил Холмс на улице. – Совсем как игра, которой развлекаются на досуге, – вроде фокуса с тремя картами, правда? Вот вам трое. Нужен один из них. Выбирайте. Кто по-вашему?

– Сквернослов с последнего этажа. И репутация у него самая дурная. Но индус тоже весьма подозрителен. Что это он все время расхаживает взад и вперед?

– Ну, это ни о чем не говорит. Многие ходят взад и вперед, когда учат что-нибудь наизусть.

– Он очень неприязненно поглядывал на нас.

– Вы бы поглядывали точно так же, если бы накануне трудного экзамена к вам ворвалась толпа ищущих развлечения бездельников. В этом как раз нет ничего особенного. И карандаши, и ножи у всех тоже в порядке. Нет, мои мысли занимает совсем другой человек.

– Кто?

– Бэннистер, слуга. Он каким-то образом причастен к этой истории.

– Мне он показался безукоризненно честным человеком.

– И мне. Это как раз и удивительно. Зачем безукоризненно честному человеку... Ага, вот и большой писчебумажный магазин. Начнем поиски отсюда.

В городе было всего четыре мало-мальски приличных писчебумажных магазина, и в каждом Холмс показывал карандашные стружки и спрашивал, есть ли в магазине такие карандаши. Всюду отвечали, что такой карандаш можно выписать, но размера он необычного и в продаже бывает редко. Моего друга, по-видимому, не особенно огорчила неудача; он только пожал плечами с шутливой покорностью.

– Не вышло, мой дорогой Уотсон. Самая надежная и решающая улика не привела ни к чему. Но, по правде говоря, я уверен, что мы и без нее сумеем во всем разобраться. Господи! Ведь уже около девяти, мой друг, а хозяйка, помнится мне, говорила что-то насчет зеленого горошка в половине восьмого. Смотрите, Уотсон, как бы вам из-за вашего пристрастия к табаку и дурной привычки вечно опаздывать к обеду не отказали от квартиры, а заодно, чего доброго, и мне. Это, право, было бы неприятно,

во всяком случае, сейчас, пока мы не решили странную историю с нервным преподавателем, рассеянным слугой и тремя усердными студентами.

Холмс больше не возвращался в тот день к этому делу, хотя после нашего запоздалого обеда он долго сидел в глубокой задумчивости. В восемь утра, когда я только что закончил свой туалет, он пришел ко мне в комнату.

– Ну, Уотсон, – сказал он, – пора отправляться в колледж святого Луки. Вы можете один раз обойтись без завтрака?

– Конечно.

– Сомс до нашего прихода будет как на иголках.

– А у вас есть для него добрые вести?

– Кажется, есть.

– Вы решили эту задачу?

– Да, мой дорогой Уотсон, решил.

– Неужели вам удалось найти какие-то новые улики?

– Представьте себе, да! Я сегодня поднялся чуть свет, в шесть утра был уже на ногах, и не зря. Два часа рыскал по окрестности, отмерил, наверно, не менее пяти миль – и вот, смотрите!

Он протянул мне руку. На ладони лежали три пирамидки вязкой тёмной глины.

– Послушайте, Холмс, но вчера у вас было только две.

– Третья прибавилась сегодня утром. Понятно, что первая и вторая пирамидки того же происхождения, что и третья. Не так ли, Уотсон? Ну, пошли, надо положить конец страданиям нашего друга Сомса.

И, действительно, мы застали несчастного преподавателя в самом плачевном состоянии. Через несколько часов

начинался экзамен, а он все еще не знал, как ему поступить – предать ли свершившееся гласности или позволить виновному участвовать в экзамене на столь высокую стипендию. Он места себе не находил от волнения и с протянутыми руками бросился к Холмсу.

– Какое счастье, что вы пришли! А я боялся, вдруг вы отчаялись и решили отказаться от этого дела. Ну, как мне быть? Начинать экзамен?

– Непременно.

– А негодяй...

– Он не будет участвовать.

– Так вы знаете, кто он?

– Кажется, знаю. А чтобы история эта не вышла наружу, устроим своими силами нечто вроде небольшого полевого суда. Сядьте, пожалуйста, вон там, Сомс! Уотсон, вы здесь! А я займу кресло посередине. Я думаю, у нас сейчас достаточно внушительный вид, и мы заставим трепетать преступника. Позвоните, пожалуйста, слуге.

Вошел Бэннистер и, увидев грозное судилище, отпрянул в изумлении и страхе.

– Закройте дверь, Бэннистер, – сказал Холмс. – А теперь расскажите всю правду о вчерашнем.

Слуга переменялся в лице.

– Я все рассказал вам, сэр.

– Вам нечего добавить?

– Нечего, сэр.

– Что ж, тогда я должен буду высказать кое-какие свои предположения. Сядься вчера в это кресло, вы хотели скрыть какой-то предмет, который мог бы разоблачить незваного гостя?

Бэннистер побледнел как полотно.

– Нет, нет, сэр, ничего подобного.

– Это всего лишь только предположение, – вкрадчиво проговорил Холмс. – Признаюсь откровенно, я не сумею этого доказать. Но предположение это вполне вероятно: ведь стоило мистеру Сомсу скрыться за дверью, как вы тут же выпустили человека, который прятался в спальне.

Бэннистер облизал пересохшие губы.

– Там никого не было, сэр.

– Мне прискорбно это слышать, Бэннистер. До сих пор вы еще, пожалуй, говорили правду, но сейчас, безусловно, солгали.

Лицо слуги приняло выражение мрачного упрямства.

– Там никого не было, сэр.

– Так ли это, Бэннистер?

– Да, сэр, никого.

– Значит, вы не можете сообщить нам ничего нового. Не выходите, пожалуйста, из комнаты. Станьте вон там, у дверей спальни. А теперь, Сомс, я хочу просить вас об одном одолжении. Будьте любезны, поднимитесь к Гилкристу и попросите его сюда.

Спустя минуту преподаватель вернулся вместе со своим студентом. Это был великолепно сложенный молодой человек, высокий, гибкий и подвижный, с пружинистой походкой и приятным открытым лицом. Тревожный взгляд его голубых глаз скользнул по каждому из нас и наконец остановился с выражением неприкрытого страха на Бэннистере, сидевшем в углу.

– Закройте дверь, – сказал Холмс. – Так вот, мистер Гилкрист, нас пятеро, никого больше нет, и никто никогда

не услышит о том, что сейчас здесь будет сказано. Мы можем быть предельно откровенными друг с другом. Объясните, мистер Гилкрист, как вы, будучи человеком честным, могли совершить вчерашний поступок?

Злосчастный юноша отшатнулся и с укором взглянул на Бэннистера.

– О нет, мистер Гилкрист, я никому не сказал ни слова, ни единого слова! – вскричал слуга.

– Да, это верно, – заметил Холмс. – Но ваше последнее восклицание равносильно признанию вины, и теперь, сэр, – прибавил Шерлок Холмс, глядя на Гилкриста, – вам остается одно: чистосердечно все рассказать.

Лицо Гилкриста исказила судорога, он попытался было совладать с собой, но уже в следующее мгновение бросился на колени возле стола и, закрыв лицо руками, разразился бурными рыданиями.

– Успокойтесь, успокойтесь, – мягко проговорил Холмс, – человеку свойственно ошибаться, и, уж конечно, никому не придет в голову назвать вас закоренелым преступником. Вам, наверное, будет легче, если я сам расскажу мистеру Сомсу, что произошло, а вы сможете поправить меня там, где я ошибусь. Договорились? Ну, ну, не отвечайте, если вам это трудно. Слушайте и следите, чтобы я не допустил по отношению к вам ни малейшей несправедливости.

Дело начало для меня проясняться с той минуты, мистер Сомс, как вы объяснили мне, что никто, даже Бэннистер, не мог знать, что гранки находятся в вашей комнате. Наборщик, безусловно, отпадал, – он мог списать текст еще в типографии. Индуса я тоже исключил: ведь гранки были

скатаны трубкой и он, конечно, не мог догадаться, что это такое. С другой стороны, в чужую комнату случайно попадает какой-то человек, и это происходит в тот самый день, когда на столе лежит экзаменационный текст. Такое совпадение, на мой взгляд, невероятно. И я сделал вывод: вошедший знал о лежащем на столе тексте. Откуда он это знал?

Когда я подошел к вашему дому, я внимательно осмотрел окно. Меня позабавило ваше предположение, будто я обдумываю возможность проникнуть в комнату через окно – при свете дня, на глазах у всех, кто живет напротив. Мысль, разумеется, нелепая. Я прикидывал в уме, какого роста должен быть человек, чтобы, проходя мимо, увидеть через окно бумаги, лежавшие на столе. Во мне шесть футов, и я, только поднявшись на цыпочки, увидел стол. Никому ниже шести футов это бы не удалось. Тогда у меня возникло такое соображение: если один из трех студентов очень высокого роста, то в первую очередь следует заняться им.

Когда мы вошли и я осмотрел комнату, столик у окна дал мне еще одну нить. Письменный стол представлял загадку, пока вы не упомянули, что Гилкрист занимается прыжками в длину. Тут мне стало ясно все, не хватало нескольких доказательств, и я их поспешил раздобыть.

Теперь послушайте, как все произошло. Этот молодой человек провел день на спортивной площадке, тренируясь в прыжках. Когда он возвращался домой, у него были с собой спортивные туфли, у которых, как вы знаете, на подошвах острые шипы. Проходя мимо вашего окна, он, благодаря высокому росту, видел на столе свернутые

трубкой бумаги и сообразил, что это может быть. Никакой беды не случилось бы, если б он не заметил ключа, случайно забытого слугой. Его охватило непреодолимое желание войти и проверить, действительно ли это гранки. Опасности в этом не было: ведь он всегда мог притвориться, что заглянул к вам по делу. Увидев, что это действительно гранки, он не мог побороть искушения. Туфли он положил на письменный стол. А что вы положили на кресло у окна?

– Перчатки, – тихо ответил молодой человек.

– Значит, на кресле были перчатки. – Холмс торжественно взглянул на Бэннистера. – А потом он взял первый лист и стал переписывать на маленьком столике. Окончив первый, принялся за второй. Он думал, что вы вернетесь через ворота, которые видны в окно. А вы вернулись, мистер Сомс, через боковую калитку. Внезапно прямо за порогом слышались ваши шаги. Забыв про перчатки, студент схватил туфли и метнулся в спальню. Видите, царапина на столе отсюда малозаметна, а со стороны спальни она резко бросается в глаза. Это убедительно свидетельствует, что туфлю дернули в этом направлении и что виновный спрятался в спальне. Земля, налипшая вокруг одного из шипов, осталась на столе, комок с другого шипа упал на пол в спальне. Прибавлю к этому, что нынче утром я ходил на спортивную площадку, где тренируются в прыжках; участок этот покрыт темной глиной. Я захватил с собой комок глины и немного тонких рыжеватых опилок – ими посыпают землю, чтобы спортсмен, прыгая, не поскользнулся. Так все было, как я рассказываю, мистер Гилкрист?

Студент теперь сидел выпрямившись.

– Да, сэр, именно так, – сказал он.

– Боже мой, неужели вам нечего добавить? – воскликнул Сомс.

– Есть, сэр, но я просто не могу опомниться, так тяжело мне это позорное разоблачение. Я не спал сегодня всю ночь и под утро, мистер Сомс, написал вам письмо. Раньше, чем узнал, что все открылось. Вот это письмо, сэр: «Я решил не сдавать экзамена. Мне предлагали не так давно поступить офицером в родезийскую армию, и на днях я уезжаю в Южную Африку».

– Я очень рад, что вы не захотели воспользоваться плодами столь бесчестного поступка, – сказал Сомс. – Но что заставило вас принять такое решение?

Гилкрист указал на Бэннистера.

– Это он наставил меня на путь истинный.

– Послушайте, Бэннистер, – сказал Холмс, – из всего мной рассказанного ясно, что только вы могли выпустить из комнаты этого молодого человека: ведь мистер Сомс оставил вас одного, а уходя, вы должны были запереть дверь. Бежать через окно, как видите, невозможно. Так не согласитесь ли вы поведать нам последнюю неразгаданную страничку этой истории и объяснить мотивы вашего поведения?

– Все очень просто, сэр, если, конечно, знать подоплеку. Но догадаться о ней невозможно, даже с вашим умом. В свое время, сэр, я служил дворецким у сэра Джейбса Гилкриста, отца этого юного джентльмена. Когда сэр Гилкрист разорился, я поступил сюда, в колледж, но старого хозяина не забывал, а ему туго тогда приходилось. В

память о прошлых днях я чем мог служил его сыну. Так вот, сэр, когда мистер Сомс поднял вчера тревогу, зашел я в кабинет и вижу на кресле желтые перчатки мистера Гилкриста. Я их сразу узнал и все понял. Только бы их не увидел мистер Сомс – тогда дело плохо. Ни жив ни мертв упал я в кресло и не двигался до тех пор, пока мистер Сомс не пошел за вами. В это время из спальни выходит мой молодой хозяин и во всем признается... А ведь я его младенцем на коленях качал, – ну как мне было не помочь ему! Я сказал ему все, что сказал бы ему покойный отец, объяснил, что добра от такого поступка не будет, и выпустил его. Можно меня винить за это, сэр?

– Нет, конечно, – от всего сердца согласился Холмс, поднимаясь с кресла. – Ну вот, Сомс, тайна раскрыта, а нас дома ждет завтрак. Пойдемте, Уотсон. Я надеюсь, сэр, что в Родезии вас ждет блестящая карьера. Однажды вы оступились. Но впредь пусть вами руководят во всем лишь самые высокие устремления.

ПОХИЩЕННАЯ КАРТИНА

Главный следователь Скотланд-Ярда Питер Дауэс был для своей должности сравнительно молод. Еще ни разу не потерял он найденный след, хотя сам Питер не любил говорить о своих подвигах.

Если его что-то и увлекало, так это преступления с какой-нибудь запутанной загадкой. Все необычное, странное и таинственное вызывало в нем живейший интерес, и больше всего на свете он сожалел, что ему не пришлось заниматься ни одним из множества дел Джейн Четыре Квадрата.

Но вот после кражи в доме лорда Клейторпа Питеру Дауэсу было приказано найти и арестовать эту девушку-преступницу.

После изучения таинственного дела лорда Клейторпа Питер вернулся в Скотланд-Ярд и доложил начальнику отдела:

— Насколько я понимаю, деятельность этой женщины началась около года назад. Она всегда обворовывала не простых людей, которых все обкрадывают, а богачей, владельцев огромных состояний, и, как я понимаю, состояний, нажитых в результате различных махинаций в горной промышленности.

— Куда же она девает деньги? — любопытно спросил начальник отдела.

— Это и есть самая странная штука во всем деле, — ответил Дауэс. — Я почти уверен, что она дает большие суммы

денег различным благотворительным заведениям. После ограбления Льюинштейна, например, большие ясли в лондонском Ист-Энде получили от анонимного благодетеля четыре тысячи фунтов. В то же время еще четыре тысячи были подарены одной из больниц Вест-Энда. После ограбления Тальбота три тысячи фунтов, то есть почти столько же, сколько было украдено, какой-то неизвестный пожертвовал родильному дому Вест-Энда. Думаю, что в основе всех этих преступлений лежит донкихотское желание помочь бедным за счет чересчур богатых. В конце концов мы наверняка выйдем на кого-то, кто хорошо знает положение в этих больницах.

– Великолепно, – сухо сказал шеф, – однако нас не интересуют ее в высшей степени похвальные намерения. Для нас она просто воровка.

– Не просто воровка, – тихо заметил Питер. – Она самый умный преступник из тех, с кем мне довелось иметь дело за все время работы в Скотланд-Ярде. А это единственное, чего я всегда боялся и с чем так хотел встретиться, – преступник, у которого мозги на месте.

– Кто-нибудь видел эту женщину?

– И да, и нет, – ответил Питер Дауэс. – Это звучит таинственно, но на самом деле все очень просто. Те люди, которые видели ее, не смогут узнать ее во второй раз. Льюинштейн видел ее, и Клейторп видел, но ее лицо скрывала вуаль. Самое трудное – узнать, кто будет ее следующей жертвой. Даже если она грабит только очень богатых, у нее есть выбор: таких у нас сорок тысяч. Очевидно, всех защитить невозможно... – Он замаялся.

– Да? – сказал шеф.

– Но тщательное изучение ее методов, – продолжил Дауэс, – помогло мне найти кандидатов на следующее ограбление. Этот человек должен быть очень богат, мало того, он должен выставлять свое богатство напоказ. В конце концов я выбрал четырех: Грегори Смита, Карла Свейсса, мистера Томаса Скотта и Джона Трессера. Я склоняюсь к тому, что она охотится за Трессером. Видите ли, Трессер сделал огромное состояние отнюдь не самым честным путем; к тому же он никогда не упускает возможности похвастаться своим богатством. Это он купил дом графа Хасдемера и его коллекцию картин; вы наверняка помните – об этом писали газеты.

Шеф кивнул.

– Там есть замечательная картина Ромни, не так ли?

– Да, и скорее всего она-то и будет похищена, – ответил Дауэс. – Трессеру, конечно, все равно – что картина, что газовая плита. Он считает картину Ромни замечательной только потому, что ему другие об этом сказали. Кроме того, он частенько делится с журналистами своими взглядами на благотворительность – он говорит, что не потратил ни пенни ни на одно общественное заведение и никогда никому не давал ни цента, не надеясь получить обратно по меньшей мере столько же. Это должно раззадорить Джейн; вдобавок о художественной ценности и денежной стоимости картины так много писали, что, по-моему, соблазн для нее должен быть просто непреодолимым.

Встретиться и побеседовать с мистером Трессером было очень трудно. Многочисленные заботы в лондонском Сити занимали все его время с раннего утра до позднего вечера. Наконец Питеру удалось поймать нувориша в от-

дельном кабинете ресторана Ритц-Карлтон, где тот обедал. Мультимиллионер оказался плотным человеком с рыжими волосами, чисто выбритой верхней губой и холодными голубыми глазами.

Магическая сила удостоверения Скотланд-Ярда помогла Питеру Дауэсу пройти в кабинет.

– Садитесь, садитесь, – торопливо проговорил мистер Трессер. – В чем дело?

Питер объяснил, что его привело, и собеседник выслушал его так же внимательно, как он выслушивал деловые предложения.

– Я наслышан об этой Джейн, – весело сказал мистер Трессер. – Но, даю слово, со мной у нее ничего не выйдет.

– Однако, насколько я помню, вы разрешаете посетителям осматривать вашу коллекцию.

– Верно, – сказал мистер Трессер, – но каждый, кто хочет посмотреть картины, должен записаться в книгу посетителей, а сами картины охраняются.

– А где находится картина ночью – на стене? – спросил Питер, и мистер Трессер рассмеялся.

– Вы считаете меня дураком? – сказал он. – Нет, на ночь ее переносят в специальную комнату-сейф.

Питер Дауэс не разделял уверенности своего собеседника в эффективности замков и запоров. Он знал, что Джейн Четыре Квадрата отличается и умом, и ловкостью, и отправился в дом графа Хасдемера, находившийся неподалеку от Беркли-сквер.

Получив разрешение на посещение, Питер записался в книгу посетителей, показав свое удостоверение человеку, который явно был детективом, и прошел в длинный зал

галереи. На стене висела картина Ромни – прекрасный образец работы мастера.

Питер был один в галерее. Меньше всего его интересовали картины. Он быстро осмотрел всю комнату. Она была длинной и узкой. В нее вела одна дверь – та, через которую он вошел, а окна в обоих концах комнаты были ограждены толстыми стальными решетками с густой проволочной сеткой. Через них проникнуть в комнату или выбраться из нее было невозможно. На окнах не было занавесок, за которыми мог бы спрятаться злоумышленник. Чтобы защитить картины от солнечных лучей, днем сверху опускались шторы.

Питер вышел из зала, прошел мимо охранников, которые внимательно его осмотрели. Он убедился, что, если Джейн Четыре Квадрата вздумает грабить мистера Трессера, ей будет нелегко. Вернувшись в Скотланд-Ярд, он занялся текущими делами у себя в кабинете. Потом вышел перекусить. Вернулся Питер в кабинет в три часа и уже было выбросил Джейн Четыре Квадрата из головы, когда зазвонил служебный телефон.

– Вы не могли бы зайти ко мне сейчас? – спросил голос в трубке, и Дауэс помчался по длинному коридору в кабинет шефа.

– Ну, что же, Дауэс, вам не пришлось долго ждать, – услышал он вместо приветствия.

– Что вы имеете в виду?

– Драгоценную картину украли, – сказал шеф. И Питеру оставалось только удивленно развести руками.

– Когда это случилось?

– Полчаса назад. Вам лучше отправиться на Беркли-сквер и разобраться во всем на месте.

Две минуты спустя маленькая двухместная машина Питера пробиравалась по запруженным улицам Лондона, а еще через десять минут он был во дворце и опрашивал возбужденных служащих галереи. Удалось узнать ему не много.

В четверть третьего во дворце появился старик в тяжелой шубе, закутанный до самого носа, и попросил разрешения осмотреть портретную галерею. Он назвался Томасом Смитом.

Он был знатоком творчества Ромни, и ему очень хотелось поговорить. Он заговаривал со всеми служащими и каждому был готов рассказать о своей долгой жизни в искусстве и о своих достоинствах искусствоведа. Короче, это был типичный зануда, с которыми служащим галереи часто приходится иметь дело. Они очень быстро пресекли его попытки вступить в длинную беседу и провели его в картинную галерею.

— Он был один в зале? — спросил Питер.

— Да, сэр.

— Кто-нибудь заходил вместе с ним?

— Нет, сэр.

Питер кивнул.

— Разумеется, его разговорчивость могла быть преднамеренной, всего лишь средством, чтобы распугать служащих.

— Что было дальше?

— Человек вошел в зал, и люди видели, как он стоял перед картиной Ромни, поглощенный ее созерцанием.

Служащие, видевшие это, клянутся, что в это время картина Ромни была на месте в своей раме.

Почти сразу же после того, как служащие заглянули в галерею, старик вышел оттуда, разговаривая сам с собой о мастерстве художника. Когда он вышел из зала в холл, туда же с улицы вошла девочка и попросила разрешения пройти в галерею. Она записалась в книге посетителей как Элен Коль.

– Как она выглядела? – спросил Питер.

– О, совсем ребенок, – неуверенно сказал служащий, – девочка, и все.

Очевидно, девочка вошла в зал в тот самый момент, когда старик выходил из него, – он повернулся и посмотрел на нее, а потом пошел через холл к выходу. Но, не доходя до двери, он вытащил носовой платок, и из его кармана вывалилось примерно с полдюжины серебряных монет, которые рассыпались по мраморному полу холла. Служащие помогли ему собрать деньги. Он поблагодарил их, не переставая разговаривать с самим собой, – очевидно, его мысли были еще заняты картиной, – и, наконец, ушел.

Едва он покинул дворец, как девочка вышла из галереи и спросила:

– А где здесь картина Ромни?

– В центре зала, прямо напротив двери, – сказали ей.

– Но там нет картины – сказала она, – там только пустая рама и какая-то забавная черная наклейка с четырьмя квадратами.

Служащие бросились взад, и точно – картина исчезла! На ее месте, или, точнее говоря, на стене за рамой, в которой висела картина, был знак Джейн Четыре Квадрата.

Служащие, судя по всему, не растерялись. Один из них тут же пошел к телефону и позвонил в ближайшее отде-

ление полиции, а другой отправился на поиски старика. Однако все попытки обнаружить его оказались тщетными. Констебль, стоящий на посту на углу Беркли-сквер, видел, как тот сел в такси и уехал, но он не запомнил номера машины.

– А девочка? – спросил Питер.

– О, она просто ушла, – сказал служащий, – она побыла тут некоторое время, а потом ушла. Ее адрес записан в книге посетителей. У нее не было никакой возможности вынести картину, никакой, – энергично заявил служащий. – На ней был летний костюмчик с коротенькой юбочкой, и ей некуда было спрятать такой большой холст.

Питер пошел осмотреть раму. Он огляделся и внимательно осмотрел комнату, но ничего не заметил, кроме большой скрепки, лежавшей прямо под рамой. Такими скрепками обычно скрепляют банкноты в банке. И ничего больше.

Мистер Трессер очень спокойно отнесся к пропаже. Только увидев в газетах детальное описание происшествия, он, казалось, осознал ценность похищенного и предложил награду тому, кто найдет и вернет ему картину.

Пропавшая картина стала главной темой разговоров в обществе. Газеты писали о ней, занимая целые страницы умозрительными построениями самых талантливых молодых детективов-любителей. Все специалисты в области раскрытия преступлений собирались на месте происшествия и обменивались сложными и оригинальными теориями, которые могли бы представить большой интерес для думающего читателя.

Вооружившись двумя адресами из книги посетителей –

адресами старика и девочки, Питер потратил вторую половину дня на небольшое расследование, в результате которого он обнаружил только то, что по этим адресам ни невинную девочку, ни образованнейшего мистера Смита никто не знал.

Когда Питер явился к начальнику с докладом, у него уже сложилось ясное представление о том, как было совершено преступление.

– Старик был прикрытием, – сказал он. – Его послали, чтобы он вызвал подозрение и чтобы служащие не спускали с него глаз. Он намеренно надоедал всем длинными монологами по искусству, чтобы от него держались подальше. Входя в зал, он знал, что его громоздкие одежды вызовут подозрение служащих и за ним будут следить. Потом он вышел из зала – время выхода было выбрано великолепно – в тот самый момент, когда туда вошел ребенок. План был чудесный. Деньги рассыпаны, чтобы привлечь внимание всех служащих к себе. Наверное, именно в этот момент картина была вырезана из рамы и спрятана. Где она спрятана или как девочка ее вынесла, остается загадкой. Служащие абсолютно уверены, что она не могла спрятать картину на себе, и мой эксперимент с толстым холстом того же размера показывает, что картина должна была выпирать и не заметить этого невозможно.

– А кто была эта девочка?

– Джейн Четыре Квадрата! – коротко сказал Питер.

– Не может быть!

Питер улыбнулся.

– Молоденькой девушке легче некуда казаться еще моложе. Короткая юбка, косички – вот и все. В уме Джейн Четыре Квадрата не откажешь.

– Минуту, – сказал начальник отдела, – не могла ли она передать картину через окно?

Питер покачал головой.

– Я подумал об этом, – сказал он, – но все окна были закрыты, а кроме того, они снаружи затянуты металлической сеткой, так что этим путем избавиться от картины невозможно. Нет, она каким-то образом вынесла картину под самым носом у служащих. Потом она вышла и невинно заявила, что не может найти картину Ромни. Конечно же, все ринулись в зал галереи. Минуты три никто не обращал внимания на этого «ребенка».

– Как вы думаете, среди служащих был соучастник?

– Вполне возможно, – сказал Питер. – Но каждый из них имеет хорошую репутацию. Все они женаты и ни в чем предосудительном не замечены.

– А что она будет делать с картиной, она же не сможет от нее избавиться?

– Она хочет получить вознаграждение, – с улыбкой сказал Питер. – Знаете, шеф, она заставила меня поломать голову. Я еще не могу сказать, что Джейн у меня в руках, но мне почему-то кажется, что я ее поймаю.

– Вознаграждение, – повторил начальник отдела. – Сумма довольно приличная. Но вы наверняка возьмете ее, когда она будет передавать картину.

– Никогда, – ответил Питер и, вынув из кармана телеграмму, положил ее на стол перед шефом. Она гласила:

«Картина Ромни будет возвращена при условии, если мистер Трессер возьмет на себя обязательство выплатить пять тысяч фунтов детской больнице Грейт Пэнтон Стрит. Картина вернется на свое место тогда, когда

он подпишет обязательство выплатить эту сумму.

Джейн».

– А что говорит Трессер?

– Трессер согласен, – ответил Питер, – и уже известят об этом секретаря больницы Грейт Пэнтон Стрит. Многие газеты сообщают об этом.

В тот же день в три часа пополудни пришла другая телеграмма, адресованная на этот раз Питеру Дауэсу. Это его обеспокоило: девушка была прекрасно информирована и даже знала, что именно он ведет это дело.

«Я верну картину владельцу сегодня в восемь часов вечера. Будьте в картинной галерее и примите все меры предосторожности. А то я снова улизну.

Джейн Четыре Квadrата».

Телеграмма была отправлена с главного почтамта.

Питер Дауэс учел все возможное и невозможное, и если Джейн Четыре Квadrата не окажется за решеткой, то это будет не его вина, хотя поймать Джейн у него не было ни малейшей надежды.

В мрачном холле дома мистера Трессера собралась небольшая группа людей.

Там были: Дауэс и два его помощника-детектива, сам мистер Трессер (он посасывал большую сигару и волновался, казалось, меньше всех остальных), трое служащих галереи и представитель больницы Грейт Пэнтон Стрит.

– Вы думаете, она явится сюда лично? – спросил мистер Трессер. – Я не прочь поглядеть на эту Джейн. Она, правда, надула меня, но я не желаю ей зла.

– В моем распоряжении находится особый отряд полиции, – сказал Питер, – и детективы наблюдают за всеми улицами в округе, но я не могу обещать вам ничего захватывающего. Это слишком скользкая особа для нас.

Часы на соседней церкви пробили восемь. Но Джейн Четыре Квадрата не появлялась. Пять минут спустя раздался звонок, и Питер Дауэс открыл дверь. Мальчик-почтальон принес телеграмму.

Питер взял конверт и вскрыл его, внимательно прочел послание и засмеялся безнадежным восхищенным смехом.

– И все-таки ей удалось, – сказал он.

– Что вы хотите сказать? – спросил мистер Трессер.

– Пойдемте, – сказал Питер.

Он повел их в картинную галерею. На стене висела пустая рама, и за ней виднелся наполовину содранный знак Джейн Четыре Квадрата. Он прошел прямо к одному из окон в конце зала.

– Картина здесь, – сказал он, – она никогда не покидала этого зала.

Он поднял руно и потянул за шнурок – штора медленно опустилась. У собравшихся вырвался вздох удивления. Вместе со шторой разворачивалась приколотая к ней пропавшая картина Ромни.

– Я должен был догадаться об этом, когда увидел скрепку, – сказал Питер. – Ей пришлось действовать быстро. Она вырезала картину, перенесла ее в конец зала, опустила штору, прикрепила верхние концы картины к шторе и снова подняла ее.

Никому и в голову не пришло опустить эту проклятую штуку!

СКАНДАЛЬНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ С ОТЦОМ БРАУНОМ

Было бы нечестно, повествуя о приключениях отца Брауна, умолчать о той скандальной истории, в которую он оказался однажды замешан. И по сей день есть люди – наверное, даже среди его прихожан, – утверждающие, что имя его запятнано. Случилось это в Мексике, в живописной придорожной гостинице с несколько сомнительной репутацией, как выяснилось позже. По мнению некоторых, в тот раз пристрастие к романтике и сочувствие человеческим слабостям толкнули отца Брауна на совершенно безответственный и даже безнравственный поступок. Сама по себе история очень проста, своей простотой-то она и удивительна.

Троя погибла из-за Елены, этот же прискорбный случай произошел по вине прекрасной Гипатии Поттер.

Американцы отличаются особым талантом (который европейцы не всегда умеют ценить) создавать авторитеты снизу, так сказать, по инициативе широкой публики. Как все хорошее на свете, такой порядок имеет свои светлые стороны; одна из них, уже отмеченная мистером Уэллсом и другими, состоит, например, в том, что человек может пользоваться влиянием, не занимая при этом никакого поста. Красивая женщина играет роль некоронованной королевы, даже если она не кинозвезда и не стопроцентная американка по Гибсону. И вот среди красавиц, имевших счастье – или несчастье – быть у всех на виду, оказалась некая Гипатия Хард. Она уже прошла подготовку под

картечью цветистых комплиментов в разделах светской хроники местных газет и достигла положения особы, у которой стремятся получить интервью настоящие журналисты.

Очаровательно улыбаясь, она успела высказаться о Войне и Мире, о Патриотизме и Сухом законе, об Эволюции и Библии. Ни один из этих вопросов не затрагивал основ ее популярности, да и трудно, пожалуй, сказать, на чем она, собственно, основывалась, эта ее популярность. Красота и богатый папаша – не редкость у нее на родине, но в ней было еще что-то особо притягательное для блуждающего ока прессы. Почти никто из поклонников в глаза ее не видел и даже не надеялся увидеть, и ни один не рассчитывал извлечь для себя пользу из доходов ее отца. Ее популярность была просто романтической легендой, современным субститутотом мифологии, и на этом фундаменте впоследствии выросла другая романтическая легенда, более красочная и бурная, героиней которой предстояло ей стать и которая как думали многие, вдребезги разнесла репутацию отца Брауна, а также и некоторых других людей.

Те, кому американская сатира дала прозвище «сестер-плакальщиц⁸», вынуждены были принять – одни восторженно, другие покорно – ее брак с одним весьма достойным и всеми уважаемым бизнесменом по фамилии Поттер. Считалось позволительным даже называть ее иногда миссис Поттер, при этом само собой разумелось, конечно, что ее муж – всего только муж миссис Поттер.

⁸ Насмешливое название американских журналисток сентиментального направления.

И тут разразился большой скандал, превзошедший самые заманчивые опасения ее недругов и друзей. Имя Гипатии Поттер стали связывать с именем некоего литератора, проживавшего в Мексике, американца по подданству, но весьма латинского американца по духу. К сожалению, его пороки, как и ее добродетели, всегда служили лакомой пищей для газетных репортеров. Это был не кто иной, как прославленный – или обесславленный – Рудель Романес, поэт, чьи книги завоевали всемирную популярность благодаря изъятиям из библиотек и преследованиям со стороны полиции. Как бы то ни было, но ясная и мирная звезда Гипатии Поттер блистала теперь на небосводе в непосредственной близости с этой кометой. Он действительно походил на комету, поскольку был волосат и горяч, первое явствовало из портретов, второе – из стихов. И как всякая комета, он обладал разрушительной силой: за ним в виде огненного хвоста тянулась цепь разводов, что одни объясняли его успехами в роли любовника, а другие – провалами в роли мужа. Гипатии приходилось нелегко.

Человек, который должен на глазах у публики вести безупречную личную жизнь, испытывает свои трудности – чувствует себя манекеном в витрине, где для всеобщего обозрения оборудован уютный домашний уголок. Газетные репортеры публиковали какие-то туманные фразы относительно Великого Закона Любви и Высшего Самовыражения. Язычники ликовали «Сестры-плакальщицы» допустили в своих комментариях нотку романтического сожаления, у некоторых из них – наиболее закаленных – даже хватило смелости процитировать строки из известного стихотворения Мод Мюллер о том, что на свете нет

слов печальнее, чем «Это могло бы быть...» А мистер Эгер П. Рок, ненавидевший «сестер-плакальщиц» праведной лютой ненавистью, заявил, что по данному поводу он полностью солидарен с Брет-Гартом, предложившим свой вариант известного стихотворения:

*Куда печальнее нам видеть вещи суждено.
Так есть, однако ж быть так не должно.*

Ибо мистер Рок был твердо – и справедливо убежден в том, что очень многого не должно было бы быть.

Он беспощадно и яростно критиковал деградацию общества на страницах газеты «Миннеаполисский метеор» и вообще был человек смелый и честный. Быть может, в своем негодовании он проявлял некоторую односторонность, но это чувство было у него здоровой реакцией на сентиментальную манеру современной прессы и так называемого общественного мнения смешивать праведное и несправедливое. И прежде всего он боролся против того святотатственного ореола славы, которым окружаются бандиты и гангстеры. Правда, в своем раздражении он чересчур склонен был исходить из предпосылки, что все гангстеры – латиноамериканцы, а все латиноамериканцы – гангстеры. Однако этот его предрассудок, хотя, быть может, и отдающий провинцией, все же производил освежающее впечатление в той атмосфере восторженно-трусливого поклонения героям, когда профессиональный убийца почитался как законодатель мод, если только, по отзывам печати, он улыбался неотразимой улыбкой и носил безупречный смокинг.

К моменту, когда, собственно, начинается эта история, предубеждения против латиноамериканцев переполнили душу мистера Рока, потому что он как раз находился на их территории; решительно и гневно шагая вверх по холму, он направлялся к белому зданию отеля в живописном кольце пальм, где, по слухам, остановились Поттеры и, стало быть, находился двор таинственной королевы Гипатии. Эгер Рок даже с виду был типичный пуританин, скорей даже, пожалуй, мужественный пуританин XVII столетия, а не один из тех менее жестоких и более грамотных их потомков, которые расплодились в XX веке. Если б ему сказали, что его необычная старомодная черная шляпа, обычный хмурый взор и суровое, как из камня высеченное лицо набрасывают мрачную тень на солнечные пальмы и виноградники, он, несомненно, был бы польщен. Влево и вправо устремлял он взор, горящий неусыпным подозрением. И вдруг на гребне холма, впереди себя, на фоне субтропического заката увидел силуэты двух фигур в таких позах, которые и у менее подозрительного человека могли бы возбудить кое-какие подозрения.

Один из тех двоих выглядел сам по себе примечательно. Он стоял как раз в том месте, где дорога переваливает через холм, четко рисуясь на фоне неба над долиной, словно нарочно выбрал и эту позицию, и эту позу. Закутанный в широкий черный плащ, в байроническом стиле, он высоко вскинул голову, которая в своей темной красе была удивительно похожа на голову Байрона. Те же вьющиеся волосы, те же глубоко вырезанные ноздри, и даже нечто вроде того же презрения к миру и негодования сквозило во всей его фигуре. В руке он сжимал довольно длинную

палку, или, вернее, трость с острым наконечником: какими пользуются альпинисты, и сейчас она казалась фантастическим подобием копья. Впечатление это еще усиливалось благодаря контрасту с комическим обликом второго человека, державшего в руке зонт. Это был совершенно новый, тщательно свернутый зонт, совсем не такой, например, как знаменитый зонт отца Брауна. И сам приземистый, толстый человечек с бородкой был одет аккуратно, точно клерк, в легкий воскресный костюм. Но прозаический его зонт был угрожающе поднят, словно изготовлен к нападению. Защищаясь, высокий человек с палкой быстро шагнул ему навстречу, но тут вся сцена вдруг приобрела комический вид: зонт сам собой раскрылся, заслонив своего упавшего владельца, и противник его оказался в позе рыцаря, пронзающего копьем карикатурное подобие щита. Но он не стал заходить дальше и вонзать копье глубже; выдернув острие своей трости, он с раздражением отвернулся и зашагал по дороге прочь. Коротенький человечек поднялся с земли, аккуратно сложил зонт и тоже зашагал по дороге, но в противоположном направлении, к отелю.

Рок не слышал ни слова из того, что было сказано сторонами этого нелепого вооруженного конфликта, но, идя по дороге вслед за коротеньким бородатым человеком, он о многом успел подумать. Романтический плащ и несколько опереточная красота одного из них в сочетании со стойкой самообороной другого как нельзя лучше совпадали с той историей, ради которой он приехал в Мексику, и он заключил, что этих двоих зовут Романес и Поттер. Догадка его полностью подтвердилась, когда, войдя из-под колоннады в вестибюль, он услышал голос бородатого, звучавший не то сварливо, не то повелительно.

По-видимому, он говорил с управляющим или с кем-то из прислуги и, насколько разобрал Рок, предостерегал их против какого-то весьма опасного субъекта, появившегося в округе. – Даже если он уже побывал в отеле, – говорил бородатый в ответ на какие-то неразборчивые возражения, – я все же настаиваю, чтобы больше его не впускали. За такими типами должна следить полиция, и, уж во всяком случае, я не позволю, чтобы он докучал леди.

В мрачном молчании слушал его Рок, и уверенность его росла; затем он проскользнул через вестибюль к нише, где находилась книга для записи приезжих, и, раскрыв ее на последней странице, убедился, что «тип» действительно побывал в отеле: имя Руделя Романеса, этой романтической знаменитости, было вырисовано в книге крупными буквами иностранного вида, а немного пониже, довольно близко друг от друга, стояли имена Гипатии Поттер и Элиса Т. Поттера, выписанные добропорядочным и вполне американским почерком.

Эгер Рок недовольно озирался и повсюду вокруг себя, даже в небогатой внутренней отделке отеля, видел то, что было ему больше всего ненавистно.

Может быть, и неразумно негодовать из-за того, что на апельсиновых деревьях – даже на тех, что растут в кадках, – зреют апельсины; еще того неразумнее возмущаться, что ими пестрят старенькие занавески и выцветшие обои. Но для него, как ни странно, эти узоры в виде красно-золотых солнц, перемежающихся кое-где серебряными лунами, были квинтэссенцией всего самого недопустимого.

Они воплощали в его глазах слабохарактерность и падение нравов, которые он, исходя из своих принципов,

осуждал в современном обществе и которые он, исходя из своих предрассудков, связывал с теплом и негой юга. Его раздражал даже вид потемневшего полотна, на котором неясно вырисовывался неизменный пастушок Ватто⁹ со своей гитарой, или голубой кафель с обязательным купидончиком верхом на дельфине. Здравый смысл мог бы подсказать ему, что все эти предметы он, наверное, не раз видел в витринах магазинов на Пятой авеню, однако здесь они были для него дразнящими голосами сирен – исчадий языческого Средиземноморья. Внезапно все вокруг него переменялось, как меняется неподвижное отражение в зеркале, когда по нему промелькнет быстролетная тень, и комнату наполнило чье-то требовательное присутствие. Он медленно, даже нехотя, обернулся и понял, что перед ним – знаменитая Гипатия, о которой он столько читал и слышал в течение многих лет.

Гипатия Поттер, урожденная Хард, обладала той особенной красотой, в применении к которой эпитет «лучистая» сохраняет свое первоначальное, прямое значение: ее воспетая газетчиками Индивидуальность исходила от нее в виде ослепительных лучей. Она не стала бы менее красивой и сделалась бы, кое на чей вкус, только более привлекательной, если бы не столь щедро одаривала всех этими лучами, но ее учили, что подобная замкнутость – чистейший эгоизм.

Она могла бы сказать, что целиком отдала себя на службу обществу; правильнее было бы сказать, что она, наоборот, обрела себя на службе обществу; но так или

⁹ Ватто Антуан [1684-1721) – французский художник

иначе служила она обществу вполне добросовестно. И поэтому ее ослепительные голубые глаза действительно разили, точно мифические стрелы Купидона, которые убивают на расстоянии. Впрочем, цели, которых она при этом добивалась, носили абстрактный характер, выходящий за пределы обычного кокетства. От белокурых, почти бесцветных волос, уложенных вокруг головы в виде ангельского нимба, казалось, исходила электрическая радиация. Когда же она поняла, что стоящий перед ней незнакомец – не кто иной, как мистер Эгер Рок из «Миннеаполисского метеора», ее глаза заработали, как сверхмощные прожекторы, обшаривающие горизонты Соединенных Штатов.

Однако на этот раз, как вообще иногда случалось, прекрасная дама ошиблась. Сейчас Эгер Рок не был Эгером Роком из «Миннеаполисского метеора».

Он был просто Эгером Роком, и в душе его возник могучий и чистый моральный порыв, не имевший ничего общего с грубой деятельностью газетного репортера.

Сложное, смешанное – рыцарское и национальное – чувство красоты и вдруг родившаяся потребность немедленно совершить какой-нибудь высоконравственный поступок, – также черта национальная, – придали ему храбрости выступить в новой возвышенно-оскорбительной роли. Он припомнил другую Гипатию, прекрасную последовательницу неоплатоников, припомнил свой любимый эпизод из романа Кингсли¹⁰, где молодой монах бросает героине упрек в распутстве и идолопоклонстве. И, остановившись перед Гипатией Поттер, строго и твердо произнес:

¹⁰ Кингсли Чарльз (1819-1875) – английский писатель и англиканский священник.

– Прошу прощения, мадам, но я хотел бы сказать вам несколько слов с глазу на глаз.

– Ну, что ж, – ответила она, обводя комнату своим сияющим взором, – только можно ли считать, что мы с вами здесь с глазу на глаз?

Рок тоже оглядел комнату, но не увидел никаких признаков жизни, кроме апельсиновых деревьев в кадках да еще одного предмета, который был похож на огромный черный гриб, но оказался шляпой какого-то священника, флегматично куrivшего черную мексиканскую сигару и в остальном столь же неподвижного, как и всякое растение. Задержав взгляд на тяжелых, невыразительных чертах его лица, Рок отметил про себя деревенскую неотесанность, довольно обычную для священников латинских и в особенности латиноамериканских стран, и, рассмеявшись, слегка понизил голос.

– Ну, не думаю, чтоб этот мексиканский падре понимал наш язык. Где этим ленивым увальням выучить какой-нибудь язык, кроме своего! Конечно, я не поклянусь, что он мексиканец, он может быть кем угодно: метисом или мулатом, например. Но что это не американец, я ручаюсь, – среди нашего духовенства нет таких низкосортных типов.

– Собственно говоря, – произнес низкосортный тип, вынув изо рта черную сигару, – я англичанин. Моя фамилия Браун. Но могу, если угодно, уйти отсюда, чтобы не мешать вам.

– Если вы англичанин, – в сердцах обратился к нему Рок, – вы должны испытывать естественный нордический протест против всего этого безобразия.

Довольно, если я скажу, что здесь, в окрестностях оте-

ля, бродит чрезвычайно опасный человек, высокого роста, в плаще, как эти безумные стихотворцы со старинных портретов.

— Ну, это еще мало о чем говорит, — мягко заметил священник, — такие плащи здесь носят очень многие, потому что после захода солнца сразу становится холодно.

Рок метнул на него мрачный настороженный взгляд, как будто бы подозревал тут какую-то увертку в пользу широкополых шляп и лунного света.

— Дело не только в плаще, — проворчал он, — хотя, конечно, надет он был странно. Весь облик этого человека — театральный, вплоть до его проклятой театральной красоты. И если вы позволите, мадам, я бы настоятельно советовал вам не иметь с ним ничего общего, вздумай он сюда явиться. Ваш муж уже приказал служащим отеля не впускать его...

Но тут Гипатия вскочила и каким-то странным жестом закрыла лицо, запустив пальцы в волосы. Казалось, тело ее сотрясали рыдания, но когда она снова взглянула на Рока, обнаружилось, что она хохочет.

— Ах, какие же вы смешные! — проговорила она и, что было совсем не в ее стиле, со всех ног бросилась к двери и исчезла.

— Этот смех похож на истерику, — немного смутившись, заметил Рок и растерянно обратился к маленькому священнику. — Понимаете, я считаю, что раз вы англичанин, то, во всяком случае, должны быть на моей стороне против разных этих латинян. Право, я не из тех, кто разглагольствует об англосаксах, но ведь есть же такая наука, как история. Всегда можно доказать, что цивилизацию Америке дала Англия.

– Следует также признать, дабы смирить нашу гордыню, – сказал отец Браун, – что Англии цивилизацию дали латиняне.

И опять у Рока появилось неприятное чувство, что собеседник в чем-то скрытно и неуловимо его опровергает, отстаивая ложные позиции; и он буркнул, что не понимает, о чем идет речь.

– А как же, был, например, один такой латинянин, или, может, правильнее сказать, итальяшка, по имени Юлий Цезарь, его еще потом зарезали: сами знаете, как они любят поножовщину. И был другой, по имени Августин¹¹, который принес христианство на наш маленький остров. Без этих двух невелика была бы сейчас наша цивилизация.

– Ну, это все древняя история, – раздраженно сказал журналист. – А я интересуюсь современностью. И я вижу, что эти негодяи несут язычество в нашу страну и уничтожают остатки христианства. И к тому же уничтожают остатки нашего здравого смысла. Установившиеся обычаи, твердые общественные порядки, традиционный образ жизни фермеров, какими были наши отцы и деды, – все, все превращается в этакую горячую кашу, сдобренную нездоровыми чувствами и сенсациями по поводу разводов кинозвезд, и теперь глупые девчонки стали считать, что брак – это всего лишь способ получить развод.

– Совершенно верно, – сказал отец Браун. – Разумеется, в этом я полностью с вами согласен. Но не будем судить слишком строго. Возможно, что южане действительно не-

¹¹ Монах Бенедиктинского ордена, посланный в VI в. в Англию папой Григорием I для насаждения христианства среди англосаксов, впоследствии первый архиепископ Кентерберийский.

сколько более подвержены слабостям такого рода. Нельзя забывать, однако, что и у северян есть свои слабости. Может быть, здешняя атмосфера в самом деле излишне располагает к простой романтике...

Но при последнем слове извечное негодование вновь забушевало в груди Эгера Рока.

– Ненавижу романтику, – провозгласил он, ударив кулаком по столу. – Вот уже сорок лет, как я изгоняю это безобразие со страниц тех газет, для которых работаю. Стоит любому проходимцу удрать с какой-нибудь буфетчицей, и это уже называют тайным романтическим браком или еще того глупее. И вот теперь нашу собственную Гипатию Хард, дочь порядочных родителей, пытаются втянуть в безнравственный романтический бракоразводный процесс, о котором газеты раструбят по всему миру с таким же восторгом, как об августейшем бракосочетании. Этот безумный поэт Романес преследует ее, и, можете не сомневаться, вслед за ним сюда передвинется прожектор всеобщего внимания, словно он – кумир экрана, из тех, что у них именуются Великими Любовниками.

Я его видел по дороге – у него лицо настоящего киногероя. Ну, а мои симпатии – на стороне порядочности и здравого смысла. Мои симпатии на стороне бедного Поттера, простого, честного биржевого маклера из Питсбурга, полагающего, что он имеет право на собственный домашний очаг. И он борется за него. Я слышал, как он кричал на служащих, чтобы они не впускали того негодяя. И правильно делал. Народ здесь, в отеле, на мой взгляд, хитрый и жуликоватый, но он их припугнул как следует.

– Я склонен разделить ваше мнение об управляющем и

служащих этого отеля, – отозвался отец Браун. – Но ведь нельзя же судить по ним обо всех мексиканцах. Кроме того, по-моему, джентльмен, о котором вы говорите, не только припугнул их, но и подкупил, раздав немало долларов, чтобы переманить их на свою сторону. Я видел, как они запирали двери и очень оживленно шептались друг с другом. Кстати сказать, у вашего простого честного приятеля, видимо, куча денег.

– Я не сомневаюсь, что дела его идут успешно, – сказал Рок. – Он принадлежит к типу наших преуспевающих толковых бизнесменов. А вы что, собственно, хотите этим сказать?

– Я думал, может быть, мои слова натолкнут вас на другую мысль, – ответил отец Браун, с тяжеловесной учтивостью простился и вышел из комнаты.

Вечером за ужином Рок внимательно следил за Поттерами. Его впечатления обогатились, хотя ничто не поколебало его уверенности в том, что зло угрожает дому Поттера. Сам Поттер оказался человеком, заслуживающим более пристального внимания: журналист, который вначале счел его простым и прозаичным, теперь с удовольствием обнаружил черты утонченности в том, кого он считал героем, или, вернее, жертвой происходящей трагедии. Действительно, лицо у Поттера было интеллигентное и умное, однако с озабоченным и временами раздраженным выражением. У Рока создалось впечатление, что этот человек оправляется после недавней болезни; его неопределенного цвета волосы были редкими и довольно длинными, как будто бы их давно не стригли, а весьма необычного вида борода тоже казалась какой-то запущенной.

За столом он раза два обратился к своей жене с какими-то резкими язвительными замечаниями, а больше возился с желудочными пилюлями и другими изобретениями медицинской науки. Однако по-настоящему озабочен он был, разумеется, лишь той опасностью, что грозила извне. Его жена подыгрывала ему в великолепной, хотя, может быть, слегка снисходительной манере Терпеливой Гризельды, но глаза ее тоже беспрестанно устремлялись на двери и ставни, как будто бы она боялась и в то же время ждала вторжения. После загадочной истерики, которую наблюдал у нее Рок, он имел основания опасаться, что чувства ее носят противоречивый характер.

Но главное событие, о котором ведется здесь речь, произошло поздно ночью. В полной уверенности, что все уже разошлись спать, Рок решил наконец подняться к себе в номер, но, проходя через холл, с удивлением заметил отца Брауна, который сидел в уголке под апельсиновым деревом и невозмутимо читал книгу. Они обменялись пожеланиями спокойной ночи, и журналист уже поставил ногу на первую ступеньку лестницы, как вдруг наружная дверь подпрыгнула на петлях и заходила под яростными ударами, которые кто-то наносил снаружи, громовой голос, перекрывая грохот ударов, потребовал, чтобы дверь немедленно открыли. Журналист почему-то был уверен, что удары наносились заостренной палкой вроде альпенштока. Перегнувшись через перила, он увидел, что на первом этаже, где свет уже был погашен, взад и вперед снуют слуги, проверяют запоры, но не снимают их, удостоверившись в этом, он немедленно поднялся к себе в номер. Здесь он сразу уселся за стол и с яростным воодушевлением принялся писать статью для своей газеты.

Он описывал осаду отеля; его дешевую пышность, атмосферу порока, хитрые увертки священника, и сверх всего ужасный голос, проникающий извне, подобно вою волка, рыщущего вокруг дома. И вдруг мистер Рок выпрямился на своем стуле. Прозвучал протяжный, дважды повторенный свист, который был ему вдвойне ненавистен, потому что напоминал и сигнал заговорщиков, и любовный призыв птиц. Наступила полная тишина. Рок замер, вслушиваясь. Спустя несколько мгновений, он вскочил, так как до него донесся новый шум. Что-то пролетело, с легким шелестом рассекая воздух, и упало с отчетливым стуком – какой-то предмет швырнули в окно. Повинуясь зову долга, Рок спустился вниз – там было темно и пусто, вернее, почти пусто, потому что маленький священник по-прежнему сидел под апельсиновым деревцем и при свете настольной лампы читал книгу.

– Вы, видимо, поздно ложитесь спать, – сердито заметил Рок.

– Страшная распущенность, – сказал отец Браун, с улыбкой поднимая голову, – читать «Экономику ростовщичества» глубокой ночью.

– Все двери заперты, – сказал Рок.

– Крепко-накрепко, – подтвердил священник. – Кажется, ваш бородатый приятель принял необходимые меры. Кстати сказать, он немного напуган. За обедом он был сильно не в духе, на мой взгляд.

– Вполне естественно, когда у человека прямо на глазах дикари в этой стране пытаются разрушить его семейный очаг.

– Было бы лучше, – возразил отец Браун, если бы че-

ловек, вместо того чтобы оборонять свой очаг от нападения извне, постарался укрепить его изнутри, вы не находите?

– О, я знаю все ваши казуистические увертки, – ответил его собеседник. – Может быть, он и был резковат со своей женой, но ведь право на его стороне. Послушайте, вы мне кажетесь не таким уж простачком. Вы, наверно, знаете больше, чем говорите. Что, черт возьми, здесь происходит? Почему вы тут сидите всю ночь и наблюдаете?

– Потому что я подумал, – добродушно ответил отец Браун, – что моя спальня может понадобиться.

– Понадобиться? Кому?

– Дело в том, что миссис Поттер нужна была отдельная комната, – с безмятежной простотой объяснил отец Браун. – Ну, я и уступил ей мою, потому что там можно открыть окно. Сходите посмотрите, если угодно.

– Ну, нет. У меня найдется для начала забота поважнее, – скрежеща зубами, проговорил Рок. – Вы можете откалывать свои обезьяньи шутки в этом мексиканском обезьяннике, но я-то еще не потерял связи с цивилизованным миром.

Он ринулся к телефонной будке, позвонил в свою редакцию и поведал им по телефону историю о том как преступный священник оказывал содействие преступному поэту. Затем он устремился вверх по лестнице, вбежал в номер, принадлежавший священнику, и при свете единственной свечи, оставленной владельцем на столе, увидел, что все окна в номере раскрыты настежь.

Он успел еще заметить, как нечто, напоминающее веревочную лестницу, соскользнуло с подоконника, и, взглянув вниз, увидел на газоне перед домом смеющегося

мужчину, который сворачивал длинную веревку. Смеющийся мужчина был высок и черноволос, а рядом с ним стояла светловолосая, но также смеющаяся дама. На этот раз мистер Рок не мог утешаться даже тем, что смех ее истеричен. Слишком уж естественно он звучал. И мистер Рок в ужасе слушал, как звенел этот смех на дорожках сада, по которым она уходила в темноту зарослей со своим трубадуром.

Эгер Рок повернул к священнику лицо – не лицо, а грозный лик Страшного суда.

– Вся Америка узнает об этом, – произнес он. – Вы, попросту говоря, помогли ей сбежать с ее кудрявым любовником.

– Да, – сказал отец Браун. – Я помог ей сбежать с ее кудрявым любовником.

– Вы, считающий себя слугой Иисуса Христа! – воскликнул Рок. – Вы похваляетесь своим преступлением!

– Мне случалось раз или два быть замешанным в преступлениях, – мягко возразил священник. – К счастью, на этот раз обошлось без преступления. Это просто тихая семейная идиллия, которая кончается при теплом свете домашнего очага.

– Кончается веревочной лестницей, а надо бы веревочной петлей, – сказал Рок. – Ведь она же замужняя женщина.

– Конечно.

– Ну, и разве долг не предписывает ей находиться там, где ее муж?

– Она находится там, где ее муж, – сказал отец Браун. Собеседник его пришел в ярость.

– Вы лжете! – воскликнул он. – Бедный толстяк и сейчас еще храпит в своей постели.

– Вы, видимо, неплохо осведомлены о его личной жизни, – сочувственно заметил отец Браун. – Вы бы, наверно, могли издать жизнеописание Человека с Бородой. Единственное, чего вы так и не удосужились узнать про него, так это – его имя.

– Вздор, – сказал Рок. – Его имя записано в книге для приезжих.

– Вот именно, – кивнул священник. Такими большими буквами: Рудель Романес. Гипатия Поттер, которая приехала к нему сюда, смело поставила свое имя чуть пониже, так как намерена была убежать с ним, а ее муж поставил свое имя чуть пониже ее имени, в знак протеста, когда настиг их в этом отеле.

Тогда Романес (у которого, как у всякого популярного героя, презирающего род человеческий, куча денег) подкупил этих негодяев в отеле, и они заперли все двери, чтобы не впустить законного мужа. А я, как вы справедливо заметили, помог ему войти.

Когда человек слышит нечто, переворачивающее все в мире вверх ногами: что хвост виляет собакой, что рыба поймала рыбака, что земля вращается вокруг луны, – проходит время, прежде чем он может всерьез переспросить, не ослышался ли он. Он еще держится за мысль, что все это абсолютно противоречит очевидной истине. Наконец Рок произнес:

– Вы что, хотите сказать, что бородатый человек – это романтик Рудель, о котором так много пишут, а кудрявый парень – мистер Поттер из Питсбурга?

– Вот именно, – подтвердил отец Браун. – Я догадался с первого же взгляда. Но потом удостоверился.

Некоторое время Рок размышлял, а затем проговорил:

– Не знаю, может быть, вы и правы. Но как такое предположение могло прийти вам в голову перед лицом фактов?

Отец Браун как-то сразу смутился, он опустился на стул и с бессмысленным видом уставился перед собой. Наконец легкая улыбка обозначилась на его круглом и довольно глупом лице, и он сказал:

– Видите ли, дело в том, что я не романтик.

– Черт вас знает, что вы такое, – грубо вставил Рок.

– А вот вы – романтик, – сочувственно продолжал отец Браун. – Вы, например, видите человека с поэтической внешностью и думаете, что он – поэт?

А вы знаете, как обычно выглядят поэты? Сколько недоразумений породило одно совпадение в начале девятнадцатого века, когда жили три красавца, аристократа и поэта: Байрон, Гете и Шелли! Но в большинстве случаев, поверьте, человек может написать. «Красота запечатлела у меня на устах свой пламенный поцелуй», – или что там еще писал этот толстяк, отнюдь не отличаясь при этом красотой. Кроме того, представляете ли вы себе, какого возраста обычно достигает человек к тому времени, когда слава его распространяется по всему свету? Уотс¹² нарисовал Суинберна с пышным ореолом волос, но Суинберн был лысым еще до того, как его поклонники в Америке или в Австралии впервые услыхали об его гиацинтовых локонах. И

¹² Уотс Джордж Фредерик (1817-1904) – английский художник и скульптор.

Д'Аннунцио ¹³тоже. Собственно говоря, у Романеса до сих пор внешность довольно примечательная – вы сами можете в этом убедиться, если приглянитесь внимательнее. У него лицо человека, обладающего утонченным интеллектом, как оно и есть на самом деле. К несчастью, подобно многим другим обладателям утонченного интеллекта, он глуп. Он опустил и погряз в эгоизме и заботах о собственном пищеварении. И честолубивая американская дама, полагавшая, что побег с поэтом подобен воспарению на Олимп к девяти музам, обнаружила, что одного дня с нее за глаза довольно. Так что к тому времени, когда появился ее муж и штурмом взял отель, она была счастлива вернуться к нему.

– Но муж? – недоумевал Рок. – Этого я никак в толк не возьму.

– А-а, не читайте так много современных эротических романов, – сказал отец Браун и опустил веки под пламенным протестующим взглядом своего собеседника. – Я знаю, все эти истории начинаются с того, что сказочная красавица вышла замуж за старого борова-финансиста. Но почему? В этом, как и во многих других вопросах, современные романы крайне несовременны. Я не говорю, что этого никогда не бывает, но, этого почти не бывает в настоящее время, разве что по собственной вине героини. Теперь девушки выходят замуж за кого хотят, в особенности избалованные девушки вроде Гипатии. За кого же они выходят? Такая красивая и богатая мисс обычно окружена толпой поклонников, кого же она выберет? Сто шансов против одного, что она выйдет замуж очень рано и

¹³ Д'Аннунцио Габриеле (1863-1938) итальянский писатель.

выберет себе самого красивого мужчину из тех, с кем ей приходится встречаться на балах или на теннисном корте. И, знаете ли, обыкновенные бизнесмены бывают иногда красивыми. Явился молодой бог (по имени Поттер), и ее совершенно не интересовало, кто он, маклер или взломщик.

Но при данном окружении, согласитесь сами, гораздо вероятнее, что он окажется маклером. И не менее вероятно, что его будут звать Поттером.

Видите, вы оказались таким неизлечимым романтиком, что целую историю построили на одном предположении, будто человека с внешностью молодого бога не могут звать Поттером. Поверьте, имена даются людям вовсе не так уж закономерно.

— Ну? — помолчав, спросил журналист. — А что же, по-вашему, произошло потом?

Отец Браун порывисто поднялся со стула, пламя свечи дрогнуло, и тень от его короткой фигуры, протянувшись через всю стену, достигла потолка, вызывая странное впечатление, словно соразмерность вещей в комнате вдруг нарушилась.

— А, — пробормотал он, — в этом-то все зло. В этом настоящее зло. И оно куда опаснее, чем старые индейские демоны, таящиеся в здешних джунглях. Вы вот подумали, что я выгораживаю латиноамериканцев со всей их распущенностью, так вот, как это ни странно, — и он посмотрел на собеседника сквозь очки совиными глазами, — как это ни невероятно, но в определенном смысле вы правы. Вы говорите: «Долой романтику». А я говорю, что готов иметь дело с настоящей романтикой, тем более что встречается

она не часто, если не считать пламенных дней ранней юности. Но, говорю я, уберите «интеллектуальное единение», уберите «платонические союзы», уберите «высший закон самоосуществления» и прочий вздор, тогда я готов встретить лицом к лицу нормальный профессиональный риск в моей работе. Уберите любовь, которая на самом деле не любовь, а лишь гордыня и тщеславие, реклама и сенсация, и тогда мы готовы бороться с настоящей любовью — если в этом возникнет необходимость, а также с любовью, которая есть вожделение и разврат.

Священникам известно, что у молодых людей бывают страсти, точно так же, как докторам известно, что у них бывает корь. Но Гипатии Поттер сейчас по меньшей мере сорок, и она влюблена в этого маленького поэта не больше, чем если бы он был издателем или агентом по рекламе. В том-то и все дело: он создавал ей рекламу. Ее испортили ваши газеты, жизнь в центре всеобщего внимания, постоянное желание видеть свое имя в печати, пусть даже в какой-нибудь скандальной истории, лишь бы она была в должной мере «психологична» и шикарна. Желание уподобиться Жорж Санд, чье имя навеки связано с Альфредом де Мюссе. Когда ее романтическая юность прошла, Гипатия впала в грех, свойственный людям зрелого возраста, — в грех рассудочного честолюбия. У самой у нее рассудка кот наплакал, но для рассудочности рассудок ведь не обязателен.

— На мой взгляд, она очень неглупа, в некотором смысле, — заметил Рок.

— Да, в некотором смысле, — согласился отец Браун. — В одном-единственном смысле — в практическом. В том

смысле, который ничего общего не имеет со здешними ленивыми нравами. Вы посылаете проклятия кинозвездам и говорите, что ненавидите романтику. Неужели вы думаете, что кинозвезду, в пятый раз выходящую замуж, свела с пути истинного романтика?

Такие люди очень практичны, практичнее, чем вы, например. Вы говорите, что преклоняетесь перед простым, солидным бизнесменом. Что же вы думаете, Рудель Романес – не бизнесмен? Неужели вы не понимаете что он сумел оценить – не хуже, чем она, – все рекламные возможности своего последнего громкого романа с известной красавицей? И он прекрасно понимал также, что позиции у него в этом деле довольно шаткие. Поэтому он и суетился так, и прислугу в отеле подкупил, чтобы они заперли все двери. Я хочу только сказать вам, что на свете было бы гораздо меньше скандалов и неприятностей, если бы люди не идеализировали грех и не стремились прославиться в роли грешников. Может быть, эти бедные мексиканцы кое-где и живут, как звери, или, вернее, грешат, как люди, но, по крайней мере, они не увлекаются «идеалами». В этом следует отдать им должное.

Он снова уселся так же внезапно, как и встал, и рассмеялся, словно прося извинения у собеседника.

– Ну вот, мистер Рок, – сказал он, вот вам мое полное признание, ужасная история о том, как я содействовал побегу влюбленных. Можете с ней делать все, что хотите.

– В таком случае, – заявил мистер Рок, поднимаясь, я пройду к себе в номер и внесу в свою статью кое-какие поправки. Но прежде всего мне нужно позвонить в редакцию и сказать, что я наговорил им кучу вздора.

Не более получаса прошло между первым звонком Рока, когда он сообщил о том, что священник помог поэту совершить романтический побег с прекрасной дамой, и его вторым звонком, когда он объяснил, что священник помешал поэту совершить упомянутый поступок, но за этот короткий промежуток времени родился, разросся и разнесся по миру слух о скандальном происшествии с отцом Брауном. Истина и по сей день отстаёт на полчаса от клеветы, и никто не знает, где и когда она её настигнет. Благодаря болтливости газетчиков и стараниям врагов первоначальную версию распространили по всему городу ещё раньше, чем она появилась в печати. Рок незамедлительно выступил с поправками и опровержениями, объяснив в большой статье, как все происходило на самом деле, однако отнюдь нельзя утверждать, что противоположная версия была тем самым уничтожена. Просто удивительно какое множество людей прочитали первый выпуск газеты и не читали второго. Все вновь и вновь, во всех отдалённых уголках земного шара, подобно пламени, вспыхивающему из-под почерневшей золы, оживало «Скандальное происшествие с отцом Брауном, или Патер разрушает семью Поттера». Неутомимые защитники из партии сторонников отца Брауна гонялись за ней по всему свету с опровержениями, разоблачениями и письмами протеста. Иногда газеты печатали эти письма, иногда – нет. И кто бы мог сказать, сколько оставалось на свете людей, слышавших эту историю, но не слышавших её опровержения? Можно было встретить целые кварталы, население которых все поголовно было убеждено, что мексиканский скандал – такое же бесспорное историческое событие, как Пороховой за-

говор¹⁴. Кто-нибудь просвещал наконец этих простых, честных жителей, но тут же обнаруживалось, что старая версия опять возродилась в небольшой группе вполне образованных людей, от которых уж, казалось, никак нельзя было ожидать такого неразумного легковерия.

Видно, так и будут вечно гоняться друг за другом по свету два отца Брауна: один бессовестный преступник, скрывающийся от правосудия, второй – страдалец, сломленный клеветой и окруженный ореолом реабилитации. Ни тот, ни другой не похож на настоящего отца Брауна, который вовсе не сломлен; шагая по жизни своей не слишком-то изящной походкой, несет он в руке неизменный зонт, немало повидавший на своем веку, к людям относится доброжелательно и принимает мир как товарища, но не как судью делам своим.

ПРОКЛЯТАЯ КНИГА

Профессор Опеншоу всегда шумно выходил из себя, когда кто-нибудь называл его спиритуалистом или верующим в спиритуализм. Это не истощало, однако его запаса взрывчатых веществ, ибо он выходил из себя также и в том случае, если кто-нибудь называл его неверующим в спиритуализм. Он гордился тем, что всю свою жизнь посвятил исследованию метафизических феноменов, и тем, что никогда не высказывал ни одного намека по поводу того, действительно ли он считает метафизическими или только феноменальными.

¹⁴ Неудавшееся покушение на жизнь английского короля Якова I Стюарта, совершенное католиками 5 ноября 1605 г.

Больше всего на свете профессор любил сидеть в кругу правоверных спиритуалистов и рассказывать – с уничтожающими описаниями, – как он разоблачал медиума за медиумом, раскрывал обман за обманом. Он действительно становился человеком с большими детективными способностями и интуицией, как только устремлял взгляд на объект, а он всегда устремлял взгляд на медиума, как на в высшей степени подозрительный объект.

Профессор Опеншоу – художавый человек с львиной гривой неопределенного цвета и гипнотическими глазами – беседовал с патером Брауном, своим другом, на пороге отеля, где они провели прошлую ночь и где только что позавтракали. Профессор довольно поздно возвратился после одного из своих крупных экспериментов, как всегда, раздраженный. И сейчас он все еще мыслями был там, на войне, которую вел один, да и к тому же против обеих сторон.

– О, я не говорю о вас, – говорил он. – Вы не верите в это даже и тогда, когда это правда. Но все остальные вечно спрашивают меня, что я пытаюсь доказать. Они, как видно не соображают, что я человек науки. Человек науки ничего не пытается доказать. Он пытается найти то, что само себя докажет.

– Но он еще этого не нашел, – заметил патер Браун.

– Положим, у меня имеются кое-какие выводы, которые не так уж отрицательны, как думает большинство, – ответил профессор после минуты недовольного молчания. – Как бы то ни было, если тут и можно что-то найти, то они ищут «что-то» не там, где нужно. Все носит слишком театральный, слишком показной характер: их блестящая эк-

топлазма, трубный голос и все остальное, сделанное по образцу старых мелодрам и шаблонных исторических романов о семейном привидении! Я начинаю думать, что если бы вместо исторических романов они занялись историей, то действительно нашли бы что-нибудь... но только не привидения.

– В конце концов, – сказал патер Браун, – привидения – это только появления. Вы, кажется, говорили, что семейные привидения существуют только для соблюдения приличий...

Рассеянный взгляд профессора внезапно остановился и сосредоточился, словно перед ним стоял подозрительный медиум. У профессора был теперь вид человека, ввинтившего в глаз сильное увеличительное стекло. Не то чтобы он считал священника хоть сколько-нибудь похожим на подозрительного медиума, но его поразило, что мысли друга так тесно совпали с его собственными.

– Появления, – пробормотал он. – Как странно, что вы сказали это именно теперь! Чем больше я сталкиваюсь с этим предметом, тем яснее вижу: они проигрывают оттого, что ищут одних только появлений. Вот если бы они хоть немного думали об исчезновениях...

– Да, – сказал патер Браун, – в конце концов в настоящих волшебных сказках не так много говорилось о появлениях знаменитых волшебниц: пробуждение Титании или видение Оберона при лунном свете... Однако существует бесчисленное количество легенд о людях, которые исчезли, были украдены волшебницами. Напали ли вы на след Килмени и Тома Римера?

– Я напал на след обыкновенных современных людей, о

которых вы читали в газетах, — ответил Опеншоу. — Можете смотреть на меня сколько угодно, но именно этим я сейчас занимаюсь. Откровенно говоря, я думаю, что многие метафизические появления вполне могут быть объяснены. Что является для меня загадкой, так это исчезновения — в тех случаях, когда они не метафизические. Это люди в газетах, которые исчезают, и которых никогда не находят, — если бы вы знали подробности, как их знаю я... И вот только сегодня утром я получил подтверждение — изумительное письмо от одного старого миссионера, вполне почтенного старика. Сегодня он придет ко мне в контору. Вы, может быть, согласитесь пообедать со мной, и я вам сообщу результаты конфиденциально.

— Благодарю вас, я приду, если только, — сказал патер Браун скромно, — если только не буду украден волшебниками.

Они расстались, и Опеншоу, завернув за угол, направился к небольшой конторе, которую он нанимал по соседству главным образом для опубликования коротких статей и заметок о метафизических и психологических явлениях, написанных в крайне сухом и агностическом тоне. У него был только один клерк: он сидел за конторкой в передней комнате конторы, подбирал цифры и факты для газетного отчета, и профессор замедлил шаги, чтобы спросить у него, пришел ли м-р Прингль. Не переставая складывать свои цифры, клерк ответил, что нет, и профессор отправился в заднюю комнату, служащую ему кабинетом.

— Кстати, Берридж, — добавил он, не оборачиваясь, — когда придет м-р Прингль, пошлите его прямо ко мне.

Можете не прерывать работу. Я хотел бы, если возможно, чтобы эти заметки были закончены сегодня вечером. Оставьте их на моей конторке, если я задержусь. И он вошел в свой кабинет, размышляя над проблемой, поднятой или, может быть, скорей утверждается в нем именем Прингля. Самый уравновешенный из агностиков не лишен человеческих пристрастий, и возможно, что письмо этого миссионера имело в глазах профессора большой вес потому, что оно обещало подтвердить его собственные гипотезы. Он уселся в свое удобное, широкое кресло, перед портретом Монтеня и снова перечитал краткое письмо преподобного Льюка Прингля.

Никому не были известны лучше, чем профессору Опеншоу, отличительные признаки письма неврастеника: нагромождение деталей, тончайший почерк, ненужная растянутость и повторения. Ничего подобного в данном случае не было: короткое, деловое, напечатанное на машинке сообщение о том, что автор письма столкнулся с несколькими любопытными случаями исчезновения, а это явление как будто бы относится к области, которая интересует профессора, изучающего проблемы метафизики. Письмо произвело на профессора благоприятное впечатление, это благоприятное впечатление сохранилось у него, несмотря на легкое удивление, и тогда, когда, подняв глаза, он увидел, что преподобный Льюк Прингль уже находится в комнате.

— Ваш клерк сказал мне, чтобы я пошел прямо к вам, — сказал м-р Прингль извиняющимся тоном, но с широкой и довольно приятной улыбкой.

Улыбка была частично скрыта зарослями рыжева-

то-серой бороды и бакенбард – настоящие джунгли бороды, такие вырастают иногда на лицах белых людей, живущих в джунглях! – но глаза над вздернутым носом не имели в себе ничего диковинного или чужеземного. Опеншоу сразу же обратил на него сосредоточенный разоблачающий и испепеляющий взгляд скептического анализа. Нелепая борода могла принадлежать психопату, но глаза совершенно противоречили бороде, они были наполнены тем открытым и дружеским смехом, какого никогда не увидишь на лицах серьезных мошенников и серьезных маньяков.

По мнению профессора Опеншоу, от человека с такими глазами можно скорее ожидать веселого скептицизма, такой человек должен был громко выражать свое поверхностное, но искреннее презрение к привидениям и духам. Как бы то ни было, профессиональный плут не позволил бы себе выглядеть столь легкомысленно. Человек был застегнут по самое горло в старый потертый плащ, и ничего в его одежде не указывало на его сан: впрочем, миссионеры из пустынных местностей не всегда считают нужным одеваться, как священники.

– Вы, вероятно, думаете, профессор, что все это очередная мистификация, – сказал м-р Прингль с какой-то абстрактной веселостью. Так или иначе, я должен рассказать мою историю кому-нибудь, кто сможет ее понять, потому что она подлинна. И, кроме того, отбросив шутки в сторону, она не только подлинна, но и трагична. Так вот, короче говоря, я служил миссионером в Ниа-Ниа, в одной из местностей Западной Африки, в гуще лесов, где почти единственным, кроме меня, белым человеком был

начальник округа капитан Вейлс. Мы были с ним очень дружны. Нельзя сказать, что он симпатизировал миссионерству, он был, если можно так выразиться, человеком тупым во многих отношениях, одним из людей действия, с квадратным черепом и квадратными плечами, которые вряд ли считают для себя необходимым думать. Вот это и делает данный случай еще более странным. Однажды после недолгого отсутствия он вернулся в лес, в свою палатку, и сказал, что с ним произошло очень забавное происшествие и теперь он не знает, что ему делать. В руках у него была старая книга в порыжевшем переплете, и он положил ее на стол рядом со своим револьвером и старым арабским мечом, который, очевидно, хранил, как редкость. Он сказал, что эта книга принадлежала одному человеку с лодки, которая только что отплыла, и что человек этот поклялся, будто никто не должен раскрывать эту книгу или заглядывать в нее, если не хочет быть унесенным дьяволом, или исчезнуть, или еще что-то в этом роде. Вейлс сказал ему, что, разумеется, все это ерунда, и они поссорились, и, кажется, в результате этот человек, отвергая упрек в трусости и суеверии, на самом деле заглянул в книгу, моментально уронил ее, шагнул к краю лодки и...

— Одну минутку, — сказал профессор, что-то записывавший. — Прежде чем вы продолжите рассказ, скажите мне вот что: говорил человек Вейлсу, где он взял книгу или кому она принадлежала раньше?

— Да, — ответил Прингль, теперь совершенно серьезный, — кажется, он сказал, что везет эту книгу обратно д-ру Ханки, путешественнику по Востоку, находящемуся в Англии. Ханки она принадлежала прежде, и он предупре-

ждал о ее необычайных свойствах. Ханки – человек способный, что и делает всю историю еще более странной. Но суть рассказа Вейлса гораздо проще. Она состоит в том, что человек, заглянувший в книгу, прямо перешагнул через борт лодки, и больше никто никогда его не видел.

– Верите ли вы в это сами? – спросил Опеншоу после паузы.

– Да, верю, – ответил Прингль. – Я верю этому по двум причинам. Во-первых, потому, что Вейлс – это человек, абсолютно лишенный воображения, а тут он добавил один штрих, который мог бы добавить только человек с большим воображением. Он сказал, что матрос перешагнул через борт в тихую погоду, а между тем не было слышно никакого всплеска.

В течение нескольких секунд профессор молча смотрел на свои заметки, затем сказал:

– А вторая причина, которая заставляет вас верить этому?

– Вторая причина, – ответил преподобный Льюк Прингль, – это то, что я видел собственными глазами.

Снова наступило молчание, после которого он продолжал свой рассказ в той же суховато-деловой манере. Какими бы ни были его качества, в нем, во всяком случае, не было не малейшей горячности, с которой обычно психопаты стараются убедить своего собеседника.

– Я уже сказал вам, что Вейлс положил книгу на стол рядом с мечом. Из палатки был только один выход, и случилось так, что я как раз стоял в дверях, глядя в лес, спиной к моему товарищу. Он ворчал, что это просто идиотство – в двадцатом веке бояться раскрыть книгу, интересуясь, по-

чему бы ему самому, черт побери, не раскрыть ее. Тут какой-то инстинкт проснулся во мне, и я начал отговаривать его не делать этого и вернуть книгу д-ру Ханки. «Какой вред это может принести?» – спросил он нетерпеливо. «Какой вред это уже принесло, – ответил я упрямо. – Что случилось с вашим другом на лодке?» Он не ответил. Я знал, что ему действительно нечего мне ответить. Он просто из тщеславия отстаивал свою логическую правоту. «Если уж мы заговорили об этом, – сказал я, – то как вы объясните то, что практически имело место на лодке?»

Но он опять не ответил: я обернулся и увидел, что палатка пуста.

Книга лежала на столе, раскрытая, но переплетом вверх: как видно, он перевернул ее. Меч же лежал на земле около противоположной стороны палатки, и в парусине был виден большой разрез, словно кто-то проложил себе дорогу с помощью меча. Мне бросилась в глаза зияющая дыра в стене, но в нее виднелась лишь темная чаща леса.

С этого дня я больше никогда не видел капитана Вейлса и ничего о нем не слышал.

Я завернул книгу в коричневую бумагу, приняв всяческие предосторожности, чтобы не заглянуть в нее самому, и привез ее обратно в Англию, намереваясь вернуть д-ру Ханки. Но тут я увидел в вашей статье некоторые замечания относительно подобных вещей и решил приостановить это дело и отнести книгу вам, так как вы – человек с репутацией уравновешенного и без предрассудков.

Профессор Опеншоу положил перо и пристально посмотрел на человека, сидевшего напротив, сосредоточив в этом взгляде весь свой долгий опыт общения со многими

совершенно различными типами мошенников и даже с некоторыми эксцентричными и незаурядными типами честных людей. В обычном случае он начал бы со здравого предположения, что вся эта история нагромождение лжи. В сущности, он и сейчас был склонен считать, что это нагромождение лжи. И в то же время он никак не мог увязать этого человека с его историей. Этот человек не старался казаться честным, как это обычно делает большинство шарлатанов и плутов. Этот человек выглядел честным, несмотря на то, чем он казался.

– Мистер Прингль, – сказал профессор резко, словно судья, делающий неожиданный ход, чтобы уличить свидетеля, – где находится ваша книга в настоящий момент?

Улыбка снова появилась на бородатой физиономии.

– Я оставил ее за дверью, – ответил м-р Прингль, – я хочу сказать – в соседней комнате. Быть может это рискованно, но не менее рискованно, чем другое.

– Что вы хотите сказать? – спросил профессор. – Почему вы не принесли ее прямо сюда?

– Потому, что я знал, – ответил миссионер, – что вы раскроете ее, как только увидите, не выслушав моей истории. Я решил, что после того, как вы ее выслушаете, вы, наверное, дважды подумаете о том, стоит ли открывать книгу. – Затем, помолчав, он добавил: там не было никого, кроме вашего клерка, а он выглядел вялым, медлительным субъектом, погруженным в деловые вычисления.

Опеншоу искренне рассмеялся.

– О, Берридж! – вскричал он. – Ваши волшебные тома будут при нем в полной сохранности, могу вас уверить. Берридж – это настоящая вычислительная машина. Он

менее способен разворачивать чужие пакеты, завернутые в коричневую бумагу, чем всякое другое человеческое существо, если только можно его назвать человеческим существом.

Они вместе перешли из внутренней комнаты в контору, и, как только они вошли туда, м-р Прингль с криком подбежал к конторке клерка, ибо конторка клерка была на месте, а самого клерка не было. На конторке лежала выцветшая старая книга в кожаном переплете, без своей коричневой обертки: она была закрыта, но видно было, что кто-то недавно ее открывал. Конторка клерка стояла напротив широкого окна, выходящего на улицу, и в стекле этого окна виднелась огромная дыра, производившая такое впечатление, словно через нее во внешний мир стремительно выбросилось человеческое тело. Никаких других следов м-ра Берриджа не было.

Двое мужчин стояли неподвижно, словно статуи, и, наконец, профессор первый медленно вернулся к жизни. У него был более торжественно-беспристрастный вид, чем обычно. Медленно повернувшись к миссионеру, он протянул ему руку.

– Мистер Прингль, – сказал он, – прошу вас – простите меня за те мысли, которые у меня были; однако никто не может считать себя человеком науки, если игнорирует факт, подобный данному факту.

– Я думаю, – сказал м-р Прингль в раздумье, – что нам следовало бы навести кое-какие справки. Не можете ли вы позвонить ему и узнать, нет ли его дома?

– Не знаю, есть ли у него телефон, – ответил Опеншоу довольно рассеяно, – он живет, кажется, где-то в районе

Хампстеда, но я думаю, что если кто-нибудь из его друзей или родственников заметит его отсутствие, то они зайдут за справками сюда.

Сможем ли мы дать его приметы, в случае если этого потребует полиция? – спросил м-р Прингль.

– Полиция, – повторил профессор, внезапно выведенный из своей задумчивости. – Приметы... Право, он был так ужасно похож на всех остальных, если только не считать его круглых очков. Один из таких гладко выбритых молодых людей. Но полиция... Послушайте, что же нам теперь делать с этой сумасшедшей историей?

– Я знаю, что нам делать, – решительно ответил преподаватель Прингль. Я отнесу сейчас книгу прямо к этому чудаку доктору Ханки и спрошу его, что за дьявол скрывается за всем этим. Он живет не очень далеко отсюда. Я быстро вернусь и расскажу вам, что он говорил по этому поводу.

– О, это превосходно, – выговорил, наконец, профессор, видимо довольный, что может хоть на минуту избавиться от ответственности.

Он сидел в своем кресле, когда те же быстрые шаги послышались на тротуаре перед домом и вошел миссионер, на этот раз, как быстро отметил профессор, уже с пустыми руками.

– Доктор Ханки, – сказал Прингль внушительно, пожелал оставить у себя книгу на один час и обдумать это дело. Он просил, чтобы мы оба зашли к нему, и тогда он сообщит нам свое решение. Он выразил желание, чтобы вы, профессор, непременно сопровождали меня во время второго визита.

Опеншоу продолжал молча смотреть в пространство, затем неожиданно воскликнул:

– Черт побери! Кто такой этот доктор Ханки?

– Это прозвучало у вас так, словно вы действительно считаете его самым чертом, – и, по-моему, многие думали то же самое, сказал Прингль, улыбаясь. – Он завоевал свою репутацию в той же области, что и вы. Но он заслужил ее главным образом в Индии, где занимался изучением местной магии и прочего, а здесь он, может быть, и не так уж известен. Это загорелый худощавый низенький человек, злой, как бес, хромой и с подозрительным характером, но в этих краях он как будто ведет самый обыденный и респектабельный образ жизни. В конце концов я не знаю о нем ничего плохого, если не считать плохим тот факт, что он единственный человек, которому, по-видимому, кое-что известно относительно всей этой дикой истории.

Профессор Опеншоу тяжело поднялся с места и подошел к телефону: он позвонил патеру Брауну. Затем он снова сел и опять погрузился в глубокое раздумье.

Явившись в ресторан, где он условился пообедать с профессором Опеншоу, патер Браун некоторое время ожидал в вестибюле, полном зеркал и пальмовых деревьев в кадках. Он догадывался, что произошло какое-то неожиданное событие. Он даже усомнился, придет ли профессор вообще, и, когда профессор все-таки пришел, патер Браун понял, что его смутные догадки подтвердились. Ибо весьма странный вид – безумные глаза и даже взъерошенные волосы – был у профессора, вернувшегося вместе с мистером Принглем из путешествия в северную часть Лондона.

Они разыскали там дом, стоявший недалеко в стороне, но неподалеку от других домов. Они нашли медную дощечку, на которой было действительно выгравировано: «Дж. И. Ханки, д-р медицины, чл. Корол. ак. наук». Не было только самого Дж. И. Ханки, д-ра медицины, чл. Корол. ак. наук. Они лишь нашли то, что уже бессознательно приготовил им заговор кошмаров; мещанскую гостиную с проклятой книгой, лежавшей на столе и производившей впечатление, словно кто-то только что ее читал, а позади – широко распахнутую заднюю дверь и еле заметный след шагов, идущий вдоль крутой садовой тропинки, такой легкий след, что казалось, хромой человек никогда не смог бы пробежать так легко. Но пробежал именно хромой человек, ибо в этих немногих следах можно было разглядеть уродливый оттиск специального сапога, затем два оттиска одного этого сапога, словно человек подпрыгнул, и затем – ничего. Это было все, чему мог научить д-р Дж. И. Ханки. Он принял свое решение. Он разгадал тайну оракула и получил должное возмездие.

Когда профессор и Прингль вошли в отель, под пальмы, Прингль вдруг уронил книгу на маленький столик, словно она жгла ему пальцы. Священник с любопытством взглянул на нее; на переплете сверху было крупными буквами вытеснено следующее двустишие:

*Кто в эту книгу посмотрел,
Тот смерть крылатую узрел.*

Внизу же, как патер обнаружил несколько позже, были такие же предостережения на греческом, латинском и

французском языке. Профессор и Прингль вошли в ресторан, с потребностью выпить чего-нибудь, вполне естественную после перенесенных волнений и усталости, и Опеншоу окликнул лакея, который принес им два коктейля.

– Надеемся, вы пообедаете с нами, – сказал профессор миссионеру, но м-р Прингль с улыбкой покачал головой.

– Извините меня, – сказал он, – я хочу пойти куда-нибудь и вступить в сражение с этой книгой и со всей этой историей в одиночестве. Не могу ли я воспользоваться вашей конторой на час или два?

– Но я думаю... Я боюсь, что она заперта, – ответил Опеншоу несколько удивленно.

– Вы забываете, что там есть дыра в стене.

Преподобный Льюк Прингль улыбнулся самой широкой своей улыбкой и исчез во мраке улицы.

– В конце концов довольно странный субъект, – сказал профессор, нахмурившись.

Он был несколько удивлен, увидев, что патер Браун беседует с лакеем, принесли коктейли, и, по-видимому, о самых интимных делах лакея, потому что упоминалось имя какого-то ребенка, который теперь был уже вне опасности. Он высказывал некоторое удивление по поводу этого факта, недоумевая, каким образом мог священник познакомиться с таким человеком; но патер Браун сказал только:

– О, я ведь обедаю здесь по несколько раз в год и беседую с ним время от времени.

Сам профессор, который обедал здесь около пяти раз в неделю, подумал, что ему никогда и в голову не приходило беседовать с лакеем, но его мысли были внезапно прерваны

вызовом к телефону. Голос, который его вызывал, назвал себя Принглем; голос был как-то заглушен, но вполне возможно, что его заглушали все эти заросли бороды и бакенбард. Того, что он сообщил, оказалось вполне достаточно, чтобы установить тождество.

— Профессор, — сказал голос, — я больше не в состоянии выносить это. Сейчас я сам загляну в нее. Я говорю из вашей конторы, и книга лежит напротив меня. Если что-нибудь случится со мной, то это будет моим прощанием с вами. Нет. Не пытайтесь остановить меня. Все равно вы не успеете. Я раскрываю книгу. Я...

Опеншоу показалось, что он слышит отзвук какого-то содрогания, какого-то трепета, какого-то беззвучного падения: потом он несколько раз прокричал в трубку имя Прингля, но больше он ничего не услышал. Он повесил трубку и придя в свое великолепное академическое спокойствие отчаяния, вернулся к столу и тихо занял свое место. Затем, с полнейшим хладнокровием, словно описывая провал какого-нибудь незначительного фокуса на одном из сеансов, он рассказал священнику все подробности таинственного кошмара.

— Пять человек исчезли таким невероятным образом, — сказал он. Каждый из этих случаев необычаен, но я просто не в состоянии переварить случай с моим клерком Берриджем. Он был спокойнейшим существом в мире.

— Да, — ответил патер Браун. Как бы то ни было, а странно, что Берридж проделал такую штуку. Он был чудовищно добросовестен. Он так старался всегда отделять все конторы от всяких проделок. Ведь вряд ли кто-нибудь знал, что дома он — большой шутник и...

– Берридж! – вскричал профессор. – Разве вы знали его?

– О, нет, – ответил патер Браун небрежно, – но, как вы заметили, я знаю лакея. Мне часто приходилось ожидать в конторе вашего возвращения, и, разумеется, я проводил часть дня с беднягой Берриджем. Это был большой оригинал. Я припоминаю, как однажды он мне сказал, что хотел бы коллекционировать ничего не стоящие вещи, подобно тому, как коллекционеры собирают те нелепые вещи, которые они считают ценными, Вы, верно, помните известный рассказ о женщине, которая собирала ничего не стоящие вещи.

– Я не совсем уверен, что понимаю, о чем вы говорите, сказал Опеншоу. – Но даже если мой клерк и был оригиналом (хотя я в жизни не знал ни одного человека, которого считал бы менее способным на оригинальность), это не объясняет того, что с ним случилось, и уж, конечно, не объясняет случаев с остальными.

– С какими это остальными? – спросил священник.

Профессор взглянул на него и сказал, отчетливо выговаривая слова, словно обращаясь к ребенку:

– Дорогой патер Браун, исчезли пять человек.

– Дорогой профессор Опеншоу, ни один человек не исчез.

Патер Браун смотрел на своего собеседника так же твердо и говорил не менее отчетливо. Тем не менее, профессор попросил повторить эти слова, и они были повторены столь же отчетливо.

– Я сказал, что ни один человек не исчез.

После минутного молчания священник добавил:

– Я думаю, что самое трудное – это убедить ко-

го-нибудь в том, что $0 \times 0 = 0$. Люди верят самым странным вещам, если они идут подряд. Макбет поверил трем словам трех ведьм, несмотря на то, что первое он сказал им, а последнее он мог осуществить только впоследствии. Но в вашем случае среднее слово – это самое слабое из всех.

– Что вы хотите сказать?

– Вы не видели ни одного исчезновения. Вы не видели, как исчез человек из палатки. Все это основано на словах Прингля, о личности которого мы с вами не будем сейчас спорить. Но вы можете допустить следующее: вы сами никогда не приняли его слов всерьез, если бы не увидели подтверждения им в исчезновении вашего клерка. Так же как Макбет никогда не поверил бы в то, что он будет королем, если бы не подтвердилась его уверенность в том, что он будет Кандорским таном.

– Это, может быть, и верно, – сказал профессор, медленно кивая. – Но когда это подтвердилось, я убедился в том, что это правда. Вы сказали, что я ничего не видел сам. Но я видел. Я видел, как исчез мой клерк. Исчез Берридж.

– Берридж не исчез, – сказал патер Браун. – Наоборот.

– Какого черта вы хотите сказать этим «наоборот»?

– Я хочу сказать, – ответил патер Браун, – что он никогда не исчезал. Он появился.

Опеншоу взглянул на своего друга, но, когда он сосредоточился на новом освещении вопроса, в голове у него совсем помутилось. Священник продолжал:

– Он появился в вашем кабинете, нацепив густую рыжую бороду, напялив на себя мешковатый плащ, и выдал себя за преподобного Льюка Прингля. А вы всегда обращали так мало внимания на своего клерка, что не узнали его в этом наспех сделанном костюме.

– Но право же... – начал было профессор.

– Могли ли бы вы описать его полиции? – спросил патер Браун. – Нет, не могли бы. Вы, вероятно, знали только, что он носил очки с цветными стеклами и был гладко выбрит, и если бы он просто снял эти очки – это было бы лучше всякого переодевания. Вы никогда не видели его глаз, так же как и его души, – веселых, смеющихся глаз. Он положил свою нелепую книгу и всю эту бутафорию, затем спокойно разбил окно, надел бороду и плащ и вошел к вам в кабинет, зная, что вы ни разу в жизни не посмотрели на него.

– Но с какой стати он сыграл со мной такую дикую шутку? – спросил Опеншоу.

– С какой стати? Именно потому, что вы ни разу в жизни не посмотрели на него, – сказал патер Браун, и его рука слегка согнулась и сжалась в кулак, словно он хотел ударить по столу. – Вы называли его «вычислительной машиной», потому что только с этой стороны нуждались в его услугах. Вы никогда не видели того, что случайный прохожий мог бы разглядеть в течении пятиминутной беседы: что это человек с характером, что это большой любитель древности, что у этого человека есть свои собственные взгляды на вас, и на ваши «теории», и на вашу репутацию «знатока людей». Неужели же вам непонятно стремление доказать, что вы не разобрались в собственном клерке? У него забавнейшие представления о разных вещах – например, о коллекционировании бесполезных вещей. Знаете вы рассказ о женщине, купившей две бесполезнейшие вещи – медную дощечку одного старого доктора и деревянную ногу? Вот на этих-то вещах наш изобрета-

тельный клерк и построил образ замечательного доктора Ханки, построил так же легко, как и образ несуществующего капитана Вейлса. Поместив их у себя в доме, он...

– Вы хотите сказать, что дом, где мы были за Хампстедом, это был дом, в котором живет сам Берридж? – спросил Опеншоу.

– А разве вы знаете его дом или хотя бы его адрес? – отпарировал священник. – Вот что, не думайте, что я отношусь без уважения к вам или к вашей работе. Вы – великий служитель истины, и вам известно, что я не могу относиться без уважения к таким вещам. Вы видели насквозь немало лжецов, когда заранее считали их таковыми. Но смотрите не только на лжецов. Смотрите, хотя бы изредка, на честных людей вроде этого клерка.

– Где теперь Берридж? – спросил профессор после длительного молчания.

– У меня нет ни малейшего сомнения в том, что он вернулся в вашу контору, – ответил патер Браун. – Фактически он вернулся в вашу контору в тот самый момент, когда преподобный Льюк Прингль прочел страшную книгу и исчез в пространстве.

Снова наступило молчание, затем профессор Опеншоу рассмеялся, рассмеялся как большой человек, который достаточно велик, чтобы не бояться выглядеть маленьким. Потом он отрывисто произнес:

– Пожалуй, я это заслужил, заслужил тем, что не замечал ближайших своих помощников. Но согласитесь, что нагромождение событий было просто устрашающим. Неужели вы ни разу, ни на минуту не почувствовали ужаса перед этой книгой?

– Ах, перед этой книгой, сказал патер Браун. – Я раскрыл ее сразу, как только заметил, что она здесь лежит. В ней одни только чистые страницы. Я, видите ли, не суеверен.

ПРИЧУДА РЫБОЛОВА

Порой явление бывает настолько необычно, что его попросту невозможно запомнить. Если оно совершенно выпадает из общего порядка вещей и не имеет ни причин, ни следствий, дальнейшие события не воскрешают его в памяти; оно сохраняется лишь в подсознании, чтобы благодаря какой-нибудь случайности всплыть на поверхность лишь долгое время спустя. Оно ускользает, словно забытый сон...

В ранний час, на заре, когда тьма еще только переходила в свет, глазам человека, спускавшегося на лодке по реке в Западной Англии, представилось удивительное зрелище. Человек в лодке не грезил; право же, он давно освободился от грез, этот преуспевающий журналист Гарольд Марч, который намеревался взять интервью у нескольких политических деятелей в их загородных усадьбах. Однако случай, свидетелем которого он стал, был настолько нелеп, что вполне мог пригрезиться; и все же он попросту скользнул мимо сознания Марча, затерявшись среди дальнейших событий совершенно иного порядка, и журналист так и не вспомнил о нем до тех пор, пока долгое время спустя ему не стал ясен смысл происшедшего.

Белесый утренний туман стлался по полям и камышовым зарослям на одном берегу реки; по другому, у самой

воды, тянулась темно-красная кирпичная стена. Бросив весла и продолжая плыть по течению, Марч обернулся и увидел, что однообразие этой бесконечной стены нарушил мост, довольно изящный мост в стиле восемнадцатого века, с каменными опорами, некогда белыми, но теперь посеревшими от времени. После разлива вода стояла еще высоко, и карликовые деревья глубоко погрузились в реку, а под аркой моста белел лишь узкий просвет.

Когда лодка вошла под темные своды моста, Марч заметил, что навстречу плывет другая лодка, в которой тоже всего один человек. Поза гребца мешала как следует его разглядеть, но как только лодка приблизилась к мосту, незнакомец встал на ноги и обернулся. Однако он был уже настолько близко от пролета, что казался черным силуэтом на фоне белого утреннего света, и Марч не увидел ничего, кроме длинных бакенбард или кончиков усов, придававших облику незнакомца что-то зловещее, словно из щек у него росли рога. Марч, разумеется, не обратил бы внимания даже на эти подробности, если бы в ту же секунду не произошло нечто необычайное. Поравнявшись с мостом, человек подпрыгнул и повис на нем, дрыгая ногами и предоставив пустой лодке плыть дальше. Какой-то миг Марчу были видны две черные болтающиеся ноги, затем — одна черная болтающаяся нога, и, наконец, — ничего, кроме бурного потока и бесконечной стены. Но всякий раз, как Марч вспоминал об этом событии долгое время спустя, когда ему уже стала известна связанная с ним история, оно неизменно принимало все ту же фантастическую форму, словно эти нелепые ноги были частью орнамента моста, чем-то вроде гротескного скульптурного украшения. А в то

утро Марч попросту поплыл дальше, оглядывая реку. На мосту он не увидел бегущего человека – должно быть, тот успел скрыться; и все же Марч почти бессознательно отметил про себя, что среди деревьев у въезда на мост, со стороны, противоположной стене, виднелся фонарный столб, а рядом с ним – широкая спина ничего не подозревавшего полисмена.

Покуда Марч добирался до святых мест своего политического паломничества, у него было немало забот, отвлекавших его от странного происшествия у моста: не так-то легко одному справиться с лодкой даже на столь пустынной реке. И в самом деле, он отправился один лишь благодаря непредвиденной случайности. Лодка была куплена для поездки, задуманной совместно с другом, которому в последнюю минуту пришлось изменить все свои планы. Гарольд Марч собирался совершить это путешествие по реке до Уилловуд-Плейс, где гостил в то время премьер-министр, со своим другом Хорном Фишером. Известность Гарольда Марча непрерывно росла; его блестящие политические статьи открывали ему двери все более влиятельных салонов; но он ни разу не встречался с премьер-министром. Едва ли хоть кому-нибудь из широкой публики был известен Хорн Фишер; но он знал премьер-министра с давних пор. Вот почему, если бы это совместное путешествие состоялось, Марч, вероятно, ощущал бы некоторую склонность поспешить, а Фишер – смутное желание продлить поездку. Ведь Фишер принадлежал к тому кругу людей, которые знают премьер-министра со дня своего рождения. Должно быть, они не находят в этом особого удовольствия, что же касается Фишера, то он как

будто родился усталым. Этот высокий, бледный, бесстрастный человек с лысеющим лбом и светлыми волосами редко выражал досаду в какой-нибудь иной форме, кроме скуки. И все же он был, несомненно, раздосадован, когда, укладывая в свой легкий саквояж рыболовные снасти и сигары для предстоящей поездки, получил телеграмму из Уилловуда с просьбой немедленно выехать поездом, так как премьер-министр должен отбыть из имения в тот же вечер Фишер знал, что Марч не сможет тронуться в путь раньше следующего дня; он любил Марча и заранее предвкушал удовольствие, которое доставит им совместная прогулка по реке Фишер не испытывал, особой приязни или неприязни к премьер-министру, но зато испытывал сильнейшую неприязнь к тем нескольким часам, которые ему предстояло провести в поезде. Тем не менее он терпел премьер-министров, как терпел железные дороги, считая их частью того строя, разрушение которого отнюдь не входило в его планы. Поэтому он позвонил Марчу и попросил его, сопровождая просьбу множеством извинений, пересыпанных сдержанными проклятиями, спуститься вниз по реке, как было условлено, и в назначенное время встретиться в Уилловуде. Затем вышел на улицу, кликнул такси и поехал на вокзал. Там он задержался у киоска, чтобы пополнить свой легкий багаж несколькими дешевыми сборниками детективных историй, которые прочел с удовольствием, не подозревая, что ему предстоит стать действующим лицом не менее загадочной истории.

Незадолго до заката Фишер остановился у ворот парка, раскинувшегося на берегу реки, это была усадьба Уилловуд-Плейс, одно из небольших поместий сэра Исаака Гука,

крупного судовладельца и газетного магната. Ворота выходили на дорогу со стороны, противоположной реке, но в пейзаже было нечто, постоянно напоминавшее путнику о близости реки Сверкающие полосы воды, словно шпаги или копья, неожиданно мелькали среди зеленых зарослей; и даже в самом парке, разделенном на площадки и окаймленном живой изгородью из кустов и высоких деревьев, воздух был напоен журчанием воды. Первая зеленая лужайка, на которой очутился Фишер, была запущенным крокетным полем, где какой-то молодой человек играл в крокет сам с собой. Однако он занимался этим без всякого азарта, видимо, просто чтобы немного попрактиковаться, его болезненное красивое лицо выглядело скорее угрюмым, чем оживленным. Это был один из тех молодых людей, которые не могут нести бремя совести, предаваясь бездействию, и чье представление о всяком деле неизменно сводится к той или иной игре. Фишер сразу же узнал в темноволосом элегантном молодом человеке Джеймса Буллена, неизвестно почему прозванного Бункером. Он приходился племянником сэру Исааку Гуку, но в данную минуту гораздо существенней было то, что он являлся к тому же личным секретарем премьер-министра.

– Привет, Бункер, – проронил Хорн Фишер. – Вас-то мне и нужно. Что, ваш патрон еще не отбыл?

– Он пробудет здесь только до обеда, – ответил Буллен, следя глазами за желтым шаром. – Завтра в Бирмингеме ему предстоит произнести большую речь, так что вечером он двинет прямо туда. Сам себя повезет. Я хочу сказать, сам поведет машину. Это единственное, чем он действительно гордится.

— Значит, вы останетесь здесь, у дядюшки, как и подobaет пай-мальчику? — заметил Фишер. — Но что будет делать премьер в Бирмингеме без острот, которые нашептывает ему на ухо его блестящий секретарь?

— Бросьте свои насмешки, — сказал молодой человек по прозвищу Бункер. — Я только рад, что не придется тащиться следом за ним. Он ведь ничего не смыслит в маршрутах, расходах, гостиницах и тому подобных вещах, и я вынужден носиться повсюду, точно мальчик на побегушках. А что касается дяди, то, поскольку мне предстоит унаследовать усадьбу, приличие требует, чтобы я по временам бывал здесь.

— Ваша правда, — согласился Фишер. — Ну, мы еще увидимся. — И, миновав площадку, он двинулся дальше через проход в изгороди.

Он шел по поляне, направляясь к лодочной пристани, а вокруг него, по всему парку, где царила река, под золотым вечерним небосводом словно витал неуловимый аромат старины. Следующая зеленая лужайка сперва показалась Фишеру совершенно пустой, но затем в темном уголке, под деревьями, он неожиданно заметил гамак; человек, лежавший в гамаке, читал газету, свесив одну ногу и тихонько ею покачивая. Фишер и его окликнул по имени, и тот, соскользнув на землю, подошел ближе. Словно по воле рока на Фишера отовсюду веяло прошлым: эту фигуру вполне можно было принять за призрак викторианских времен, явившийся с визитом к призракам крокетных ворот и молотков. Перед Фишером стоял пожилой человек с несуразно длинными бакенбардами, воротничком и галстуком причудливого, щегольского покроя Сорок лет назад

он был светским денди и ухитрился сохранить прежний лоск, пренебрегая при этом модами. В гамаке рядом с «Морнинг пост» лежал белый цилиндр.

Это был герцог Уэстморлендский, последний отпрыск рода, насчитывавшего несколько столетий, древность которого подтверждалась историей, а отнюдь не ухищрениями геральдики Фишер лучше чем кто бы то ни было знал, как редко встречаются в жизни подобные аристократы, столь часто изображаемые в романах. Но, пожалуй, куда интереснее было бы узнать мнение мистера Фишера насчет того, обязан ли герцог всеобщим уважением своей безукоризненной родословной или же весьма крупному состоянию.

– Вы тут так удобно устроились, – сказал Фишер, – что я принял вас за одного из слуг. Я ищу кого-нибудь, чтобы отдать саквояж. Я уехал так поспешно, что не взял с собой камердинера.

– Представьте, я тоже, – не без гордости заявил герцог. – Не имею такого обыкновения. Единственный человек на свете, которого я не выношу, – это камердинер. С самых ранних лет я привык одеваться без чужой помощи и, кажется, неплохо справляюсь с этим. Быть может, теперь я снова впал в детство, но не до такой степени, чтобы меня одевали, как ребенка.

– Премьер-министр тоже не привез камердинера, но зато привез секретаря, – заметил Фишер. – А ведь эта должность куда хуже. Верно ли, что Харкер здесь?

– Сейчас он на пристани, – ответил герцог равнодушным тоном и снова уткнулся в газету.

Фишер миновал последнюю зеленую изгородь и вышел

к берегу, оглядывая реку с лесистым островком напротив причала. И действительно, он сразу увидел темную худую фигуру человека, чья манера сутулиться чем-то напоминала стервятника; в судебных залах хорошо знали эту манеру, столь свойственную сэру Джону Харкеру, генеральному прокурору. Лицо его хранило следы напряженного умственного труда: из трех бездельников, собравшихся в парке, он один самостоятельно проложил себе дорогу в жизни; к облысевшему лбу и впалым вискам прилипли блеклые рыжие волосы, прямые, словно проволоки.

– Я еще не видел хозяина, – сказал Хорн Фишер чуть более серьезным тоном, чем до этого, – надеюсь повидаться с ним за обедом.

– Видеть его вы можете хоть сейчас, но повидаться не выйдет, – заметил Харкер.

Он кивнул в сторону острова, и, всматриваясь в указанном направлении, Фишер разглядел выпуклую лысину и конец удилища, в равной степени неподвижно вырисовывавшиеся над высоким кустарником на фоне реки. Видимо, рыболов сидел, прислонившись к пню, спиной к причалу, и хотя лица не было видно, но по форме головы его нельзя было не узнать.

– Он не любит, чтобы его беспокоили, когда он рыбачит, продолжал Харкер. – Старый чудак не ест ничего, кроме рыбы, и гордится тем, что ловит ее сам. Он, разумеется, ярый поборник простоты, как многие из миллионеров. Ему нравится, возвращаясь домой, говорить, что он сам обеспечил себе пропитание, как всякий труженик.

– Объясняет ли он при этом, каким образом удастся ему выдуть столько стеклянной посуды и обивать гобеле-

нами свою мебель? – осведомился Фишер. – Или изготавливать серебряные вилки, выращивать виноград и персики, ткать ковры? Говорят, он всегда был занятым человеком.

– Не припомню, чтобы он говорил такое, – ответил юрист. – Но что означают эти ваши социальные нападки?

– Признаться, я устал от той «простой, трудовой жизни», которой живет наш узкий кружок, – сказал Фишер. – Ведь мы беспомощны почти во всем и поднимаем ужасный шум, когда удастся обойтись без чужой помощи хоть в чем-нибудь. Премьер-министр гордится тем, что обходится без шофера, но не может обойтись без мальчика на побегушках, и бедному Бункеру приходится быть каким-то гением-универсалом, хотя, видит бог, он совершенно не создан для этого. Герцог гордится тем, что обходится без камердинера; однако он доставляет чертову пропасть хлопот множеству людей, вынуждая их добывать то невероятно старомодное платье, которое носит. Должно быть, им приходится обшаривать Британский музей или же разрывать могилы. Чтобы достать один только белый цилиндр, пришлось, наверное, снарядить целую экспедицию, ведь отыскать его было столь же трудно, как открыть Северный полюс. А теперь этот старикан Гук заявляет, что обеспечивает себя рыбой, хотя сам не в состоянии обеспечить себя ножами или вилками, которыми ее едят. Он прост, пока речь идет о простых вещах, вроде еды, но я уверен, он роскошествует, когда дело доходит до настоящей роскоши, и особенно – в мелочах. О вас я не говорю: вы достаточно потрудились, чтобы теперь разыгрывать из себя человека, который ведет трудовую жизнь.

– Порой мне кажется, – заметил Харкер, – что вы

скрываете от нас одну ужасную тайну – умение быть иногда полезным. Не затем ли вы явились сюда, чтобы повидать премьера до его отъезда в Бирмингем?

– Да, – ответил Хорн Фишер, понизив голос. – Надеюсь, мне удастся поймать его до обеда. А потом он должен о чем-то переговорить с сэром Исааком.

– Глядите! – воскликнул Харкер. – Сэр Исаак кончил удить. Он ведь гордится тем, что встает на заре и возвращается на закате.

И действительно, старик на острове поднялся на ноги и повернулся, так что стала видна густая седая борода и сморщенное личико со впалыми щеками, свирепым изгибом бровей и злыми, колючими глазками. Бережно неся рыболовные снасти, он начал переходить через мелкий поток по плоским камням несколько ниже причала. Затем направился к гостям и учтиво поздоровался с ними. В корзинке у Гука было несколько рыб, и он пребывал в отличном расположении духа.

– Да, – сказал он, заметив на лице Фишера вежливое удивление. – Я встаю раньше всех. Ранняя птичка съедает червя.

– На свою беду, – возразил Харкер, – червя съедает ранняя рыбка.

– Но ранний рыболов съедает рыбку, – угрюмо возразил старик.

– Насколько мне известно, сэр Исаак, вы не только встаете рано, но и ложитесь поздно, – вставил Фишер. – По-видимому, вы очень мало спите.

– Мне всегда не хватало времени для сна, – ответил Гук, а сегодня вечером наверняка придется лечь поздно. Пре-

мьер-министр сказал, что желает со мной побеседовать. Так что, пожалуй, пора одеваться к обеду.

В тот вечер за обедом не было сказано ни слова о политике, произносились главным образом светские любезности. Премьер-министр лорд Меривейл, высокий худой человек с седыми волнистыми волосами, серьезно восхищался рыболовным искусством хозяина и проявленными им ловкостью и терпением, беседа мерно журчала, точно мелкий ручей между камнями.

— Конечно, нужно обладать терпением, чтобы выждать, пока рыба клюнет, — заметил сэр Исаак, — и ловкостью, чтобы вовремя ее подсечь, но мне обычно везет.

— А может крупная рыба уйти, оборвав леску? — спросил политический деятель с почтительным интересом.

— Только не такую, как у меня, — самодовольно ответил Гук. — Признаться, я неплохо разбираюсь в рыболовных снастях. Так что у рыбы скорей хватит сил стащить меня в реку, чем оборвать леску.

— Какая это была бы утрата для общества! — сказал премьер-министр, наклоня голову.

Фишер слушал весь этот вздор с затаенным нетерпением, ожидая случая заговорить с премьер-министром, и, как только хозяин поднялся, вскочил с редким проворством. Ему удалось поймать лорда Меривейла, прежде чем сэр Исаак успел увести его для прощальной беседы. Фишер собирался сказать всего несколько слов, но сделать это было необходимо. Распахивая дверь перед премьером, он тихо произнес:

— Я виделся с Монтмирейлом: он говорит, что, если мы не заявим немедленно протест в защиту Дании, Швеция захватит порты.

Лорд Меривейл кивнул.

– Я как раз собираюсь выслушать мнение Гука по этому поводу.

– Мне кажется, – сказал Фишер с легкой усмешкой, – мнение его нетрудно предугадать.

Меривейл ничего не ответил и непринужденно последовал к дверям библиотеки, куда уже удалился хозяин. Остальные направились в бильярдную, Фишер коротко заметил юристу:

– Эта беседа не займет много времени. Практически они уже пришли к соглашению.

– Гук целиком поддерживает премьер-министра, – согласился Харкер.

– Или премьер-министр целиком поддерживает Гука, подхватил Хорн Фишер и принялся бесцельно гонять шары по бильярдной доске.

На следующее утро Хорн Фишер по своей давней дурной привычке проснулся поздно и не торопился сойти вниз; должно быть, у него не было охоты полакомиться червяком. Видимо, такого желания не было и у остальных гостей, которые еще только завтракали, хотя время уже близилось к полудню. Вот почему первую сенсацию этого необычайного дня им не пришлось ждать слишком долго. Она явилась в облике молодого человека со светлыми волосами и открытым лицом, чья лодка, спустившись вниз по реке, причалила к маленькой пристани. Это был не кто иной, как журналист Гарольд Марч, друг мистера Фишера, начавший свой далекий путь на рассвете в то самое утро. Сделав остановку в большом городе и напившись там чаю, он прибыл в усадьбу к концу дня, из кармана у него торчала

вечерняя газета. Он нагрянул в прибрежный парк подобно тихой и благовоспитанной молнии и к тому же сам не подзревал об этом.

Первый обмен приветствиями и рукопожатиями носил довольно банальный характер и сопровождался неизбежными извинениями за странное поведение хозяина. Он, разумеется, снова ушел с утра рыбачить, и его нельзя беспокоить прежде известного часа, хотя до того места, где он сидит, рукой подать.

– Видите ли, это его единственная страсть, – пояснил Харкер извиняющимся тоном, – но, в конце концов, он ведь у себя дома, во всех остальных отношениях он очень гостеприимный хозяин.

– Боюсь, – заметил Фишер, понизив голос, – что это уже скорее мания, а не страсть. Я знаю, как бывает, когда человек в таком возрасте начинает увлекаться чем-нибудь вроде этих паршивых речных рыбешек. Вспомните, как дядя Тэлбота собирал зубочистки, а бедный старый Баззи – образцы табачного пепла. В свое время Гук сделал множество серьезных дел, – он вложил немало сил в лесоторговлю со Швецией и в Чикагскую мирную конференцию, – но теперь мелкие рыбешки интересуют его куда больше крупных дел.

– Ну, полно вам, в самом деле, – запротестовал генеральный прокурор. – Так мистер Марч, чего доброго, подумает, что попал в дом к сумасшедшему. Поверьте, мистер Гук занимается рыболовством для развлечения, как и всяким другим спортом. Просто характер у него такой, что развлекается он несколько мрачным способом. Но держу пари, если бы сейчас пришли важные новости относи-

тельно леса или торгового судоходства, он тут же бросил бы свои развлечения и всех рыб.

– Право, не знаю, – заметил Хорн Фишер, лениво поглядывая на остров.

– Кстати, что новенького? – спросил Харкер у Гарольда Марча. – Я вижу у вас вечернюю газету, одну из тех предприимчивых вечерних газет, которые выходят по утрам.

– Здесь начало речи лорда Меривейла в Бирмингеме, ответил Марч, передавая ему газету. – Только небольшой отрывок, но, мне кажется, речь неплохая.

Харкер взял газету, развернул ее и заглянул в отдел экстренных сообщений. Как и сказал Марч, там был напечатан лишь небольшой отрывок, но отрывок этот произвел на сэра Джона Харкера необычайное впечатление. Его насупленные брови поднялись и задрожали, глаза прищурились, а жесткая челюсть на секунду отвисла. Он как бы мгновенно постарел на много лет. Затем, стараясь придать голосу уверенность и твердой рукой передавая газету Фишеру, он сказал просто:

– Что ж, можно держать пари. Вот важная новость, которая дает вам право побеспокоить старика.

Хорн Фишер заглянул в газету, и его бесстрастное, невыразительное лицо также переменялось. Даже в этом небольшом отрывке было два или три крупных заголовка, и в глаза ему бросилось:

«Сенсационное предостережение правительству Швеции» и «Мы протестуем».

– Что за черт, – произнес он свистящим шепотом.

– Нужно немедленно сообщить Гуку, иначе он никогда

не простит нам этого, – сказал Харкер. – Должно быть, он сразу же пожелает видеть премьера, хотя теперь, вероятно, уже поздно. Я иду к нему сию же минуту, и, держу пари, он тут же забудет о рыбах. – И он торопливо зашагал вдоль берега к переходу из плоских камней.

Марч глядел на Фишера, удивленный тем переполохом, который произвела газета.

– Что все это значит? – вскричал он. – Я всегда полагал, что мы должны заявить протест в защиту датских портов, это ведь в наших общих интересах. Какое дело до них сэру Исааку и всем остальным? По-вашему, это плохая новость?

– Плохая новость, – повторил Фишер тихо, с непередаваемой интонацией в голосе.

– Неужели это так скверно? – спросил Марч.

– Так скверно! – подхватил Фишер. – Нет, почему же, это великолепно. Это грандиозная новость. Это превосходная новость. В том-то вся и штука. Она восхитительна. Она бесподобна. И вместе с тем она совершенно невероятна.

Он снова посмотрел на серо-зеленый остров, на реку и хмурым взглядом обвел изгороди и полянки.

– Этот парк мне словно приснился, – проговорил Фишер, – и кажется, я действительно сплю. Но трава зеленеет, вода журчит, и в то же время случилось нечто необычайное.

Как только он произнес это, из прибрежных кустов, прямо над его головой, появилась темная сутулая фигура, похожая на стервятника.

– Вы выиграли пари, – сказал Харкер каким-то резким, каркающим голосом. – Старый дурак ни о чем не хочет

слышать, кроме рыбы. Он выругался и заявил, что знать ничего не желает о политике.

– Я так и думал, – скромно заметил Фишер. – Что же вы намерены делать?

– По крайней мере, воспользуюсь телефоном этого старого осла, – ответил юрист. – Необходимо точно узнать, что случилось. Завтра мне самому предстоит докладывать правительству. – И он торопливо направился к дому.

Наступило молчание, которое Марч в глубоком замешательстве не решался нарушить, а затем в глубине парка показались нелепые бакенбарды и неизменный белый цилиндр герцога Уэстморленда. Фишер поспешил ему навстречу с газетой в руке и в нескольких словах рассказал о сенсационном отрывке. Герцог, который неторопливо брел по парку, вдруг остановился как вкопанный и несколько секунд напоминал манекен, стоящий у двери какой-нибудь лавки древностей. Затем Марч услышал его голос, высокий, почти истерический:

– Но нужно показать ему это, нужно заставить его понять! Я уверен, что ему не объяснили как следует! – Затем более ровным и даже несколько напыщенным тоном герцог произнес: Я пойду и скажу ему сам.

В числе необычайных событий дня Марч надолго запомнил эту почти комическую сцену: пожилой джентльмен в старомодном белом цилиндре, осторожно переступая с камня на камень, переходил речку, словно Пикадилли. Добравшись до острова, он исчез за деревьями, а Марч и Фишер повернулись навстречу генеральному прокурору, который вышел из дома с выражением мрачной решимости на лице.

– Все говорят, – сообщил он, – что премьер-министр произнес самую блестящую речь в своей жизни. Заключительная часть потонула в бурных и продолжительных аплодисментах. Продажные финансисты и героические крестьяне. На сей раз мы не оставим Данию без защиты.

Фишер кивнул и поглядел в сторону реки, откуда возвращался герцог; вид у него был несколько озадаченный. В ответ на расспросы он доверительно сообщил осипшим голосом:

– Право, я боюсь, что наш бедный друг не в себе. Он отказался слушать: он... э-э... сказал, что я распугаю рыбу.

Человек с острым слухом мог бы расслышать, как мистер Фишер пробормотал что-то по поводу белого цилиндра, но сэр Джон Харкер вмешался в разговор более решительно:

– Фишер был прав. Я не поверил своим глазам, но факт остается фактом: старик совершенно поглощен рыбной ловлей. Даже если дом загорится у него за спиной, он не сдвинется с места до самого заката.

Фишер тем временем взобрался на невысокий пригорок и бросил долгий испытующий взгляд, но не в сторону острова, а в сторону отдаленных лесистых холмов, окаймлявших долину. Вечернее небо, безоблачное, как и накануне, простиралось над окружающей местностью, но на западе оно теперь отливало уже не золотом, а бронзой; тишину нарушало лишь монотонное журчание реки. Внезапно у Хорна Фишера вырвалось приглушенное восклицание, и Марч вопросительно поглядел на него.

– Вы говорили о скверных вестях, – сказал Фишер. – Что ж, вот действительно скверная весть. Боюсь, что это очень скверное дело.

– О какой вести вы говорите? – спросил Марч, угадывая в его тоне что-то странное и зловещее.

– Солнце село, – ответил Фишер. Затем он продолжал с видом человека, сознающего, что он изрек нечто роковое:

– Нужно, чтобы туда пошел кто-нибудь, кого он действительно выслушает. Быть может, он безумец, но в его безумии есть логика. Почти всегда в безумии есть логика. Именно это и сводит человека с ума. А Гук никогда не остается там после заката, так как в парке быстро темнеет. Где его племянник? Мне кажется, племянника он действительно любит.

– Глядите! – воскликнул внезапно Марч. – Он уже побывал там. Вон он возвращается.

Взглянув на реку, они увидели фигуру Джеймса Буллена, темную на фоне заката, он торопливо и неловко перебирался с камня на камень. Один раз он поскользнулся, и все услышали негромкий всплеск. Когда он подошел к стоявшим на берегу, его оливковое лицо было неестественно бледным.

Остальные четверо, собравшись на прежнем месте, воскликнули почти в один голос:

– Ну, что он теперь говорит?

– Ничего. Он не говорит... ничего.

Фишер секунду пристально глядел на молодого человека, затем словно стряхнул с себя оцепенение и, сделав Марчу знак следовать за ним, начал перебираться по камням. Вскоре они были уже на проторенной тропинке, которая огибала остров и вела к тому месту, где сидел рыболов. Здесь они остановились и молча стали глядеть на него.

Сэр Исаак Гук все еще сидел, прислонившись к пню, и по весьма основательной причине. Кусок его прекрасной, прочной лески был скручен и дважды захлестнут вокруг шеи, а затем дважды – вокруг пня за его спиной. Хорн Фишер кинулся к рыболову и притронулся к его руке: она была холодна, как рыба кровь.

– Солнце село, – произнес Фишер тем же зловещим тоном, и он никогда больше не увидит восхода.

Десять минут спустя все пятеро, глубоко потрясенные, с бледными, настороженными лицами, снова собрались в парке. Прокурор первый пришел в себя; речь его была четкой, хотя и несколько отрывистой.

– Необходимо оставить тело на месте и вызвать полицию, сказал он. – Мне кажется, я могу собственной властью допросить слуг и посмотреть, нет ли каких улик в бумагах несчастного. Само собой, джентльмены, все вы должны оставаться в усадьбе.

Вероятно, быстрые и суровые распоряжения законника вызвали у остальных такое чувство, словно захлопнулась ловушка или западня. Во всяком случае, Буллен внезапно вспыхнул или, вернее, взорвался, потому что голос его прозвучал в тишине парка подобно взрыву.

– Я даже не дотронулся до него! – закричал он. Клянусь, я не причастен к этому!

– Кто говорит, что вы причастный, – спросил Харкер, пристально взглянув на него. – Отчего вы орете, прежде чем вас ударили?

– А что вы так смотрите на меня? – выкрикнул молодой человек со злобой. – Думаете, я не знаю, что мои проклятые долги и виды на наследство вечно у вас на языке?

К великому удивлению Марча, Фишер не принял участия в этой стычке. Он отвел герцога в сторону и, когда они отошли достаточно далеко, чтобы их не услышали, обратился к нему с необычайной простотой.

– Уэстморленд, я намерен перейти прямо к делу.

– Ну, – отозвался тот, бесстрастно уставившись ему в лицо.

– У вас были причины убить его.

Герцог продолжал глядеть на Фишера, но, казалось, лишился дара речи.

– Я надеюсь, что у вас были причины убить его, продолжал Фишер мягко. – Дело в том, что стечение обстоятельств несколько необычное. Если у вас были причины совершить убийство, вы, по всей вероятности, не виновны. Если же у вас их не было, то вы, по всей вероятности, виновны.

– О чем вы, черт побери, болтаете? – спросил герцог, рассвирепев.

– Все очень просто, – ответил Фишер. – Когда вы пошли на остров, Гук был либо жив, либо уже мертв. Если он был жив, его, по-видимому, убили вы: в противном случае непонятно, что заставило вас промолчать. Но если он был мертв, а у вас имелись причины его убить, вы могли промолчать из страха, что вас заподозрят. – Выдержав паузу, он рассеянно заметил: – Кипр – прекрасный остров, не так ли? Романтическая обстановка, романтические люди. На молодого человека это действует опьяняюще.

Герцог вдруг стиснул пальцы и хрипло сказал:

– Да, у меня была причина.

– Тогда все в порядке, – вымолвил Фишер, протягивая

ему руку с видом величайшего облегчения. – Я был совершенно уверен, что это сделали не вы: вы перепугались, когда увидели, что случилось, и это только естественно. Словно сбился дурной сон, верно?

Во время этой странной беседы Харкер, не обращая внимания на выходку оскорбленного Буллена вошел в дом и тотчас же возвратился очень оживленный, с пачкой бумаг в руке.

– Я вызвал полицию, – сказал он, останавливаясь и обращаясь к Фишеру, – но, кажется, я уже проделал за них главную работу. По-моему, все ясно. Тут есть один документ...

Он осекся под странным взглядом Фишера, который заговорил, в свою очередь:

– Ну, а как насчет тех документов, которых тут нет? Я имею в виду те, которых уже нет. – Помолчав, он добавил: Карты на стол, Харкер. Просматривая эти бумаги с такой поспешностью, не старались ли вы найти нечто такое, что... что желали бы скрыть?

Харкер и бровью не повел, но осторожно покосился на остальных.

– Мне кажется, – успокоительным тоном продолжал Фишер, именно поэтому вы и солгали нам, будто Гук жив. Вы знали, что вас могут заподозрить, и не осмелились сообщить об убийстве. Но поверьте мне, теперь гораздо лучше сказать правду.

Осунувшееся лицо Харкера внезапно покраснело, словно озаренное каким-то адским пламенем.

– Правду! – вскричал он. – Вашему брату легко говорить правду! Каждый из вас родился в сорочке и чванится

незапятнанной добродетелью только потому, что ему не пришлось украсть эту сорочку у другого. Я же родился в пимликских меблированных комнатах и должен был сам добыть себе сорочку! А если человек, пробивая себе в юности путь, нарушит какой-нибудь мелкий и, кстати, весьма сомнительный закон, всегда найдется старый вампир, который воспользуется этим и всю жизнь будет сосать из него кровь.

– Гватемала, не так ли? – сочувственно заметил Фишер.

Харкер вздрогнул от неожиданности. Затем он сказал:

– Очевидно, вы знаете все, как господь всеведущий.

– Я знаю слишком много, – ответил Хорн Фишер, – но, к сожалению, совсем не то, что нужно.

Трое остальных подошли к ним, но прежде чем они успели приблизиться, Харкер сказал голосом, который снова обрел твердость:

– Да, я уничтожил одну бумагу, но зато нашел другую, которая, как мне кажется, снимает подозрение со всех нас.

– Прекрасно, – отозвался Фишер более громким и бодрым тоном, – давайте посмотрим.

– Поверх бумаг сэра Исаака, – пояснил Харкер, – лежало письмо от человека по имени Хуго. Он грозился убить нашего несчастного друга именно таким способом, каким тот действительно был убит. Это сумасбродное письмо, полное издевок, – можете взглянуть сами, – но в нем особо упоминается о привычке Гука удить рыбу на острове. И главное, человек этот сам признает, что пишет, находясь в лодке. А так как, кроме нас, на остров никто не ходил, тут губы его искривила отталкивающая улыбка, – преступление мог совершить только человек, приплывший в лодке.

– Постоите-ка! – вскричал герцог, и в лице его появилось что-то похожее на оживление. – Да ведь я хорошо помню человека по имени Хуго. Он был чем-то вроде личного камердинера или телохранителя сэра Исаака: ведь сэр Исаак все-таки опасался покушения. Он не пользовался особой любовью у некоторых людей. После какого-то скандала Хуго был уволен, но я его хорошо помню. Это был высоченный венгерец с длинными усами, торчавшими по обе стороны лица.

Словно какой-то луч света мелькнул в памяти Гарольда Марча и вырвал из тьмы утренний пейзаж, подобный видению из забытого сна. По-видимому, это был водный пейзаж: залитые луга, низенькие деревья и темный пролет моста. И на какое-то мгновение он снова увидел, как человек с темными, похожими на рога усами прыгнул на мост и скрылся.

– Бог мой! – воскликнул он. – Да ведь я же встретил убийцу сегодня утром!

В конце концов Хорн Фишер и Гарольд Марч все-таки провели день вдвоем на реке, так как вскоре после прибытия полиции маленькое общество распалось. Было объявлено, что показания Марча снимают подозрение со всех присутствующих и подтверждают улики против бежавшего Хуго. Хорн Фишер сомневался, будет ли венгерец когда-нибудь пойман; видимо, Фишер не имел особого желания распутывать это дело, так как облокотился на борт лодки, и покуривая, наблюдал, как колышутся камыши, медленно уплывая назад.

– Это он хорошо придумал – прыгнуть на мост, – сказал Фишер. – Пустая лодка мало о чем говорит. Никто не ви-

дел, чтобы он причаливал к берегу, а с моста он сошел, если можно так выразиться, не входя на него. Он опередил преследователей на двадцать четыре часа, а теперь сбрит усы и скроется. По-моему, есть все основания надеяться, что ему удастся уйти.

– Надеяться? – повторил Марч и перестал грести.

– Да, надеяться, – повторил Фишер. – Прежде всего, я не намерен участвовать в вендетте только потому, что кто-то прикончил Гука. Вы, вероятно, уже догадались, что за птица был этот Гук. Простой, энергичный промышленный магнат оказался подлым кровопийцей и вымогателем. Почти о каждом ему была известна какая-нибудь тайна! одна из них касалась бедняги Уэстморленда, который в юности женился на Кипре, и могла скомпрометировать герцогиню, другая – Харкера, рискнувшего деньгами своего клиента в самом начале карьеры. Поэтому-то они и перепугались, когда увидели, что он мертв. Они чувствовали себя так, словно сами совершили это убийство во сне. Но, признаться, есть еще одна причина, по которой я не хочу, чтобы наш венгерец был повешен.

– Что ж это за причина? – спросил Марч.

– Дело в том, что Хуго не совершал убийства, – ответил Фишер.

Гарольд Марч вовсе оставил весла, и некоторое время лодка плыла по инерции.

– Знаете, я почти ожидал чего-нибудь в этом роде, сказал он. – Это было никак не обосновано, но предчувствие висело в воздухе подобно грозовой туче.

– Напротив, необоснованно было бы считать Хуго виновным, – возразил Фишер. – Разве вы не видите, что они

осуждают его на том же основании, на котором оправдали всех остальных? Харкер и Уэстморленд молчали потому, что нашли Гука убитым и знали, что имеются документы, которые могут навлечь на них подозрение. Хуго тоже нашел его убитым и тоже знал, что имеется письмо, которое может навлечь на него подозрение. Это письмо он сам написал накануне.

– Но в таком случае, – сказал Марч, нахмурившись, – в какой же ранний час было совершено убийство? Когда я встретил Хуго, едва начинало светать, а ведь от острова до моста путь не близкий.

– Все объясняется очень просто, – сказал Фишер. Преступление было совершено не утром. Оно было совершено не на острове.

Марч глядел в искрящуюся воду и молчал, но Фишер продолжал так, словно ему задали вопрос:

– Всякое умно задуманное убийство непременно использует характерные, хотя и необычные, причудливые стороны обычной ситуации. В данном случае характерно было убеждение, что Гук встает раньше всех, имеет давнюю привычку удить рыбу на острове и проявляет недовольство, когда его беспокоят. Убийца задушил его в доме вчера ночью, а затем под покровом темноты перетащил труп вместе с рыболовными снастями через ручей, привязал к дереву и оставил под открытым небом. Весь день рыбу на острове удил мертвец. Затем убийца вернулся в дом или, вероятнее всего, пошел прямо в гараж и укатил в своем автомобиле. Убийца сам водит машину. – Фишер взглянул в лицо другу и продолжал: – Вы ужасаетесь, и история в самом деле ужасна. Но не менее ужасно и другое.

Представьте себе, что какой-нибудь человек, преследуемый вымогателем, который разрушил его семью, убьет негодяя. Вы ведь не откажете ему в снисхождении! А разве не заслуживает снисхождения тот, кто избавил от вымогателя не семью, а целый народ?

— Предостережение, сделанное Швеции, по всей вероятности, предотвратит войну, а не развяжет ее, и спасет много тысяч жизней, гораздо более ценных, чем жизнь этого удава. О, я не философствую и не намерен всерьез оправдывать убийцу, но то рабство, в котором находился он сам и его народ, в тысячу раз труднее оправдать. Если бы у меня хватило проницательности, я догадался бы об этом еще за обедом по его вкрадчивой, жестокой усмешке. Помните, я пересказывал вам этот дурацкий разговор о том, как старому Исааку всегда удастся подсечь рыбу? В определенном смысле этот мерзавец ловил на удочку не рыб, а людей.

Гарольд Марч взялся за весла и снова начал грести.

— Да, помню, — ответил он. — И еще речь шла о том, что крупная рыба может оборвать леску и уйти.

БЕЗДОННЫЙ КОЛОДЕЦ

В оазисе, на зеленом островке, затерянном среди красно-желтых песчаных морей, которые простираются далеко на восток от Европы, можно наблюдать поистине фантастические контрасты, которые, однако, характерны для подобных краев, коль скоро международные договоры превратили их в форпосты британских колонизаторов. Место, о котором пойдет речь, широко известно среди ар-

хеологов благодаря тому, что здесь есть нечто, едва ли достойное называться памятником древности, ибо представляет оно собою всего-навсего дыру, глубоко уходящую в землю. Но как бы то ни было, а это – круглая шахта, напоминающая колодец и, возможно, являющаяся частью какого-то крупного оросительного сооружения, которое построено так давно, что специалисты ожесточенно спорят, к какой же эпохе ее отнести; вероятно, нет ничего древнее на этой древней земле.

Черное устье колодца зеленым кольцом обступают пальмы и суковатые грушевые деревья; но от надземной кладки не сохранилось ничего, кроме двух массивных, потрескавшихся валунов, которые возвышаются здесь, словно столбы ворот, ведущих в никуда; в их форме, по мнению археологов, наделенных особенно богатым воображением, угадываются порой, на восходе луны или на закате солнца, когда зрителем овладевает соответствующее настроение, смутные очертания, или образы, перед которыми бледнеют даже диковинные громады Вавилона; однако археологи более прозаического склада и в более прозаическое время суток, при дневном свете, не усматривают в них ровно ничего, кроме двух бесформенных каменных глыб.

Правда, необходимо отметить, что англичане в большинстве своем весьма далеки от археологии. И многие из тех, кто приехал сюда по долгу службы или для отбывания воинской повинности, увлекаются чем угодно, только не археологическими изысканиями. А стало быть, мы ничуть не погрешим против истины, если скажем, что англичане, заброшенные в эту восточную глушь, с успехом превра-

тили песчаный участок, поросший низкорослым кустарником, в небольшое поле для игры в гольф; у одного его края находится довольно уютный клуб, а у другого – вышеупомянутая достопримечательность. И право же, игроки отнюдь не стремятся угодить мячом в эту допотопную пропасть: если верить легенде, она вообще не имеет дна, ну, а дно, которого нет, само собой разумеется, никак не может принести практической пользы. Если какой-либо спортивный снаряд попадает туда, можно считать его пропавшим в буквальном смысле слова. Но на досуге многие частенько прогуливаются вокруг этого колодца, болтают, покуривая, и только что один такой любитель прогулок пришел из клуба к колодцу, где застал другого, который задумчиво глядел в черную глубину.

Оба эти англичанина были одеты совсем легко и носили белые тропические шлемы, повязанные сверху тюрбанами, но этим, собственно говоря, сходство между ними исчерпывалось. И оба почти одновременно произнесли одно и то же слово; но произнесли они его отнюдь не одинаковым тоном.

– Слыхали новость? – спросил тот, что пришел из клуба. – Это изумительно.

– Изумительно, – повторил тот, что стоял у колодца.

Но первый произнес это слово так, как мог бы сказать юноша о девушке; второй же – как старик о погоде: вполне искренне, но явно без особенного воодушевления.

Соответственный тон был очень характерен для каждого. Первый, некто капитан Бойл, был по-мальчишески напорист, темноволос, черты его лица выдавали природную пылкость, которая присуща не спокойной сдержан-

ности Востока, а скорее кипящему страстями и суетному Западу. Второй был постарше и явно жил здесь уже давно; это был гражданский чиновник Хорн Фишер; его печально опущенные веки и печально поникшие усы как бы подчеркивали неуместность пребывания англичанина на Востоке. Ему было так жарко, что в душе он ощущал лишь тоскливый холод.

Ни один не счел нужным пояснить, что же, собственно говоря, изумительно. Не было смысла попусту болтать о том, что известно всякому. Ведь о блестящей победе над могучими соединенными силами турок и арабов, разбитых войсками, которыми командовал лорд Гастингс, ветеран многих не менее блестящих побед, кричали газеты по всей империи, и уж тем более все было известно в этом маленьком гарнизоне, расположенном столь близко от поля битвы.

— Право, никакая другая нация на это не способна! — горячо вскричал капитан Бойл.

А Хорн Фишер по-прежнему молча глядел в колодезь; немного погодя он произнес:

— Мы и в самом деле владеем искусством не ошибаться. На этом и просчитались несчастные пруссаки. Они только и могли совершать ошибки да в них упорствовать. Поистине, чтобы не ошибаться, надо обладать особым талантом.

— Как вас понимать? — сказал Бойл. — О каких это ошибках вы говорите?

— Ну, всякий знает, ведь орешек-то был нам не по зубам, — отозвался Хорн Фишер. У мистера Фишера было обыкновение предполагать, будто всякий знает такие вещи, которые случается услышать одному человеку на миллион.

– И поистине большое счастье, что Трейверс подоспел туда в самый решающий миг. Просто страшно подумать, как часто истинную победу одерживает у нас младший по чину, даже когда его начальник – великий человек. Взять хоть Колборна при Ватерлоо.

– Надо полагать, теперь мы изрядно расширили пределы империи, – заметил его собеседник.

– Да, пожалуй, Циммерны не прочь расширить их вплоть до самого канала, – произнес Фишер задумчиво, – хотя всякий знает, что расширение пределов в наше время далеко не всегда окупается.

Капитан Бойл нахмурился в некотором недоумении. Припомнив, что он в жизни не слышал ни о каких Циммернах, он мог только обронить небрежным тоном:

– Ну, нельзя же ограничиваться только Британскими островами.

Хорн Фишер улыбнулся: улыбка у него была очень приятная.

– Всякий здесь предпочел бы ограничиться Британскими островами, – сказал он. – Все спят и видят, как бы поскорей вернуться туда.

– Право, я решительно не понимаю, о чем это вы толкуете, – сказал молодой человек, подозревая какой-то подвох. – Можно подумать, что вы отнюдь не восхищены Гастингсом и... и вообще презираете все на свете.

– Я от него в совершенном восторге, – отозвался Фишер, – вне сомнения, более подходящего человека для такого дела найти трудно: это тонкий знаток мусульманской души, а потому он может сделать с ними все, что ему заблагорассудится. Именно по этой причине я считаю не-

желательным сталкивать его с Трейверсом, особенно после недавних событий.

– Нет, я решительно не понимаю, к чему вы клоните, – откровенно признался его собеседник.

– Собственно говоря, тут и понимать нечего, – сказал Фишер небрежным тоном, – но давайте лучше оставим разговор о политике. Кстати, знаете ли вы арабскую легенду про этот колодец?

– К сожалению, я не знаток арабских легенд, – сказал Бойл, едва сдерживаясь.

– И напрасно, – заметил Фишер, – особенно если учесть ваши взгляды. Ведь лорд Гастингс тоже в своем роде арабская легенда. Пожалуй, в этом и заключено его подлинное величие. Если он утратит свою славу, нашему могуществу во всей Азии и Африке будет нанесен немалый ущерб. Ну а про дыру в земле рассказывают, что она ведет неведомо куда, и такая выдумка кажется мне очаровательной. Теперь легенда приобрела магометанскую окраску, но я не удивлюсь, если она восходит к глубокой древности и родилась задолго до Магомета. Повествует она про некоего султана, который прозывался Аладдин: разумеется, не тот, который завладел волшебной лампой, но очень на него похожий; он имел дело со злыми духами, или с великанами, или еще с кем-то вроде них. Говорят, он повелел великанам построить ему нечто наподобие пагоды, которая вознеслась бы превыше всех звезд небесных. Словом, высочайшее для величайшего, как утверждали люди, когда строили Вавилонскую башню. Но по сравнению со стариной Аладдином, строители Вавилонской башни были покорны и кротки, как агнцы. Они хотели

всего-навсего соорудить башню высотой до неба, а ведь это сущий пустяк. Он же возмечтал о башне превыше неба, пожелал, чтобы она возносилась все вверх, вверх, до бесконечности. Но аллах поразил его громовым ударом, от которого разверзлась земля, и он полетел, пробивая в ней дыру, все вниз, вниз, до бесконечности, отчего образовался колодец без дна, подобно задуманной им башне без вершины. И вечно низвергается с этой перевернутой башни душа султана, обуянная гордыней.

– Станный вы все-таки человек, – сказал Бойл, – рассказываете так серьезно, будто думаете, что кто-то поверит подобным басням.

– Быть может, я верю не в саму басню, а в ее мораль, – возразил Фишер. – Но вон идет леди Гастингс. Кажется, вы с ней знакомы?

Клуб любителей гольфа, как обычно бывает, служил не только нуждам этих любителей, но использовался также для многих иных целей, не имеющих к гольфу никакого отношения – здесь сосредоточилась светская жизнь всего гарнизона. В отличие от штаба, где преобладал сугубо военный дух, при клубе имелись бильярдная, бар и даже превосходная специальная библиотека, предназначенная для тех сумасбродных офицеров, которые всерьез относились к своим служебным обязанностям. К их числу принадлежал и сам великий полководец, чья серебряно-седая голова с бронзовым лицом, словно голова орла, отлитого из бронзы, часто склонялась над картами и толстыми фолиантами в зале библиотеки. Великий Гастингс свято верил в силу науки и знания, равно как и в прочие незыблемые жизненные идеалы; он дал немало отеческих

советов по этому поводу юному Бойлу, который, однако, значительно реже своего начальника появлялся в святилище премудрости. Но на сей раз молодой офицер после одного из таких случайных занятий вышел через застекленные двери библиотеки на поле для гольфа. Клуб, кстати сказать, был предназначен, главным образом, для того, чтобы здесь протекала светская жизнь не только мужчин, но и дам; в этой обстановке леди Гастингс играла роль королевы ничуть не хуже, чем в бальной зале своего дворца. Она была преисполнена возвышенных намерений и, как утверждали некоторые, питала возвышенную склонность к подобной роли. Эта леди была намного моложе своего супруга – очаровательная молодая женщина, чье очарование порой таило в себе нешуточную опасность; и теперь, когда она удалилась в сопровождении юного офицера, мистер Хорн Фишер проводил ее глазами, пряча язвительную усмешку. Потом он перевел скучающий взгляд на зеленые, усеянные колючками растения вблизи колодца; это были причудливые кактусы, у которых ветвистые побеги растут прямо один из другого, без веток или стеблей. При этом изощренному его воображению представилась зловещая, нелепая растительность, лишенная смысла и облика. На Западе всякая былинка, всякий кустик достигают цветения, которое венчает их жизнь и выражает их сущность. А тут как будто руки бесцельно росли из рук же или ноги из ног, словно бы в кошмарном сне.

– Мы только и делаем, что расширяем пределы империи, – сказал он с улыбкой; потом добавил, слегка погрузнев, – но, в конце концов, я отнюдь не уверен в своей правоте.

Его рассуждения прервал зычный, но благодушный голос; он поднял голову и улыбнулся, увидев старого друга. Голос, право, был гораздо благодушной, чем лицо его обладателя, которое на первый взгляд могло показаться весьма суровым. Это было характерное лицо законоблустителя с квадратными челюстями и густыми седеющими бровями; принадлежало оно выдающемуся юристу, хотя и служившему временно при военной полиции в этом диком и глухом уголке британских владений. Катберт Грейн, пожалуй, скорее, был криминалистом, нежели адвокатом или полисменом; но здесь, в захолустье, он с успехом справлялся за троих. Раскрытие целого ряда запутанных, совершенных с восточной хитростью преступлений помогло ему выдвинуться; но поскольку в здешних местах лишь очень немногие способны были понять или оценить страстное увлечение этой областью знаний, его тяготило духовное одиночество. В числе немногих исключений был Хорн Фишер, который обладал редкой способностью беседовать с любым человеком на любую тему.

— Ну-с, чем вы тут занимаетесь, ботаникой или, быть может, археологией? — полюбопытствовал Грейн. — Право, Фишер, мне никогда не постичь всей глубины ваших интересов. Должен сказать прямо, что то, чего вы не знаете, наверняка и знать не стоит.

— Вы ошибаетесь, — отозвался Фишер с несвойственной ему резкостью и даже горечью. — Как раз то, что я знаю, наверняка и знать не стоит. Это все темные стороны жизни, все тайные побуждения и грязные интриги, подкуп и шантаж, именуемые политикой. Уверяю вас, мне нечем гордиться, если я побывал на дне всех этих сточных канав,

тут меня любой уличный мальчишка переплюнет.

– Как это понимать? Что с вами сегодня? – спросил его друг. – Раньше я за вами ничего такого не замечал.

– Я стыжусь самого себя, – отвечал Фишер. Только что я окатил ледяной водой одного пылкого юношу.

– Но даже это объяснение трудно признать исчерпывающим, – заметил опытный криминалист.

– Понятное дело, в этом захолустье всякая дешевая газетная шумиха возбуждает пылкие чувства, – продолжал Фишер, – но пора бы мне усвоить, что в столь юном возрасте иллюзии легко принять за идеалы. И, уж во всяком случае, иллюзии эти лучше, чем действительность. Но испытываешь пренеприятное чувство ответственности, когда развенчиваешь в глазах юноши идеал, пускай самый ничтожный.

– Какого же рода эта ответственность?

– Тут очень легко столь же бесповоротно толкнуть его на куда худшую дорогу, – отвечал Фишер. – Дорогу поистине бесконечную – в бездонную яму, в такую же темную пропасть, как вот этот Бездонный Колодец.

В ближайшие две недели Фишер не виделся со своим другом, а потом встретил его в садике, разбитом при клубе, со стороны, противоположной полю для гольфа, – в садике этом ярко пестрели и благоухали субтропические растения, озаренные заходящим солнцем. При этой встрече присутствовали еще двое мужчин, один из которых был недавно прославившийся заместитель главнокомандующего Том Трейверс, ныне известный каждому, худощавый, темно-волосый, рано состарившийся человек, чей лоб прорезала глубокая морщина, а черные усы устрашающе топорщи-

лись, придавая лицу свирепое выражение. Все трое пили черный кофе, который им подал араб, временно служивший официантом при клубе, но всем знакомый и даже почитаемый как старый слуга генерала. Звали его Саид, и он выделялся среди своих соплеменников невероятно длинным желтоватым лицом и плоским, высоким лбом, какой изредка бывает у обитателей тех мест, причем, несмотря на добродушную улыбку, он странным образом производил зловещее впечатление.

– Почему-то этот малый всегда кажется мне подозрительным, – заметил Грейн, когда слуга ушел. – Сам понимаю, что это несправедливо, ведь он, без сомнения, горячо предан Гастингсу и далее, говорят, однажды спас ему жизнь. Но такое свойство присуще многим арабам – они хранят верность только одному человеку. Я не могу избавиться от ощущения, что всякому другому он готов перерезать глотку, и притом самым коварным образом.

– Помилуйте, – сказал Трейверс с кислой улыбкой, – коль скоро он не трогает Гастингса, прочее общественность не волнует.

Воцарилось неловкое молчание, и тут всем вспомнилась славная битва, а потом Хорн Фишер произнес, понизив голос:

– Газеты не представляют собой общественности, Том. На этот счет можете быть спокойны. А среди вашей общечности решительно все знают истинную правду.

– Пожалуй, сейчас нам не стоит больше говорить о генерале, – заметил Грейн. – Вон он как раз выходит из клуба.

– Но идет не сюда, – сказал Фишер. – Он просто-напросто провожает свою благоверную до автомобиля.

И в самом деле, при этих словах из дверей клуба вышла дама, причем супруг с поспешностью опередил ее и открыл перед ней садовую калитку. Она тем временем обернулась и что-то сказала человеку, который одиноко сидел в плетеном кресле за дверьми тенистой веранды, – только он и оставался в опустевшем клубе, если не считать троих, пивших кофе в саду. Фишер быстро взгляделся в темную дверь и узнал капитана Бойла.

В скором времени генерал вернулся и, ко всеобщему удивлению, поднимаясь по ступеням, в свою очередь, что-то сказал Бойлу. Потом он сделал знак Саиду, который проворно подал две чашки кофе, и оба они вошли в клуб, каждый с чашкой в руке. А еще недолгое время спустя в сгущавшихся сумерках блеснул луч белого света – это в библиотеке загорелась электрическая люстра.

– Кофе в сочетании с научными исследованиями, – мрачно сказал Трейверс. – Все прелести знаний и теоретической премудрости. Ну ладно, мне пора, меня тоже ждет работа.

Он неловко встал, распрощался со своими собеседниками и исчез в вечернем полумраке.

– Будем надеяться, что Бойл действительно увлечен научными исследованиями, – сказал Хорн Фишер. – Лично я не вполне за него спокоен. Но поговорим лучше о чем-нибудь другом.

Они разговаривали дольше, чем им, быть может, показалось, потому что уже наступила тропическая ночь и луна во всем своем великолепии заливала садик серебристым светом; но еще до того, как в этом свете можно было что-либо разглядеть, Фишер успел заметить, как люстра в

библиотеке вдруг погасла. Он ждал, что двое мужчин выйдут в сад, но никто не показывался.

– Вероятно, пошли погулять по ту сторону клуба, – сказал он.

– Очень может статься, – отозвался Грейн. – Ночь обещает быть великолепной.

Вскоре после того как это было сказано, кто-то окликнул их из тени, которую отбрасывала стена клуба, и они с удивлением увидели Трейверса, который торопливо шел к ним, что-то выкрикивая на ходу.

– Друзья, мне нужна ваша помощь! – услышали они наконец. – Там, на поле для гольфа, случилось неладное!

Они поспешно прошли через клубную курительную и примыкавшую к ней библиотеку, словно ослепнув в прямом и переносном смысле слова. Однако Хорн Фишер, несмотря на свое напускное безразличие, обладал странным, почти непостижимым внутренним чутьем и уже понял, что произошел не просто несчастный случай. Он наткнулся на какой-то предмет в библиотеке и вздрогнул от неожиданности: предмет двигался, хотя мебели двигаться не положено. Но эта мебель двигалась, как живая, отступала и вместе с тем противилась. Тут Грейн включил свет, и Фишер обнаружил, что просто-напросто натолкнулся на вращающуюся книжную полку, которая описала круг и сама толкнула его; но уже тогда, невольно отпрянув, он как-то подсознательно почувствовал, что здесь кроется некая зловещая тайна. Таких вращающихся полок в библиотеке было несколько, и стояли они в разных местах, на одной из них оказались две чашки с кофе, на другой – большая открытая книга, как выяснилось, это было ис-

следование Баджа, посвященное египетским иероглифам, прекрасное издание с цветными вклейками, на которых изображены причудливые птицы и идолы; Фишеру, когда он быстро проходил мимо, показалось странным, что именно эта книга, а не какое-нибудь сочинение по военной науке, лежит здесь, раскрытая на середине. Он заметил даже просвет на полке, в ровном ряду корешков, – место, откуда ее сняли, и просвет этот будто издевался над ним, как чье-то отвратительное лицо, оскалившее щербатые зубы.

Через несколько минут они уже были на другом конце поля, у Бездонного Колодца, и в нескольких шагах от него при лунном свете, который теперь по яркости почти не уступал дневному, они увидели то, ради чего так спешили сюда.

Великий лорд Гастингс лежал ничком, в позе странной и неподвижной, вывернув локоть согнутой руки и вцепившись длинными, костлявыми пальцами в густую, пышную траву. Неподалеку оказался Бойл, тоже недвижимый, но он стоял на четвереньках и застывшим взглядом смотрел на труп. Возможно, это всего-навсего сказалось потрясение после несчастного случая, но было что-то неуклюжее и неестественное в позе человека, стоявшего на четвереньках, и в его лице с широко раскрытыми глазами. Он словно сошел с ума. А дальше не было ничего, только безоблачная синева знойного южного неба и край пустыни, да две потрескавшиеся каменные глыбы у колодца. При таком освещении и в этой обстановке легко могло помешаться, будто с неба смотрят огромные, жуткие лица.

Хорн Фишер наклонился и потрогал мускулистую руку,

которая сжимала пучок травы, рука эта была холодна, как камень. Он опустился на колени подле тела и некоторое время внимательно его обследовал; потом встал и сказал с какой-то безысходной уверенностью:

– Лорд Гастингс мертв.

Наступило гробовое молчание, наконец Трейверс произнес хрипло:

– Грейн, это по вашей части. Попробуйте расспросить капитана Бойла. Он что-то бормочет, но я не понимаю ни единого слова.

Бойл кое-как совладал с собою, встал на ноги, но лицо его по-прежнему хранило выражение ужаса, словно он надел маску или самого его подменили.

– Я глядел на колодец, – сказал он, – а когда обернулся, лорд уже упал.

Лицо Грейна потемнело.

– Вы правы, это по моей части, – сказал он. – Прежде всего попрошу вас помочь мне отнести покойного в библиотеку, где я его хорошенько осмотрю.

Когда они положили труп в библиотеке, Грейн повернулся к Фишеру и сказал голосом, в котором уже снова звучала прежняя сила и уверенность.

– Сейчас я запрусь здесь и все обследую самым тщательным образом. Прошу вас остаться при остальных и подвергнуть Бойла предварительному допросу. Сам я потолкую с ним несколько позже. И позвоните в штаб, чтобы прислали полисмена: пускай явится немедленно и ждет, пока я его не позову.

После этого знаменитый криминалист, не тратя более слов, прошел в освещенную библиотеку и затворил за со-

бой дверь, а Фишер, ничего не ответив, повернулся и тихо заговорил с Трейверсом.

– Право же любопытно, – сказал он, – что это случилось именно там, у колодца.

– Очень даже любопытно, – отозвался Трейверс, – если только колодец сыграл здесь какую-то роль.

– Думается мне, – заметил Фишер, – что роль, которой он здесь не сыграл, еще любопытней.

Высказав эту явную бессмыслицу, он повернулся к потрясенному Бойлу, взял его под руку, и они стали прохаживаться по залитому лунным светом полю, разговаривая вполголоса.

Уже занялась заря, которая подкралась как-то незаметно, и небо посветлело, когда Катберт Грейн погасил люстру в библиотеке и вышел оттуда. Фишер, угрюмый, как всегда, слонялся в одиночестве; полисмен, которого он вызвал, стоял навтыжку поодаль.

– Я попросил Трейверса проводить Бойла, – обронил Фишер небрежно. – Трейверс о нем позаботится. Ему надо хоть немного поспать.

– А удалось ли вам что-нибудь из него вытянуть? – осведомился Грейн. – Сказал он, что именно они с Гастингсом там делали?

– Да, – ответил Фишер, – он все объяснил вполне вразумительно. По его словам выходит, что, когда леди Гастингс уехала в автомобиле, генерал предложил ему выпить кофе в библиотеке и заодно навести кое-какие справки о здешних древностях. Бойл стал искать книгу Баджа на одной из вращающихся полок, но тут генерал сам нашел ее на стеллаже. Просмотрев несколько рисунков, они вышли,

пожалуй, несколько внезапно, на поле для гольфа и пошли к древнему колодцу. Бойл заглянул в колодец, но вдруг услышал у себя за спиной глухой удар; он обернулся и увидел, что генерал лежит на том самом месте, где мы его нашли. Он быстро опустился на колени, чтобы осмотреть тело, но его сковал ужас, и он не мог ни приблизиться, ни прикоснуться к покойнику. Я не нахожу тут ничего удивительного: людей, потрясенных неожиданностью, порой находят в самых нелепых позах.

Грейн выслушал его внимательно, с мрачной улыбкой, помолчал немного, потом заметил:

– Ну, он вам изрядно наврал. Разумеется, это достойно хвально четкое и последовательное изложение случившегося, но о самом важном он умолчал.

– Вы там что-нибудь выяснили? – спросил Фишер.

– Решительно все, – ответил Грейн.

Некоторое время Фишер угрюмо молчал, а его собеседник продолжал толковать тихим, уверенным тоном:

– Вы были совершенно правы, Фишер, когда сказали, что этот юноша может сбиться с пути и очутиться на краю пропасти. Имеет или нет какое-либо отношение к этому делу влияние, которое вы, как вам кажется, на него оказали, но с некоторых пор Бойл переменял свое отношение к генералу в худшую сторону. Это пренеприятная история, и я не хочу тут особенно распространяться, но совершенно ясно, что и супруга генерала относилась к мужу без особой благосклонности. Не знаю, как далеко у них зашло, но, во всяком случае, они все скрывали: ведь леди Гастингс сегодня заговорила с Бойлом, дабы сообщить, ему, что она спрятала в книге Баджа записку. Генерал слышал эти ее

слова или же узнал об этом еще каким-то образом, немедленно взял книгу и нашел записку. Из-за этой записки он повздорил с Бойлом, и, само собой, сцена была весьма бурная. А Бойлу предстояло еще другое – ему предстояло сделать ужасный выбор: сохранить старику жизнь было для него равносильно гибели, а убить его значило восторжествовать и даже обрести счастье.

– Что ж, – промолвил Фишер, поразмыслив. – Я не могу винить его за то, что он предпочел не замешивать женщину в эту историю. Но как вы узнали про записку?

– Обнаружил ее у покойного генерала, – ответил Грейн. – А заодно я обнаружил и кое-что похуже. Тело лежало в такой позе, которая свидетельствует об отравлении неким азиатским ядом. Поэтому я осмотрел чашки с кофе, и моих познаний в химии оказалось достаточно, чтобы найти яд в гуще на дне одной из них. Стало быть, генерал подошел прямо к полке, оставив свою чашку с кофе на стеллаже. Когда он повернулся спиной, Бойл сделал вид, будто рассматривает книги, и мог спокойно сделать с чашками все, что угодно. Яд начинает действовать минут через десять, и за эти десять минут оба как раз успели дойти до Бездонного Колодца.

– Так, – сказал Хорн Фишер. – Ну а при чем же тут Бездонный Колодец?

– Вы хотите доискаться, какое отношение к этому делу имеет Бездонный Колодец? – осведомился его друг.

– Ровно никакого, – решительно заявил Фишер. – Это представляется мне совершенно бессмысленным и невероятным.

– А почему, собственно, эта дыра вообще должна иметь какое-либо отношение к делу?

– Именно эта дыра в данном случае имеет особое значение, – сказал Фигнер. – Но сейчас я не буду ни на чем настаивать. Кстати, мне нужно сообщить вам кое-что еще. Как я уже говорил, я отослал Бойла домой под присмотром Трейверса. Но в равной мере можно сказать, что я отослал Трейверса под присмотром Бойла.

– Неужели вы подозреваете Тома Трейверса? – воскликнул Грейн.

– У него гораздо больше причин ненавидеть генерала, чем у Бойла, – отозвался Хорн Фишер с каким-то странным бесстрашием.

– Дружище, неужели вы это серьезно? – вскричал Грейн. – Говорю вам, я обнаружил яд в одной из чашек.

– Само собой, тут не обошлось без Саида, – продолжал Фишер. – Он сделал это из ненависти, или, быть может, его подкупили. Мы же недавно согласились, что он, в сущности, способен на все.

– Но мы согласились также, что он не способен причинить зла своему хозяину, – возразил Грейн.

– Ну полно вам, в самом-то деле, – добродушно сказал Фишер. – Готов признать, что вы правы, но все-таки я хотел бы осмотреть библиотеку и кофейные чашки.

Он вошел в дверь, а Грейн повернулся к полисмену, по-прежнему стоявшему навытяжку, и дал ему торопливо нацарапанную телеграмму, которую следовало отправить из штаба. Полисмен козырнул и поспешно удалился. Грейн пошел в библиотеку, где застал своего друга у стеллажа, на котором стояли пустые чашки.

– Вот здесь Бойл искал книгу Баджа или делал вид, будто ищет ее, если принять вашу версию, – сказал он.

С этими словами Фишер присел на корточки и стал осматривать книги на вращающейся полке; полка эта была не выше обычного стола. Через мгновение он подскочил, как ужаленный.

— Боже правый! — вскричал он.

Очень немногие, если вообще были такие люди, видели, чтобы мистер Хорн Фишер вел себя, как в эту минуту. Он метнул взгляд в сторону двери, убедился, что отворенное окно ближе, выскочил через него одним гигантским прыжком, словно взяв барьер, и устремился, как будто на состязании в беге, по лужайке вслед за полисменом. Грейн, с недоумением проводив его глазами, вскоре снова увидел высокую фигуру Фишера, который лениво брел назад со свойственным ему спокойным равнодушием. Он флегматично обмахивался листком бумаги: это была телеграмма, каковую он с такой поспешностью перехватил.

— К счастью, я успел вовремя, — сказал он. — Надо спрятать все концы в воду. Пускай считают, что Гастингс умер от апоплексии или от разрыва сердца.

— Но в чем дело, черт побери? — спросил его друг.

— Дело в том, — отвечал Фишер, — что через несколько дней мы окажемся перед хорошеньким выбором: либо придется отправить на виселицу ни в чем не повинного человека, либо Британская империя полетит в преисподнюю.

— Уж не хотите ли вы сказать, — осведомился Грейн, — что это дьявольское преступление останется безнаказанным?

Фишер пристально поглядел ему в глаза.

— Наказание уже совершилось, — произнес он. И доба-

вил после недолгого молчания: – Вы восстановили последовательность событий с поразительным искусством, старина, и почти все, о чем вы мне говорили, истинная правда. Двое с чашками кофе действительно вошли в библиотеку, поставили чашки на стеллаж, а потом вместе отправились к колодцу, причем один из них был убийцей и подсыпал яду в чашку другому. Но сделано это было не в то время, когда Бойл рассматривал книги на вращающейся полке. Правда, он действительно их рассматривал, искал сочинение Баджа со вложенной туда запиской, но я полагаю, что Гастингс уже переставил его на стеллаж. Одним из условий этой зловещей игры было то, что сначала он должен был найти книгу.

А как обычно ищут книгу на вращающейся полке? Никто не станет прыгать вокруг нее на четвереньках, подобно лягушке. Полку попросту толкают, чтобы она повернулась.

С этими словами он поглядел на дверь и нахмурился, причем под его тяжелыми веками блеснул огонек, который не часто можно было увидеть. Затаенное мистическое чувство, сокрытое под циничной внешностью, пробудилось и шевельнулось в глубине его души. Голос неожиданно зазвучал по-иному, с выразительными интонациями, словно говорил не один человек, а сразу двое.

– Вот что сделал Бойл: он легонько толкнул полку, и она начала вращаться, незаметно, как земной шар. Да, весьма похоже на то, как вращается земной шар, ибо не рука Бойла направляла вращение. Бог, который предназначал орбиты всех небесных светил, коснулся этой полки, и она описала круг, дабы совершилась справедливая кара.

– Теперь наконец, – сказал Грейн, – я начинаю смутно догадываться, о чем вы говорите, и это приводит меня в ужас.

– Все проще простого, – сказал Фишер. – Когда Бойл выпрямился, случилось нечто, чего не заметил ни он, ни его недруг и вообще никто. А именно: две чашки кофе поменялись местами.

На каменном лице Грейна застыл безмолвный страх; ни один мускул не дрогнул, но заговорил он едва слышно, упавшим голосом.

– Понимаю, – сказал он. – Вы правы, чем меньше будет огласки, тем лучше. Не любовник хотел избавиться от мужа, а... получилось совсем иное. И если станет известно, что такой человек решился на такое преступление, это погубит всех нас. Вы заподозрили истину с самого начала?

– Бездонный Колодец, как я вам уже говорил, – спокойно отвечал Фишер, – смущал меня с первой минуты, но отнюдь не потому, что он имеет к этому какое-то отношение, а именно потому, что он к этому никакого отношения не имеет.

Он умолк, словно взвешивая свои слова, потом продолжал;

– Когда убийца знает, что через десять минут недруг будет мертв, и приводит его к бездонной дыре, он наверняка задумал бросить туда труп. Что еще может он сделать? Даже у безмозглого чурбана хватило бы соображения так поступить, а Бойл далеко не глуп. Так почему же Бойл этого не сделал? Чем больше я об этом раздумывал, тем сильнее подозревал, что при убийстве произошла какая-то ошибка. Один привел другого к колодцу с намерением

бросить туда его бездыханный труп. У меня уже была тогда смутная и тягостная догадка, что роли переменились или перепутались, а когда я сам приблизился к полке и случайно повернул ее, мне вдруг сразу все стало ясно, потому что обе чашки снова описали круг, как луна на небе.

После долгого молчания Катберт Грейнс спросил:

– А что же мы скажем газетным репортерам?

– Сегодня из Каира приезжает мой друг Гарольд Марч, – ответил Фишер. – Это очень известный и преуспевающий журналист. Но при всем том он человек в высшей степени порядочный, так что незачем даже открывать ему правду.

Через полчаса Фишер снова расхаживал взад-вперед у дверей клуба вместе с капитаном Бойлом, у которого теперь был окончательно ошеломленный и растерянный вид; пожалуй, это был вконец разочарованный и умудренный опытом человек.

– Что же со мной станется? – спрашивал он. – Падет ли на меня подозрение? Или я буду оправдан?

– Надеюсь и даже уверен, – отвечал Фишер, – что вас ни в чем и не заподозрят. А насчет оправдания не может быть и речи. Ведь против него не должно возникнуть даже тени подозрения, а стало быть, и против вас тоже. Малейшее подозрение против него, не говоря уж о газетной шумихе, и всех нас загонят с Мальты напрямик в Мандалей. Ведь он был героем и грозой мусульман. Право, его вполне можно назвать мусульманским героем на службе у Британской империи. Разумеется, он так успешно справлялся с ними благодаря тому, что в жилах у него была примесь мусульманской крови, которая досталась ему от матери, танцовщицы из Дамаска, это известно всякому.

– Да, – откликнулся Бойл, как эхо, глядя на Фишера округлившимися глазами. – Это известно всякому.

– Смею думать, что это нашло выражение в его ревности и мстительной злобе, – продолжал Фишер. – Но как бы там ни было, раскрытие совершившегося преступления бесповоротно подорвало бы наше влияние среди арабов, тем более что в известном смысле это было преступление, совершенное вопреки гостеприимству. Вам оно отвратительно, а меня ужасает до глубины души. Но есть вещи, которые никак нельзя допустить, черт бы их взял, и пока я жив, этого не будет.

– Как вас понимать? – спросил Бойл, глядя на него с любопытством. – Вам-то что за дело до всего этого?

Хорн Фишер посмотрел на юношу загадочным взглядом.

– Вероятно, суть в том, что я считаю для нас необходимым ограничиться Британскими островами.

– Я решительно не могу вас понять, когда вы ведете такие речи, – сказал Бойл неуверенно.

– Неужели, по-вашему, Англия так мала, – отозвался Фишер, и в его холодном голосе зазвучали теплые нотки, – что не может оказать поддержку человеку на расстоянии нескольких тысяч миль? Вы прочли мне длинную проповедь о патриотических идеалах, мой юный друг, а теперь мы должны проявить свой патриотизм на практике, и никакая ложь нам не поможет. Вы говорили так, будто за нами правота во всем мире и впереди полное торжество, которое увенчают победы Гастингса. А я уверяю вас, что нет здесь за нами никакой правоты, кроме Гастингса. Вот единственное имя, которое нам оставалось твердить, как

заклинание, но и это не выход из положения, нет, черт побери! Чего уж хуже, если шайка проклятых дельцов загнала нас сюда, где ничто не служит интересам Англии, и все силы ада восстают против нас просто потому, что Длинноносый Циммерн ссудил деньгами половину кабинета министров. Чего хуже, когда старый ростовщик из Багдада заставляет нас воевать ради своей выгоды: мы не можем воевать, после того как нам отсекли правую руку. Единственным нашим козырем был Гастингс, а также победа, которую в действительности одержал не он, а некто другой. Но пострадать пришлось Тому Трейверсу и вам тоже.

Он помолчал немного, потом указал на Бездонный Колодец и продолжал уже более спокойным тоном.

– Я вам говорил, – сказал он, – что не верю в мудреные выдумки насчет башни Аладдина. Я не верю в империю, которую можно возвысить до небес. Я не верю, что английский флаг можно возносить все ввысь и ввысь, как Вавилонскую башню. Но если вы думаете, будто я допущу, чтобы этот флаг вечно летел вниз все глубже и глубже, в Бездонный Колодец, во мрак бездонной пропасти, в глубины поражений и измен, под насмешки тех самых дельцов, которые высосали из нас все соки, – нет уж, этого я не допущу, смею заверить, даже если лорд-канцлера будут шантажировать два десятка миллионеров со всеми их грязными интригами, даже если премьер-министр женится на двух десятках дочерей американских ростовщиков, даже если Вудвилл и Карстерс завладеют пакетами акций двух десятков рудников и станут на них спекулировать. Если положение действительно шаткое, надо положиться на волю Божию, но не нам это положение подрывать.

Бойл смотрел на Фишера в изумлении, которое граничило со страхом и даже с некоторым отвращением.

– А все-таки, – сказал он, – есть что-то ужасное в делах, которые вы знаете.

– Да, есть, – согласился Хорн Фишер. – И меня вовсе не радуют мои скромные сведения и соображения. Но поскольку в известной мере именно они могут спасти вас от виселицы, не думаю, чтобы у вас были основания для недовольства.

Тут, словно устыдившись этой своей похвальбы, он повернулся и пошел к Бездонному Колодцу.

ЗАГАДКА МИССИС ДИКИНСОН

К знаменитому сыщику Нику Картеру пришли трое: полный пожилой мужчина, худой пожилой мужчина и молодой человек, которого нельзя было назвать ни худым, ни толстым.

Полного мужчину звали Феррис, худого – Стил, а молодого человека – Ричард Стил, он был племянником мистера Стила.

Разговор начал мистер Феррис.

– Мы все люди занятые, поэтому будем немногословны, – сказал он. – Вы знаете меня, знаете мистера Стила. Мы представляем ювелирную контору «Феррис и Стил». Молодой мистер Стил – наш кассир. Вы также знаете Джорджа Дикинсона, не так ли?

– Торговца разными безделушкам и редкостями? – спросил Ник. – Ему вообще незачем торговать. Денег-то у него – на дюжину богачей хватит. Видимо, занимается торговлей только из любви к ней.

– Именно так. А миссис Дикинсон – ее вы знаете?

– Нет. Слышал только об их свадьбе. Она, кажется, намного моложе супруга.

– Ему под шестьдесят, а ей не дашь к двадцати пяти. И она настоящая красавица, честное слово. Представьте себе; черные искрящиеся глаза, смуглая кожа – чистая испанка? Более того, она истинная леди, и по рождению и по воспитанию. Могу похвалиться, что узнаю настоящую леди с первого взгляда. Впрочем, миссис Дикинсон и невозможно

спутать с кухаркой. Итак, сэр, наше дело касается ее, и дело это печальное. Можете ли вы поверить, что это прелестное существо больно kleptomанией и что она обворовывает нас уже несколько месяцев?

– Могу ли я поверить? – переспросил Ник – Все зависит от фактов.

– О, факты неопровержимые. Мистер Стил и я, мы сами видели, как она это делает.

– Почему же вы позволяете себя обворовывать?

– Может быть, мы ошибались, может быть, мы вели себя безрассудно, – сказал Феррис, – но только из благих побуждений. Позвольте рассказать вам, что произошло. Это началось в июне, всего лишь через несколько месяцев после их свадьбы. Однажды она пришла к нам в магазин и представилась. В это время я был в магазине. Ее муж торгует с нами уже много лет. Когда нам удастся достать что-нибудь особенное по его части, мы всегда даем ему знать об этом, и если сложить вместе суммы сделок, которые мы с ним заключили за последние десять лет, то получится шестизначная цифра.

Разумеется, я был очень рад видеть миссис Дикинсон, мне было любопытно на нее посмотреть. Я показал ей наш магазин. Она спрашивала о ценах на различные предметы, но ничего не купила. На следующий день, однако, она вернулась и приобрела драгоценностей... минуточку... Ричард, на какую сумму?

Молодой Стил достал книгу и посмотрел в нее.

– Первый чек, – сказал он, – был на тысячу восемьсот пятьдесят долларов.

– Значит, она заплатила вам чеком? – спросил Ник.

– Да, – ответил Феррис, – она дала чек на имя своего мужа.

– Чек был правильный?

– Разумеется. Здесь и речи нет о простом подлоге, мистер Картер. Это kleptomania – безумное влечение к воровству. А свои покупки она всегда делала как полагается. В первый раз, судя по всему, никакой кражи не было. Прежде чем у нас появился повод заподозрить неладное, она еще дважды посетила наш магазин и, покупая что-нибудь, всегда платила чеками на имя своего мужа. И даже тогда мы совсем не были уверены, что это сделала она. Верно, после ее ухода мы недосчитались одного солитера стоимостью две тысячи долларов, но у нас не было никакой уверенности, что именно она взяла его. В самом деле, мне такое даже в голову не приходило. Напротив, я подозревал другого человека и провел небольшое расследование, но оно дало отрицательные результаты.

Через несколько недель, когда это расследование еще не было закончено, миссис Дикинсон пришла к нам в магазин в четвертый раз. Она сделала покупки на общую сумму шестьсот долларов и украла другой солитер стоимостью две тысячи восьмьсот долларов – это был большой и красивый камень.

На этот раз я следил за ней, и хотя я не видел, как она взяла драгоценный камень, в душе я был совершенно уверен, что именно она сделала это. Он был на месте, когда она подошла и стала осматривать поднос с драгоценными камнями, а когда она отошла, его уже там не было.

В связи с этим, а также имея в виду предыдущие пропажи, я решил, что нужно что-то предпринимать. Я при-

казал нашему охраннику поговорить с ней, когда она будет выходить из магазина.

Он сделал это самым деликатным образом. Он обратился к ней, сказав, что, пока она осматривала поднос с драгоценными камнями, один из них куда-то пропал и предположил, что камень застрял в складках ее платья.

Она немедленно вернулась вместе с ним к прилавку, за которым стоял я, и устроила самую неприятную сцену, какую я когда-либо видел. — Тут мистер Стил-старший сухо и хрипло рассмеялся.

— Ладно, — сказал Феррис, — я признаю, что я потерял голову. Она так спокойно держалась, так совершенно разыграла невинность. Короче, я отпустил ее.

Я попросил у нее прощения за беспокойство и обвинил во всем нашего охранника. На самом же деле я просто не мог дать приказ арестовать и обыскать миссис Дикинсон.

— Если бы она не была так хороша, — с хриплым смешком произнес мистер Стил, — мой партнер действовал бы куда решительнее.

— А что я мог поделать? — резко возразил Феррис. — Арестовать ее означало бы чертовски разозлить Дикинсона и потерять его как партнера. И подумайте, в каком положении мы бы оказались в случае ошибки! Был бы ужасный скандал, а вы, разумеется, знаете, мистер Картер, как вредят такие скандалы нашим делам. Каждая ювелирная фирма в этом городе не раз позволяла обкрадывать себя безнаказанно — арестуете одну знатную даму, а это распускает множество клиенток из ее круга. Короче, она выкрутилась. И на меня не обиделась. Она, по-видимому, решила, что я очень прилично себя вел, даже улыбнулась мне...

– И ее улыбка стоила двух тысяч восьмисот долларов? – спросил Ник.

– Нет, что вы, нет, сэр, – сказал Феррис, покраснев. – Но я был рад хоть так выйти из положения. В ее манерах было что-то такое, что заставило меня не верить собственным глазам. Когда она ушла, я как дурак целый час искал этот солитер по всему магазину. И конечно же, не нашел, потому что он был у нее. Мы долго беседовали об этом с мистером Стилом, и не один раз. Разумеется, мы знали, что Джордж Дикинсон за все может заплатить, и заплатит, если мы убедим его в своей правоте. Я знал также, что, если у этой женщины мания, она будет воровать и дальше, она просто не может остановиться. А это мания, я уверен. Думаю, она берет драгоценности, не сознавая, что делает, и через минуту обо всем забывает. Только так я могу объяснить ее поведение, явное сознание невинности во время беседы со мной. Она забыла о краже. И воображает себя невинной. Итак, я был уверен, что она не перестанет воровать, если у нее действительно мания. Тогда мы с мистером Стилом разработали что-то вроде плана. Мы решили подождать, пока она попытается стащить еще что-нибудь, и позаботиться о том, чтобы нашлось достаточное количество свидетелей, которые смогут доказать ее вину.

Мы решили, что не будем ни арестовывать, ни как-либо беспокоить ее, а просто пойдем к мистеру Дикинсону и обо всем ему расскажем. Именно это мы сейчас и собираемся сделать, потому что дело зашло так далеко, что мы не можем больше ждать. Вчера во второй половине дня она снова побывала у нас в магазине. И стащила, ожерелье

стоимостью сорок тысяч долларов. Ей-богу! Подумайте только, мистер Картер, мы позволили ей выкинуть такую штуку у нас под носом!

– Почему бы и нет, – сказал Ник. – По вашим же словам, это всего лишь сделка.

– Сделка?

– Да, вы же абсолютно уверены, что мистер Дикинсон за все заплатит. Я даже позволю себе предположить, что вы надеетесь неплохо заработать на этом. Возьмем, к примеру, ожерелье. Разве вы не продали бы его за тридцать тысяч? А солитеры? Разве вы не продали бы их по цене процентов на пятнадцать меньше той, которую вы мне назвали?

Феррис и Стад хором возразили ему. У них и в мыслях не было наживаться на горе мистера Дикинсона. Они сами столько же заплатили за эти драгоценности.

– Предположим, они будут найдены, – сказал Ник, – что вы сделаете? Возьмете их обратно, не говоря ни слова?

– Разумеется, разумеется, – сказал Феррис. – Я не сомневаюсь, что они найдутся в комнатах миссис Дикинсон. Но я не думаю, что мистер Дикинсон вернет их. Он наверняка предпочтет заплатить за них приличную сумму.

– Возможно, – сказал Ник, – но какова моя роль?

– Мы просто хотим, чтобы вы были вашим советчиком – как детектив, который занимается этим делом.

– В обязанности детектива входит узнавать то, чего не знают другие. А вы, господа, знаете все.

Ювелиры не заметили легкого сарказма в голосе Ника.

– Да, верно, – оказал Стил, – мы знаем все, но тем не менее нам нужен ваш совет. Мы хотим, чтобы вы пошли с нами в контору Дикинсона и поговорили с ним.

– Разве не будет намного лучше всем нам, если я незаметно верну вам драгоценности? Потом, в будущем, вы сможете оградить себя от попыток миссис Дикинсон обокрасть вас. И никакого скандала.

Но фирму «Феррис и Стил» это не устраивало. Им нужно было срочно побеседовать с мистером Дикинсоном.

– Ну, тогда позвольте вам сказать, что вам действительно нужно, – в конце концов сказал Ник. – Вам нужны деньги. Вам позарез нужны наличные, и вы решили, что проще всего получить их с Дикинсона.

Феррис и Стил переглянулись, как будто стали свидетелями величайшей проницательности.

– Более того, – продолжал Ник, – вы хотите, чтобы я присутствовал при вашей беседе, и если что-нибудь будет не так, вы свалите всю вину на меня, и ваши деловые отношения с мистером Дикинсоном будут спасены.

Его собеседники дружно возразили, что вовсе не думали об этом. Они просто хотели, чтобы при их беседе присутствовал человек, который может дать толковый совет.

– Хорошо, – сказал Ник, – я пойду с вами, хотя вы меня не переубедили. Что же касается советов, то об этом и речи быть не может. Вы оба, прошу прощения, упрямы, как два мула. Что бы я ни сказал, вы все равно меня не слушаете. Однако это дело меня заинтересовало, и я пойду с вами.

Джордж Дикинсон выглядел величественно. В свои шестьдесят лет он сохранил крупную и сильную фигуру спортсмена из студенческой команды.

Лицо его также было молодо, и только роскошные вьющиеся седые волосы, обрамлявшие широкий лоб, выдавали его настоящий возраст.

Неудивительно, что почтенные Феррис и Стил не решились заговорить с таким человеком о своем деле. Окно конторы могло показаться ему достаточно удобным выходом, а до земли было добрых тридцать футов, так как магазин Дикинсона находился на третьем этаже.

— Что привело вас, господа? — спросил Дикинсон, когда гости сели. — Или это просто дружеский визит? Вы, кажется, не слишком спешите приступить к делу.

И он рассмеялся искренним мальчишеским смехом, поглядев на Ферриса и Стила. Даже ребенок понял бы по их лицам, что они отчаянно растеряны.

Они посмотрели друг на друга, ожидая, что другой начнет разговор, потом умоляюще посмотрели на Ника, который всем своим видом показывал, что пришел сюда только слушать. В конце концов начал Феррис.

— У нас есть одно дело, по которому мы хотели бы посоветоваться с вами, — сказал он. — У нас есть клиент, с которым нас связывает самая теплая дружба. Однако, к величайшему несчастью, его жена, молодая и красивая женщина, страдает от ужаснейшей болезни. Она, говорю я вам, несколько раз посещала наш магазин и взяла у нас драгоценностей почти на пятьдесят тысяч долларов. Мы хотели бы по-дружески закончить это дело. Наша глубокая симпатия к этому господину...

Дикинсон прервал его, подняв руку.

Перегородка, не доходившая до потолка, отгораживала часть комнаты. Из-за перегородки доносился стук пишущей машинки.

Дикинсон шагнул к двери, которая вела за перегородку, и сказал:

– Мисс Адамс, не могли бы вы выйти в соседнюю комнату на несколько минут?

Потом он вернулся и подошел прямо к старшему из членов ювелирной фирмы

– Феррис, старый толстый негодяй, – сказал он, – и у вас хватило наглости прийти сюда и рассказывать такое о моей жене?

Лицо Ферриса приняло легкий синевато-зеленый оттенок, и если он о чем-то и думал во время минутной паузы, последовавшей за словами Дикинсона, так это о своих грехах. Он не мог найти слов, чтобы просить о помиловании.

Стил тем временем дрожал в своем кресле, как осиновый лист на холодном ветру. Его племянник поспешно поднялся, подошел к графину с водой и выпил по меньшей мере литр.

Неизвестно, что было бы дальше, но в этот самый момент в дверь легонько постучали.

Дверь открылась, и вошла женщина.

– Не сейчас, Элси, – поспешно воскликнул Дикинсон. – Я занят. Освобожусь через несколько минут. – Нед, – добавил он, обращаясь к молодому человеку, тоже стоявшему в дверях, – пусть моя жена посидит немного у тебя.

И Стил и Феррис вскочили на ноги.

– Эта леди – ваша жена? – выдохнул Феррис. – Не может быть!

– Не может быть? – закричал Дикинсон, и голос его прозвучал, как судные трубы. – Что же я, по-вашему, собственной жены не знаю?

– Что случилось, Джордж? – взволнованно спросила миссис Дикинсон и быстро подошла к мужу.

Он обнял ее, и они повернулись лицом к своим обвинителям, которые смотрели на них, потеряв дар речи.

– Кажется, мне придется объяснить, что произошло, – сказал Ник. – Почтенные Феррис и Стил, ювелиры, стали жертвами мошенничества. Какая-то женщина, назвавшая себя миссис Дикинсон, несколько раз приходила к ним в магазин и, пользуясь их отношением к мистеру Дикинсону и нежеланием оскорбить его, похитила драгоценности на общую сумму примерно тридцать тысяч долларов...

– Сорок пять, – выдохнул Стил.

– Тридцать тысяч долларов, – продолжил Ник, не обращая внимания на то, что его прервали, – прямо у них на глазах.

Они пришли сюда, чтобы рассказать вам об этом, мистер Дикинсон, а я пришел просто из любопытства. Я не удивлен, что они совершенно не поняли, кто их обокрал.

Дикинсон подумал с минуту и постепенно овладел собой.

– И с чего это, ваша глупость, вы взяли, – сказал он, – что та женщина – моя жена?

– Она предъявляла чеки на ваше имя, выписанные вашей рукой, – сказал Феррис. – И подпись на чеках была настоящей. Нам остается только узнать, какой еще женщине вы частенько выписывали чеки, и...

Ник поспешно загородил собой Ферриса. Не сделай он этого, могло бы произойти убийство.

Огорчение ювелира, когда он обнаружил, как просто его надули, было так велико, что он забыл о приличиях и грубо оскорбил Дикинсона в присутствии его жены.

Великому детективу понадобилась вся его сила, чтобы

остановить Дикинсона, и в конце концов он привел всех присутствующих в чувство.

– Я понял, кто вы такой, – сказал Дикинсон Нику, – и теперь уверен, что мы сможем разобраться в этом деле. Когда вас представили, я и не подумал, что вы тот самый детектив. А что касается вас, Феррис и Стил, я принимаю ваши извинения – но не более того.

– Судя по всему, – сказал Ник, – все дело в этих чеках. Вам придется признать, что они послужили как бы удостоверением личности. Хотя Феррис и Стил вели себя не очень благоразумно, я должен сказать, что любой торговец попался бы на эту удочку.

Итак, поскольку чеки прошли через банк и не были опротестованы, поскольку в ваших счетах не возникло неразберихи, следовательно, вы сами выписали эти чеки, и только чья-то хитрость сделала их орудием обмана. У молодого мистера Стила записаны даты получения чеков и суммы, на которые они были выписаны. Давайте сравним их с корешками вашей чековой книжки. Чеки, кажется, были выписаны на счет в Кемикл-банк.

Не говоря ни слова, Дикинсон достал чековую книжку.

– Это ваш личный счет или счет фирмы? – спросил Ник.

– У меня только один счет.

Сравнить записи в книжке Ричарда Стила с корешками, чековой книжки было делом одной минуты. Они точно совпадали.

– Теперь давайте пошлем за использованными чеками, – сказал Ник.

Чеки принесли из банка, Феррис и оба Стила их узнали, а Дикинсон признал свою подпись.

Последний ничего не говорил с того самого момента, когда увидел, что первый чек точно совпал с корешком чековой книжки.

Наконец он сказал:

— Вы, конечно же, знаете, за что был выписан чек?

— Что вы имеете в виду? — спросил Феррис.

— Да это же мои обычные выплаты за предметы, купленные у вас, и на каждый из них у меня есть квитанция о получении чека. Как же могло случиться, что чеки были использованы так, как вы говорите?

Миссис Дикинсон выступила вперед и попросила мужа объяснить, что происходит.

— Я ничего не понимаю в делах, — сказала она. — А мне так интересно.

— Дело вот в чем, — ответил муж, — эти люди говорят, будто какая-то женщина, которая назвалась твоим именем, платила им чеками на мое имя. Чеки были найдены, и я признаю, что сам их выписал. Но здесь есть одна сложность: я выписывал эти чеки, чтобы заплатить их фирме. Например, восемнадцатого июля я купил у них в магазине часы, осыпанные бриллиантами. На следующий день я послал им чек. Часы стоили шестьсот долларов. Они прислали мне квитанцию о получении чека. Чек был принят и отправлен в банк. На этом путь чека закончился. Никто не смог бы получить его из банка и воспользоваться им, как это сделала та женщина.

— Подождите, — сказал Ричард Стил, который уже давно хотел что-то сказать. — Прошу прощения, мистер Дикинсон, но мне придется вас поправить. Вы не платили нам чеками с середины мая.

– Что? – вскричал Дикинсон.

– Это абсолютно точно, – сказал Ричард, – я обращал на это внимание. Вы платили по счету наличными за каждую покупку.

– И вы можете это доказать? – воскликнул Дикинсон в крайнем удивления.

– Разумеется.

– Каким образом вы получали от меня деньги?

– Их приносил посыльный.

– Один раз это было действительно так, – сказал Феррис. – Я присутствовал при этом.

Дикинсон позвонил. Вошел посыльный, Дикинсон позвонил еще раз, и вошел другой посыльный.

– Это был один из них? – спросил он.

И Ричард, и Феррис коротко сказали: «Нет».

– У меня не было и нет других посыльных, – сказал Дикинсон, отпуская их.

– Способ, которым был совершен подлог, теперь становится понятным, – сказал Ник. – Чеки были перехвачены. Каким образом вы их посылали?

– По почте.

– Кто занимается вашей почтой?

– Моя машинистка, мисс Адамс.

– Это темноволосая женщина, похожая на испанку, со сверкающими черными глазами и смуглой кожей? – вскричал Феррис, вскакивая на ноги.

– Ну да, – запинаясь, проговорил Дикинсон, – под такое описание она, кажется, подходит. И что же?

– Как это – что? – завопил Феррис. – Да это та самая женщина, вот что. Теперь мне все понятно.

Она разработала свой план, когда вы женились. Она украла чек, сделав вид, что послала его по почте, а потом ей удалось собрать необходимую сумму наличными, и она заплатила нам. На этот чек она купила драгоценности и продала их за достаточно крупную сумму, чтобы оплатить следующий чек, и так далее. Все ясно как Божий день. Ее нужно немедленно арестовать.

Дикинсон, потемнев от злости, позвонил.

Вошел один из посыльных.

– Пришлите нам мисс Адамс, – сказал Дикинсон.

– Она вышла, сэр, – сказал посыльный.

– Давно?

– С полминуты назад.

– За ней! – заорал Феррис, ринувшись к дверям с неожиданной для своих габаритов скоростью.

Оба Стила последовали за ним Ник с мистером и миссис Дикинсон замыкали процессию, впереди которой что есть духу мчался посыльный. Он до смерти был рад услужить.

Феррис следовал за ним по пятам.

Ник попытался остановить эту сумасшедшую гонку, но остальные были глухи к его крикам.

Они сбежали вниз по лестнице. Дождаться лифта у них не хватило терпения.

– Вот она, – закричал посыльный, выбравшись на улицу.

Он показал на удаляющуюся фигуру машинистки.

С каким-то рыком Феррис снова привел свое мощное тело в движение. Он даже перегнал посыльного.

Остальные бежали за ним как могли.

Феррис нагнал девушку и грубо схватил ее. Испуганно вскрикнув, она повернулась к нему. Феррис стукнул себя по лбу толстой и потной рукой.

— Десять тысяч чертей! — воскликнул он, задыхаясь после бега. — И это не она.

Как обычно в Нью-Йорке, вокруг них мгновенно собралась толпа. Глупой сцены погони было вполне достаточно, чтобы люди остановились поглазеть на них.

Мисс Адамс оказалась в очень неловком положении. Дикинсону и Нику было искренне жаль ее. Дикинсон так разозлился на Ферриса, что с трудом держал себя в руках.

— Послушай-ка, толстячок, — сказал он Феррису на ухо, — не хватит ли выставлять всех нас на смех? Слезай-ка ты лучше с козел и отдай вожжи мистеру Картеру, если он еще согласен иметь с тобой дело.

— Я возьмусь за это дело, — спокойно сказал Ник, — но только при условии, которое вы сами только что назвали, — я сам должен вести расследование.

Ни Феррис, ни оба Стила ничего не могли возразить.

— Мисс Адамс, — сказал Ник, — я надеюсь, вы простите нас за неприятности, которые мы вам доставили. Мы не испортили вам аппетит? Вы ведь шли перекусить?

— Да, сэр. Но мне хотелось бы знать...

— Вам все объяснят, когда вы вернетесь в контору.

Детектив приподнял шляпу, и девушка, повернувшись, пошла прочь.

— А теперь, почтенные Феррис и Стил, я попрошу вас вернуться к себе в магазин и подождать меня. Я присоединюсь к вам в пять часов вечера.

— Но... — начал Феррис.

– Я проведу расследование только при этом условии.

Феррис посмотрел на своего партнера, и тот согласно кивнул.

– Мне кажется, однако, – сказал Ричард Стил, – что мы забыли одну важную вещь. Хотя мисс Адамс, конечно же, не та женщина, которая приходила к нам в магазин, но она могла участвовать в заговоре. Она могла передавать чеки своей соучастнице.

– Спасибо, – сказал Ник, – я подумаю об этом. До свидания.

Ювелиры ушли.

Ник вернулся с Дикинсонами в их магазин редкостей.

Супруги засыпали его вопросами, но он не сказал им ничего определенного.

– Я еще не готов к ответу. Я скажу все в тот самый час, который я назвал, – в пять вечера. И если вам действительно интересно, приходите в магазин Ферриса и Стила к этому времени.

Нужно ли говорить, что Дикинсоны были на месте в названный час. Они даже приехали немного раньше. Ник, как всегда, прибыл секунда в секунду.

– Может быть, нам пройти в служебное помещение? – предложил Стил. – Там никто нам не помешает.

Они стояли у двери перед главным прилавком с алмазами.

– То, что я могу сказать, я могу сказать и здесь, – ответил Ник, – это не так уж и много. Теоретически мы правильно поняли это преступление. Чеки были перехвачены, а затем переданы женщине, которая играла роль миссис Дикинсон. Разумеется, мальчик, который приносил

деньги, работал на мошенников. Получив квитанции чеков, он отправлял их по почте мистеру Дикинсону в конвертах фирмы «Феррис и Стил». Вот и все. Оставшиеся детали я расскажу позже, через несколько минут. Что касается женщины, то вы дали мне очень точное ее описание.

– Если верить вашим словам, она должна быть очень похожа на эту даму.

Он показал на красивую и богато одетую женщину, которая входила в магазин. У нее были сверкающие черные глаза, смуглое овальное лицо, характерное для испанок.

– Боже мой! – воскликнул Феррис сдавленным голосом, потому что рука Ника легла ему на плеча. – Это та самая женщина!

– Я так и думал, – сказал детектив. – Давайте посмотрим, что она будет делать.

Улыбаясь, она подошла к прилавку и вежливо поздоровалась с Феррисом.

Она скользнула взглядом по мистеру и миссис Дикинсон. Было ясно, что она их не знает.

– Итак, сэр, – сказала она Феррису, – есть ли у вас сегодня что-нибудь хорошенькое?

– Я тебя в тюрьму засажу, воровка! – воскликнул Феррис.

Женщина смертельно побледнела. Страшным усилием воли она взяла себя в руки и потребовала объяснить причину подобных оскорблений.

В нескольких словах ей все объяснили, и она имела несчастье познакомиться со своим мужем, мистером Дикинсоном. Затем ее как можно быстрее и без лишнего шума отправили в служебное помещение и там потребовали у нее объяснений.

Она отказывалась говорить.

– Обращайтесь к моему адвокату, – сказала она. – Он снимет с меня это позорное обвинение.

Конечно, это был блеф. Женщина знала, что ей не выкрутиться. Но она решила испробовать одну хитрость. Она отрицала, что называла себя миссис Дикинсон, и сказала, что речь идет только о небольшой ошибке.

– Позовите нашего, охранника и Ричарда, – сказал Стил, – они оба ее знают.

Охранник пришел, но Ричарда не было. Оказалось, что молодой человек ушел из магазина.

– Это я все устроил, – сказал Ник. – Я знаю, куда и почему он пошел, мистер Стил и мистер Феррис. Если вы последуете за мной, мы присоединимся к Ричарду, и вы все узнаете до конца.

Женщину оставили на попечение полицейского, а Феррис и Стил последовали за Ником.

Они сели в экипаж и быстро поехали в центр города. Сразу же за Мэдисон-сквер они свернули с Бродвея на восток.

Экипаж остановился у красивого большого дома, и они вышли.

По знаку Ника молодой человек спустился с лестницы у входа в дом и подошел к ним.

– Мистер Стил приехал? – спросил Ник.

– Да, – ответил тот, – он у себя.

– Это один из моих помощников, – сказал детектив. – Друзья зовут его Пэтси. Он последовал сюда за Ричардом, чтобы помочь в расследовании.

– Вы могли бы сказать мне об этом, – пробормотал Стил.

После того, как все поднялись на третий этаж. Ник открыл дверь квартиры. Они вошли в прихожую, а затем в будуар.

В дальнем конце комнаты перед зеркалом стоял человек с седыми волосами. Он натягивал огромную фальшивую бороду, также совершенно седую.

Когда он обернулся на звук шагов, все узнали лицо Ричарда Стила. У него вырвалось злобное восклицание, и в руках в мгновение ока оказался револьвер.

Но Ник успел броситься вперед, вырвать у молодого Стила оружие. Затем детектив надел на него наручники, после чего открыл сумку, стоявшую на туалетном столике, и вытащил оттуда почти все украденные драгоценности, включая и то самое ожерелье, которое будто бы стоило сорок тысяч.

– Ричард! – выдохнул его дядя. – Как это понимать?

– Очень просто, – сказал молодой человек, и на его белых губах заиграла усмешка. – Это результат моей бедности и вашего богатства. Во мне течет ваша кровь. Вы держали меня в нищете. Вы заставляли меня много работать, но мало платили. И вот результат вашей предприимчивости. Я вор. Ваше имя опозорено. Мне больше нечего сказать.

– Это квартира той женщины, – пояснил Ник. – Как видите, таким женщинам нужны деньги, и, к сожалению, находятся люди, готовые красть ради так называемой любви.

– Но как же вы выследили ее? – воскликнул Феррис в изумлении. – Я ничего не понимаю, мистер Картер.

– Ну, это довольно просто. Преступление явно совер-

шил кто-то из своих. Наглость, с какой были похищены драгоценности, доказывала, что женщина знала о вашем стремлении избежать ее ареста и скандала. Очевидно, это было последней ставкой в их игре. Отчаянной ставкой. Когда же все выплыло наружу, оставалось только разобратся с чеками. Все однозначно указывало на вашего кассира – на Ричарда. Ни у мистера Дикинсона, ни у вас в магазине никто больше не располагал необходимой информацией. К тому же Ричарду было легко изъять чеки. Он имел право вскрывать почту фирмы. После этого достаточно было выследить женщину. Я сделал это с помощью мальчика-посыльного, который, как вы помните, приносил деньги.

Я тайком наведалься сегодня к вам в магазинчик и поинтересовался внешностью этого мальчика. Оказалось, описание полностью совпадает с описанием мальчика, уволенного недавно одной из местных контор по подозрению в нечестности. Я узнал, что это и есть тот самый мальчик. Он служил в ближайшей конторе и иногда исполнял ваши поручения. Тогда-то Ричард и познакомился с ним. Итак, я нашел мальчика и выжал из него нужные сведения. Он сознался, что передавал записки от Ричарда этой женщине по имени Фанни Легран. Я заставил его отнести ей записку от имени Ричарда, попросив явиться в магазин в пять часов в наряде миссис Дикинсон.

Она так и сделала. Разумеется, когда Ричард увидел, что произошло, у него уже не оставалось другого выхода, кроме бегства. Я знал, что он придет сюда, забрать бриллианты. Мой молодой друг Пэтси последовал за ним, и вот мы здесь.

А теперь, мистер Стил, что нам с ним делать?

– В суд его, – сказал сморщенный старик, сжав губы. – Я не жалею воров.

– Как и я, – сказал Ник. – Это напомнило мне, мистер Феррис... – так сколько же стоило это бриллиантовое ожерелье?

Феррис сощурился сначала одним глазом, а потом и другим.

– Учитывая сложившиеся обстоятельства, – сказал он, – мы можем продать его вам за двадцать девять тысяч долларов.

– Оно стоит этих денег, – ответил детектив. – Но мне не нужно ожерелье за такие деньги. Я предпочитаю гонорар наличными.

УКРАДЕННЫЙ МИЛЛИОН

— О, Господи, сколько раз за последнее время сообщают о похищениях облигаций! — заметил я однажды утром, откладывая газету. — Пуаро, давай забудем на время о науке расследования и займемся самим преступлением.

— Mon ami¹⁵, ты как раз — как это у вас называется? — напал на золотую жилу. Вот, взгляни на это последнее сообщение. Облигации Либерти стоимостью в миллион долларов, которые Лондонский и Шотландский банк послал в Нью-Йорк, исчезли на борту «Олимпии» самым удивительным образом. Ах, если бы не морская болезнь, — пробормотал мечтательно. Пуаро, — я бы с восторгом отправился в путешествие на одном из этих огромных лайнеров.

— Конечно, — воскликнул я с воодушевлением, — некоторые из них настоящие дворцы с бассейнами, гостиницами, ресторанами, пальмовыми оранжереями, — так что даже трудно поверить, что ты находишься в море.

— Что касается меня, то я всегда знаю, что нахожусь в море, — печально сказал Пуаро. — Все эти безделушки, о которых ты говоришь, мне нисколько не интересны. Но представь себе, сколько гениев инкогнито путешествуют в этих плавающих дворцах, сколько аристократов преступного мира можно там встретить!

Я рассмеялся.

¹⁵ Мой друг (фр.).

– Так вот что ты задумал! Ты хочешь сразиться с человеком, укравшим облигации Либерти.

Наш разговор прервала хозяйка.

– Мистер Пуаро, вас хочет видеть дама.

Она подала визитную карточку, на которой значилось:

«Мисс Эсме Фаркуар».

Пуаро нырнул под стол и аккуратно положил в корзину для бумаг валявшейся на полу обрывок. После этого он жестом попросил хозяйку принять даму.

Через минуту в гостиной появилась очаровательная девушка лет двадцати пяти, изысканно одетая и сдержанная в движениях. Меня поразили ее большие карие глаза и безупречная фигура.

– Не угодно ли присесть, мадемуазель, – предложил Пуаро. – Это мой друг, капитан Гастингс, который помогает мне в решении мелких проблем.

– Боюсь, мсье Пуаро, что проблема, с которой я пришла, очень большая, – сказала девушка, очаровательно поклонившись мне и усаживаясь в кресло. – Наверно, вы уже читали об этом в газетах. Я имею в виду «Олимпию» и облигации Либерти.

Наверно, она заметила мелькнувшее на лице Пуаро изумление, потому что быстро добавила:

– Вы, конечно, спросите, что связывает меня с таким серьезным заведением, как Лондонский и Шотландский банк. С одной стороны, ничего, с другой стороны, все. Я обручена с Филипом Риджвеем.

– А! Мистер Риджвей...

– Да, он отвечал за облигации, когда их украли. Конечно, сам он невиновен в пропаже, но это его ошибка. Он ужасно расстроен. Его дядя уверен, что Филип проговорился кому-то на пароходе, что везет облигации. Боюсь, что его карьере пришел конец.

– А кто его дядя?

– Его зовут мистер Вавасур, он один из генеральных директоров банка.

– Мисс Фаркуар, расскажите мне все подробнее.

– Хорошо. Вы знаете, что банк хотел увеличить свои кредиты в Америке и для этого решил выпустить облигации Либерти более чем на миллион долларов. Мистер Вавасур выбрал для поездки своего племянника. Филип много лет занимает место поверенного в банке и хорошо знаком со всеми операциями банка в Нью-Йорке. «Олимпия» отплыла из Ливерпуля двадцать третьего, а облигации были переданы Филипу утром перед отплытием генеральными директорами банка мистером Вавасуром и мистером Шоу. Облигации пересчитали в присутствии Филипа, сложили в пакет, опечатали и сразу же заперли в саквояж.

– Саквояж был с обычным замком?

– Нет, мистер Шоу настоял, чтобы был поставлен специальный замок Хаббсов. Как я уже сказала, Филип уложил пакет на дно саквояжа. Пакет выкрали за несколько часов до прибытия парохода в Нью-Йорк. Сразу же провели самый тщательный обыск всего парохода, но безрезультатно. Облигации будто в воздухе растворились.

Пуаро сделал гримасу:

– Но они все же не растворились, потому что были

распроданы мелкими порциями буквально через полчаса после прибытия «Олимпии»! Что ж, теперь мне нужно повидаться с мистером Риджвеем.

– Я как раз собиралась предложить вам позавтракать со мной в «Чеширском сыре». Там будет и Филип. Правда, он не знает, что я обратилась за помощью к вам.

Мы сразу же согласились и отправились в ресторан на такси. Мистер Филип был уже там и весьма удивился, увидев свою невесту в обществе двух незнакомых мужчин. Он оказался приятным молодым человеком, высоким и опрятным, с висками, тронутыми сединой, хотя на вид ему было не больше тридцати.

Мисс Фаркуар подошла к нему и положила руку на плечо.

– Извини меня, Филип, что я пригласила этих джентльменов, не посоветовавшись с тобой. Позволь представить тебе мсье Эркюля Пуаро. о котором ты, наверно, много слышал, и его друга, капитана Гастингса.

Риджвей был потрясен.

– Конечно, я слышал о вас, мсье Пуаро! – воскликнул он, пожимая руку великому сыщику. – Но мне и в голову не могло прийти, что Эсме решит посоветоваться с вами о моем... о нашем несчастье.

– Я боялась, Филип, что ты не позволишь мне сделать это, – кротко сказала мисс Фаркуар.

– И потому решила себя обезопасить, – заметил Риджвей с улыбкой. – Надеюсь, мсье Пуаро, вам удастся пролить свет на эту невероятную загадку. Я просто потерял голову от волнений и тревог.

И в самом деле, лицо его было измученным и осунувшимся.

– Хорошо, – сказал Пуаро, – давайте позавтракаем и вместе обсудим это дело. Я хочу услышать всю историю от самого мистера Риджвея.

Пока воздавали должное великолепному бифштексу и пудингу, Филип Риджвей изложил обстоятельства исчезновения облигаций. Его рассказ полностью совпадал с тем, что мы уже слышали от мисс Фаркуар. Когда он кончил, Пуаро задал вопрос:

– Мистер Риджвей, а как вы узнали, что облигации похищены?

Риджвей горько рассмеялся.

– Это сразу бросилось в глаза, мсье Пуаро. Мой саквояж в каюте наполовину торчал из-под полки. Он был весь исцарапан и изрезан там, где пытались взломать замок.

– Но, насколько я понял, он был открыт ключом?

– Совершенно верно. Вору не удалось взломать замок, но в конце концов он каким-то образом сумел его открыть.

– Любопытно, – сказал Пуаро. В глазах его появился хорошо знакомый мне зеленоватый свет. – Очень любопытно! Сначала тратится масса времени, чтобы взломать замок, а потом – *sapristi*¹⁶! – взломщик вдруг обнаруживает, что у него есть ключ. А ведь каждый хаббсовский замок уникален!

– Именно поэтому у вора не могло быть ключа!

– Вы в этом убеждены?

– Клянусь честью! Кроме того, если есть ключ, зачем тратить время на взлом замка, взломать который просто невозможно.

¹⁶ Черт возьми!

– Ага! Если мы найдем разгадку, то именно благодаря этому удивительному факту. Прошу не обижаться на мой вопрос: вы абсолютно уверены, что не оставляли саквояж открытым?

Филип Риджвей лишь взглянул на Пуаро, и тот сделал извинительный жест.

– Да-да, я вам верю, хотя такие вещи и случаются иногда. Значит, облигации были украдены не из-за вашей оплошности. Но что же потом сделал с ними вор? Как он ухитрился сойти с ними на берег?

– В том-то и дело! – вскричал Риджвей. – О краже было сообщено таможенникам, и каждую живую душу, покидавшую корабль, буквально прочесали.

– А облигации, я полагаю, были в большом пакете?

– Конечно. Их вряд ли спрятали на пароходе – безусловно, их не спрятали, потому что буквально через полчаса после прибытия «Олимпии» их начали распродавать мелкими партиями. Я еще не успел послать телеграмму в Лондон, чтобы мне сообщили номера облигаций, когда их уже продали. Один маклер даже уверял меня, что купил несколько облигаций до прибытия «Олимпии».

– А не проходил ли мимо парохода быстроходный катер?

– Только служебный и после тревоги, когда все уже были настороже. Я сам следил, чтобы их не могли передать таким образом. Боже мой, мсье Пуаро, это сводит меня с ума! Люди начинают говорить, что я украл их сам.

– Но ведь вас тоже осматривали, когда вы сходили на берег? – деликатно спросил Пуаро.

– Да, конечно. – Молодой человек смотрел на Пуаро озадаченно.

– Я вижу, что вы не уловили моей мысли, – сказал Пуаро, загадочно улыбаясь. – А теперь я хотел бы произвести некоторые расследования в банке.

Риджвей достал визитную карточку и написал на ней несколько слов.

– Покажите это, и мой дядя примет нас немедленно. Пуаро поблагодарил его, попрощался с мисс Фаркуар, и мы отправились на Треднидл-стрит, где размещался Лондонский и Шотландский банк. Мы предъявили карточку Риджвея, и клерк провел нас через лабиринт конторок и столов в маленький кабинет на первом этаже, где нас приняли оба генеральных директора. Это были важные господа, посевшие на службе в банке. Мистер Вавасур носил короткую седую бородку, а мистер Шоу был гладко выбрит.

– Насколько я понимаю, вы занимаетесь исключительно частным сыском, – сказал мистер Вавасур. – А мы полностью положились на Скотланд-Ярд. Этим делом занимается инспектор Мак Нейл, по-моему, очень способный следователь.

– Нисколько не сомневаюсь, – вежливо ответил Пуаро. Разрешите мне задать несколько вопросов по делу вашего племянника. Во-первых, относительно замка. Кто его заказывал Хаббсам?

– Я заказал его лично, – сказал мистер Шоу. – Это дело я не доверил бы ни одному клерку. Что же касается ключа, то один ключ был у мистера Риджвея и по одному ключу у меня и мистера Вавасура.

– И ни один клерк не имел к ним доступа?

Мистер Шоу вопросительно взглянул на мистера Вавасура.

– Думаю, не ошибусь, сказав, что ключи все время оставались в сейфе, куда мы положили их двадцать третьего числа, – сказал мистер Вавасур. – К сожалению, мой коллега заболел две недели назад – как раз в день отъезда Филипа – и только недавно поправился.

– Тяжелый бронхит не шутка для человека моего возраста, сказал мистер Шоу печально. – Боюсь, мистер Вавасур слишком устал от тяжелой работы в одиночку, да еще эта история с облигациями...

Пуаро задал еще несколько вопросов. Я понял, что он очень старался выяснить степень близости между дядей и племянником. Ответы мистера Вавасура были краткими и точными. Его племянник был доверенным служащим банка, он не имел долгов или денежных затруднений. Он и в прошлом исполнял подобные поручения. Наконец мы вежливо распрощались.

– Я разочарован, – сказал Пуаро, когда мы оказались на улице.

– Вы надеялись узнать больше? Они такие занудные старики.

– Меня разочаровало не их занудство, мой друг, поскольку я вовсе не ждал, что управляющий банком окажется «проницательным финансистом с орлиным взором», как пишут в твоих любимых романах. Нет, я разочарован тем, что дело оказалось слишком простым.

– Простым?

– Да. А разве ты другого мнения?

– Так, значит, ты знаешь, кто украл облигации?

– Знаю.

– Но тогда... мы должны...

– Не торопись, Гастингс. В настоящее время я не намерен ничего предпринимать.

– Но почему? Чего ты ждешь?

– Я жду «Олимпию». Она прибывает из Нью-Йорка во вторник.

– А вдруг похититель за это время скроется? Ну, скажем, где-нибудь на острове в южных морях, где его нельзя отдать в руки правосудия.

– Нет, мой друг, жизнь на острове не для него. А жду я потому, что для Эркюля Пуаро это дело совершенно ясное, но для пользы других, не столь одаренных Богом, например, для инспектора Мак Нейла, необходимо сделать еще кое-какие расследования для подтверждения фактов. Надо снисходительнее относиться к тем, кто не столь одарен, как ты.

– Черт побери, Пуаро! Я бы дорого заплатил, чтобы посмотреть, как ты окажешься в дураках хотя бы один раз! Ты дьявольски самоуверен!

– Не выходи из себя, Гастингс. По правде говоря, я замечаю, что временами ты начинаешь меня ненавидеть. Бот она, плата за величие!

Маленький человек выпятил грудь и вздохнул так комично, что я рассмеялся.

Во вторник мы мчались в Ливерпуль в вагоне первого класса. Пуаро упрямо отказывался просветить меня насчет своих предположений. Он лишь демонстрировал удивление, что я еще не додумался до разгадки сам. Спорить с ним было ниже моего достоинства, и мне пришлось скрывать свое любопытство за видимым безразличием.

Как только мы появились на причале, где стоял транс-

атлантический лайнер, Пуаро стал энергичным и подтянутым. Все наши действия свелись к тому, что мы по очереди расспросили четырех стюардов о друге Пуаро, который плыл на этом пароходе в Нью-Йорк прошлым рейсом.

— Пожилой джентльмен в очках, — услышали мы. — Полный инвалид, едва смог выйти из своей каюты.

Описание пожилого джентльмена полностью совпадало с внешностью мистера Вентнора, который занимал каюту 24, находившуюся рядом с каютой Филипа Риджвея. Хотя я и не мог понять, как Пуаро догадался о существовании мистера Вентнора и о его внешности, я сильно возбудился.

— Скажите мне, — обратился я к стюарду, — не сошел ли этот джентльмен первым по прибытии в Нью-Йорк?

Стюард покачал головой.

— Нет, сэр, напротив, он сошел одним из последних. Я был разочарован, но увидел, что Пуаро посмеивается надо мной. Он поблагодарил стюарда, вручил ему банкноту, и мы отправились назад.

— Все очень хорошо, — заметил я горячо, — но этот последний ответ начисто разрушил твою теорию! Улыбайся теперь сколько хочешь!

— Ты, Гастингс, опять ничего не понял. Наоборот, этот последний ответ будет краеугольным камнем моей теории.

Когда наш поезд уже набрал ход, Пуаро несколько минут сосредоточенно что-то писал, а потом запечатал написанное в конверт.

— Это для нашего славного инспектора Мак Нейла.

Прибыв в Лондон, мы отправили конверт в Скотланд-Ярд, а затем отправились в ресторан «Рандеву», куда я по телефону пригласил мисс Эсме отобедать с нами.

– А как же Риджвей? – спросил Пуаро, сверкнув глазами.

– Но разве теперь подозрение не падает только на него одного?

– Гастингс, ты привыкаешь мыслить нелогично. Конечно, если бы вором оказался Риджвей, это дело было бы эффектным, правда, не для мисс Фаркуар. Ну, а теперь давай рассмотрим все подробно. Я вижу, ты сгораешь от любопытства. Итак, запечатанный сверток исчез из закрытого саквояжа и растворился в воздухе. Мы отбросим гипотезу о растворении в воздухе, поскольку она не согласуется с данными современной науки. Нет сомнений, что сверток нельзя было пронести на берег...

– Да, но мы знаем...

– Ты, Гастингс, может быть, и знаешь, а я нет. Я придерживаюсь простого мнения: все, что невозможно, невозможно. Остаются два варианта: сверток был спрятан на корабле, что сделать довольно трудно, или же был выброшен за борт.

– А! С привязанным к нему поплавком!

– Без всякого поплавка.

Я взглянул на Пуаро с удивлением.

– Но, если облигации были выброшены за борт и утонули, каким образом их продавали потом в Нью-Йорке?

– Восхищаюсь твоей логикой, Гастингс. Облигации были проданы в Нью-Йорке, а значит, их не выбросили за борт. Ты понимаешь, куда это нас ведет?

– Туда, откуда мы начали.

– Отнюдь. Если сверток выброшен за борт, а облигации проданы в Нью-Йорке, значит, облигаций не было в пакете.

Разве есть какие-то доказательства, что в запечатанном пакете были именно облигации? Напомню, что мистер Риджвей ни разу не вскрывал пакет с момента получения его в Лондоне.

– Да, это так, но тогда...

Пуаро нетерпеливо взмахнул рукой.

– Позволь мне продолжать. В последний раз облигации видели в кабинете Лондонского и Шотландского банка утром двадцать третьего. Затем они появились в поле зрения в Нью-Йорке, через полчаса после прибытия «Олимпии», а один маклер даже утверждает, что чуть раньше прибытия корабля. А если предположить, что их вообще не было на «Олимпии»? Есть ли еще способ, которым они могли попасть в Нью-Йорк? Да, есть. «Джайгентик» отплывает из Саутгемптона в тот же день, что и «Олимпия», но скорость у него больше. Если послать облигации с «Джайгентиком», то они прибудут за день до «Олимпии». Вот и вся разгадка. Запечатанный конверт был лишь подделкой, и сделана она была в самом банке. Сделать второй пакет и подменить первый могли трое – Риджвей или один из директоров. Затем облигации были посланы партнеру в Нью-Йорке с указанием продать их, как только «Олимпия» прибудет в порт. При этом кто-то должен был инсценировать ограбление на «Олимпии».

– Но зачем?

– Если Риджвей вскрывает пакет и не находит облигаций, подозрение автоматически падает на Лондон. Человек, который плыл в соседней с Риджвеем каюте, сделал вид, что взламывает замок, хотя на самом деле открыл его запасным ключом и выбросил пакет за борт. Он подождал,

пока все сойдут с корабля, чтобы покинуть «Олимпию» последним, поскольку не хотел быть замеченным Риджвеем. Он сошел на берег в Нью-Йорке и вернулся назад первым же пароходом.

– Но кто это был?

– Человек, который имел запасной ключ, человек, который заказал замок, человек, который не был тяжело болен бронхитом в своем загородном доме, «занудный» старик мистер Шоу! Иногда, мой друг, преступники встречаются и в самых высоких сферах. А, вот мы и прибыли, Здравствуйте, мадемуазель Фаркуар! Вы позволите? – И сияющий Пуаро расцеловал потрясенную девушку в обе щеки.

ТАЙНА ГОЛУБОЙ ВАЗЫ

Первый удар Джек Харингтон смазал и теперь уныло следил за мячом. Мяч остановился. Джек подошёл и, оглянувшись на мету, прикинул расстояние. Отвратительное чувство презрения к себе было написано у него на лице. Вздыхнув, он достал клюшку и свирепыми ударами снёс с лица земли одуванчик и листок травы, после чего решительно занялся мячом.

Воистину тяжело служить ради хлеба насущного, когда тебе всего двадцать четыре и предел твоего честолюбия – скостить свой гандикап в гольфе. Пять с половиной дней в неделю Джек прозябал в городе, замурованный, как в могиле, в кабинете красного дерева. Зато половину субботнего дня и воскресенье он фанатично служил истинному делу своей жизни; от избытка рвения он даже снял номер в

маленьком отеле в Стортон Хит, близ поля для игры в гольф, вставал в шесть утра, чтобы успеть часок потренироваться, и отправлялся в город поездом в 8.46. Единственной проблемой оставалась его, казалось, врождённая неспособность рассчитать хоть один удар в такую рань. Если он бил клюшкой, предназначенной для средних ударов, мяч весело катился далеко по дорожке, а его четыре «коротких» с лихвой покрыли бы любое расстояние.

Вздыхнув, Джек покрепче сжал клюшку и повторил про себя магические слова: «Левую руку до отказа, глаз с мяча не спускать».

Он замахнулся... и замер на месте от пронзительного крика, разорвавшего тишину летнего утра.

— Убивают... помогите! — взывал кто-то. — Убивают!

Кричала женщина. Вопль оборвался, послышался стон.

Бросив клюшку, Джек ринулся на крик, раздававшийся где-то рядом. Он оказался в глухой части поля, где почти не было домов. Поблизости находился лишь небольшой живописный коттедж, его старомодная элегантность не раз привлекала внимание Джека. К нему он и бежал. Коттедж укрывал поросший вереском холм. В мгновение ока обогнув холм, Джек остановился перед закрытой на щеколду калиткой.

В саду за калиткой стояла девушка. Джек, естественно, решил, что именно она и звала на помощь, но тут же понял, что ошибся.

Девушка держала в руке маленькую корзинку, из которой торчали сорняки, она явно оторвалась от прополки широкого бордюра из фиалок. Джек заметил, что глаза её похожи на фиалки — бархатистые, тёмные и нежные, скорее

фиолетовые, чем синие. И вся она напоминала фиалку в простом полотняном фиолетовом платье.

Девушка смотрела на Джека то ли с раздражением, то ли с удивлением.

– Простите, пожалуйста, – сказал молодой человек, – это не вы кричали?

– Я? Нет, конечно.

Неподдельное удивление девушки смутило Джека. Голос её звучал нежно, а лёгкий иностранный акцент добавлял ему прелести.

– Неужели вы не слышали? – воскликнул он. – Кричали как раз отсюда.

Девушка смотрела на него во все глаза.

– Я ровно ничего не слышала.

Теперь уже Джек смотрел на неё во все глаза. Не может быть, чтобы девушка не услышала отчаянную мольбу о помощи. Однако её спокойствие казалось настолько естественным, что заподозрить обман Джек не мог.

– Но кричали где-то здесь, совсем рядом, – настаивал он.

Девушка насторожилась.

– Что же кричали? – спросила она.

– Убивают, помогите! Убивают!

– Убивают... помогите, убивают, – повторила за ним девушка. – Кто-то пошутил над вами, мсье. Кого бы здесь могли убить?

Джек растерянно огляделся, как бы ожидая увидеть труп прямо на садовой дорожке. Ведь он был абсолютно уверен, что крик – реальность, а не плод его воображения. Он взглянул на окна коттеджа. Всё дышало миром и спокойствием.

– Не собираетесь ли вы обыскать наш дом? – сухо спросила девушка.

Её явный скептицизм усугубил смущение Джека. Он отвернулся.

– Простите, – сказал он. – Должно быть, кричали где-то дальше, в лесу.

Джек приподнял кепку и удалился. Бросив через плечо взгляд, он увидел, что девушка невозмутимо продолжает полоть цветы.

Некоторое время он рыскал по лесу, но ничего подозрительного не обнаружил. И всё-таки по-прежнему считал, что слышал крик на самом деле. Наконец, он оставил поиски и поспешил домой проглотить завтрак и успеть на поезд в 8.46, как обычно, за секунду или около того до отправления. Уже сидя в поезде, он почувствовал лёгкий укол совести: «Не следовало ли ему немедленно сообщить в полицию о том, что он слышал? Если он этого не сделал, то по одной-единственной причине – из-за недоверчивости фиалковой девушки. Она, похоже, заподозрила его в сочинительстве. Значит, и в полиции ему могут не поверить. А насколько он сам уверен в том, что слышал крик?»

К этому времени уверенности у него поубавилось, как всегда бывает, когда пытаешься воскресить утраченное ощущение. Может, он принял за женский голос крик дальней птицы? «Нет, – рассердился он, – кричала женщина, он слышал». Тут он вспомнил, что смотрел на часы буквально перед тем, как раздался крик. «Пожалуй, это было в семь часов двадцать минут, точнее не прикинешь. Сей факт мог бы пригодиться полиции, если... что-нибудь обнаружится».

Возвращаясь в тот день домой, Джек внимательно просмотрел вечерние газеты – нет ли сообщения о совершённом преступлении. И, ничего подобного не обнаружив, даже не понял, успокоило это его или разочаровало.

Следующее утро выдалось дождливым; настолько дождливым, что охладило пыл даже самых заядлых игроков в гольф.

Джек валялся в постели до последней минуты, на ходу позавтракал, вскочил в поезд и опять уткнулся в газеты. Никакого упоминания об ужасном происшествии. Молчали и вечерние газеты.

Странно, рассуждал сам с собой Джек, но факт.

Может быть, кричали сорванцы-мальчишки, игравшие в лесу?

На следующий день Джек вышел из отеля вовремя. Проходя мимо коттеджа, он успел заметить, что девушка уже в саду и опять пропалывает цветы. Должно быть, привычка. Он сделал пробный удар, который ему очень удался, и понадеялся, что девушка видела его. Уложив мяч на ближайшую мету, он посмотрел на часы.

– Как раз двадцать пять минут восьмого, – прошептал он, – интересно...

Слова замерли у него на губах. Сзади раздался крик, так напугавший его в прошлый раз. Голос женщины, попавшей в страшную беду: «Убивают... помогите, убивают!»

Джек помчался назад. Фиалковая девушка стояла у калитки. Вид у неё был испуганный, и Джек торжествующе подбежал к ней, на ходу выкрикивая: «На этот-то раз и вы слышали».

Её широко открытые глаза смотрели на него со стран-

ным выражением, которого Джек не уловил, но заметил, как она отпрянула при его приближении и даже оглянулась на дом, словно раздумывала: не спрятаться ли ей.

Не сводя с него глаз, она покачала головой.

– Я ровно ничего не слышала, – сказала она удивлённо.

Её ответ подкосил Джека. Девушка была так искренна, что он не мог ей не поверить. «Но ведь ему не померещилось, не могло померещиться... не могло...» Он услышал её голос, спокойный и даже сочувственный: «У вас, наверное, была контузия?»

В ту же секунду он понял, что означал её испуганный вид и почему она озиралась на дом. Она подумала, что он во власти галлюцинаций. Как ледяной душ, обожгла его ужасная мысль: «А если она права? Если он и впрямь страдает слуховыми галлюцинациями?» Ужасное смятение охватило его. Ничего не сказав в ответ, он отошёл от калитки и побрёл прочь, не разбирая дороги. Девушка посмотрела ему вслед, вздохнула и опять склонилась к цветам.

Джек попытался до конца разобраться в себе. «Если я опять услышу проклятый крик в двадцать пять минут восьмого, – сказал он сам себе, – значит, я заболел. Но я не услышу его».

Весь день он нервничал, рано лег спать, твёрдо решив подвергнуть себя испытанию на следующее утро.

Как и бывает, пожалуй, в таких случаях, он долго не мог заснуть и в результате – проспал. Уже было двадцать минут восьмого, когда он выскочил из отеля и побежал на поле для гольфа. Джек понимал, что за пять минут не успеет попасть на то роковое место, но, если голос всего лишь

галлюцинация, он услышит его в любом месте. Он бежал, не отрывая глаз от стрелок часов. Двадцать пять минут... Издалека эхом донёсся взывающий голос женщины. Слов он не разобрал, но определил, что крик тот же самый и доносится из того же места, со стороны коттеджа.

Как ни странно, но это успокоило его. В конце концов, всё могло быть и шуткой. Даже, хоть и неправдоподобно, сама девушка могла над ним подшутить. Он решительно расправил плечи и достал из футляра клюшку. «Буду играть на дорожке возле коттеджа», – решил он.

Девушка, как обычно, находилась в саду. Сегодня она выглядела веселее и, когда он приподнял кепку, застенчиво поздоровалась. «Сегодня она ещё прелестнее», – подумал он.

– Хороший день, не правда ли? – бодро начал разговор Джек, проклиная себя за неизбежную банальность.

– Да, день, действительно, чудесный.

– Вероятно, для сада самая подходящая погода?

Девушка чуть-чуть улыбнулась, показав пленительную ямочку на щеке.

– Увы, нет! Моим цветам нужен дождь. Взгляните, они засохли.

Джек понял её жест как приглашение, подошёл к низкой живой изгороди, отделявшей сад от игровой дорожки, и заглянул через неё.

– Вроде всё нормально, – заметил он неуверенно, чувствуя в то же время, что девушка оглядывает его с выражением лёгкой жалости.

– Солнце полезно, разве нет? – сказала она. – Цветы ведь можно полить. А солнце даёт силы, укрепляет здоровье. Я вижу, мсье, сегодня вам значительно лучше.

Её ободряющий тон вызвал у Джека сильную досаду. «Пропади всё пропадом! – сказал он себе. – Похоже, она пытается лечить меня советами».

– Я абсолютно здоров, – с раздражением сказал он.

– Ну вот и хорошо, – быстро ответила девушка, пытаясь его успокоить.

Всё-таки у Джека осталось досадное чувство, что она не поверила ему.

Он поиграл ещё немного и поспешил к завтраку. Во время еды он почувствовал на себе, и не в первый раз, пристальное внимание мужчины, сидящего за соседним столом. Человек средних лет с властным запоминающимся лицом. Маленькая тёмная бородка, цепкие серые глаза, держится уверенно и непринуждённо – весь его облик свидетельствовал о принадлежности к классу высокооплачиваемых профессионалов. Джек знал, что зовут его Левингтон, слышал ещё, что он известный врач, но поскольку самому Джеку не приходилось бывать на Харлей-стрит, то это имя для него ничего не значило.

Сегодня он окончательно понял, что за ним ведётся тайное наблюдение, и немного испугался.

Неужели тайна просто написана у него на лице? И сосед, будучи профессионалом, заметил потаённые отклонения в его психике?

Джека залихорадило: «Так я и правда схожу с ума? Что же это было: болезнь или грандиозная мистификация?»

Неожиданно он придумал простой способ разрешить свои сомнения. До сих пор он играл без партнёра, а если с ним будет кто-то ещё? Тогда возможны три варианта: голоса не будет, они услышат его оба, или... услышит только он.

В тот же вечер он приступил к выполнению своего плана. Он пригласил Левингтона. Они легко разговорились, тот будто только и ждал подходящего случая. По-видимому, Джек чем-то его интересовал. И Джеку удалось легко и естественно подвести собеседника к мысли сыграть несколько партии в гольф до завтрака. Договорились на следующее утро.

Они вышли из отеля около семи часов. День был отличный тихий и ясный, правда, прохладный. Доктор играл хорошо, Джек – скверно. Он весь сосредоточился на предстоящем испытании и украдкой поглядывал на часы. Было двадцать минут восьмого, когда они доиграли до седьмой дорожки, проходившей возле коттеджа.

Девушка, как обычно, работала в саду и не подняла на них глаз, когда они проходили мимо.

На дорожке лежали два мяча, ближе к лунке мяч Джека и немного поодаль – мяч доктора.

– Вы подставились, – сказал Левингтон, – полагаю, что я должен воспользоваться этим.

Он нагнулся, чтобы рассчитать направление удара. Джек стоял не двигаясь и смотрел на часы. Двадцать пять минут восьмого. Мяч быстро покатился по траве, застрял на краю лунки, дрогнул и скатился вниз.

– Отличный удар, – сказал Джек.

Голос его звучал хрипло и показался чужим. Он поправил часы на руке с чувством безмерного облегчения: ничего не произошло, чары разрушены.

– Если вы не против подождать минуту, – сказал он, – я бы закурил трубку.

Джек набил и зажёл трубку, пальцы плохо слушались

его, дрожали. Но с души, казалось, свалился огромный камень.

– Боже, какой хороший день, – заметил он, озирая открывшуюся перед ним перспективу с большим удовлетворением. – Продолжайте, Левингтон, ваш удар.

Но испытание пришло. В то мгновение, когда доктор ударил по мячу, раздался женский крик, пронзительный, отчаянный: «Убивают... помогите! Убивают!»

Трубка выпала из ослабевшей руки Джека, он резко повернулся, но вспомнил о Левингтоне и, затаив дыхание, пристально посмотрел на него.

Тот готовился к удару, и Джек не увидел его глаз.

– Близковато... и явное препятствие, хотя, я думаю...

Он ничего не слышал.

Мир, казалось, закружился вместе с Джеком. Шатаясь, он сделал шаг, второй... Когда он пришёл в себя, то обнаружил, что лежит на траве, а над ним склоняется Левингтон.

– Очнулись, теперь только не волнуйтесь, не волнуйтесь.

– Что я натворил?

– Вы упали в обморок, молодой человек... или ловко изобразили его.

– Боже мой! – застонал Джек.

– Что случилось? Закружилась голова?

– Я вам все сейчас расскажу, но вначале я хотел бы вас спросить кое о чём.

Доктор зажёл свою трубку и уселся на скамейку.

– Спрашивайте о чём хотите, – спокойно сказал он.

– Последние дни вы наблюдали за мной. Почему?

– Вопрос довольно щепетильный. Как известно, и кошке дозволено смотреть на короля, – в глазах его была насмешка.

– Не отделяйтесь от меня шуткой. Мне не до шуток. Так почему? Мне жизненно важно это знать.

Лицо Левингтона посерьёзнело.

– Я отвечу вам как на духу. Увидев на вашем лице приметы человека, изнемогающего от большого душевного напряжения, я заинтересовался, в чём его причина.

– Причина очень простая, – с горечью сказал Джек, – я схожу с ума.

Он выжидательно помолчал, но его заявление, казалось, не вызвало ожидаемого эффекта: интереса, ужаса, – и он повторил: «Говорю вам, я схожу с ума».

– Очень странно, – пробормотал Левингтон. – Действительно, очень странно.

Джек возмутился.

– И это всё, что вы можете мне сказать. Чертовски бессердечные люди эти врачи.

– Ну-ну, мой юный друг, ваше обвинение нелепо. Начнём с того, что я хоть и имею степень доктора, практической медициной не занимаюсь. Выражаясь точнее, я не врачую плоть, вот так.

Джек оживился.

– Вы психиатр?

– В каком-то смысле да, хотя я называю себя более точно – врачеватель души.

– А-а-а...

– Я вижу, вы разочарованы. Но надо ведь как-то называть тот живой элемент, который можно отделить и кото-

рый существует независимо от своей телесной оболочки. Знаете, молодой человек, вам надо бы прийти в согласие с собственной душой – это ведь не только религиозное понятие, выдумка церковников. Ну, мы назовём это разумом или подсознанием, обозначим любым другим словом, которое вас больше устроит. Вы вот обиделись на мой тон, но могу вас заверить, я действительно нахожу странным, что такой уравновешенный и абсолютно нормальный человек, как вы, считает себя сумасшедшим.

– Всё равно, я не в своём уме. Совсем свихнулся.

– Простите, но я не верю.

– Я страдаю галлюцинациями.

– После обеда?

– Нет, утром.

– Не может быть, – сказал доктор, разжигая потухшую трубку.

– Говорю вам, я слышу то, чего никто не слышит.

– Один человек из тысячи видит лунные спутники Юпитера. И то обстоятельство, что девятьсот девяносто девять человек их не видят, не опровергает факта их существования, и, разумеется, нет причины называть единственного из тысячи лунатиком.

– Луны Юпитера – научно доказанный факт.

– Вполне возможно, сегодняшнюю галлюцинации когда-нибудь станут научно доказанным фактом.

Незаметно для Джека рациональный подход Левингтона оказал на него благотворное воздействие. Он почувствовал себя неизмеримо спокойнее и бодрее. Доктор внимательно посмотрел на него с минуту и кивнул.

– Так-то лучше, – сказал он. – Беда с вами, молодыми,

вы отрицаете всё, что выходит за рамки вашего мироощущения, а когда в вашу жизнь вторгается новое и ломает ваши представления, вы дрейфите. Ладно, доказывайте, что вы сходите с ума, а потом мы решим: запирать вас в сумасшедший дом или нет.

Самым подробным образом Джек рассказал ему всё, что происходило с ним день за днем.

— Но что я не могу понять, — закончил он, — почему сегодня утром я услышал крик в половине восьмого — на пять минут позже.

Левингтон с минуту подумал, а затем...

— Сколько сейчас на ваших часах? — спросил он.

— Без четверти восемь, — ответил Джек, взглянув на часы.

— Тогда всё достаточно просто. Мои показывают без двадцати восемь. Ваши часы спешат на пять минут. Момент очень интересный и важный... для меня. Просто бесценный.

— В каком смысле?

Доктор вызывал у Джека всё больший интерес.

— Вот вам самое поверхностное объяснение: в первый раз вы действительно слышите крик — может быть, это чья-то шутка, может, и нет. В последующие дни вы внушили себе, что слышите крик в одно и то же время.

— Уверен, что я этого не делал.

— Сознательно, конечно, нет, но подсознательно, знаете ли, мы иногда творим странные вещи. Так или иначе, но объяснение не выдерживает критики. Если бы мы имели дело с внушением, вы слышали бы крик в двадцать пять минут восьмого по своим часам и никогда не слышали бы его позже, как вы подумали.

– И что же дальше?

– Ну... это очевидно, не так ли? Крик о помощи занимает совершенно определённое место во времени и пространстве. Место – вблизи коттеджа, время – семь часов двадцать пять минут.

– Да, но почему я один должен слышать этот крик? Я не верю в привидения и всю привиденческую чушь – спиритические выстукивания и всё такое. Почему же я должен слышать этот проклятый крик?

– А! Вот на этот вопрос мы пока ответить не можем. Любопытная закономерность: большинство знаменитых медиумов получалось из убеждённых скептиков. Даром посредничества владеют не те, кто увлекается оккультными явлениями. Некоторые люди видят и слышат то, что другим не дано, и мы не знаем почему; в девяти случаях из десяти они не хотят ни видеть, ни слышать этого и убеждены, что страдают галлюцинациями... так же, как вы. Нечто похожее мы наблюдаем в области электричества. Некоторые вещества хорошо проводят электричество, и долгое время никто не знал почему, приходилось довольствоваться самим фактом. Сегодня мы знаем причину. Вне всякого сомнения, наступит день, и мы узнаем, почему вы слышите этот крик, а я и девушка – нет. Как известно, всё подчиняется естественным законам, сверхъестественного просто не существует. Чтобы открыть законы, которые управляют так называемыми психическими явлениями, нужна долгая и трудная работа... но каждый вносит свой посильный вклад.

– А что же делать мне? – спросил Джек.

– Практически, я вас правильно понял? Ну, что же, мой

юный друг, отправляйтесь завтракать и уезжайте в город, не обременяя больше свою бедную голову непонятными вещами. А я отправлюсь на розыски, и посмотрим, не удастся ли мне узнать кое-что о том коттедже, который у нас за спиной. Готов поклясться, вот где спрятан ключ к тайне.

Джек вскочил на ноги.

– Хорошо, сэр. Я готов, но послушайте...

– Слушаю.

Джек покраснел от неловкости.

– Я уверен, девушка тут ни при чём, – пробормотал он.

Левингтон развеселился.

– Вы не сказали мне, что она хорошенькая. Ладно, не унывайте, скорее всего, тайна зародилась ещё до её приезда сюда.

В тот вечер Джек возвращался домой, сгорая от любопытства. Теперь он слепо полагался на Левингтона. Доктор принял всё случившееся с ним так естественно, был таким деловым и невозмутимым, что произвёл на Джека глубокое впечатление. Своего нового друга он встретил во время обеда. Доктор уже ждал его и пригласил обедать за свой стол.

– Есть новости, сэр? – волнуясь, спросил Джек.

– Я навёл справки обо всех владельцах усадьбы Хитер Коттедж. Первым его арендовал старый садовник с женой. Старик умер, а вдова уехала к дочери. Усадьба попала в руки строителя, который с большим успехом модернизировал её и продал какому-то джентльмену из города, приезжавшему только на выходные. Около года назад усадьбу купили некие Тернеры, муж и жена. По рассказам, они

представляли собой весьма любопытную пару. Он – англичанин, его жена, по многочисленным предположениям, русского происхождения, была очень красивой женщиной с экзотической внешностью. Жили они очень замкнуто, никого не принимали и едва ли когда-нибудь выходили за пределы своего сада. По слухам, они боялись чего-то, но не думаю, что нам стоит на них полагаться. Потом они внезапно уехали, исчезли в одно раннее утро и больше не возвращались. Местное агентство получило от мистера Тернера письмо, отправленное из Лондона, с указанием продать усадьбу как можно скорее. Обстановка дома пошла на распродажу, а сам дом купил мистер Молеверер. Он прожил в доме две недели... после чего объявил о сдаче дома внаём. Нынешние обитатели – французский профессор, больной туберкулёзом, и его дочь. Они здесь всего десять дней.

Джек молча переваривал информацию.

– Я не понимаю, как нам помогут собранные вами сведения, – наконец сказал он. – А вы?

– Я бы предпочёл побольше узнать о Тернерах, – невозмутимо сказал Левингтон. – Как вы помните, они уехали очень рано и никто их отъезда не видел. Тернера с тех пор встречали, но я не смог найти никого, кто встречал бы миссис Тернер.

Джек побледнел.

– Не может быть... вы думаете...

– Не волнуйтесь, молодой человек. Воздействие живого существа на окружающую его среду в момент смерти, и особенно насильственной смерти, очень велико. Рассуждая теоретически, окружающая среда могла поглотить выде-

лившуюся энергию, а затем передавать её соответственно настроенному объекту. В данном случае в роли такого объекта выступили вы.

– Но почему я? – протестующе заворчал Джек. – Почему не тот, от кого была бы польза?

– Вы воспринимаете эту энергию как нечто разумное и целенаправленное, в то время как она неосознанна и слепа. Я сам не верю в земных призраков, являющихся в каком-нибудь месте с определённой целью. Эта энергия души – а я много раздумывал над вашей историей и едва не поверил с чистое совпадение – подобно слепцу, бродит на ощупь в поисках справедливого возмездия... этакое скрытое движение слепых сил, всегда тайно стремящихся к логическому концу...

Он оборвал сам себя, потряс головой, как бы освобождаясь от навязчивых мыслей, переполнявших его, и посмотрел на Джека с улыбкой.

– Давайте закроем тему? Хотя бы на сегодняшний вечер, – предложил он.

Джек с лёгкостью согласился, но позже обнаружил, что совсем не так легко освободиться от своих мыслей.

Во время выходных он сам энергично наводил справки, но не узнал ничего нового. А от партии в гольф перед завтраком он решительно отказался.

Новости пришли с неожиданной стороны и стали следующим звеном в цепочке событий.

Однажды, вернувшись из города, Джек узнал, что его ожидает молодая дама. Он пришёл в крайнее изумление, когда увидел перед собой девушку из сада, «фиалковую девушку», как он всегда мысленно называл её. Она сильно нервничала и смущалась.

– Мсье, вы простите меня за поздний визит? Но есть обстоятельства, о которых я хочу вам рассказать... я...

Она в растерянности оглянулась.

– Входите сюда, – Джек быстро провел её в пустую дамскую гостиную отеля, скучную комнату, в избытке отделанную красным плюшем.

– Присаживайтесь здесь, мисс... мисс...

– Маршо, мсье. Фелис Маршо.

– Присаживайтесь, мадемуазель Маршо, и расскажите мне, что с вами случилось.

Фелис послушно села. Сегодня на ней было тёмно-зелёное платье, которое ещё больше подчеркивало красоту и прелесть её маленького гордого лица. Сердце Джека забилось сильнее, так как он сидел рядом с ней.

– Дело вот в чём, – начала объяснять Фелис. – Мы поселились здесь совсем недавно, но с самого начала нас предупредили, что в нашем доме, в нашем милом домике, водится нечистая сила, что никто не пойдёт к нам в прислуги. Отсутствие прислуги меня не пугает, ведь я умею вести хозяйство и легко справляюсь с готовкой.

«Она прекрасна, как ангел», – подумал без памяти влюблённый молодой человек, но всем видом продолжал изображать деловую заинтересованность.

– Болтовня о привидениях – просто глупость, – так я думала ещё четыре дня назад. Но, мсье, четыре ночи подряд мне снится сон – я вижу даму, высокую красивую блондинку, в её руках голубая китайская ваза. Она несчастна, очень несчастна, и протягивает мне вазу, как бы настойчиво умоляя что-то сделать с ней. Но, увы! Она не может говорить, а я... я не понимаю, о чём она просит.

Такой сон я видела в первые две ночи. Но позавчера сон изменился – видение исчезло, и вдруг я слышала её крик – я знаю, что это был голос той женщины, вы понимаете, – мсье, она кричала те самые слова, которые вы слышали в то утро: «Убивают... помогите! Убивают!» Я в ужасе проснулась. Я говорю себе, что это просто ночной кошмар, но вы-то слышали наяву. В прошлую ночь сон повторился. Мсье, что всё это значит? Вы ведь тоже слышали её голос. Что нам делать?

Лицо Фелис исказилось страхом. Её маленькие руки судорожно сжимались. Она умоляюще смотрела на Джека. Тот попытался изобразить беззаботность, которой отнюдь не испытывал.

– Всё в порядке, мадемуазель Маршо, не надо волноваться. Если не возражаете, я дам вам совет – расскажите всё моему другу, доктору Левингтону, он живёт в этом отеле.

Фелис высказала готовность последовать его совету, и Джек отправился искать Левингтона. Несколько минут спустя он вернулся вместе с доктором. Пока Джек торопливо вводил его в курс дела, Левингтон присмотрелся к девушке. Несколькими ободряющими словами он быстро расположил её к себе и, в свою очередь, внимательно выслушал её рассказ.

– Очень странно, – сказал он, когда девушка замолчала.
– Вы рассказали отцу?

Фелис покачала головкой.

– Мне не хотелось тревожить его. Он ещё очень болен, – глаза её наполнились слезами, – я скрываю от него всё, что может его взволновать или расстроить.

– Понимаю, – мягко сказал Левингтон, – и рад, что вы пришли к нам, мадемуазель Маршо. Присутствующий здесь Хартингтон, как вам известно, имел опыт, в чём-то похожий на ваш. Полагаю, что теперь можно сказать: мы на верном пути. Не могли бы вы, подумав, вспомнить что-нибудь ещё?

Фелис встрепенулась.

– Конечно! Какая я глупая! Забыть самое главное! Вот, взгляните, мсье, что я нашла в глубине комода, должно быть, завалилось...

Она протянула им грязный кусок картона с акварельным наброском женского портрета. На расплывчатом фоне отчётливо проступал облик высокой, светловолосой женщины с нетипичными для англичанки чертами лица. Рядом с ней был нарисован стол, а на нём – голубая китайская ваза.

– Я обнаружила его только сегодня утром, – объяснила Фелис. – Мсье доктор, на рисунке вы видите женщину, которая мне снилась, и ваза та же.

– Необычайно, – прокомментировал Левингтон. – Возможно, голубая ваза и есть ключ к тайне. Мне кажется, что она китайская и, может быть, даже старинная. Смотрите, по её окружности вьётся любопытный рельефный узор.

– Ваза китайская, – подтвердил Джек. – Я видел точно такую же в коллекции моего дяди – он, знаете ли, крупный коллекционер китайского фарфора, – так вот я помню, что совсем недавно обратил внимание на точно такую же вазу.

– Китайская ваза, – задумчиво произнёс Левингтон.

Минуту он пребывал в задумчивости, затем резко поднял голову, глаза его странно сияли.

– Хартингтон, давно ли у вашего дяди эта ваза?

– Давно ли? Я точно не знаю.

– Подумайте. Не купил ли он её недавно?

– Не знаю... впрочем, да, вы правы, действительно, недавно. Теперь я вспомнил. Я не очень интересуюсь фарфором, но помню, как дядя показывал мне «последние приобретения», и среди них была эта ваза.

– Меньше чем два месяца назад? А ведь Тернеры покинули Хитер Коттедж как раз два месяца назад.

– Да, именно тогда.

– Не посещал ли ваш дядя иногда сельских распродаж?

– Иногда! Да он всё время колесит по распродажам.

– Стало быть, он вполне мог приобрести эту вазу на распродаже имущества Тернеров – в этом нет ничего неправдоподобного. Странное совпадение, хотя, может быть, это то, что я называю неотвратимостью слепого правосудия. Хартингтон, вы немедленно должны выяснить у дяди, когда он купил вазу.

Лицо Джека вытянулось.

– Боюсь, не получится. Дядя Георг уехал на континент. И я даже не знаю, по какому адресу ему писать.

– Сколько же он будет в отъезде?

– Как минимум, три-четыре недели.

Наступило молчание. Фелис с тревогой смотрела то на Джека, то на доктора.

– И мы ничего не можем сделать? – спросила она робко.

– Нет, кое-что можем, – сказал Левингтон, в его голосе слышалось едва сдерживаемое волнение. – Способ необычный, пожалуй, но я верю, что цели мы достигнем. Хартингтон, вы должны добыть эту вазу. Принесите её

сюда, и если мадемуазель позволит, то ночь мы проведём в Хитер Коттедже и вазу возьмём с собой.

Джек почувствовал, как по коже неприятно побежали мурашки.

– А что, по-вашему, может произойти? – с беспокойством спросил он.

– У меня нет об этом ни малейшего представления, но я уверен, что таким образом мы раскроем тайну, а привидение вернётся в свою скорбную обитель. Наверное, в вазе есть тайник и в нём что-нибудь спрятано. Раз чудо не происходит само, мы должны использовать собственную изобретательность.

Фелис захлопала в ладоши.

– Замечательная идея! – воскликнула она.

Глаза её загорелись от восторга. Джек не испытывал такого восторга, напротив, он страшно испугался, хотя никакая сила не заставила бы его признаться в этом перед Фелис. Доктор вёл себя так, как будто сделал самое естественное предложение в мире.

– Когда вы можете взять вазу? – спросила Фелис, повернувшись к Джеку.

– Завтра, – ответил тот неохотно.

Ему следовало разобраться в происходящем, но воспоминание о том безумном крике, преследовавшем его каждое утро, нахлынуло и лишило возможности рассуждать, осталась только одна мысль: как избавиться от наваждения?

Вечером следующего дня он пошёл в дом дяди и взял вазу, о которой шла речь.

Увидев вазу, он окончательно убедился, что именно она

была изображена на рисунке. Но, с большой осторожностью повертев вазу в руках, он не обнаружил в ней никакого намёка на тайник.

Было одиннадцать часов вечера, когда они с Левингтоном прибыли в Хитер Коттедж. Фелис уже ждала их и открыла дверь прежде, чем они постучали.

– Входите, – прошептала она. – Отец спит наверху, не надо его будить. Я приготовила вам кофе здесь.

Фелис провела их в маленькую уютную гостиную. На каминной решетке стояла спиртовка, и, склонившись над ней, девушка заварила им ароматный кофе.

После кофе Джек распаковал вазу. Едва увидев её, Фелис задохнулась от изумления.

– Ну, вот же, вот она, та самая ваза, – горячо восклицала девушка, – я узнала бы её где угодно.

Тем временем Левингтон занимался своими приготовлениями. Убрав с маленького стола все безделушки, он переставил его на середину комнаты. Вокруг стола он расположил три стула. Потом взял из рук Джека вазу и поставил её на середину стола.

– Ну вот, мы готовы, – сказал он. – Выключите свет, и посидим вокруг стола в темноте.

Все послушно уселись. Из темноты снова зазвучал голос Левингтона.

– Старайтесь ни о чём не думать... или думайте о пустяках. Расслабьтесь. Возможно, один из нас обладает способностью общаться с духами. Тогда этот человек войдёт в транс. Помните, бояться нечего. Освободите свои сердца от страха и плывите... плывите...

Голос его замер, наступила тишина. Проходила минута

за минутой, и казалось, тишина разрастается, наполняется тревогой. Хорошо Левингтону говорить: «Освободитесь от страха». Джек испытывал не страх, а панический ужас. Он был почти уверен, что и Фелис в таком же состоянии. Вдруг он услышал её голос, низкий и страшный: «Что-то ужасное надвигается, я чувствую».

– Освободитесь от страха, – сказал Левингтон. – Не противьтесь воздействию.

Темнота, казалось, стала ещё темнее, а тишина пронзительнее. Всё тяжелее давило ощущение неясной угрозы.

Джек начал задыхаться... его душили... дьявольское создание рядом...

Внезапно кошмар кончился. Он поплыл... его подхватило течением... веки опустились... покой... темнота...

Джек слегка пошевелился. Голова тяжёлая, как будто свинцовая. Где он? Солнечный свет... птицы... Он лежал под открытым небом.

Постепенно память возвращала ему всё: сидение за столом, уютная комната, Фелис и доктор. Что произошло?

Джек сел – голова тошнотворно кружилась – и огляделся по сторонам. Он лежал в небольшой роще недалеко от коттеджа. Рядом никого не было. Он вынул часы. К его изумлению, часы показывали половину первого.

Джек с трудом поднялся и поспешил, насколько позволяли силы, к коттеджу. Должно быть, их напугало, что он не выходит из транса, и они вынесли его на воздух.

Добравшись до коттеджа, он громко постучал. Ответа не последовало, во всём доме никаких признаков жизни. Должно быть, они отправились за помощью. Или же... Джек почувствовал, как его охватывает неясный страх. Что произошло прошлой ночью?

Со всех ног он примчался в отель и уже собирался обратиться с расспросами в контору, как почувствовал сильнейший удар в бок, едва не сбивший его с ног. Возмущённый, он обернулся и оказался лицом к лицу со старым седым джентльменом, пыхтевшим от радости.

– Не ожидал меня, мой мальчик, ведь не ожидал, э? – хрипел этот чудак.

– Откуда вы, дядя Георг? Я думал, вы далеко отсюда, где-нибудь в Италии.

– А! Я там не был. Высадился в Дувре. Надумал ехать в город на машине и остановился по дороге здесь, чтобы увидеть тебя. И что я узнаю! Всю ночь напролёт, э? Веселые похождения...

– Дядя Георг, – Джек решительно прервал его. – Мне надо рассказать вам невероятную историю. Скорее всего вы мне не поверите.

И он рассказал всё, что с ним произошло.

– И Бог знает, куда они подевались, – закончил он свой рассказ.

Казалось, что дядю немедленно хватит удар. «Ваза, – удалось ему наконец выговорить. – Голубая ваза! Куда она подевалась?»

В полном недоумении Джек уставился на дядю, но подхваченный стремительным потоком его слов, начал понимать.

Прозрение пришло внезапно: «Эпоха Мин... уникальная ваза... жемчужина моей коллекции... стоимостью десять тысяч фунтов, как минимум... предложение Хеггенхаймера, американского миллионера... единственная в мире... Чёрт возьми, сэр, что вы сделали с моей голубой вазой?»

Джек бросился в контору отеля. Он должен найти Левингтона. Молодая служащая холодно взглянула на него.

– Доктор Левингтон уехал поздно ночью... на машине. Он оставил вам письмо.

Джек разорвал конверт. Письмо было коротким, но исчерпывающим:

«Мой дорогой юный друг! Закончился ли для вас день чудес? Если не совсем, то это вполне естественно – ведь вас обманули по последнему слову науки. Сердечные приветы от Фелис, мнимого отца и от меня самого. Мы выехали двенадцать часов назад, времени нам должно хватить.

*Всегда ваши, Эмброуз Левингтон
Врачеватель Души».*

КРИТСКИЙ БЫК

Эркюль Пуаро внимательно посмотрел на посетительницу.

Он увидел бледное лицо с волевым подбородком, с глазами скорее серыми, чем голубыми, и волосами черно-синего оттенка, который встречается так редко. Настоящие гиацинтовые локоны древних греков.

Он отметил хорошо сшитый, хотя и поношенный твидовый костюм, потрепанную сумочку и бессознательную надменность, проступавшую сквозь явную встревоженность девушки.

«О, да она с гонором, хотя и небогата, – подумал он.

Видимо, произошло нечто из ряда вон выходящее, раз она решилась обратиться ко мне».

Диана Маберли заговорила с легкой дрожью в голосе:

– Не знаю, сумеете ли вы помочь мне, мсье Пуаро. Это очень необычный случай.

– А вы думаете, что другие приходят ко мне с обычными случаями?

– Я пришла к вам потому, что я не знаю, что делать! Я даже не знаю, делать ли что-нибудь вообще!

– Разрешите судить об этом мне – после того, как я услышу вашу историю.

Краска разлилась по лицу девушки. Задыхаясь, она проговорила:

– Я пришла к вам потому, что человек, с которым я обручена уже около года, вдруг расторг нашу помолвку.

Диана Маберли замолчала и вызывающе посмотрела на собеседника.

– Вы, наверное, думаете, что я не в своем уме.

Эркюль Пуаро медленно покачал головой.

– Напротив, мадемуазель, нет никакого сомнения в здравости вашего рассудка. Мирить влюбленных – не мое дело, и вам это, конечно, известно. Значит, в расстройстве помолвки есть нечто необычное, не так ли?

– Хью расторг помолвку, потому что решил, что сходит с ума.

Брови Эркюля Пуаро поднялись.

– А вы с этим не согласны?

– Не знаю... В конце концов что значит: сходить с ума? Каждый немного сумасшедший.

– Так говорят, – осторожно поддержал Пуаро.

– Только если вы начинаете думать, что превратились в вареное яйцо или во что-то подобное, вас могут изолировать.

– А ваш жених еще не достиг этой стадии?

– Я не думаю, что с Хью дело плохо. По-моему, он самый здоровый человек из всех, кого я знаю.

– Почему же он решил, что сходит с ума? – спросил Пуаро и, помедлив, продолжал: – Не было ли случаев помешательства в его семье?

Диана нехотя кивнула.

– Сумасшедшим был его дед. И, кажется, сестра бабушки или кто-то в этом роде. Но я хочу заметить, что в каждой семье есть кто-нибудь со странностями. Знаете, слабоумный или слишком уж умный, или еще какой-нибудь!

Ее глаза как бы взывали к здравому смыслу.

Эркюль Пуаро печально покачал головой.

– Сочувствую вам, мадемуазель, – сказал он.

Подбородок Дианы дрогнул. Она заплакала:

– Я не хочу, чтобы вы жалели меня. Я хочу, чтобы вы сделали что-нибудь!

– Расскажите о вашем женихе подробнее, – предложил Пуаро.

Диана быстро заговорила:

– Его зовут Хью Чэндлер. Ему двадцать четыре года. Его отец – адмирал Чэндлер. Они живут в Лайд Мэнере. Это фамильное владение Чэндлеров со времен Елизаветы. Хью единственный сын адмирала. Он тоже поступил во флот – все Чэндлеры моряки, это семейная традиция с тех пор, как сэр Гилберт Чэндлер плавал с сэром Уолтером

Рейли. Отец предложил Хью пойти на флот, но он же сам и настоял на уходе сына оттуда!

— Когда это произошло?

— Примерно год назад. Это было для всех неожиданностью.

— Хью был доволен профессией?

— Безусловно.

— И не было никакого скандала, связанного со службой?

— Абсолютно ничего. У него все шло прекрасно.

— А как объяснил необходимость ухода Хью адмирал?

— Адмирал сказал, что Хью нужно научиться управлять поместьем, но это явная отговорка. Даже Джордж Фребишер понял это.

— Кто такой Джордж Фребишер?

— Полковник Фребишер. Старый друг адмирала и крестный отец Хью. Он подолгу гостит в Мэнере.

— Ну, а каково мнение полковника о решении адмирала?

— Он был ошеломлен. Ничего не мог понять. Да и никто не мог.

— Даже сам Хью?

Диана ответила не сразу, и Пуаро, помедлив, продолжал:

— Возможно, сначала он был удивлен. А сейчас? Он ничего не говорил вам в последнее время?

Диана нехотя проговорила.

— Неделью назад он сказал мне, что отец был прав.

— Вы спросили, почему?

— Конечно. Но он не ответил. Перевел разговор на другое.

Минуту-другую Пуаро размышлял. Затем произнес:

– Не случилось ли в ваших краях примерно год назад чего-нибудь необычного? Такого, что вызвало кривотолки?

Девушка вспыхнула.

– Не понимаю, что вы имеете в виду.

– Вы должны быть со мной откровенны, – мягко сказал Пуаро.

– Ничего такого, что вы подразумеваете.

– А что я подразумеваю?

– Ну, не знаю... Пожалуй, только эта история с овцами. Но это явно месть деревенского идиота.

– Подробнее, пожалуйста.

– Был переполох из-за каких-то овец... Их зарезали ночью на одной ферме. Хозяин этих овец очень неприятный человек, и полиция решила, что кто-то имел на него зуб.

– Поймали того, кто это сделал?

– Нет. Но если вы предполагаете...

Пуаро остановил ее движением руки.

– Не надо гадать о моих предположениях. Скажите, ваш жених обращался когда-нибудь к врачам?

– Уверена, что нет.

– Но что здесь необычного?

– Хью ненавидит врачей.

– А его отец?

– По-моему, адмирал тоже не очень-то им доверяет.

– А как выглядит адмирал? Он здоров? Счастлив?

Диана понизила голос.

– Он ужасно постарел за последний год. Просто тень человека, которым он был.

Пуаро в раздумье покачал головой.

– А он одобрил помолвку сына?

– О, да. Понимаете, наше поместье граничит с его владениями. Он был ужасно доволен, когда Хью и я поладили.

– А сейчас? Что он говорит о вашем разрыве?

– Я встретила его вчера утром. – Голос девушки дрогнул. – Выглядел он очень плохо. Он взял мою ладонь в свою и сказал: «Тебе тяжело, девочка. Но мой мальчик поступает верно. Это единственное, что он может сделать»... Мсье Пуаро, в силах ли вы мне помочь?

– Я сделаю все, что могу, а это, поверьте мне, не так уж мало.

Больше всего Эркюля Пуаро поразила великолепная внешность Хью Чэндлера. Высокий, отлично сложенный атлет с широкими плечами и золотистой копной волос. В нем чувствовались огромная сила и мужество.

Прямо от Пуаро Диана позвонила адмиралу Чэндлеру, и они тотчас же отправились в Лайд Мэнер. Когда они приехали, на длинной террасе их ожидал накрытый для чая стол. За столом сидели трое. Адмирал Чэндлер, седой, с плечами, словно придавленными непомерной тяжестью, выглядел явно старше своих лет. В противоположность ему полковник Фребишер был суховат и крепок; его рыжеватая шевелюра лишь на висках слегка искрилась сединой. Он был похож: на терьера с умными, проницательными глазами. Пуаро подметил, что у полковника есть привычка собирать брови к переносью и, опустив голову, выдвигать ее вперед, в то время как глазки терьера ощупывали вас насквозь. Третьим за столом был Хью.

– Великолепный образчик, не правда ли? – тихо сказал полковник Фребишер, заметив, что Пуаро изучает юношу.

Пуаро кивнул. Он сидел рядом с Фребишером, а остальные находились на другом конце стола и с деланным оживлением перебрасывались словами.

– Да, он хорош, ничего не скажешь, – пробормотал Пуаро. – Он как молодой бычок, если можно так выразиться, – бычок, предназначенный Посейдону...

– Выглядит вполне здоровым, не так ли? – Фребишер вздохнул. Его проницательные глазки украдкой следили за Пуаро.

– А я знаю, кто вы, – сказал он чуть погодя.

– О, это не секрет! – Пуаро величаво отмахнулся. Он вовсе не инкогнито, означал этот жест.

– Девушка ввела вас в курс дела? – спросил полковник.

– Дела?

– Дела молодого Хью. Никогда не думал, что это по вашей части – здесь, скорее, необходимо медицинское освидетельствование.

– Я берусь за любые дела.

– Просто не понимаю, что она ждет от вас.

– Мисс Маберли – боевая девушка, – сказал Пуаро. Полковник Фребишер наклонил голову в знак согласия.

– О, да. Она действительно боевая. Но есть вещи, против которых человек бессилен.

Его лицо как-то сразу постарело и осунулось. Пуаро понизил голос:

– Наследственное безумие, если не ошибаюсь?

Фребишер кивнул.

– Это дает себя знать время от времени. Обычно через поколение или два. Дед Хью был последним.

Пуаро быстро взглянул на другой конец стола. Диана

ловко поддерживала разговор, добродушно поддразнивая Хью. Можно было подумать, что там сидят беспечные и беззаботные собеседники.

– А как у деда Хью проявлялось помешательство? – спросил Пуаро.

– В последние годы жизни старик стал чересчур раздражительным, хотя первые странности появились, когда ему было лет тридцать. Конечно, кругом пошли слухи, но до поры до времени его безумие удавалось скрывать. Но когда бедняга совсем спятил, пришлось его освидетельствовать. – Полковник помолчал и добавил: – Дед Хью прожил до глубокой старости, вот почему Хью не хочет обращаться к врачам. Он боится, что его поместят в лечебницу и ему много лет придется жить взаперти.

– А как здоровье адмирала?

– Это вконец сломило его, – коротко ответил Фребишер.

– Он сильно любит сына?

– Сын для него все. Видите ли, жена его утонула, когда мальчику было десять лет. С тех пор он живет только ради сына.

– Он очень был предан жене?

– Просто боготворил. Да ее все обожали. Красивее женщины я не встречал в жизни. Хотите взглянуть на ее портрет?

– Непременно.

Фребишер отодвинул стул и поднялся. Он громко произнес:

– Пойду покажу кое-что Пуаро, Чарли. Он в некоторой степени знаток живописи.

Адмирал сделал неопределенный жест. Фребишер, тяжело ступая, пошел по террасе. Пуаро следовал за ним. На секунду лицо Дианы утратило маску веселья и стало болезненно-вопрошающим. Хью тоже поднял голову и внимательно посмотрел на невысокого человека с большими черными усами.

Пуаро последовал за Фребишером в дом. После солнечного света глаза с трудом различали предметы обстановки, но было понятно, что дом полон прекрасных старинных вещей. Полковник провел Пуаро в картинную галерею. На стенах ее висели портреты умерших и погибших Чэндлеров. Лица строгие и веселые; мужчины в придворной одежде или морской форме, женщины в атласе и жемчугах. Наконец Фребишер остановился у одного из портретов в конце зала.

— Этот портрет писал Орпен, — пояснил он.

С картины на них смотрела высокая женщина с золотистыми волосами и ослепительно жизнерадостным лицом. Ее правая рука лежала на ошейнике борзой.

— Мальчик очень похож на нее, не правда ли? — заметил Фребишер.

— В какой-то степени — да.

— У него, конечно, нет ее нежности, он ведь мужчина, хотя... — Полковник умолк. — Жаль, что от Чэндлеров он унаследовал то, без чего отлично мог бы обойтись.

В гнетущей тишине казалось, что в самом воздухе галереи разлита печаль, словно все умершие и погибшие Чэндлеры сокрушались о заключенном в их крови проклятии.

Эркюль Пуаро повернул голову, чтобы взглянуть на

собеседника. Джордж Фребишер все еще смотрел на портрет женщины, и Пуаро мягко заметил:

– Вы ее хорошо знали?

– Мы вместе росли. Когда ей исполнилось шестнадцать, я отправился в Индию в чине младшего офицера... А когда вернулся, она уже была замужем за Чарльзом Чэндлером.

– Вы знали раньше и его?

– Чарльз – мой старый друг. Он всегда был моим лучшим другом.

– Часто ли вы виделись с ними после возвращения из Индии?

– Я провожу здесь почти каждый свой отпуск. Это для меня второй дом. У Чарльза и Каролины всегда была приготовлена комната для меня. – Полковник расправил плечи и неожиданно вызывающе выдвинул вперед голову. – Вот почему я сейчас здесь – на случай, если понадобится.

И снова тень чего-то трагического окутала их.

– А что вы думаете обо всем этом? – спросил Пуаро.

Фребишер стоял не двигаясь. Брови снова сошлись у переносья.

– Что я думаю? Откровенно говоря, я не понимаю, почему вы занимаетесь этим делом. Зачем Диана втянула вас в семейную историю?

– Вам известно, что помолвка Дианы Маберли и Хью Чэндлера расстроена?

– Да, известно.

– А знаете из-за чего?

Фребишер резко ответил:

– Этого я не знаю. Молодежь решает такие вопросы сама.

Пуаро продолжал:

– Хью Чэндлер сказал Диане, что свадьбе не бывать, потому что он сходит с ума.

На лбу Фребишера проступили капли пота. Он сказал:

– Зачем нам обсуждать это проклятье рода? Вы думаете, что сумеете что-то сделать? Хью скверно поступил, бедняга. Это не его вина – наследственность, мозговые клетки... Но раз уж он понял, что он еще мог сделать? Расторжение помолвки – единственный выход.

– Если бы я смог убедиться во всем этом.

– Можете мне поверить.

– Но вы же мне ничего не сказали.

– Я повторяю, что не хочу говорить об этом.

– А почему адмирал заставил сына оставить флот?

– Так было надо.

Пуаро тихо спросил:

– Это как-то связано с зарезанными овцами?

– Так вы и об этом наслышаны?

– Мне рассказала Диана

– Ей следовало помолчать.

– Она и не думала, что это взаимосвязано.

– Конечно, она не знает...

– О чем она не знает?

Фребишер заговорил отрывисто и раздраженно:

– Ну, раз вы настаиваете. Однажды ночью адмирал услышал шум, решил, что кто-то забрался в дом. Вышел проверить. В комнате сына горел свет. Чэндлер вошел. Хью спал мертвецким сном, прямо в одежде. А на одежде была кровь. И таз в комнате был полон крови. Адмирал не смог разбудить Хью. Ну, а на следующее утро мы услышали о

зарезанных овцах. Спросили Хью – он ничего не знал, ничего не помнил. Между тем его ботинки были запачканы грязью, и он не мог объяснить, откуда в тазу кровь. Бедняга сам ничего не понимал! Через несколько дней все повторилось. Сами понимаете, мальчику пришлось оставить службу. Если он будет все время здесь, под домашним надзором, отец сможет проследить за ним. А на флоте все неизбежно кончилось бы скандалом.

Когда произошел первый случай? – спросил Пуаро.

Фребишер решительно заявил:

– Я больше не отвечу ни на один вопрос. Не кажется ли вам, что Хью лучше всех нас знает, что ему делать?

Эркюль Пуаро не ответил. Но он не был склонен допускать, что кто-то может знать что-то лучше самого Пуаро.

Едва они вошли в холл, им встретился адмирал. На мгновение он остановился, и темная фигура четко обрисовалась на ярком солнечном свете.

– А, вот вы где, – сказал он устало. – Мсье Пуаро, я бы хотел поговорить с вами. Пройдемте в мой кабинет.

Пуаро последовал за адмиралом. У него возникло такое ощущение, будто его вызвали в офицерскую каюту, чтобы отчитать.

Жестом адмирал предложил Пуаро один из больших мягких стульев и сел сам.

– Мне жаль, что Диана втянула вас в это, – заговорил Чэндлер. – Бедное дитя, я понимаю, как ей тяжело. Но, видите ли, мсье Пуаро, это наша семейная трагедия и, как вы понимаете, нам не нужны посторонние.

– Я понимаю ваши чувства, – вежливо откликнулся Пуаро.

– Диана никак не может поверить... Возможно, и я бы не верил, если бы не знал...

Адмирал вздохнул.

– Не знали чего?

– Что это у нас в крови. Я имею в виду болезнь,

– И все-таки вы согласились на помолвку?

Чэндлер покраснел.

– Считаете, что я не должен был давать согласия? Но когда у меня и в мыслях не было, что все так обернется. Хью очень похож на свою мать, в нем нет ничего, что напоминало бы Чэндлеров. До недавней поры он был совершенно нормален.

Пуаро мягко спросил:

– Вы не советовались с врачами?

Чэндлер прорычал:

– Нет, черт возьми! Мальчик здесь в полной безопасности, под моим наблюдением. Они не запрут его в четырех стенах, как дикого зверя!

– Он, конечно, будет в безопасности. А другие?

– Что вы имеете в виду?

Пуаро не ответил. Он только внимательно посмотрел в темные печальные глаза адмирала. Чэндлер опустил глаза и горько произнес:

– Каждому свое. Вы ищите преступника. Мои мальчик не преступник, мсье Пуаро.

– Пока.

– Что значит «пока»?

– Все течет, все изменяется. А те овцы?

– Кто вам о них рассказал?

– Диана Маберли. А также полковник.

- Джордж мог бы и придержать язык.
- Он ваш друг, не так ли?
- Мой лучший друг, – подчеркнул адмирал.
- Он дружил и с вашей женой?

Чэндлер улыбнулся.

– Да. Кажется, в юности он даже был в нее влюблен. Но я оказался удачливее. Я получил ее – чтобы утратить. Он вздохнул, и плечи его обвисли.

- Полковник был с вами, когда ваша жена утонула?

Чэндлер кивнул.

– Да, он был в Корнуане, когда это произошло. Мы с ней отправились кататься на лодке, а он в тот день остался дома. Я до сих пор не могу понять, почему лодка опрокинулась... Мы как раз вошли в бухту, и начался сильный прилив. – Я поддерживал Каролину сколько мог... – Голос его оборвался. – Ее тело выбросило на берег через два дня. Слава Богу, мы не взяли с собой Хью. По крайней мере, так я думал в то время. А сейчас, грешным делом, иногда проскальзывает мысль: может, и лучше было бы для него, бедняги, если бы все кончилось тогда.

И снова глубокий безнадежный вздох.

– Мы последние из рода Чэндлеров, мсье Пуаро. После нас в Лайде не останется никого. Когда Хью обручился с Дианой, я надеялся... ох, не стоит и говорить об этом.

Эркюль Пуаро сидел с Хью Чэндлером в розарии. Диана Маберли только что ушла отсюда... Молодой человек повернул красивое лицо к собеседнику.

– Вы должны заставить ее понять, что нужно смириться с судьбой. – Он помедлил минуту и продолжал. – Видите ли, Ди борец. Она не хочет сдаваться и продолжает верить, что я нормален.

– Тогда как вы сами убеждены в обратном?

Молодой человек вздрогнул

– Еще не окончательно. Но мне становится все хуже. Диана не знает об этом, храни ее Бог! Она видит меня только, когда я в нормальном состоянии.

– А что происходит, когда вы не в себе?

Хью Чэндлер глубоко вздохнул.

– Прежде всего меня мучают сны. Прошлой ночью, например, я не был человеком. Вначале я был быком – сумасшедшим быком. Я куда-то бежал, весь в крови и пыли. А потом я был собакой, огромной, пускающей слюну. Я страдал бешенством, дети рассыпались в стороны и убегали при моем приближении. Потом меня пытались застрелить. Потом кто-то поставил кувшин с водой для меня, но я не мог пить. Я проснулся в ужасе. Я знал, что это все правда. Я подошел к умывальнику. Губы запеклись, в горле пересохло. Меня мучила жажда, но я не мог пить, мсье Пуаро. Я не мог глотать.

Пуаро что-то пробормотал. Хью Чэндлер продолжал. Он обхватил руками колени, голова его подалась вперед, глаза были полузакрыты, словно он наблюдал что-то приближающееся к нему.

– Но есть вещи, которые не являются сном. Иногда, проснувшись, я вижу ужасные призраки. Они злобно толпятся вокруг – вот-вот бросятся на меня. Это у меня в крови, наследственное. Слава Богу, я узнал об этом вовремя! Представьте только, что у нас с Дианой был бы ребенок с моей наследственностью. – Он коснулся руки Пуаро. – Вы должны рассказать ей все. Она обязана забыть меня. Обязана. В один прекрасный день ей встретится

другой. Скажем, молодой Стив Грэхем – он сходит по ней с ума. Грэхем, правда, стеснен в средствах и ее родители тоже, но, когда я умру, у них все уладится. Эркюль Пуаро перебил его.

– Откуда такая уверенность?

Хью Чэндлер спокойно улыбнулся.

– Деньги моей матери перешли ко мне. А я оставлю все Диане.

– Но вы можете дожить до глубокой старости! – возразил Пуаро.

– Нет, мсье Пуаро, – покачал головой Хью, – я не собираюсь жить так долго. – Вдруг он резко повернулся в сторону. – Боже мой, взгляните! Там, за вами скелет... У него трясутся кости.

Глаза молодого человека с расширенными зрачками уставились прямо на солнечный свет. Минуту спустя он бессильно откинулся назад. Затем повернулся к Пуаро и почти детским голосом спросил:

– Вы ничего не видите?

Эркюль Пуаро отрицательно покачал головой.

– Если бы дело было только в этих видениях? – воскликнул Хью Чэндлер. – Самое страшное, что я брожу, как лунатик, и уже несколько раз я обнаруживал на своей одежде кровь. После той истории с овцами отец закрывает меня на ночь, но иногда утром дверь бывает открыта. Должно быть, у меня где-то припрятан ключ, но я не знаю, где я его прячу.

– И все же я не понимаю, почему бы вам не обратиться к врачу?

Хью Чэндлер поджал губы.

– Неужели непонятно? Физически я здоров, как бык. Если меня запрут в четырех стенах, мне придется мучиться годы и годы. Уж лучше сразу покончить с этим... Несчастный случай при чистке ружья или что-нибудь в этом роде.

Он вызывающе посмотрел, на Пуаро, но тот не принял вызова. Вместо этого он тихо спросил.

– Что вы едите и пьете?

Хью Чэндлер резко откинул голову и захохотал.

– Кошмары от несварения желудка? Ну уж нет!

Пуаро спокойно повторил:

– Что вы едите и пьете?

– То же, что и все.

– Принимаете какие-нибудь лекарства, таблетки?

– Слава Богу, нет. Или вы думаете, что патентованные пилюли исцелят меня?

– Скажите, – Пуаро как будто не замечал колкости собеседника, – а кто-нибудь в этом доме страдает глазным заболеванием?

– Отцу глаза доставляют массу хлопот. Ему приходится часто наведываться к окулисту.

– А-а! – Пуаро рассеянно почесал щеку. – Насколько я понимаю, полковник Фребишер большую часть жизни провел в Индии?

– Да, он служил там в армии. Индия – это его конек. Он очень увлекается ее культурой, традициями и тому подобным.

Пуаро снова односложно пробормотал: «А-а!» и погрузился в раздумье. Наконец он сказал:

– Я вижу, вы порезали подбородок.

Хью потрогал рукой подбородок.

– Да, довольно глубокий порез. Как-то во время бритья отец внезапно вошел и испугал меня. Последнее время я стал нервным. А на подбородке и шее появилась какая-то сыпь. Стало трудно бриться.

– Вам следует воспользоваться смягчающим кремом.

– О, я уже пользуюсь. Мне дал его полковник. Однако ваша беседа напоминает разговор в женском салоне красоты. Лосьоны, кремы, патентованные пилюли, глазные болезни. Какое это имеет значение?

– Я должен знать все, чтобы помочь Диане Маберли.

– Да-да, сделайте для нее все возможное. Уговорите ее забыть меня. Это лучший выход в нашем положении!

– У вас есть мужество, мадемуазель? Большое мужество?

Диана вскрикнула.

– Значит, это правда? Он действительно сумасшедший?

– Я не психиатр, мадемуазель. Ставить диагноз – не моя профессия. – Эркюль Пуаро наблюдал за девушкой. – Адмирал думает, что его сын сумасшедший. Полковник думает то же самое. Теперь в этом уверился и сам Хью. А вы, мадемуазель?

– Нет, я так не думаю! И поэтому... – Она замолчала.

– Поэтому вы обратились ко мне. Хорошо. Скажите, кто такой Стивен Грэхем?

Диана удивилась.

– Стивен Грэхом? Просто знакомый, – Она схватила его за руку. – Что у вас на уме? О чем вы думаете? Господи, эти ваши огромные усы! Ну, почему вы молчите? Почему вы пугаете меня?

– Потому что я сам боюсь.

Темно-серые глаза девушки широко раскрылись.

– Вы? Боитесь?

Эркюль Пуаро вздохнул.

– Гораздо легче поймать убийцу, чем предотвратить преступление.

– Преступление? – ахнула она.

– Да. – Пуаро заговорил быстро и властно. Мадемуазель, нам обоим необходимо провести ночь здесь. Сумеете ли вы договориться с хозяевами?

– Наверное. Но зачем это нужно?

– Прошу вас, наберитесь терпения и не задавайте лишних вопросов.

Она кивнула и, не сказав ни слова, ушла. Выждав несколько минут, Пуаро тоже вернулся в дом. Он услышал голоса в библиотеке и поднялся по широкой лестнице на второй этаж. Здесь никого не было. Без особого труда он разыскал комнату Хью. В углу комнаты стоял умывальник, а над ним на стеклянной палочке лежали различные тюбики, стояли банки и бутылочки.

Эркюль Пуаро приступил к делу. Времени ему понадобилось мало, и он успел спуститься в холл раньше, чем из библиотеки вышла раскрасневшаяся и возбужденная Диана.

– Все в порядке, – сказала она.

Из библиотеки выглянул адмирал и жестом пригласил Пуаро зайти.

– Послушайте, мсье Пуаро, мне это не нравится, – важно сказал он. – Диана попросила, чтобы вы и она провели здесь ночь. Я не хочу показаться негостеприимным,

но, честно говоря, мне это не по душе. Я не понимаю, зачем это нужно.

– Поверьте, адмирал, я не хочу причинять вам неудобства, но таковы обстоятельства. Я здесь исключительно из-за настойчивости влюбленной девушки. Вы мне кое-что рассказали. Полковник Фребишер рассказал кое-что. Кое-что рассказал Хью. А теперь я сам хочу во всем разобраться.

– Здесь не в чем разбираться! Я запираю Хью в его комнате каждую ночь, вот и все.

– И все же иногда по утрам дверь бывает открыта.

– Что?!

– А разве вы сами не находили ее открытой?

Чэндлер нахмурился.

– Я порой подозревал, что Джордж отпирает ее...

– Вы оставляете ключ в дверях?

– Нет, в ящике у двери. Я, или Джордж, или Уинзерс, наш слуга, берем его оттуда утром. Уинзерсу мы объяснили необходимость запирать дверь тем, что Хью бродит во сне. Возможно, он обо всем догадывается, но он честный малый, живет с нами много лет.

– А есть ли второй ключ от этой двери?

– Нет, иначе я знал бы об этом.

– Но кто-то мог сделать дубликат.

– Кто?

– Ваш сын думает, что сам прячет где-то второй ключ, хотя и не может вспомнить где.

– Хорошо, – сказал адмирал, – оставайтесь. Но я против того, чтобы девушка оставалась тоже.

– Почему?

– Слишком рискованно. Подумайте о болезни моего сына.

– Но ведь Хью ей предан, – возразил Пуаро.

– Вот именно поэтому! – воскликнул Чэндлер. – Черт возьми, все идет шиворот-навыворот, когда дело касается сумасшедшего! Да Хью это и сам знает. Нет, Диана не должна оставаться здесь.

– Что касается Дианы, – сказал Пуаро, – пусть решает сама.

Он вышел из библиотеки и покинул дом. Как они и условились, Диана ждала его в машине.

По дороге в деревню Пуаро передал ей разговор с адмиралом. Она презрительно рассмеялась.

– Неужели он думает, что Хью может причинить мне зло?

Вместо ответа Пуаро попросил ее остановиться у аптеки. Оказывается, он забыл захватить с собой зубную щетку.

Аптека находилась в середине тихой деревенской улицы. Диана осталась сидеть в машине. Ей показалось, что Эркюль Пуаро слишком долго выбирал себе зубную щетку.

Все приготовления были сделаны, оставалось только ждать. Пуаро сидел в огромной спальне с громоздкой дубовой мебелью елизаветинских времен и напряженно прислушивался к ночной тишине.

Под утро, когда начало светать, в коридоре раздались шаги. Пуаро отодвинул запор и открыл дверь. Неподалеку стояли адмирал и полковник. Чэндлер был угрюм, Фребишер дрожал от волнения.

– Не пройдете ли с нами, мсье Пуаро? – предложил адмирал.

В конце другого коридора у дверей спальни, которую отвели Диане Маберли, лежала какая-то фигура. Подойдя поближе, Пуаро узнал Хью Чэндлера. Свет падал на взъерошенную рыжеватую голову. Хью лежал ничком, тяжело и звучно дыша. Он был в халате и шлепанцах. В правой руке был зажат нож с запачканным темными пятнами лезвием.

– О, мадонна! – воскликнул Эркюль Пуаро.

– С ней все в порядке, он не тронул ее, – хрипло сказал Фребишер и тут же позвал: – Диана! Это мы! Откройте!

Пуаро услышал сдавленный стон адмирала и его тихий шепот:

– Мой мальчик! Мой бедный мальчик!

Щелкнула задвижка. Дверь открылась, и появилась Диана. Ее лицо было смертельно бледным.

– Что случилось? Недавно здесь кто-то был! Я слышала, как ощупывали дверь, дергали за ручку, скреблись, – просто ужас! Как будто это было животное...

– Слава Богу, что дверь была заперта! – сказал Фребишер.

– Мсье Пуаро приказал мне ее закрыть.

– Поднимите его и отнесите в комнату, – повелительно сказал Пуаро.

Адмирал и полковник подняли лежавшего без сознания Хью. Диана затаила дыхание, когда они проходили мимо нее.

– Боже мой, это Хью!.. Что у него в руках?

Руки Хью были липкие, в коричневато-красных пятнах.

– Это... кровь?

Адмирал кивнул.

– Слава Богу, не человеческая, – сказал он. – Кровь кота. Я нашел его внизу, в холле. У него перерезано горло. Потом, видимо, Хью поднялся сюда.

– Сюда? Ко мне? – Голос Дианы изменился от ужаса.

Хью, которого посадили на стул, зашевелился, что-то забормотал. Все как замороженные смотрели на него. Хью Чэндлер открыл глаза.

– Хэлло! – Голос был хриплым. – Что случилось? – Он уставился на нож, который все еще сжимал в руках. – Что я натворил?

Его глаза перебегали с одного на другого. Наконец, они задержались на Диане, отпрянувшей к стене. Хью тихо спросил:

– Я напал на Диану?

Адмирал покачал головой.

– Скажите, что произошло? Я должен все знать!

Они рассказали ему – нехотя, колеблясь. За окном вошло солнце. Эркюль Пуаро отодвинул штору. В комнату ворвался рассвет.

Лицо Хью Чэндлера было спокойным.

– Понятно, – сказал он. Затем встал, улыбнулся и потянулся. Голос его был совершенно нормальным, когда он произнес:

– Чудесное утро, а? Пойду прогуляюсь по лесу, может, мне удастся подстрелить зайца.

Он вышел из комнаты. Адмирал бросился следом, но Фребишер схватил его за руку.

– Нет, Чарльз, не надо. Для него, бедняги, это и впрямь лучший выход.

Диана, рыдая, бросилась на кровать.

Адмирал Чэндлер сказал дрожащим голосом:

– Ты прав, Джордж, я знаю, что ты прав. У мальчика есть сила воли.

У Фребишера тоже дрогнул голос.

– Хью – настоящий мужчина.

После минутного молчания Чэндлер воскликнул:

– Черт возьми, а куда делся этот проклятый иностранец?

Хью Чэндлер уже снял ружье со стойки в оружейной комнате и заряжал его, когда ему на плечо легла рука Эркюля Пуаро.

Пуаро произнес только одно слово, но сделал эта властно и непререкаемо.

– Нет, – сказал он.

Хью Чэндлер изумленно посмотрел на него.

– Уберите руки, – насупился он. – Это не ваше дело. Говорю вам – будет несчастный, случай на охоте, только и всего.

И снова Пуаро произнес:

– Нет.

– Неужели вы не понимаете, что, если бы дверь не была заперта, я перерезал бы Диане, горло – Диане! – тем ножом.

– Нет, вы не убили бы мисс Маберли.

– Но я же убил кота!

– Отнюдь. Вы не убивали ни кота, ни овец, ни других животных.

Хью удивленно посмотрел на Пуаро.

– Кто здесь сумасшедший – вы или я?

– Мы оба нормальны, – ответил Эркюль Пуаро.

В эту минуту в оружейную вошли адмирал и полковник. За ними шла Диана.

Хью Чэндлер ошеломленно сказал:

– Этот человек говорит, что я не сумасшедший...

Эркюль Пуаро громко объявил:

– Счастлив сказать, что Хью Чэндлер абсолютно здоров.

Хью засмеялся смехом приговоренного к казни и получившего минутную отсрочку.

– Чертовски смешно! Вы считаете, что это в порядке вещей – перерезать глотки животным? Неужто я был в здравом рассудке, когда убивал этого несчастного кота?

– Повторяю: вы никого не убивали.

– А кто же тогда убивал?

– Тот, кто хотел убедить вас в вашем помешательстве. Каждый раз вам давали сильное снотворное, а в руки вкладывали окровавленный нож или бритву. И этот другой мыл свои окровавленные руки в вашем тазу.

– Но зачем?

– Для того, чтобы вы в конце концов сделали то, от чего я вас уберег.

Пуаро обернулся к Фребишеру.

– Полковник, вы много лет жили в Индии. Вам приходилось сталкиваться со случаями, когда людей преднамеренно сводили с ума, используя наркотики?

– Сам я не сталкивался, но часто слышал об этом. Отравление беленой.

– Совершенно верно. Видите ли, действующее начало белены родственно алкалоиду атропина, который тоже получают из белладонны. Препараты белладонны обычно

имеются в продаже, а серноокислый атропин свободно можно выписать для лечения глаз. Размножив рецепт и предъявляя его в разных местах, можно, не вызывая подозрений, получить большое количество яда. Из него можно экстрагировать алкалоид, а затем ввести, скажем, в болеутоляющий крем для бритья. Его наружное применение может вызвать сыпь, а это, в свою очередь, приводит к порезам при бритье. Таким образом, наркотики постепенно проникают в организм. Возникают определенные симптомы: сухость во рту, в горле, затрудненное глотание, галлюцинации. Все это как раз испытал мистер Чэндлер. Я взял образцы его крема и исследовал их в местной аптеке.

Бледный, дрожащий Хью проговорил:

— Кто это сделал?

— Как раз это я и пытался выяснить. Диана Маберли, поскольку вы завещали ей свои деньги, могла быть заинтересована в вашей смерти, но я по ряду соображений сразу же отверг эту версию. Я исследовал другую возможную причину. Вечный треугольник: двое мужчин и женщина. Полковник Фребишер был влюблен в вашу мать, адмирал Чэндлер на ней женился.

Адмирал выкрикнул:

— Джордж? Не могу поверить!

Хью произнес недоверчиво:

— Вы полагаете, ревность могла перейти на меня?

— При определенных обстоятельствах — да, — сказал Пуаро.

Фребишер воскликнул:

— Ложь! Чудовищная ложь! Не верь ему, Чарльз.

Адмирал отпрянул от него, бормоча:

– Белена... Индия... Да, понимаю... И мы бы никогда не подозревали о яде, связывая все с наследственным безумием...

Эркюль Пуаро повысил голос:

– Наследственное безумие! Мы и впрямь имеем дело с сумасшедшим, сосредоточенным на мести, хитрым, как все сумасшедшие, годами скрывающим свое безумие.

Он быстро заходил вокруг Фребишера.

– Полковник, вы должны были знать или хотя бы подозревать, что Хью ваш сын. Почему вы никогда не говорили ему об этом?

Фребишер, сдерживая волнение, стал заикаться:

– Я н-не знал. Точнее, н-не был уверен. Видите ли, Каролина как-то пришла ко мне в большом волнении, чем-то напуганная. Она... Я... В общем, мы потеряли голову. После этого я сразу же уехал. Это было необходимо, мы оба знали, что не сможем вести двойную жизнь. Я, конечно, подозревал, но не был уверен. Каролина никогда даже не намекала на то, что Хью – мой сын. А потом, когда у Хью появились признаки безумия, мне окончательно стало ясно, что он из рода Чэндлеров.

– Но вы не заметили, что мальчик имеет привычку наклонять вперед голову и опускать брови – черта, унаследованная от вас! Зато Чарльз Чэндлер это заметил. Заметил много лет назад – и вырвал признание у жены. Я думаю, она боялась его. Очевидно, уже тогда у него появились признаки сумасшествия, что и привело ее к вам, которого она всегда любила. Чарльз Чэндлер решил отомстить. Его жена утонула. Они были в лодке одни, и один Бог знает, как это произошло. Потом он перенес ненависть на мальчика, который носил его имя, но не был его сыном.

Ваши индийские истории навели его на мысль об отравлении беленой. Жажда крови овладела вовсе не Хью, а адмиралом Чэндлером. Это он перерезал овец на пустынном пастбище. — Пуаро перевел дыхание. — Знаете когда у меня впервые зародилось подозрение? Когда я узнал, что адмирал категорически отказывается показать сына врачу. Для Хью такой отказ был естествен. Но отец?! Ведь могло существовать лекарство, которое спасло бы сына, — да есть сотня причин, по которым он постарался бы узнать мнение врача, будь он заинтересован в благополучном исходе дела. Но врачу не позволили осмотреть Хью, так как опытный специалист сразу же понял бы, что молодой Чэндлер совершенно нормален.

Хью тихо произнес:

— Нормален... Значит, я вправду здоров?

Он шагнул к Диане. Фребишер низким голосом сказал:

— Ты вполне здоров. В нашем роду не было больных безумием.

— Хью... — Диана тоже шагнула навстречу любимому.

Адмирал Чэндлер поднял ружье, оставленное Хью.

— Все это чепуха? — небрежно объявил он. — Пойду развеюсь. Может быть, удастся подстрелить зайца...

Фребишер кинулся за ним, но рука Эркюля Пуаро удержала его.

— Вы сами говорили, что для мужчины это лучший выход...

Хью и Диана, не замечая никого, вышли из комнаты.

Двое мужчин, англичанин и бельгиец, смотрели вслед последнему из Чэндлеров пересекавшему парк по направлению к лесу.

Вскоре они слышали выстрел.

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ АЛИКС МАРТИН

— До свидания, моя дорогая.

— До свидания, милый.

Опершись на низкую калитку, Аликс Мартин пристально глядела вслед мужу, уходившему в сторону деревни.

Вот он уже у поворота, мгновение — и он исчез из виду, а она все так же стояла и смотрела, машинальна оглаживая пушистые каштановые волосы. Глаза ее излучали задумчивую мечтательность.

Конечно, Аликс Мартин не была красавицей, да и назвать ее просто хорошенькой значило погрешить против истины. И все же, несмотря на возраст, ее лицо сияло такой радостью, таким счастьем, что вряд ли кто из прежних ее коллег признал бы в ней сухонькую, деловитую девушку, в меру способную, исполнительную, но без всякого полета воображения.

Школу она окончила с трудом, долгое время едва сводила концы с концами. До тридцати трех лет она работала стенографисткой — целых пятнадцать лет, да к тому же семь лет из этих пятнадцати на ее попечении была больная мать. Эта тяжелая школа жизни раньше времени сделала суровыми черты некогда мягкого девичьего лица.

Однажды, правда, у нее завязалось что-то вроде романа с Диком Уиндифордом, товарищем по работе. Женским чутьем она поняла, что нравится ему, но виду не подавала. Отношения их были чисто дружескими. Жалованье у Дика было маленькое, и он едва мог выделять из него небольшую сумму для обучения младшего брата. Разумеется, о женитьбе не могло быть и речи.

Случай помог Аликс покинуть постылую ежедневную работу умерла ее дальняя родственница, оставив завещание в ее пользу. Аликс стала обладательницей нескольких тысяч фунтов, которые приносили двести фунтов ежегодной ренты. Эти деньги подарили Аликс свободу и независимость. Теперь то уж можно было смело думать о свадьбе.

Однако Дик после этого сильно переменялся. Он и раньше не говорил Аликс напрямую о своей любви, а теперь такое признание из него нельзя было вытащить и клещами. Дик стал избегать ее, замкнутость и угрюмость появились в его характере. Аликс догадалась, что отныне щепетильность не позволяла ему просить ее руки. Но это еще больше располагало ее к Дику, и она искала возможности самой сделать первый шаг, когда вторая случайность подстерегла ее и резко повернула всю ее жизнь.

Однажды на вечеринке в доме одной подруги Аликс познакомили с Джеральдом Мартином. Он влюбился в нее с первого взгляда. Буквально через неделю состоялась помолвка. Аликс и не подозревала, что способна так потерять голову от любви. Помолвка с Джеральдом расшевелила Дика. При встрече с Аликс он, заикаясь от волнения, в гневе выкрикнул.

— Неужели ты не понимаешь, что он тебе чужой? Ты ведь не знаешь, кто он и что он?

— Зато я знаю, что я его люблю.

— Но ведь вы знакомы только неделю!

— Не всякому нужно дожить до седых волос, чтобы убедиться в своей любви! — рассердилась Аликс.

Дик побледнел.

— Я люблю тебя с той поры, когда впервые увидел. Я думал, что ты отвечаешь мне взаимностью.

– И мне так казалось, – сказала Аликс, – не только до того момента, когда я поняла, что такое настоящая любовь.

Дик впал в неистовство – он просил, молил и под конец стал угрожать своему счастливому сопернику. Аликс была поражена. Она и не подозревала, какой вулкан кипел в груди этого на вид холодного и сдержанного человека.

В это солнечное утро, проводив мужа и все еще стоя у калитки, она припомнила тот давнишний разговор. Подходил к концу медовый месяц, и счастьем ее, казалось, не было границ. Лишь одна мелочь омрачала это чувство когда любимый муж уходил из дома, Аликс охватывало неясное беспокойство. В который раз она вспоминала один и тот же сон: Джеральд лежит мертвый, а над ним стоит Дик Уиндифорд, и она знает, что это он нанес роковой удар. Но страшнее всего было то, что во сне она радовалась смерти мужа и в порыве благодарности протягивала руки убийце. Трижды видела она этот сон, и всякий раз он кончался одинаково: Дик обнимал ее.

Она не говорила мужу про сон, но он волновал ее. Она не могла понять, что он означал – предостережение? Неужели ей нужно опасаться Дика?

Раздавшийся в доме телефонный звонок прервал эти мысли. Она вернулась в дом и сняла трубку.

– Я не расслышала. Повторите, кто это?

– Боже мой, Аликс, что с твоим голосом? Я не узнал тебя. Это я. Дик.

– А... это ты. Откуда ты звонишь?

– Из бара. Я в гостинице. Если не ошибаюсь, она называется «Герб путешественника». Ты слышала о такой гостинице? Я приехал порыбачить на выходные. Ты не будешь возражать, если я вечером наведаюсь к вам в гости?

– Нет, – отрезала Аликс. – Ни в коем случае. Ты не должен приходить.

После некоторого молчания Дик снова заговорил. На этот раз голос его зазвучал по-другому. Холодно и как будто даже пренебрежительно он сказал:

– Прошу прощения. Разумеется, больше я тебя беспокоить не буду.

Аликс поторопилась прервать его. Наверное, он Бог знает что подумал о ней. И правда, нервы у нее совсем расшатались.

– Понимаешь, я хотела сказать, что мы сегодня... в общем, что мы сегодня вечером заняты... – Она постаралась придать голосу естественную небрежность. – Но мы можем принять тебя завтра...

Обмануть Дика ей не удалось, он явно уловил фальшивые нотки в ее голосе.

– Благодарю, – так же холодно отозвался он, – но я скорее всего завтра уеду. Это зависит от приезда моего приятеля. До свидания, Аликс. – И вдруг торопливо, совсем другим тоном проговорил:

– И желаю тебе счастья.

Аликс с облегчением положила трубку. «Ему нельзя сюда приходить, ни в коем случае, – твердила она про себя. Боже, какая я глупая. А может, мне вправду хочется, чтобы он пришел? Нет-нет, хорошо, что я ему отказала!»

Взяв со стола соломенную шляпку, она снова вышла в сад. По пути оглянулась, чтобы в который раз глянуть на вывеску над входом. Там было написано:

«КОТТЕДЖ ФИЛОМЕЛЫ»

– Не правда ли, странное название? – сказала она однажды Джеральду еще до свадьбы.

– Малышка моя, – с любовью ответил он, – разве ты не знаешь, что Филомела – это поэтический символ соловья. Соловьи поют для влюбленных. Мы будем слушать их вечерами на пороге нашего собственного дома.

Жар счастливых воспоминаний охватил Аликс.

Этот коттедж отыскал Джеральд. Однажды он пришел возбужденный и сказал, что наконец нашел, что им нужно: чудесный дом, просто прелесть, такая удача бывает редко. Аликс тоже была очарована коттеджем. Правда, стоял он на отшибе, и до ближайшей деревни было мили две, но сам дом и впрямь был чудесен: добротной старой постройки, с ванными комнатами, горячей водой, телефоном, электричеством. В общем, он так понравился Аликс, что ни о каком другом доме она уже не могла думать. Единственный минус заключался в том, что дом не сдавался внаймы – владелец хотел продать его за наличные деньги.

Джеральд, располагавший неплохим доходом, не мог трогать свой основной капитал, и на покупку дома у него была лишь тысяча фунтов. Просили же за дом втрое больше. Аликс, очарованная домом, решила вложить в покупку дома половину своих денег. Ее капитал легко можно было реализовать по предъявлении чека.

Вот так «Коттедж Филомелы» перешел в их собственность, и Аликс ничуть об этом не жалела. Слугам, конечно, не нравилась уединенность дома, и нанять их было трудно. Но Аликс успела соскучиться по домашней работе, ей нравилось наводить порядок в доме, вести хозяйство, готовить еду – в общем, создавать уютное семейное гнез-

дышко. Дом окружал великолепный сад с отличным цветником, за которым ухаживал старый садовник, живший в соседней деревне и приходивший в коттедж дважды в неделю.

Повернув за угол дома, Аликс, к своему удивлению, увидела работающего садовника. Он работал у них по понедельникам и пятницам, а ведь сегодня была среда?

— Джордж, почему вы здесь? — спросила она, подойдя ближе.

Садовник поднялся с колен, поправил кепку и улыбнулся.

— Я так и знал, мэм, что вы удивитесь. Просто сквайр в пятницу устраивает для всех праздник, я и подумал, что вы не будете против, если вместо пятницы я приду в среду.

— Разумеется, — сказала Аликс. — Надеюсь, что вы хорошо повеселитесь.

— Еще бы, — хихикнул Джордж. — Когда полон стол всякой еды и питья и можно есть вволю, и ничего не надо платить... Наш сквайр всегда щедр с арендаторами. — Садовник посерьезнел. — Да, мэм. поскольку я уже не увижу вас до вашего отъезда, может, у вас какие указания будут? Вы не решили, когда вернетесь?

— Да я и не собираюсь никуда.

— Как? Разве вы не едете завтра в Лондон? — удивился садовник.

— Вовсе нет. С чего вы это взяли, Джордж?

Садовник пожал плечами.

— Вчера в деревне я видел хозяина, и он сказал, что вы вместе собираетесь ехать в Лондон, а когда вернетесь неизвестно.

– Ерунда какая-то! – рассмеялась Аликс. – Вы, наверно, чего-то не поняли.

И все-таки она задумалась. Что же такое сказал Джеральд на самом деле? Лондон? У нее и в мыслях не было такого.

– Не люблю Лондон! – вырвалось вдруг у нее.

– Угу... – протянул Джордж понимающе. – Я, видно, и вправду что-то перепутал, хотя... Вроде мистер Мартин ясно говорил. Ну, да я рад, что вы остаетесь. Что толку ездить! Меня и самого не тянет в этот Лондон. Там сейчас сплошные автомобили. А уж когда человек покупает машину, он и на месте усидеть не может. Вот и мистер Эймз, который вам дом продал, такой тихий был и спокойный, пока не купил машину. А через месяц после того объявил, что продает дом. Он ведь вложил в него кучу денег – и электричество провел, и краны поставил в каждой спальне, и все такое. Я ему еще сказал: «Вы своих денег никогда не увидите». А он мне в ответ: «Зато я продам дом за две тысячи наличными». Так оно и получилось.

– За три тысячи, – улыбаясь, поправила садовника Аликс.

– Да нет, за две, – упрямо повторил старик. – Тогда все кругом говорили об этой сделке.

– Но он получил ровно три тысячи, – настаивала Аликс. Джордж покачал головой.

– Женщины всегда путаются в цифрах. Не скажете же вы, что мистер Эймз был настолько нагл, что запросил с вас три тысячи?

– Переговоры вела не я, а муж.

Джордж снова наклонился над клумбой.

– А все-таки цена была две тысячи, – упрямо сказал он.

Аликс не стала спорить. Пройдя к одной из дальних клумб, она решила сорвать несколько цветков. По дороге назад среди травы и листьев она заметила какой-то небольшой предмет темно-зеленого цвета. Аликс нагнулась. Это оказалась записная книжка Джеральда. От нечего делать она раскрыла ее и стала листать записи.

Почти со дня свадьбы она заметила, что эмоциональный и импульсивный Джеральд в обыденной жизни был чрезвычайно педантичен. Он хотел, чтобы они ели всегда в одно и то же время, дотошно рассчитывал свои дела по часам на каждый день и вел для этого такие записи.

Листая книжку, она нашла одну забавную запись. Вверху стояла дата 14 мая, а чуть ниже было написано:

«Женитьба на Аликс. Церковь Св. Петра, 2.30».

«Глупенький, – улыбнулась Аликс, – неужели он боялся забыть об этом?» Она перевернула страницу. Что это? «18 июня, среда». Это же сегодняшний день! Аккуратным почерком Джеральда было записано: «9 ч. вечера». И все. «Что у него «за планы на это время?» – удивилась Аликс. Мысль о том, что если бы у Джеральда были любовные тайны, то эта книжка непременно бы их выдала, вызвала у нее улыбку. Ведь Джеральд так педантичен! Он обязательно записал бы имя другой женщины. Она перелистнула последние страницы книжки. Сплошные даты, деловые записи и только одно женское имя – ее собственное. Но, возвращаясь в дом, она все же чувствовала беспокойство, причину которого не могла понять сама. На мгновение ей показалось, что рядом стоит Дик и повторяет давние слова: «Он тебе совершенно чужой. Ты ведь не знаешь, кто он и что он!»

В самом деле, что она знала о Джеральде? А ведь ему уже сорок, и у него, конечно, были раньше и другие женщины. Не стоит об этом думать, решила она, есть более важные дела. Надо ли, кстати, говорить Джеральду о звонке Дика? Не исключено, что муж встретил его в деревне. Тогда он наверняка упомянет об этом, и вопрос решится сам собой. Или же... Тут Аликс поняла, что особого желания рассказывать о звонке у нее нет. Стоит ей заикнуться об этом, Джеральд обязательно пригласит Дика в гости, но тогда придется объяснять, что Дик сам напрашивался в гости, а она ему отказала. Естественно Джеральд спросит, почему, а что она может ответить? Рассказать свой странный сон? Да муж поднимет ее смех или заподозрит – что еще хуже, – будто у нее есть какие-то тайные чувства к Дику, которые она пытается скрыть.

Стыдясь самое себя, она все же решила промолчать. Впервые она что-то скрывала от мужа, и это мучило ее.

Джеральд вернулся домой, когда до ужина оставалось совсем немного. Она заторопилась на кухню и сделала вид, что занята приготовлением еды, чтобы ее смущение не бросалось в глаза. Поняв, что муж не встретил Дика, Аликс облегченно вздохнула, но чувство стыда по-прежнему не давало ей покоя.

После ужина, когда они расположились в уютной, отделанной дубовыми панелями столовой и через распахнутые окна шли волны душистого ночного воздуха из сада, Аликс вспомнила про находку.

– Вот чем ты поливаешь цветы, – улыбаясь, сказала она и бросила записную книжку на колени мужу.

– Наверно, выронил на прогулке.

– Теперь я знаю все твои тайны.

– Никаких тайн, – покачал головой Джеральд.

– А кому это ты назначил свидание в девять вечера?

– А... это... – Казалось, на мгновение Джеральд растерялся, но тут же овладел собой и превесело улыбнулся. – Сознаюсь: у меня свидание с одной красивой девушкой, у которой каштановые волосы и голубые глаза. В общем, точь-в-точь похожа на тебя.

– Не понимаю, – Аликс сделала вид, что говорит очень серьезно, – ты не хочешь признаться откровенно?

– Ну, что ты. – Джеральд продолжал улыбаться. – Это всего лишь напоминание самому себе. Я хотел проявить несколько негативов. Будет славно, если ты мне поможешь.

Джеральд всерьез увлекался фотографией. У него был хороший фотоаппарат, правда устаревшей модели, но зато с отличной оптикой. В подвале дома он оборудовал целую лабораторию.

– И, конечно, проявкой нужно заняться ровно в девять, поддразнила Аликс мужа.

– Послушай, моя милая, – на этот раз в голосе Джеральда появились нотки раздражения, – чтобы хорошо сделать работу, нужно все заранее спланировать.

Аликс промолчала и некоторое время смотрела на мужа. Откинувшись на спинку стула, он курил. Его резко очерченное лицо контрастно выделялось на темном фоне окна. Непонятный страх вдруг охватил Аликс. Не в силах сдержаться, она воскликнула:

– Ах, Джеральд! Мне бы так хотелось узнать о тебе больше.

Он с удивлением повернулся к ней.

– Больше? Дорогая моя, но я ведь все о себе рассказал. Ты знаешь о моем детстве в Нортумберленде, о том, как я жил в Южной Африке, как потом перебрался в Канаду и за десять лет жизни там сумел разбогатеть.

– Ну, – протянула Аликс, – это все дела. Джеральд с понимающим видом засмеялся.

– А-а, теперь мне ясно... Все женщины одинаковы. Тебя интересует моя личная жизнь. Аликс смущенно пробормотала:

– Но ведь у тебя... были другие женщины. То есть, я хочу сказать...

Она замолчала. Джеральд посуровел.

– Уж не считаешь ли ты меня Синей Бородой? – Голос его звучал строго. – Да, у меня были другие женщины, но клянусь тебе, ни одна из них не значила для меня так много, как ты.

Он говорил искренне, и Аликс успокоилась. Джеральд смягчился.

– Надеюсь, ты удовлетворена? – Он смотрел на Аликс с любопытством. – Но почему ты заговорила об этом именно сегодня?

Аликс поднялась с кресла и нервно зашагала по комнате.

– Сама не знаю. У меня весь день на сердце тревога.

– Странно, – вполголоса проговорил Джеральд, покачивая головой. – Очень странно.

– Почему странно?

– Милая моя, ведь ты обычно такая спокойная и ласковая!

Аликс заставила себя улыбнуться.

– Как назло, меня сегодня все раздражает, – сказала она.
– Начать с того, что наш садовник почему-то решил, что мы едем в Лондон. Сказал, что слышал об этом от тебя.

– Где ты его видела? – Джеральд даже привстал со стула.

– Он приходил сегодня, чтобы отработать за пятницу.

– Старый дурак! – вырвалось у Джеральда.

Аликс удивилась, увидев, как исказилось при этом лицо мужа. Такое злобное выражение она видела у Джеральда впервые. Заметив ее реакцию, Джеральд взял себя в руки.

– Старик и впрямь выжил из ума, – тоном ниже повторил он.

– А что ты ему сказал?

– Я? Ровным счетом ничего. Хотя, постой... Как-то я пошутил насчет поездки в Лондон, а он, верно, приняв это всерьез. К тому же он слегка глуховат: Но ты, надеюсь, объяснила ему?

– Конечно. Правда, он из тех людей, которые если вобьют что-то себе в голову, то уж потом до смерти стоят на своем.

Тут Аликс рассказала о том, как садовник настаивал, что за дом было заплачено всего две тысячи. Джеральд немного помолчал, а затем сказал:

– Я знаю, откуда у старика такое заблуждение. Дело в том, что Эймз получил наличными две тысячи, а оставшуюся тысячу – по закладным.

– Ну, вот, все объяснилось очень просто, – с облегчением вздохнула Аликс и, взглянув на часы, лукаво заметила:

– По-моему, нам пора приниматься за работу. Мы опоздали на целых пять минут.

– Я передумал, – произнес Джеральд, странно улыбаясь. Отложим занятие фотографией на другой раз.

Воистину непостижим ум женщины. Засыпая в тот вечер, Аликс была спокойна и безмятежна. Тучи, закрывавшие небеса ее счастья, рассеялись, и она могла быть довольна жизнью, как и прежде. Однако к вечеру следующего дня беспокойство снова овладело ею. Дик больше не звонил, но подспудно она понимала, что причина ее беспокойства кроется в нем. Опять и опять она вспоминала его слова о Джеральде. А рядом возникало лицо мужа, когда он говорил; «Уж не считаешь ли ты меня Синей Бородой?» Теперь ей казалось, что он сказал это с явной угрозой, предостерегая от того, чтобы она копалась в его прошлой жизни.

Утром в пятницу Аликс проснулась уже с твердым убеждением, что у Джеральда есть другая женщина. Ревность стала овладевать ею медленно, но неудержимо. Он явно назначил свидание на 9 часов вечера, а про негативы выдумал на ходу, решила она.

Еще несколько дней назад она была уверена, что знает мужа, как свои пять пальцев. Но вот сейчас он представлял перед ней чужим человеком, незнакомцем, о котором она почти ничего не знала. А эта странная злоба, когда она сказала о Джордже! Обычно Джеральд абсолютно уравновешен. Получилось так, что пустяк на многое раскрыл ей глаза.

В пятницу она решила пойти в деревню за покупками. К ее удивлению, Джеральд настоял на том, чтобы она осталась дома. Он сказал, что ходит в деревню сам. Она согласилась, но настойчивость мужа не на шутку ее встре-

вожила. И вдруг она подумала, что Джеральд мог встретить в деревне Дика, и, может быть, он точно так же ревнует ее, как она его! Вот и объяснение. Джеральд явно не хочет, чтобы она – даже случайно – встретилась с Диком. Эти мысли успокоили Аликс, и она принялась за домашнюю работу.

И все же через небольшое время беспокойство опять вернулось к ней. Она пыталась подавить в себе желание заглянуть в комнату Джеральда, возникшее у нее, как только он ушел. Наконец она придумала убедительный предлог для самой себя: ей нужно убраться в комнате мужа. «Если бы у меня была прямая уверенность!» – думала Аликс. Она пыталась внушить себе мысль, что если Джеральд и был в чем-то виноват, то, разумеется, давно уничтожил бы все следы. Но тут же она находила возражение: мужчины бывают так сентиментальны, что порою хранят всякие мелочи долгие годы. В конце концов Аликс не выдержала. Захватив тряпку, будто бы для уборки, она вошла в комнату мужа и, торопясь, с горящими от стыда щеками, принялась просматривать его бумаги. Она пересмотрела письма, документы и даже заглянула в карманы одежды Джеральда. Оставались два запертых ящика в письменном столе и в комод. Почему-то Аликс была уверена, что именно там найдет улики, подтверждающие существование той женщины из прошлой жизни мужа. Она вспомнила, что видела забытые Джеральдом ключи внизу на буфете. Сходяв за ними, она принялась подбирать ключи к замкам. Третья попытка оказалась удачной – она открыла ящик письменного стола. Аликс обнаружила там бумажник, набитый деньгами, и пачку писем, перевязанную тесьмой.

Задыхаясь от волнения, она развязала пачку и принялась читать. Боже, это были ее собственные письма, написанные Джеральду до замужества! Она положила все обратно и закрыла ящик.

Уже не из особого интереса, а просто чтобы довести дело до конца, она стала подбирать ключ к комоду. Ни один из ключей Джеральда, как назло, не подходил. Тогда она прошла по дому и захватила все связки ключей, какие могла отыскать. Наконец, после многих попыток – подошел ключ от гардеробной. Аликс выдвинула ящик, но ничего, кроме свертка пожелтевших газетных вырезок, там не нашла.

С облегчением она распрямилась. Из любопытства – ради чего их хранит Джеральд? – она развернула газетные вырезки. Это были статьи и заметки из американских газет прошлых лет. Везде речь шла о некоем многоженце-мошеннике Чарльзе Леметре. Он подозревался в убийстве женщин, доверившихся ему. Под полом дома, в котором жил Леметр, был найден женский скелет. Было крайне подозрительно и то, что женщины, на которых он женился, впоследствии бесследно исчезали. Был затеян грандиозный судебный процесс, однако с помощью знаменитого американского адвоката Леметр парировал предъявленные ему обвинения в убийстве. Суду присяжных ничего не оставалось, как признать недоказанность преступления. И хотя за какие-то мошеннические проделки он все же был приговорен к тюремному заключению, главное обвинение с него сняли.

Аликс припомнила, сколько шума наделал в свое время этот процесс, а затем побег Леметра из тюрьмы. Поймать

его не удалось, и еще долго личность преступника и его необычайная власть над женщинами были дежурной темой для английских газет. Особенно любили журналисты описывать поведение Леметра в суде – его возбужденное состояние, страстные протесты и внезапные обмороки, хотя некоторые несведущие люди называли их ловкой симуляцией.

В одной из вырезок Аликс наткнулась и на фотографию преступника. Благообразная длинная борода делала его похожим на джентльмена, занимающегося наукой. Вглядевшись внимательно, Аликс, к своему изумлению, узнала в Леметре Джеральда! Особенно были похожи глаза и брови. Она прочитала заметку под фотографией. Ей показалось, что некоторые даты, приведенные там, она видела в записной книжке Джеральда. Это были дни, когда он совершал расправы над своими жертвами. Одна из свидетельниц упоминала о том, что узнала Леметра по маленькой родинке на кисти левой руки.

Аликс почувствовала тошноту. Она припомнила, что как раз в этом месте у Джеральда был небольшой шрам. Все покачнулось перед ее глазами. Уже потом, задним числом, она удивлялась, как удалось ей сразу поверить, что Леметр и Джеральд Мартин – одно и то же лицо. Словно она всегда это знала.

Какие-то отдельные эпизоды, малозначительные штрихи стали всплывать в ее памяти, заполняя недостающие звенья: ее собственные деньги, уплаченные за дом, облигации, которые она отдала Джеральду по его просьбе, и многое другое. Выходило, что – и сон ее был в руку. Подсознательно она всегда боялась Джеральда Мартина и

ждала помощи от старого верного друга Дика Уиндифорда. Но это значит... это значит, что и она должна стать жертвой Леметра!

Аликс вскрикнула, припомнив запись в его книжке:
...среда, 9 ч. вечера».

Он все запланировал на тот день! И, верный себе, записал это в книжке. Убийство для него такое же дело, как всякое другое,

Почему же он все-таки не решился убить ее в тот вечер? Пожалел? Сомнительно. И тут ее осенило: старый Джордж – вот кто спас ей жизнь! Недаром Джеральд так рассвирепел. Ведь он уже подготовил почву, рассказывая всем об их мнимых планах поездки в Лондон. Но поскольку Аликс сказала садовнику, что вовсе не собирается в Лондон, Джеральд решил не рисковать – ведь старик наверняка запомнил ее слова. А что было бы, не скажи она мужу о разговоре с Джорджем! Страшно подумать...

Она поняла, что нельзя терять времени. Бежать отсюда, немедленно бежать! Торопливо положив газетные вырезки на место, Аликс; заперла ящик. И в этот момент она услышала скрип калитки. Он возвращается! На мгновение Аликс растерялась. Затем подошла к окну и осторожно глянула из-за занавески.

Джеральд шел по дорожке, улыбаясь и напевая какую-то песенку. Аликс почувствовала, как судорожно сжалось у нее сердце. Он нес в руках новенькую лопату! Значит, это должно произойти сегодня вечером. Еще не все потеряно. Она может успеть... Аликс бросилась вниз по лестнице. Но едва выскочив с черного хода, она лицом к лицу столкнулась с Джеральдом, появившимся с другой стороны дома.

– Привет, дорогая! Куда это ты торопишься? – удивился он.

Аликс изо всех сил старалась не выдать своего волнения. Нужно собраться с силами и выждать, пока не появится новая возможность бежать.

– Видишь ли, я просто хотела пройтись по тропинке туда и обратно. – Аликс со страхом почувствовала, что голос ее звучит слабо и неестественно.

– О'кей, – сказал Джеральд. – Я пройду с тобой.

– О, нет... Джеральд, не нужно. У меня что-то разыгралась мигрень, да и нервы шалят. Лучше я побуду одна.

Джеральд внимательно посмотрел на нее и как будто что-то заподозрил.

– Да что с тобой? Ты вся бледная и дрожишь.

– Не беспокойся, – улыбнулась Аликс, пытаясь казаться естественной, – у меня болит голова – вот и все. Надеюсь, свежий воздух пойдет мне на пользу.

– Ну, нет, я не покину тебя в такую минуту, – со смехом заявил Джеральд. – Как примерный муж я должен сопровождать тебя в любом случае.

Она не решилась отказываться и дальше. Он ни в коем случае не должен заподозрить, что она знает о его намерениях. Аликс удалось собраться и взять себя в руки. И все же она подметила, что несколько раз во время прогулки Джеральд искоса бросал на нее подозрительные взгляды.

По возвращении в дом Джеральд настоятельно предложил ей лечь, затем принес одеколон, чтобы потереть ей виски. Словом, он вел себя как заботливый, любящий муж. Но от этого Аликс чувствовала себя еще беспомощней.

Джеральд ни на минуту не оставлял ее одну. Даже когда

она пошла на кухню за ужином, приготовленным заранее, он отправился вместе с ней.

Аликс с трудом заставляла себя есть, ибо кусок не лез ей в горло. А ведь при этом надо было казаться веселой и похожей на ту любящую жену, которой она была еще вчера. Но она знала, что речь идет о ее жизни, и это придавало ей силы. Она в одиночку противостояла этому человеку, помощи ждать было неоткуда. До деревни несколько миль, и почти невероятно, что кто-то случайно заглянет к ним. Единственный шанс – усыпить подозрения мужа и хотя бы на пару минут остаться одной. Тогда она могла бы спуститься в холл и по телефону позвать на помощь.

А может, повторить ситуацию с садовником? Что, если сказать Джеральду, что днем звонил Дик и собирается вечером их навестить? Она почти было решилась на это, но в последнее мгновение передумала. Во-первых, слишком похоже на первый раз, а, во-вторых, это, наоборот, может подстегнуть Джеральда. Аликс чувствовала, как под маской внешнего спокойствия он скрывает радостное возбуждение. Да, скажи она ему о Дике, он тотчас убьет ее, а потом позвонит Дику и наплетет какую-нибудь небылицу о срочном отъезде и так далее. Ах, если бы Дик сам догадался прийти к ним! Если бы он... В этот момент Аликс осенило. Она осторожно глянула на мужа, боясь, что он прочтет по глазам ее мысли. Теперь, когда она придумала план спасения, нужно быть особенно осторожной. Мужество вернулось к ней, а с, ним – и естественность поведения.

Приготовив кофе, она вынесла его на веранду. Они любили сидеть здесь вечерами, когда была хорошая погода.

– Кстати, – сказал Джеральд, отхлебнув глоток, – сегодня займемся фотографией, чуть позднее.

Холодный пот выступил у нее на спине, но самым естественным тоном она сказала:

– Я сегодня немного устала. Может быть, ты займешься этим один?

– Ну, это совсем недолго. – Джеральд улыбнулся, забавляясь скрытым смыслом своих слов. – И к тому же я обещаю тебе, что твою усталость после этого как рукой снимет.

Аликс стало страшно. Надо торопиться с планом спасения! Сейчас – или никогда.

Она небрежно встала.

– Пойду, позвоню мяснику.

– Мяснику? Так поздно?

– Ну да. Магазин его, конечно, уже закрыт, но он наверняка дома. А я хочу, чтобы завтра он принес мне телячьи отбивные, пока их кто-нибудь не перехватил. Завтра ведь суббота!

Не давая Джеральду опомниться, она быстро ушла с веранды и закрыла за собой дверь. Она слышала, как он бросил ей вслед: «Не закрывай дверь», но тут же спокойно отозвалась:

– Нет-нет, иначе налетит мошकारа. Или ты боишься, что я буду кокетничать с мясником?

Оказавшись в холле, она схватила телефонную трубку и набрала номер гостиницы, в которой остановился Дик. Ее тут же соединили.

– Мистер Уиндидорф?.. Извините. А можно его позвать?

Аликс вздрогнула: дверь в холл открылась, и вошел Джеральд.

Она капризно надула губы:

– Джеральд, ты же знаешь, я не люблю, когда мои разговоры слушают.

Но он только рассмеялся и поудобнее уселся на стуле.

– Ты и вправду звонишь мяснику? – спросил он с явной насмешкой.

В отчаянии Аликс закусила губу. Ее план проваливался. Сейчас к телефону подойдет Дик, но что она может сказать? Крикнуть в трубку, прося помощи? Слишком рискованно. Неизвестно, как на это отреагирует Джеральд. Нервничая, она машинально то нажимала на рычаг телефона, то отпускала его. И тут ее осенило второй раз: когда она нажимает рычаг, на том конце ее не слышно!

«Это будет очень, очень трудно, – подумала она. Главное, не забыть, что я разговариваю с мясником. Но другого шанса у меня нет».

И тут она услышала в трубке голос Дика. Набрав воздуха, она стала говорить:

«Это миссис Мартин из «Коттеджа Филомелы». Прошу вас прийти (она нажала рычаг) завтра утром. Мне нужно шесть телячьих отбивных (рычаг отпущен). Это крайне важно (рычаг нажат). Спасибо, мистер Хоксуорси. Извините за поздний звонок, но эти котлеты для меня (рычаг отпущен) дело жизни и смерти (рычаг нажат). Значит, договорились, вы приходите завтра утром (рычаг отпущен) как можно раньше».

Она повесила трубку с таким чувством, будто совершила тяжелую физическую работу.

– По-моему, ты слишком любезна с мясником, – сказал Джеральд.

Аликс пожала плечами.

– Как всякая женщина.

Кажется, он ничего не заподозрил. А Дик наверняка встревожен. Он, конечно, мало что понял, но обязательно придет.

Пройдя в гостиную, Аликс включила свет. Джеральд вошел следом и с любопытством спросил:

– Ты, кажется, развеселилась?

– Пожалуй, – сказала она. – К счастью, у меня перестала болеть голова.

Она села и улыбнулась мужу. Теперь она спасена! Сейчас половина девятого. До девяти Дик успеет прийти.

– Сегодня кофе был хуже обычного, – поджал губы Джеральд. – Какой-то слишком горький.

– Это новый сорт, дорогой. Но если тебе не нравится, я больше не буду его покупать.

Аликс взяла вышивку, а Джеральд уткнулся в книгу. Прочитав несколько страниц, он поднял голову и глянул на часы.

– О, пора идти в подвал, приниматься за проявку.

Вышивка выскользнула из рук Аликс. Наклонившись за ней, она просительно сказала:

– Нет-нет, давай подождем немного – до девяти.

– Видишь ли, дорогая, я планировал эту работу на половину девятого. Мы и так запоздали. Раньше сделаем работу раньше ляжем спать.

– Но я хочу закончить узор.

– Ты знаешь, что я тверд в своих правилах. Идем сейчас же. Я не хочу ждать ни минуты.

Аликс подняла голову и ужаснулась. Джеральд отбросил маску доброго мужа. Глаза его возбужденно блестели, пальцы нервно перебегали по столу, он то и дело облизывал пересохшие от волнения губы. Он уже и не пытался скрыть свое состояние. «Да ведь он в самом деле уже не может ждать, – подумала она. – Он похож на сумасшедшего».

Джеральд подошел к ней и, резко взяв за плечи, заставил подняться.

– Идем же! А то я понесу тебя на руках.

Он сказал это как будто весело, но в его тоне была что-то мрачное и угрожающее.

Собрав силы, она сумела вырваться из его рук и, съевшись от страха, отступила назад, к стене. Убежать невозможно, – а он все ближе и ближе...

– Джеральд! – вскрикнула она. – Постой! Я должна тебе кое в чем признаться.

Слава Богу, остановился.

– Признаться? – Джеральд явно был заинтригован.

– Ну, да.

Она выдумала это только что, но отчаянно цеплялась за единственную возможность отсрочить время.

– Бывший любовник? – презрительно усмехнулся он.

– О, нет! Это то, что называется... Короче говоря, это преступление.

Она увидела, что сделала точный ход. Джеральд явно заинтересовался. Аликс успокоилась и почувствовала, что игру снова ведет она.

– Сядь, пожалуйста, – сказала она мужу и сама спокойно опустилась в кресло. У нее даже хватило выдержки

снова взяться за вышивку. При этом мозг ее лихорадочно работал – она придумывала продолжение своей лжи. Рассказ должен быть достаточно длинным и занимательным, чтобы удерживать внимание Джеральда до прихода Дика.

Начала она медленно, издалека.

– Помнишь, я рассказывала тебе, что пятнадцать лет работала стенографисткой?

Джеральд кивнул.

– Я говорила тебе не всю правду. Дважды у меня были перерывы в работе. Первый раз, когда мне исполнилось двадцать два года. Я познакомилась с пожилым человеком, у которого был небольшой капитал, и он сделал мне предложение. Мы поженились. А потом, – Аликс сделала паузу, – я уговорила его застраховать свою жизнь на меня.

Аликс увидела, что Джеральд проглотил наживку. На его лице был написан острейший интерес. Это придало ей еще большую уверенность.

– Понимаешь, у меня возник соблазн. Во время войны, когда я работала в аптеке, у меня был доступ к некоторым редким лекарствам и ядам. И я кое-что принесла домой.

Тут Аликс сделала вид, что задумалась. Она ясно видела, что Джеральд нетерпеливо ждет продолжения. Что ж, убийце интересны убийства! И она точно сыграла на этом. Украдкой Аликс посмотрела на часы – без двадцати девять.

– Есть такой яд, на вид как мелкий белый порошок.

Маленькой щепотки его достаточно, чтобы убить человека. Кстати, ты разбираешься в ядах?

Аликс с тревогой ждала ответа. Вдруг он знаком с ядами, – тогда нужно взвешивать каждое слово.

Джеральд покачал головой, и ответил:

– Практически нет. Почти ничего о них не знаю.

Аликс обрадованно продолжила:

– Может быть, ты слышал о цианидах? Среди них есть такие яды, которые не оставляют следов. Обычно врачи признают разрыв сердца – и все. У меня был яд подобного рода.

Аликс снова замолчала.

– Дальше, дальше, – заторопил ее Джеральд.

– Ох, я боюсь говорить об этом... Может быть, в другой раз.

– Говори сейчас, – в нетерпении возразил он.

– Ну, что ж, попробую. Итак, мы были женаты около месяца. Я была примерной женой и хорошо заботилась о своем пожилом муже. Он нахвалиться на меня не мог, и моя репутация среди соседей была очень высока. По вечерам он любил пить кофе, совсем, как ты. И вот однажды вечером я положила ему в чашку немножко этого смертельного порошка.

Аликс замолчала, сосредоточенно вдевая в иглоку нитку нужного цвета. В эту минуту величайшие актрисы мира могли бы позавидовать ей. Она блестяще играла роль циничной убийцы.

– Все было разыграно, как по нотам. Я смотрела на него, и вот он начал задыхаться, говорить, что в комнате душно. Тогда я открыла окно. Он ослаб и сказал, что не может встать со стула. А немного погодя он был мертв.

Она мягко улыбнулась, как бы отдавшись воспоминаниям. Было уже без четверти девять Дик, безусловно, успеет.

– И сколько ты получила по страховому полису? – с жадностью спросил Джеральд.

– Почти две тысячи фунтов. Но, к сожалению, я решила играть на бирже и разорилась. Пришлось вернуться на работу. Но у меня вовсе не было намерений всю жизнь тянуть лямку. Вскоре я встретила другого человека. Я вернула свою девичью фамилию, и он не знал, что я была уже замужем. Он бил моложе меня и вдвое богаче, чем мой первый муж. Наша свадьба была в Суссексе. Мне, правда, не удалось уговорить его застраховать свою жизнь, но он составил завещание в мою пользу. Он тоже имел привычку пить кофе... – Аликс задумчиво улыбнулась. – Я ведь умею варить очень хороший кофе... – После маленькой паузы она продолжала: – Мы жили с ним в деревне, и я прекрасно помню, как были огорчены наши друзья, когда однажды мой муж умер от разрыва сердца сразу после ужина... До сих пор не пойму, почему меня потянуло вернуться на старую работу. Ведь второй муж оставил мне четыре тысячи фунтов. На бирже я уже не играла, а вместо этого выгодно вложила капитал в надежные акции. А затем...

Джеральд прервал ее рассказ. Лицо его налилось кровью, одной рукой он схватился за горло, а другой показывал на нее. Задышавшись, он выкрикнул:

– Кофе! Боже мой! Кофе!

Аликс с удивлением посмотрела на него.

– Вот почему он был так горек! Дьявол! Ты снова взялась за свои штучки! – Он вцепился в ручки кресла, готовый прыгнуть на нее. – Ты отравила меня!

Аликс отскочила к камину. Она хотела было крикнуть, что это неправда, но поняла, что ее спасение – в наступлении. Собравшись с силами, она твердо посмотрела ему в глаза.

– Да. Я тебя отравила. Это быстродействующий яд. Ты уже не сможешь встать с кресла... Ты не двинешься с места...

Нужно выиграть еще несколько минут!.. И тут она услышала спасительные шаги и резкий скрип калитки. Шум шагов все ближе. Открылась входная дверь.

– Ты не двинешься с места, – упорно повторяла она.

Затем, улучив момент, она стрелой пронеслась мимо Джеральда и выскочила из комнаты. В холле, почти теряя сознание, она уткнулась в Дика Уиндифорда.

– Боже мой, Аликс, что с тобой? – изумился он и, поддерживая ее, обернулся к высокому здоровяку в полицейском мундире:

– Гляньте-ка, что там происходит!

Он осторожно положил Аликс на диван и наклонился над ней.

– Бедная девочка, – нежно сказал он. – Моя маленькая бедная девочка. Что с тобою случилось?

Веки Аликс дрогнули, и она тихо произнесла его имя. Минуту спустя вернулся полицейский и деликатно тронул Дика за рукав.

– Сэр, там все спокойно. Только в кресле сидит человек. У него такое лицо, будто он чего-то сильно испугался и...

– Что такое?

– Он... мертв, сэр.

И тут мужчины вздрогнули, услышав слабый голос Аликс. Она говорила с закрытыми глазами, будто во сне:

– А немного погодя... он был мертв. – Слова прозвучали так, словно она кого-то цитировала.

СТАДО ГЕРИОНА

I

Мисс Кэрнаби взглянула на лицо Пуаро и выдохнула:

– Господин Пуаро, надеюсь, вы извините меня за то, что я вторглась в ваши владения. Вы еще не забыли меня?

Хозяин офиса удивленно поднял брови, но глаза его засверкали насмешкой.

– А, это вы! Одна из самых везучих преступниц, которых я встречал в своей жизни.

– Господин Пуаро! Зачем вы так говорите! Вы же были добры ко мне... Я и Эмилия, мы очень часто вспоминали о вас, и когда о вас писали газеты, то мы всегда вырезали эти заметки для альбома. Мы научили нашего пса новому трюку. Скажешь ему: «Умри за Эркюля Пуаро!» – и он сразу падает, как убитый, и лежит, пока не прикажут встать.

– Поблагодарите его от моего имени, – сказал Пуаро. – А что. Август все такая же умница?

Мисс Кэрнаби восхищенно всплеснула руками:

– Он стал таким умным, таким умным – понимает буквально все! Однажды в парке мы остановились рядом с детской коляской и вдруг я чувствую, что за поводок кто-то дергает. Оказалось, что это Август хочет перекусить его. Ох, и умница!

Пуаро насмешливо сузил глаза.

– Пожалуй, ваш Август тоже не прочь нарушить закон. Но мисс Кэрнаби шутки не поняла. Лицо ее омрачилось.

– Господин Пуаро, если б вы знали, как я волнуюсь... Мне даже кажется иногда, что я в самом деле настоящая преступница... Я очень часто начинаю строить всякие планы.

– Что еще за планы?

– Самые невероятные. Скажем, вчера ко мне пришла, блестящая идея: как лучше всего ограбить почтовое отделение. Она пришла ко мне сама по себе, без моей воли. – Или вот еще: я придумала оригинальный способ прохождения таможенного досмотра без уплаты пошлины. Думаю, что это замечательный и безупречный способ.

– Охотно верю, – сухо обронил Пуаро.

– Да-да, – поддакнула мисс Кэрнаби. – Но я очень беспокоюсь, господин Пуаро. Вы же знаете, как строго я воспитана – раньше мне такие мысли и в голову не приходили. Наверно, оттого, что у меня уйма свободного времени, ко мне и приходят разные мысли. С леди Хоггин я рассталась, а сейчас меня взяла компаньонкой одна пожилая леди. Обязанности у меня несложные: пишу для нее письма да читаю ей вслух книги. Но вот беда какая: как только я начинаю читать, она тотчас же засыпает, ну, а я сижу без дела и думаю. А дьявол не дремлет: видит, что человек сидит без дела, ну, и подкидывает ему всякие дрянные мысли.

– Уж конечно, – кивнул Пуаро.

– На днях я прочитала книгу, – продолжала мисс Кэрнаби, и там пишут, что в каждом человеке дремлют темные инстинкты. А потом еще было сказано, что надо развивать здоровые чувства и побуждения, чтобы не дать проявиться дурным наклонностям. Я, собственно говоря, поэтому и пришла к вам.

– Говорите, говорите, – сказал Пуаро. – Я внимательно вас слушаю.

– Так вот, господин Пуаро, я думаю, что если человек хочет жить интересно, в этом нет ничего дурного. Не моя жизнь сейчас – это сплошное прозябание! В той книге было также написано, что если человек не помогает другому человеку в его беде, он заслуживает всяческого порицания.

– То есть вы хотите сказать, что я должен взять вас в свои помощницы? – напрямую спросил Пуаро. Мисс Кэрнаби смущенно потупила глаза.

– Я понимаю, что это беспардонно – просить вас об этом, но я помню о вашей доброте...

Она умолкла, и только глаза ее с немой мольбой смотрели на Пуаро. В этот миг она была похожа на собаку, преданно смотрящую в глаза хозяину, когда тот собирается на прогулку.

– Что ж, здесь есть над чем подумать, – произнес Пуаро с задумчивым видом.

– Я, может быть, и не слишком умна, – продолжала мисс Кэрнаби, – но зато я умею держать язык за зубами и, если надо, хорошо притворяться. А это при моей работе очень ценное качество – иначе меня давно бы уволили. Я давно убедилась: чем глупее выглядишь, тем лучше к тебе относятся.

Пуаро засмеялся:

– Вы само очарование, мадемуазель.

– Ах, господин Пуаро, ваша доброта беспредельна. Знаете, я недавно получила наследство... О, совсем небольшое, но это позволит нам с сестрой прожить безбедно, не заботясь о черном дне.

– Нужно подумать, где лучше всего использовать ваши таланты, – сказал Пуаро. – Может быть, у вас самой есть соображения на этот счет?

– Вы просто отгадываете мои мысли! – ахнула мисс Кэрнаби. – Видите ли, у меня есть одна подруга, которая меня очень беспокоит, об этом я и хотела поговорить с вами... Вам, может, покажется, что у меня богатая фантазия, но, поверьте, тут что-то кроется...

– Говорите, говорите, мадемуазель.

– В общем, у меня есть подруга, зовут ее Эмелин Клэг. У нее был муж, который жил на севере Англии. Несколько лет назад он умер, оставив ей большое наследство. Понимаете, детей у них не было, после смерти мужа ее стало угнетать одиночество, и, подобно многим в ее положении, она обратилась к религии. Разумеется, вера может ободрить человека, поддержать его, отвлечь от тяжелых мыслей, но только вера истинная.

– То есть вы хотите сказать, что вашу подругу заманили в одну из неблагоприятных сект?

– Вот именно! А называется она «Паства Великого Пастыря». Эта секта находится в Девоншире, там очень красивое место около моря. Туда все поклонники секты и стекаются, чтобы в уединении, по их словам, найти покой и просветление. А за пастыря у них некий доктор Андерсен, по слухам, очень красивый и видный мужчина.

– И потому у него в секте много женщин, – заключил Пуаро.

– Увы, – вздохнула мисс Кэрнаби, – так оно и есть. Знаете, мой отец тоже был священником и очень красивым мужчиной. Я помню, что прихожанки специально ходили в

церковь, где он служил, чтобы только поглазеть на него.

– Как я понимаю, большинство в секте этого Андерсена составляют женщины, – полувопросительно сказал Пуаро.

– Да, мужчин там очень мало, это либо чудаки, либо маньяки. Все средства секты складываются из пожертвований женщин.

– Ага, вот мы и подходим к главному. По-вашему мнению, эта секта – сплошное надувательство, а доктор Андерсен типичный мошенник?

– Безусловно. Но я беспокоюсь вот почему. Эмелин на днях составила завещание, где указывается, что в случае ее смерти все деньги переходят в фонд секты.

– Кто-то предложил ей это сделать?

– По-моему, нет. Это было ее собственное решение. Она сказала мне, что Великий Пастырь вселил в нее новую веру, она пробудилась для новой жизни, и потому все свои деньги завещает секте. Я бы не обратила на это внимание, если б не одно обстоятельство...

– А именно?

– Дело в том, что некоторые женщины, входящие в секту, весьма состоятельны. И вот трое из таких состоятельных женщин, составившие завещаниям в пользу фонда секты, умерли в нынешнем году.

– То есть деньги получила после их смерти секта?

– Да.

– А как же родственники? Неужели никто не возбудил иска?

– Дело в том, господин Пуаро. – мисс Кэрнаби сделала многозначительную паузу, – что в секте состоят в основном одинокие женщины, не имеющие родни.

Пуаро с пониманием покачал головой.

– Я, разумеется, отдаю себе отчет, как нехорошо подозревать других в злых умыслах, – продолжала мисс Кэрнаби. – К тому же эти бедные женщины умерли не в храме на Зеленых Холмах, а у себя дома, в собственной постели. Но, знаете, господин Пуаро, я бы не хотела, чтобы это случилось и с моей подругой.

Пуаро помолчал несколько минут и наконец проговорил:

– Вы храбрая женщина, мадемуазель, и в самом деле прекрасная актриса. Что вы скажете, если я – предложу вам выполнить одно рискованное поручение?

– Я буду просто счастлива!

– Но риск очень велик, – нахмурился Пуаро. – Чтобы мы смогли докопаться до истины, вам самой придется стать членом Великой паствы. Но сначала вы должны распустить слух, что получили недавно большое наследство. Вы должны сделать вид, будто совершенно разочаровались в жизни, потеряли всякую цель. Когда будете говорить с подругой, усомнитесь – но очень тонко – в том, что ее Великий Пастырь и впрямь велик. Скажите, что вы вообще не верите в силу проповедей и все такое прочее. Насколько я понимаю, она тут же захочет переубедить вас и предложит посмотреть богослужение на Зеленых Холмах. Вы нехотя согласитесь, а уж потом проповеди доктора Андерсена вас безумно покорят и вы станете его верным адептом. Ну, что, мадемуазель, по плечу вам такая роль?

Мисс Кэрнаби скромно улыбнулась.

– Надеюсь, сэр.

II

– Итак, дружище, вы что-нибудь раскопали для меня?

Старший инспектор Джэпп со вздохом развел руками.

– Улов небогат, – с горечью признался он. – Терпеть не могу этих религиозных фанатиков. Водят несчастных женщин за нос без всякой совести. Но тут, похоже, все чисто. Этот малый ведет себя безупречно.

– Ну, а каково его прошлое?

– Я отыскал его досье. Учился в Германии, мог стать приличным химиком, но его внезапно исключили из университета – кто-то донес, что его мать – еврейка. Ну, что еще. Изучал религию разных стран, всякие восточные мифы и так далее, писал на этот счет статьи. Я пробовал было прочитать одну – черт ногу сломит.

– Похоже, он в самом деле фанатик своей веры?

– Скорее всего.

– А женщины, о которых я вам говорил?

– Тоже ничего сверхъестественного. Мисс Эверин – была больна воспалением легких. Миссис Ллойд умерла от колита. Леди Вестерн много лет страдала от туберкулеза. Ну, а мисс Ли умерла от заболевания брюшным тифом – она заразилась им на севере Англии. Я думаю, что здесь нет никакой связи между этими смертями и доктором Андерсеном. Видимо, это обычная случайность.

Пуаро в сомнении покачал головой.

– И все же, дружище, мне этот пастырь представляется новоявленным великаном Герионом, у которого три головы. Ну, а я, как в древнем мифе, должен его победить.

Старший инспектор удивленно поглядел на Пуаро.

– Что это вы, тоже, что ли, начитались всяких мифов?

– Дорогой инспектор, оставьте это мне, если мифология выше вашего разума.

– Я чувствую, дорогой Пуаро, еще немного, и вы сами организуете секту, что-то вроде такого: «Эркюль Пуаро умен, и нет никого на свете умнее его. Аминь».

III

– Какое чудесное место! – восхищенно воскликнула мисс Кэрнаби, поднявшись на холм и глядя вокруг.

– А что я тебе говорила, дорогая Эми!

С небольшого холма, на котором сидели подруги, было видно побережье моря. Море было голубое, под ногами желтела трава, а земля и скалы краснели в лучах заходящего солнца.

Задумавшись, Клэг прошептала:

– Красная земля – это земля надежды. Здесь можно найти уединение...

– А какую удивительную проповедь произнес вчера Пастырь! – подхватила Эми Кэрнаби.

– А сегодня вечером будет еще лучше – ведь начинается праздник Большой паствы.

Большое, ярко освещенное здание, с белыми стенами прихожане доктора Андерсена называли Священной обителью. Здесь и отмечались праздники секты.

В этот вечер в здании собрались члены секты, одетые в овечьи шкуры и сандалии, руки их были обнажены до плеч. В самом центре большого зала на приподнятом постаменте возвышался над своею паствой золотоволосый и голубо-

глазый доктор Андерсен. В руках у него был пастуший посох, весь позолоченный.

Наступил момент, когда доктор поднял посох и в наступившей тишине громко воззвал:

– Где моя паства?

– Здесь, о наш Пастырь! – единым вздохом отозвалась толпа.

– Наполните же сердца свои благодатной радостью и святою молитвой. Сегодня день радости. Вас ждет возвышенная благодать.

– Радость вошла в нас, – отозвались прихожане.

– Печаль и горе исчезли, нет больше боли. Только радость ждет вас.

– Только радость, – откликнулась толпа.

– Сколько ликов у Великого Пастыря?

– Три: золотой, серебряный и медный!

– А сколько тел у паствы?

– Три: плоть, погибель и воскрешение!

– Как войти в паству?

– Через таинство крови.

– Вы готовы к таинству?

– Готовы, о Пастырь!

– Завяжите глаза и вытяните вперед правую руку.

Шелест пронесся по толпе – все завязывали глаза приготовленными заранее зелеными повязками. Мисс Кэрнаби последовала общему примеру.

Великий Пастырь двинулся вдоль выстроившихся в шеренгу верующих. Послышались вскрики, шепот, легкие стоны.

«Сплошное богохульство, – решила про себя Эми. –

Похоже, вокруг меня одни истерички. Подождем, что будет дальше...».

Но вот доктор Андерсен подошел и к ней. Он взял мисс Кэрнаби за руку, подержал ее руку какое-то время, и тут она почувствовала резкую боль.

– Радость принесет вам таинство крови, – проговорил Великий Пастырь и двинулся дальше.

Мисс Кэрнаби сняла повязку и тайком огляделась. Солнце уже садилось, наступали сумерки. Она было решила уйти, но это желание внезапно сменилось весельем, безграничное счастье овладело ею. Уйти? Зачем, когда здесь так хорошо! Она села на землю. О, она совсем не одинока и не несчастна. Ей даны мечты – вот ее счастье, в мечтах она неудержима!

Эми подняла руку, чтобы все живущие на земле прислушались к ней. Завтра же она предложит миру то, что сделает его свободным и счастливым, и больше не будет войн, нищеты, голода... Да, она, Эми Кэрнаби, в силах преобразить мир! А сейчас она просто хочет отдохнуть...

Ноги и руки мисс Кэрнаби безвольно расслабились, и она почти мгновенно уснула... Таинственный, чудный мир сновидений принял ее.

Пробуждение пришло внезапно, как и сон. Эми почувствовала, как сильно затекли ноги, и вообще лежать была очень неудобно. При свете луны мисс Кэрнаби разглядела, что стрелки ее наручных часов показывают без четверти десять. Это ее удивило. Она ведь хорошо помнила, что в этот день закат солнца должен был быть в десять минут девятого. Выходит, она проспала только полтора с небольшим часа! Трудно поверить, но это так.

IV

– Мои инструкции вы должны выполнять точно, – сказал Пуаро мисс Кэрнаби.

– Я готова, господин Пуаро. Можете быть спокойны, я вас не подведу.

– Вы уже упоминали о том, что желаете завещать все свои деньги секте?

– Да, я говорила это самому Пастырю, доктору Андерсену, – Эми иронически улыбнулась. – Я излилась в благодарностях перед ним за то, что он преобразил мою душу и вернул меня в Храм истинной веры. Кажется, я была очень естественной; к тому же и он – прекрасный актер. Слушая его, невозможно усомниться в том, что деньги для него ничего не значат. Он говорит примерно так: «Жертвуйте от сердца своего, а если вам нечего дать – не переживайте. Вы принадлежите пастве, а Пастырь рядом с вами». Я сказала ему, что я хорошо обеспечена, а в скором будущем у меня будет еще больше денег – мол, я получила большое наследство, хотя оно еще юридически не оформлено, но я уже сейчас хочу составить завещание, чтобы после моей смерти все деньги перешли секте, поскольку родственников у меня нет.

– Он принял ваш дар с артистическим благородством?

– Что-то вроде этого. Он был невозмутим. Уверял, что мне суждена долгая жизнь, в течение которой я смогу наслаждаться духовными радостями на Зеленых Холмах в его храме. О, он умеет говорить очень проникновенно!

– Еще бы, – кивнул Пуаро. – Ну, а что вы сказали ему насчет своего здоровья?

– Да, я упомянула, что болела туберкулезом, долго лечилась и сейчас чувствую себя неплохо.

– Превосходно, мадемуазель!

– А почему нужно было говорить о туберкулезе? Я же никогда не болела им.

– Так нужно для дела, – туманно ответил детектив. – А о подруге не забыли сказать?

– Не забыла. По большому секрету я ему намекнула, что, помимо наследства после смерти мужа, Эмелин ждет в несколько раз большее состояние ее тетушки.

– Замечательно. Этим мы выведем миссис Клэг из-под удара. А тем временем...

– Господин Пуаро, вы считаете, что Эмелин и вправду что-то грозит?

– Вот это я должен узнать. Да, вот еще: не приходилось ли вам видеть в Зеленых Холмах субъекта по имени Коул?

– Да, господин Пуаро, в последний раз я действительно встретила там какого-то Коула. Очень странный тип! Ходит в зеленых шортах и ест только сырую капусту.

– Следовательно, все идет, как надо. Остается подождать осеннего праздника паствы.

V

– Постойте, мисс Кэрнаби, прошу вас! – Коул догнал Эми и схватил ее за руку. Глаза его фосфорически заблестели. – Сегодня мне была удивительное видение.

Эми перевела дыхание. Она сильно опасалась Коула, не зная, что о нем думать. Частенько его можно было принять за сумасшедшего.

– Это произошло, когда я решил погрузиться в созерцание полноты жизни. В этот самый момент я вдруг увидел...

Эми подумала, что еще одного рассказа о любовных похождениях древних шумерских богов она не вынесет. Но на этот раз сюжет был иным.

– Я лицезрел самого пророка Илию! – Коул приблизился к мисс Кэрнаби, расширив глаза. – Он спускался с небес в огненной колеснице!

Эми перевела дыхание. С пророком Илией – это уже полегче.

– Он спускался с небес, а внизу темнели жертвенники, много жертвенников, – вдохновенно продолжал Коул, – и тут мне был голос: «Запоминай все, что видишь, и расскажи об этом людям».

Задумавшись, Коул умолк.

– А что же было дальше?

– Дальше? У жертвенных алтарей я увидел множество девушек, обреченных на заклятие. Это были обнаженные девственницы, беспомощные и беззащитные.

Коул облизнул пересохшие от напряжения губы. Мисс Кэрнаби почувствовала, что щеки ее краснеют.

– Ну, а потом в небе появились вороны Одина. Они встретились с воронами пророка Илии и долго летали, описывая круги. А затем враз набросились на девушек и стали выклевывать им глаза. Тут раздались крики, вопли и стоны, а голос все повторял: «Примите жертвоприношение! Сегодня Иегова и Один побратались кровью». После этого жрецы вынули жертвенные ножи и...

Мимо проходил Липскомб, охранявший порядок в

храме на Зеленых Холмах, ревностный фанатик секты, и мисс Кэрнаби с облегчением бросилась к нему от Коула, на губах которого показалась садистская улыбка.

– Простите, вы не видели здесь мою брошь? Я ее где-то обронила...

Липскомб был груб и невоспитан, женщин он ненавидел всей душой. Он сквозь зубы пробормотал, что ему нет дела до чьих-то брошек и ничего искать он не собирается. Но мисс Кэрнаби не отставала от него, пока Коул не остался далеко позади.

В эту минуту из Священной обители появился сам Пастырь. Он шел, ласково улыбаясь, и Эми, набравшись смелости, спросила его, не считает ли он поведение Коула странным.

Великий Пастырь успокаивающе положил руку на плечо мисс Кэрнаби и произнес:

– В вашем сердце страх – изгоните его! Полюбите ближнего своего, и страх исчезнет.

– Но мне кажется порой, что Коул просто сумасшедший. Он рассказывает про такие странные видения...

– Разумеется, его видения странны и несовершенны, кивнул Великий Пастырь, – но кто из нас может похвалиться полным совершенством? Наступит время, когда Коулу явится совершенство духа, как и любому из нас. Нужно только терпеливо ждать обетованного часа.

Эми смутилась и, покраснев, спросила:

– А Липскомб? Почему он так грубо относится к женщинам?

Ласковая, все понимающая улыбка снова озарила лице Великого Пастыря.

– Липскомб – это верный сторожевой пес, – сказал он. Пусть он невежествен и груб, но зато предан, как и полагается псу.

И Великий Пастырь величественно двинулся прочь. Мисс Кэрнаби увидела, что он подозвал к себе Коула, отечески положил ему на плечо руку, что-то сказал. Что ж, будем надеяться, подумала Эми, что Великий Пастырь хоть как-то повлияет на Коула, на темы его странных видений.

До осеннего праздника паствы оставалась всего неделя.

Вечером, за день до праздника, Эркюль Пуаро ждал мисс Кэрнаби в небольшой чайной в соседнем с Зелеными Холмами городишке.

Поздоровавшись, Пуаро спросил:

– Сколько человек будет на празднике?

– Думаю, человек сто двадцать, – ответила мисс Кэрнаби. – Есть и новые, их будут принимать в паству.

– Превосходно. Вы, конечно, знаете, что вам делать.

Эми Кэрнаби промолчала. Пуаро ждал ответа. Наконец она произнесла, вставая из-за столика:

– Я ничего не буду делать, господин Пуаро.

Детектив удивленно уставился на нее.

– Вы хотели, чтобы я следила за нашим добрым Пастырем, – истерически взвинчивая голос, продолжала Эми, – но вы просчитались! Доктор Андерсен – чудесный человек. Он – Великий Пастырь, а я – лишь одна из его паствы. Он зовет людей к добру и миру, мои душа и тело принадлежат ему! Прощайте, господин Пуаро. Не тревожьтесь, я сама заплачу за чай.

Положив деньги на стол, Эми гордо удалилась. Пуаро так задумался, что официанту пришлось дважды окликать

его. Прежде чем детектив сообразил, что ему подают счет. Пуаро рассчитался и, вставая, заметил чей-то внимательный взгляд из-за столика напротив.

VI

В Священной обители вновь собралась паства. Ритуал повторился, как и прежде.

– Вы готовы к таинству?

– Готовы, о Пастырь!

– Завяжите глаза и вытяните вперед правую руку.

Великий Пастырь, шелестя своей зеленой одеждой двинулся вдоль рядов верующих. Фанатичный ясновидец Коул громко вскрикнул от восторга – это игла Пастыря вонзилась в его руку, вытянутую вперед.

Великий Пастырь сделал шаг к Эми Кэрнаби. Он сжал ее руку, и вдруг мисс Кэрнаби услышала шум и возню. Она сбросила повязку. На ее глазах руководитель секты пытался вырваться из рук Коула и еще одного верующего, недавно принятого в паству.

– Доктор Андерсен, вы арестованы, – привычным профессиональным тоном заявил Коул. – У меня есть ордер на ваш арест. Должен вас предупредить, что все что вы скажете, может быть использовано в суде против вас.

Паства пришла в смятение. Кто-то крикнул:

– Это полицейские? Они хотят увести нашего Пастыря!

Толпа зароптала, послышались возмущенные возгласы, но инспектор полиции Коул хладнокровно поднял выпавший из рук Великого Пастыря шприц для инъекций и осторожно спрятал его в портфель.

VII

– Это моя храбрая помощница, – представил Эркюль Пуаро мисс Кэрнаби старшему инспектору Джэппу. – Прошу любить и жаловать.

– Безукоризненная работа, мисс, ей-Богу. безукоризненная, – с уважением покачал головой старший инспектор. – Вы здорово нам помогли, ведь этого монстра не так-то просто было обезвредить.

– Ну, что вы! – Видно было, что мисс Кэрнаби смутилась. – Вы слишком добры ко мне. А я все время боялась сделать промашку, хотя совсем вжилась в роль. Знаете, мне иногда казалось, что я действительно верю в Великого Пастыря.

– Поэтому вам и удалось обвести этого человека вокруг пальца, – произнес Джэпп. – У вас природный актерский дар. До сих пор никому не удавалось поймать на чем-либо этого мерзавца – ведь он всегда был настороже.

– А помните ту ужасную встречу в чайной? – повернулась Эми к Пуаро. – Я было растерялась, но решилась на экспромт.

– Это был лучший в мире экспромт! – восхищенно сказал Пуаро. – Я и сам поначалу растерялся, чуть было не подумал, что вы сошли с ума.

– Да ведь я не знала, что делать. Там напротив есть зеркало, и вот я увидела в него, что за соседним столиком сидит Липскомб. Он явно прислушивался к нашему разговору. Я же не знала, случайно он тут или нет, вот и пришлось разыграть небольшую сценку. Я верила, что вы сообразите, что за этим кроется.

– Я все понял, когда заметил Липскомба – он просто сверлил меня глазами. Потом, когда он вышел из чайной, я организовал за ним слежку. Выяснилось, что он из Зеленых Холмов.

– А что было в шприце? Что-нибудь опасное? – спросила Эми.

Пуаро помрачнел.

– Мадемуазель, – тихо сказал он, – доктор Андерсен хладнокровный и изобретательный убийца. Он давно занимается бактериологическими исследованиями в своей лаборатории в Шеффилде. Он выращивает там различные штаммы бацилл. На праздниках паствы он делал людям инъекции гашиша, небольшие дозы, но они вызывали обильные галлюцинации и чрезмерную радость. Потому-то многие и стремились в его секту...

Задумавшись, Пуаро умолк и через минуту продолжал:

– Большинство одиноких женщин завещало свои средства в пользу секты – в знак благодарности. Ну, – а потом они умирали – в собственных домах и на собственных постелях. Попробую рассказать, как это ему удавалось, хотя мои познания в бактериологии весьма скудны. Специалисты говорят, что можно усилить вирулентность любой бактерии. Скажем, бациллы кишечной палочки вызывают воспаление толстых кишок, даже если человек практически здоров. Можно ввести в организм человека бациллы тифа или пневмококки, и спустя какое-то время человек заболевает сыпным тифом или крупозным воспалением легких. Исход, как правило, летальный. А есть еще такая бацилла, называется туберкулин. Если человек переболел когда-то туберкулезом, она вызывает рецидив болезни. Улавливае-

те? Человек здоровый от этого не заболеет, а вот у излечившегося от туберкулеза болезнь снова разовьется. Вот и получалось, что паства нашего Пастыря умирала от самых естественных болезней. И никаких подозрений. Помимо этого, я подозреваю, что доктор Андерсен изобрел своего рода катализатор для развития болезнетворных бацилл.

– Да это просто дьявол во плоти! – не удержалась возгласа мисс Кэрнаби.

Пуаро продолжал:

– Помните, я попросил вас сказать доктору Андерсену, что вы когда-то болели туберкулезом? Так вот: в шприце нашего доктора, когда его арестовали, оказались палочки Коха, бациллы туберкулеза. Поскольку вы совершенно здоровы, эти бациллы вам не повредили бы ничуть. Я потому и просил вас, чтобы вы сказали о туберкулезе острой формы – чтобы он не выбрал часом другую бациллу.

– Но хватит ли доказательств для суда над ним?!

– О! – сказал Джэпп. – Хватит с лихвой. Мы ведь еще обнаружили его секретную лабораторию, и там этих болезнетворных штаммов хоть отбавляй.

– Думаю, – печально сказал Пуаро, – что это убийца с большим стажем. Кстати, выяснилось, что из университета его исключили за садизм, а историю с матерью-еврейкой он выдумал, чтобы вызывать к себе сочувствие.

Эми Кэрнаби вздохнула.

– Что такое? – встрепенулся Эркюль Пуаро.

– Да вот, вспомнила я о своих снах – тогда, во время первого праздника на Зеленых Холмах. Поверьте, я вправду видела, что переделала весь мир – и нет больше голода, войн, болезней.

– Мадемуазель, – галантно склонил голову Пуаро, – это был самый лучший на свете сон.

КРАСНЫЙ СИГНАЛ

– Как это захватывающе! – воскликнула хорошенькая миссис Эверсли, широко раскрыв свои очаровательные, но немного бездумные глаза. – Говорят, будто женщины имеют шестое чувство. Как вы думаете, сэр Эйлингтон, это правда?

Знаменитый психиатр саркастически усмехнулся. Он глубоко презирал этот тип хорошеньких, но глуповатых женщин, к которому принадлежала его соседка за столом. Эйлингтон Уэст был выдающимся специалистом по психическим заболеваниям и вполне осознавал свое место и значение. Он был человеком слегка склонным к эффектам.

– Каких только глупостей люди не говорят, миссис Эверсли. А что этот термин означает – «шестое чувство»?

– Вы, ученые, всегда так строги. Но разве это в самом деле не удивительно, если иногда кто-то безошибочно угадывает то, что только должно случиться? То есть предвидит события, предчувствует их. По-моему, это настоящее чудо. Клер знает, что я имею в виду. Не так ли, Клер? – И миссис Эверсли выразительно посмотрела на хозяйку дома, чуть надув губы и пожав плечами.

Трент промолчала. На небольшом званом обеде, кроме нее и ее мужа Джека Трента, присутствовали Вайолет Эверсли, сэр Эйлингтон Уэст и его племянник Дермот Уэст – старый друг Джека Трента. Джек Трент, довольно крупный румяный человек с добродушной улыбкой и

приятным ленивым смешком, подхватил нить разговора.

– Какой вздор, Вайолет! Если, например, близкий вам человек погибает в автомобильной катастрофе, вы непременно вспоминаете, что в прошлый вторник видели во сне черного кота – вот вам и чудо, ведь вы тогда же ощутили: что-то должно произойти.

– О нет, Джек, вы смешиваете предчувствие с интуицией. А вы, сэр Эйлингтон, как думаете: существует предчувствие или нет?

– Возможно, в какой-то мере, – осторожно согласился врач. – Но многое зависит от стечения обстоятельств, и, кроме того, всегда следует помнить, что о большинстве подобных случаев, как правило, рассказывают уже спустя некоторое время.

– Я не верю в предчувствия, – довольно решительно сказала Клер Трент. – Или в интуицию, или в шестое чувство, или вообще во что-то из того, о чем мы так оживленно толковали. Мы идем сквозь жизнь, как поезд сквозь тьму, к неизвестному месту назначения.

– Это вряд ли удачное сравнение, миссис Трент, – впервые поднял голову и присоединился к разговору Дермот Уэст. Станным блеском светились его ясные серые глаза, которые резко выделялись на его смуглом лице. – Дело в том, что вы забыли про сигналы.

– Сигналы?

– Да. Зеленый – все в порядке, красный – опасность!

– Красный – опасность! Как интересно! – воскликнула Вайолет Эверсли.

Дермот Уэст довольно раздраженно отвернулся от нее.

– Конечно, это лишь способ как-то обозначить такое

явление. Внимание – впереди опасность! Красный Сигнал! Остерегайтесь!

Трент посмотрел на него заинтересованно.

– Ты говоришь так, словно имеешь опыт, старина.

– Да, имею, то есть имел.

– Расскажи нам.

– Могу привести один пример. Это случилось со мной в Месопотамии. Как-то вечером, вскоре после заключения перемирия, захожу я в палатку, и меня охватывает предчувствие: опасность! Берегись! Не имея ни малейшего представления, что бы это значило, я обошел лагерь, придираясь ко всему без причины, принял все необходимые меры предосторожности против нападения враждебно настроенных арабов. Затем возвратился в палатку. Вскоре предчувствие опасности охватило меня вновь, еще сильнее, чем прежде. Опасность! В конце концов я вынес одеяло из палатки, закутался в него и так спал всю ночь.

– А дальше?

– Первое, что я увидел на следующее утро, когда зашел в палатку, был огромный нож – почти в пол-ярда длиной, проткнувший койку как раз в том месте, где я должен был лежать. Вскоре мне стало известно, что это дело рук одного из слуг-арабов, сына которого расстреляли как шпиона. Что вы можете сказать об этом, дядя Эйлингтон? Разве не яркий пример того, что я называю Красным Сигналом?

Ученый улыбнулся без особого энтузиазма.

– Очень интересная история, мой дорогой Дермот.

– Но для вас недостаточно убедительная?

– В самом деле, недостаточно. Я не сомневаюсь, что тебя, как ты утверждаешь, охватило предчувствие опас-

ности. Однако я ставлю под сомнение причину появления этого предчувствия. Из твоих слов следует, будто оно возникло извне, то есть было вызвано влиянием на твое сознание какого-то внешнего источника. Но сегодня мы знаем, что первопричина почти всех таких явлений приходит из подсознательного.

– Старое доброе подсознательное! – воскликнул Джек Трент. – В наши дни им можно объяснить что угодно.

Словно и не заметив, что его перебили, сэр Эйлингтон продолжал:

– Я думаю, что своим поведением или взглядом этот араб как-то выдал себя, хотя осознанно ты ничего не заметил и не запомнил, но в твоём подсознании все было по-другому. Подсознание никогда ничего не забывает. Мы допускаем также, что в подсознании идет рассудочный процесс и делаются выводы вполне независимо от высшего, то есть сознательного, желания. В твоём подсознании возникло подозрение о возможности покушения на твою жизнь, что пробудило в сознании защитную реакцию.

– Признаю: звучит весьма убедительно, – улыбнулся Дермот.

– Но не так интересно, – надула губы миссис Эверсли.

– Возможно также, что подсознательно ты почувствовал ненависть к себе со стороны того араба, – продолжал сэр Эйлингтон. – То, что в старину называли телепатией, конечно, существует, хотя условия, при которых она возникает, очень мало изучены.

– А еще какие-то происшествия с вами случались? – обратилась Клер к Дермоту.

– О да! Но больше ничего необычного, и, думаю, все

они могут быть объяснены течением обстоятельств. Один раз я отказался от приглашения в один загородный дом только потому, что зажегся Красный Сигнал. На той же неделе там произошел пожар. Кстати, дядя, а как сработало подсознание тут?

– Боюсь, что никак, – улыбнулся в ответ сэр Эйлингтон.

– Но вы, конечно, найдете этому объяснение. Говорите же. Вовсе не обязательно быть чрезмерно деликатным с близкими родственниками.

– В таком случае, племянник, я позволю себе допустить, что ты отказался от приглашения, ибо не имел большого желания туда ехать, а после пожара убедил себя, что предчувствовал опасность, и теперь безоговорочно этому веришь.

– С вами невозможно спорить, – засмеялся Дермот. – Вы всегда будете победителем.

– Не обращайтесь внимания, мистер Уэст! – воскликнула Вайолет Эверсли. – Я верю в ваш Красный Сигнал безоговорочно. А после Месопотамии он больше не появлялся?

– Нет... да...

– Что вы сказали?

– Да нет, ничего.

Дермот замолчал. Слова, которые чуть не слетели с его уст, были: «Нет, до сегодняшнего вечера». Они появились сами собой и выражали еще не до конца осознанную мысль, но – он это почувствовал сразу – в них была истина. В темноте мерцал Красный Сигнал. Опасность! Опасность рядом!

Но откуда? Какая мыслимая опасность может быть тут,

в доме его друзей? Ну, в конце концов, своего рода опасность существовала. Он посмотрел на Клер Трент – бледное, с тонкими чертами лицо, изящный наклон золотистой головки. Но эта опасность возникла не сегодня и никак не могла быть такой острой. Ибо Джек Трент – его лучший друг. И даже больше, чем просто лучший друг. Джек спас ему жизнь во Фландрии и был за это представлен к Кресту Виктории. Джек – славный парень, один из наилучших людей, которые есть на свете. На свою беду, он полюбил жену Джека. Он надеялся, что со временем найдет в себе силы преодолеть это чувство. Страдать так, как сейчас, без конца невозможно. Он покончит с этим, он возьмет себя в руки. Вряд ли Клер догадалась, а если бы и догадалась, в его любви к ней опасности не было. Статуя, прекрасная статуя из золота, слоновой кости и бледно-розового коралла... игрушка для королей, а не живая женщина...

Клер... Даже мысленно произнося ее имя, он ощущал боль... Он должен с этим справиться. Он любил женщин и до нее. «Но совсем не так», как обычно говорится. «Совсем не так» – и в этом вся суть. Опасности здесь нет, сердечная боль – да, но не опасность. По крайней мере, не та опасность, о которой предостерегает Красный Сигнал. Это нечто совсем иное.

Он оглядел сидящих за столом, и только теперь его поразило, что тут собралось довольно необычное общество. Его дядя, например, редко обедал вне дома в таком узком неофициальном кругу. Не похоже было также, что Тренты – его старые друзья. До сегодняшнего вечера Дермоту и в голову не приходило, что он их вообще не знает. Конечно, повод был. После обеда должна прийти

довольно известная женщина-медиум и провести сеанс. Сэр Эйлингтон как будто интересовался спиритизмом. Да, это, конечно же, был повод.

Это слово привлекло его внимание. Не был ли спиритический сеанс лишь поводом, вполне естественно объяснявшим присутствие психиатра на этом обеде? Если так, то какая же настоящая причина привела его сюда? Дермоту припомнилось множество подробностей – подробностей, ранее не замеченных, или, как сказал бы дядя, не замеченных сознанием.

Знаменитый психиатр несколько раз странно, очень странно посмотрел на Клер. Так, словно наблюдал за нею. Под его пристальным взглядом она беспокоилась и не знала, куда девать руки, дрожащие от волнения. Она волновалась, очень волновалась и как будто чего-то боялась. Почему она боялась?

Усилием воли он заставил себя прислушаться к разговору за столом. Миссис Эверсли уговорила великого врача рассказать кое-что о своей профессии.

– Мои милые дамы, – говорил тот, – что такое сумасшествие? Поверьте мне, чем больше мы это явление изучаем, тем труднее нам его так называть. Все мы в определенной мере склонны к самовозвеличиванию. Но когда кто-то из нас начинает думать, будто он русский царь, ему или затыкают рот, или сажают в дом сумасшедших. Но прежде чем дойти до такого, надо преодолеть длинный путь. И можно ли поставить на нем где-то столб и сказать: «По эту сторону – здравый смысл, на той – безумие». Конечно же нет. И если бы тот, кто страдает такой манией, держал язык за зубами, мы, возможно, никогда не смогли

бы отличить его от нормального человека. Чрезвычайная рассудительность душевнобольного – очень интересный феномен.

Сэр Эйлингтон, смакуя, отпил вина и лучезарно улыбнулся обществу.

– Я слыхала, что они очень хитрые, – заметила миссис Эверсли. – Это я про сумасшедших.

– Так оно и есть. А подавление ими в себе этой мании часто приводит к губительным последствиям. Любое подавление опасно – так учит нас психоанализ. Человек, склонный к безвредной эксцентричности, редко переходит границу. Но мужчина... – он сделал паузу, – или женщина, которые кажутся вполне нормальными, на самом деле могут быть источниками большой опасности для общества.

Его пристальный взгляд мягко скользнул вдоль стола к Клер и обратно. И снова он глотнул вина.

Дермота охватил ужасный страх. Неужели то, про что он думал, правда? Невероятно, но...

– И все из-за подавления собственного «я», – вздохнула миссис Эверсли. – Теперь я вижу, что всегда следует целиком проявлять свою индивидуальность. Иначе – страшная опасность.

– Милая миссис Эверсли, – возразил врач, – вы неправильно меня поняли. Причина болезни в физическом состоянии мозга и часто зависит от какого-то внешнего фактора – например, от удара. А иногда, к сожалению, такая болезнь переходит по наследству.

– Наследственность – это так печально, – вздохнула рассеянно женщина. – Туберкулез и тому подобное.

– Туберкулез – болезнь не наследственная, – возразил холодно сэр Эйлингтон.

– Нет? А я всегда думала, что наследственная. А сумасшествие? Как ужасно! А еще что?

– Подагра, – ответил сэр Эйлингтон, улыбнувшись. – И дальтонизм. Тут мы встречаемся с очень интересным явлением. Дальтонизм передается мужчине, но у женщин он скрыт. Если среди мужчин дальтоников много, то женщина может стать дальтоником лишь тогда, когда был скрытый дальтонизм у матери и отец ее был дальтоником, – довольно редкое явление. Это то, что называют ограниченной половой наследственностью.

– Как интересно! Но с сумасшествием совсем по-другому, не так ли?

– Сумасшествие передается одинаково как мужчинам, так и женщинам, – серьезно сказал врач.

Клер вдруг поднялась, отодвинув стул так резко, что он опрокинулся и упал на пол. Она была очень бледна, пальцы ее заметно дрожали.

– Может... может, пора кончать этот разговор? – попросила она. – Через несколько минут придет миссис Томпсон.

– Еще бокал портвейна – и я к вашим услугам, – заявил сэр Эйлингтон. – Ведь я пришел сюда только ради того, чтоб посмотреть представление очаровательной миссис Томпсон, не так ли? Ха-ха! В иной приманке не нуждаюсь...

Клер поблагодарила вялой улыбкой и, положив руку на плечо миссис Эверсли, вышла из комнаты.

– Боюсь, что я заговорил на сугубо профессиональные темы, – сказал врач, садясь на свое место. – Извините, дорогой друг.

– Пустяки, – небрежно бросил Трент.

Он казался уставшим и озабоченным. Впервые Дермот почувствовал себя чужим в обществе своего друга. Между ними существует тайна, которую не имеет права знать даже старый друг. И все-таки это невероятно. Но что, собственно, произошло? Ничего, кроме нескольких взглядов и волнения жены.

Они посидели еще некоторое время, попивая вино, потом перешли в гостиную. Не успели они туда войти, как было объявлено о прибытии миссис Томпсон.

Медиум оказалась полной, среднего возраста женщиной с громким, довольно грубым голосом, без вкуса одетой в темно-красный бархат.

– Надеюсь, я не опоздала, миссис Трент? – сказала она бодро. – Вы приглашали меня к девяти, ведь так?

– Вы как раз вовремя, миссис Томпсон, – ответила Клер своим приятным, немного глуховатым голосом. – А это наше небольшое общество.

Дальнейших вступлений не последует, как стало очевидно присутствующим. Медиум обвела всех острым пронзительным взглядом.

– Надеюсь, у нас будут хорошие результаты. Не могу высказать, как мне не по себе, когда я, так сказать, оказываюсь неспособной удовлетворить публику. Это меня просто доводит до безумия. Думаю, Широмако (мой дух из Японии, как вы знаете) сможет добраться сюда сегодня без препятствий. Я чувствую себя не совсем хорошо и даже отказалась от гренок с сыром, хотя и очень их люблю.

Дермот слушал наполовину с интересом, наполовину с отвращением. Все так банально! И все же не слишком ли

глупо так судить? В конце концов, все было вполне естественным – силы, вызываемые медиумом, были естественными силами, просто пока еще совершенно непонятными. У великого хирурга может быть расстройство желудка перед сложной операцией. Почему же такого не может произойти с миссис Томпсон?

Стулья поставили кругом, лампы – так, чтоб их удобно было поднять или опустить. Дермот обратил внимание на то, что не было никакой предварительной подготовки, а также никто не спрашивал, доволен ли сэр Эйлингтон условиями сеанса. Нет, вся эта затея с сеансами миссис Томпсон – это только ширма. Сэр Эйлингтон пришел сюда совсем с другой целью. Дермот вспомнил, что мать Клер умерла за границей. С ее смертью была связана какая-то тайна... Наследственность.

Усилием воли он принудил себя вернуться к действительности.

Когда присутствующие уселись, были потушены лампы, кроме одной, маленькой, которая стояла на отдаленном столике, затененная красным абажуром. Сначала слышно было лишь тихое ровное дыхание медиума. Постепенно оно становилось все более затрудненным. Вдруг где-то в дальнем углу комнаты раздался тихий стук. От неожиданности Дермот подскочил. Стук повторился в противоположном конце комнаты, а потом обрушилось настоящее крещендо стуков. Они стихли, и внезапный взрыв фальшивого смеха прокатился по комнате. Наступившую затем тишину разорвал высокий, звонкий голос, совсем непохожий на голос миссис Томпсон.

– Я тут, джентльмены, – сказал голос. – Да-а-а, я тут. Вы хотите задать мне вопросы?

– Вы кто? Широмако?

– Да-а-а, я Широмако. Я давно тут. Я работаю. Я очень счастлив.

Дальше шли подробности из жизни Широмако. Все было слишком затасканно и неинтересно. Дермот слышал такое далеко не впервые. Все были счастливы, очень счастливы. Известия приходили от родственников, описанных столь общими фразами, что их можно было принять за чьих угодно родственников. Пожилая дама, мать одного из присутствующих, некоторое время высказывала прописные истины таким тоном, словно они только что родились на свет божий в результате ее раздумий.

– А сейчас еще одно сообщение, – объявил Широмако, – очень важное для одного из джентльменов.

Наступила пауза, после которой заговорил новый голос, предварив свои слова демоническим гоготом.

– Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Лучше не ходите домой! Лучше не ходите домой! Послушайтесь моего совета!

– К кому вы обращаетесь? – спросил Трент.

– К одному из вас троих. На его месте я не пошел бы домой. Опасность! Кровь! Не очень много, но вполне достаточно. Не ходите домой! – Голос стал затихать. – Не ходи-и-те до-о-о-мой!

Голос замолчал. Дермот почувствовал, как стынет его кровь. Он был уверен, что предостережение предназначалось ему. Во всяком случае, какая-то опасность сегодня ночью была повсюду.

Послышался тяжелый вздох медиума, потом стон. Медиум приходила в себя. Включили свет. Она сидела выпрямившаяся, ее глаза немного блестели.

– Надеюсь, с вами все в порядке?

– Все было очень хорошо, спасибо вам, миссис Томпсон.

– То есть спасибо Широмако?

– Конечно, и всем другим.

Миссис Томпсон зевнула.

– Я смертельно устала и очень истощена, но честно заслужила вашу благодарность и довольна, что все прошло успешно. Я слегка побаивалась, не случилось бы чего-нибудь непредвиденного. В этой комнате сегодня какая-то тревожная атмосфера. – Она посмотрела через одно свое плечо, через другое, беспокойно пожала ими и продолжала дальше: – Мне это не нравится. Среди вас не было недавно внезапной смерти?

– Среди нас? Кого вы имеете в виду?

– Ну, среди ваших близких родственников или друзей. Нет? Вот и хорошо. Если б я не боялась показаться мелодраматичной, то сказала б, что сегодня тут витает смерть. Ну, да это лишь моя фантазия. До свидания, миссис Трент. Я рада, что вы довольны.

Миссис Томпсон в своем темно-красном бархате вышла.

– Надеюсь, вам было интересно, сэр Эйлингтон? – тихо спросила Клер.

– Чрезвычайно интересный вечер, милая хозяйка. Искренне благодарю за это представление. Разрешите пожелать вам спокойной ночи. А вы ведь, кажется, едете на танцевальный вечер?

– Может, и вы поедете с нами?

– Нет, нет. Я взял себе за правило укладываться в кро-

вать до половины двенадцатого. Спокойной ночи. Спокойной ночи, миссис Эверсли. Ага, Дермот! Я очень хотел бы поговорить с тобой. Может, поедем вместе? А потом ты присоединишься к другим в галерее Графтон.

— Конечно, дядя. Встретимся там, Джек.

Во время недолгого пути до Харли-стрит дядя и племянник почти не разговаривали. Сэр Эйлингтон лишь извинялся за то, что потянул Дермота с собой, и заверил, что отнимет у него лишь несколько минут, а когда они приехали, спросил:

— Оставить тебе машину, мой мальчик?

— О, не беспокойтесь, дядя, я возьму такси.

— Очень хорошо. Я не люблю задерживать Чарлсона дольше, чем это требуется. До свидания, Чарлсон. Куда, черт возьми, я подевал свой ключ?

Машина отъехала, а сэр Эйлингтон все еще стоял на ступенях, напрасно ощупывая свои карманы.

— Наверно, оставил в другом пальто, — сказал он наконец. — Позвони, пожалуйста. Я уверен, Джонсон еще не спит.

Невозмутимый Джонсон в самом деле открыл дверь меньше чем через минуту.

— Я где-то потерял свой ключ, Джонсон, — сказал сэр Эйлингтон. — Принеси, пожалуйста, в библиотеку два стакана виски с содовой.

— Слушаюсь, сэр Эйлингтон.

Включив в библиотеке свет, врач жестом пригласил Дермота войти и закрыть дверь.

— Не стану долго задерживать тебя, только хочу кое о чем спросить. Или это моя фантазия, или ты в самом деле чувствуешь, так сказать, нежность к миссис Трент?

Кровь бросилась в лицо Дермоту.

– Джек Трент – мой лучший друг.

– Извини, но это не ответ на мой вопрос. Ты, видимо, считаешь мои взгляды на развод слишком пуританскими. Но должен тебе напомнить: ты мой единственный близкий родственник и наследник.

– О разводе здесь нет речи, – сказал Дермот сердито.

– Конечно – нет. По причине, которая мне, возможно, известна лучше, чем тебе. Эту причину я тебе сейчас открыть не могу. Но должен предостеречь: Клер Трент – не для тебя.

Молодой человек стойко выдержал взгляд дяди.

– Я понимаю – и, позвольте мне сказать, наверное, лучше, чем вам кажется. Я знаю, почему вы были сегодня на обеде.

– Знаешь? – удивился врач. – Как ты можешь это знать?

– Считайте, что догадался, сэр. Наверно, я не ошибусь, если скажу, что вы были там как специалист. Разве не так?

Сэр Эйлингтон прошелся взад-вперед по комнате.

– Ты не ошибаешься, Дермот. Я, конечно, не мог тебе открыться, хотя, боюсь, скоро это перестанет быть тайной.

Сердце Дермота сжалось.

– Вы хотите сказать, что пришли к определенному выводу?

– Да. В семье сумасшествие со стороны матери. Печальный, очень печальный случай.

– Я не могу в это поверить, сэр.

– Естественно. Для непосвященных признаков мало, по сути, нет вообще.

– А для специалиста?

– Неоспоримый факт. Такого больного следует изолировать, и как можно скорее.

– Боже мой! – выдохнул Дермот. – Вы же не можете посадить человека под замок ни за что ни про что?

– Мой дорогой Дермот, больных изолируют только тогда, когда на свободе они представляют опасность для общества. В данном случае опасность очень серьезная. Вполне вероятно, что это особая форма мании убийства. Так было в случае с матерью.

Закрыв руками лицо, Дермот отвернулся и даже застыл. О Клер, о бело-золотистая Клер!..

– При таких обстоятельствах, – спокойно продолжал врач, – я считаю своей обязанностью предостеречь тебя.

– Клер, – простонал Дермот. – Бедная Клер!

– Да. Действительно, мы должны ее пожалеть.

Вдруг Дермот поднял голову.

– Я не верю в это.

– Что ты сказал?

– Сказал, что я не верю в это. Врачи иногда ошибаются. Это всем известно. Они слишком влюблены в свою профессию.

– Мой дорогой Дермот!.. – сердито воскликнул сэр Эйлингтон.

– Не верю я в это, и все! А если и так, мне все равно. Я люблю Клер. Если она поедет со мной, я заберу ее отсюда. Далеко. Туда, где ее не достанут назойливые доктора. Я буду оберегать ее, заботиться о ней, защищать ее своей любовью.

– Ничего подобного ты не сделаешь. Ты что, сошел с ума?

Дермот пренебрежительно усмехнулся.

– Это у вас профессиональное – считать всех людей сумасшедшими.

– Пойми меня, Дермот. – Лицо сэра Эйлингтона искажилось от гнева. – Если ты опозоришь себя таким поступком, это будет конец. Я лишу тебя содержания, какое ты получаешь от меня теперь, составлю новое завещание и все, что у меня есть, раздам разным больницам.

– Делайте с вашими проклятыми деньгами что хотите, – тихо проговорил Дермот. – А у меня будет женщина, которую я люблю.

– Женщина, которая...

– Скажете о ней плохое слово, и я, ей-богу, убью вас! – выкрикнул Дермот.

Тихий звон бокалов заставил их оглянуться. В разгар перепалки в комнату неслышно вошел Джонсон с подносом в руках. У него было неподвижное лицо воспитанного слуги, но Дермоту хотелось бы знать, что он успел подслушать.

– Хорошо, Джонсон, – резко сказал сэр Эйлингтон, – можете идти отдыхать.

– Спасибо, сэр. Спокойной ночи, сэр.

Джонсон вышел. Сэр Эйлингтон и Дермот переглянулись. Внезапное появление Джонсона утихомирило бурю.

– Дядюшка, – заговорил Дермот, – я не должен был так разговаривать с вами. Я хорошо понимаю, что с вашей точки зрения вы совершенно правы. Но я давно уже люблю Клер. То, что Джек Трент – мой самый лучший друг, до сих пор не позволяло мне даже намекнуть ей о своей любви. Но при теперешних обстоятельствах это уже не имеет значе-

ния. Мысль, что денежные соображения могут остановить меня, просто абсурдна. Думаю, мы оба сказали все, что считали нужным сказать. Спокойной ночи...

– Дермот...

– В самом деле, спорить дальше ни к чему. Мне жаль, но это так. Спокойной ночи, дядюшка Эйлингтон!

Дермот быстро вышел из комнаты, хлопнув дверью. В холле было темно. Он пересек его, открыл парадную дверь и вышел на улицу; дверь с шумом захлопнулась за его спиной. Немного дальше по улице, у соседнего дома, как раз освободилось такси, и, взяв его, Дермот доехал до Графтона.

В дверях танцевального зала он на мгновение нерешительно остановился и осмотрелся. Пронзительные звуки джаза, улыбающиеся женщины – казалось, он попал в иной мир.

Может, ему все приснилось? Невероятно, чтобы этот резкий разговор с дядей состоялся на самом деле. Улыбнувшись, мимо проплыла Клер, похожая на лилию в своем белом с серебристыми блестками платье, плотно облегавшем ее тонкую грациозную фигурку. Лицо ее было спокойным. Наверное, тот невероятный разговор все-таки приснился ему.

Танец окончился. Тут же Клер, улыбаясь, подошла к нему. Словно во сне, он пригласил ее на следующий танец. Он держал ее в объятьях, звучала знакомая мелодия. Вдруг Дермот почувствовал, что Клер словно обмякла.

– Вы устали? Хотите отдохнуть?

– Если не возражаете. Пойдемте куда-нибудь, где можно поговорить. Мне нужно вам кое-что сказать.

Нет, это был не сон. Словно больно ударившись, Дермот возвратился в реальный мир. Как он мог подумать, что лицо у нее спокойно? На нем отражались тревога и страх. Неужели ей что-то известно?

Он нашел тихий уголок, и они сели рядом.

— Я вас слушаю, — сказал он беззаботным тоном, хотя на душе было тяжело. — Вы, кажется, хотели мне что-то сказать?

— Да. — Опустив глаза, она нервно теребила кисточку пояса на платье. — Я не знаю, как мне лучше выразиться...

— Говорите, Клер.

— Понимаете... Я хотела бы, чтобы вы... чтобы вы на какое-то время уехали.

Его удивлению не было границ. Он был готов услышать все, что угодно, но не это.

— Вы хотите, чтобы я уехал? Почему?

— Лучше быть откровенными, правда же? Я... я знаю, вы джентльмен и мой друг. Я хочу, чтобы вы уехали, потому что я... я позволила себе... полюбить вас.

— Клер!..

Услышав ее слова, он потерял дар речи.

— Не осуждайте меня, будьте добры, я не такая самоуверенная, чтобы надеяться на вашу взаимность. Просто я... не очень счастлива и... О! Я прошу вас скорее уехать.

— Клер, неужели вы не знаете, что я люблю вас, люблю страстно с тех пор, как мы встретились впервые?

Она испуганно посмотрела ему в глаза.

— Вы меня любите? Давно?

— С первого взгляда.

— О боже! — вскрикнула она. — Почему вы не признались

мне раньше, когда я могла быть с вами? Почему сказали об этом только теперь – слишком поздно? Нет, я просто сошла с ума... Я не знаю, что говорю... Я никогда не могла быть с вами...

– Клер, что вы имели в виду, когда сказали: «Теперь – слишком поздно»? Это... Это из-за моего дяди? Из-за того, что он о вас знает? Из-за того, что он думает?

Она молча кивнула. По ее щекам текли слезы.

– Слушайте, Клер, вы не должны всему этому верить. Вы не должны думать об этом. Вы поедете со мной. Мы поедem в южные края – на острова, похожие на изумруды. Вы будете там счастливы. Я буду заботиться о вас, я буду всегда вас оберегать.

Дермот прижал ее к себе и почувствовал, что она вся дрожит. Внезапно она высвободилась из его объятий.

– О нет, будьте добры, не нужно! Разве вы не понимаете? Теперь я не смогла бы... Это было бы ужасно!.. Ужасно!.. Я ведь всегда старалась быть порядочной... А теперь... Это было бы ужасно, просто ужасно!

Ошеломленный ее словами, он не знал, как ему быть. А она смотрела на него умоляющим взглядом.

– Прошу вас, не нужно... Я хочу быть порядочной...

Ни слова не говоря, он поднялся и оставил ее. Ее слова растрогали его, и он сразу ничего не мог ей возразить. Он пошел за пальто и шляпой и там столкнулся с Трентом.

– А, Дермот, что-то ты сегодня рано собрался домой.

– Да нет настроения танцевать.

– Скверный вечер, – согласился Трент угрюмо. – А если бы тебе еще мои заботы...

Дермот испугался, что Трент намеревается доверить

ему свои тайны. Только не это! Что угодно, но только не это!

– Ну, пока, – кивнул он торопливо. – Я домой.

– Гм, домой? А как же предостережение духов во время сеанса?

– Я рискну. Спокойной ночи, Джек.

Дермот жил недалеко и, чувствуя необходимость подышать прохладным ночным воздухом, чтобы остудить возбужденный мозг, пошел пешком. Открыв дверь, он зашел в квартиру, включил в спальне свет и сразу же, второй раз за вечер, почувствовал, что перед ним вспыхнул Красный Сигнал. Чувство угрозы было таким сильным, что вытеснило из его сознания даже Клер. Опасность! Он в опасности! Именно в эту минуту и в этой комнате.

Еще недавно Дермот пытался посмеяться над собой и забыть о страхе. Возможно, его попытки не были достаточно решительными. Но Красный Сигнал остерег его своевременно, и это давало ему возможность избежать беды. Все-таки немного посмеиваясь над своим суеверием, он осторожно обошел квартиру – не спрятался ли где злоумышленник, – но ничего не обнаружил. Его слуга Милсон уже ушел, и в квартире никого не было.

Вернувшись в спальню, Дермот медленно разделся. Чувство опасности оставалось таким же острым, как и раньше. Он подошел к комоду взять носовой платок и вдруг остановился как вкопанный. Посреди ящика поднимался покатым холмик – видимо, лежало что-то твердое. Дрожащими пальцами Дермот откинул носовые платки и достал то, что было под ними, – револьвер.

Вконец удивленный, Дермот внимательно осмотрел

револьвер. Он был незнакомого ему образца, и из него недавно был сделан выстрел. Кроме этого, ничего установить Дермоту не удалось. Положили его в ящик только сегодня вечером. Он был уверен, что, когда одевался к обеду, револьвера там еще не было.

Только Дермот собрался положить оружие обратно в ящик, как прозвучал звонок в дверь, и все звонил и звонил — необычайно громко в тишине пустой квартиры. Кто мог прийти в такое время? На этот вопрос был только один, инстинктивный и неотступный ответ: «Опасность!.. Опасность!.. Опасность!..»

Ведомый инстинктом, который он никак не мог объяснить, Дермот выключил свет, накинул пальто, лежавшее на стуле, и открыл дверь.

Снаружи стояли двое мужчин, сзади них Дермот заметил третьего в голубой униформе. Полисмен!

— Мистер Уэст? — спросил стоявший ближе к нему.

Дермоту показалось, что прошла вечность, прежде чем он ответил. На самом деле промелькнуло только несколько секунд, и он, старательно копируя невыразительный голос своего слуги, проговорил:

— Мистер Уэст еще не пришел. Зачем он вам нужен в такое время?

— Он еще не пришел? Ну что ж, тогда, я думаю, нам лучше войти и подождать его.

— Нет, вы не сделаете этого.

— Слушайте, любезный, я инспектор Веролл из Скотланд-Ярда, и у меня ордер на арест вашего хозяина. Можете посмотреть, если хотите.

Дермот внимательно читал или делал вид, что читает поданную ему бумагу, потом ошеломленно спросил:

– За что? Что он такое совершил?

– Убийство. Сэра Эйлингтона Уэста на Харли-стрит.

В голове у Дермота закружилось. Он отступил перед грозными гостями в гостиную и включил свет. Следом за ним в комнату вошел инспектор.

– Все обыскать! – приказал он другому мужчине, затем повернулся к Дермоту: – Вы остаетесь здесь, дружище. И не пытайтесь выскользнуть, чтобы предупредить вашего хозяина. Кстати, как вас зовут?

– Милсон, сэр.

– Как вы думаете, когда ваш хозяин возвратится домой?

– Не знаю, сэр. Он, кажется, собирался на танцы. В галерею Графтон.

– Он уехал оттуда почти час назад. Вы уверены, что он сюда не приходил?

– Не думаю, сэр. Если бы приходил, я, наверно, услышал бы.

В эту минуту из соседней комнаты появился возбужденный второй мужчина. В его руке был зажат револьвер. Он с волнением протянул его инспектору. На лице инспектора промелькнуло чувство удовлетворения.

– Все понятно, – сказал инспектор. – Наверное, проскользнул и вышел так, что вы не слышали. Значит, он скрылся. Я лучше пойду, Каули, а вы оставайтесь тут на случай, если он вернется. И наблюдайте за этим парнем. Он может знать о своем хозяине больше, чем говорит.

Инспектор быстро вышел. Дермот сделал попытку выяснить у Каули подробности. Тот оказался разговорчивым.

– Абсолютно ясное дело, – сказал он снисходительно. – Убийство было обнаружено почти тотчас же. Джонсон,

слуга, только собрался лечь спать, как ему показалось, будто прозвучал выстрел. Он спустился вниз и нашел сэра Эйлингтона мертвым. Пуля попала в сердце. Джонсон сразу же позвонил нам, мы приехали и выслушали его рассказ.

— Который и представил это дело абсолютно ясным? — осмелился спросить Дермот.

— Вот именно. Молодой Уэст приехал со своим дядей, и они ссорились, когда Джонсон принес виски. Старик угрожал составить новое завещание, а ваш хозяин заявил, что убьет его. Не прошло и пяти минут, как гроыхнул выстрел. Вот так! Все яснее ясного. Круглый болван...

Значит, дело ясное. Сердце у Дермота оборвалось, когда он осознал неопровержимость доказательств против него. Опасность! Ужасная опасность! Единственный выход — бегство. Он напряженно обдумывал положение и вскоре предложил приготовить чай. Каули охотно согласился. Он делал в квартире обыск и знал, что черного хода нет.

Получив разрешение, Дермот пошел на кухню, поставил на огонь чайник и начал намеренно бренчать посудой, а потом быстро прокрался к окну и поднял раму. Квартира была на третьем этаже, и снаружи находился стальной трос с маленьким подъемником, которым пользовались развозчики товаров.

Дермот мгновенно оказался за окном и начал спускаться вниз. Трос до крови врезался в руки, но ему было не до того. Через несколько минут, осторожно свернув за угол, Дермот наткнулся на человека, который стоял на тротуаре. К своему превеликому удивлению, он узнал в нем Джека Трента. Тренту уже все было известно об опасности, которая нависла над другом.

– О боже! Ты, Дермот? Быстрее! Не будем терять времени!

Схватив приятеля за руку, Джек повел его переулком, потом другим, а когда они остановили такси, вскочил в него и назвал свой адрес.

– Это теперь самое безопасное место. Там мы поразмышляем, что делать дальше и как сбить этих дураков со следа. Я пришел в надежде предупредить тебя, прежде чем появится полиция, но опоздал.

– Но откуда тебе известно, Джек? Ты же не поверил...

– Конечно нет, дружище, ни на секунду. Я слишком хорошо знаю тебя. И все же твои дела скверные. Они приехали и начали расспрашивать, когда ты пришел в Графтон, когда ушел и так далее. Дермот, кто же мог убить старика?

– Не могу себе представить. Наверно, тот, кто положил револьвер в ящик моего комода. Нет сомнений, он достаточно внимательно следил за нами.

– Эта затея со спиритическим сеансом была очень подозрительной: «Не ходите домой!» Предостережение, выходит, касалось бедняги старого Уэста. Он пошел домой и был убит.

– Меня оно тоже касалось, – отозвался Дермот. – Я пошел домой и нашел подброшенный револьвер, а потом и полиция появилась.

– Ну, надеюсь, меня оно не касалось, – сказал Трент. – Мы приехали.

Он заплатил шоферу, открыл дверь, провел Дермота темной лестницей, толчком распахнул еще одну дверь и впустил его в свой кабинет – маленькую комнатку на втором этаже. Потом включил свет и вошел следом за ним.

– Пока тут совершенно безопасно. А теперь мы в две головы подумаем, как быть дальше.

– Я поставил себя в глупое положение, – вдруг сказал Дермот. – Мне нечего было бояться. Теперь я это ясно вижу. Тут очевидный заговор. Какого черта ты смеешься?

Трент откинулся на спинку стула, трясясь от неудержимого смеха. В его смехе было что-то жуткое, что-то жуткое было и в нем самом. В его глазах появился странный блеск.

– Необычайно хитрый заговор, – подтвердил он, задыхаясь от смеха. – Дермот, дружище, тебе конец.

Он пододвинул к себе телефон.

– Что ты собираешься делать? – спросил Дермот.

– Звонить в Скотланд-Ярд. Сказать им, что птичка здесь, в надежном месте, и под замком. Да, я запер дверь, когда вошел, а ключ положил в карман. Ты напрасно смотришь на ту дверь, что у меня за спиной. Она ведет в комнату Клер, а она всегда закрывает ее изнутри. Понимаешь, она боится меня. Давно боится и всегда знает, когда я начинаю думать о ноже – о длинном и остром ноже. Оставь, ничего у тебя не выйдет...

Дермот уже хотел прыгнуть на него, но Джек достал из кармана ужасного вида револьвер.

– Это второй, – довольно засмеялся он. – Первый я положил в ящик твоего комода, сразу же после того, как застрелил из него старого Уэста. На что ты там смотришь через мою голову? На ту дверь? Напрасно. Даже если бы Клер открыла ее, а для тебя она могла бы это сделать, я подстрелил бы тебя прежде, чем ты до нее добрался. Не в сердце. Чтобы не убить, а только ранить, чтобы ты не смог

убежать. Я стреляю метко, ты знаешь. Когда-то я спас тебе жизнь. Дурак был. Нет, нет, я хочу, чтобы тебя повесили, именно повесили. А нож мне нужен не для тебя. Он для Клер, очаровательной Клер, такой белой и нежной. Старый Уэст об этом знал. Он для того и приходил сегодня, чтобы убедиться, сумасшедший я или нет. Он хотел запрятать меня за решетку, чтобы я не накинуся с ножом на Клер. Я был очень осторожным. Я взял его ключ и твой тоже, выскользнул из танцевального зала, только мы вошли туда. Поехал к его дому, зашел туда сразу после тебя, выстрелил и сразу вышел... Потом приехал к тебе, оставил револьвер, вернулся в Графтон почти одновременно с тобой, а когда мы с тобой прощались, положил ключ назад в карман твоего пальто. Я не боюсь тебе в этом признаться. Больше никто не слышит, а я хотел бы, чтобы ты, когда тебя будут вешать, знал: это сделал я... Боже, как мне смешно! О чем ты думаешь? Что ты, черт тебя побери, там видишь?

— Я думаю, что лучше бы тебе, Трент, не возвращаться домой.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Оглянись.

Трент быстро оглянулся. В двери соседней комнаты стояли Клер и инспектор Веролл...

Трент отреагировал молниеносно. Прозвучал выстрел — и попал в цель. Он упал поперек стола. Инспектор подскочил к нему, а Дермот, словно во сне, смотрел на Клер. Целый рой мыслей, без видимой связи между собой, промелькнул у него в голове: дядя, ссора с ним, страшное недоразумение — английский закон о разводе никогда бы не освободил Клер от сумасшедшего мужа, — «все нам, из-

вестное дело, жаль ее», договоренность между нею и сэром Эйлингтоном, которую хитрый Трент разгадал, ее слова: «Ужасно! Ужасно! Ужасно!» Да, но теперь...

Инспектор выпрямился.

– Мертв, – сказал он с досадой.

– Конечно, – услышал свой голос Дермот. – Он всегда метко стрелял...

УЛЫБКА ДЖОКОНДЫ

I

– Мисс Спенс сейчас пожалует, сэр.

– Благодарю вас, – сказал мистер Хаттон, не оборачиваясь. Горничная мисс Спенс была до такой степени уродлива – уродлива предумышленно, как ему всегда казалось, злонамеренно, преступно уродлива, – что он по возможности старался не смотреть на нее. Дверь закрылась. Оставшись один, мистер Хаттон встал и заходил по гостиной, поглядывая на знакомые вещи, которые встречало здесь его созерцательное око.

Фотографии греческой скульптуры, фотографии римского Форума, цветные репродукции картин итальянских мастеров-все такое бесспорное, такое известное. Бедняжка Дженнет! Какая узость кругозора, какой интеллектуальный снобизм! О ее подлинном вкусе можно судить вот по этой акварели уличного художника, за которую она заплатила два с половиной шиллинга (а за рамку тридцать пять). Сколько раз ему приходилось выслушивать от Дженнет эту историю, сколько раз она восхищалась при нем этой ловкой подделкой под олеографию. «Подлинный художник и где – на панели!» – и слово «художник» звучало в ее устах с большой буквы. Понимайте так, что ореол его славы осенил отчасти и Дженнет Спенс, не пожалевшую дать ему полкроны за копию с олеографии. Она как бы воздавала должное собственному вкусу и художественному чутью.

Подлинный старый мастер за полкроны. Бедняжка Дженнет!

Мистер Хаттон остановился перед небольшим продолговатым зеркалом. Нагнувшись слегка, чтобы разглядеть в нем свое лицо, он провел белым холеным пальцем по усам. Усы у него были такие же пышные и золотистые, как и двадцать лет назад. Волосы тоже не поседели, и пока что никакого намека на плешь – только лоб стал несколько выше. «Как у Шекспира», – улыбнувшись, подумал мистер Хаттон, разглядывая блестящую и гладкую крутизну своего чела.

«С другими спорят, ты ж неуязвим... Из бездн к вершинам... Величие твое... Шекспир! О, если бы ты жил среди нас! Впрочем, это, кажется, уже о Мильтоне – прекрасная дама Христова Колледжа. Да, но в нем-то, в нем самом ничего дамского нет. Таких, как он, женщины называют настоящими мужчинами. Поэтому он и пользуется успехом – женщинам нравятся его пышные золотистые усы и то, что от него приятно пахнет табаком. – Мистер Хаттон снова улыбнулся – он был не прочь подшутить над самим собой. – Прекрасная дама Христова? Э-э, нет! Дамский Христос, вот он кто. Мило, очень мило. Дамский Христос». Мистер Хаттон пожалел, что здесь не перед кем блеснуть таким каламбуром. Бедняжка Дженнет – увы! – не сможет оценить его.

Он выпрямился, пригладил волосы и снова заходил по гостиной. Римский форум, бр-р! Мистер Хаттон терпеть не мог эти унылые фотографии.

Вдруг он почувствовал, что Дженнет Спенс здесь, стоит в дверях. Он вздрогнул, точно застигнутый на месте пре-

ступления. Дженнет Спенс всегда появлялась бесшумно, как призрак, – это была одна из ее особенностей. «А что если она давно стоит в дверях и видела, как он разглядывает себя в зеркале? Нет, не может быть. А все-таки неприятно».

– Вы застали меня врасплох, – сказал мистер Хаттон, с протянутой рукой идя навстречу ей, и улыбка снова заиграла у него на лице.

Мисс Спенс тоже улыбалась – своей улыбкой Джоконды, как он однажды полунасмешливо польстил ей. Мисс Спенс приняла комплимент за чистую монету и с тех пор старалась держаться на высоте леонардовского образа. Отвечая на рукопожатие мистера Хаттона, она продолжала улыбаться молча – это тоже входило в роль Джоконды.

– Как вы себя чувствуете? Надеюсь, неплохо? – спросил мистер Хаттон. – Вид у вас прекрасный.

Какое странное у нее лицо! Этот ротик, стянутый улыбкой Джоконды в хоботок с круглой дыркой посредине, словно она вот-вот свистнет, был похож на ручку без пера. Надо ртом – тонкий нос с горбинкой. Глаза большие, блестящие и темные – глаза того разреза, блеска и темноты, которые будто созданы для ячменей и воспаленно-красных жилок на белке. Красивые, но неизменно серьезные глаза, ручка без пера сколько угодно могла изощряться в улыбке Джоконды, но взгляд оставался по-прежнему серьезным. Смело изогнутые, густо прочерченные темные брови придавали верхней части этого лица неожиданную властность-властность римской матроны. Волосы были темные, тоже как у римлянки, от бровей кверху – истинная Агриппина.

– Решил заглянуть к вам по дороге домой, – говорил мистер Хаттон. – Ах, как приятно... – он повел рукой, охватив этим жестом цветы в вазах, солнечные блики и зелень за окном, – как приятно вернуться на лоно природы после делового дня в душном городе.

Мисс Спенс села в кресло и указала ему на стул рядом с собой.

– Нет, нет, увольте! – воскликнул мистер Хаттон. – Тороплюсь домой, надо узнать, как там моя бедная Эмили. Ей нездоровилось с утра. – Тем не менее, он сел. – Все жалуется на приступы печени. Вечное недомогание. Женщинам... – мистер Хаттон осекся на полуслове и кашлянул, стараясь замять дальнейшее. Он чуть-чуть не сказал, что женщинам с плохим пищеварением не следует выходить замуж; но это было бы слишком жестоко с его стороны, да он, собственно, так не думал. К тому же Дженнет Спенс веровала в неугасимый пламень чувств и духовное единение. – Эмили надеется, что ей будет лучше, – добавил он, – и ждет вас к завтраку. Приедете? Ну, пожалуйста! – Он улыбнулся для вящей убедительности. – Учтите, что приглашение исходит и от меня.

Она потупилась, мистеру Хаттону показалось, что щеки у нее чуть порозовели. Это была дань ему, он провел рукой по усам.

– Если Эмили действительно не утомит мой приезд, я непременно буду.

– Разумеется, не утомит. Ваше присутствие подействует на нее благотворно. И не только на нее, но и на меня тоже. Поговорка «третий лишний» не распространяется на супружескую жизнь.

– О-о, какой вы циник!

Всякий раз, когда мистер Хаттон слышал это слово, ему хотелось огрызнуться: «Гав-гав-гав!» Оно коробило его больше всех других слов в языке. Однако вместо того чтобы залаять, он поспешил сказать:

– Нет, что вы! Я только повторяю печальную истину. Действительность не всегда соответствует нашим идеалам. Но это не уменьшает моей веры в них. Я страстно предан мечте об идеальном браке между двумя существами, живущими душа в душу. И, по-моему, этот мой идеал достижим. Безусловно, достижим.

Он многозначительно замолчал и бросил на нее лукавый взгляд. Девственница – но еще не увядшая, несмотря на свои тридцать шесть лет, – была не лишена своеобразной прелести. И к тому же в ней действительно есть что-то загадочное. Мисс Спенс ничего не ответила ему и продолжала улыбаться. Бывали минуты, когда мистеру Хаттону претила эта джокондовская улыбка. Он встал.

– Ну, мне пора. Прощайте, таинственная Джоконда. – Улыбка стала еще напряженнее, она сосредоточилась в стянувшемся по краям хоботке. Мистер Хаттон взмахнул рукой – в этом жесте было что-то от Высокого Возрождения – и поцеловал протянутые ему пальцы. Он впервые позволил себе такую вольность, и ее, видимо, не сочли чрезмерной. – С нетерпением буду ждать завтрашнего дня.

– В самом деле?

Вместо ответа мистер Хаттон поцеловал ей руку еще раз и повернулся к двери. Мисс Спенс вышла вместе с ним на террасу.

– А где ваша машина?

– Я оставил ее у ворот.

– Я пойду провожу вас.

– Нет! Нет! – Тон у мистера Хаттона был шутливый, но в то же время решительный. – Ни в коем случае. Запрещаю!

– Но мне хочется вас проводить, – запротестовала мисс Спенс, стрельнув в него своей Джокондой.

Мистер Хаттон поднял руку.

– Нет, – повторил он, потом коснулся пальцем губ, что можно было принять чуть ли не за воздушный поцелуй, и побежал по аллее, побежал на цыпочках, размашистыми, легкими прыжками, совсем как мальчишка. Сердце его переполнилось гордостью; в этом беге было что-то пленительно юношеское. Тем не менее он обрадовался, когда аллея кончилась. У поворота – там, где его еще можно было увидеть из дома, – он остановился и посмотрел назад. Мисс Спенс по-прежнему стояла на ступеньках террасы и улыбалась все той же улыбкой. Мистер Хаттон взмахнул рукой и на сей раз совершенно открыто и недвусмысленно послал ей воздушный поцелуй. Потом все тем же великолепным легким галопом завернул за темный мыс деревьев. Зная, что теперь его не видят, он перешел с галопа на рысцу и наконец с рысцы на шаг. Он вынул носовой платок и вытер шею под воротничком. «Боже, какой идиотизм! Есть ли на свете кто-либо глупее милейшей Дженнет Спенс? Вряд ли, разве только он сам. Причем его собственная глупость более зловредна, потому что он-то видит себя со стороны и все же упорствует в своей глупости. Спрашивается – зачем? А-а, поди разберись в самом себе, поди разберись в других людях».

Вот и ворота. У дороги стояла большая шикарная машина...

– Домой, Мак-Наб. – Шофер поднес руку к козырьку. – И у перекрестка, там, где всегда, остановитесь, – добавил мистер Хаттон, открывая заднюю дверцу. – Ну-с? – бросил он в полутьму машины.

– Ах, котик, как ты долго! – Голос, произнесший эти слова, был чистый и какой-то ребяческий. В выговоре слышалось что-то простецкое.

Мистер Хаттон согнул свой полный стан и юркнул внутрь с проворством зверька, наконец-то добравшегося до своей норки.

– Вот как? – сказал он, захлопнув дверцу. Машина взяла с места. – Значит, ты сильно соскучилась без меня, если тебе показалось, что я долго? – Он откинулся, на спинку низкого сиденья, его обволокло уютным теплом.

– Котик... – И прелестная головка со счастливым вздохом склонилась на плечо мистера Хаттона. Упоенный, он скосил глаза на ребячески округлое личико.

– Знаешь, Дорис, ты будто с портрета Луизы де Керуайл, – он зарыл пальцы в ее густые кудрявые волосы.

– А кто она есть, эта Луиза... Луиза Кера... как там ее? – Дорис говорила будто откуда-то издалека.

– Увы! Не есть, а была. *Fuit*¹⁷. О всех нас скажут – когда-нибудь-были-такие. А пока...

Мистер Хаттон покрыл поцелуями юное личико. Машина плавно шла по дороге. Спина Мак-Наба за стеклом кабины была точно каменная – это была спина статуи.

– Твои руки, – прошептала Дорис. – Не надо... Не трогай. Они как электричество.

¹⁷ Была (лат.).

Мистер Хаттон обожал, когда она, по молодости лет, несла вот такую чушь. Как поздно в жизни дано человеку постичь свое тело!

– Электричество не во мне, а в тебе. – Он снова стал целовать ее, шепча: – Дорис, Дорис, Дорис! «Это научное название морской мыши, – думал он, целуя запрокинутую шею, белую, смиренную, как шея жертвы, ждущей заклания карающим ножом. – Морская мышь похожа на колбаску с переливчатой шкуркой... странное существо. Или нет, Дорис – это, кажется, морской огурец, который выворачивается наизнанку в минуту опасности. Надо непременно съездить еще раз в Неаполь, хотя бы ради того, чтобы побывать в тамошнем аквариуме. Морские обитатели – существа совершенно фантастические, просто невероятные».

– Котик! – Тоже из зоологии, но он причислен к разряду наземных. Ох уж эти его убогие шуточки! – Котик! Я так счастлива!

– Я тоже, – сказал мистер Хаттон. Искренно ли?

– Но может быть, это нехорошо? Ах, если бы знать! Скажи мне, котик, хорошо это или дурно?

– Дорогая моя, я уже тридцать лет ломаю голову над этим вопросом.

– Нет, правда, котик! Я хочу знать. Может, это нехорошо. Может, нехорошо, что я сейчас с тобой, что мы любим друг друга и что меня бьет как электрическим током от твоих рук.

– Почему же нехорошо? Испытывать электрические токи гораздо полезнее для здоровья, чем подавлять в себе половые инстинкты. Надо тебе почитать Фрейда. Подавление половых инстинктов – страшное зло.

– Нет, ты не хочешь помочь мне. Поговори со мной серьезно. Если бы ты знал, как тяжело бывает у меня на душе, когда я думаю, что это нехорошо. А вдруг адское пекло и все такое и вправду есть? Я просто не знаю, как быть дальше. Может, мне надо разлюбить тебя.

– А ты смогла бы? – спросил мистер Хаттон, твердо веря в свою обольстительность и свои усы.

– Нет, котик, ты ведь знаешь, что не могу. Но ведь можно бежать от тебя, спрятаться, запереться на ключ и заставить себя не встречаться с тобой.

– Дурочка! – Он обнял ее еще крепче.

– Боже мой! Неужели это так скверно? А иногда на меня найдет, и мне становится все равно – хорошо это или дурно.

Мистер Хаттон растрогался. Эта девочка будила в нем покровительственные, нежные чувства. Он прильнул щекой к ее волосам, и оба они замолчали, прижавшись друг к другу и покачиваясь вместе с машиной, которая, чуть кренясь на поворотах, с жадностью вбирала в себя белую дорогу и окаймляющую ее пыльно-зеленую изгородь.

– До свидания, до свидания!

Машина тронулась, набрала скорость, исчезла за поворотом, а Дорис стояла одна у дорожного столба на перекрестке, все еще чувствуя дурман и слабость во всем теле после этих поцелуев и прикосновений этих ласковых рук, пронизывающих ее электрическим током. Надо было вздохнуть всей грудью, силой заставить себя очнуться, прежде чем идти домой. И за полмили ходьбы до дому еще придумать очередную ложь.

Оставшись один в машине, мистер Хаттон вдруг почувствовал, как его обуяла невыносимая скука.

II

Миссис Хаттон лежала на кушетке у себя в будуаре и раскладывала пасьянс. Был теплый июльский вечер, но в камине у нее горели дрова. Черный шпиц, разомлевший от жары и тягот пищеварительного процесса, спал на самом пекле у камина.

– Уф-ф! А тебе не жарко тут? – спросил мистер Хаттон, войдя в комнату.

– Ты же знаешь, милый, как мне нужно тепло, – голос был на грани слез. – Меня знобит.

– Как ты себя чувствуешь? Лучше?

– Да нет, не очень.

Разговор увял. Мистер Хаттон стоял, прислонившись спиной к каминной доске. Он посмотрел на шпица, лежавшего на ковре, перевернул его навзничь носком правого ботинка и почесал ему брюшко и грудь с проступавшими сквозь шерсть белыми пятнышками. Пес замер в блаженной истоме. Миссис Хаттон продолжала раскладывать пасьянс. Он не получался. Тогда она переложила одну карту, вторую сунула обратно в колоду и пошла дальше. Пасьянсы у нее всегда выходили.

– Доктор Либбард говорит, что мне надо съездить на воды в Лландриндод этим летом.

– Ну что ж, дорогая, поезжай. Конечно, поезжай. Мистер Хаттон вспоминал, как все было сегодня: как они с Дорис подъехали к лесу, нависшему над склоном, оставили машину поджидать их в тени деревьев, а сами ступили в безветрие и солнце, меловых холмов.

– Мне надо пить минеральную воду от печени, и еще он советует массаж и курс физиотерапии.

Со шляпой в руках Дорис подкрадывалась к голубеньким бабочкам, которые вчетвером плясали над скабиозой, голубыми огоньками мерцая в воздухе. Голубой огонек разлетелся четырьмя искрами и потух; она засмеялась, вскрикнула совсем по-детски и погналась за ними.

— Я уверен, что это пойдет тебе на пользу, дорогая.

— А ты, милый, поедешь со мной?

— Но ведь я собираюсь в Шотландию в конце месяца.

Миссис Хаттон умоляюще подняла на него глаза.

— А дорога? — сказала она. — Я не могу думать об этом без ужаса. Как я доберусь? И ты прекрасно знаешь, что в отелях меня мучает бессонница. А багаж и все другие хлопоты? Нет, одна я ехать не могу.

— Почему же одна? С тобой поедет горничная. — Он начинал терять терпение. Больная женщина оттесняла здоровую. Его насильно уводили от воспоминаний о залитых солнцем холмах, живой, смеющейся девушке и вталкивали в нездоровую духоту этой жарко натопленной комнаты с ее вечно на что-то жалующейся обитательницей.

— Нет, одна я не смогу поехать.

— Но если доктор велит ехать, значит, ехать надо. Кроме того, дорогая, перемена обстановки пойдет тебе на пользу.

— На это я и не надеюсь.

— Зато Либбард надеется, а он не станет говорить зря.

— Нет, не могу. Это мне не под силу. Я не доеду одна. — Миссис Хаттон вынула платок из черной шелковой сумочки и поднесла его к глазам.

— Все это вздор, дорогая. Возьми себя в руки.

— Нет, предоставьте мне умереть здесь, в покое. — Теперь она плакала по-настоящему.

– О, Боже! Ну нельзя же так! Подожди, послушай меня.
– Миссис Хаттон зарыдала еще громче. Ну что тут станешь делать! Он пожал плечами и вышел из комнаты.

Мистер Хаттон чувствовал, что ему следовало бы проявить большую выдержку, но ничего не мог с собой поделать. Еще в молодости он обнаружил, что не только не жалеет бедных, слабых, больных, калек, а попросту ненавидит их. В студенческие годы ему случилось провести три дня в одном ист-эндском пункте благотворительного общества. Он вернулся оттуда полный глубочайшего, непреодолимого отвращения. Вместо участия к несчастным людям в нем было одно только чувство – чувство гадливости. Он понимал, насколько несимпатична в человеке эта черта, и на первых порах стыдился ее. А потом решил, что такова уж у него натура, что себя не переборешь, и перестал испытывать угрызения совести. Когда он женился на Эмили, она была цветущая, красивая. Он любил ее. А теперь? Разве это его вина, что она стала такой?

Мистер Хаттон пообедал один. Вино и кушанья настроили его на более миролюбивый лад, чем до обеда. Решив загладить свою недавнюю вспышку, он поднялся к жене и вызвался почитать ей вслух. Она была тронута этим, приняла его предложение с благодарностью, и мистер Хаттон, щеголявший своим выговором, посоветовал что-нибудь не слишком серьезное, по-французски.

– По-французски? Да, я люблю французский, – миссис Хаттон отозвалась о языке Расина точно о тарелке зеленого горошка.

Мистер Хаттон сбегал к себе в кабинет и вернулся с желтеньким томиком. Он начал читать, выговаривая каж-

дое слово так старательно, что это целиком поглощало его внимание. Какой прекрасный у него выговор! Это обстоятельство благотворно сказывалось и на качестве романа, который он читал.

В конце пятнадцатой страницы ему вдруг послышались звуки, не оставляющие никаких сомнений в своей природе. Он поднял глаза от книги: миссис Хаттон спала. Он сидел, с холодным интересом разглядывая лицо спящей. Когда-то оно было прекрасно; когда-то давным-давно, видя его перед собой, вспоминая его, он испытывал такую глубину чувств, какой не знал, быть может, ни раньше, ни потом. Теперь это лицо было мертвенно-бледное, все в морщинах. Кожа туго обтягивала скулы и заострившийся, точно птичий клюв, нос. Закрытые глаза глубоко сидели в костяном ободке глазниц. Свет лампы, падавший на это лицо сбоку, подчеркивал бликами и тенями его выступы и впадины. Это было лицо мертвого Христа с «Pieta» Моралеса.

*La squelette etait invisible
Au temps heureux de l'artpaïen*¹⁸.

Он чуть поежился и на цыпочках вышел из комнаты. На следующий день миссис Хаттон спустилась в столовую ко второму завтраку. Ночью у нее были неприятные перебои, но теперь она чувствовала себя лучше. Кроме того, ей хотелось почтить гостью. Мисс Спенс слушала ее жалобы и опасения насчет поездки в Лландриндод, громко соболез-

¹⁸ Невидим был скелет. В счастливые времена языческого искусства (фр.).

новала ей и не скупилась на советы. О чем бы ни говорила мисс Спенс, в ее речах всегда чувствовался неудержимый напор. Она подавалась вперед, как бы беря своего собеседника на прицел, и выпаливала слово за словом. Бац! Бац! Взрывчатое вещество в ней воспламенялось, слова вылетали из крохотного жерла ее ротика. Она пулеметной очередью решетила миссис Хаттон своим сочувствием. Мистеру Хаттону тоже случалось попадать под такой обстрел, носивший большей частью литературный и философский характер, – в него палили Метерлинком, миссис Безант, Бергсоном, Уильямом Джеймсом. Сегодня пулемет строчил медициной. Мисс Спенс говорила о бессоннице, она разглагольствовала о целебных свойствах легких наркотиков и о благодетельных специалистах. Миссис Хаттон расцвела под этим обстрелом, как цветок на солнце.

Мистер Хаттон слушал их молча. Дженнет Спенс неизменно вызывала в нем любопытство. Он был не настолько романтичен, чтобы представить себе, что каждое человеческое лицо – это маска, за которой прячется внутренний лик, порой прекрасный, порой загадочный, что женская болтовня – это туман, нависающий над таинственными пучинами. Взять хотя бы его жену или Дорис – какими они кажутся, такие они и есть. Но с Дженнет Спенс дело обстояло иначе. Вот тут-то, за улыбкой Джоконды и римскими бровями, наверняка что-то кроется. Весь вопрос в том, что именно. Это всегда оставалось неясным мистеру Хаттону.

– А может быть, вам и не придется ехать в Лландриндод, – говорила мисс Спенс. – Если вы быстро поправитесь, доктор Либбард смилуется над вами.

– Я только на это и надеюсь. И в самом деле, сегодня мне гораздо лучше.

Мистеру Хаттону стало стыдно. Если бы не его черствость, ей было бы лучше не только сегодня. Он утешил себя тем, что ведь речь идет о самочувствии, а не о состоянии здоровья. Одним участием не излечишь ни больной печени, ни порока сердца.

– На твоём месте я не стал бы есть компот из красной смородины, дорогая, – сказал он, вдруг проявляя заботливость. – Ведь Либбард запретил тебе есть ягоды с кожицей и зернышками.

– Но я так люблю компот из красной смородины, – взмолилась миссис Хаттон, – а сегодня мне гораздо лучше.

– Нельзя быть таким деспотом, – сказала мисс Спенс, взглянув сначала на него, а потом на миссис Хаттон. – Дайте ей полакомиться, нашей бедной страдальце, вреда от этого не будет. – Она протянула руку и ласково потрепала миссис Хаттон по плечу.

– Благодарю вас, милочка. – Миссис Хаттон подложила себе ещё компота.

– Тогда уж лучше не вини меня, если тебе станет хуже.

– Разве я тебя, милый, когда-нибудь в чём-то винила?

– Я не давал тебе повода, – игриво заметил мистер Хаттон. – У тебя идеальный муж.

После завтрака они перешли в сад. С островка тени под старым кипарисом виднелась широкая, ровная лужайка, где металлически поблескивали цветы на клумбах.

Глубоко вздохнув, мистер Хаттон набрал полную грудь душистого теплого воздуха.

– Хорошо жить на свете, – сказал он.

– Да, хорошо, – подхватила его жена, протянув на солнце бледную руку с узловатыми пальцами.

Горничная подала кофе; серебряный кофейник, молочник и маленькие голубые чашки поставила на складной столик возле их стульев.

– А мое лекарство! – вдруг вспомнила миссис Хаттон. – Клара, сбегайте за ним, пожалуйста. Белый пузырек на буфете.

– Я схожу, – сказал мистер Хаттон. – Мне все равно надо за сигарой.

Он поспешил к дому. И, остановившись на минутку у порога, посмотрел назад Горничная шла по лужайке к дому. Сидя в шезлонге, его жена раскрывала белый зонтик. Мисс Спенс разливала кофе по чашкам, склонившись над столиком. Он вошел в прохладный сумрак дома.

– Вам с сахаром? – спросила мисс Спенс.

– Да, будьте добры. И пожалуйста, побольше. Кофе отобьет вкус лекарства.

Миссис Хаттон откинулась на спинку шезлонга и загородилась зонтиком от ослепительно сияющего неба.

У нее за спиной мисс Спенс осторожно позвякивала посудой.

– Я положила вам три полные ложки. Это отобьет вкус лекарства. А вот и он.

Мистер Хаттон вышел из дома с винным бокалом, до половины наполненным какой-то светлой жидкостью.

– Пахнет вкусно, – сказал он, передавая бокал жене.

– Оно чем-то приправлено для запаха. – Миссис Хаттон выпила лекарство залпом, передернулась и скорчила гримасу: – Фу, какая гадость! Дай мне кофе.

Мисс Спенс подала ей чашку, она отхлебнула из нее.

– Получился почти сироп. Но это даже вкусно после отвратительного лекарства.

В половине четвертого миссис Хаттон пожаловалась, что ей стало хуже, и ушла к себе – полежать. Муж хотел было напомнить ей про красную смородину, но вовремя удержался. Упрек «что я тебе говорил» принес бы ему сейчас слишком легкую победу. Вместо этого он проявил сочувствие к жене и повел ее под руку в дом.

– Отдохнешь, и все будет хорошо, – сказал он. – Да, кстати, я вернусь домой только после обеда.

– Как? Ты уезжаешь?

– Я обещал быть у Джонсона сегодня вечером. Нам надо обсудить проект памятника погибшим воинам.

– Пожалуйста, не уезжай! – Миссис Хаттон чуть не заплакала. – Может, ты все-таки не поедешь? Я так не люблю оставаться дома одна.

– Но, дорогая моя, я же обещал – и давно обещал. – Как неприятно, что приходится лгать! – А сейчас мне надо вернуться к мисс Спенс.

Он поцеловал ее в лоб и снова вышел в сад. Мисс Спенс так и нацелилась ему навстречу.

– Ваша жена совсем плоха! – выпалила она.

– А по-моему, ваш приезд так подбодрил ее.

– Это чисто нервное, чисто нервное. Я наблюдала за ней. Когда у человека сердце в таком состоянии да к тому же нарушено пищеварение... да, да, так нарушено... всего можно ждать.

– Либбард смотрит на здоровье бедной Эмили далеко не так мрачно. – Мистер Хаттон открыл калитку, ведущую из

сада в подъездную аллею. Машина мисс Спенс стояла у подъезда.

– Либбард всего лишь сельский врач. Вам надо пригласить к ней специалиста.

Он не мог не рассмеяться.

Мисс Спенс протестующе подняла руку.

– Я говорю совершенно серьезно. По-моему, бедняжка Эмили в тяжелом состоянии. Все может случиться в любой час, в любую минуту.

Он посадил ее в машину и захлопнул дверцу. Шофер завел мотор и сел за руль.

– Сказать ему, чтобы трогал? – Мистер Хаттон не желал продолжать этот разговор.

Мисс Спенс подалась вперед и выстрелила в него своей Джокондой:

– Не забудьте, я жду вас к себе, и в самое ближайшее время.

Он машинально осклабился, пробормотал что-то вежливое и помахал вслед отъезжающей машине. Он был счастлив, что наконец остался один.

Через несколько минут мистер Хаттон тоже уехал. Дорис ждала его у перекрестка. Они пообедали в придорожной гостинице в двадцати милях от его дома. Покормили их невкусно и дорого, как обычно кормят в загородных ресторанах, рассчитанных на проезжих автомобилистов. Мистер Хаттон ел через силу, но Дорис пообедала с удовольствием. Впрочем, она всегда и от всего получала удовольствие. Мистер Хаттон заказал шампанское – не лучшей марки. Он жалел, что не провел этот вечер у себя в кабинете.

На обратном пути Дорис, немножко охмелевшая, была сама нежность. В машине было совсем темно, но, глядя вперед, мимо неподвижной спины Мак-Наба, они видели узкий мирок ярких красок и контуров, вырванных из мрака автомобильными фарами.

Мистер Хаттон попал домой в двенадцатом часу. В холле его встретил доктор Либбард. Это был человек невысокого роста, с изящными руками, тонкими, почти женскими чертами лица. Его большие карие глаза смотрели грустно. Он тратил уйму времени на пациентов, подолгу сидел у их постели, излучая печаль взглядом, и вел тихую печальную беседу – собственно, ни о чем. От него исходил приятный запах, безусловно антисептический, но в то же время неназойливый и тонкий.

– Либбард? – удивился мистер Хаттон. – Почему вы здесь? Моей жене стало хуже?

– Мы весь вечер старались связаться с вами, – ответил мягкий, грустный голос. – Думали, вы у Джонсона, но там ответили, что вас нет.

– Да, я задержался в дороге. Машина сломалась, – с досадой ответил мистер Хаттон. Неприятно, когда тебя уличили во лжи.

– Ваша жена срочно требовала вас.

– Я сейчас же поднимусь к ней, – мистер Хаттон шагнул к лестнице.

Доктор Либбард придержал его за локоть.

– К сожалению, теперь уже поздно.

– Поздно? – Его пальцы затеребили цепочку от часов; часы никак не хотели вылезать из кармашка.

– Миссис Хаттон скончалась полчаса тому назад. Тихий

голос не дрогнул, печаль в глазах не углубилась. Доктор Либбард говорил о смерти так же, как он стал бы говорить об игре в крикет между местными командами. Все на свете суета сует, и все одинаково прискорбно.

Мистер Хаттон поймал себя на том, что вспоминает слова мисс Спенс: «В любой час, в любую минуту...» Поразительно! Как она была права!

– Что случилось? – спросил он. – Умерла? Отчего?

Доктор Либбард пояснил:

– Паралич сердца, результат сильного приступа рвоты, вызванного, в свою очередь, тем, что больная съела что-то неудобоваримое.

– Компот из красной смородины, – подсказал мистер Хаттон.

– Весьма возможно. Сердце не выдержало. Хронический порок клапанов. Напряжение было чрезвычайным. Теперь все кончено, она мучилась недолго.

III

«Какая досада, что похороны назначены на день матча между Итоном и Харроу», – говорил старый генерал Грегго, стоя с цилиндром в руках под крытым входом на кладбище и вытирая лицо носовым платком.

Мистер Хаттон услышал эти слова и с трудом подавил в себе желание нанести тяжелые увечья генералу. Ему захотелось расквасить старому негодяю его обрюзгшую, багровую физиономию. Не лицо, а тутовая ягода, присыпанная мукой. Должно же быть какое-то уважение к мертвым. Неужели всем все равно? Теоретически ему тоже было

более или менее все равно – пусть мертвые хоронят своих мертвецов, но тут, у могилы, он вдруг поймал себя на том, что плачет. Бедная Эмили! Когда-то они были счастливы! Теперь она лежит на дне глубокой ямы. А этот Грег ворчит, что ему не придется побывать на матче между Итоном и Харроу.

Мистер Хаттон оглянулся на черные фигуры, которые по двое, по трое тянулись к машинам и каретам, стоявшим за воротами кладбища. Рядом с ослепительной пестротой июльских цветов, зеленым трав и листвы эти фигуры казались чем-то неестественным, чуждым здесь. Он с удовольствием подумал, что все эти люди тоже когда-нибудь умрут.

В тот вечер мистер Хаттон допоздна засиделся у себя в кабинете над чтением биографии Мильтона. Его выбор пал на Мильтона потому, что эта книга первая подвернулась ему под руку, только и всего. Когда он кончил читать, было уже за полночь. Он встал с кресла, отодвинул задвижку на стеклянной двери и вышел на небольшую каменную террасу. Ночь стояла тихая и ясная. Мистер Хаттон посмотрел на звезды и на черные провалы между ними, опустил глаза к темной садовой лужайке и обесцвеченным ночью клумбам, перевел взгляд на черно-серые под луной просторы вдали.

Он думал – напряженно, путаясь в мыслях. Есть на свете звезды, есть Милтон. В какой-то мере человек может стать равным звездам и ночи. Величие, благородство души. Но действительно ли существует различие между благородством и низостью? Милтон, звезды, смерть и он... он сам. Душа, тело – возвышенное, низменное в че-

ловческой природе. Может, в этом и есть доля истины. Прибежищем Мильтона были Бог и праведность. А у него что? Ничего, равным счетом ничего. Только маленькие груди Дорис. В чем смысл всего этого? Мильтон, звезды, смерть, и Эмили в могиле, Дорис и он – он сам... Всегда возвращающийся к себе.

Да, он существо ничтожное, мерзкое. Доказательств тому сколько угодно. Это была торжественная минута. Он сказал вслух: «Клянусь! Клянусь! – Звук собственного голоса в ночной темноте ужаснул его; ему казалось, что столь грозная клятва могла бы связать даже богов. – Клянусь! Клянусь!»

В прошлом, в канун Нового года и в другие торжественные дни, он чувствовал такие же угрызения совести, давал такие же обеты. Все они растаяли, эти решения, рассеялись, точно дым. Но таких минут, как эта, не было никогда, и он еще не давал себе более страшной клятвы. Теперь все пойдет по-иному. Да, он будет жить, повинаясь рассудку, он будет трудиться, он обуздает свои страсти, он посвятит свою жизнь какому-нибудь полезному делу. Это решено, и так тому и быть.

Он уже прикидывал мысленно, что утренние часы пойдут на хозяйственные дела, на разъезды по имению вместе с управляющим – земли его будут обрабатываться по последнему слову агрономии – силосование, искусственные удобрения, севооборот и все такое прочее. Остаток дня будет отведен серьезным занятиям. Сколько лет он собирается написать книгу – «О влиянии болезней на цивилизацию».

Мистер Хаттон лег спать, сокрушаясь в сердце своем,

полный кротости духа, но в то же время с верой в то» что на него сошла благодать. Он проспал семь с половиной часов и проснулся ярким солнечным утром. После крепкого сна вчерашние волнения улеглись и перешли в обычную для него жизнерадостность. Очнувшись, он не сразу, а только через несколько минут вспомнил свои решения, свою стигийскую клятву. При солнечном свете Мильтон и смерть уже не так волновали его. Что касается звезд, то они исчезли. Но принятые им решения правильны, это было несомненно даже днем. Позавтракав, он велел оседлать лошадь и объехал свое поместье в сопровождении управляющего. После второго завтрака читал Фукидида о чуме в Афинах. Вечером сделал кое-какие выписки о малярии в Южной Италии. Раздеваясь на ночь, вспомнил, что в юмористическом сборнике Скелтона есть забавный анекдот о «потнице». Жаль, не оказалось карандаша под рукой, он записал бы и это.

На шестой день своей новой жизни мистер Хаттон, разбирая утром почту, увидел конверт, надписанный знакомым ему неинтеллигентным почерком Дорис. Он распечатал его и стал читать письмо. Она не знала, что сказать ему, ведь слова ничего не выражают. Его жена умерла – и так внезапно... Как это страшно! Мистер Хаттон вздохнул, но дальнейшее показалось ему более интересным:

«Смерть – это ужас, я стараюсь гнать от себя мысли о ней.

Но когда услышишь про такое, или когда мне нездоровится, или когда бывает скверно на душе, я вспоминаю, что смерть – вот она, близко, и начинаю думать о всем

нехорошем, что делала в жизни, и о нас с тобой, и не знаю, что будет дальше, и мне становится страшно. Я такая одинокая, котик, и такая несчастная, и ума не приложу, что делать. Я не могу не думать о смерти и я такая неприкаянная, такая беспомощная без тебя. Я не хотела тебе писать – думала, подожду, когда ты снимешь траур и сможешь опять встречаться со мной, но мне было так одиноко, так грустно, котик, что я не удержалась и пишу тебе. Я не могу иначе. Прости! Но я так хочу быть с тобой. Ты у меня один во всем мире. Ты такой добрый, нежный, ты все понимаешь, таких, как ты, больше нет. Я никогда не забуду, какой ты был добрый и ласковый ко мне. И ты такой умный и столько всего знаешь, что я не понимаю, как ты мог заметить меня, необразованную, глупую, и не только заметил, а и полюбил, потому что ты ведь любишь меня немножко, правда, котик?»

Мистер Хаттон почувствовал стыд и угрызения совести. Перед ним преклоняются, ему приносят благодарность. И кто, за что? Эта девушка, за то, что он совратил ее! Это уже слишком! Большой нелепости не выдумаешь. С его стороны это был каприз. Бессмысленный, дурацкий каприз – только и всего. Ведь если говорить начистоту, так большой радости это ему не принесло. По сути дела, он не столько развлекался, сколько скучал с Дорис. Когда-то он мнил себя гедонистом. Но гедонизм не исключает известной доли рассудочности – это сознательный выбор заведомых наслаждений, сознательное уклонение от заведомых страданий. Он же поступал безрассудно, вопреки рассудку. Ему заранее было известно – слишком хорошо известно! –

что его жалкие романы ничего не принесут, И все же, как только смутный зуд в крови охватывал его, он поддавался ему и – в который раз! – увязал в этих глупейших интрижках. Вспомнить хотя бы Мэгги – горничную его жены, Эдит – девушку с соседней фермы и миссис Прингл, и лондонскую официантку, и других, чуть ли не десятки других. И всякий раз ничего, кроме однообразия и скуки. Он-то знал заранее, как все сложится, всегда знал. И все-таки, все-таки... Опыт ничему нас не учит!

Бедная, маленькая Дорис! Он ответит ей ласково, постарается утешить, но встречаться они больше не будут. Вошедший лакей доложил, что лошадь подана и ждет его у подъезда. Он сел в седло и уехал. В то утро старик управляющий действовал ему на нервы больше, чем обычно.

Спустя пять дней Дорис и мистер Хаттон сидели на пристани в Саутэнде: Дорис – в легком белом платье с розовой отделкой – так и сияла от счастья, мистер Хаттон, вытянув ноги и сдвинув панаму на затылок, покачивался на стуле и пытался войти в роль эдакого заправского гуляки. А ночью, когда уснувшая Дорис тепло дышала возле него, сквозь мрак и истому во всем теле к нему пробрались космические чувства, владевшие им в тот вечер – всего лишь две недели назад, – когда он принял такое важное решение. Итак, ту торжественную клятву постигла участь многих других его решений. Безрассудство восторжествовало, он поддался первому же зуду желания. Безнадежный, совершенно безнадежный человек.

Он долго лежал с закрытыми глазами, размышляя над своим позором. Дорис шевельнулась во сне, мистер Хаттон повернул к ней голову. В слабом свете, проникавшем с

улицы сквозь неплотно задернутые занавески, виднелась ее обнаженная до плеча рука, шея и темная путаница волос на подушке. Она была такая красивая, такая соблазнительная. Стоит ли ему сокрушаться о своих грехах? Какое это имеет значение? Безнадежный? Ну и пусть, надо извлечь самое лучшее из своей безнадежности. Ликующее чувство свободы вдруг охватило его. Он свободен, он волен делать все что угодно. В порыве восторга он привлек Дорис к себе. Она проснулась растерянная, почти испуганная его грубыми поцелуями.

Буря желания утихла, перейдя в какую-то бездумную веселость. Все вокруг словно переливалось неудержимым беззвучным смехом.

– Кто, ну кто любит тебя больше, чем я, котик? – Вопрос прозвучал еле слышно, он донесся сюда из далеких миров любви.

– А я знаю кто, – ответил мистер Хаттон. Подводный смех вскипал, ширился и, того и гляди, мог вырваться на поверхность тишины.

– Кто? Скажи мне. О ком это ты? – Теперь голос звучал совсем близко, настороженный, тревожный, негодующий, он был не от мира сего.

– А-а...

– Кто?

– Ни за что не отгадаешь. – Мистер Хаттон продолжал ломать комедию, пока это не наскучило ему, и тогда назвал имя: – Дженнет Спенс.

Дорис не поверила своим ушам.

– Мисс Спенс, та, что живет на вилле? Та самая старуха? – Это было просто смехотворно. Мистер Хаттон тоже расхохотался.

– Нет, правда, правда, – сказал он. – Она без ума от меня. – Вот комедия! – Он повидает ее сразу же, как только вернется, – повидает и покорит. – По-моему, она метит за меня замуж, – добавил он.

– Но ты... ты не собираешься?

Воздух словно дрожал от его веселья. Мистер Хаттон захохотал во весь голос.

– Я собираюсь жениться на тебе, – ответил он. Ничего комичнее он в жизни своей не придумывал.

Когда мистер Хаттон уезжал из Саутэнда, он снова стал женатым человеком. Между ними было решено держать это в секрете до поры до времени. Осенью они уедут за границу, и тогда пусть все знают. Пока же он возвращался домой, а Дорис к своим.

На следующий день после приезда он пошел навестить мисс Спенс. Она встретила его обычной Джокондой:

– А я ждала вас.

– Разве я могу подолгу не видеться с вами? – галантно ответил мистер Хаттон.

Они сидели в садовой беседке. Это было маленькое сооружение в виде древнего храма, приютившегося среди густых зарослей вечнозеленого кустарника. Мисс Спенс и тут оставила свою печать: над скамьей висел бело-синий рельеф с мадонной Делла Роббиа.

– Хочу поехать осенью в Италию, – сказал мистер Хаттон. Веселость бродила в нем, как имбирное пиво в бутылке, из которой, того и гляди, вылетит пробка.

– Италия... – Мисс Спенс в экстазе закрыла глаза. – Меня тоже влечет туда.

– Ах, не знаю. Как-то нет ни сил, ни охоты путешествовать в одиночестве.

– В одиночестве... – Ах, этот рокот гитар, гортанное пение! – Да, в одиночестве путешествовать скучно.

Мисс Спенс молча откинулась на спинку кресла. Глаза у нее все еще были закрыты. Мистер Хаттон погладил усы. Молчание длилось и начинало затягиваться.

Когда мистера Хаттона стали действительно приглашать к обеду, он и не подумал отказаться. Самое интересное только начиналось. Стол накрыли в лоджии. Сквозь проемы ее арок им были видны садовые склоны, равнина под ними и далекие холмы. Свет заметно убывал; жара и молчание становились гнетущими. По небу ползла большая туча, издалека доносились чуть слышные вздохи грома. Они звучали все явственнее, поднялся ветер, упали первые капли дождя. Посуду со стола убрали. Мисс Спенс и мистер Хаттон сидели в сгущающейся темноте.

Мисс Спенс нарушила долгое молчание, задумчиво проговорив:

– По-моему, каждый человек имеет право на свою долю счастья, ведь правда?

– Безусловно.

Но к чему она клонит? Такие обобщения, как правило, предваряют излияния на личные темы. Счастье. Он оглянулся на свое прошлое и увидел безмятежное, мирное существование, не омраченное ни невзгодами, ни тревогами, ни сколько-нибудь серьезными горестями. У него всегда были деньги, он всегда пользовался свободой и, в общем, мог делать почти все что угодно. Да, пожалуй, счастье улыбалось ему – больше, чем многим другим людям. А теперь он не только счастлив – в чувстве безответственной свободы перед ним открылся секрет жизнерадостности. Он

уже собрался распространиться на эту тему, но тут мисс Спенс заговорила сама:

– Такие люди, как вы и я, – имеем же мы право испытать счастье хоть раз в жизни.

– Такие, как я? – с удивлением переспросил мистер Хаттон.

– Бедный Генри! Судьба была не очень-то милостива к нам с вами.

– Ну что вы? Со мной она могла бы обойтись и похуже.

– Вы просто бодритесь, и это, конечно, мужественно с вашей стороны. Но знаете, эта маска ничего от меня не скроет.

Дождь шумел все сильнее и сильнее, мисс Спенс говорила все громче. Ее слова то и дело тонули в громовых раскатах. Она не умолкала, стараясь перекричать их.

– Я так понимаю вас, я давно, давно поняла вас. Ее осветила вспышка молнии. Она целилась в него, напряженно подавшись всем телом вперед. Глаза как черные грозные жерла двустволки. И снова темнота.

– Ваша тоскующая душа искала близкую душу. Я знала, как вы одиноки. Ваша супружеская жизнь. – Удар грома оборвал конец фразы. Потом голос мисс Спенс послышался снова:

– ...не пара человеку вашего склада. Вам нужна родная душа.

Родная душа – ему? Родная душа! Боже! Какая несусветная чепуха! «Жоржет Леблан – когда-то родная душа Мориса Метерлинка». На днях он видел такой заголовок в газете. Значит, вот каким рисует его в своем воображении Дженнет Спенс – охотником до родной души? А в глазах

Дорис он кладезь ума и сама доброта. Что же он такое на самом деле? Кто знает...

– Сердце мое потянулось к вам. Я все, все понимала. Я тоже была одинока. – Она положила руку ему на колено. – Вы были так терпеливы! – Вспышка молнии. Мисс Спенс по-прежнему опасно целилась в него. – Ни слова жалобы! Но я догадывалась, догадывалась...

– Как это мило с вашей стороны. – Так, значит, он *amé incomprise*¹⁹. – Только женская интуиция...

Гром грянул, прокатился в небе, затих где-то вдали и оставил после себя лишь шум дождя. Гром – это был его смех, вырвавшийся наружу, усиленный во сто крат. Опять молния, удар – теперь прямо у них над головой.

– А вы не чувствуете, что эта буря сродни вам? – Он будто видел, как она подается всем телом вперед, произнося эти слова. – Страсть сближает нас со стихиями.

Каков же будет его следующий ход? По-видимому, надо сказать «да» и отважиться на какой-нибудь недвусмысленный жест. Но мистер Хаттон вдруг струсил. Имбирное пиво, бродившее в нем, вдруг сразу выдохлось. Эта женщина не шутит – какие там шутки! Он пришел в ужас.

– Страсть? Нет, – с отчаянием в голосе ответил он. – Страсти мне неведомы.

Однако его ответ то ли не расслышали, то ли оставили без внимания, ибо мисс Спенс говорила все взволнованнее, но так быстро и таким жгуче-интимным шепотом, что ее с трудом можно было расслышать. Насколько он понимал, она рассказывала ему историю своей жизни. Молния

¹⁹ Непонятая душа (фр.)

сверкала теперь реже, и они подолгу сидели в кромешной тьме. Но при каждой вспышке он видел, что она по-прежнему держит его на прицеле и так и тянется к нему всем телом. Темнота, дождь – и вдруг молния. Ее лицо было близко, совсем близко. Бескровная зеленоватая маска: огромные глаза, крохотное жерло ротика, густые брови. Агриппина... или нет, скорее... да, скорее Джордж Роби.

Планы спасения, один другого нелепее, зароились у него в мозгу. А что, если вдруг вскочить, будто он увидел грабителя? «Держи вора, держи вора!» – и броситься во мрак, в погоню за ним. Или сказать, будто ему стало дурно – сердечный приступ... или что он увидел призрак в саду – призрак Эмили? Поглощенный этими ребяческими выдумками, он не слушал мисс Спенс. Но ее пальцы, судорожно вцепившиеся ему в руку, вернули его к действительности.

– Я уважала вас за это. Генри, – говорила она.

Уважала? За что?

– Узы брака священны, и то, что вы свято чтите их, хотя ваш брак не принес вам счастья, заставило меня уважать вас, восхищаться вами и... осмелюсь ли я произнести это слово?..

Грабитель, призрак в саду! Нет, поздно!

– ...и полюбить вас. Генри, полюбить еще сильнее. Но, Генри, теперь мы свободны!

Свободны? В темноте послышался шорох – она опустилась на колени перед его креслом:

– Генри! Генри! Я тоже была несчастна.

Ее руки обвились вокруг него, и по тому, как вздрагивали ее плечи, он понял, что она рыдает. Словно просительница, молящая о пощаде.

– Не надо, Дженнет! – воскликнул он. Эти слезы были ужасны, ужасны. – Нет, только не сейчас. Успокойтесь, подите лягте в постель. – Он похлопал ее по плечу и встал, высвободясь из ее объятий. Она так и осталась на полу возле кресла, на котором он сидел.

Пробравшись ощупью в холл и даже не разыскав свою шляпу, он вышел из дома и осторожно прикрыл за собой дверь, так, чтобы не скрипнуло. Тучи рассеялись, в чистом небе светила луна. Дорожка была вся в лужах, из канав и стоков доносилось журчание воды. Мистер Хаттон шлепал прямо по лужам, не боясь промочить ноги.

Как она рыдала! Душераздирающе! К чувству жалости и раскаянию, которое вызывало в нем это воспоминание, примешивалось чувство обиды. Неужели она не могла подыграть ему в той игре, которую он вел, – в жестокой и забавной игре? Но ведь он с самого начала знал, что она не захочет, не сможет играть в эту игру, знал и все же продолжал свое.

Что она там говорила о страстях и стихиях? Что-то донельзя избитое и в то же время правильное, правильное. Она была как подбитая чернотой туча, чреватая громом, а он, наивный мальчонка Бенджамин Франклин, запустил воздушного змея в самую гущу этой грозы. Да еще жалуеться теперь, что его игрушка вызвала молнию.

Может, она и сейчас стоит там, в лоджии, на коленях перед креслом и плачет.

Но почему сейчас он не мог продолжать свою игру? Почему чувство полной безответственности вдруг исчезло, бросив его, мгновенно отрезвевшего, на милость этого холодного мира? Ответов на свои вопросы он не находил. В

мозгу у него ровным ярким огнем горела одна мысль — мысль о бегстве. Бежать отсюда не медля ни минуты.

IV

— О чем ты думаешь, котик?

— Так, ни о чем.

Наступило молчание. Мистер Хаттон сидел, облокотившись о парапет земляной террасы, подперев подбородок руками, и смотрел вниз, на Флоренцию. Он снял виллу на одном из холмов к югу от города. С маленькой террасы в глубине сада открывался вид на плодородную долину, тянувшуюся до самой Флоренции, на темную громаду Монте-Морелло за ней, а правее, к востоку, на рассыпанные по склону белые домики Фьезоле. Все это ярко освещалось в лучах сентябрьского солнца.

— Тебя что-нибудь тревожит?

— Нет, спасибо.

— Признайся, котик.

— Но, дорогая моя, мне не в чем признаваться, — мистер Хаттон оглянулся и с улыбкой похлопал Дорис по руке. — Шла бы ты лучше в комнаты, сейчас время, сиесты. Здесь слишком жарко.

— Хорошо, котик. А ты придешь?

— Вот только докурю сигару.

— Ну хорошо. Только докуривай скорее, котик. — Медленно, неохотно она спустилась по ступенькам в сад и пошла к вилле.

Мистер Хаттон продолжал созерцать Флоренцию. Ему хотелось побыть одному. Хорошо было, хоть ненадолго,

избавиться от присутствия Дорис, от этой неустанной заботливости влюбленной женщины. Он никогда не испытывал мук безответной любви, зато теперь ему приходилось терпеть муки человека, которого любят. Последние несколько недель тянулись одна другой томительнее. Дорис всегда была с ним как навязчивая мысль, как беспокойная совесть. Да, хорошо побыть одному.

Он вынул из кармана конверт и не без опаски распечатал его. Он терпеть не мог писем – теперь, после его вторичной женитьбы. Это письмо было от сестры. Он наскоро пробежал оскорбительные прописные истины, из которых оно состояло. «Неприличная поспешность», «положение в обществе», «равносильно самоубийству», «не успела остыть», «девица из простонародья» – все как на подбор. Без таких слов не обходилось теперь ни одно послание от его благожелательных и трезво мыслящих родственников. Раздосадованный, он хотел было изорвать в клочья это глупейшее письмо, как вдруг на глаза ему попала строка в конце третьей страницы. Сердце у него болезненно заколотилось. Это что-то чудовищное! Дженнет Спенс выпускает слухи, будто он отравил свою жену, чтобы жениться на Дорис. Откуда такая дьявольская злоба? Мистер Хаттон – человек по натуре мягкий – почувствовал, что его трясет от ярости. Он отвел душу бранью с чисто ребяческим удовлетворением обзывая эту женщину последними словами.

И вдруг ему открылась нелепейшая сторона всей ситуации. Подумать только! Будто он мог убить кого-то, чтобы жениться на Дорис! Если бы кто знал, как ему томительно скучно с ней. Бедняжка Дженнет! Она хотела

отомстить, а добилаь лишь того, что выставила себя ду-
рой.

Звуки шагов привлекли его внимание, он оглянулся. В саду под террасой хозяйская служанка снимала апельсины с дерева. Эта неаполитанская девушка, которую занесло из родных мест так далеко на север, во Флоренцию, являла классический, хоть и несколько огрубленный тип красоты. Такой профиль можно увидеть на не очень старинной сицилианской монете. Крупные черты ее лица верные великому идеалу, свидетельствовали о глупости, доведенной почти до совершенства. Самое красивое в этом лице был рот; природа каллиграфически вывела линию губ, в то же время придав рту выражение тупого ослиного упрямства... Под безобразным черным платьем мистер Хаттон угадывал тело – сильное, упругое, литое. Он и раньше поглядывал на него с интересом и смутным любопытством. Сегодня любопытство, определилось и перешло в нечто другое – стало желанием. Идиллия Теокрита. Вот она, женщина; правда, сам он не очень-то похож на пастушка с вулканических холмов. Он окликнул ее:

– Армида!

Улыбка, которой она ответила ему, была такой вызывающей, говорила о столь легковесной добродетели, что мистер Хаттон струхнул. Он снова, снова на грани. Надо отступить, назад, скорее, скорее, не то будет поздно. Подняв голову, девушка смотрела на него.

– На *chiamato*²⁰? – спросила она наконец.

Что же? Безрассудство или разум? А-а, выбора теперь уже нет. Безумие всегда побеждало.

²⁰ Вы меня звали? (ит.)

– Scendo²¹! – крикнул мистер Хаттон. С террасы в сад было двадцать ступенек. Он считал их одну за другой. Вниз, вниз, вниз... Мистер Хаттон ясно видел со стороны, как он спускается из одного круга ада в другой – из мрака, где бушуют вихри и град, в бездну зловонной грязи.

V

В течение многих дней дело Хаттона не сходило с первых страниц всех газет. Более сенсационного процесса не было с тех самых пор, как Джордж Смит на время затмил собой мировую войну, утопив в теплой ванне свою седьмую супругу. Читающую публику волновали газетные отчеты об убийстве, раскрытом только спустя много месяцев со дня его свершения. Все считали, что это тот самый случай в человеческой жизни, тем более примечательный по своей исключительности, когда неисповедимое правосудие становится понятно и зримо каждому. Преступная страсть толкнула безнравственного человека на убийство жены. Долгие месяцы он прожил в грехе, мнил себя в полной безопасности и под конец был внезапно низвергнут в яму, вырытую им собственными руками. Вот лучшее доказательство тому, что убийство скрыть нельзя. Читатели газет получили полную возможность следить за каждым движением карающей десницы Божьей. Сначала неясные, но упорные слухи среди соседей; полиция наконец-то принимает меры. Постановление об эксгумации, вскрытие тела, предварительное следствие, заключения

²¹ Бегу! (ит.)

экспертов, судебный процесс, вердикт присяжных, обвинительный приговор. На сей, раз провидение выполнило свой долг грубо, наглядно, поучительно, как в мелодраме. Газеты поступили правильно преподнеся этот процесс как основную пищу для умов своих читателей на целый сезон.

Когда мистера Хаттона вызвали из Италии для дачи показаний на предварительном следствии, первой его реакцией было возмущение. Ну не чудовищно, не позорно ли, что полиция принимает всерьез какие-то пустые злобные сплетни! Как только предварительное следствие закончится, он подаст в суд на начальника полиции графства за ничем не обоснованное судебное преследование; он протянет за клевету эту мерзавку Спенс.

Предварительное следствие началось: выявились поразительные факты. Эксперты произвели вскрытие тела и обнаружили следы мышьяка; они считают, что причиной смерти миссис Хаттон было отравление мышьяком.

Отравление мышьяком... Эмили умерла, отравленная мышьяком? Вслед за тем мистер Хаттон узнал, к своему удивлению, что в его оранжереях было достаточно мышьяковых инсектицидов, чтобы отравить целую армию.

И только тогда он вдруг понял: его подозревают в убийстве. Словно замороженный, он следил за тем, как это дело росло, росло, подобно некоему чудовищному тропическому растению. Оно окутывало, окружало его со всех сторон; он блуждал в непроходимой чаще.

Когда был дан мышьяк? Эксперты сошлись на том, что покойная проглотила его за восемь-девять часов до смерти. Примерно во время второго завтрака? Да, примерно во время второго завтрака. Вызвали горничную Клару. Мис-

сис Хаттон, показала она, велела ей принести лекарство. Мистер Хаттон принес не весь флакон, а винный бокал с дозой лекарства.

Возмущение мистера Хаттона как рукой сняло. Он был подавлен, испуган. Это казалось ему настолько диким, что отнестись серьезно к такому кошмару он не мог, и тем не менее факт оставался фактом – все происходило наяву.

Мак-Наб не раз видел, как они целовались. Он возил их в день смерти миссис Хаттон. Ему было все видно в ветровое стекло, и если поглядеть искоса, тоже видно.

Предварительное следствие закончилось. В тот вечер Дорис легла в постель с сильной головной болью. Войдя к ней в спальню после обеда, мистер Хаттон застал ее в слезах.

– Что с тобой? – Он сел на кровать рядом с ней и погладил ее по волосам. Она долго не могла ответить ему, он машинально, почти бессознательно гладил ее по голове, иногда наклоняясь и целуя ее в обнаженное плечо. Но думал он о своих делах. Что произошло? Каким образом эта нелепая сплетня оказалась правдой? Эмили умерла, отравленная мышьяком. Это было немыслимо, это не укладывалось у него в голове. Естественный ход вещей нарушен, и он во власти какой-то бессмыслицы. Что же произошло, что будет дальше? Ему пришлось оторваться от своих мыслей.

– Это моя вина... Это моя вина! – сквозь слезы вырвалось у Дорис. – Зачем я тебя полюбила! Зачем я позволила тебе полюбить меня! Зачем я родилась на свет Божий!

Мистер Хаттон ничего не сказал, молча глядя на эту жалкую фигурку, лежавшую на кровати.

– Если с тобой что-нибудь сделают, я не останусь жить.

Она приподнялась в постели и, держа его за плечи на расстоянии вытянутых рук, впиалась ему в лицо таким взглядом, точно они виделись в последний раз.

– Я люблю тебя, люблю, люблю! – Она притянула его к себе вялого, покорного, – прижалась к нему. – Котик! Я не знала, что ты так любишь меня. Но зачем, зачем ты это сделал?

Мистер Хаттон высвободился из ее рук и встал. Лицо у него побагровело.

– Ты, кажется, убеждена, что я действительно убил свою жену, – сказал он. – Это просто дико! За кого вы все меня принимаете? За героя экрана? – Он начинал выходить из себя. Все раздражение, весь страх и растерянность, владевшие им целый день, вылились в ярость против нее. – Боже! Как это глупо! Имеешь ли ты хоть малейшее понятие об интеллекте цивилизованного человеческого существа? Неужели я похож на человека, который убивает всех проходя? Ты, верно, воображаешь, что я влюбился в тебя до полной потери сознания и с легкостью решился на такое безумство? Когда вы, женщины, поймете, что любви до потери сознания не бывает? Человеку нужно одно: спокойная жизнь – то, чего вы как раз не хотите ему дать. Я сам не понимаю, какого черта мне понадобилось жениться на тебе. Это была глупейшая шутка. А теперь ты твердишь, что я убийца. Довольно, хватит с меня.

Твердо ступая, мистер Хаттон пошел к двери. Он знал, что наговорил ужасных вещей, недопустимых вещей, что надо немедленно взять свои слова обратно. Но нет, этого он делать не станет. Он затворил за собой дверь.

– Котик! – Он повернул дверную ручку, язычок щелкнул. – Котик! – В голосе, который донесся до него сквозь запертую дверь, была мука. «Вернуться? Да, надо? вернуться». Он взялся за ручку, тут же отдернул пальцы и быстро зашагал прочь, но на середине лестницы остановился. Она способна сотворить любую глупость – выброситься из окна, сделать Бог знает что... Он внимательно прислушался – все было тихо. Но ему ясно представилось, как она на цыпочках идет к окну, поднимает раму, насколько можно, и высовывается наружу на холодный вечерний воздух. Шел небольшой дождь. Под окном каменная терраса. Сколько до нее? Футов двадцать пять – тридцать? Однажды он шел по Пикадилли, и с третьего этажа отеля «Риц» свалилась собака. Он видел, как она упала, слышал стук о тротуар. Вернуться? Да ни за что в жизни. Он ненавидел ее.

Он долго сидел у себя в кабинете. «Что произошло? Что происходит?» Он прикладывал и так и сяк, но не находил ответа на свой вопрос. «А что, если придется досмотреть этот кошмар до страшного конца? Ему грозит смерть». Из глаз у него потекли слезы; он так страстно хотел жить. «Хорошо жить на свете. Несчастной Эмили тоже хотелось жить», – вспомнилось ему. «Да, жить хорошо. Есть еще столько мест в этом удивительном мире, где он не успел побывать, столько милых, забавных женщин, с которыми он не успел познакомиться, столько очаровательных женщин, которых он и в глаза не видал. Могучие белые волны по-прежнему будут медленно влачить свои повозки по тосканским дорогам; кипарисы, стройные, как колонны, будут все так же вздыматься в голубое небо; но он ничего этого не увидит.

А сладкие южные вина – «Слеза Христова» и «Иудина кровь»? Не он будет пить их – другие, но не он. Другие будут бродить по узким полутемным проходам между книжными полками в недрах Лондонской библиотеки, вдыхать приятный пыльный запах хороших книг, вглядываться в незнакомые заглавия на корешках, открывать неизвестные имена, вести разведку на подступах к необъятному миру познания. Он будет лежать в земле, на дне глубокой ямы. Но за что, за что?» Смутно он чувствовал в этом какой-то не поддающийся разуму акт справедливости. В прошлом он был полон легкомыслия, глупости, совершал безответственные поступки. Теперь судьба вела с ним такую же легкомысленную, безответственную игру. Значит, око за око, значит. Бог все-таки есть.

Ему захотелось молиться. Сорок лет назад он каждый вечер становился на колени у своей кровати. Ежевечерняя формула детства сама собой вернулась к нему из какой-то давным-давно замкнутой на замок каморки памяти. «Боженька, храни папу и маму. Тома, сестренку и маленького братца, мадемуазель и няню и всех, кого я люблю, и сделай так, чтобы я стал хорошим мальчиком. Аминь». Все они давно умерли, все, кроме Сисси.

Мысли его утихли и словно размылись; великий покой объял душу. Он поднялся, наверх по лестнице просить прощения у Дорис. Она лежала на кушетке в ногах кровати. Рядом, на полу, валялся синий флакон с жидкостью для растирания; на этикетке надпись:

«НАРУЖНОЕ».

Она, должно быть, выпила не меньше половины его содержимого.

– Ты не любил меня, – только и выговорила она, открыв глаза и увидев его, склонившегося над ней.

Доктор Либбард приехал вовремя и успел предотвратить серьезные последствия.

– Больше так делать нельзя, – сказал он, когда мистеру Хаттон вышел из комнаты.

– А что меня остановит? – вызывающе спросила Дорис.

Доктор Либбард устремил на нее взгляд своих больших печальных глаз.

– Никто и ничто, – сказал он. – Никто, кроме вас и вашего ребенка. Разве это справедливо, если вы не дадите вашему ребенку родиться на свет Божий только потому, что вам самой захотелось уйти из него?

Дорис долго молчала.

– Хорошо, – наконец прошептала она. – Больше не буду.

Остаток ночи мистер Хаттон просидел у ее кровати. Теперь он и вправду считал себя убийцей. Он пробовал внушить себе, что любит эту жалкую девочку. Он задремал в кресле и очнулся, весь окостеневший, продрогший, – очнулся с ощущением полной пустоты в душе. От него прежнего не осталось ничего, кроме усталости, страдающего остова. В шесть часов утра он разделся, лег в постель и уснул часа на два. В тот же день коронер вынес решение о «предумышленном убийстве», и дело мистера Хаттона передали в суд.

VI

Мисс Спенс чувствовала себя плохо. Выступления на людях в качестве свидетельницы оказались весьма тя-

гостными, и, когда все кончилось, у нее было нечто вроде депрессии. Она плохо спала и страдала нарушением пищеварения на нервной почве. Доктор Либбард навещал ее каждый день. Она подолгу говорила с ним, все больше о деле Хаттона... Ее возмущенные чувства не сходили с точки кипения. Подумать только, что у тебя в доме бывал убийца, просто ужас берет! Подумать только, как долго можно ошибаться в человеке! (Правда, у нее-то с самого начала были кое-какие подозрения.) А эта девица, с которой он сбежал, – она же из простых, чуть ли не с панели. Весть о том, что вторая миссис Хаттон ожидает ребенка, который родится после смерти отца, осужденного и казненного преступника, возмутила ее, в этом было что-то оскорбительное, непристойное. Доктор Либбард отвечал ей мягко, уклончиво и прописывал бром.

Однажды утром он перебил на полуслове ее обычные тирады.

– Между прочим, – сказал он, как всегда, ровным и печальным голосом, – ведь это вы отравили миссис Хаттон?

Две-три секунды мисс Спенс смотрела на него в упор своими огромными глазами, потом чуть слышно проговорила:

– Да, – и заплакала.

– Подсыпали в кофе?

Она кивнула, по-видимому, утвердительно. Доктор Либбард вынул вечное перо и своим четким каллиграфическим почерком выписал ей рецепт на снотворное.